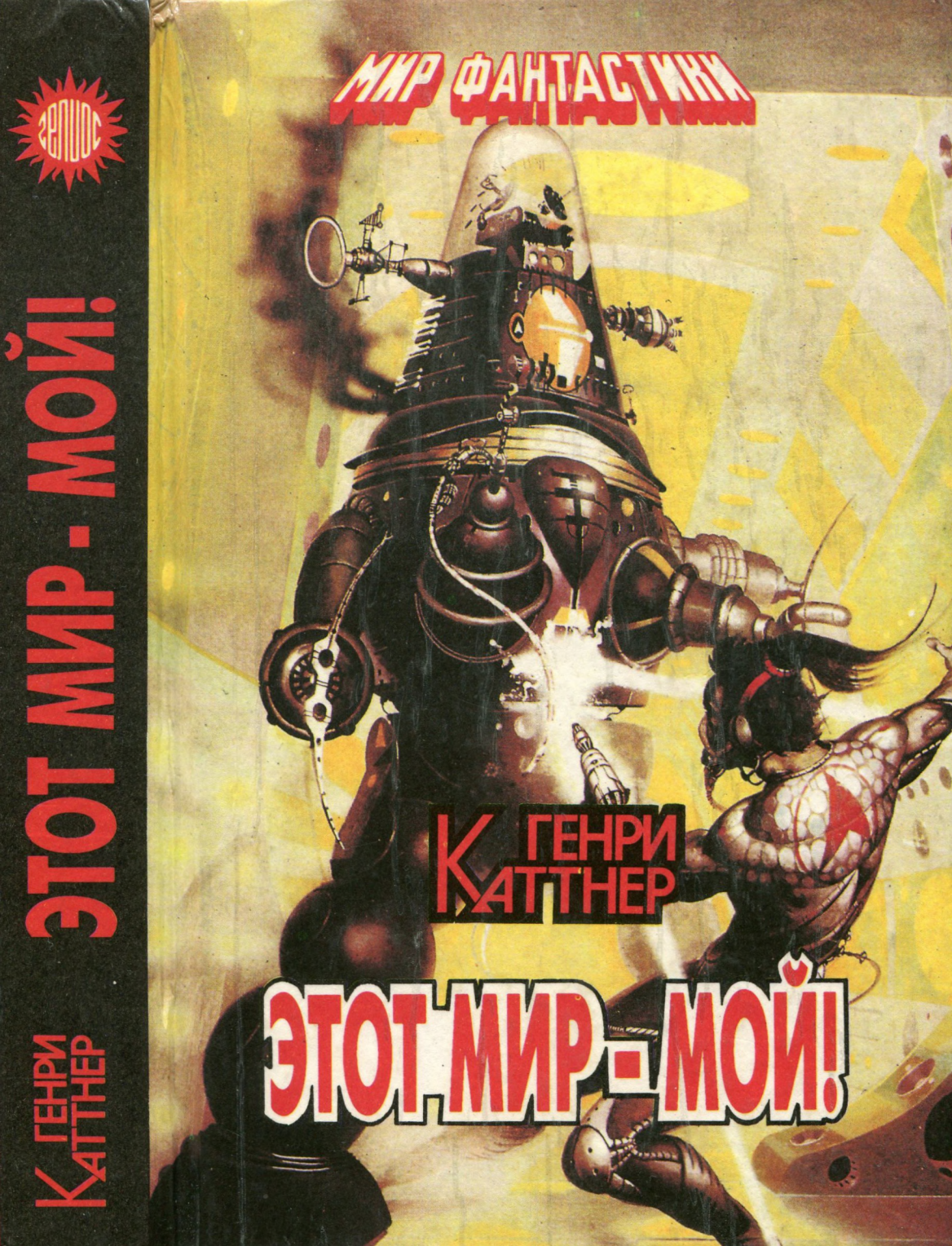
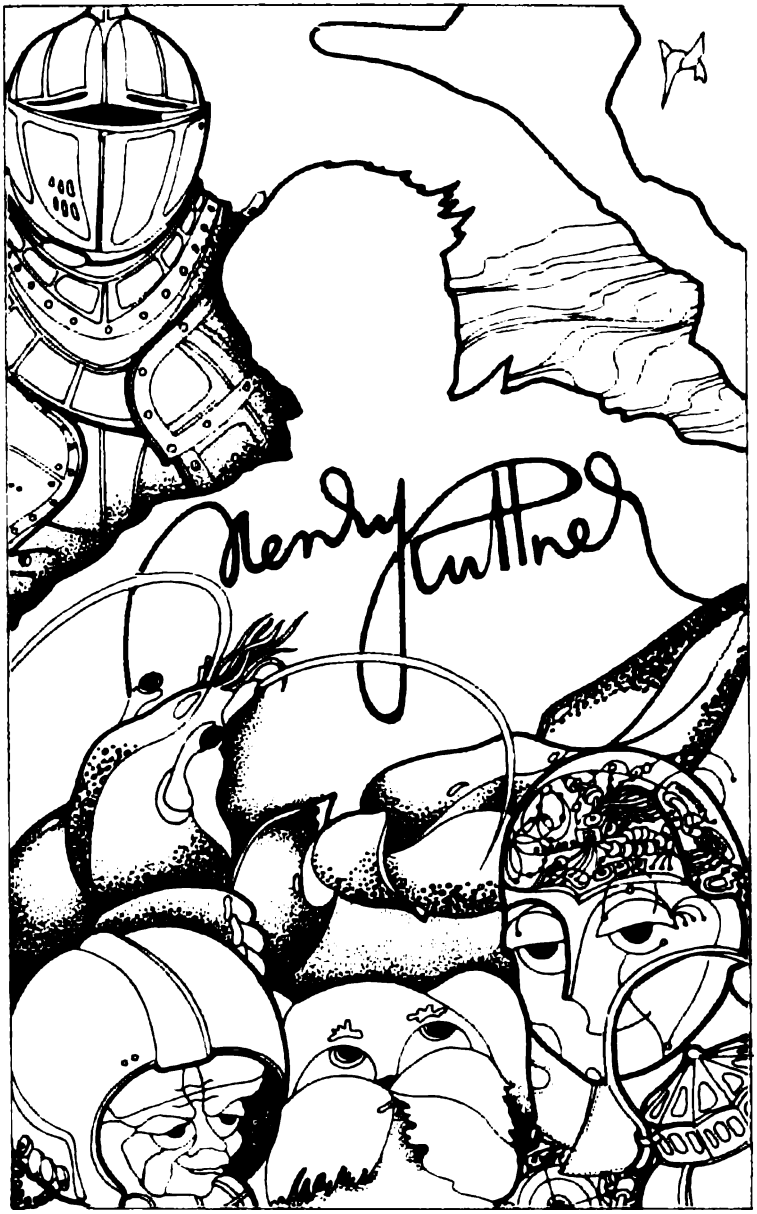

МИР ФАНТАСТИКИ
ГЕНРИ КАТТНЕР
ЭТОТ МИР - МОЙ!
ГЕНРИ КАТТНЕР
ЭТОТ МИР - МОЙ!

МИР ФАНТАСТИКИ

ГЕНРИ КАТТНЕР

ЭТОТ МИР - МОЙ!

НПП "Параллель"
Н. Новгород,
1993

ББК 84.7 США

К 29

Художник Ю. Лук

На обложках использованы работы
Криса Ахиллеоса

Генри Каттнер. Этот мир — мой! Фантастические рассказы и повесть. Пер. с англ. Н. Гузнинова. — НПП "Параллель", Н.Новгород совместно с ГИПП "Нижполиграф", 1993. — 512 с.

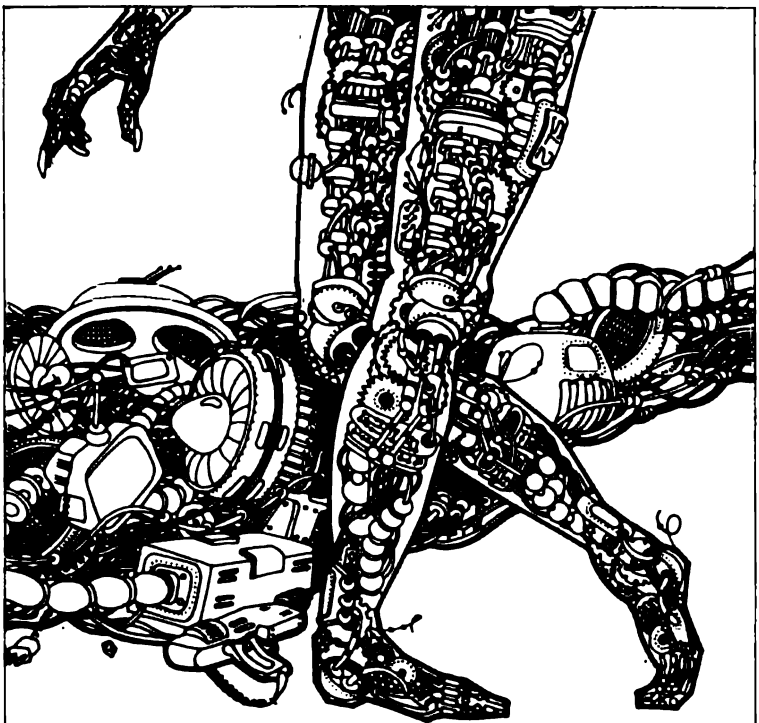
ISBN 5-86067-011-7

Сборник блистательного американского фантаста Генри Каттнера (1915—1958) впервые познакомит читателей с полным циклом произведений об изобретателе Галлоуэе Гэллегере и другими рассказами, а также повестью "Долина пламени".

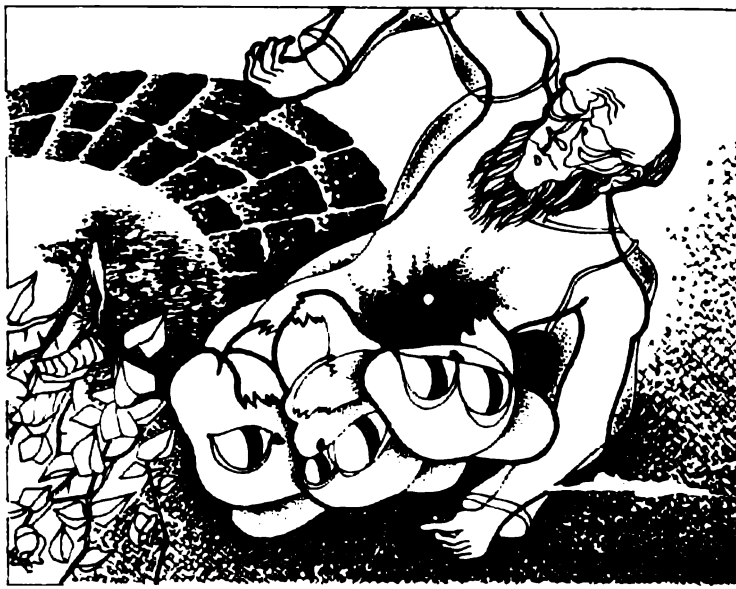
Ф $\frac{4703040100\text{-}011}{3E8(03)\text{-}93}$ без объявления ББК 84.7 США

ISBN 5-86067-011-7

© НПП "Параллель", перевод, 1993
© НПП "Параллель", Ю. Лук, иллюстрации, 1993

ЭТОТ МИР - МОЙ!

ЭТОТ МИР — МОЙ!

— Впусти меня! — пищало за окном создание, похожее на кролика. — Впусти меня! Этот мир — мой!

Гэллегер автоматически скатился с дивана, встал, пошатываясь под бременем похмелья и огляделся. Знакомая лаборатория, угрюмая в сером свете утра, обрела более-менее определенные формы. Два генератора, украшенные станиолем, словно смотрели на него, оскорбленные своим праздничным нарядом. Откуда этот станиоль? Наверняка, после вчерашней попойки. Гэллегер попытался собрать разбегающиеся мысли. Похоже, вчера он решил, что уже Рождество.

Пока он это обдумывал, вновь послышался тот же писклявый крик. Гэллегер осторожно, вручную повернул голову, потом повернулся весь. Сквозь плексиглас ближайшего окна на него смотрела морда: маленькая и жуткая.

С похмелья лучше не видеть таких харь. Уши были огромные, круглые, поросшие шерстью, глаза гигантские, а под ними — розовая пуговка вместо носа, она непрерывно дрожала и морщилась.

— Впусти меня! — вновь крикнуло существо. — Я должен завоевать ваш мир!

— Ну и что? — буркнул Гэллегер, но доплелся до двери и открыл ее.

Двор был пуст, если не считать трех невероятных существ, что рядком стояли перед ним. Их тела, покрытые белым мехом, были толстые, как подушки. Три розовых носика сморщились, три пары золотистых глаз внимательно разглядывали Гэллегера. Три пары толстых ног одновременно шагнули, и существа переступили через порог, едва не опрокинув при этом Гэллегера.

Это было уже слишком. Гэллегер бросился к своему алкогольному органу, быстро смешал коктейль и влил его в себя. Стало лучше, но ненамного. Трое гостей то ли сидели, то ли стояли, но по-прежнему рядком, и смотрели на него, не мигая.

Гэллегер брякнулся на диван.

— Кто вы? — потребовал он объяснений.

— Мы либли, — сказал тот, что расположился поближе.

— Ага... — Гэллегер задумался. — А кто такие либли?

— Это мы, — ответили все трое.

Возник явный порочный круг, который, впрочем, был разрушен, когда груда одеял в углу зашевелилась, явив свету божьему морщинистое лицо орехового цвета. Появился мужчина — худой, старый и быстроглазый.

— Зачем ты их впустил, дурень? — спросил он.

Гэллегер попытался что-нибудь припомнить. Старик, разумеется, был его дедом, явившимся со своей фермы в Мэйне погостить на Манхеттене. Вчера вечером... Кстати, что было вчера вечером? Как в тумане вспомнились ему похвальба деда насчет того, сколько он может выпить, и неизбежный результат этого — соревнование. Дед выиграл. Но что было еще?

Об этом он и спросил.

— А ты что, сам не помнишь? — спросил дед.

— Я никогда не помню, — ответил Гэллегер. — Именно так я изобретаю: надерусь и... готово. Никогда не знаю, как. По наитию.

— Ага, — кивнул дед. — Именно это ты вчера и сделал. Видишь?

Он указал в угол лаборатории, где стояла высокая машина, чье назначение Гэллегер никак не мог определить. Машина тихо шумела.

— Вижу. А что это такое?

— Это ты ее сделал. Вчера вечером.

— Я?! А зачем?

— Откуда мне знать? — Дед со злостью посмотрел на него. — Начал орудовать инструментами и в конце концов

смастрячил ее. Потом сказал, что это машина времени и включил ее, направив для безопасности на двор. Мы вышли посмотреть, но тут, откуда ни возьмись, выскочили эти трое, и мы быстренько смылись. Что мы будем пить?

Либли принялись нетерпеливо ерзать.

— На дворе всю ночь было холодно, — укоризненно сказал один из них. — Ты должен был нас впустить. Этот мир принадлежит нам.

Лошадиное лицо Гэллегера вытянулось еще больше.

— Ага. Если я построил машину времени, — хотя совершенно этого не помню, — значит, вы явились сюда из какого-то другого времени. Верно?

— Конечно, — подтвердил один из либлей. — Пятьсот лет или около того.

— Но ведь вы не... люди? Я хочу сказать, мы не превратимся в вас?

— Нет, — самодовольно ответил самый толстый либль. — Вам понадобилась бы не одна тысяча лет, чтобы сравняться с нами. Мы с Марса.

— Марс... будущее... Но вы же говорите по-английски!

— Почему бы и нет? В наше время на Марсе живут земляне. Мы читаем по-английски, говорим и все знаем.

— И ваша раса доминирует на Марсе?

— Ну-у, не совсем, — либль заколебался. — Не на *всем* Марсе.

— Даже не на половине, — угрюмо добавил другой.

— Только в Долине Курди, — сообщил третий. — Но Долина Курди — центр Вселенной. Очень высокая цивилизация. У нас есть книги о Земле и других местах. Кстати, мы хотим завоевать Землю.

— В самом деле? — машинально спросил Гэллегер.

— Да. Понимаешь, мы не могли сделать это в наше время — земляне не разрешали нам, но теперь все будет просто. Вы все будете нашими рабами, — сказал либль. Роста в нем было сантиметров тридцать.

— У вас есть какое-нибудь оружие? — спросил дед.

— Нам оно ни к чему. Мы мудрые и знаем все. Наша память очень вместительна. Мы можем построить дезинтеграторы, тепловые излучатели, космические корабли...

— Нет, не можем, — перебил его второй либль. — У нас нет пальцев.

Это была правда: косматые лапки либлей ни на что путное не годились.

— Но мы заставим землян сделать нам оружие, — сказал первый.

Дед тяпнул виски и передернулся.

— У тебя что, всегда так? — спросил он. — Знал я, что ты большой ученый, но думал, что ученые делают всякие колотушки для атомов. На кой черт тебе машина времени?

— Она принесла нас, — сказал либль. — Ах, какой счастливый день для Земли!

— Это как посмотреть, — заметил Гэллегер. — Но прежде, чем вы отправите ультиматум в Вашингтон, может, я вас чем-нибудь угощу? Блюдечко молока, а?

— Мы не животные! — оскорбился толстый либль. — Мы пьем из чашек, честное слово!

Гэллегер принес три чашки, подогрел немного молока и налил. Чуть поколебавшись, он поставил чашки на пол — для этих маленьких существ столы были слишком высоки. Пропищав «спасибо», либли взяли чашки задними лапками и принялись лакать длинными розовыми язычками.

— Вкусно, — сказал один.

— Не болтай с полным ртом, — оборвал его толстый. Похоже, он был у них за шефа.

Гэллегер вытянулся на диване и взглянул на деда.

— Эта машина времени... — проговорил он. — Я ничего не помню. Нужно будет отправить либлей домой, но разработка метода займет у меня какое-то время. Иногда мне кажется, что я слишком много пью.

— Гони эти мысли прочь, — сказал дед. — Когда я был в твоем возрасте, мне не нужна была машина времени, чтобы увидеть тридцатисантиметровых зверушек. Для этого хватало пшеничной, — добавил он, облизывая сморщенные губы. — Ты слишком много работаешь, вот что.

— Ну-у... — протянул Гэллегер, — от этого никуда не деться. А зачем я вообще ее делал?

— Не знаю. Болтал что-то об убийстве собственного деда и о предсказании будущего. Я ничего не понял.

— Минуточку! Я что-то припоминаю. Это хрестоматийный парадокс путешествия во времени — убийство собственного деда...

— Как ты начал об этом болтать, я сразу за топор, — сказал дед. — Мне еще рано протягивать ноги. — Он захохотал. — Я помню еще какую-то дрянь с привкусом бензина... но чувствую себя отлично.

— А что было потом?

— Из машины или откуда-то еще выскочили эти крошки. Ты сказал, что машина плохо настроена, и подправил ее.

— Интересно, что же пришло мне в голову, — задумался Гэллегер.

Либли допили молоко.

— Готово, — сказал толстый. — Теперь пора завоевывать мир. С чего нужно начинать?

Гэллегер пожал плечами.

— Боюсь, что не смогу вам ничего присоветовать. Меня никогда к этому не влекло. Не представляю, как за это берутся.

— Сначала мы разрушим большие города, — оживленно сказал самый маленький либль, — а потом захватим самых красивых девушек и потребуем выкуп. Все испугаются, и мы победим.

— Как ты до этого додумался? — спросил Гэллегер.

— Все это есть в книгах. Так всегда делают, мы точно знаем. Мы будем тиранами и будем всех мочить. Можно еще молока?

— И мне тоже, — хором произнесли двое других.

Улыбаясь, Гэллегер налил им еще.

— Похоже, вы не очень-то удивились, оказавшись здесь.

— Это тоже есть в книгах. Хлюп-хлюп.

— В смысле... то, что здесь сейчас происходит?

— Нет, о путешествии во времени. В наши дни все романы пишут о науке и прочих таких вещах. Мы много читаем, а то в Долине почти нечего делать, — печально закончил либль.

— Вы читаете только об этом?

— Нет, мы читаем все: и научные книги, и романы. Как делать дезинтеграторы и тому подобное. Мы расскажем тебе, как нужно сделать оружие для нас.

— Спасибо. И такие книги у вас всем доступны?

— Конечно. А почему бы и нет?

— Мне кажется, это опасно.

— Мне тоже, — задумчиво сказал толстый либль. — Но почему-то ничего не случается.

Гэллегер помолчал.

— А вы можете рассказать мне, как делать тепловой излучатель?

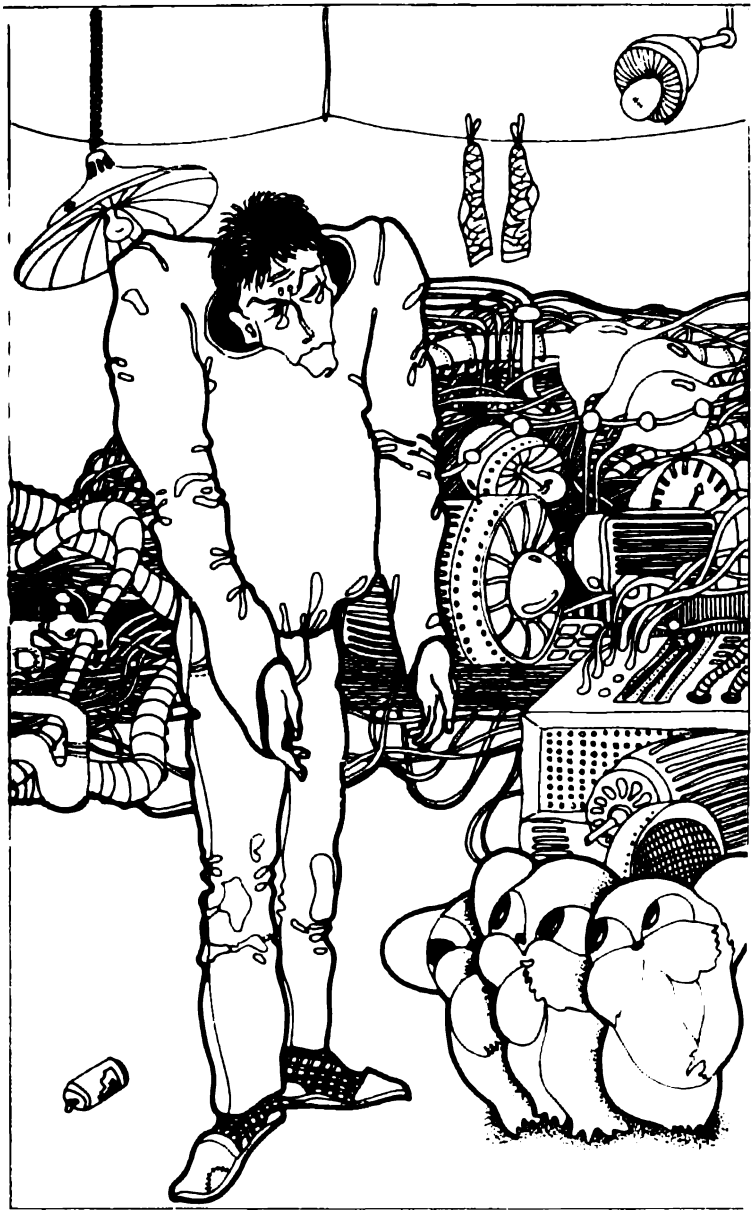
— Да. А потом разрушим большие города и захватим...

— Знаю-знаю — захватите красивых девушек и потребуете выкуп. А зачем?

— Мы знаем, как нужно себя вести, — ответил один из либлей. — Мы книги читаем, честное слово. — Молоко пролилось из его чашки, он посмотрел на лужу, и уши у него от огорчения поникли.

Двое остальных утешающе похлопали его по спине.

— Не плачь, — велел самый большой.

— Но я должен, — сказал либль. — Так написано.

— Ты все перепутал. Над разлитым молоком не плачут.

— Нет, плачут. И я буду, — уперся первый и принялся рыдать.

Гэллегер принес ему еще молока.

— Так что с этим тепловым излучателем?

— Это просто, — сказал толстый либль и объяснил, в чем дело.

Действительно, это было просто. Дед, конечно, ни хрена не понял, но с интересом смотрел, как работает Гэллегер. Через полчаса все было готово. Это на самом деле оказался тепловой излучатель: он прожег дыру в дверце шкафа.

— Фью! — присвистнул Гэллегер, глядя на дымок от обугленного дерева. — Надо же! — Он взглянул на металлический цилиндр, который держал в руке.

— Человека этим тоже можно убить, — буркнул толстый либль. — Как того, во дворе.

— Да, мож... Что?! Где?

— Во дворе. Мы сначала сидели на нем, но потом он остыл. У него в груди дыра.

— Это ваша работа, — обвиняюще сказал Гэллегер.

— Нет. Он, наверное, тоже из другого времени. Тепловой излучатель прожег в нем дыру.

— Кто... кто он?

— Я его никогда раньше не видел, — ответил толстый либль, явно теряя интерес к этой теме. — Я хочу еще молока. — Он запрыгнул на рабочий стол Гэллегера и выглянул в окно. — Йо-хо! Этот мир — наш!

В дверь позвонили.

— Дед, посмотри, кто там, — сказал слегка побледневший Гэллегер. — Наверное, кредитор. Они привыкли уходить отсюда пустыми. О боже, я еще никого не убивал...

— А я уже... — буркнул дед перед тем, как выйти, но не объяснил, что имеет в виду.

Гэллегер в обществе маленьких либлей вышел во двор. Случилось непоправимое: посреди розовых кустов лежал труп мужчины, старого и бородатого, совершенно лысого. Труп был одет в странный наряд — что-то вроде эластичного цветного целлофана. В груди его зияла большая дыра, прожженная тепловым излучателем.

— Он мне кого-то напоминает, — заметил Гэллегер. — Не знаю только, кого. Он выпал из времени уже мертвый?

— Мертвый, но еще теплый, — ответил либль. — Это было приятно.

Гэллегер содрогнулся — отвратительные маленькие чудовища. Но, видимо, они безвредны, иначе не получили бы доступа к опасной информации. Присутствие либлей беспокоило Гэллегера куда меньше, чем присутствие трупа.

Откуда-то издалека донеслись протесты деда.

Либли вдруг попрятались под кустами, а во двор вышли дед и еще трое мужчин. При виде голубых мундиров и сверкающих пуговиц Гэллегер бросил тепловой излучатель на грядку, для верности нагреб на него ногой земли и изобразил нечто вроде приветливой улыбки.

— Привет, парни. Я как раз собирался звонить вам. Кто-то подкинул труп ко мне во двор.

Как заметил Гэллегер, двое из визитеров были полицейскими — хорошо сложенные, недоверчивые и быстроглазые. Третьим был невысокий элегантный человечек со светлыми волосами, приклеенными к узкой голове, и тонкими усиками под носом. Он немного напоминал лису.

На груди его красовался Знак Почетного Полицейского, а это могло значить и много, и мало, в зависимости от того, кто его носит.

— Я не мог их удержать, — сказал дед. — Так что тебе конец, молодой человек.

— Это он так шутит, — объяснил Гэллегер полицейским. — Честное слово, я уже собирался...

— Довольно. Как вас зовут?

Гэллегер представился.

— Угу. — Полицейский присел, чтобы осмотреть тело. — Ого! Что вы с ним сделали?

— Ничего. Когда я вышел утром, он уже лежал здесь. Может, выпал из какого-то окна. — Гэллегер указал на небоскребы вокруг.

— Он не выпал — ни одна кость не сломана. Выглядит он так, словно вы проткнули его раскаленной докрасна кочергой, — заметил полицейский. — Кто это такой?

— Не знаю. Я никогда его не видел. А кто вам сказал...

— Никогда не оставляйте труп на виду, мистер Гэллегер. Кто-нибудь сверху — оттуда, например, — может его увидеть и позвонить в полицию.

— Ага, понимаю.

— Мы узнаем, кто его убил, — с иронией заметил полицейский, — пусть это вас не тревожит. И узнаем, кто он. А может, вы сами нам расскажете?

— Доказательства...

— Достаточно. — Огромные ладони хлопнули. — Я позвоню, чтобы приехал коронер. Где видеофон?

— Дед, покажи ему, — устало сказал Гэллегер.

Элегантный человечек со светлыми волосами сделал шаг вперед.

— Гроарти, осмотрите дом, пока Баннистер говорит по видео. Я останусь здесь, с мистером Гэллегером.

— Так точно, мистер Кэнтрелл.

Полицейские ушли вместе с дедом.

— Прошу прощения, — сказал Кэнтрелл, быстро шагнул вперед и присел. Воткнув тонкие пальцы в землю у ног Гэллегера, он вытащил тепловой излучатель и с легкой улыбкой принялся его разглядывать. Гэллегер затаил дыхание.

— Интересно, откуда это здесь взялось? — пробормотал он, лихорадочно придумывая выход.

— Это вы его спрятали, — ответил Кэнтрелл. — Я видел. К счастью, полицейский ничего не заметил. Пожалуй, я оставлю эту штуку себе. — Он сунул цилиндр в карман. — Вещественное доказательство, а? Рана в вашем трупе довольна необычна...

— Это не мой труп!

— Он лежит на вашем дворе. Мистер Гэллегер, меня очень интересует оружие. Что это за устройство?

— Это... это просто фонарик.

Кэнтрелл вынул цилиндр из кармана и направил на Гэллегера.

— Понимаю. Если я нажму вот эту кнопку...

— Это тепловой излучатель, — быстро сказал Гэллегер, отступая в сторону. — Ради бога, осторожнее!

— Гмм... Его сделали вы?

— Да...

— И убили им этого человека?

— Нет!

— Советую вам не распространяться на эту тему, — сказал Кэнтрелл, снова пряча цилиндр в карман. — Как только полиция наложит на него лапы, вам крышка. Ни одно известное оружие не наносит таких ран, и им будет нелегко доказать, что это ваша работа. Мистер Гэллегер, я почему-то верю, что не вы убили этого человека. Сам не знаю, почему. Может, учитываю вашу репутацию. Известно, что вы довольно эксцентричны, но известно также, что вы неплохой изобретатель.

— Спасибо, — сказал Гэллегер. — Но... это мой излучатель.

— Может, мне представить его как вещественное доказательство номер один?

— Он ваш.

— Договорились, — с улыбкой сказал Кэнтрелл. — Я посмотрю, что можно для вас сделать.

Как выяснилось, мог он не так уж много. Почти любой может получить Знак Почетного Полицейского, но политические связи не обязательно означают волосатую лапу в полиции. Однажды запущенную машину закона остановить было нелегко. К счастью, в те времена права личности были священны, что, впрочем, объяснялось развитием телекоммуникаций: ни один преступник просто-напросто не мог скрыться. Гэллегеру было предписано не покидать Манхеттен, и полиция не сомневалась, что едва он попытается это сделать, система видеотелефонов мигом сядет ему на хвост. Не требовалось даже выставлять охранников. Трехмерное фото Гэллегера уже попало в картотеки транспортных центров Манхеттена, и если бы он попытался купить билет на стратоплан или на ховер, его бы немедленно опознали, отчитали и отправили домой.

Сбитый с толку коронер повез труп в морг, полицейские и Кэнтрелл удалились. Дед, трое либлей и Гэллегер остались в лаборатории, сидели, ошеломленно переглядываясь.

— Машина времени, — сказал Гэллегер, нажимая кнопки алкогольного органа. — Надо же! И зачем я все это сделал?

— Они ни в чем не могут тебя обвинить, — заметил дед.

— Правосудие стоит дорого. Если я не найду хорошего адвоката, мне конец.

— А разве суд не может дать тебе адвоката?

— Может, только мне это не поможет. Юриспруденция в наши дни похожа на игру в шахматы: требуется сотрудничество множества специалистов, чтобы изучить все возможные подходы. Меня могут приговорить, если я пропущу хоть один крючок. Именно адвокаты контролируют политическую власть, дедушка. Есть у них и свои лоббисты. Вина и невиновность ничего не значат по сравнению с хорошим адвокатом. А это требует денег.

— Деньги не понадобятся, — сказал толстый либль. — Когда мы завоюем мир, то введем свою денежную систему.

Гэллегер не обратил на него внимания.

— Дед, у тебя есть деньги?

— Нет. В Мэйне мне немного нужно.

Гэллегер окинул взглядом лабораторию.

— Может, что-нибудь продать?.. Этот тепловой излучатель... хотя, нет. Мне крышка, если кто-нибудь узнает, что он у меня есть. Надеюсь, Кэнтрелл никому его не покажет. Машина времени... — Он подошел к загадочному агрегату и осмотрел его. — Жаль, не помню, как она действует. И на кой черт...

— Но ведь ты собрал ее сам, разве нет?

— Ее собрало мое подсознание. Оно любит такие фокусы. Интересно, зачем тут этот рычаг? — Гэллегер проверил его. Ничего не произошло. — Все это так сложно. Если я не узнаю, как она действует, значит, не смогу на ней заработать.

— Вчера вечером, — задумчиво произнес дед, — ты кричал о каком-то Хеллвиге, который что-то тебе заказал.

Глаза Гэллегера вспыхнули, но ненадолго.

— Помню, — сказал он. — Это полный нуль с манией величия. Он жаждет славы и сказал, что даст мне кучу денег, если я ему это обеспечу.

— Ну, так валяй!

— А как? — спросил Гэллегер. — Я мог бы изобрести что-нибудь и отдать ему, чтобы он выдал за свое, но ведь никто не поверит, что такой болван, как Руфус Хеллвиг способен на большее, чем сложить два и два. А может, даже это выше его сил. Впрочем...

Гэллегер сел к видеофону, и вскоре на экране появилось жирное белое лицо. Руфус Хеллвиг был чудовищно толстым лысым мужчиной. Больше всего он походил на идиота в крайней стадии монголизма. Деньги обеспечили ему власть, но, к величайшему его сожалению, не позволили добиться всеобщего уважения. Никто им не восхищался, над ним просто смеялись, поскольку кроме денег у него за душой не было ничего. Некоторые магнаты относятся к этому спокойно, но Хеллвиг был не из таких. Сейчас он смотрел на Гэллегера волком.

— Что-то придумали?

— Да, работаю над одной вещью. Но это дорого стоит, и мне нужен аванс.

— Ага... — сказал Хеллвиг неприятным тоном. — Аванс. Но вы уже получили один на прошлой неделе.

— Может, и получил, — согласился Гэллегер. — Не помню.

— Вы были пьяны.

— Да ну?!

— И цитировали Хайяма.

— Что именно?

— Что-то о весне, уходящей с розами.

— Значит, точно был пьян, — печально признал Гэллегер. — На сколько я вас раскрутил?

Хеллвиг назвал сумму, и конструктор убито покачал головой.

— Деньги утекают у меня между пальцами, как вода. Ну ладно, дайте мне еще немного.

— Да вы спятили! — рявкнул Хеллвиг. — Сперва покажите результаты, а потом заикайтесь насчет денег!

— В газовой камере я только заикнуться и успею, — заметил Гэллегер, но богач уже отключился.

Дед отхлебнул из стакана и вздохнул.

— А что с этим Кэнтреллом? Может, он поможет?

— Сомневаюсь. Я у него на крючке, а о нем самом не знаю ничего.

— Тогда я, пожалуй, двину обратно в Мэйн, — сказал дед.

Гэллегер вздохнул.

— И ты меня бросаешь?

— Ну, разве что у тебя есть еще немного водки...

— Тебе все равно не уехать: ты теперь соучастник преступления. У тебя точно нет денег?

Дед в этом не сомневался. Гэллегер еще раз взглянул на машину времени и жалобно вздохнул. Черти бы взяли это подсознание! Вот что получается, если знаешь о науке понаслышке, а не как следует. То, что Гэллегер был гением, не мешало ему постоянно впутываться в невероятные неприятности. Он вспомнил, что однажды уже построил машину времени, но она не действовала.

— Интересно, зачем Кэнтреллу этот тепловой излучатель? — задумался Гэллегер.

Либли, изучавшие своими золотистыми глазками и розовыми носами помещение лаборатории, рядком уселись перед Гэллегером.

— Когда мы завоюем мир, тебе не о чем будет беспокоиться, — сказали они ему.

— Спасибо, — ответил Гэллегер. — Вы мне очень помогли. Однако сейчас мне позарез нужны деньги. И много. Я должен нанять адвоката.

— Зачем?

— Чтобы меня не осудили за убийство. Это трудно объяснить, ведь вы не знаете законов нашего времени... — Гэллегер открыл рот. — О, у меня идея!

— Какая?

— Вы рассказали мне, как сделать этот тепловой излу-

чатель. Может, расскажете еще о чем-нибудь? На чем можно быстро заработать?

— Конечно, с удовольствием. Но лучше бы вам воспользоваться обратной мозговой связью.

— В другой раз. Начинайте же. Или нет, лучше я буду спрашивать. Какие устройства есть в вашем мире?

В дверь позвонили. Это явился детектив по фамилии Махони — высокий мужчина с ироничным взглядом и ухоженными черными волосами. Либли, не желавшие, чтобы их видели, пока они не разработают до конца план завоевания мира, поспешно спрятались. Махони приветствовал Гэллегера и деда сдержанным кивком.

— Добрый день. У нас в участке возникла небольшая проблема. Так, ничего серьезного.

— Это неприятно, — согласился Гэллегер. — Выпьете?

— Нет, спасибо. Я хотел бы снять у вас отпечатки пальцев. И рисунок сетчатки, если можно.

— Пожалуйста, пожалуйста.

Махони кликнул техника. Пальцы Гэллегера прижали к особой ткани, а фотоаппарат со специальным объективом сделал снимок палочек, колбочек и кровеносных сосудов глаза. Махони хмуро следил за процедурой. Вскоре техник представил детективу результаты.

— Ну и дела, — сказал Махони.

— О чем это вы? — поинтересовался Гэллегер.

— Этот труп с вашего двора...

— Ну-ну?

— У него те же отпечатки пальцев, что и у вас. И рисунок сетчатки тоже. Этого не объяснить даже пластической операцией. Что это был за парень, мистер Гэллегер?

Конструктор вытаращился на него.

— Черт возьми! Мои отпечатки? Но это же просто невозможно!

— Совершенно верно, — согласился Махони. Вы действительно не знаете, кто это?

Техник, стоявший у окна, протяжно свистнул.

— Эй, Махони, — позвал он, — подойди-ка на минутку. Хочу тебе кое-что показать.

— Это может подождать?

— При нынешней жаре не очень долго, — ответил техник. — Во дворе лежит еще один труп.

Гэллегер с дедом испуганно переглянулись. Они так и остались сидеть, когда детектив и техник поспешно выбежали из лаборатории. Со двора донеслись возбужденные крики.

— Еще один? — спросил дед.

Гэллегер кивнул.

— Похоже на то. Пожалуй, надо...

— Смываться?

— И думать не моги. Надо посмотреть, что там такое на этот раз.

Это и вправду оказался труп. И на сей раз причиной смерти было узкое отверстие, прожженное в жилете из пластикорда и, соответственно, в груди. Несомненно, выстрел из теплового излучателя. Вид убитого поверг Гэллегера в шок — и было от чего: конструктор смотрел на собственный труп!

Впрочем, не совсем. Убитый выглядел лет на десять старше Гэллегера, лицо его было еще более худым, а в черных волосах поблескивала седина. Одежда его была весьма необычного покроя, однако сходство было несомненно.

— Та-ак... — протянул Махони, разглядывая Гэллегера. — Ваш брат-близнец?

— Я удивлен не меньше вас, — слабым голосом пробормотал конструктор.

Махони скрипнул зубами, дрожащей рукой вынул сигару и прикурил.

— Послушайте, — сказал он, — не знаю, что это за фокус, но он мне не нравится. Если и у этого парня отпечатки пальцев и сетчатки окажутся такими же, как у вас... Я вовсе не собираюсь сходить с ума. Ясно?

— Это невозможно, — сказал техник.

Махони загнал всех в дом и позвонил в участок.

— Инспектор? Я насчет тела, которое привезли час назад... помните, дело Гэллегера?

— Вы его нашли? — спросил инспектор.

Махони замер.

— Не понял... Я говорю о теле с непонятными отпечатками пальцев.

— И я о нем же. Нашли вы его или нет?

— Но оно же в морге!

— Было, — сказал инспектор. — Еще десять минут назад. А потом его украли. Прямо из морга.

Махони, облизывая губы, медленно переваривал сообщение.

— Инспектор, — сказал он наконец, — у меня есть для вас тело. Но другое. Я только что нашел его во дворе у Гэллегера. Причина смерти та же.

— Что-о?!

— Дыра, прожженная в груди. Труп здорово похож на Гэллегера.

— Похож на... А как с отпечатками пальцев, которые я велел вам проверить?'

— Я все сделал. Ответ положительный.

— Но это же невозможно!

— Подождите, вот увидите новый труп! — рявкнул Махони. — Пришлите сюда парней, ладно?

— Уже отправляю. Что за сумасшедшее дело...

Экран погас. Гэллегер раздал всем выпивку и брякнулся на диван. Голова у него кружилась.

— Послушай, — сказал дед, — тебя нельзя отдать под суд за убийство того, первого, парня. Если его украли, нет corpus delicti*.

— Чтоб меня... ну, конечно! — Гэллегер вскочил. — Это так, Махони?

Детектив прищурился.

— В общем-то, да. Однако не забывайте о том, что я нашел во дворе. Вас вполне могут отправить в газовую камеру за второго.

— О! — Гэллегер вновь опустился на диван. — Но я же его не убивал!

— Это вы так говорите.

— Разумеется. И дальше буду говорить. Разбудите меня, когда все закончится. Я должен подумать. — Гэллегер сунул мундштук органа в рот, настроил его на медленную подачу и расслабился, потихоньку глотая коньяк. Он закрыл глаза, задумался, но ответа так и не нашел.

Вскоре комната вновь заполнилась людьми, и началась обычная в таких случаях рутина. Гэллегер отвечал на вопросы, используя только часть своего мозга. Наконец полиция уехала, забрав с собой второе тело. Подкрепленный алкоголем разум Гэллегера обострился, его подсознание помалу переводило управление на себя.

— Кажется, я понял, — наконец сказал он деду. — Нука, посмотрим... — Он подошел к машине времени и подергал рычаги. — Нет, не могу ее выключить. Похоже, она настроена на определенное событие. Я начинаю вспоминать, о чем мы говорили вчера вечером.

— О предсказании будущего? — спросил дед.

— Угу. Не было у нас спора насчет того, может ли человек предвидеть собственную смерть?

— Был.

---

* Corpus delicti *(лат.)* — состав преступления.

— Вот тебе и ответ. Я настроил машину так, чтобы она предсказала мою собственную смерть. Она движется вдоль темпоральной линии, догоняет мое будущее in articulo mortis* и переносит мой труп в наше время. То есть, мой будущий труп.

— Спятил, — уверенно констатировал дед.

— Нет, тут все правильно, — настаивал Гэллегер. — Первым трупом был тоже я. В возрасте семидесяти или восьмидесяти лет. Тогда меня убьют выстрелом из излучателя. Через сорок лет или около того, — задумчиво закончил он. — Гм-м... Излучатель у Кэнтрелла...

Дед недовольно скривился.

— А как быть со вторым телом? Не знаешь?

— Разумеется, знаю. Параллельные временные линии. Альтернативное будущее. Вероятности. Слышал о такой теории?

— Не.

— Она утверждает, что существует бесконечное множество различных вариантов будущего. Изменив настоящее, мы автоматически переходим к иному варианту будущего. Нечто вроде переключения железнодорожной стрелки. Если бы ты не женился на бабушке, меня бы здесь сейчас не было. Понятно?

— Не, — ответил дед, наливая себе еще, а Гэллегер продолжал:

— Согласно варианту А, я буду убит выстрелом из теплового излучателя в возрасте около восьмидесяти лет. Я доставил свой труп по временной линии в настоящее и, разумеется, оно изменилось. До этого в варианте А не было места трупу восьмидесятилетнего Гэллегера. Появившись здесь, он изменил будущее. В результате мы переместились на другую временную линию.

— Глупости, — пробормотал дед.

— Тихо, дедуля, дай поразмыслить. В данный момент действует другая линия, вариант В. На этой линии я буду убит из излучателя в возрасте около сорока пяти лет. Поскольку машина настроена так, чтобы переносить сюда мое тело, едва только я умру, она так и сделала — материализовала мой сорокапятилетний труп. А труп восьмидесятилетнего меня, ясно, исчез.

— Ха-ха!

— Так и должно быть. Его просто не существовало в варианте В. Когда вариант В был реализован, вариант А отпал. Равно как и первый труп.

---

* In articulo mortis *(лат.)* — в момент смерти.

Старик вдруг радостно закивал.

— Понял! — воскликнул он. — Решил прикинуться психом? Мудрое решение.

— Ха! — фыркнул в ответ Гэллегер.

Он подошел к машине времени и попытался ее выключить. Ничего не вышло, машина не поддавалась. Казалось, она всецело посвятила себя материализации трупов Гэллегера.

Что же теперь будет? В данный момент действует альтернативный вариант В. Однако, труп В не должен был существовать в конкретном настоящем. Это был фактор *X*.

АВ + *X* = С. Новая переменная и новый труп. Гэллегер поспешно выглянул во двор. Он был пуст, пока, по крайней мере. Слава Богу и за это.

«Так или иначе, — думал Гэллегер, — меня не могут осудить за убийство самого себя. Или могут? Можно ли применить здесь закон, запрещающий самоубийство? Нет, это бред. Я не совершал никакого самоубийства, и по-прежнему жив».

Но раз он был жив, значит, не мог быть мертвым. Гэллегер поспешно подошел к органу, нацедил себе чего покрепче и задумался о смерти. Мысленно он уже видел суд и борьбу невероятных противоречий и парадоксов — процесс века. Если он не найдет лучшего на этой планете адвоката, ему конец.

Потом мелькнула другая мысль, и Гэллегер рассмеялся. Скажем, его осудят за убийство и казнят. Если он умрет в настоящем, его будущий труп тут же исчезнет и corpus delicti не будет. В результате он неизбежно будет реабилитирован после смерти.

Однако мысль эта почему-то не утешала.

Вспомнив, что необходимо действовать, Гэллегер окликнул либлей. Создания уже добрались до коробки с печеньем, но на зов явились немедленно, смущенно стряхивая крошки с усиков.

— Мы хотим молока, — сказал толстый. — Этот мир принадлежит нам.

— Да, — добавил второй, — мы разрушим все города, а потом схватим красивых девушек и потребуем...

— Бросьте, — устало отмахнулся Гэллегер. — Мир может и подождать, а я нет. Мне нужно быстренько что-нибудь изобрести, чтобы немного заработать и нанять адвоката. Я не хочу провести остаток жизни в роли обвиняемого в убийстве моего будущего трупа.

— Здорово! — восхитился дед. — Ты уже говоришь как записной псих.

— Катись отсюда! И подальше. Я занят.

Дед пожал плечами, надел шляпу и вышел, а Гэллегер приступил к допросу либлей.

Вскоре он понял, что толку от них мало. И не в том дело, что либли сопротивлялись; наоборот, они очень хотели ему помочь. Однако они никак не могли понять, что нужно Гэллегеру. Кроме того, их маленькие головенки были до отказа заполнены любимой идеей, так что на все остальное просто места не осталось. Мир принадлежал им, и трудно было поверить, что существуют еще и другие проблемы.

И все-таки Гэллегер не сдавался. В конце концов он наткнулся на то, что ему требовалось, когда либли вновь упомянули об обратной мозговой связи. Устройства для этого в мире будущего были распространены довольно широко. Давным-давно их изобрел человек по фамилии Гэллегер, сообщил ему толстый либль, не замечая явного совпадения.

Гэллегер поперхнулся. Похоже, ему предстояло создать машину для обратной мозговой связи прямо сейчас, раз уж так было записано в истории. С другой стороны, что произойдет, если он этого не сделает? Будущее вновь изменится. «Как же получилось, — задумался он, — что либли не исчезли с первым телом, когда вариант А сменился вариантом В?»

Ответ был прост: дожил Гэллегер до седин или нет, либлям в их марсианской долине до этого дела не было. Когда музыкант берет фальшивую ноту, он может на несколько тактов отойти от верной тональности, но вернется к ней, как только сможет. Похоже, и время стремилось к своему нормальному состоянию.

— В чем заключается эта обратная мозговая связь? — спросил он.

Либли рассказали ему. Гэллегер собрал воедино полученную информацию и решил, что устройство получится странноватое, но практичное. Потом буркнул что-то о безумных гениях — все сводилось именно к этому.

Располагая обратной мозговой связью, любой тупица мог за несколько секунд стать великим математиком. Разумеется, использование этих знаний требовало практики: для начала следовало выработать в себе умение мыслить. Каменщик с корявыми пальцами мог стать первоклассным пианистом, но требовалось время, чтобы его руки стали эластичными и достаточно чуткими. Но самым важным было то, что талант можно было передавать от одного мозга другому.

Заключалось это в индукции электрических импульсов, излучаемых мозгом. Их форма постоянно меняется. Когда человек спит, кривая выпрямляется, когда, скажем, танцует, его подсознание автоматически управляет его ногами, если он, конечно, хороший танцор. Такую кривую можно выделить. Если же ее записать, то элементы, образующие умение танцевать, можно словно пантографом перенести на другой мозг.

Было там и другое, вроде центров памяти и тому подобного, но Гэллегер уже ухватил суть. Ему не терпелось немедленно начать работу, это подходило для одного его плана...

— В конце концов ты научишься мгновенно узнавать линии кривых, — сказал один из либлей. — Это... это устройство часто используется в наше время. Людям, которые не хотят учиться, закачивают в голову знания из мозгов признанных мудрецов. Однажды в нашу Долину пришел землянин, который хотел стать знаменитым певцом, но не имел ни малейшего слуха, ни одной ноты не мог повторить. Он использовал обратную мозговую связь и через шесть месяцев уже пел что угодно.

— А почему только через шесть месяцев?

— У него был нетренированный голос и требовалось время. Но когда он уже вошел в ритм...

— Сделай-ка нам обратную мозговую связь, — предложил толстый либль. — Может, и она пригодится для завоевания Земли.

— Именно ее я и собирался сделать, — ответил Гэллегер. — Но с некоторыми условиями.

Гэллегер позвонил Руфусу Хеллвигу, надеясь, что удастся раскрутить этого магната на аванс, но ничего не получилось. Хеллвиг был упрям.

— Сначала покажите, — уперся он, — а потом получите чек.

— Но деньги мне нужны сейчас, — настаивал Гэллегер. — Я не смогу ничего для вас сделать, если буду казнен за убийство.

— Убийство? А кого вы убили? — спросил Хеллвиг.

— Никого. Его хотят повесить на меня...

— Ну нет, на этот раз я не куплюсь. Без готового результата — никаких авансов, Гэллегер!

— Да вы только послушайте. Хотите петь как Карузо? Танцевать как Нижинский? Плавать как Вейссмюллер? Го-

ворить как Государственный секретарь Паркинсон? Показывать фокусы не хуже Гудини?

— Да, говорите-то вы хорошо, — задумчиво сказал Хелливиг и прервал связь.

Гэллегер с ненавистью посмотрел на экран. Похоже, придется все-таки браться за работу.

Так он и сделал. Его тренированные, умелые пальцы забегали, не отставая от мыслей. Кроме того, помогал алкоголь: он высвобождал подсознание. Если возникали какие-то сомнения, Гэллегер спрашивал либлей. И все-таки дело требовало времени.

В доме не нашлось всех нужных инструментов, поэтому он позвонил в снабженческую фирму и сумел выбить из нее товары в кредит. Работа продолжалась. Один раз ее прервал маленький человечек в котелке, который принес повестку в суд, а потом явился дед, чтобы занять пять кредитов. В город приехал цирк, и дед, как старый и горячий поклонник жанра, не мог позволить себе упустить такую возможность.

— Ты тоже пойдешь? — спросил он. — Может, я поиграю в кости с парнями. Я всегда был в хороших отношениях с циркачами: однажды выиграл пятьсот кредитов у женщины с бородой. Не пойдешь? Ну, желаю удачи!

Дед ушел, а Гэллегер занялся аппаратом для обратной мозговой связи. Либли продолжали таскать печенье и добродушно спорили о том, как поделят мир, когда завоюют. Машина обретала форму медленно, но неумолимо.

Что касается машины времени, то новые попытки выключить ее доказали одно: машину зациклило. Похоже, она замкнулась в кольце определенных действий, и не могла из него выйти. Машина была настроена на доставку трупов Гэллегера и, пока не выполнила своего задания полностью, упрямо отказывалась выполнять иные поручения.

— «Однажды манекенщица из Бостона...» — рассеянно бормотал Гэллегер. — Посмотрим, посмотрим. Здесь нужен узкий луч... Вот так. «Но дело не вышло, поскольку тот мистер...» Если изменить чувствительность рецепторов... Ага... «Имел слишком много бонтона». Так, хватит...

Была уже ночь, но Гэллегер не отдавал себе отчета, сколько прошло времени. Либли, объевшиеся краденым печеньем, не вмешивались только время от времени требовали молока. Гэллегер непрерывно пил, поддерживая подсознание в рабочем состоянии. Наконец он вздохнул, посмотрел на готовый аппарат для обратной мозговой связи, тряхнул головой и открыл дверь. Перед ним был пустой двор.

Хотя

Нет, все-таки пустой. Альтернативный вариант В продолжался. Гэллегер вышел и подставил разгоряченное лицо холодному ночному ветерку. Сверкающие небоскребы Манхеттена отгораживали его от темноты ночи, летающие машины мелькали над головой, словно сумасшедшие светлячки.

Где-то совсем рядом послышался глухой шум, и удивленный Гэллегер повернулся. Неизвестно откуда появилось очередное тело и лежало теперь посреди двора, глядя в небо мертвыми глазами. Чувствуя холод в желудке, Гэллегер подошел ближе. Это был труп мужчины средних лет — где-то между пятьюдесятью и шестьюдесятью — с шелковистыми черными усами и в очках. Сомнений не было: это вновь был Гэллегер. Постаревший и измененный вариантом С — уже С, а не В — и по-прежнему с дырой в груди.

Гэллегер подумал, что именно в этот момент труп Б должен исчезнуть из полицейского морга, как и предыдущий.

Значит, в варианте С Гэллегеру предстояло умереть только после пятидесяти, но и в этом случае причиной смерти оставался выстрел из излучателя. Гэллегер подумал о Кэнтрелле, который забрал излучатель, и содрогнулся. Дело запутывалось все больше.

Наверняка, скоро появится полиция. Гэллегер почувствовал, что голоден. В последний раз взглянув на свое собственное мертвое лицо, конструктор вернулся в лабораторию, захватил по пути либлей и загнал их на кухню, где быстро приготовил ужин. К счастью, в холодильнике нашлись бифштексы, и либли с жадностью проглотили свои порции, наперебой щебеча о своих фантастических планах. Они уже решили, что Гэллегер будет у них главным визирем.

— А он достаточно жесток? — спросил толстый.

— Не знаю.

— В книжках великий визирь всегда очень жесток. Йохо! — толстый либль поперхнулся кусочком бифштекса. — Уг-угтл-улп! Мир принадлежит нам!

«Ну и мания! — задумался Гэллегер. — Неисправимые романтики. Их оптимизм, мягко говоря, исключителен».

Когда он бросил тарелки в мойку и подкрепился пивом, собственные проблемы вновь навалились на него. Аппарат для обратной мозговой связи должен работать, гениальное подсознание и вправду собрало его.

Черт побери, конечно, он должен работать. Иначе либли не говорили бы, что эту штуку давным-давно изобрел Гэллегер. Однако он не мог использовать Хеллвига в качестве подопытного кролика.

Когда в дверь постучали, Гэллегер торжествующе щелкнул пальцами. Это, конечно, дед. Вот оно, решение.

Появился сияющий дед.

— Ну и здорово было! В цирке всегда здорово. Держи двести, чучело. Мы сгоняли в покер с татуированным человеком и еще одним парнем, который прыгает с лестницы в ванну с водой. Мировые парни. Завтра я снова пойду к ним.

— Спасибо, — сказал Гэллегер.

Две сотни не решали проблемы, но он не хотел огорчать старика. Затащив деда в лабораторию, он объяснил ему, что хочет провести эксперимент.

— Сколько угодно, — ответил тот, дорвавшись до органа.

— Я сделал несколько чертежей кривых своего мозга и установил, где находятся мои математические способности. Это трудно объяснить, но я могу перекачать содержимое своего мозга в твой, к тому же, выборочно. Я могу дать тебе свой математический талант.

— Спасибо, — поблагодарил дед. — А тебе он уже не нужен?

— Мой останется при мне. Это просто матрица.

— Матрац?

— Матрица. Эталон. Я просто повторю ее в твоем мозгу. Понимаешь?

— Естественно, — сказал дед и позволил усадить себя в кресло.

Гэллегер нахлобучил на него опутанный проводами шлем. Сам конструктор надел другой шлем и принялся колдовать над аппаратом. Тот загудел, и лампы на нем вспыхнули. Вскоре высота звука начала расти, он поднялся до писка, а затем и вовсе стих. И это было все.

Гэллегер снял оба шлема.

— Как самочувствие? — спросил он.

— Превосходное.

— Ничего не изменилось?

— Выпить хочется...

— Я не давал тебе моей сопротивляемости алкоголю, тебе собственной хватит. Разве что она удвоилась... — Гэллегер побледнел. — Если я еще дал тебе и свою жажду... Ой-ой-ой!

Бормоча что-то о человеческой глупости, дед пропустил стаканчик. Гэллегер последовал его примеру и растерянно уставился на старика.

— Я не мог ошибиться. Графики... Сколько будет корень квадратный из минус единицы?

— Много я повидал корней, — ответил дед, — но квадратных — ни разу.

Гэллегер выругался. Машина наверняка сделала свое. Должна была сделать по многим причинам, главной из которых была логика. Может быть...

— Попробуем еще раз. Теперь на мне.

— Давай, — согласился дед.

— Только... гмм... у тебя же нет никаких талантов. Ничего необычного. Я не буду знать, получилось из этого что-нибудь или нет. Вот будь ты пианистом или певцом...

— Ха!

— Минуточку! Есть идея. У меня хорошие связи на телевидении... может, и удастся что-то сделать. — Гэллегер сел к видеофону. Это потребовало времени, но он все-таки сумел убедить аргентинского тенора Рамона Фиреса взять аэротакси и быстро явиться в лабораторию.

— Фирес! — Гэллегер буквально упивался этой мыслью. — Это будет доказательство что надо! Один из величайших теноров нашего полушария! Если вдруг окажется, что я пою как жаворонок, можно будет звонить Хеллвигу.

Фирес наверняка торчал в ночном клубе, но по просьбе с телевидения отложил на время свои занятия и явился через десять минут. Это был крепко сложенный симпатичный мужчина с оживленной мимикой. Он улыбнулся Гэллегеру.

— Вы сказали, что дело плохо, но мой голос может помочь, и вот я здесь. Запись, да?

— Что-то вроде.

— Какое-то пари?

— Можно сказать и так, — ответил Гэллегер, усаживая Фиреса в кресло. — Я хочу записать церебральный узор вашего голоса.

— О, это что-то новое! Расскажите-ка побольше.

Конструктор послушно выложил набор наукообразной чуши, удовлетворив тем самым любопытство сеньора Фиреса. Процедура продолжалась недолго, нужные кривые выделились легко. Это была матрица вокального таланта Фиреса, огромного таланта.

Дед скептически смотрел, как Гэллегер настраивает аппарат, надевает на головы шлемы и включает машину. Вновь засветились лампы, запели провода. Потом все стихло.

— Получилось? Можно мне посмотреть?

— Нужно время для проявления, — без зазрения совести

солгал Гэллегер. Он не хотел петь в присутствии Фireса. — Как будет готово, я принесу их вам.

— Чудесно! — Сверкнули белые зубы. — Всегда к вашим услугам, amigo*!

Фирес вышел. Гэллегер сел и выжидательно уставился в стену. Ничего. Только немного болела голова.

— Уже готово? — спросил дед.

— Да. До-ре-ми-фа-со...

— Чего?

— Сиди тихо.

— Сбрендил, это уж точно.

— «Смейся, паяц, над разбитой любовью!» — дико завыл Гэллегер срывающимся голосом. — О, черт!

— «Слава, слава, аллилуйя! — с готовностью поддержал дед. — Слава, слава, аллилуйя!»

— «Смейся, паяц...» — еще раз попытался Гэллегер.

— «И дух его живет средь нас!» — проблеял дед, душа любого общества. — Когда я был молод, то неплохо подпевал. Давай попробуем дуэтом. Ты знаешь «Фрэнки и Джонни»?

Гэллегер едва сдержался, чтобы не разрыдаться. Окинув старика ледяным взглядом, он прошел на кухню и открыл банку с пивом. Холодная жидкость с мятным привкусом освежила его, но не ободрила. Петь он не мог. Во всяком случае так, как Фирес. Машина просто-напросто не работала. Вот тебе и обратная мозговая связь!

Со двора донесся возглас деда:

— Эй, что я нашел!

— Нетрудно догадаться, — угрюмо ответил Гэллегер и вплотную занялся пивом.

Полиция явилась через три часа, в десять. Задержка объяснялась просто: тело исчезло из морга, но пропажу обнаружили не сразу. Начались тщательные поиски, разумеется, без результата. Прибыл Махони со своей командой, и Гэллегер показал им на двор.

— Он лежит там.

Махони окинул его яростным взглядом.

— Снова эти ваши фокусы, да?! — рявкнул он.

— Я здесь ни при чем.

Наконец полицейские вышли из лаборатории, оставив худощавого светловолосого человечка, который задумчиво разглядывал Гэллегера.

---

* Amigo *(исп.)* — приятель, дружище.

— Как дела? — спросил Кэнтрелл.

— Э-э... хорошо.

— Вы что, спрятали где-то еще пару этих... игрушек?

— Тепловых излучателей? Нет.

— Тогда как же вы убиваете этих людей? — плачущим голосом спросил Кэнтрелл. — Я ничего не понимаю.

— Он мне все объяснил, — сказал дед, — но тогда я не понимал, о чем он говорит. Тогда нет, но сейчас, конечно, понимаю. Это просто изменение темпоральных линий. Принцип неопределенности Планка и, вероятно, Гейзенберга. Законы термодинамики ясно указывают, что вселенная стремится вернуться к норме, которой является известный темп энтропии, а отклонения от нормы должны неизбежно компенсироваться соответствующими искривлениями пространственно-временной структуры ради всеобщего космического равновесия.

Воцарилась тишина.

Гэллегер подошел к раковине, налил стакан воды и медленно вылил себе на голову.

— Ты понимаешь то, что говоришь, верно? — спросил он.

— Разумеется, — ответил дед. — Почему бы и нет? Обратная мозговая связь передала мне твой математический талант вместе с необходимой терминологией.

— И ты скрывал это?

— Черт побери, нет, конечно! Мозгу нужно какое-то время, чтобы приспособиться к новым способностям. Это вроде клапана безопасности. Внезапное поступление совершенно нового комплекса знаний могло бы полностью уничтожить мозг. Поэтому все уходит вглубь; процесс длится часа три или около того. Так оно и было, верно?

— Да, — подтвердил Гэллегер. — Так. — Заметив взгляд Кэнтрелла, он заставил себя улыбнуться. — Это наша с дедом шутка. Ничего особенного.

— Гмм, — сказал Кэнтрелл, прищурившись. — И только-то?

— Да. Всего лишь шутка.

Со двора внесли тело и протащили его через лабораторию. Кэнтрелл сощурился, многозначительно похлопал по карману и отвел Гэллегера в угол.

— Покажи я кому-нибудь ваш излучатель, Гэллегер, и вам крышка. Не забывайте.

— Я не забываю. Что вам от меня надо, черт возьми?

— О-о... я не знаю. Такое оружие может здорово пригодиться. Никто не знает заранее... Сейчас столько ограбле-

ний. Я чувствую себя увереннее, когда эта штука лежит у меня в кармане.

Он отодвинулся от Гэллегера, заметив входящего Махони. Детектив был явно обеспокоен.

— Этот парень со двора...

— Что с ним?

— Он тоже похож на вас. Только старше.

— А как с отпечатками пальцев, Махони? — спросил Кэнтрелл.

— Ответ заранее известен, — буркнул детектив. — Все как обычно. Узор сетчатки тоже совпадает. Послушайте, Гэллегер, я хочу задать вам несколько вопросов. Отвечать прошу четко и ясно. Не забывайте, что вас подозревают в убийстве.

— А кого я убил? — спросил Гэллегер. — Тех двоих, что исчезли из морга? Нет corpus delicti. Согласно новому кодексу, свидетелей и фотографий недостаточно для установления факта.

— Вам хорошо известно, почему его приняли, — ответил Махони. — Трехмерные изображения принимали за настоящие трупы... Лет пять назад был большой шум по этому поводу. Но трупы на вашем дворе — не картинки. Они настоящие.

— И где же они?

— Два были, один есть. Все это по-прежнему висит на вас. Ну, что скажете?

— Вы не... — начал Гэллегер, но умолк. В горле его что-то дрогнуло и он встал с закрытыми глазами. — «Мое сердце принадлежит тебе, пусть знает об этом весь мир, — пропел Гэллегер чистым и громким тенором. — Меня найдешь ты на своем пути, как тень, не покидающую никогда...»

— Эй! — крикнул Махони, вскакивая. — Успокойтесь! Вы слышите меня?

— «В тебе всей жизни смысл и блеск, молчание и мрак, и песнь...»

— Перестаньте! — заорал детектив. — Мы здесь не для того, чтобы слушать ваше пение!

И все-таки он слушал, как и все остальные. Гэллегер, одержимый талантом сеньора Фиреса, пел и пел, а его непривычное горло расходилось и уже выдавало соловьиные трели. Гэллегер пел!

Остановить его было невозможно, и полицейские убрались, изрыгая проклятия и обещая вскоре вернуться со смирительной рубашкой.

Кстати, дед тоже испытывал какой-то непонятный при-

ступ. Из него сыпались странные термины, математика, излагаемая словами — символы от Эвклида до Эйнштейна и дальше. Похоже, старик действительно получил математический талант Гэллегера.

Однако все — и хорошее, и плохое — имеет свой конец. Гэллегер прохрипел что-то пересохшим горлом и умолк. Обессиленный, повалился он на диван, глядя на деда, скорчившегося на кресле с широко открытыми глазами. Из своего укрытия вышли трое либлей и выстроились в шеренгу. Каждый держал в косматых лапках печенье.

— Мир принадлежит мне! — возвестил самый толстый.

События следовали одно за другим. Позвонил Махони, сообщил, что добивается ордера на арест, и что Гэллегера посадят, как только удастся расшевелить машину правосудия. То есть завтра.

Гэллегер позвонил лучшему на Востоке адвокату.

Да, Перссон мог опротестовать ордер на арест и даже выиграть дело, либо... как бы то ни было, Гэллегеру нечего опасаться, если он наймет его. Однако часть платы следует внести авансом.

— И сколько?.. О!

— Позвоните мне, когда вам будет удобно, — сказал Перссон. — Чек можете выслать хоть сегодня.

— Хорошо, — ответил Гэллегер и тут же позвонил Руфусу Хеллвигу.

К счастью, богач оказался дома.

Гэллегер объяснил ему, в чем дело. Хеллвиг не поверил, однако согласился прийти в лабораторию с самого утра, для пробы. Раньше он просто не мог. Дать денег он снова отказался, пока не получит несомненных доказательств.

— Сделайте меня первоклассным пианистом, — сказал он, — тогда я поверю.

Гэллегер вновь позвонил на телевидение, и ему удалось связаться с Джоуи Маккензи, красивой светловолосой пианисткой, молниеносно завоевавшей сердца жителей Нью-Йорка и тут же приглашенной на телевидение. Джоуи пообещала прийти утром. Гэллегеру пришлось ее долго уговаривать, но в конце концов он наговорил такого, что интерес девушки достиг уровня лихорадочного. Похоже, она путала науку с черной магией, но обе эти материи ее интересовали.

На дворе появился очередной труп, что означало линию вероятности D. Несомненно, одновременно с этим третье тело исчезло из морга. Гэллегер почти пожалел Махони.

Безумные таланты успокоились. Вероятно, неудержимая

вспышка бывала лишь поначалу, часа через три после процедуры, а потом талант можно было включать и выключать произвольно. Гэллегер уже не испытывал непреодолимого желания петь, но, попробовав, убедился, что может делать это, когда захочет, причем хорошо. Дед же проявлял великолепные математические способности каждый раз, когда испытывал в них потребность.

А в пять утра явился Махони с двумя полицейскими, арестовал Гэллегера и доставил в тюрьму.

Там изобретатель провел три дня.

Вечером третьего дня прибыл адвокат Перссон с приказом об освобождении и множеством проклятий на устах. В конце концов ему удалось вытащить Гэллегера, вероятно, благодаря лишь своей репутации. Потом, уже в аэротакси, он простонал:

— Что за ужасное дело! Политический нажим, юридические крючки, безумие! Трупы, появляющиеся на вашем дворе, — кстати, их уже семь, — и исчезающие из морга. Что за всем этим кроется, Гэллегер?

— Не знаю. Вы... гмм... выступаете моим защитником?

— Разумеется. — Такси рискованно скользнуло мимо небоскреба.

— А чек?.. — рискнул спросить Гэллегер.

— Мне дал его ваш дед. Да, он просил передать кое-что еще. Сказал, что подверг процедуре Руфуса Хеллвига, как вы и планировали и получил вознаграждение. Я же сомневаюсь, что заслужил хотя бы часть своего. Позволить вам просидеть в кутузке три дня! Но нажим оказался слишком силен. Мне пришлось использовать кое-какие свои связи.

Вот, значит, как. Дед перенял математический талант Гэллегера, он знал все об обратной мозговой связи и о том, как действует машина. Он подверг процедуре Хеллвига и, похоже, удачно. По крайней мере, теперь они были при деньгах. Но хватит ли этого?

Гэллегер объяснил ситуацию адвокату, насколько у него хватило смелости. Перссон кивнул.

— Говорите, все из-за машины времени? Значит, нужно ее как-то выключить, тогда трупы перестанут появляться.

— Я не могу ее даже разбить, — признался Гэллегер. — Я уже пробовал, но она попала в стазис и находится вне нашего сектора пространства-времени. Не знаю, сколько это еще продлится. Она настроена на перенос сюда моего тела и будет неустанно делать это.

— Ах вот как. Ну хорошо, я сделаю все, что смогу. Во всяком случае, сейчас вы свободны. Но я ничего не могу гарантировать, пока вы не прервете этот поток ваших трупов, мистер Гэллегер. Я здесь выхожу. До встречи. Может, у меня в конторе завтра в полдень? Хорошо.

Гэллегер пожал ему руку и назвал пилоту свой адрес. Там его ждал неприятный сюрприз — дверь открыл Кэнтрелл.

Его узкое бледное лицо скривилось в усмешке.

— Добрый вечер, — сказал он. — Входите, Гэллегер.

— Уже вошел. Что вы тут делаете?

— Пришел с визитом к вашему деду.

Гэллегер огляделся по сторонам.

— А где он?

— Не знаю. Можете сами поискать.

Предчувствуя какой-то подвох. конструктор отправился на поиски и нашел деда на кухне, где тот ел крендели и кормил либлей. Старик явно избегал его взгляда.

— Ну ладно, — сказал Гэллегер. — Выкладывай.

— Я не виноват. Кэнтрелл сказал, что отдаст излучатель в полицию, если я не сделаю, как он хочет. Я знал, что тогда тебе крышка.

— Что здесь произошло?!!!

— Спокойнее, я уже все обдумал. Это никому не повредит...

— Что? Что?!!

— Кэнтрелл заставил меня применить твое устройство к нему, — признался дед. — Он заглянул в окно, когда я был занят с Хэллвигом, и все понял. Он пригрозил, что тебя казнят, если я не дам ему талантов.

— Чьих?

— Ну... Гулливера, Морлисона, Коттмана, Дениса, Сент-Меллори...

— Хватит... — слабым голосом произнес Гэллегер. — Величайшие инженеры нашего времени, вот кто это! И все их знания в мозгу Кэнтрелла! Как он уговорил их?

— У него язык без костей. Он не сказал, в чем дело, придумал какую-то хитрую историю... А еще у него твой математический талант. От меня.

— Превосходно, — угрюмо сказал Гэллегер. — Что же ему нужно, черт побери?

— Он хочет завоевать мир, — печально ответил толстый либль. — Ради бога, помешай ему! Этот мир принадлежит нам!

— Не совсем так, — сказал дед, — но все равно хорошего

мало. Он теперь знает то же, что и мы, и может сам построить аппарат для обратной мозговой связи. А через час он летит стратопланом в Европу.

— Значит, жди неприятностей, — подытожил Гэллегер.

— Точно. Мне кажется, Кэнтрелл начисто лишен моральных принципов. Это он виноват, что тебя держали в тюрьме все эти дни.

Дверь открылась, и заглянул Кэнтрелл.

— Во дворе свежий труп, только что появился. Но заниматься им мне некогда. Есть какие-нибудь новости от Ван Декера?

— Ван Декер! — поперхнулся Гэллегер. — Его тоже?! Человек с величайшим в мире уровнем интеллекта!

— Пока нет, — усмехнулся Кэнтрелл. — Я много дней пытался с ним связаться, но только сегодня утром он позвонил мне. Я боялся, что не успею с ним увидеться, но он обещал прийти сегодня вечером. — Кэнтрелл посмотрел на часы. — Надеюсь, он не опоздает. Стратоплан ждать не будет.

— Минуточку, — сказал Гэллегер. — Я хотел бы знать ваши намерения, Кэнтрелл.

— Он хочет завоевать мир! — запищал один из либлей.

Кэнтрелл весело посмотрел вниз.

— Как оказалось, это не так уж сложно. К счастью, я совершенно аморален, так что могу до конца использовать эту возможность. Таланты величайших умов человечества очень мне пригодятся: я буду лучшим почти во всем. То есть, абсолютно во всем, — добавил он, прищурившись.

— Диктаторский комплекс, — скривился дед.

— Пока нет, — ответил Кэнтрелл. — Может, когда-нибудь... Дайте мне немного времени. Я уже почти сверхчеловек.

— Вы не можете... — начал Гэллегер.

— Разве? Не забывайте, у меня ваш излучатель.

— Верно, — согласился конструктор, — а все тела со двора — мои тела — были убиты с помощью излучателя. На сегодня вы единственный, у кого он есть. Видимо, мне суждено когда-нибудь быть убитым из него.

— Мне кажется, «когда-нибудь» звучит куда лучше, чем «сейчас», — тихо заметил Кэнтрелл.

Гэллегер не ответил, и Кэнтрелл продолжал:

— Я снял сливки с лучших умов Восточного побережья, а теперь сделаю то же в Европе. Все может случиться.

Один из либлей, видя, как рушится их план завоевания мира, горько заплакал.

В дверь позвонили. По знаку Кэнтрелла дед вышел и вернулся с плотным мужчиной, которого отличали кривой нос и кустистая рыжая борода.

— Ха! — загремел он. — Вот и я! Надеюсь, не опоздал?

— Доктор Ван Декер?

— А кто же еще?! — воскликнул рыжебородый. — А теперь — быстро, быстро, быстро, у меня много работы. Судя по вашим словам, ничего из этого эксперимента не выйдет, но я согласен погробовать. Проекция души — несусветная глупость.

Дед ткнул Гэллегера в бок.

— Это Кэнтрелл придумал такое объяснение.

— Да? Слушай, нельзя же...

— Успокойся, — сказал дед, многозначительно подмигивая. — У меня теперь твой талант, парень, и я кое-что придумал. Попробуй и ты, если сможешь. Я использовал твою математику. Тс-с-с-с...

Времени на разговоры не оставалось. Кэнтрелл загнал всех в лабораторию. Гэллегер, хмурясь и кусая губы, обдумывал проблему. Он не мог позволить, чтобы это сошло Кэнтреллу с рук. Но, с другой стороны, дед сказал, что все в порядке, что он контролирует ситуацию.

Либли, разумеется, исчезли, наверное, искали печенье.

Взглянув на часы, Кэнтрелл усадил Ван Декера в кресло. При этом он все время держал руку в кармане и то и дело поглядывал на Гэллегера. Сквозь ткань одежды отчетливо вырисовывался цилиндр теплового излучателя.

— Я покажу вам, насколько это легко, — Дед, хихикая, подошел на кривых ногах к устройству для обратной мозговой связи и передвинул несколько рычажков.

— Осторожно, дедуля, — предупредил его Кэнтрелл. Ван Декер уставился на него.

— Что-то не так?

— Нет-нет, — сказал дед. — Мистер Кэнтрелл боится, что я сделаю ошибку. Но все будет в порядке. Это шлем...

Он надел его на голову Ван Декера, и перо машины принялось чертить извилистые линии. Дед собрал ленты, но вдруг споткнулся и рухнул на пол, выронив бумаги. Прежде чем Кэнтрелл успел шевельнуться, старик поднялся и, ругаясь себе под нос, собрал графики.

Потом он положил все на стол. Гэллегер подошел и заглянул Кэнтреллу через плечо. Это было действительно здорово! Показатель интеллекта Ван Декера был огромен. Его фантастические способности были... гмм... фантастичны.

Кэнтрелл, который тоже был в курсе обратной мозговой

S1

связи, поскольку получил через деда математический талант Гэллегера, кивнул, надел шлем на голову и направился к машине. Мельком взглянув на Ван Декера, чтобы проверить, все ли в порядке, он передвинул рычажки. Вспыхнули лампы, шум перешел в визг. И смолк.

Кэнтрелл снял шлем. Когда он потянулся к карману, дед поднял руку и показал ему небольшой блестящий пистолет.

— Не надо, — сказал он.

Глаза Кэнтрелла сузились.

— Брось пушку.

— И не подумаю. Я понял, что ты захочешь нас прикончить и уничтожить машину, чтобы остаться единственным в своем роде. Не выйдет. У этого пистолета очень чуткий спуск. Ты можешь прожечь во мне дыру, Кэнтрелл, но прежде сам станешь трупом.

Кэнтрелл замер.

— И что дальше?

— Убирайся! Я не хочу дыры в животе, так же, как ты не хочешь получить туда пулю. Живи и дай жить другим. Катись!

Кэнтрелл тихо засмеялся.

— Хорошо, дедуля. Ты это заслужил. Не забудь, я по-прежнему знаю, как построить такую машину. И все сливки теперь у меня. Вы можете сделать то же, но не лучше меня.

— Договорились, — сказал дед.

— Вот именно. Мы еще встретимся. Не забывай, Гэллегер, от чего умерли все твои двойники, — с натянутой улыбкой сказал Кэнтрелл и вышел, пятясь.

Гэллегер вскочил.

— Нужно сообщить в полицию! — крикнул он. — Кэнтрелл слишком опасен, чтобы оставлять его на свободе.

— Спокойно, — распорядился дед, помахивая пистолетом. — Я же сказал, что кое-что придумал. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы тебя казнили за убийство? А если Кэнтрелла арестуют, полиция найдет при нем излучатель. Мой способ лучше.

— Какой способ? — Гэллегер потребовал объяснений.

— Давай, Мики, — сказал дед, улыбаясь доктору Саймону Ван Декеру.

Тот снял рыжую бороду и парик и расхохотался.

Гэллегер удивленно уставился на него.

— Подставка!

— Точно. Я позвонил Мики и объяснил, что от него требуется. Он переоделся, изобразил перед Кэнтреллом Ван Декера и договорился встретиться сегодня вечером.

— Но ведь графики показывали интеллект гения...

— Я подменил их, когда ронял на пол, — признался дед. — Заранее приготовил несколько липовых.

Гэллегер скривился.

— Но это дела не меняет. Кэнтрелл по-прежнему на свободе и знает слишком много.

— Придержи лошадей, молодой человек, — сказал дед. — Подожди, пока я тебе все объясню.

И объяснил.

Три часа спустя телевидение сообщило, что человек по имени Роланд Кэнтрелл погиб, выпрыгнув из трансатлантического стратоплана.

Впрочем, Гэллегер точно знал время смерти Кэнтрелла — в ту же секунду с его двора исчез труп.

Это произошло потому, что теплового излучателя больше не было, и будущее Гэллегера не содержало смерти от него. Разве что он сделал бы еще один.

Машина времени вышла из стазиса и вернулась к нормальному состоянию. Гэллегер понял, почему. Она была настроена на выполнение определенного задания, подразумевающего смерть Гэллегера в определенном комплексе переменных. В рамках этих переменных машина действовала непрерывно. Она не могла остановиться, не исчерпав всех возможностей. Пока в каком-либо из возможных вариантов будущего Гэллегер погибал от излучателя, трупы исправно переносились ему во двор.

Ныне будущее радикально изменилось. Оно уже не включало в себя варианты A, B, C и так далее. Тепловой излучатель, определяющий фактор, был уничтожен в настоящем и потому возможные варианты будущего Гэллегера теперь представляли собой A1, B1, C1 и так далее.

Машина не была рассчитана на такие резкие отклонения. Она выполнила поставленную перед ней задачу и теперь ждала новых поручений.

Перед тем, как вновь воспользоваться ею, Гэллегер детально изучил ее устройство.

Времени у него было достаточно. При отсутствии corpus delicti Перссон без труда добился прекращения дела, хотя несчастный Махони едва не спятил, пытаясь понять, что же, собственно, произошло. Что касается либлей...

Гэллегер машинально раздал печенье, прикидывая, как бы избавиться от этих маленьких глупеньких созданий, не раня их чувств.

— Не хотите же вы остаться здесь на всю жизнь? — спросил он у них.

— Нет, — ответил один, косматой лапкой стряхивая крошки с усов. — Но нам нужно завоевать Землю.

— Гмм, — буркнул Гэллегер и вышел кое-что купить. Вернулся он с какими-то приборами, которые украдкой подключил к телевизору.

Вскоре после этого обычная телепрограмма была прервана экстренным выпуском новостей. По странному стечению обстоятельств либли как раз смотрели телевизор. На экране появилось лицо диктора, почти полностью скрытое листом бумаги. Единственная видимая часть — от бровей и выше — очень напоминала лоб Гэллегера, но либли были слишком возбуждены, чтобы заметить это.

— К нам только что поступила важная информация! — сообщил диктор срывающимся от волнения голосом. — С некоторых пор мир уже знает о прибытии на Землю трех почтенных гостей с Марса. Существа эти...

Либли удивленно переглянулись, один из них начал говорить что-то, но на него шикнули.

— Существа эти, как стало известно, хотят завоевать Землю. С удовольствием сообщаем, что все население Земли перешло на сторону либлей. Произошла бескровная революция, и отныне либли становятся нашими единственными владыками...

— Йо-хо! — пропищал тоненький голосок.

— ...Ведется организация новых форм правления. Будет введена новая денежная система, монетные дворы уже чеканят монеты с изображениями либлей на реверсе. Ожидается, что наши владыки вернутся на Марс, чтобы объяснить своим соплеменникам возникшую ситуацию.

Лицо диктора исчезло с экрана, и пошла обычная программа. Вскоре, таинственно улыбаясь, появился Гэллегер. Его приветствовали радостные писки либлей.

— Нам пора возвращаться домой. Произошла бескровная...

— Революция! Этот мир — наш!

Их оптимизм можно было сравнить только с их легковерием. Гэллегер позволил убедить себя, что либлям нужно возвращаться.

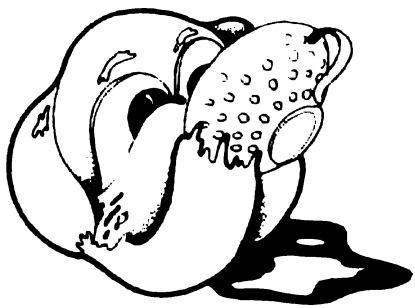
— Ну, хорошо, — согласился он. — Машина готова. Еще по печенью на дорогу — и в путь.

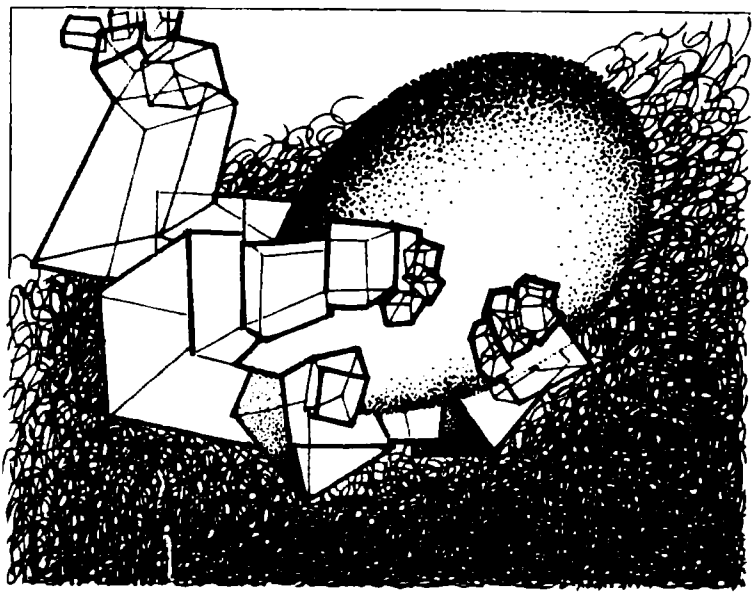
Он пожал три косматые лапки, вежливо поклонился, и

трое либлей, оживленно попискивая, отправились на Марс, на пятьсот лет в будущее. Они торопились вернуться к друзьям и рассказать о своих приключениях. Они и рассказали, но никто им не поверил.

Смерть Кэнтрелла не имела никаких последствий, хотя Гэллегер, дед и Мики прожили несколько беспокойных дней, прежде чем облегченно вздохнули. Вскоре после этого дед с Гэллегером ударились в запой и сразу почувствовали себя гораздо лучше.

К сожалению, Мики не мог составить им компанию. Ему пришлось вернуться в цирк, где он дважды в день демонстрировал свой уникальный талант, прыгая с десятиметровой лестницы в ванну с водой...

ИДЕАЛЬНЫЙ ТАЙНИК

Гэллегер играл без нот и не глядя на клавиатуру. Это было бы совершенно естественно, будь он музыкантом, но Гэллегер был изобретателем. Пьяницей и сумасбродом, но хорошим изобретателем. Он хотел быть инженером-экспериментатором, и, вероятно, достиг бы в этом выдающихся успехов, поскольку моментами его осеняло. К сожалению, на систематические исследования ему не хватало средств, поэтому Гэллегер, консерватор интеграторов по профессии, держал свою лабораторию для души. Это была самая кошмарная лаборатория во всех Штатах. Десять месяцев он провел, создавая устройство, которое назвал алкогольным органом, и теперь мог, лежа на удобном мягком диване и нажимая кнопки, вливать в свою луженую глотку напитки любого качества и в любом количестве. Только вот сделал он этот орган, пребывая в состоянии сильного алкогольного опьянения, и разумеется, теперь не помнил принцип его действия. А жаль...

В лаборатории было всего понемногу, причем большинство вещей — ни к селу, ни к городу. Реостаты были намотаны на фаянсовых статуэтках балерин в пышных пачках и

с пустыми улыбками на личиках. Большой генератор бросался в глаза намалеванным названием «Чудовище», а на меньшем висела табличка с надписью «Тарахтелка». В стеклянной реторте сидел фарфоровый кролик, и только Гэллегер знал, как он там оказался. Сразу за дверью караулил железный пес, предназначавшийся поначалу для украшения газонов на старинный манер или, может быть, для адских врат; сейчас его пустые глазницы служили подставками для пробирок.

— И что ты намерен делать дальше? — спросил Ваннинг.

Гэллегер, растянувшийся под алкогольным органом, впрыснул себе в рот двойное мартини.

— Что?

— Ты хорошо слышал. Я мог бы дать тебе отличную работу, если бы ты умел пользоваться своим сумасшедшим мозгом или по крайней мере начал следить за собой.

— Пробовал, — вздохнул Гэллегер. — Не выходит. Я не могу работать, если сосредоточусь. Разве что какую-нибудь механическую рутину. Зато у моего подсознания очень высокий коэффициент интеллекта.

Ваннинг, невысокий коренастый мужчина со смуглым лицом в шрамах, постукивал каблуками по «Чудовищу». Временами Гэллегер его беспокоил. Этот человек не отдавал себе отчета в своих возможностях и в том, как много могут они значить для Хораса Ваннинга, коммерческого консультанта. Разумеется, «коммерция» была совершенно легальной — ведь современное коммерческое право оставляло множество лазеек, в которые умный человек вполне мог протиснуться. Честно говоря, Ваннинг давал клиентам советы, как ловчее обойти закон, и это хорошо оплачивалось. Отличное знание законов было редкостью в те времена. Инструкции и указы образовывали такой лабиринт, что изучение законов требовало многолетних трудов. Но Ваннинг имел великолепный персонал, огромную библиотеку, содержащую всевозможные инструкции, судебные решения и постановления, и за приличный гонорар мог сказать доктору Криппену, например, как уклониться от уплаты налогов. Самые щекотливые дела он улаживал в полной тайне, безо всяких помощников. К примеру, насчет нейроружья...

Гэллегер изобрел его, понятия не имея, что это исключительное оружие. Однажды вечером у него испортился сварочный аппарат, и он собрал новый, соединив части пластырем. Гэллегер дал это устройство Ваннингу, но тот, хоть и недолго держал ружье у себя, заработал тысячи кредитов, одалживая его потенциальным убийцам и этим причиняя немало хлопот полиции.

Например, к нему приходил человек и говорил:

«Я слышал, вы можете помочь, даже если кому-то грозит приговор за убийство. Если бы, к примеру...»

«Задний ход, приятель! Я не желаю заниматься такими делами».

«Гммм. Но...»

«Я думаю, что теоретически идеальное убийство возможно. Допустим, изобрели новый вид оружия, и образец находится в камере хранения, скажем, на Пассажирском Ракетодроме в Ньюарке».

«Гммм?»

«Это всего лишь допущения. Сейф номер 79, шифр тридцать-ну-скажем-восемь. Такие мелкие детали хорошо помогают представить ситуацию, правда?»

«Вы хотите сказать...»

«Разумеется, если бы наш убийца добрался до этого теоретического оружия, он мог бы оказаться достаточно хитер, чтобы иметь наготове абонированный ящик... например: сейф 40 в Бруклин-Порте. Он мог бы положить оружие в посылочный ящик и избавиться от улики в ближайшем почтовом отделении. Но все это, конечно, только теория. Мне очень жаль, но я ничем не могу вам помочь. Гонорар за разговор — три тысячи кредитов. Секретарша примет у вас чек».

Обвинительный приговор был бы в таком случае невозможен. Прецедент: вердикт суда 875-М по делу штата Иллинойс против Добсона. Необходимо установить причину смерти, не исключая возможность несчастного случая. Как отметил судья Верховного суда Дуккет во время процесса Сандерсона против Сандерсона, где речь шла о смерти свекрови обвиняемой...

«Безусловно, прокурор со своим штабом экспертов-токсикологов должен согласиться, что...

Короче говоря, ваша честь, я ходатайствую о прекращении дела ввиду недостатка улик и невозможности выяснить причину смерти...»

Гэллегер так никогда и не узнал, что его сварочный аппарат оказался таким опасным оружием, а Ваннинг время от времени навещал его запущенную лабораторию, внимательно следя за плодами научных забав приятеля. Не раз он получал таким образом весьма полезные приспособления. Однако, все дело было в том, что Гэллегер не хотел работать по-людски!

Он еще раз глотнул мартини, тряхнул головой и поднял свое худое тело с дивана. Потом лениво подошел к завален-

ному каким-то хламом столу и принялся перебирать обрывки проводов.

— Что ты делаешь?

— Не знаю. Играю, наверно. Я просто складываю вместе различные вещи, и порой из этого что-то получается... Только я никогда не знаю, что это будет. — Гэллегер бросил провода и вернулся на диван. — А, к черту все это!

«Вот чудак», — подумал Ваннинг. Гэллегер был типом в принципе аморальным, совершенно неуместным в сложном современном мире. С первобытным весельем смотрел он на мир со своей личной колокольни и... делал весьма полезные вещи. Но только для собственного удовольствия.

Ваннинг вздохнул и оглядел лабораторию — его педантичная натура страдала при виде такого бардака. Машинально подняв с пола мятый халат, он поискал глазами какой-нибудь крючок и, конечно, не нашел. Гэллегер, вечно страдающий от недостатка проводящих металлов, давно повырывал из стен все крючки.

Ваннинг подошел к металлическому шкафу, стоящему в углу, и открыл его. Внутри не было никаких вешалок, поэтому он сложил халат и положил на дно, а сам снова присел на «Чудовище».

— Выпьешь? — спросил Гэллегер.

Ваннинг покачал головой.

— Нет, спасибо. Завтра у меня дела.

— Ерунда, примешь тиамин. Бр-р, дрянь. Я работаю гораздо лучше, если голова обложена надувными подушками.

— А я нет.

— Это дело опыта, — буркнул Гэллегер. — А опыта может набраться каждый, если только... На что ты там уставился?

— Этот шкаф... — сказал Ваннинг, удивленно хмуря брови. — Ну-ка, что там такое...

Металлическая дверь была закрыта неплотно и медленно приоткрывалась. А от халата, который Ваннинг только что туда положил, не было и следа.

— Это краска такая, — сонно объяснил Гэллегер. — Что-то вроде пропитки. Я обработал внутренность шкафа гамма-лучами. Но он ни к черту не годится.

Ваннинг передвинул лампу, чтобы лучше видеть. Шкаф не был пуст, как он решил в первый момент. В нем, правда, не было халата, зато находилось что-то маленькое, бледно-зеленое и почти сферическое.

— Он что, растворяет вещи? — спросил Ваннинг, вытаращив глаза.

— Ага. Вытащи его и увидишь.

Ваннинг не торопился засовывать руку внутрь. Найдя длинный штатив для пробирок, он подцепил им шарик и тут же отвернулся, потому что разболелись глаза. Зеленый шарик менял цвет, форму и размер, и вскоре превратился во что-то бесформенное. Внезапно штатив стал удивительно тяжелым.

И ничего странного: на нем висел халат.

— Вот такие штуки он и вытворяет, — равнодушно объяснил Гэллегер.

— Но должна же быть причина. Вещи, которые я засовываю в шкаф, становятся маленькими, но стоит их вынуть, как они обретают нормальные размеры. Может, продать его какому-нибудь фокуснику? — с сомнением предположил он.

Ваннинг сел, сжимая в руках халат и поглядывая на металлический шкаф. Это был смолисто-черный параллелепипед размерами три на три и на пять футов, покрашенный изнутри серой краской.

— Как ты это сделал?

— Что? Сам не знаю. Как-то само получилось. — Гэллегер меланхолично потягивал свою гремучую смесь. — Может, дело тут в растяжимости измерений. Моя пропитка могла изменить свойства пространства-времени внутри шкафа. Интересно, что это может значить? — буркнул он в сторону. — Такие словеса порой пугают меня самого.

— Это значит... ты хочешь сказать, что этот шкаф внутри больше, чем снаружи?

— Парадокс, не так ли? Я думаю, его внутренность находится вообще не в нашем пространстве-времени. Попробуй сунуть туда стол и убедишься. — Гэллегер даже не приподнялся, а лишь махнул рукой в сторону упомянутого стола.

— Ты прав. Этот стол больше шкафа.

— Ну, так суй его как-нибудь бочком. Смелее!

Ваннинг некоторое время возился со столом. Несмотря на небольшой рост, он был силен, как многие коренастые люди.

— Положи шкаф, легче будет.

— Я... уф... Ну, и что дальше?

— Суй туда стол.

Ваннинг искоса посмотрел на приятеля, пожал плечами и попытался. Разумеется, стол не хотел входить в шкаф. Вошел только угол, а остальное застряло, чуть покачиваясь.

— И что дальше?

— Подожди чуток.

Стол шевельнулся и медленно пополз вниз. У Ваннинга

отвалилась челюсть, когда он увидел, как стол постепенно входит внутрь, словно в воде тонет не очень тяжелый предмет. Однако ничто его не всасывало, он просто растворялся. Неизменным оставалось лишь то, что торчало снаружи, но постепенно в шкаф ушло все.

Ваннинг заглянул в шкаф, и вновь у него заболели глаза. Внутри некое нечто меняло форму, съеживалось и в конце концов превратилось в колючую неправильную пирамиду темно-красного цвета.

В самом широком месте в ней было не более четырех дюймов.

— Не верю, — выдохнул Ваннинг.

Гэллегер улыбнулся.

— Как сказал герцог Веллингтон: «Это была очень маленькая бутылка, сэр».

— Погоди минутку. Как, черт возьми, можно засунуть восьмифутовый стол в пятифутовый шкаф?

— Благодаря Ньютону, — ответил Гэллегер. — Сила тяжести, сечешь? Налей в пробирку воды, и я тебе покажу.

— Сейчас... Вот, готово. И что теперь?

— Полную налил? Хорошо. В коробке с надписью «Предохранители» лежит сахар. Положи кусок поверх пробирки, так чтобы одним углом он касался воды.

Ваннинг сделал, как было сказано.

— Ну и что?

— Что ты видишь?

— Ничего. Сахар напитывается водой и растворяется.

— Вот именно, — с нажимом сказал Гэллегер.

Ваннинг задумчиво посмотрел на него и повернулся к пробирке. Кусок сахара медленно растворялся и исчезал. Вскоре его не стало вовсе.

— Воздух и вода — это совершенно различные физические среды. В воздухе кусок сахара может существовать в виде куска сахара, а в воде только в виде раствора. Та его часть, которая достает до воды, подчиняется условиям, присущим воде, и значит, изменяется в физическом смысле. Остальное — дело силы гравитации.

— Говори яснее.

— Аналогия и так проще некуда, балбес. Вода — это как бы особые условия внутри шкафа. А сахар — это стол. Ты же видел: сахар постепенно напитался водой, а сила тяжести втянула растворяющийся кусок в пробирку. Допер?

— Пожалуй. Стол впитался... его впитал элемент, находящийся внутри шкафа, так? Элемент, который заставил стол съежиться...

— In partis, а не in toto*. Понемногу. Например, человеческое тело можно запихнуть в небольшой сосуд с серной кислотой — тоже по кусочку.

— О-о! — протянул Ваннинг, исподлобья глядя на шкаф. — А можно вытащить этот стол обратно?

— Пожалуйста. Сунь туда руку и вынь его.

— Сунуть туда руку? Я не хочу, чтобы она растворилась!

— Не бойся. Процесс этот не мгновенный, ты же сам видел. Прежде чем начнется изменение, должно пройти несколько минут. Ты без опаски можешь сунуть руку в шкаф, при условии, что будешь держать ее там не больше минуты. Сейчас я тебе покажу.

Гэллегер нехотя поднялся, огляделся, взял пустую бутылку и сунул ее в шкаф.

Изменение действительно не было мгновенным, а шло постепенно — бутылка меняла размер и форму и наконец превратилась в перекошенный куб размером с кусок сахара. Гэллегер вынул его и положил на пол.

Куб начал расти и вскоре вновь стал бутылкой.

— А теперь стол. Смотри.

Гэллегер вынул небольшую пирамидку, и та через минуту обрела первоначальную форму.

— Видишь? Держу пари, что компания, занимающаяся складированием, много дала бы за это. Там можно разместить мебель со всего Бруклина, но будут сложности с изъятием нужных вещей. Сам понимаешь: изменение физической природы...

— Нужно просто составлять план, — рассеянно сказал Ваннинг. — Сделать рисунки находящихся внутри предметов и обозначить их.

— Сразу видно юриста, — заметил Гэллегер. — А я бы чего-нибудь выпил.

Он вернулся на диван и присосался к мундштуку.

— Я дам тебе за этот шкаф шесть кредитов, — предложил Ваннинг.

— Можешь забирать. Все равно он занимает тут слишком много места. Жаль, что его самого нельзя сунуть внутрь его самого. — Гэллегер засмеялся. — Забавно звучит...

— Ты так считаешь? Держи. — Ваннинг вынул из бумажника деньги. — Куда их положить?

— Сунь их в «Чудовище», там у меня банк... Спасибо.

— Готово... Слушай, объясни мне получше эту хохму с

---

* In partis *(лат.)* — по частям. In toto *(лат.)* — целиком.

куском сахара. Не одна же сила тяжести втягивает кусок в пробирку, правда?

— Точно. Еще и осмос. Или нет, осмос как-то связан с яйцами. Может, это овуляция? Проводимость, конвекция, абсорбция? Жаль, что я не изучал физику, тогда бы я знал нужные слова. А так я полный осел. — Гэллегер снова потянул из мундштука.

— Абсорбция... Дело не только в том, что сахар поглощает воду. В данном случае стол как бы пропитался условиями, царящими внутри шкафа... Как губка или промокашка.

— Что, стол?

— Нет, я, — коротко ответил Гэллегер, и воцарилась тишина, прерываемая бульканьем — это он вливал себе в горло алкоголь.

Ваннинг вздохнул и повернулся к шкафу. Прежде чем поднять его своими мускулистыми руками, он старательно закрыл дверцу на ключ.

— Уже уходишь? Спокойной ночи. Всего хорошего... всего хорошего...

— Спокойной ночи.

— Все-го хо-ро-ше-го! — пропел Гэллегер, заваливаясь спать.

Ваннинг еще раз вздохнул и вышел в ночной холод. На небе сверкали звезды, и лишь на юге их перекрывало зарево Нижнего Манхеттена. Горящие белым огнем небоскребы слагались в рваный узор. Огромная реклама превозносила достоинства вамбулина:

«Вамбулин тебя воскресит!»

Машина Ваннинга стояла у тротуара. Он сунул шкаф внутрь и кратчайшим путем направился в свой офис. Ему вдруг вспомнился По.

«Украденное письмо», лежавшее на самом верху, просто вывернутое наизнанку и переадресованное, изменилось до неузнаваемости. Господи, какой отличный сейф выйдет из этого шкафа! Ни один вор не будет его взламывать по той простой причине, что он не будет закрыт. Ваннинг мог бы наполнить сейф деньгами, и те тут же стали бы неузнаваемы. Идеальный тайник.

Но на каком принципе он действует?

Гэллегера спрашивать было бесполезно, он творил по наитию и не знал, что примула, растущая на берегу реки, обычная примула, зовется primula vulgaris. Понятие силло-

гизма для него не существовало, он делал выводы, не прибегая ни к общим, ни к частным предпосылкам.

Ваннинг задумался. Два предмета не могут одновременно занимать одно и то же место, значит, в шкафу все-таки есть какое-то пространство...

Однако это были только догадки, а должен быть и точный ответ. Пока Ваннинг его не нашел.

Он добрался до центра и направил машину к зданию, в котором занимал целый этаж. На грузовом лифте он поднял шкаф наверх, однако не стал ставить в своем кабинете — зачем привлекать внимание? — а поместил в небольшую кладовку.

Вернувшись в кабинет, Ваннинг задумался. А может... Негромко звякнул звонок. Задумавшись, Ваннинг не услышал его, а когда звук все-таки проник в его мозг, подошел к видеофону и нажал кнопку. Серое, мрачное и бородатое лицо адвоката Хэттона заполнило экран.

— Добрый день, — сказал Ваннинг.

Хэттон кивнул.

— Я пытался застать вас дома, но не успел и потому звоню в офис...

— Не думал, что вы сегодня позвоните. Дело разбирается завтра. Не поздновато ли для разговоров?

— «Дугон и сыновья» хотели, чтобы я с вами поговорил. Кстати, я был против.

— Вот как?

Хэттон нахмурил густые темные брови.

— Как вам известно, я представляю истца. Есть очень много улик против Макилсона.

— Это вы так говорите, но доказать что-то невероятно тяжело.

— Вы против применения скополамина?

— Разумеется, — ответил Ваннинг. — Я не допущу, чтобы моему клиенту кололи эту дрянь!

— Присяжным это не понравится.

— Ничуть не бывало. Дело в том, что Макилсону скополамин противопоказан. У меня есть медицинская справка.

Голос Хэттона стал еще резче.

— Ваш клиент растратил эти облигации, и я могу это доказать.

— Стоимостью в двадцать пять тысяч, верно? Большая потеря для «Дугана и сыновей». А что вы скажете о моем предположении? Скажем, двадцать тысяч найдутся...

— Это частный разговор? Вы не записываете?

— Разумеется. Вот смотрите... — Ваннинг поднял вверх шнур с разъемом. — Строго между нами.

— Это хорошо, — ответил адвокат Хэттон. — Тогда я могу объявить вам, что вы вульгарный мошенник...

— Фу!

— Это старый трюк, во-от с такой бородой. Макилсон стянул пять кусков в облигациях, обмениваемых на кредиты; ревизоры уже проверяют это. Потом он пришел к вам, и вы убедили его взять еще двадцать тысяч, а затем предлагаете их вернуть, если «Дуган и сыновья» закроют дело. И делите эти пять тысяч со своим клиентом, что не так уж и мало.

— Ничего подобного я не признаю.

— Конечно, не признаете, даже в разговоре по частной линии. Но это само собой разумеется. Только трюк этот давно устарел, и мои клиенты не собираются с вами возиться, а передают дело в суд.

— И вы позвонили, только чтобы мне это сказать?

— Нет, я хочу обсудить вопрос с присяжными. Вы согласны на применение к ним скополамина?

— Вполне, — ответил Ваннинг. Присяжные его не интересовали. Испытание скополамином избавит от многих дней, а может, и недель судебной возни.

— Хорошо, — буркнул Хэттон. — Предупреждаю: от вас и мокрого места не останется.

Ваннинг ответил грубым жестом и выключил видеофон. Предстоящая схватка в суде вытеснила из головы мысли о шкафе и четвертом измерении. Ваннинг вышел из конторы. У него еще будет время детально изучить возможности, которые таит в себе этот тайник, а сейчас он не хотел забивать голову. Дома он распорядился приготовить себе выпить и повалился на постель.

Назавтра Ваннинг выиграл дело, применяя сложные юридические крючки и используя двусмысленные прецеденты. Свое доказательство он построил на том, что облигации не были обменены на деньги. Сложные экономические таблицы доказали это за Ваннинга. Обмен облигаций даже на пять тысяч кредитов вызвал бы подвижку на рынке ценных бумаг, а ничего подобного не произошло. Эксперты Ваннинга завели присяжных в совершенно непроходимые дебри. Чтобы доказать вину, требовалось показать или буквально, или косвенным путем, что облигации существовали с двадцатого декабря, то есть с даты последней ревизии. Прецедентом послужило дело Донована против Джонса.

Хэттон тут же вскочил с места.

— Ваша честь, Джонс позднее признался в растрате!

— Что никак не влияет на первоначальное решение, — тут же парировал Ваннинг. — Закон не имеет обратной силы. Вердикт не был изменен.

— Прошу защиту продолжать.

И защита продолжала, возводя сложное здание казуистической логики.

Хэттон выходил из себя.

— Ваша честь, я!..

— Если мой почтенный оппонент представит суду хотя бы одну облигацию — всего одну из вышеупомянутых — я сдамся.

Председатель иронически улыбнулся.

— Действительно, если такое доказательство будет представлено, обвиняемый окажется в тюрьме сразу же после оглашения приговора. Вам это хорошо известно, мистер Ваннинг. Пожалуйста, продолжайте.

— Охотно. Итак, согласно моей версии, эти облигации никогда не существовали. Это просто результат ошибки при счете.

— Но ведь подсчет выполняли на калькуляторе Педерсона?

— Такие ошибки случаются, и сейчас я это докажу. Пригласите моего следующего свидетеля...

Свидетель, специалист по вычислительной технике, объяснил, как может ошибаться калькулятор Педерсона, и привел примеры. На одном Хэттон его поймал.

— Протестую, ваша честь. В Родезии, как всем известно, локализованы объекты экспериментального характера. Свидетель не уточнил, о какой именно продукции идет речь. Не потому ли, что Объединенные Предприятия Гендерсона занимаются главным образом радиоактивными рудами?

— Свидетель, вам задан вопрос.

— Я не могу на него ответить. В моих документах нет такой информации.

— Довольно красноречивый пробел! — рявкнул Хэттон. — Радиоактивность выводит из строя хрупкий механизм калькулятора Педерсона. Но в конторах фирмы «Дуган и сыновья» нет ни радиоактивных элементов, ни продуктов их распада.

Встал Ваннинг.

— Я хотел бы спросить, окуривались ли в последнее время эти конторы?

— Да. Этого требует закон.

— Использовался определенный тип соединения хлора?

— Да.

— Прошу пригласить моего следующего свидетеля.

Свидетель, физик и одновременно работник Ультрарадиевого Института, объяснил, что гамма-лучи сильно воздействуют на хлор, вызывая ионизацию. Живые организмы могут ассимилировать продукты распада радия и передавать их дальше. Некоторые клиенты фирмы «Дуган и сыновья» подвергались воздействию радиоактивности...

— Это смешно, ваша честь! Спекуляция чистейшей воды...

Ваннинг изобразил обиду.

— Хочу напомнить дело Дэнджерфилда против «Астро Продактс», Калифорния, тысяча девятьсот шестьдесят третий год. Все сомнения трактуются в пользу обвиняемого. Я настаиваю, что калькулятор Педерсона, которым считали облигации, мог быть неисправен. Если так оно и было на самом деле, следовательно, облигации не существовали, и мой клиент невиновен.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал судья, жалея, что он не Джеффрис* и не может послать всю эту чертову банду на эшафот.

Юриспруденция должна опираться на факты, это вам не трехмерные шахматы. Впрочем, это неизбежное следствие политических и экономических сложностей современной цивилизации. Вскоре стало понятно, что Ваннинг выиграет дело.

Он его и выиграл. Присяжные были вынуждены признать правоту ответчика. Под конец отчаявшийся Хэттон выступил с предложением использовать скополамин, но это предложение было отклонено. Ваннинг подмигнул своему оппоненту и с шумом захлопнул папку.

Он вернулся в контору, а в половине пятого начались неприятности. Едва секретарша успела сообщить о некоем мистере Макилсоне, как ее отпихнул худощавый мужчина средних лет, тащивший замшевый чемодан гигантских размеров.

— Ваннинг, мне позарез нужно с тобой поговорить!..

Адвокат нахмурился, встал из-за стола и кивком отослал секретаршу. Когда дверь за ней закрылась, он бесцеремонно спросил:

---

* Судья-вешатель, известный своими суровыми приговорами участникам восстания Монмута против английского короля Якова II.

— Что ты здесь делаешь? Я же сказал, чтобы ты держался от меня подальше. Что у тебя в чемодане?

— Облигации, — неуверенно объяснил Макилсон. — Что-то не получилось...

— Идиот! Приволочь сюда облигации!.. — Одним прыжком Ваннинг оказался у двери и старательно запер ее на ключ. — Как только Хэттон наложит на них лапу, ты вмиг окажешься за решеткой! А меня лишат диплома! Убирайся немедленно!

— Ты сначала выслушай, ладно? Я пошел с этими облигациями в Финансовое Объединение, как ты и сказал, но... но там меня уже поджидал фараон. К счастью, я вовремя его засек. Если бы он меня поймал...

Ваннинг глубоко вздохнул.

— Я же велел тебе оставить облигации на два месяца в тайнике на станции подземки...

Макилсон вытащил из кармана бюллетень.

— Правительство начало замораживать рудные акции и облигации. В одну неделю все будет кончено. Я не мог ждать — деньги оказались бы заморожены до второго пришествия.

— Покажи-ка этот бюллетень. — Ваннинг полистал его и тихо выругался. — Откуда он у тебя?

— Купил у мальчишки перед тюрьмой. Я хотел проверить курс рудных акций.

— Гмм... понятно. А не пришло тебе в голову, что бюллетень может быть фальшивым?

У Макилсона отвисла челюсть.

— Фальшивым?

— Вот именно. Хэттон догадался, что я хочу вытащить тебя из тюрьмы, и держал его наготове. А ты купил этот номер, дал полиции улики, а меня подвел под монастырь.

— Но я...

Ваннинг сморщился.

— Как, по-твоему, почему ты увидел того фараона в Финансовом Объединении? Они могли сцапать тебя в любой момент, но решили испугать настолько, чтобы ты приперся ко мне, и одним выстрелом убить двух зайцев! Для тебя — камера, а для меня — прощание с адвокатурой. Проклятье!

Макилсон облизал губы.

— А может, мне уйти через черный ход?

— Сквозь кордон полиции, который там, конечно, торчит? Вздор! Не прикидывайся большим идиотом, чем ты есть!

— А ты... ты не можешь их спрятать?

— Где? Они просветят мой стол рентгеновскими лучами.

Нет, я просто... — Ваннинг вдруг замолчал. — Гмм, спрятать, говоришь... *Спрятать*!..

Он повернулся к диктофону.

— Мисс Хартон? У меня очень важная встреча. Ни под каким предлогом меня не отвлекать. Если вам предъявят ордер на обыск, потребуйте подтверждения через центр. Ясно? О'кей.

Макилсон слегка ожил.

— Э... все в порядке?

— Заткнись! — взорвался Ваннинг. — Подожди меня здесь, я скоро вернусь. — Он подошел к боковой двери и исчез, но очень быстро вернулся, таща металлический шкафчик. — Помоги мне... уф... Ставь вон туда, в угол. А теперь убирайся.

— Но...

— Давай-давай, вали! — поторопил Ваннинг. — Я сам знаю, что нужно делать. И молчи громче. Тебя арестуют, но без улик долго держать не смогут. Придешь, как только выпустят.

Он толкнул Макилсона к двери, открыл ее и вышвырнул гостя. Потом вернулся к шкафу и заглянул внутрь. Пусто.

Итак, замшевый чемодан...

Тяжело дыша, Ваннинг запихнул его в шкаф. Это потребовало времени, поскольку чемодан был больше шкафа. Однако, в конце концов он съежился, изменил форму и наконец превратился во что-то вроде вытянутого яйца цвета медного цента.

— Фью, фью! — сказал Ваннинг. Он заглянул в шкаф. Внутри что-то шевелилось — какое-то гротескное создание ростом не более четырех дюймов. Это было что-то удивительное — оно состояло из одних кубов и углов, было ярко-зеленым и явно живым.

В дверь постучали.

Маленькое существо возилось с медным яйцом, как муравей с дохлой гусеницей пытаясь поднять его и переместить. Ваннинг сунул руку в шкаф. Существо из четвертого измерения уклонилось, но недостаточно быстро. Ваннинг схватил его, почувствовал в кулаке шевеленье и крепко стиснул пальцы.

Шевеленье прекратилось. Ваннинг выпустил мертвое существо и торопливо вынул руку из шкафа.

Дверь тряслась от ударов.

— Минуточку! — крикнул он, закрывая шкаф.

— Ломайте! — распорядился кто-то за дверью.

Однако нужды в этом не было. Ваннинг скроил болез-

ненную улыбку и открыл дверь. Вошел Хэттон в сопровождении тучного полицейского.

— Мы взяли Макилсона, — сообщил он.

— Да? А на каком основании?

Вместо ответа Хэттон сделал знак рукой, и полицейские начали обыскивать комнату. Ваннинг пожал плечами.

— Думаю, вы слишком торопитесь, — сказал он. — Посягательство на неприкосновенность частной собственности...

— У нас есть ордер!

— И в чем меня обвиняют?

— Разумеется, речь идет об облигациях, — голос Хэттона звучал устало. — Не знаю, где вы спрятали чемодан, но рано или поздно мы его найдем.

— Какой чемодан? — продолжал допытываться Ваннинг.

— Тот, с которым Макилсон вошел сюда. И без которого он вышел.

— Игра закончена, — печально сказал Ваннинг. — Я сдаюсь.

— Что?

— А если я скажу, что сделал с чемоданом, вы замолвите за меня словечко?

— Ну... пожалуй... А где он?

— Я его съел, — ответил Ваннинг, укладываясь на диван и явно собираясь вздремнуть.

Хэттон послал ему взгляд, полный ненависти.

Полицейские прошли мимо шкафа, мельком заглянув внутрь. Рентгеновские лучи не обнаружили ничего ни в стенах, ни в полу, ни в потолке, ни в мебели. Остальные помещения офиса тоже обыскали, но безрезультатно.

Наконец Хэттон сдался.

— Утром я подам жалобу, — пообещал ему Ваннинг. — А в отношении Макилсона воспользуюсь принципом Habeas corpus*.

— Иди ты к черту! — буркнул Хэттон.

— До свидания.

Ваннинг подождал, пока непрошенные гости уберутся, потом, тихонько посмеиваясь, подошел к шкафу и открыл его.

Медное яйцо исчезло. Ваннинг пошарил внутри, но без толку.

Значение этого дошло до него не сразу. Он повернул шкаф к окну и снова заглянул туда — с тем же результатом. Шкаф был пуст.

---

* Habeas corpus *(лат.)* — здесь: личной неприкосновенности.

Двадцать пять тысяч кредитов в облигациях пропали.

Ваннинга прошиб холодный пот. Схватив металлический шкаф, он встряхнул его, но это не помогло. Потом перенес в другой угол комнаты, а сам вернулся на прежнее место и принялся внимательно осматривать пол.

— Проклятье!..

Неужели Хэттон?

Нет, невозможно. Ваннинг не спускал со шкафа глаз, пока здесь была полиция. Один из полицейских открыл шкаф, заглянул внутрь и снова закрыл. После этого шкаф все время оставался закрытым.

Но облигации исчезли.

Так же, как и странное существо, которое Ваннинг раздавил. Все это вместе означало, что... Вот именно: *что*?

Он метнулся к видеофону и вызвал Гэллегера.

— Что случилось, а? Чего тебе? — На экране появилось худое лицо изобретателя, еще более осунувшееся от пьянства. — У меня похмелье, а тиамин кончился. А как твои дела?

— Послушай, — сказал Ваннинг, — я положил кое-что в твой чертов шкаф и потерял.

— Шкаф? Забавно...

— Да нет, то, что в него положил... чемодан.

Гэллегер покачал головой.

— Никогда заранее не знаешь... Помню, однажды я сделал...

— К черту воспоминания! Мне нужен мой чемодан!

— Фамильные драгоценности? — спросил Гэллегер.

— Нет. Там были деньги.

— С твоей стороны это было неразумно. Ты знаешь, что с сорок девятого года не разорился ни один банк? Вот уж не думал, Ваннинг, что ты так скуп. Хотел иметь деньги при себе, чтобы перебирать их своими загребущими лапами, да?

— Ты снова пьян!

— Нет, только стараюсь напиться, — уточнил Гэллегер. — Со временем у меня выработался иммунитет к алкоголю, и чтобы напиться, мне нужно ужасно много времени. Из-за твоего звонка я отстал на две с половиной порции. Нужно приделать к органу удлинитель, чтобы разговаривать и пить одновременно.

— Мой чемодан! Что с ним случилось? Я должен его найти!

— У меня его нет.

— А ты можешь сказать, где он?

— Понятия не имею. Выкладывай подробности, посмотрим, что можно сделать.

Ваннинг последовал совету, правда, из осторожности несколько сократил рассказ.

— О'кей, — неохотно сказал Гэллегер. — Ненавижу выдвигать теории, но в исключительных случаях... Мой диагноз обойдется тебе в пятьдесят кредитов.

— Что?! Послушай...

— Пятьдесят кредитов, — упрямо повторил Гэллегер. — Или разбирайся сам.

— А откуда мне знать, что ты сможешь вернуть чемодан.

— Приходится допустить возможность, что у меня ничего не выйдет. Однако шанс есть... Я должен буду воспользоваться счетными машинами, а это стоит дорого.

— Ладно-ладно, — буркнул Ваннинг. — Иди, считай. Без чемодана мне конец.

— Меня больше интересует тот карапуз, которого ты придушил. Честно говоря, это единственная причина, по которой я вообще занимаюсь твоим делом. Жизнь в четвертом измерении... — продолжал Гэллегер, вяло поводя руками. Потом лицо его исчезло с экрана, и Ваннинг выключил видеофон.

Он еще раз обыскал шкаф, но так и не нашел в нем ничего. Замшевый чемодан словно испарился.

Ваннинг надел пальто и отправился в «Манхеттен Руф», где съел ужин, обильно сдобренный вином. Ему было очень жалко себя.

Назавтра его жалость к себе усугубилась. Он раз за разом пытался связаться с Гэллегером, но в лаборатории никого не было, так что Ваннинг попусту переводил время. Около полудня ввалился Макилсон. Он был сильно взволнован.

— Не очень-то ты спешил вытащить меня из тюрьмы, — с ходу набросился он на Ваннинга. — И что теперь? У тебя найдется что-нибудь выпить?

— Зачем тебе? — буркнул Ваннинг. — Судя по твоему виду, ты уже напился. Езжай во Флориду и жди, пока все успокоится.

— Хватит с меня ожидалок. Я еду в Южную Америку, и мне нужны бабки.

— Подожди, пока можно будет реализовать облигации.

— Я забираю половину. Как и договорились.

Ваннинг прищурился.

— И попадешь прямо в лапы полиции. Ясно, как дважды два.

Макилсон был явно не в себе.

— Согласен, я совершил ошибку. Но теперь... нет, теперь я буду умнее.

— Значит, подождешь.

— На крыше в вертолете ждет мой приятель. Я отдам ему облигации, а потом спокойно уйду. Полиция ничего у меня не найдет.

— Я сказал, нет, — повторил Ваннинг. — Дело слишком рискованное.

— Рискованное оно сейчас. Если они найдут облигации...

— Не найдут.

— Где ты их спрятал?

— Это мое дело.

Макилсон занервничал.

— Возможно. Но они в этом здании. Вчера ты не мог их никуда сплавить до прихода фараонов. Не стоит искушать судьбу. Они искали рентгеном?

— Ага.

— Я слышал, что Хэттон с целой бандой экспертов изучает планы здания. Он найдет твой сейф, и я хочу убраться отсюда раньше, чем это произойдет.

Ваннинг отмахнулся.

— Прекрати истерику. Я тебя вытащил, верно? Несмотря на то, что ты едва не провалил дело.

— Это правда, — признал Макилсон, дергая себя за губу. — Но я... — он принялся грызть ногти. — Проклятье, я сижу на кратере вулкана, да еще и на термитнике. Не хочу торчать здесь и ждать, пока они найдут облигации! А от страны, куда я собираюсь смыться, они не смогут потребовать выдачи.

— Нужно ждать, — настаивал Ваннинг. — Это твой единственный шанс.

В руке Макилсона невесть откуда появился пистолет.

— Гони половину облигаций, да поживее. Я тебе не верю. Думаешь, можно бесконечно водить меня за нос? Ну, отдашь или нет?

— Нет, — ответил Ваннинг.

— Я не шучу!

— Знаю. Но у меня нет этих облигаций.

— Как это «нет»?

— Ты когда-нибудь слышал о возможностях четвертого измерения? — спросил Ваннинг, не сводя глаз с пистолета. — Я спрятал чемодан в особый сейф, который не могу открыть раньше определенного времени.

— Гммм... — задумался Макилсон. — А когда...

— Завтра.

— Хорошо. Значит, завтра ты отдашь мне облигации?

— Если тебе так уж невтерпеж. Но советую тебе подумать. Гораздо безопаснее подождать.

Вместо ответа Макилсон только усмехнулся через плечо. Когда он вышел, Ваннинг долго сидел не двигаясь. Он был не на шутку перепуган.

Дело было в том, что Макилсон был склонен к маниакально-депрессивному психозу и вполне мог убить. Сейчас он испытывал сильный стресс — ему нечего терять. Ну что ж... Следует принять меры предосторожности.

Ваннинг еще раз позвонил Гэллегеру, но и на этот раз никто не отозвался. Он оставил для него сообщение и еще раз осторожно заглянул в шкаф. Он был по-прежнему пуст.

Вечером Ваннинг явился к Гэллегеру сам. Изобретатель казался пьяным и усталым, впрочем, так оно и было. Он небрежно махнул рукой, указывая на стол, заваленный бумагой.

— Ну и задал ты мне работенку! Если бы знал принцип действия этого устройства, я и пальцем бы его не тронул. Садись и выпей. Принес пятьдесят кредитов?

Ваннинг молча вручил Гэллегеру деньги, и тот сунул их в «Чудовище».

— Хорошо. А теперь... — Он сел на диван. — Начинаем решение задачи стоимостью в пятьдесят кредитов.

— Я получу чемодан?

— Нет, — решительно ответил Гэллегер. — Я, по крайней мере, не вижу никакой возможности. Он находится в ином фрагменте пространства-времени.

— Но что это значит?

— Это значит, что шкаф действует как телескоп, но не в видимой части спектра. Это что-то вроде окна. В него можно выйти или просто заглянуть. Это выход в Сейчас плюс *x*.

Ваннинг поглядел на него исподлобья.

— Ты мне ничего такого не говорил.

— Все, что я до сих пор знаю об этом — чистая теория и, боюсь, ничего больше не будет. Так вот: сначала я ошибался. Предметы, попадавшие в шкаф, не появлялись в ином пространстве, потому что должна существовать некая пространственная постоянная. То есть они не уменьшались бы. Размер — это размер. Факт перенесения куба с гранью в один дюйм, скажем, на Марс не уменьшил бы его и не увеличил.

— А как быть с плотностью окружающей среды? Разве предмет не был бы раздавлен?

— Конечно, он был бы и остался таким. После извлече-

ния из шкафа он не восстановил бы свои изначальные размер и форму. *X* плюс *Y* никогда не равно *XY*. Но *X* минус *Y*...

— Равно, что ли?

— Именно тут собака и зарыта. — Гэллегер начал лекцию за пятьдесят кредитов. — Предметы, которые мы вкладывали в шкаф, путешествовали во времени, причем их скорость не менялась, чего нельзя сказать о пространственных условиях. Две вещи не могут находиться одновременно в одном и том же месте. Следовательно, твой чемодан отправился в другое время: Сейчас плюс *x*. А что в данном случае значит *x*, я понятия не имею, хотя подозреваю, что несколько миллионов лет.

Ваннинг был ошеломлен.

— Так значит, чемодан находится в будущем, отстоящем на миллион лет?

— Не знаю, насколько далеко, но думаю, что очень. Слишком мало данных для решения такого сложного уравнения. Я делал выводы, главным образом, с помощью индукции, но результаты совершенно безумные. Эйнштейн был бы в восторге. Моя теория утверждает, что вселенная одновременно сжимается и увеличивается.

— Но как это связано...

— Движение — понятие относительное, — неумолимо продолжал Гэллегер, — это главный принцип. Разумеется, вселенная увеличивается, расползается, как газ, но вместе с тем ее составные части сжимаются. Это значит, что они не растут в буквальном смысле слова... во всяком случае, не солнца и не атомы. Они просто удаляются от центра, мчатся во всех возможных направлениях... Погоди, о чем это я говорил? Ах да, вселенная, взятая как единое целое, сжимается.

— Хорошо, пусть себе сжимается. А где мой чемодан?

— Я тебе уже сказал: в будущем. Я дошел до этого с помощью индуктивного рассуждения. Все просто и логично, но доказать ничего нельзя. Сто, тысячу, миллион лет назад Земля — как и вся прочая вселенная — была больше, чем сейчас. И все продолжает сжиматься. Когда-нибудь в будущем она будет вполовину меньше, но мы этого не заметим, потому что и вселенная уменьшится пропорционально.

Гэллегер зевнул и сонно продолжал:

— Мы сунули в шкаф стол, который оказался где-то в будущем, потому что шкаф, как я уже говорил, это окно в другое время. И на стол подействовали условия, типичные для того времени. Стол съежился после того, как мы дали ему несколько секунд на поглощение энтропии или чего-то там еще. Только вот была ли это энтропия? А, бог ее знает!..

— Но он превратился в пирамиду.

— Видимо, процесс сопровождается метрическим искажением. А может, это просто оптическая иллюзия. Может, мы просто не так все видим. Сомневаюсь, что в будущем вещи и вправду будут выглядеть иначе — кроме того, что станут меньше, — но сейчас мы пользуемся окном в четвертое измерение, как если бы мы смотрели через призму. Размер действительно меняется, а форма и цвет кажутся иными нашим глазам, смотрящим сквозь призму четвертого измерения.

— Значит, мой чемодан попал в будущее, да? Но почему он исчез из шкафа?

— А помнишь существо, которое ты раздавил? Может, у него есть приятель? Они могли быть невидимы вне очень узкого... как же его... — ага! — поля зрения. Представь: где-то в будущем — через сто, тысячу или миллион лет ни с того ни с сего появляется чемодан. Один из наших потомков начинает разбираться с ним, и тут ты его убиваешь. Приходят его друзья и забирают чемодан, вынося его за пределы шкафа. Если говорить о пространстве, чемодан может быть где угодно, а вот время здесь — величина неизвестная. Сейчас плюс *x*. На этом и основано действие сейфа. Ну, что скажешь?

— Черт возьми! — взорвался Ваннинг. — И это все, что ты можешь сказать? Значит, о чемодане можно забыть?!

— Ага. Разве что ты сам за ним отправишься. Но бог знает, где ты окажешься. За несколько тысяч лет состав воздуха, вероятно, изменится. А может, будут и другие перемены.

— Ну, уж не настолько я глуп.

Ну и дела! Облигации исчезли, и не было надежды получить их обратно. Ваннинг смирился бы с потерей, зная, что облигации не попадут в руки полиции, но оставалась еще проблема Макилсона, особенно после того, как пуля разбила стекло в конторе адвоката.

Встреча с Макилсоном не дала положительного результата: растратчик не сомневался, что Ваннинг хочет его надуть. Когда адвокат выкидывал его из конторы, он ругался и грозил, что пойдет в полицию и признается...

Ну и пусть идет, все равно улик никаких. Чтоб его черти взяли! Однако для верности Ваннинг решил засадить своего бывшего клиента за решетку.

Впрочем, из этого ничего не вышло. Макилсон дал в зубы посыльному, принесшему вызов в полицию, и удрал. И сейчас Ваннинг подозревал, что тот где-то скрывался, воору-

женный и готовый его пристрелить. Вот всегда так с типами, склонными к маниакально-депрессивному психозу.

Ваннинг потребовал двух полицейских для охраны — ввиду угрозы для жизни он имел на это право. До поимки Макилсона Ваннинг будет пользоваться их услугами, а уж он позаботится, чтобы охраняли его двое самых крепких парней во всей манхеттенской полиции. Кстати, он имел случай убедиться, что им поручили и дело о замшевом чемодане.

Ваннинг позвонил Хэттону и улыбнулся экрану.

— Ну, как успехи?

— Что вы имеете в виду?

— Моих телохранителей и ваших шпиков. Они не найдут облигаций, Хэттон, так что лучше отзовите их. Два дела одновременно — слишком сложно для этих бедняг.

— Достаточно, если они справятся с одним и найдут вещественное доказательство. А если Макилсон размозжит вам голову, я плакать не буду.

— Встретимся в суде, — сказал Ваннинг. — Вы обвиняете Уотсона, так?

— Так. А вы отказываетесь от скополамина?

— В отношении присяжных? Конечно. Дело у меня в кармане.

— Это вам так кажется, — сказал Хэттон и выключил связь.

Весело смеясь, Ваннинг надел пальто, забрал своих телохранителей и отправился в суд. Макилсона не было и следа...

Дело он выиграл, как и ожидал. Вернувшись в офис, он выслушал несколько несущественных новостей, которые передала ему девушка, обслуживающая коммутатор, и прошел в свой личный кабинет. Первое, что он увидел, открыв дверь, это замшевый чемодан, лежавший на ковре в углу комнаты.

Ваннинг так и застыл с рукой на ручке двери. Позади слышались тяжелые шаги охранников. «Минуточку»... — сказал он через плечо, метнулся в кабинет, закрыл за собой дверь и еще услышал удивленный вопрос.

Чемодан. Несомненно, тот самый. И так же несомненно за его спиной были два фараона, которые после краткого совещания принялись колотить в дверь, пытаясь ее выломать.

Ваннинг позеленел. Он неуверенно шагнул вперед и увидел в углу шкаф. Идеальный тайник...

Именно то, что надо! Если он сунет туда чемодан, тот станет неузнаваем. Неважно, если он снова исчезнет, главное — избавиться от улики.

Дверь начала подаваться. Ваннинг подбежал к чемодану, поднял его с пола и тут краем глаза заметил какое-то дви-

жение. В воздухе над ним появилась рука. Это была рука гиганта с идеально белым манжетом, расплывающимся где-то вверху. Огромные пальцы тянулись к нему...

Ваннинг заорал и отскочил, но недостаточно быстро. Рука схватила его, и напрасно адвокат молотил руками по ладони — она тут же сомкнулась в кулак. Когда кулак раскрылся, из него, пятная ковер, выпало то, что осталось от Ваннинга. Рука исчезла, дверь сорвалась с петель, рухнула на пол, и охранники, спотыкаясь о нее, ввалились в комнату.

Вскоре явился Хэттон со своими людьми. Впрочем, тут мало что можно было сделать, разве что прибрать. Замшевый чемодан, содержащий двадцать пять тысяч кредитов в облигациях, перенесли в безопасное место, тело Ваннинга собрали и отправили в морг. Фотографы сверкали вспышками, эксперты-дактилоскописты сыпали порошок, рентгенотехники суетились со своим оборудованием. Все было сделано быстро и умело; через час контора была пуста и опечатана.

Потому-то никто и не видел второго явления гигантской руки, которая опять возникла ниоткуда, пощупала вокруг, словно чего-то искала, и исчезла...

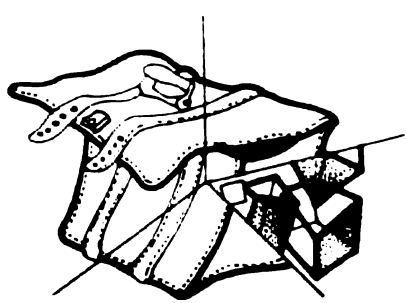
Единственным, кто мог пролить на это дело хоть какой-то свет, был Гэллегер, но его слова, произнесенные в одиночестве лаборатории, слышало только «Чудовище».

— Так вот почему лабораторный стол появился здесь вчера на несколько минут. Гммм... Сейчас плюс x равно примерно неделе. А почему бы и нет? Все в мире относительно. Вот уж не думал, что вселенная сжимается с такой скоростью!

Он поудобнее вытянулся на диване и влил себе в глотку двойное мартини.

— Да, так оно и есть, — буркнул он. — Ваннинг, пожалуй, единственный человек, который оказался в середине будущей недели и... погиб! По такому случаю я, пожалуй, напьюсь.

И напился.

НАРЦИСС

С Гэллегером, который не был ученым педантом, а занимался наукой по наитию, все время случались всякие неожиданности. Сам себя он скромно величал гением повседневности. Он мог, например, без особого труда использовать при создании принципиально новой модели холодильника кусок провода, несколько батареек, да крючок для миниюбки. В настоящий момент Гэллегер вел мучительную борьбу с похмельем. Он распростерся на кушетке в своей лаборатории, высокий, худой, с весьма небрежной прической, и манипулировал алкогольным органом, который нехотя цедил ему в рот сухое мартини.

Гэллегер пытался что-то вспомнить, но особенно не напрягался. Он знал, что дело касалось робота. Впрочем, это было не так уж и важно.

— Эй, Джо!.. — позвал изобретатель.

Поименованный робот красовался перед зеркалом, изучая свое же содержимое. Прозрачный материал, из которого был сделан его кожух, позволял рассмотреть внутри колесики разного калибра, которые стремительно вращались.

— Уж раз ты зовешь меня, то будь любезен не орать, — ответствовал Джо. — И выставь отсюда кошку.

— Не подозревал, что у тебя такой тонкий слух.

— И тем не менее это так. Я прекрасно слышу ее топот.

— Любопытно. Ну и что же ты слышишь? — с интересом спросил Гэллегер.

— Слышу удары барабана, — торжественно ответствовал робот. — А когда ты орешь, я слышу гром.

Голос у самого робота был противным и скрипучим, что давало Гэллегеру полное право напомнить этому снобу поговорку насчет соринки в чужом глазу, но тут его отвлекли. С трудом он заставил себя бросить взгляд на экран у входа в лабораторию — там что-то мелькало. «Знакомый силуэт», — подумал Гэллегер.

— Это я, Брок, — прозвучал голос в динамике. — Харрисон Брок. Откройте!

— Дверь не заперта.

Гэллегер и не подумал встать. Он внимательно осмотрел гостя — модно одетого мужчину среднего возраста, — но так и не сумел его вспомнить. Броку было немногим больше сорока; породистая, гладко выбритая физиономия не выражала ни малейшего восторга от встречи. Возможно, изобретатель и знал его, хотя твердой уверенности у него не было. Но это тоже не имело значения.

Брок окинул взглядом большую лабораторию, напоминающую Авгиевы конюшни, ошалело посмотрел на робота, попытался найти стул, но не преуспел. Тогда он уперся руками в бока и покачался с пяток на носки, буравя похмельного Гэллегера гневным взором.

— Ну? — произнес он.

— Никогда не начинайте разговор с «ну», — сказал Гэллегер и подкрепился новой порцией мартини. — Мне и без того не по себе. Лучше садитесь и чувствуйте себя, как дома. У вас за спиной генератор. Он, вроде бы, не слишком запылился.

— Получилось у вас или нет? — нервно спросил посетитель. — Это единственное, что меня волнует. Неделя истекла. У меня приготовлен чек на десять тысяч. Возьмете его?

— Естественно, — молвил Гэллегер и, не глядя, вытянул руку. — Давайте сюда.

— Caveat emptor*. А что я покупаю?

---

* Caveat emptor *(лат.)* — покупающий пусть смотрит. Термин римского гражданского права, обозначающий, что ответственность за качество товара продавец не несет, рискует покупатель.

— Вы что, сами не знаете, за что платите? — поразился Гэллегер.

Брок буквально подпрыгнул на генераторе.

— О господи, — жалобно произнес он. — Говорили, что кроме вас никто мне не поможет. Но ведь предупреждали меня, что беседовать с вами — все равно что отдыхать в кресле дантиста.

Гэллегер призадумался.

— Постойте-ка. Я начинаю вспоминать. Мы с вами болтали на прошлой неделе, верно ведь?

— Болтали... — Круглое лицо визитера налилось краской. — Разумеется. Вы валялись на этой же кушетке, лакали спиртное и декламировали стихи. Затем спели «Фрэнки и Джонни». И только после всего этого заметили меня и приняли мой заказ.

— Очень просто, — объяснил Гэллегер. — Я напился. Это со мной часто бывает. Особенно, когда я ничем не занят. Алкоголь растормаживает подсознание, и в таком состоянии мне лучше работается. Самые лучшие мои изобретения, — весело поведал он, — я сделал как раз по пьянке. В эти мгновения меня осеняет. Все ясно, как тень. Или как день... так, что ли, выражаются? А вообще-то... — Тут он запнулся и с недоумением поглядел на Брока. — А вообще-то о чем мы с вами беседуем?

— Лучше бы вы оба молчали, — язвительно вставил робот, по-прежнему позируя перед зеркалом.

Брок аж подскочил, но Гэллегер успокоил его небрежным пассом.

— Это Джо, плюньте на него. Вчера я его собрал, а сегодня уже жалею об этом.

— Он робот?

— Робот, но совершенно никчемный. Я сотворил его, когда был пьян, и сам не помню, зачем и для чего. Он с утра торчит перед зеркалом и никак не может налюбоваться на себя. Да еще поет. Воет, как собака перед покойником. Скоро сами услышите.

С большим трудом Брок вернул разговор в прежнее русло.

— Послушайте, Гэллегер, у меня большие трудности. Вы взялись мне помочь. Если откажетесь — я конченый человек.

— А я вот уже давно конченый человек, — возразил изобретатель. — И меня это нимало не тревожит. На жизнь себе зарабатываю, да еще успеваю изобретать разные разности. Знаете, если бы я получил образование, то мог бы

стать новым Эйнштейном. Все так говорят. Но вышло так, что я как-то непроизвольно нахватался разнообразных знаний. Оттого, видимо, и не стал тратить время на обучение. Мне достаточно хорошенько выпить, и самые неразрешимые проблемы становятся мне по плечу.

— Вы и сейчас под мухой, — менторским тоном произнес Брок.

— Подхожу к наиболее предпочтительному состоянию. А как бы вы себя почувствовали, если бы, проснувшись, обнаружили бы рядом с собой наглого робота, которого вы сами создали, но неизвестно на кой черт?

— Ваши шуточки...

— Тут я не могу разделить вашу точку зрения, — буркнул ученый. — Вы, сдается мне, слишком серьезно относитесь к жизни. «Вино — глумливо, сикера — буйна»*. Извините меня. Я и есть та самая буйная сикера. — Он снова глотнул.

Брок нервно заметался по захламленной комнате, ударяясь о загадочные запыленные приборы.

— Если вы ученый, то науку стоит пожалеть.

— Я Гарри Эдлер от науки, — гордо произнес Гэллегер. — Жил такой музыкант много веков назад. Мы с ним здорово похожи. Оба никогда и ничему не обучались. Чем я виноват, что мое подсознание издевается надо мною?

— А кто я такой, вам известно? — спросил Брок.

— Честно говоря, нет. А разве это так важно?

В голосе посетителя просквозила обида.

— Из элементарной вежливости вы могли бы не говорить так, тем более, что всего неделя прошла. Я — Харрисон Брок. Мне принадлежит фирма «Вокс Вью Пикчерс».

— Нет, — вдруг провозгласил робот. — Бессмысленно. Вам никто не поможет, Брок!

— Какого дья...

Гэллегер утомленно вздохнул.

— Все время забываю, что эта проклятая машина одушевлена. Разрешите, я вас познакомлю. Мистер Брок, это Джо. Джо, перед тобой мистер Брок... из фирмы «Вокс Вью».

— Э-э-э, — запинаясь, промолвил телевизионный магнат, — очень приятно.

— Суета сует и всяческая суета, — тихо заметил Гэллегер. — В этом весь Джо. Павлин несчастный. Полемизировать с ним бессмысленно.

Робот никак не реагировал на обидное замечание своего творца.

---

* Библия, Книга притчей Соломоновых, гл. 20, ст. 1.

— Уверяю вас, все это бесполезно, мистер Брок, — продолжил он омерзительным скрипучим голосом. — Деньги меня не интересуют. Я сознаю, что мое появление на экране осчастливило бы многих и многих, но я не тщеславен. Мне не нужна слава. Мне хватает сознания того, что я идеален.

Брок поперхнулся.

— Неужели вы вообразили, что я пришел предложить вам ангажемент? Вот уж не думал! Потрясающая наглость! Да вы просто псих!

— Не пытайтесь обмануть меня, — хладнокровно возразил робот. — Я же вижу, как вы восхищены моей внешностью и моим голосом... удивительный тембр! Вы пытаетесь изобразить, будто не нуждаетесь во мне, чтобы прибрать к рукам по дешевке. Не трудитесь: ведь я объяснил вам, что равнодушен к славе.

— Ненормальный! — выкрикнул взбешенный Брок, а Джо снова вернулся к зеркалу.

— Не говорите так громко, — изрек он, — диссонансы нервируют меня. А кроме того, вы безобразны, и мне неприятно на вас смотреть.

Внутри прозрачного туловища, жужжа, закрутились колесики и шестеренки. Джо до упора вытаращил закрепленные на кронштейнах глаза и принялся восхищенно осматривать себя.

Гэллегер, развалясь на кушетке, ехидно усмехался.

— Джо слишком раздражителен, — сказал он. — Да к тому же я, кажется, сделал его чересчур разносторонним. За час до вашего прихода он вдруг разразился гомерическим хохотом. Без малейшей причины. Я как раз возился с закуской. Через несколько минут я поскользнулся на огрызке яблока, упал и больно треснулся. Особенно обидно было, что я сам и бросил этот огрызок на пол. А тут еще Джо высунулся. «Вот так, — сказал он. — Логическая связь причины и следствия. Уже тогда, когда ты пошел заглянуть в почтовый ящик, я знал, что ты швырнешь этот огрызок, а после поскользнешься на нем». Не робот, а Кассандра. Жаль, что я никак не вспомню, для чего же его сделал.

Брок опустился на «Тарахтелку» — маленький генератор, служивший табуреткой (второй, большего размера, именовался «Чудовищем»), и попытался успокоиться.

— Роботы не совершенны.

— Об этом такого не скажешь. Он выводит меня из себя, я остро ощущаю свою неполноценность. Отвратительно, когда память дает сбои. Ладно, черт с ним. Выпьете?

— Нет. Я пришел к вам не развлекаться. Вы не шутите,

когда утверждаете, что всю прошлую неделю создавали этого красавца, вместо того, чтобы решать мою проблему?

— Оплата по завершении, верно? — оживился Гэллегер. — Кажется, я начинаю припоминать.

— По завершении, — охотно согласился Брок. — Десять тысяч, когда сделаете и если сделаете.

— Слушайте, давайте чек и забирайте робота. Ему же цены нет. Снимите его в каком-нибудь фильме.

— Да не будет у меня никаких фильмов, если вы не решите мою проблему! — взорвался Брок. — Сколько раз вам повторять?!

— Но я же был пьян, — объяснил ученый. — В этом случае мой мозг чище школьной доски перед звонком с перемены. Я превращаюсь в ребенка... Кстати, скоро я опять стану пьяным ребенком. Так что поспешите повторить ваше задание.

Брок справился с приступом ярости, выдернул из книжного шкафа подвернувшийся под руку журнал и вынул авторучку.

— Объясняю еще раз. Мои акции идут по двадцать восемь, это чуть меньше номинала... — Он принялся чертить на обложке журнала какие-то каракули.

— Ваше счастье, что вы не вытащили древнее издание, стоящее рядом. Этот раритет влетел бы вам в копеечку, — снисходительно обронил Гэллегер. — Да вы, оказывается, из тех, кто пишет на том, что подвернется под руку. Кончайте трепотню об акциях и прочей ерунде. Ближе к делу! Что вы пудрите мне мозги?

— Не трудитесь, — вмешался в разговор робот, томно закатывая глаза перед зеркалом. — Я не подпишу контракта. Впрочем, я разрешаю им приходить и любоваться мною, при условии, что все они будут говорить шепотом.

— Просто дурдом какой-то, — пробормотал Брок, сдерживаясь из последних сил. — Поймите, Гэллегер: ведь я все это объяснил вам уже неделю назад, однако...

— Однако; тогда еще не было Джо. Говорите так, будто вы излагаете свою проблему ему, а не мне.

— Э-э... Значит, так... Вы хотя бы знаете что-нибудь о фирме «Вокс Вью Пикчерс»?

— Естественно. Самая крупная и популярная телекомпания. Единственный реальный конкурент фирме «Сонатон».

— Так вот, «Сонатон» вытесняет меня с рынка.

Гэллегер был искренне изумлен.

— Но почему? Ваши программы выше на две головы.

Плюс объемное цветное изображение, суперсовременное оборудование, лучшие актеры, певицы...

— Не уговаривайте, — повторил робот. — Все равно не соглашусь.

— Замолкни, Джо. У вас же нет соперников, Брок. Я вовсе не льщу вам. И о вас все говорят, что вы честный человек. Как же «Сонатон» сумел вас обойти?

Брок только развел руками.

— Вся штука в политике. Контрабандные театры, слыхали? С ними невозможно бороться. Накануне выборов «Сонатон» поддержал правящую партию, и теперь, когда я хочу унять контрабандистов, полиция оказывается на их стороне.

— Контрабандные театры? — Гэллегер сосредоточился. — Я что-то слышал об этом...

— Начало этому было положено еще в старые добрые времена. Тогда телевидение начало борьбу со звуковыми фильмами и большими кинозалами. Людей отучали собираться перед экранами целой толпой. Появились домашние телевизоры новейших модификаций. Людям внушали, что куда лучше нежиться в кресле с выпивкой в руке и смотреть телесериалы. Телевидение уже не было предметом роскоши, доступной лишь богачам. Система счетчиков сделала его по карману и средним классам. Впрочем, это всем известно.

— Только не мне, — возразил изобретатель. — Я не интересуюсь тем, что творится за этими стенами без веской причины. Выпивка плюс целенаправленный ум. Все, что меня не занимает, я отметаю напрочь. Объясните мне все детально, чтобы я увидел общую картину. Если что-то повторите — не беда. Во-первых, что это за система счетчиков?

— Свои телевизоры мы не продаем, а сдаем напрокат, поэтому они устанавливаются в квартирах бесплатно. Оплата производится за время работы телевизора. Наши программы идут без перерыва — пьесы, видеофильмы, концерты, оперы, скетчи, интервью со звездами эстрады и спорта — словом, на любой вкус. Сколько вы смотрите, столько и платите. Раз в месяц работники компании снимают показания счетчика. Каждому по карману завести у себя в доме «Вокс Вью». Такого же принципа оплаты придерживаются и все остальные фирмы. До последнего времени мы мирно сосуществовали, пока мой главный соперник «Сонатон» не начал со мной войну, причем ударил ниже пояса. На прочую мелочь я внимания не обращаю, ведь всем надо как-то жить.

— И что же удумал «Сонатон»?

— Козырем «Сонатона» стал эффект массового присутствия. До недавних пор никто не думал, что это возможно,

не удавалось проецировать объемное изображение на большой экран: оно раздваивалось и расплывалось. Поэтому все использовали обычные домашние экраны, девятьсот на тысячу двести миллиметров. С превосходными результатами. Однако «Сонатон» сумел прибрать к своим рукам множество гнилых киношек на всей территории Штатов...

— Что значит «гнилая киношка»? — заинтересовался Гэллегер.

— Ну... до крушения звукового кино миром правило тщеславие. Гигантомания в том числе. Вы знаете гигантский мюзик-холл «Радио-сити»? Так это просто мелочь! С развитием телевидения началась беспощадная война между ним и кинопромышленностью. Кинотеатры пытались победить за счет увеличения размеров и сервиса. Они превращались в настоящие дворцы. Но когда телевидение все-таки победило, кинотеатры опустели, а сносить их оказалось слишком накладно. Огромные заброшенные помещения, представляете себе? Впрочем и небольшие тоже. Теперь их снова открыли и крутят там программы «Сонатона». Эффект массового присутствия сработал. Несмотря на дороговизну, билеты раскупают мгновенно. Необычность в сочетании со стадным инстинктом.

Гэллегер опустил веки.

— А почему бы и вам не пойти тем же путем?

— Из-за патентов, — объяснил Брок. — Я ведь говорил, что до недавнего времени объемное телевидение не могло использовать большие экраны. Лет десять назад мы с «Сонатоном» заключили договор, согласно которому каждая компания могла пользоваться любым усовершенствованием, позволяющим увеличить размеры экрана. Но затем «Сонатон» дал задний ход. Они заявили, что договор подложный, и суд принял их сторону. Суд и «Сонатон» в сговоре, ворон ворону глаз не выклюнет. Короче, их конструкторы нашли пути, дающие возможность применять большие экраны. Там неглупые люди, они подали двадцать семь заявок и получили ровно столько же патентов, напрочь исключив любую возможность использовать их идеи. Мои инженеры трудятся, не покладая рук, над поиском аналога, позволяющего в то же время обойти их патенты, но «Сонатон» не оставил ни одной лазейки. Его устройство носит название «Магна». Оно пригодно для любых телевизоров, но их патент позволяет применять ее только на телевизорах марки «Сонатон». Все понятно?

— Это не слишком этично, но вполне законно, — промолвил Гэллегер. — Но все-таки качество ваших фильмов

много выше. Люди предпочитают хороший товар. Деньги и размер изображения не самое главное.

— Согласен, — расстроенно сказал Брок, — но дело не только в этом. Журналисты успели забить всем головы новомодным термином ЭМП — эффект массового присутствия. Стадный инстинкт. Конечно, люди предпочитают товары лучшего качества. Но будете ли вы платить за кварту виски четыре зелененьких, если можете купить за две?

— Смотря какого качества. А в чем вообще дело?

— В контрабандных театрах, — ответил владелец «Вокс Вью». — Они возникают по всем Штатам, как грибы после дождя. И всюду демонстрируют мои программы, но пользуются для увеличения своей патентованной системой «Магна». Плата за вход маленькая, дешевле аренды нашего телевизора. Плюс ЭМП. Да, еще манящая прелесть нарушения закона. Люди сотнями отказываются от телевизоров «Вокс Вью», и понятно, почему. Дешевле и заманчивее посещать контрабандные театры.

— Но это же явное нарушение закона, — сказал изобретатель.

— Такое же, как бутлегерство во времена сухого закона. Здесь все зависит от контактов с полицией. Обращаться в суд бессмысленно, я уже пробовал. Иск обходится дороже. Так можно быстро разориться. А снизить стоимость проката «Вокс Вью» я тоже не могу. Плата за телевизоры и так мизерная. Прибыль достигается за счет числа абонентов. Теперь прибыли не будет. А кто стоит за аферой с контрабандными театрами, мне было ясно с самого начала.

— «Сонатон»?

— Именно. Нежданный партнер. Слизывает сливки с моего молока. Его цель — уничтожить меня, а потом захватить и монополизировать рынок. Это позволит ему показывать свою пакость и безжалостно обирать актеров. У меня-то все по-иному. Мои артисты получают по самому высокому тарифу и ценят это.

— А меня вы оценили в какие-то десять тысяч, — поддел магната Гэллегер. — Вам не стыдно?

— Это всего лишь аванс, — заизвинялся Брок. — Назначайте вашу цену. В разумных пределах, конечно... — быстро добавил он.

— Да уж назначу. Она будет астрономической. А что я, согласился тогда вам помочь?

— Да, вы приняли мой заказ.

— Значит, меня тогда осенила мысль, как вас выручить,

— успокоил собеседника Гэллегер. — Ну-ка, прикинем. Я не поминал о чем-нибудь конкретном?

— Вы без конца говорили о мраморном столе и о своей... как бы это выразится... подружке.

— Следовательно, я пел, — снисходительно объяснил ученый. — Пение действует на меня умиротворяюще, а лишь господу ведомо, как необходим покой моим издерганным нервам. Музыка и алкоголь. Дивлюсь я, что оно в руках виноторговцев...

— Что-что?

— Где вещь, что ценностью могла б сравниться с ним? Не обращайте внимания. Это рубаи Омара Хаяма о вине. Пустяки. От ваших инженеров есть хоть какой-то прок?

— Это лучшие инженеры. К тому же с высокими окладами.

— И эти гении не в состоянии решить проблему в обход патентов вашего конкурента?

— Если быть кратким, то да, не могут.

— Видимо, нам не обойтись без аналитической работы, — грустно резюмировал изобретатель, — а это для меня — нож острый. И все-таки сумма состоит из слагаемых. Вы это понимаете? Лично я — нет. Горе мне с этими словесами. Брякну что-нибудь, а потом сам не могу понять, что же я сказал. Это поинтереснее, чем театр, — несколько загадочно сказал он. — У меня голова начинает раскалываться. Так много слов и так мало спиртного. Итак, на чем мы прервались?

— На полдороге в дурдом, — ехидно молвил Брок. — Если бы вы не были моим последним шансом, я бы...

— Не трудитесь, — снова заскрипел Джо. — Разорвите контракт, Брок. Все равно я не скреплю его своей подписью. Я не гонюсь за славой. Я выше этого.

— Если ты не умолкнешь, — пообещал Гэллегер, — я заеду тебе в ухо.

— Давай! — завизжал Джо. — Колоти меня! Лупи сильнее! Чем подлее ты отнесешься ко мне, тем скорее подорвешь мою психику и таким образом убьешь. Мне наплевать. Я лишен инстинкта самосохранения. Бей, и ты увидишь, что я не боюсь тебя.

— А ведь Джо молодец, — задумчиво сказал изобретатель. — Это единственная разумная реакция на шантаж и запугивание. Если уж конец неизбежен, то чем скорее, тем лучше. Джо не признает нюансов. Любое сильное болевое ощущение уничтожит его. А ему наплевать.

— Как и мне, — пробурчал Брок. — Меня интересует лишь одно...

— Да-да, понятно. Что ж, подождем, возможно, что-нибудь и придет мне в голову. Как пройти на вашу студию?

— Вот вам пропуск. — Брок черкнул пару слов на обороте своей визитки. — Я могу надеяться на вас?

— Конечно, — легко соврал Гэллегер. — Идите и ни о чем не беспокойтесь. Попробуйте не нервничать. Я займусь вашим делом. Или я сразу же найду решение, или...

— Или что?

— Или не найду, — оптимистически закончил Гэллегер и коснулся кнопок алкогольного органа у себя под кушеткой. — Я устал от мартини. Ну что мне стоило сотворить робота-бармена, раз уж я занялся роботами. Иногда даже на кнопку нажимать невмоготу. Успокойтесь, Брок. Я сразу же возьмусь за ваше дело.

Но владелец «Вокс Вью Пикчерс» не успокоился.

— Хорошо, я надеюсь на вас. Если вам нужно от меня что-нибудь...

— Блондинку, — протянул Гэллегер. — Вашу сверхсуперзвезду Сильвию О'Киф. Направьте ее сюда. Это единственное, чем вы можете мне помочь.

— До свидания, Брок, — заскрипел робот. — Не огорчайтесь, что не заключили со мной контракта, вас должно утешить уже то, что вы услышали мой несравненный голос и даже лично любовались мною. Но не рассказывайте о нашей встрече всем и вся. Видит бог, мне не нужны толпы поклонников. Они слишком шумят.

— Что такое догматизм, познать до конца можно только после беседы с Джо, — заметил Гэллегер. — До встречи, и не забудьте про Сильвию О'Киф.

Лицо Брока исказилось мучительной гримасой. Он попытался что-то сказать, но не нашел слов, махнул рукой и пошел к выходу.

— Прощайте, уродливое создание, — простился с ним Джо.

Когда грохнула дверь, Гэллегер лишь покачал головой, хотя роботу с его нежным слухом сделалось совсем худо.

— Так тебе и надо! — сказал он. — Какая муха тебя укусила? Брок чуть с ума не сошел, слушая твои откровения.

— Не мнит же он себя киногероем, — парировал робот.

— Не в красоте счастье.

— Как же ты глуп. И безобразен так же, как Брок.

— А ты — мешанина из скребущихся колесиков, шестеренок и передач, не говоря уже о червяках, которые в тебе

так и копошатся, — парировал создатель робота, имея в виду, конечно, червячные передачи в корпусе своего детища.

— Я бесподобен. — Джо самозабвенно изучал себя в зеркале.

— Это может придти только в твою уродливую голову. И зачем только я сотворил тебя прозрачным.

— Чтобы все остальные могли любоваться мною. Лично у меня зрение рентгеновское.

— У тебя совсем крыша поехала. А почему я спрятал изотопный мозг в твоем животе? Другого места не нашлось, что ли?

Джо не реагировал. Поразительно противным, скрипучим голосом он тянул какую-то мелодию. Чтобы обрести моральные силы, Гэллегер подкрепился джином прямо из горлышка, но и это не помогло.

— Может, наконец, заткнешься? — взорвался он в конце концов. — Старый поезд метро на повороте и то мелодичнее.

— В тебе говорит зависть, — парировал робот, но, сжалившись, повысил тональность до ультразвуковой. После полуминутной тишины округу огласил собачий вой.

Гэллегер нехотя покинул кушетку. Пора было сматываться. Все равно в лаборатории не сосредоточишься, пока эта ожившая куча жестянок изливает на всех окружающих потоки самолюбования и самодовольства. Вдруг Джо рассмеялся противным кудахчущим смехом.

Гэллегер содрогнулся.

— Ну, что еще такое?

— Сейчас увидишь.

Черт бы побрал связь причин и следствий в сочетании с теорией вероятности, рентгеновским зрением и другими способностями, которыми он сам наделил этого проклятого Джо! Гэллегер тихо выругался, нахлобучил черную шляпу, давно утратившую первоначальную форму, и двинулся к выходу. Распахнув дверь, он чуть не сшиб с ног маленького толстяка, который тут же врезался головой ему в живот.

— Тьфу! Своеобразное чувство юмора у этого болвана-робота. Приветствую вас, мистер Кенникотт. Приятно видеть вас. Жаль, что нет времени, чтобы угостить вас стаканчиком.

Смуглая физиономия мистера Кенникотта злобно перекосилась.

— Плевал я на ваш стаканчик, верните мне мои кровные! Деньги на бочку. И нечего пудрить мне мозги!

Гэллегер равнодушно глядел сквозь посетителя, словно тот был стеклянным.

— Если уж вы так настаиваете, то признаюсь, что как раз собрался пойти за деньгами в банк.

— Вы купили у меня бриллианты, собирались их использовать для какого-то аппарата. И тут же вручили мне чек. Но его не принимают к оплате. Как вы это объясните?

— Его нечем оплачивать, — тихо признался изобретатель. — Я плохо помню свой банковский счет. Перерасход, видите ли.

Кенникотт едва не свалился с ног.

— Тогда возвратите камни.

— Я их уже куда-то приспособил. Только не помню, куда. Скажите, мистер Кенникотт, только честно: я был сильно пьян, когда их покупал?

— Да уж, — заверил толстяк. — Налакались до положения риз, точно. Но какое это имеет значение? Я не собираюсь ждать. Вы и без того довольно поморочили мне голову. Расплачивайтесь, или вам плохо придется!

— Убирайтесь прочь, мерзкое существо, — послышался из лаборатории голос робота. — Вы мне отвратительны.

Гэллегер торопливо вытолкал коротышку на улицу и запер дверь.

— Попугай, — объяснил он. — Руки все не доходят придушить его. Теперь о бриллиантах... Я же не отказываюсь платить. Только что я получил солидный заказ, и как только поступят деньги, рассчитаюсь с вами до последнего цента.

— Ну уж нет! Вы что, живете на пособие по безработице? Вы — служащий солидной фирмы. Неужто они откажут вам в авансе?

— Откажут, — грустно сказал Гэллегер. — Они мне уже заплатили за полгода вперед. Давайте сделаем так: я рассчитаюсь с вами в самое ближайшее время. Я надеюсь получить задаток у одного клиента. Договорились?

— Нет!

— Нет?

— Ну ладно, черт с вами! Даю вам один день. Ладно, пусть два. Но не больше. Достанете деньги — хорошо. Не достанете — тем хуже для вас. Сядете в долговую тюрьму.

— Двух дней мне хватит, — у Гэллегера отлегло от сердца. — А вы не знаете, есть здесь по соседству контрабандные театры?

— Вы бы лучше взялись за ум, а не занимались всякой ерундой.

— Но это не ерунда. Мне заказали статью о них. Где можно найти контрабандные притоны?

— Нет ничего проще. Идите в центр города. В дверях

торчит парень. У него купите билет. В любом месте вы наткнетесь на продавцов.

— Прекрасно, — промолвил Гэллегер, расставаясь со своим кредитором.

Для чего же ему понадобились бриллианты? Ему следовало бы избавиться от своего подсознания. Оно вечно издевалось над ним. Конечно, оно тоже подчинялось законам логики, но настолько извращенной, что сознательному мышлению Гэллегера она была абсолютно непостижима. И все-таки результаты часто бывали удивительно удачными и почти всегда — необычными. Да, жалок тот изобретатель, который конфликтует с классической наукой и творит по наитию.

В лабораторных колбах сохранились следы алмазной пыли — доказательство какого-то эксперимента, осуществленного подсознанием. В голове промелькнуло смутное воспоминание о том, как Кенникотт вручал ему драгоценности. Интересно... Возможно... Ну, да! Он заложил их в Джо. На подшипники или что-то в этом роде. Размонтировать, что ли, робота? Бессмысленно — огранка вряд ли уцелела. Почему понадобились бриллианты чистейшей воды, когда вполне можно было обойтись промышленными алмазами? Видимо, его подсознание предпочитало пользоваться лишь самыми лучшими материалами. Его не интересовали ни цены, ни состояние счета хозяина.

Гэллегер блуждал по центру города, как древний философ, ищущий человека, разве что без фонаря. Уже смеркалось, над головой зажглись неоновые вывески; многоцветные блики разукрасили небоскребы Манхэттена. Аэротакси шныряли на разных уровнях, подбирая пассажиров на крышах зданий. Тоска зеленая...

В центре было множество дверей. Наконец Гэллегер отыскал одну, в которой кто-то стоял, но это оказался торговец похабными открытками. Гэллегер плюнул и ощутил потребность в хорошей порции спиртного. Он направился в ближайший бар, который оказался передвижным, а потому соединял в себе самые мерзкие качества сельской карусели и коктейля, смешанного рукой дилетанта. Гэллегер помедлил у входа, но кончил тем, что вцепился в скользивший перед ним стул и попробовал сесть как можно вальяжнее. Он потребовал три «рикки» и быстро разделался с ними. Потом кликнул бармена и осведомился о контрабандных притонах.

— Нет проблем, черт возьми, — ответствовал страж

стойки и вытянул из-под фартука кучу билетов. — Много нужно?

— Хватит одного. И куда идти?

— С тебя два двадцать восемь. Дуй по этой улице, сам увидишь. Там спросишь Тони.

— Благодарю.

Гэллегер одарил своего консультанта щедрыми чаевыми, покинул вертлявый стул и побрел в указанном направлении. Передвижные забегаловки были модной новинкой, но его с них тошнило. По его глубокому убеждению выпивка доставляла удовольствие только в покойной обстановке, тем более, что в конце концов приводила именно к покою.

Зарешеченная дверь не скрывала лестничную клетку. Когда Гэллегер постучал, засветился видеоэкран, видимо, односторонний, потому что лица привратника не было видно.

— Мне нужен Тони, — сказал Гэллегер.

Дверь распахнулась, явив взору утомленного человека в надувных брюках, настолько тощего, что даже это одеяние не придавало ему солидности.

— Покажь-ка билетик. Все о'кей, парень. Дуй по коридору. Сеанс уже идет. Если хочешь выпить, бар налево.

Миновав короткий проход, Гэллегер открыл звуконепроницаемую дверь древнего театра постройки восьмидесятых годов, когда пластик применяли в дело и не в дело. Безошибочное чутье привело его к бару, где он подкрепился мерзким виски по убойной цене и, несколько взбодрившись, направился в набитый почти до отказа зрительный зал. На огромном экране — видимо, системы «Магна» — толпа людей грудилась вокруг звездолета. «То ли приключенческий фильм, то ли хроника», — решил Гэллегер.

Ничего, кроме соблазна преступить закон, не могло заманить зрителей в этот притон. Это была дыра самого последнего разбора. На его содержание тратились гроши, а билетеров вообще не наблюдалось. Но заведение было незаконным и поэтому особенно привлекательным для многих. Гэллегер внимательно изучал экран. Изображение было безупречным. Незарегистрированный телевизор фирмы «Вокс Вью» при помощи увеличителя «Магна» демонстрировал возбужденным зрителям одну из лучших актрис Брока. Циничный грабеж среди бела дня. Вот так-то.

Позднее, уже покидая зал, Гэллегер обратил внимание на полицейского в форме, оседлавшего приставной стул, и рассмеялся про себя. Фараон, ясно, билета не покупал. Вот и вся политика.

Через два квартала на этой улице яркие рекламы манили: «Сонатон Бижу». Это заведение было, конечно, легальным и, конечно, дорогим. Гэллегер широким жестом выложил бешеные деньги за билет на удобное место. Ему хотелось сравнить качество изображения на различных экранах. Судя по всему, и в «Бижу», и в пиратском театрике устройство «Магна» действовало одинаково безупречно. Инженеры «Сонатона» не даром ели свой хлеб.

Все прочее в «Бижу» было сногсшибательным. Вышколенный персонал кланялся посетителям чуть не в ноги. Выпивка в буфетах была бесплатной, но, к огорчению Гэллегера, отпускалась в ограниченных дозах. При театре были открыты даже турецкие бани, посетив которые, Гэллегер пришел в состояние, близкое к экстазу. Почти десять минут после этого он ощущал себя султаном.

Было ясно, что состоятельные люди посещали легальные театры «Сонатона», а все прочие предпочитали контрабандные киношки. Исключение составляла маленькая группа домоседов, не поддавшихся пока модным новациям. Но их становилось все меньше, и Брок в конце концов будет обречен на разорение. Его компанию поглотит «Сонатон», который, чуть погодя, взвинтит расценки и примется загребать деньги лопатой. Без зрелищ, как и без хлеба, нет жизни: люди привыкли к телевидению, как к наркотику. Альтернативы все равно нет. Когда «Сонатон» уничтожит конкурента, он станет монополистом, и у зрителей не будет выбора. Им придется платить и платить даже за второсортные зрелища.

Гэллегер вышел из «Бижу» и подозвал аэротакси. Он решил нанести визит Броку, смутно рассчитывая разжиться у него деньгами. Помимо этого, его интересовало еще кое-что.

Комплекс «Вокс Вью Пикчерс» заполонил весь Лонг-Айленд. Среди множества зданий разной величины и архитектуры Гэллегер безошибочно отыскал ресторан, где в целях профилактики принял свою традиционную дозу. Его подсознанию предстояло потрудиться, и он создавал для него творческую атмосферу. Да и виски было отменного качества.

Разделавшись с первой порцией, он решил пока воздержаться от повторения. Все же его возможности были не безграничны, хотя емкость приближалась к идеалу. Но в данном случае он хотел лишь уравновесить объективную ясность мышления с субъективным растормаживанием.

— Студия не закрывается на ночь? — спросил он официанта.

— Никогда. В каких-то павильонах обязательно идет работа. Ведь программа круглосуточная.

— В ресторане яблоку негде упасть.

— Здесь много пассажиров из аэропорта. Еще виски?

Гэллегер мужественно отказался и удалился, гордый собой. Визитная карточка Брока сделала его для служащих студии персоной грата, и он решил начать с самых верхов. Брока не было, но из его кабинета доносились женские голоса.

Секретарша попросила его секунду подождать, склонилась к внутреннему видеофону и тут же распахнула дверь в кабинет и пригласила:

— Прошу вас...

Гэллегер вошел. Кабинет был великолепный, изысканный и рабочий одновременно. Стены были украшены объемными снимками ведущих звезд «Вокс Вью». Миниатюрная, очень милая и очень взвинченная брюнетка, под защитой письменного стола отбивала бурные атаки яростного белокурого ангела. Ангелом была Сильвия О'Киф.

Гэллегер не замедлил воспользоваться подвернувшимся шансом.

— Салют, мисс О'Киф! Как насчет того, чтобы нацарапать мне автограф? Прямо на кубике льда в бокале?

Сильвия сразу превратилась в кошечку и замурлыкала:

— Милый, я, как ни печально, должна сама себя кормить. Кроме того, я сейчас на службе.

Брюнетка постучала ногтем по сигарете.

— Послушайте, Сильвия, давайте перенесем наш разговор. Отец велел принять этого субъекта, если он появится. Это очень важный посетитель.

— Я вернусь, — многообещающе протянула О'Киф. — Причем очень скоро.

Она эффектно покинула кабинет. Гэллегер легонько присвистнул ей вдогонку.

— Этот лакомый кусочек не по вашим зубам, — проинформировала его брюнетка. — У нее с нами контракт. А она спит и видит разорвать его и кинуться в объятья «Сонатона». Крысы бегут с корабля. Сильвия мечется с того самого момента, как уловила штормовое предупреждение.

— В самом деле?

— Присаживайтесь и можете закуривать. Меня зовут Пэтси Брок. Вообще-то капитаном здесь папаша, но когда он начинает психовать, мне приходится перехватывать штурвал. Старик не переносит конфликтов. Считает, что любой скандал — это выпад против него лично.

Гэллегер опустился в кресло.

— Итак, Сильвия собралась бежать. И много еще таких?

— Не так уж много. Большинство верит в нас. Но уж если мы погорим... — Пэтси Брок скорчила милую гримаску. — Они либо кинутся на поклон к «Сонатону» в расчете на кусок хлеба с маслом, либо попробуют жить без масла.

— Ага. Ну что же, надо бы поговорить с вашими инженерами. Интересно, что они думают о возможности увеличения экранов.

— Как хотите, — сказала Пэтси, — но толку не будет. Нельзя сделать увеличитель, не нарушая патентных прав «Сонатона».

Она надавила какую-то кнопку на подлокотнике кресла, что-то сказала в видеофон и через минуту из ниши на столе возникли два высоких запотевших стакана.

— Желаете, мистер Гэллегер?

— От коктейля «Коллинс» отказаться невозможно.

— Я уловила ваше дыхание, — несколько загадочно объяснила маленькая брюнетка. — К тому же папаша рассказывал о своем визите к вам. Он вернулся немного не в себе, в основном из-за встречи с вашим роботом. Это что, действительно, что-то особенное?

— Он и для меня загадка, — смутился Гэллегер. — У него множество разных способностей... очевидно, есть даже какие-то недоступные людям чувства... но, провалиться мне на этом месте, если я знаю, на что он способен. Пока он только крутится перед зеркалом.

Пэтси кивнула.

— Интересно было бы как-нибудь с ним познакомиться. Однако вернемся к нашим баранам. Вы надеетесь решить проблему «Сонатона»?

— Очень может быть. Даже скорее всего.

— Но гарантии нет?

— Ну, скажем, гарантия есть. Можете не беспокоиться.

— Вы даже не представляете себе, как я в этом заинтересована. Владелец «Сонатона» — Элия Тон. Это дурно пахнущий флибустьер. И вдобавок трепло. Его единственный отпрыск — Джимми. Вы не поверите, но этот тип читал «Ромео и Джульетту».

— Славный мальчик?

— Вошь. Здоровенная вошь с накачанными мускулами. Желает меня осчастливить, женившись на мне.

— «Нет повести печальнее на свете...»

— Ради Бога, — оборвала его Пэтси. — Учтите, я всегда считала Ромео слизняком. Если бы меня хоть на миг посе-

тила мысль о замужестве с Джимми, я бы без колебаний отправилась в психушку. Нет, мистер Гэллегер, дело обстоит совсем по-другому. Никакой фаты и свадебного платья. Джимми предложил мне руку и сердце, причем в своей обычной манере, которая заключается в том, что он хватает девушку в жесткий захват, как профессиональный борец, и при этом объясняет, какую высокую честь ей оказывает.

— Угу... — пробурчал Гэллегер и оказал высокую честь коктейлю.

— Весь этот план — патентная монополия и контрабандные притоны — все это выдумка Джимми, могу головой поручиться. Его предок тоже мразь порядочная, но именно Джимми замыслил весь этот рэкет.

— А для чего ему это?

— Он метит в две цели. «Сонатон» будет монополистом телебизнеса, а Джимми, как он думает, получит в монопольное пользование меня. Он немного чокнутый. Никак не может поверить, что я и вправду терпеть его не могу, все надеется, что я вот-вот пойду на попятную и приму его предложение. Но как бы ни сложились дела, я буду стоять на своем. Впрочем, это вас не касается. Но я не хочу ждать у моря погоды и беспомощно наблюдать, как осуществляются его планы. Хочу, чтобы самодовольная ухмылка сползла с его морды.

— Он настолько вам неприятен? — спросил изобретатель. — Если портрет близок к оригиналу, то я не смею вас осуждать. Однако, мне необходима субсидия. Текущие расходы, знаете ли.

— Сколько?

Гэллегер ответил без ложной скромности, однако наследница дела Броков выписала чек на значительно меньшую сумму. Изобретатель скроил гримасу оскорбленной добродетели.

— Не становитесь в позу. — Пэтси мило подмигнула ему. — Я навела о вас кое-какие справки, мистер Гэллегер. У вас совершенно атрофировано чувство ответственности. Получив больше, вы успокоитесь и сразу забудете о деле. Я буду подпитывать вас деньгами, когда понадобится... но только после детального отчета о ваших тратах.

— Меня оклеветали, — с достоинством возразил Гэллегер. — Я собирался пригласить вас в ночное заведение. Естественно, не в какую-нибудь забегаловку. А дорогие клубы и стоят соответственно. Еще один такой же чек решил бы проблему.

Девушка лукаво улыбнулась.

— Увы, нет.

— Может, купите у меня робота?

— Этого — ни в коем случае. Вы что хотите, чтобы папаша убил меня?

— Сдаюсь. Будем считать, что этого разговора промеж нами не было, — капитулировал Гэллегер. — А может быть...

В эту секунду включился видеофон. На экране возникла лишенная выражения абсолютно прозрачная физиономия. Внутри стальной головы вертелись, повизгивая, зубчатые колесики. Пэтси вжалась в кресло и тихо ойкнула.

— Известн Гэллегера, что он нужен Джо, о счастливое существо, — произнес скрипучий фальцет. — Сбереги память об образе и голосе моем до последних дней своего бренного существования. Свет прекрасного в этом мрачном, скучном и суетном мире...

Гэллегер обогнул письменный стол и посмотрел на экран видеофона.

— Черт возьми! Откуда ты взялся?

— Мне пришлось решать одну проблему.

— А как ты сумел меня найти?

— Я тебя опространствил.

— Как-как?

— Я опространствил, что ты в студии Брока, у его дочери.

— Что значит «опространствил»? — спросил Гэллегер.

— Это такое ощущение. У тебя ничего подобного нет, поэтому ты не поймешь. Нечто похожее на коктейль из сагражи с предзнанием.

— Какая еще «сагража»?

— Ну, конечно, ведь у тебя и сагражи отсутствует. Давай не будем терять время попусту. Меня ждет мое зеркало.

— Это его обычная манера беседы? — спросила Пэтси.

— Почти обычная. Бывает, что он говорит еще туманнее. Ладно, Джо. Какого черта тебе надо?

— Брок больше не твой работодатель, — объяснил Джо. — Я переуступил тебя парням из «Сонатона».

Гэллегер сдержался.

— Продолжай, продолжай. Похвались, как ловко ты спятил.

— Я не терплю Кенникотта. Он чересчур безобразен. И его излучения нервируют мое сагражи.

— Забудь о нем, — быстро сказал Гэллегер, которому вовсе не улыбалось, чтобы Пэтси оказалась в курсе его бриллиантовой эскапады. — Ближе к...

— Но я знал, что Кенникотт повадится ходить сюда, пока не вернет свои деньги. Поэтому, когда в лаборатории появились отец и сын Тоны, я согласился взять у них чек.

Пальцы Пэтси впились в локоть Гэллегера.

— Ну-ка, ну-ка! Что тут творится? Вульгарное жульничество?

— Нет же! Постойте! Я должен разобраться во всем. Джо, я выдублю твою прозрачную шкуру. Ты что сотворил? И как Тоны решились дать тебе чек?

— Я прикинулся тобою.

— Наконец-то я все понял, — ехидно усмехнулся Гэллегер. — Ты мне все растолковал. Мы же братья-близнецы. Похожи, как два стакана с виски.

— Я их загипнотизировал, — гордо объяснил Джо. — Заставил их думать, что я — это ты.

— Ты *можешь* гипнотизировать?

— Да. Я даже сам чуточку удивился. Хотя, если разобраться, можно опространствить и эту мою способность.

— Ты... Понятно. Я бы тоже опространствил такую вещь. *Но что же было дальше*?

— Видимо, Тоны догадались, что Брок обратится к тебе. Они предложили необычайно выгодный контракт — ты нанимаешься к ним и больше ни на кого не работаешь. Сулили огромные деньги. Тогда я прикинулся тобою и дал согласие. Скрепил контракт подписью, — естественно, твоей, — получил чек и отправил его Кенникотту.

— Весь чек? — упавшим голосом поинтересовался Гэллегер. — На какую же сумму?

— Двенадцать тысяч.

— Что, на большее Тоны не расщедрились?

— Нет, — объяснил Джо, — они предлагали сто тысяч сразу и еще по две тысячи еженедельно в течение пяти лет. Но я хотел только отделаться от Кенникотта, чтобы больше не видеть и не слышать этого противного человека. Поэтому я объявил, что двенадцати тысяч вполне достаточно. Тоны были весьма рады.

Гэллегер открыл рот, но не мог ничего сказать. Джо снисходительно кивнул ему.

— Я решил известить тебя, что теперь ты служащий «Сонатона». Дело сделано, и я возвращаюсь к зеркалу, где порадую себя собственным пением.

— Ну, все! — взорвался Гэллегер. — Теперь ты достал меня! Вот этими руками я разберу тебя до последней шестеренки и растворю в кислоте.

— Суд не утвердит этот контракт, — произнесла Пэтси, с трудом переводя дыхание.

— Утвердит, утвердит, — оптимистически заверил робот. — А сейчас брось на меня пристальный восхищенный взгляд, а то мне пора к зеркалу.

Гэллегер одним глотком опустошил свой стакан.

— Я настолько поражен, что даже протрезвел, — обратился он к Пэтси. — Что за программу вложил я в этого кретина? До какой патологии его довел? Загипнотизировать бизнесменов, заставить их поверить, что я это он, точнее, что он это я... Ну вот, я начал заговариваться.

— Это сюрприз, — подумав, сказала Пэтси. — А не могли вы за нашей спиной сговориться с «Сонатоном» и подпустить робота для алиби? Это... просто любопытство.

— Зря вы так. Контракт с Тонами подписал робот, а не я. Но... дело в другом: если подпись Джо неотличима от моей, если Тоны убеждены, что имели дело со мною, да еще были свидетели подписания контракта... Отец и сын... кровное родство не является препятствием для свидетельствования перед судом... Ничего себе положеньице!

Пэтси рассмеялась.

— Мы дадим вам столько же, сколько посулили Тоны, но после завершения дела. Но служите вы у нас, это однозначно. Мы же договорились!

Гэллегер бросил грустный взгляд на пустой стакан. Да, они договорились. Он служит у Броков. Но суд может постановить, что, согласно контракту, он на протяжении долгих пяти лет имеет право работать только на «Сонатон». Причем за жалкие двенадцать тысяч! *Это же надо придумать!* Сколько они давали? Сто тысяч на бочку и... и...

Деньги оказывались дороже принципа. Он был опутан, как Гулливер лиллипутами. Если Тоны обратятся в суд и тот удовлетворит их иск, то ему в течении пяти лет придется работать на них. Безо всякой дополнительной оплаты. Надо было как-то опротестовать контракт... и выручить Брока.

А почему Джо в стороне? Ведь именно он со своими непредсказуемыми способностями заварил эту кашу. Пускай сам и расхлебывает. В противном случае этому красавцу придется любоваться металлическим фаршем, в который он превратится.

— Совершенно верно, — пробурчал Гэллегер вполголоса. — Побеседуем с Джо. Пэтси, плесните мне еще капельку и пошли к конструкторам. Посмотрю, что они вам наработали.

Девушка недоверчиво взглянула на него.

— Хорошо. Но не надейтесь обмануть меня.

— Да меня самого только что так обманули... Предали и продали со всеми потрохами. Тревожит меня этот проклятый Джо. Это же надо, опространствить меня в такую историю. Точно, мне «Коллинс». — Гэллегер со смаком, неторопливо осушил стакан.

Затем девушка провела его в конструкторское бюро. С помощью сканера — приспособления, исключающего любую помеху — он внимательно изучил многочисленные чертежи, в том числе и кальки, приложенные к патентам «Сонатона». Сомнений не оставалось: конструкторы Тонов предусмотрели буквально все, не оставив ни малейшей лазейки. Только принципиально новое решение проблемы...

Но ведь новые принципы под ногами не валяются. К тому же, они не спасут положения. Если бы даже «Вокс Вью» сумел заполучить абсолютно новый увеличитель, не имеющий ничего общего с «Магной», все равно остались бы пиратские киношки, которые особенно больно бьют по карману Броков. Все теперь решает фактор ЭМП, эффекта массового присутствия. Когда он вышел на сцену, проблема перестала быть чисто теоретической. В нее включились уравнения с человеческими неизвестными.

Гэллегер бережно убрал эти соображения в один из маленьких ящичков своего мозга, чтобы извлечь, когда это потребуется. Но пока в конце тоннеля даже искорки не брезжило. Какая-то мысль надоедливо буравила его мозг.

Какая именно? Контракт с «Сонатоном».

— Я хотел бы повидаться с Тонами, — обратился он к Пэтси Брок. — Как это сделать?

— Вот видеофон. Вызвать их?

Гэллегер отказался.

— Психологически неверно. Они всегда могут отключиться.

— Если это так важно, стоит поискать их в одном из ночных клубов. Попробую выяснить, в каком именно.

Девушка стремительно удалилась, а на ее месте возникла Сильвия О'Киф.

— У меня нет предрассудков, — заявила актриса, — зато есть глаза и уши. Такие интересные вещи можно иногда узнать. Если вас интересуют Тоны, то они развлекаются в клубе «Кастл». И ловлю вас на слове — вы не забыли насчет коктейля?

— О'кей, — ответил Гэллегер. — Берите такси. Я быстренько предупрежу Пэт, что мы уезжаем.

— Вряд ли это ее порадует, — обронила Сильвия. — Жду вас у входа в ресторан минут через десять. Не опаздывайте.

Не найдя Пэтси Брок, Гэллегер оставил ей записку. Потом он заглянул в косметический салон, где нанес на свою физиономию тонкий слой прозрачного крема. Через две минуты он приложил к лицу специальную салфетку, и щетины как не бывало. Несколько облагородившийся таким образом, Гэллегер разыскал Сильвию и уселся с нею в аэротакси. Некоторое время они, удобно устроившись, потягивали сигареты и внимательно изучали друг друга.

— Ну-с... — прервал Гэллегер затянувшуюся паузу.

— Джимми Тон приглашал меня провести с ним сегодняшний вечер. Поэтому мне известно, где он находится.

— И что из этого следует?

— За последние несколько часов я задала больше вопросов, чем за целый год. Обычно посторонние не проникают так легко в святая святых «Вокс Вью». Поэтому я всем задавала один вопрос: «Кто такой Гэллегер?»

— Ну, и что же вам поведали?

— Ровно столько, чтобы я все поняла. Вы нужны Броку, верно? А для чего, понять нетрудно.

— Ну и что с того?

— Я такая киска, которая всегда падает на четыре лапки. — Сильвия весьма эффектно пожала плечами. — «Вокс Вью» горит синим пламенем. Тоны держат кинжал у его глотки. И если...

— Если я не спасу Брока, хотите вы сказать?

— Совершенно верно. Я хочу знать, на какой стороне изгороди должны приземлиться мои лапки. Не посоветуете, на кого ставить?

— Почему это вы всегда хотите оказаться на стороне победителя? Неужто ты напрочь лишена идеалов, женщина? Неужели ты не дорожишь истиной? Тебе хоть что-нибудь известно о таких вещах, как порядочность и этика?

Сильвия одарила его лучезарной улыбкой и промурлыкала:

— А тебе?

— Ну, мне-то известно. Но дело в том, что я обычно бываю настолько пьян, что не в состоянии разбирать эти высокие материи. А вот подсознание у меня абсолютно беспринципное, и когда оно выходит на передний план, то в силу вступает единственный закон — логика.

Сильвия выкинула сигарету в окно такси.

— Дай мне хотя бы ниточку, чтобы выбрать нужную сторону изгороди.

— Победит истина, — менторским тоном объявил Гэллегер. — Она всегда выплывает, но иногда как утопленник

— слишком поздно. В то же время, правда — штука непостоянная, следовательно, мы вернулись на круги своя. Ну ладно, детка. Только тебе одной. Хочешь быть на коне — держись поближе ко мне.

— А сам-то ты по какую сторону изгороди?

— Как тебе сказать, — грустно ответил изобретатель. — Сознанием я с Броком. Но мое подсознание совершенно непредсказуемо. Давай подождем чуток.

Сильвия удовольствия не выразила, но промолчала.

Аэротакси мягко спланировало на крышу небоскреба «Кастл». Клуб с тем же названием размещался в огромном зале, похожем на выдолбленную половинку тыквы. Столики были вмонтированы в прозрачные платформы, которые на специальных штативах могли вместе с клиентами подниматься или спускаться до любой высоты. Служебные минилифты помогали официантам развозить напитки. Такая конструкция зала не была вызвана необходимостью, просто ее необычность радовала глаз и возбуждала жажду. Только заядлые алкоголики падали иногда под столы, но для удобства этих немногих хозяева ресторана устроили специальную страховочную сетку.

Парочка Тонов — отец и сын — удобно устроилась под самым потолком с двумя эффектными девицами. Сильвия подтащила изобретателя к служебному лифту, и Гэллегер, закрыв глаза, взмыл к небесам не хуже заправского ангела. Все, что он до сих пор проглотил, разом взбунтовалось. Он качнулся вперед, схватился за плешивый череп Элии Тона и рухнул на стул рядом с телемагнатом. Его рука мгновенно отыскала рюмку Джимми Тона, и он одним глотком осушил ее.

— Что за черт!.. — ошеломленно проговорил Джимми.

— Это Гэллегер, — объяснил Тон-старший. — И Сильвия О'Киф. Какая приятная неожиданность! Побудьте с нами.

— Только на сегодняшний вечер, — игриво согласилась Сильвия.

Гэллегер, взбодренный чужой рюмкой, изучал мужскую часть честной компании. Младший был здоровенным загорелым парнем с подбородком супермена и высокомерной усмешкой. Старший являл собой помесь Нерона с аллигатором.

— Мы тут немножко развлекаемся, — сказал Джимми. — Хорошо, что ты появилась, Сильвия. А как же твоя ночная работа?

— Гэллегер попросил отвезти его к вам. Не знаю уж, для чего.

Светлые глаза Элии стали совсем прозрачными.

— Ну, и для чего же?

— Я слышал, будто мы с вами заключили какой-то контракт, — сказал Гэллегер.

— Вас не обманули. Посмотрите, вот фотокопия. Что еще?

— Секундочку... — Гэллегер бегло просмотрел бумагу. Его подпись была несомненной. Провалиться бы этому чертову роботу!

— Это подделка, — выговорил он наконец.

Джимми расхохотался.

— Понятненько. Хотите все переиграть. Вам не повезло, друг мой, отвертеться не удастся. Подписано при свидетелях.

— Вы, конечно, не поверите, — запинаясь начал Гэллегер, — если я скажу вам, что эта подпись подделана роботом...

— Ха-ха! — успел вставить Джимми.

— ...который с помощью гипноза заставил вас принять себя за меня.

Элия провел ладонью по своей полированной лысине.

— Должен огорчить вас, но не поверим. Роботам это не под силу.

— Моему под силу.

— А вы докажите это. Докажите на суде. Если сможете, то... — Элия весело хрюкнул. — То, может быть, вам и удастся выиграть судебный процесс.

Гэллегер прищурился.

— Это мне не приходило в голову. Однако речь о другом. Правда ли, что вы предлагали мне сто тысяч долларов единовременно, плюс еженедельную ставку?

— Совершенно верно, дурашка! — развеселился Джимми. — Но вы гордо заявили, что вас вполне устроят двенадцать тысяч. И сразу же получили их. Ладно, подсластим вам пилюлю: мы согласны выплачивать вам премию за каждое изобретение, которое нас заинтересует.

Гэллегер поднялся.

— Эти морды отвратительны даже моему меркантильному подсознанию, — информировал он Сильвию. — Покинем их.

— Я, пожалуй, задержусь ненадолго.

— Не забывайте об изгороди, — загадочно напомнил он. — Конечно, вольному воля... А я удаляюсь.

Элия напомнил:

— К вашему сведению, Гэллегер, — вы наш служащий.

Не дай бог, мы узнаем, что вы сделали для Брока хоть самую малость. Вы и ахнуть не успеете, как получите повестку в суд.

— Да неужто?

Тоны оставили эту реплику без ответа. Изобретатель вскочил в лифт и нажал кнопку нижнего этажа.

Теперь оставалось разобраться с одним. А именно, с Джо.

Через пятнадцать минут Гэллегер уже был в своей лаборатории. Там были включены все лампы; под аккомпанемент собак всех соседних кварталов Джо, — конечно же, перед зеркалом — беззвучно тянул свои арии.

— Пришло время опробовать на тебе кувалду, — обрадовал его Гэллегер. — Молилась ли ты на ночь, незаконнорожденная куча жестянок? Да простит меня Господь, но я готов к террористическому акту.

— Ну и давай, ну и круши, — заскрипел Джо. — Убедишься, что во мне нет страха. Ты просто не можешь смириться с моею красой.

— Ты, значит, мнишь себя красавцем?

— Тебе никогда полностью не постичь ее — у тебя же всего шесть чувств.

— Ты хочешь сказать, пять?

— Шесть. А у меня куда больше. Потому-то моя красота целиком понятна только мне одному. Но и того, что дано тебе видеть и слышать, вполне хватает, чтобы полностью признать мою неповторимость.

— Да и голос твой хуже несмазанной телеги, — уколол красавца Гэллегер.

— Твой слух несовершенен. А мои уши чувствительны уникально. Тебе недоступен весь диапазон моего божественного голоса. А сейчас я хочу тишины. Твоя болтовня тяготит меня, мешает наслаждаться видом моих шестеренок.

— Потешься, потешься, пока есть время. А я иду искать кувалду.

— Ну и давай, ну и круши, — повторил Джо. — Мне все равно.

Гэллегер в изнеможении рухнул на кушетку и уперся взглядом в прозрачную спину Джо.

— Ну и натворил же ты дел. Какого черта ты заключил контракт с «Сонатоном»?

— Я же тебе объяснял: чтобы мне больше не докучал Кенникотт.

— Ах ты, наглый, пустоголовый... тьфу! По твоей мило-

сти я попал в адскую переделку. Тоны могут вынудить меня выполнять все пункты контракта буквально, пока я не смогу доказать, что ты подписал его за меня. Ну ладно, у тебя есть шанс исправить это. Отправишься со мною в суд и продемонстрируешь свои гипнотические таланты или как они там у тебя называются. Убедишь судью, что можешь представляться мною, и что при встрече с Тонами так и сделал.

— И не надейся, — огорошил его робот. — С чего бы это?

— Ты же сам заварил эту кашу! — заорал Гэллегер. — Теперь сам ее и расхлебывай.

— Чего ради?

— «Чего ради»? Да хотя бы потому, что... ну... из соображений элементарной порядочности.

— Нельзя подходить к нам, роботам, с человеческими мерками, — парировал Джо. — Что мне ваша этика? Зачем мне тратить время, которое я могу использовать для подробного изучения собственной красоты. Лучше застыну перед зеркалом на вечные времена...

— Вечных времен у тебя не будет! — взорвался Гэллегер. — Скоро от тебя ни одной целой молекулы не останется.

— Как хочешь. Меня это не трогает.

— Так уж и не трогает?

— Ох уж этот ваш инстинкт самосохранения, — робот явно издевался. — Правда, вам, очевидно, без него не обойтись. Столь безобразные создания давно уничтожили бы друг друга из одного только отвращения к собственному уродству. Если человечество еще существует, то только благодаря этому страховому полису — инстинкту самосохранения.

— А если я лишу тебя зеркала? — спросил Гэллегер, сам не веря в действенность своей угрозы.

Ответом стали вытаращенные до упора глаза на кронштейнах.

— Я могу обойтись и без зеркала. Не говоря уж о том, что я могу представить себя локторально.

— Давай без подробностей. Остаток жизни я хотел бы провести подальше от дурдома. Послушай-ка, зануда, ведь робот обязан трудиться, делать что-то полезное.

— А я разве не делаю? Что может быть полезнее красоты?

Гэллегер, крепко зажмурившись, попытался собрать воедино разбегающиеся мысли.

— Вникни: допустим, я разработал для Брока принципиально новый тип увеличительного экрана. Но ведь из-за твоего дурацкого контракта его все равно приберут к рукам

Тоны. Если я не разделаюсь с контрактом, то любая моя работа становится бессмысленной.

— Гляди! — вскричал Джо в приливе восторга. — Крутятся! Какое совершенство! — И он замер, любуясь своими противно жужжащими потрохами.

Гэллегер побледнел от бессильной ярости.

— Чтоб тебе провалиться! — выругался он. — Ну ладно, я еще пообломаю тебе рога. Пойду спать. — Он поднялся и злорадно выключил свет.

— Бесполезно, — сказал робот. — Я прекрасно вижу во тьме.

Гэллегер изо всех сил хлобыстнул дверью. В полном мраке Джо беззвучно пел себе хвалебные гимны.

Одна из стен в кухне Гэллегера была занята большим холодильником. Среди разнообразных напитков, заполнявших его, главное место занимали жестянки с импортным пивом, прием которого обозначал прелюдию к очередному запою. Утром Гэллегер, не отдохнувший и неудовлетворенный, борясь с собою, поднес ко рту томатный сок, с отвращением сделал глоток и сразу же запил его внушительной порцией виски. Учитывая, что сногсшибательный запой длился уже неделю, Гэллегер не притрагивался к пиву, сохраняя традиционную для него систему потребления спиртного — от простого к сложному. Пищевой автомат швырнул ему герметически упакованный завтрак, и он нехотя ткнул вилкой в плохо прожаренный бифштекс.

— Итак...

Гэллегер считал, что остается одно — судебное разбирательство. Психология роботов была для него темным лесом. Однако способности Джо могли ошарашить любого судью. Конечно, по закону роботы не признавались свидетелями... и все-таки, если доказать, что Джо — механизм, способный гипнотизировать, суд может признать контракт с Тонами недействительным и расторгнуть его.

Чтобы не терять ни минуты, Гэллегер взялся за видеофон. Харрисон Брок еще не растерял своего влияния и связей, и потому предварительное слушание дела удалось назначить на этот же день. Однако чем все закончится, ведали лишь Господь да робот.

Последние часы перед судом Гэллегер провел в мучительных, но безрезультатных размышлениях. Он так и не мог решить, какой ключик подобрать к роботу. Если бы он знал, для чего изготовил Джо... но он никак не мог вспомнить. И однако...

В полдень он явился в лабораторию.

— Собирайся, умник, — бросил он, — мы едем в суд. Немедленно.

— И не подумаю.

— Отлично. — Гэллегер распахнул дверь и жестом пригласил двух здоровых парней с носилками, — Берите его, мальчики!

В общем-то, он блефовал. Способности Джо оставались загадкой, пределы возможностей — тоже. К счастью, робот был не так уж велик. Он сопротивлялся, возражал и даже скрипел, но его все-таки упаковали в смирительную рубашку и без труда положили на носилки.

— Перестаньте! По какому праву! Что вы себе позволяете?! Пустите меня, говорю вам! Пустите!!

— Вперед! — скомандовал Гэллегер.

Джо боролся мужественно, но его вытащили на улицу и сунули в воздушную карету скорой помощи. Там он сразу притих и только тупо смотрел в потолок. Гэллегер опустился на сиденье рядом со своим строптивым детищем. Машина мягко оторвалась от земли.

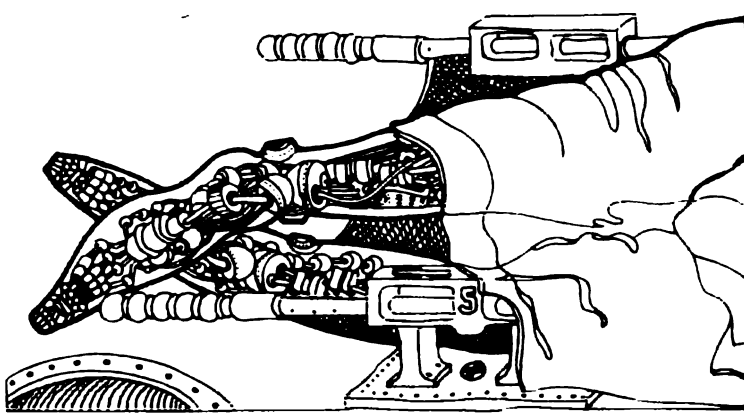
— Ну, что будем делать?

— Мне уже все равно, — ответствовал Джо. — Ты меня страшно разочаровал. Не знаю, почему я вас всех не загипнотизировал. Между прочим, это и сейчас не поздно. Или, может быть, для вас предпочтительнее бегать по кругу и тявкать по-собачьи?

Гэллегера передернуло.

— Не советую.

— Можешь не беспокоиться. Я не опущусь столь низко.

OSPITAL
5

Буду гордо лежать, любуясь собой. Ты же знаешь, что зеркало мне не нужно. Свою красу я могу опространствить и без него.

— Джо, — сказал Гэллегер. — Нас везут в суд, в большой зал. Там будет множество людей, и все они будут тобою любоваться. Представляешь себе, каким будет их восхищение, если ты продемонстрируешь свои гипнотические способности? Помнишь, как ты загипнотизировал Тонов?

— Меня не волнует число людей, которые в восторге от меня, — ответствовал робот. — Если они просто увидят меня, и то им сказочно повезло. Я буду рад за них. А пока помолчи. Разрешаю тебе тихо любоваться моими шестеренками.

Гэллегер любовался шестеренками своего мучителя, и глаза его горели от ярости. Он не мог успокоиться даже тогда, когда карета приблизилась к зданию суда. Парни — под наблюдением изобретателя — внесли робота в помещение и осторожно взгромоздили на стол. После короткого совещания робот был признан «вещественным доказательством № 1».

Зал суда был переполнен. Основные персонажи тоже были на месте; парочка Тонов держалась с самоуверенностью, близкой к нахальству, зато семейство Броков было явно взволновано. Водоразделом между этими двумя группировками стала предусмотрительная, как обычно, мисс Сильвия О'Киф. Председатель суда Хэнсон слыл педантом, но, по убеждению Гэллегера, был порядочным человеком. Это уже обещало кое-что.

Судья посмотрел на Гэллегера.

— Думаю, обойдемся без формальностей. Я изучил вашу краткую пояснительную записку по данному вопросу. Речь идет о том, заключали ли вы определенный контракт с корпорацией «Сонатон Телевижн Эмьюзмент». Вы согласны с такой формулировкой?

— Согласен, ваша честь.

— В таком случае дело будет слушаться без участия адвоката. Решение может быть обжаловано любой из сторон. В противном случае оно вступает в законную силу через десять дней после вынесения.

Эта новая форма упрощенного судебного разбирательства получила широкое распространение: она экономила время обеих сторон, свидетелей и экспертов, да и нервы тоже. Тем более, что после ряда скандальных процессов последних лет репутация адвокатов оказалась изрядно подмоченной. Прибегать к их услугам считалось теперь правилом дурного тона.

Судья Хэнсон начал с опроса Тонов, после чего пригласил на свидетельское место Харрисона Брока. Владелец «Вокс Вью» нервничал, но отвечал уверенно.

— Восемь дней назад вы заключили договор с заявителем?

— Да. Мистер Гэллегер взял на себя обязательство выполнить для меня определенную работу.

— Вы можете представить контракт?

— Нет. Договоренность была устной.

Хэнсон задумчиво взглянул на изобретателя.

— Заявитель в тот момент был пьян? Насколько мне известно, такое состояние для него не редкость.

Брок поколебался.

— Тест на алкоголь я не проводил. Не могу дать объективный ответ.

— Употреблял ли он в вашем присутствии спиртные напитки?

— Я не знаю, можно ли считать их *спиртными*...

— Если их употреблял мистер Гэллегер, то не только можно, но и нужно. Специальных доказательств не требуется. Могу это утверждать, поскольку однажды приглашал данного джентльмена в суд в качестве эксперта... Итак, доказательств того, что вы заключили с мистером Гэллегером контракт, вы представить не можете. У ответчика же, корпорации «Сонатон», такие доказательства наличествуют. Подпись заявителя признана подлинной.

Хэнсон жестом отпустил Брока со свидетельского места.

— Перейдем к вам, мистер Гэллегер. Сюда, пожалуйста. Оспариваемый вами контракт был подписан вчера около восьми вечера. Вы полностью отрицаете свою причастность, заявляя, что вещественное доказательство номер один, использовав свои гипнотические способности, представилось вами и подделало вашу подпись. Все эксперты, привлеченные по этому делу, единодушны во мнении, что ни один робот не способен на такое.

— Мой робот построен по новым принципам.

— Допустим. В таком случае попрошу, чтобы ваш робот загипнотизировал меня так, чтобы я поверил, что он — это вы, или любое третье лицо. Пусть подойдет сюда и примет любой облик, который пожелает.

— Попробую, — пробормотал Гэллегер и сошел со свидетельского места. Он приблизился к столу, на котором покоился Джо в смирительной рубашке — и в душе пожалел, что давно разучился молиться.

— Джо!

— Да.

— Ты слышишь меня?

— Да.

— Можешь загипнотизировать судью?

— Отстань, — ответствовал Джо. — Мне не до того, я всматриваюсь в себя.

Гэллегер вытер ладонью вспотевший лоб.

— Ну, пойми же. У меня очень скромная просьба. Единственное, что ты должен сделать, это...

Джо спрятал свои глаза и слабым голосом произнес:

— Я не слышу твоих слов. Я пространствлю.

Минут через десять судья Хэнсон не выдержал:

— Суд ждет, мистер Гэллегер.

— Ваша честь, я взываю к вашему терпению. Потребуется некоторое время, чтобы уговорить этого тупоголового Нарцисса выполнить ваше требование. Рано или поздно я заставлю его...

— У нас здесь справедливый и беспристрастный суд, — произнес Хэнсон. — В любое время, когда вы сможете представить свидетельства того, что вещественное доказательство номер один способно гипнотизировать, я вернусь к слушанию этого дела. До того времени контракт сохраняет силу. Ваш наниматель — «Сонатон», а не «Вокс Вью». Заседание суда объявляется закрытым.

Судья удалился. Тоны кололи оппонентов язвительными взглядами. Они покинули зал вместе с красавицей О'Киф, которая наконец выбрала для себя сторону изгороди. Гэллегер взглянул на Пэтси Брок и грустно развел руками.

— Что тут поделаешь?.. — виновато сказал он.

Девушка попыталась улыбнуться.

— Вас не упрекнешь. Вы, вроде бы, очень старались... Что ж, забудем. Возможно, что вы все равно не смогли бы найти удачное решение.

Подошел Брок. Ноги у него подгибались, лоб был в испарине.

— Даже не знаю, что и сказать. Сейчас сообщили, что в Нью-Йорке открылись еще шесть контрабандных театров. Сумасшествие какое-то!

— Может, мне обвенчаться с Джимми? — подпустила шпильку Пэтси.

— Черт бы его побрал! Только в том случае, если на свадьбе ты поднесешь ему цианистого калия. Все равно этим гадам меня не одолеть! Я найду какой-нибудь выход.

— Если уж Гэллегер не нашел, то тебе вряд ли удастся, — усомнилась девушка. — Чем же займемся теперь?

— Поеду-ка я к себе, — решил Гэллегер. — In vino

veritas*, как говорили древние. Когда началась эта заваруха, я был под мухой. Может быть, если я снова пройду этот путь от начала до конца, истина снова явится мне. Если же нет, завещаю вам мой труп. Можете продать его за любую цену.

— Договорились, — кивнула Пэтси, уводя своего родителя.

Гэллегер приказал погрузить робота в карету скорой помощи и углубился в невеселые размышления.

Час спустя Гэллегер снова валялся на заветной кушетке и увлеченно играл на своем алкогольном органе, одновременно бросая суровые взгляды на Джо; тот же тянул перед зеркалом свои скрипучие гимны.

Гэллегер не знал, выдержит ли его организм такое испытание алкоголем, но решил не отступать до тех пор, пока не найдет решение или пока не рухнет бесчувственным трупом.

Ответ скрывался в подсознании. Начать с того, для чего же он сотворил робота. Уж, наверное, не для иллюстрирования нарциссизма! Была какая-то другая причина, простая и убедительная, но как отыскать ее в алкогольных джунглях?

Назовем ее «фактором икс». Владея им, начинаешь управлять Джо. «Икс» — это рычаг управления, которому Джо не может не подчиняться. До настоящего времени робот ни разу не делал того, для чего предназначался, и это вызвало у него манию величия; если же занять его работой, он должен прийти в норму. Снова все упирается в «фактор икс».

Прекрасно! Гэллегер подкрепился глотком бурбона. Уф!

Суета сует и всяческая суета. А как же найти этот самый икс? Дедукцией? Индукцией? Искать в осмосе? А может, в ванне с шампанским?.. Гэллегер старался сосредоточиться, но мысли разбегались со скоростью галактик. Еще раз вернуться в тот вечер, на неделю назад...

Он пил пиво. Пришел Брок. Потом ушел. Он принялся делать робота... Это ясно. Пиво действует на организм не так, как крепкое спиртное. Может быть, он не тем себя стимулирует? Следует проверить. Гэллегер поднялся, принял тиамин, чтобы вернуться в норму, достал из кухонного холодильника целую кучу жестяных пивных банок и поставил их столбиком в маленький холодильник под окном, рядом с кушеткой. Он воздел консервный нож, и через секунду брызги пива взлетели к потолку.

Итак, «фактор икс». Джо-то известно, чему он равен. Но робот никогда не откроет этого. Вот он стоит, насквозь прозрачный, и любуется своими жестяными потрохами.

---

* In vino veritas *(лат.)* — Истина — в вине.

— Джо!

— Не отвлекай меня. Я размышляю о прекрасном.

— Но ты же вовсе не прекрасен.

— Нет, прекрасен. Как можно не восхищаться моим удивительным тарзилом?

— А это что еще такое?

— Ну, конечно, — с жалостью вспомнил робот. — Ты не в состоянии его ощутить, не правда ли? Как мне жаль тебя! Между прочим, я вмонтировал тарзил сам, уже после того, как ты собрал меня. Он необыкновенно прекрасен.

— Ах, вот как...

Пустые банки множились. Сейчас только где-то в Европе осталась единственная фирма, которая упорно продолжала торговать пивом в жестяных банках, а не в пластиколбах. Гэллегер не признавал новшества, считая, что жестянки придают напитку неповторимый вкус. Но он отвлекся от Джо. Робот знает свое назначение. А может, и не знает? Сам Гэллегер не знает, зато его подсознание...

Минуточку! Значит, подсознание...

А у Джо есть подсознание? Если есть мозг, то...

Гэллегер принялся фантазировать. Вот если бы можно было воздействовать на Джо детектором лжи... Или ввести, например, пентонал. Ерунда. Но как же добраться до подсознания робота?

А если гипнозом?

Но с Джо такой номер не пройдет. Он просто не позволит себя гипнотизировать.

Если только...

Самогипноз?!

Гэллегер срочно поднял уровень пива в себе. С напитком к нему возвращалось, как ни странно, трезвость мышления. Способен ли Джо к предвиденью? Нет. Его безошибочные пророчества имеют своим фундаментом безжалостную логику и законы вероятности. А его уязвимое место — безграничное самолюбование и самомнение.

Выйдет — не выйдет, чем черт не шутит. Риск — дело благородное! Попробуем.

Гэллегер приступил к осаде.

— Я вовсе не считаю тебя красавцем, Джо.

— Что мне твое мнение? Я *несомненно* красив, и я это знаю. Прочие меня не интересуют.

— Что ж... Согласен, чувств у меня меньше, чем у тебя. У тебя весьма богатые способности. Но теперь я изучаю тебя под другим углом зрения. Я напился и разбудил свое под-

сознание. Теперь я оцениваю тебя и сознанием, и подсознанием. Ты меня понимаешь?

— Рад за тебя, — ответствовал Джо.

Гэллегер прикрыл глаза.

— Ты видишь себя глубже, чем все остальные, но все-таки не до конца. Правильно?

— Почему же? Каков я есть, таким себя я и вижу.

— А ты уверен, что способен полностью понять и всесторонне оценить себя?

— А почему бы и нет? — насторожился робот. — Почему я должен сомневаться в этом?

— Твои выводы диктуются твоим сознанием. А ведь у подсознания, уверяю тебя, могут быть совсем иные ощущения. Я по себе знаю, что под гипнозом или под газом, или в любом другом случае, когда подсознание во мне побеждает, ко мне приходит совершенно новое и необычное восприятие окружающего.

— Любопытно, — Джо задумчиво глядел на свое отражение. — Очень любопытно...

— Жаль, что ты не можешь напиться, как я.

От волнения голос Джо стал еще более скрипучим, чем обычно.

— Подсознание... Мне не приходило в голову оценивать свое совершенство с такой позиции. Может быть, я и в самом деле сам обделяю себя.

— Пустой разговор, — с нарочитым безразличием обронил Гэллегер. — Все равно ты не сможешь освободить свое подсознание.

— Освобожу, — убежденно заявил робот. — Я же могу сам себя загипнотизировать.

Гэллегер затаил дыхание.

— Правда? И ты веришь, что гипноз подействует?

— Несомненно. Не буду откладывать. Хочу скорее найти те великие совершенства, которые я сам от себя *преступно* скрываю. Во славу... Начинаю.

Джо выдвинул свои глаза на шарнирах и направил их друг на друга, погрузившись в самосозерцание. В лаборатории повисла тишина.

Наконец Гэллегер нарушил молчание.

— Джо!

Никакой реакции.

— Джо!

Снова тишина, нарушаемая лишь далеким собачьим лаем.

— Говори так, чтобы я слышал тебя.

— Хорошо, — отозвался робот своим обычным скрипучим голосом, но звучал он, словно из потустороннего мира.

— Ты загипнотизировал себя?

— Да!

— Ты красив?

— Я так прекрасен, что даже не мог себе вообразить.

Гэллегер поостерегся спорить.

— Подсознание овладело тобою?

— Да.

— Зачем я тебя изготовил?

Молчание. Гэллегер облился холодным потом, но настойчиво повторил вопрос:

— Джо! Ты обязан сказать. В тебе превалирует подсознание — вспомни, это твои собственные слова. Итак, с какой целью я тебя сделал?

Гробовая тишина.

— Ну-ка, вспомни. Начнем с того момента, когда я начал тебя создавать. Как обстояло дело?

— Ты пил пиво, — через силу выговорил робот. — Консервный нож плохо справлялся с жестянкой. Ты решил сделать другой, лучшего качества и большего размера. Так вот, это я и есть.

Изобретатель едва не грянулся с кушетки.

— *Как?!!*

Джо подошел к холодильнику, достал банку пива и вскрыл с нечеловеческим изяществом. Ни одна капля не пролилась. Джо был королем среди консервных ножей.

— Вот что может случиться, если играть с наукой в прятки, — задумчиво произнес творец лучшего в мире консервного ножа. — Создать суперробота только для...

Он не успел закончить, потому что Джо встрепенулся и пришел в себя.

— Что происходит? — растерянно спросил он.

Глаза Гэллегера воссияли дьявольским огнем.

— Ну-ка, открой мне банку! — рявкнул он.

С мучительной неохотой робот выполнил приказ.

— Так. Значит, вы вспомнили. Теперь я должен подчиняться.

— Вот теперь ты совершенно прав. Я нашел то, что искал — главный рычаг управления. Теперь ты никуда не денешься, красавчик. Будешь за милую душу выполнять то, для чего был создан.

— Никуда не денешься, — мужественно признал Джо. — Но в свободное время никто не в силах помешать мне наслаждаться созерцанием моего облика.

Гэллегер решил поставить точку над «и».

— Слушай, ты, открывалка протяженносложенная! Если я снова отведу тебя в суд, ты загипнотизируешь судью Хэнсона? Если я прикажу, ты сделаешь это, верно?

— Сделаю. Теперь я лишен свободы выбора. Согласно моей программе я обязан подчиняться вам. До тех пор, пока я не получил от вас кодовой команды, — открыть пивную банку — я был свободен в своих действиях. Но вы нашли код, и теперь мне остается только беспрекословное подчинение.

— Отлично, — облегченно вздохнул Гэллегер. — Теперь я, хвала Всевышнему, хоть с ума не сойду. Во всяком случае, с этими Тонами разделаюсь. И нужно как-то выручать Брока.

— Но вы же нашли решение, — ошарашил его Джо.

— Что ты сказал?!

— Решение заложено во мне. После встречи с Броком вы нашли выход и воплотили его в моей конструкции. Возможно, сработало ваше подсознание.

Гэллегер хлебнул пива.

— Ну, а поконкретнее? В чем соль?

— Инфразвуковой сигнал, — объяснил робот. — Вы заложили в меня умение посылать инфразвуковой сигнал определенного уровня, который Брок должен транслировать в своих программах через неравномерные отрезки времени...

Инфразвук нельзя услышать. Но нельзя не ощутить. Сперва появляется слабая непонятная тревога, затем она усиливается и наконец перерастает в панику. Продолжается это недолго, но вкупе с ЭМП — эффектом массового присутствия — приводит к фатальным последствиям.

Владельцы домашних телевизоров «Вокс Вью» не ощутили ничего необычного. Выручала акустика. Ну, замяукала кошка, забеспокоилась собака. Люди, сидящие у своих телевизоров, не придавали этому большого значения. Ничего странного — усиление было минимальным.

Совсем иное — гнилые киношки, где нелегальные телевизоры «Вокс Вью» обслуживались усилителями «Магна»...

Сперва возникало малозаметное беспокойство. Но оно нарастало. Люди бросались к выходу. Они чего-то боялись, хотя, сами не знали, чего именно. Чувствовали лишь, что самое время сматываться.

Когда во время одной из трансляций «Вокс Вью» впервые применила инфразвуковой сигнал, во всех контрабандных театрах «Сонатона» начались беспорядки. Посетители покидали кинозалы толпами, сшибая друг друга. Только Гэллегер, Брок, его дочка да двое техников знали, что причина —

инфразвук такой тональности, которая больно бьет по Тонам и их нелегальному бизнесу.

Через час инфрасигнал повторился. Снова возникла паника, и снова опустели залы гнилых киношек.

Уже через несколько недель никакая сила не могла загнать человека в контрабандный театр. То ли дело у себя дома. Контрабандные театры пустовали, зато число желающих обзавестись телевизорами «Вокс Вью» резко возросло. Инфразвуковая атака принесла и второй, незапланированный результат: другой конец дубинки ударил и по легальным театрам «Сонатона». Произошло это самым простым образом. Никто не мог объяснить причину паники, которая охватывала посетителей контрабандных театров. Среди других причин наиболее правдоподобными считались клаустрофобия* и массовое скопление людей.

В один прекрасный день некая Джейн Уилсон, дамочка вполне заурядная, посетила контрабандный театр. Когда последовал инфразвуковой сигнал, она в страхе бежала, как и остальные зрители, но при этом ее больно толкнули.

Вечер следующего дня Джейн решила провести в блестящем «Сонатон Бижу».

В самый разгар драматического представления она вдруг ощутила себя ничтожной пылинкой в окружении огромного скопления чуждых и враждебных людей. В страхе она подняла глаза к небу, и ей показалось, будто потолок падает на нее. Джейн ощутила мучительную, неодолимую потребность немедленно бежать отсюда. Она неистово завизжала, тем самым как бы подтолкнув тех из зрителей, которые уже испытали на себе действие инфразвукового сигнала.

К счастью, паника не привела к человеческим жертвам: законы о противопожарных мерах соблюдались неукоснительно, и двери театра, достаточно широкие, распахнулись все разом. Жертв не было, но как-то неожиданно все поняли, что у людей возник новый условный рефлекс — неприятие зрелищ вкупе с большим скоплением зрителей. Элементарная психологическая ассоциация...

Через четыре месяца о контрабандных театрах уже никто не вспоминал, а супертеатры «Сонатона» были закрыты по причине отсутствия зрителей. Элия и Джимми Тоны вошли в глубокое пике. Зато довольны были все, кто был связан с «Вокс Вью».

Все, кроме Гэллегера. Получив у Брока сногсшибательную сумму, он сразу же послал в Европу телефонный заказ

---

* Клаустрофобия — боязнь замкнутого пространства.

на огромное количество пива в жестяных банках. Сейчас он валялся на своей кушетке в глубокой ипохондрии и дегустировал виски с едва заметной добавкой содовой.

Джо, как обычно, любовался движением своих механизмов.

— Джо!.. — позвал его Гэллегер слабым голосом.

— Слушаю. К вашим услугам. Что-нибудь угодно?

— К сожалению, ничего. В том-то и беда.

Гэллегер разыскал в кармане смятую телеграмму и перечитал ее. Телеграмма извещала, что пивоваренная промышленность Европы отныне пойдет в ногу со Штатами. Теперь пиво будет распространяться в стандартных и принятых во всем цивилизованном мире пластиколбах. Прощайте, жестянки!

Наступил век пластика. Даже для пива.

Для чего же теперь годен робот, созданный для откупоривания жестянок?

С глубоким вздохом Гэллегер приготовил себе очередную порцию, в которой наличие содовой носило чисто символический характер. Джо продолжал ломаться перед зеркалом.

Неожиданно он выкатил глаза, уставил их друг в друга и приступил к самогипнозу. Высвободив подсознание, он с новых позиций мог обозревать свои неисчислимые личные достоинства.

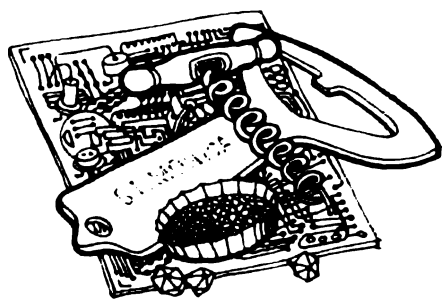
Гэллегер вздохнул еще печальнее.

В соседних кварталах завыли собаки. Ну и черт с ними.

Он выпил и заметно приободрился.

Через некоторое время, размышлял он, я запою «Фрэнки и Джонни». А почему бы на пару с Джо не образовать дуэт, какой еще не являлся миру — баритон вкупе с неслышимым инфразвуковым или ультразвуковым сопровождением. Это будет воистину *неслыханная* гармония.

Через несколько минут Гэллегер и его отставной консервный нож пели дуэтом. Под громкий собачий аккомпанемент.

EX MACHINA

— Идею мне подсказала бутылка с надписью «Выпей меня», — неуверенно произнес Гэллегер. — В технике я ничего не смыслю, разве что когда напьюсь. Не могу отличить электрона от электрода, знаю только, что один из них невидим. То есть, иногда отличаю, но бывает, путаю. Семантика — вот моя главная слабина.

— Твоя главная слабина — пьянство, — откликнулся прозрачный робот, со скрипом закидывая ногу на ногу. Гэллегер скривился.

— Ничего подобного. Когда я пью, голова у меня работает нормально, и только протрезвев, я начинаю делать глупости. У меня техническое похмелье. Настроение в жидком виде вытекает у меня через глаза. Верно я говорю?

— Нет, — ответил робот, которого звали Джо. — Ты просто разнюнился и ничего больше. Ты включил меня только для того, чтобы было кому поплакаться в жилетку? Я сейчас занят.

— Занят? Чем же?

— Анализом философии. Вы, люди, уродливые создания, но идеи у вас бывают превосходные. Ясная логика

чистой философии была для меня настоящим откровением.

Гэллегер буркнул что-то о вредном излучении, похожем на алмаз, и продолжал плакаться, потом вспомнил бутылку с надписью «Выпей меня», а та в свою очередь напомнила ему об алкогольном органе, стоящем возле дивана. Гэллегер, пошатываясь, побрел через лабораторию, огибая пузатые предметы, которые могли бы быть генераторами — «Чудовищем» и «Тарахтелкой» — не будь их три штуки. Эта мысль мгновение поплескалась в его мозгу. Кстати, один из генераторов все время на него таращился. Гэллегер отвернулся, упал на диван и принялся манипулировать ручками. Несмотря на все старания, в его пересохшее горло не вытекло из трубки ни единой капли алкоголя, он вынул изо рта мундштук и приказал Джо принести пиво.

Стакан был полон до краев, когда он подносил его к губам, но опустел прежде, чем он успел сделать хотя бы глоток.

— Очень странно, — сказал Гэллегер. — Я не готов к роли Тантала.

— Кто-то выпивает твое пиво, — объяснил Джо. — А теперь оставь меня в покое. Мне пришло в голову, что если я овладею основами философии, то смогу еще полнее оценить свою красоту.

— Несомненно, — ответил Гэллегер. — Пшел прочь от зеркала. А кто выпил мое пиво? Маленький зеленый чертик?

— Маленькая коричневая зверушка, — невразумительно объяснил Джо и вновь повернулся к зеркалу, не обращая внимания на разъяренного Гэллегера.

Бывали минуты, когда Гэллоуэй Гэллегер мечтал связать Джо и уничтожить его, облив соляной кислотой. Но вместо этого он налил себе еще стакан пива. Впрочем, с тем же результатом.

В ярости вскочил он на ноги и налил себе содовой. Вероятно, маленькая коричневая зверушка любила этот напиток еще меньше, чем он сам: вода не исчезла. Уже не так мучимый жаждой, но по-прежнему ошеломленный Гэллегер обошел третий генератор со светло-голубыми глазами и угрюмо осмотрел инструменты, валявшиеся на лабораторном столе. Еще там стояли бутылки, полные подозрительных жидкостей, явно безалкогольных, но этикетки говорили ему либо мало, либо вообще ничего. Подсознание Гэллегера, освобожденное накануне алкоголем, пометило их, чтобы облегчить опознание, но поскольку Гэллегер Бис, хоть и был гениальным изобретателем, мыслил довольно странно, эти-

кетки ничем не могли помочь. Одна из них сообщала: «Только кролики», другая спрашивала: «Почему бы и нет?», а третья извещала: «Рождественская ночь».

Кроме этого там громоздилась сложная конструкция из колесиков, шестеренок, трубок и лампочек, подключенная к сети.

— Cogito ergo sum*, — тихо пробормотал Джо. — Если мне никто не мешает. Гмм...

— Что ты там болтал о маленькой коричневой зверушке? — поинтересовался Гэллегер. — Она и вправду существует или ты так бредишь?

— А что такое реальность? — спросил Джо, еще более запутывая ситуацию. — Я еще не пришел к удовлетворительному ответу на этот вопрос.

— Удовлетворительному ответу!? — взвился Гэллегер. — Я просыпаюсь с жутким похмельем и не могу ничего выпить, а ты болтаешь о каких-то маленьких коричневых зверушках, которые пьют мое пойло. Да еще цитируешь устаревшие философские формулы! Дай мне только добраться до лома — вон он стоит в углу, — и сразу кончатся и твое мышление, и твое существование.

Джо сдался.

— Это очень маленькое существо, которое движется с огромной скоростью. Так быстро, что его просто не видно.

— Как же ты его заметил?

— Я его не замечал. Я его сенсировал, — объяснил Джо, наделенный неведомыми людям органами чувств.

— А где она сейчас?

— Минуту назад вышла.

— Ну что ж... — Гэллегер никак не мог найти подходящих слов. — Вчера вечером тут явно что-то произошло.

— Разумеется, — согласился Джо. — Но ты меня выключил, как только вошел тот гадкий человек с большими ушами.

— Ты слишком много болтал своим пластиковым языком... Какой еще человек?

— Гадкий. Ты сказал дедушке, чтобы он шел погулять, но никак не мог оторвать его от бутылки.

— Дедушка. Ага... А где он сейчас?

— Может, вернулся к себе в Мэйн, — предположил Джо. — Он все время грозился уехать.

---

* Cogito ergo sum *(лат.)* — Мыслю, следовательно существую. Исходный принцип философии Рене Декарта.

— Старик никогда не уезжает, пока не осушит весь погреб, — сказал Гэллегер.

Он включил аудиосистему и проверил все комнаты, но не получил ответа. Потом встал и начал поиски. Деда нигде не было.

Вернувшись в лабораторию и пытаясь не обращать внимания на третий генератор с большими голубыми глазами, Гэллегер вновь принялся разглядывать предметы на столе. Джо, все так же торчащий перед зеркалом, заявил, что верит в основополагающую философию интеллектуализма. Однако, добавил он, видя, что интеллект Гэллегера по-прежнему пребывает в состоянии невесомости, стоит включить магнитофон и послушать, что происходило здесь вчера вечером. Это была недурная мысль. Некоторое время назад, отлично зная, что трезвый Гэллегер не может вспомнить приключений Гэллегера пьяного даже под угрозой смертной казни, изобретатель установил в лаборатории видеокамеру, которая включалась сама, если того требовала обстановка. На каких принципах действовало это устройство, Гэллегер не смог бы объяснить. Каким-то чудесным образом оно проверяло содержание алкоголя в крови своего хозяина и начинало запись, когда тот достигал определенной кондиции. Сейчас аппарат был закрыт тканью. Придвинув поближе экран, Гэллегер начал просматривать события прошлого вечера и слушать запись разговоров.

Джо стоял в углу отключенный и, вероятно, размышлял. Дедушка — маленький сухой человечек с бурым лицом, похожий на щелкунчика — сидел на стуле, прижимая к себе бутылку. Гэллегер как раз вынимал изо рта мундштук алкогольного органа, закачав в себя достаточно много, чтобы включилась камера.

Средних лет худощавый мужчина с большими ушами, очень оживленный, подпрыгивал на краю дивана, не сводя глаз с хозяина.

— Вздор! — сказал дедушка писклявым голосом. — Когда я был молод, медведей убивали голыми руками. Все эти ваши современные идеи...

— Дедушка, — прервал его Гэллегер, — заткнись. Не настолько ты стар. А кроме того, ты известный враль.

— Помню, однажды в лесу на меня вышел медведь. Оружия у меня не было. И знаете, что я сделал? Сунул ему руку в пасть и...

— Твоя бутылка пуста, — заметил Гэллегер.

Последовала пауза, во время которой удивленный старик проверял, правда ли это. Оказалось, что нет.

— Мне горячо рекомендовали вас, — сказал мужчина с большими ушами. — Надеюсь, вы мне поможете. Мы с партнером оказались в трудном положении.

Гэллегер недовольно посмотрел на него.

— Так у вас есть партнер? И кто же он? И, кстати, сами-то кто такой?

Воцарилась мертвая тишина — мужчина с большими ушами пытался преодолеть замешательство. Дедушка опустил бутылку и сказал:

— Она не была пуста, но теперь опустела. Где следующая?

Человек с большими ушами произнес слабым голосом:

— Мистер Гэллегер, мы же обговорили...

— Знаю, — ответил Гэллегер. — Извините. Это все потому, что я ни черта не смыслю в технике, пока... э-э... меня не осенит. Тогда я делаюсь гением. Но страшно рассеянным. Я наверняка смогу решить вашу проблему, но, к сожалению, забыл, в чем она заключается. Вам лучше всего начать сначала. Кто вы такой и сколько мне уже заплатили?

— Меня зовут Джонас Хардинг, — ответил мужчина. — У меня с собой пятьдесят тысяч кредитов, но мы с вами еще не пришли к соглашению.

— Гоните бабки — и сразу договоримся, — заметил Гэллегер с плохо скрываемой жадностью. — Деньги мне нужны.

— Конечно, они тебе нужны, — вставил дедушка, не прекращая искать бутылку. — Твой счет пуст, в банке при виде тебя закрывают двери. Кстати, я бы выпил.

— Попробуй орган, — подсказал ему Гэллегер. — Итак, мистер Хардинг...

— Лучше бутылку. Не верю я этим твоим штучкам.

Мужчина, несмотря на свою заинтересованность, не скрывал растущего скептицизма.

— Что касается денег, — заметил он, — думаю, сначала нам нужно поговорить. Мне горячо рекомендовали вас, но, возможно, я пришел не вовремя и вы не в форме.

— Ничуть не бывало.

— Не понимаю, почему я должен давать вам деньги, пока мы не договорились, — осторожничал Хардинг. — Ведь вы даже не помните, кто я и что мне нужно.

Гэллегер вздохнул и сдался.

— Ну ладно. Тогда расскажите, кто вы и что вам нужно. То есть...

— Я уеду домой, — пригрозил дедушка. — Где бутылка?

Хардинг в отчаянии произнес:

— Мистер Гэллегер, все имеет свои границы. Я прихожу

к вам, ваш робот сходу меня оскорбляет, а ваш дед поит меня самогоном. Вы меня почти отравили...

— Самогон я всосал с молоком матери, — буркнул дедушка. — Нынешняя молодежь пить не умеет.

— В таком случае перейдем к делу, — предложил Гэллегер. — Мне уже лучше. Я только лягу на диван, и — можете начинать. — Он улегся, лениво потягивая джин из мундштука органа. Дед выругался. — Я вас слушаю. С самого начала.

Хардинг слабо вздохнул.

— Я совладелец фирмы «Надпочечники Лимитед». Мы предлагаем обслуживание в духе нашего времени. Как я уже говорил...

— Я все забыл, — буркнул Гэллегер. — Нужно было снять копию. Чем вы, собственно, занимаетесь?

— Пожалуйста, вот копия для вас. Мы занимаемся стимуляцией работы надпочечных желез. Сегодня человек живет спокойно и безопасно...

— Ха! — с горечью вставил Гэллегер.

— ...благодаря различным удобствам и устройствам, развитию медицины и общей структуре общественной жизни. Так вот, надпочечная железа выполняет очень важную роль в организме нормального здорового человека. — Хардинг явно оседлал любимого конька. — Когда-то давно мы жили в пещерах и, когда из джунглей выходил тигр, наши надпочечные железы начинали работать, поставляя организму адреналин. Следовала вспышка активности, побуждающая либо к схватке, либо наоборот — к бегству, и именно этот временный приток в кровь адреналина регулировал весь химизм организма. Я уже не говорю о достоинствах психической природы. Человек — существо агрессивное. Постепенно этот инстинкт утрачивается, но его можно пробудить, искусственно стимулируя надпочечные железы.

— Может, выпьем? — с надеждой в голосе предложил дедушка. Из лекции Хардинга он не понял ни черта.

Хардинг доверительно наклонился вперед.

— Развлечения, — сказал он. — Вот в чем дело. Мы предлагаем людям приключение. Безопасное, возбуждающее, очаровательное приключение для пресыщенных современных мужчин и женщин. Это не тот суррогат, который предлагает телевидение; мы даем настоящее приключение. «Надпочечники Лимитед» обеспечивает суперприключение, гарантируя при этом как физическое, так и психическое здоровье. Вы должны были видеть наши рекламы: «Ты хандришь? Ты устал? Отправляйся на охоту и вернешься иным человеком — мир будет принадлежать тебе».

— На охоту?

— Организация охоты — самая популярная из наших услуг, — ответил Хардинг, вновь переходя на деловой тон. — Впрочем, здесь нет ничего нового. Уже долгие годы бюро путешествий предлагают волнующую охоту на тигров в Мексике...

— В Мексике нет никаких тигров, — вставил дедушка. — Я там бывал. Предупреждаю, если ты не найдешь мне бутылку, я сейчас же уеду в Мэйн.

Однако Гэллегера проблема захватила.

— Откровенно говоря, не понимаю, чем могу вам помочь. Я не могу поставлять вам тигров.

— Мексиканский тигр относился к семейству кошачьих. Кажется, его называют пумой. По всему миру у нас размещены заповедники — они влетают нам в копеечку — где и проходят охоты, заранее спланированные до мельчайших деталей. Опасность нужно свести до минимума, точнее, исключить совершенно. Однако должна существовать видимость опасности, в противном случае клиент не оценит приключения. Мы пытались так дрессировать животных, чтобы в последний момент они отступали, но, честно сказать, особых успехов не добились. С грустью должен признать, что таким образом мы потеряли нескольких клиентов. Деньги в дело вложены большие и их нужно возвращать, однако мы пришли к выводу, что нельзя использовать ни тигров, ни каких-то иных крупных хищников. Это просто опасно. Но какая-то видимость опасности, конечно, необходима. Проблема заключается в том, что мы постепенно опускаемся до уровня стрелкового клуба, а в стрельбе по тарелочкам опасности ни на грош.

— Если вы хотите получить настоящее удовольствие, поезжайте со мной в Мэйн, и я покажу вам настоящую охоту. В наших горах и сейчас водятся медведи.

— Я начинаю понимать, — сказал Гэллегер. — Но если говорить об элементе опасности... интересно! Собственно, что такое опасность?

— Опасность, это когда кто-то хочет до тебя добраться, — объяснил дедушка.

— Неизвестное или чуждое тоже опасно по той простой причине, что мы его не понимаем. Поэтому истории о призраках всегда пользовались успехом. Рычание в темноте пугает сильнее, чем сам тигр при дневном свете.

Хардинг кивнул.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, но есть еще одна закавыка. Зверь не должен быть легкой добычей — что за

удовольствие убивать кролика! И, разумеется, мы должны снабжать наших клиентов самым современным оружием.

— Почему?

— По соображениям безопасности. Проблема в том, что со всеми этими радарами и усилителями обоняния любой дурак сумеет выследить и подстрелить зверя. В этом нет никакого риска, разве что дело коснется тигра-людоеда, но такой риск великоват для наших клиентов.

— Ну, так чего же вы от меня хотите?

— Я и сам не знаю, — медленно произнес Хардинг. — Может, какое-то новое животное. Чтобы оно соответствовало требованиям «Надпочечников». Но я просто не знаю, что бы это могло быть, иначе не пришел бы к вам.

— Трудно создавать новых животных из ничего.

— А где же их взять?

— Об этом я и думаю. С других планет? Из иных потоков времени, иных вселенных? Были у меня когда-то забавные зверушки из марсианского будущего, но они бы тут не подошли.

— Значит, с других планет?

Гэллегер встал, подошел к лабораторному столу и начал соединять какие-то шестеренки и трубки.

— Есть у меня одна идея. Скрытые резервы человеческого мозга... Мои скрытые резервы начинают пробуждаться к жизни. Сейчас, сейчас... А может...

Под руками Гэллегера начало складываться какое-то новое устройство, однако изобретатель непрерывно думал о чем-то. Внезапно он выругался, бросил все и вновь прильнул к алкогольному органу. Дед попытался сделать то же самое, но поперхнувшись первым же глотком джина, пригрозил, что вернется домой, заберет с собой Хардинга и покажет тому настоящую охоту.

Гэллегер столкнул старика с дивана.

— Мистер Хардинг, — сказал он, — завтра все будет готово. Еще один штрих...

— Я много о вас слышал, мистер Гэллегер, — сказал Хардинг, вынимая пачку банкнот. — Вы умеете работать только под нажимом. Вам нужно чувствовать нож у горла, иначе вы ничего не сделаете. Ну как так? Пятьдесят тысяч кредитов. — Он посмотрел на часы. — Даю вам час. Если за это время вы не решите мою проблему, наш договор будет расторгнут.

Гэллегер вскочил с дивана как ошпаренный.

— Вы шутите. Что такое один час?

Хардинг упрямо повторил:

— Я человек серьезный, и знаю о вас достаточно, чтобы понять, какой вы породы. Я могу найти других специалистов, и вам это хорошо известно. Итак, даю вам час. Если нет, я ухожу и уношу с собой пятьдесят тысяч кредитов!

Гэллегер пожирал деньги глазами. Он наскоро глотнул спиртного, тихо выругался и вернулся к начатому агрегату. На этот раз он работал без остановок.

Через несколько минут с лабораторного стола прямо ему в глаза ударил луч света. Гэллегер с воплем отскочил.

— С вами все в порядке? — обеспокоенно поинтересовался Хардинг.

— Разумеется, — буркнул Гэллегер, отключая ток. — Кажется, я понял, в чем тут дело. Этот свет... о-о-о! Он быстро заморгал, потом подошел к алкогольному органу, глотнул и повернулся к Хардингу.

— Я начинаю понимать, что вам нужно. Но не знаю, сколько времени это займет. — Он скривился. — Дед, ты ковырялся в органе?

— Не знаю, я только нажал несколько клавиш.

— Так я и думал. Это вовсе не джин. Бр-р-р!

— А что, самогон? — заинтересовался старик и направился к органу, чтобы снова попробовать.

— Ничего подобного, — ответил Гэллегер, подползая на коленях к видеокамере. — А это что? Шпион? Мы тут знаем, что делать со шпионами, ты, мерзкий доносчик. — С этими словами он встал, схватил одеяло и накинул на агрегат.

Разумеется, экран тут же погас.

— Каждый раз я умудряюсь перехитрить самого себя, — заметил Гэллегер, выключая магнитофон. — Я взял на себя труд сделать это устройство, а потом заслонил его в тот момент, когда начались действительно интересные события. Теперь я знаю меньше, чем прежде, потому что увеличилось число неизвестных.

— Мир познаваем, — буркнул Джо.

— Любопытная концепция, — признался Гэллегер. — Но греки додумались до этого уже довольно давно. Думаю, если ты хорошенько поработаешь головой, то вскоре откроешь, что дважды два — четыре.

— Тихо, жалкий человек, — сказал Джо. — Сейчас я перехожу к абстракциям. Пойди открой дверь и оставь меня в покое.

— Дверь? А зачем? Ведь никто не звонил.

— Сейчас позвонят, — заверил его Джо. — О, слышишь?

— Гости с самого утра, — вздохнул Гэллегер. — Впрочем, может, это дед. — Он нажал кнопку, вгляделся в экран,

но так и не узнал типа с лошадиной челюстью и густыми бровями. — Входите, — пригласил он, — и следуйте за ведущей линией.

Он алчно метнулся к органу.

Человек с лошадиной челюстью вошел в комнату, а Гэллегер сказал:

— Быстро, а то за мной гонится маленькая коричневая зверушка, которая выпивает все спиртное. Есть и еще парочка проблем, но эта самая главная. Я умру, если не выпью, так что говорите, в чем дело, и уходите. Надеюсь, я не должен вам денег?

— Это как посмотреть, — ответил мужчина с сильным шотландским акцентом. — Меня зовут Мердок Маккензи, а вы, надо полагать, мистер Гэллегер. Доверия вы у меня не вызываете. Где мой партнер и пятьдесят тысяч кредитов, которые были при нем?

Гэллегер задумался.

— Ваш партнер? Может, вы имеете в виду Джонаса Хардинга?

— Именно его. Моего партнера по фирме «Надпочечники Лимитед».

— Я его и в глаза не видел...

Однако тут вмешался Джо:

— Это тот мерзкий тип с большими ушами. Ну и гадок же он был!

— Все сходится, — кивнул Маккензи. — Я заметил, что эта ваша жужжащая машинка использовала прошедшее время. Вы случайно не убили моего партнера и не избавились от его тела с помощью какого-нибудь вашего изобретения?

— Интересно, с чего вы это решили, — сказал Гэллегер. — Может, у меня на лбу каинова печать? Или вы просто спятили?

Маккензи массировал свою лошадиную челюсть, одновременно разглядывая Гэллегера из-под густых бровей.

— Честно сказать, не велика потеря, — признался он. — В делах от него толку нет, он слишком пунктуален. Но, отправляясь к вам вчера вечером, он взял с собой пятьдесят тысяч кредитов. К тому же остается вопрос насчет тела, ведь страховая сумма огромна. Между нами, мистер Гэллегер, я бы ничего не имел против, если бы вы убили моего незадачливого партнера и забрали себе эти пятьдесят тысяч. Более того, я, пожалуй, оставил бы вам из них, скажем... десять тысяч. Но с условием, что вы представите документальное доказательство смерти Джонаса, чтобы мои доверители были удовлетворены.

— Логика, — восхищенно заметил Джо. — Чудесная логика. Удивительно, как эта логика может исходить от такого непрозрачного чудовища.

— Я выглядел бы еще чудовищнее, если бы имел такую же прозрачную кожу, как ты, — ответил Маккензи. — Конечно, если анатомические атласы не врут. Однако, мы говорили о теле моего партнера.

— Невероятно! — со злостью сказал Гэллегер. — Ведь в этом случае вы становитесь соучастником преступления.

— Ага, значит, вы признаетесь?

— Ни в коем случае! Вы слишком самоуверенны, мистер Маккензи. Держу пари, что вы сами убили Хардинга, а теперь пытаетесь подставить меня. С чего вы решили, что он мертв?

— Согласен, это требует объяснения, — заметил Маккензи. — Джонас был человеком серьезным, ни разу не бывало, чтобы он не явился на встречу, что бы ни случилось. Вчера вечером и сегодня утром у него были назначены встречи, в том числе и со мной. Кроме того, отправляясь к вам, он имел при себе пятьдесят тысяч кредитов.

— Откуда вам известно, что он сюда дошел?

— Я подвез его, высадил у ваших дверей и видел, как он входил.

— Однако вы не видели, как он выходит, а он все-таки вышел, — сказал Гэллегер.

Маккензи, нисколько не смущенный, принялся загибать свои костлявые пальцы:

— Мистер Гэллегер, сегодня утром я просмотрел записи о вас, и результат, признаться, неутешительный. В прошлом вы были замешаны в какие-то темные дела и не раз обвинялись в различных преступлениях. Доказать ничего не удавалось, но я подозреваю, что вы просто очень хитры. Полиция наверняка согласилась бы со мной.

— И на этот раз они ничего не докажут. Хардинг скорее всего дома, в своей кровати.

— А вот и нет. А пятьдесят тысяч кредитов — это куча денег, не говоря уже о его страховке, она еще больше. Фирма окажется в неприятном положении, если Джонас не отыщется, и дело наверняка кончится судебным процессом, а это дорогое удовольствие.

— Но я не убивал вашего партнера! — закричал Гэллегер.

— Ага, — усмехнулся Маккензи. — А если я сумею доказать, что это сделали вы, выигрыш для меня будет огромный. Надеюсь, вы понимаете ситуацию, мистер Гэллегер. Не

лучше ли признаться, сказать, что вы сделали с телом, и получить свои пятьдесят тысяч?

— Вы говорили о десяти.

— Вы, наверное, сошли с ума, — с нажимом сказал Маккензи. — Я ничего такого не говорил. По крайней мере, вы не сможете этого доказать.

— Может, выпьем и поговорим? Мне пришла в голову новая мысль.

— Отличная идея!

Гэллегер нашел два стакана и настроил алкогольный орган. Один стакан он протянул Маккензи, но мужчина покачал головой и взял себе второй.

— В этом может быть яд, — сказал он. — Ваше лицо не внушает доверия.

Гэллегер игнорировал его замечание. Он надеялся, что с двумя полными стаканами таинственная коричневая зверушка не справится, и попытался выпить виски залпом, но вновь испытал танталовы муки: на язык попала всего одна капля. Стакан был пуст. Опустив его, он посмотрел на Маккензи.

— Дешевый трюк, — сказал гость, ставя свой стакан на стол. — Я не напрашивался на даровую выпивку. Но как вы сделали, что виски исчезло?

Разочарованный Гэллегер буркнул:

— Я колдун, продал душу дьяволу. За два цента я могу сделать так, чтобы вы тоже исчезли.

Маккензи пожал плечами.

— Я не боюсь. Если бы вы могли, то давно бы так и сделали. Но что касается колдовства, я не настолько скептичен, особенно после того, как увидел это чудовище в углу. — Он указал на третий генератор, который вовсе не был генератором.

— Вы хотите сказать, что тоже его видите?

— Я вижу больше, чем вы можете себе представить, мистер Гэллегер, — загадочно ответил Маккензи. — И вообще, я иду в полицию.

— Минуточку... Это вам ничего не даст.

— Разговор с вами даст мне еще меньше. Раз вы так упираетесь, я попробую вызвать полицию. Если они сумеют доказать, что Хардинг мертв, я хоть получу его страховку.

— Подождите немного. Ваш партнер действительно был здесь. Он хотел, чтобы я помог решить одну проблему.

— И вы помогли?

— Н-нет, но вообще-то...

— Тогда и говорить не о чем, — ответил Маккензи и направился к дверям. — Мы вскоре увидимся.

Маккензи вышел, а Гэллегер задумчиво опустился на диван. Потом он поднял голову и принялся разглядывать третий генератор. Это был приземистый бесформенный предмет, нечто вроде усеченной пирамиды, и он пялился на него парой голубых глаз. Глаз, агатов или покрашенных в голубой цвет кусочков металла — Гэллегер не был уверен, что у него там такое. Предмет имел три фута в высоту и около трех футов в основании каждой стороны.

— Джо, — позвал Гэллегер, — почему ты мне об этом не сказал?

— Я думал, ты сам видишь.

— Я вижу, но не знаю, что это такое.

— Я тоже понятия не имею.

— А откуда он взялся?

— Только твое подсознание может знать, что ты сотворил вчера вечером. Может, знают еще дедушка и Джонас Хардинг, но их нигде нет.

Гэллегер подошел к видеофону и заказал разговор с Мэйном.

— Дедушка мог вернуться домой. Маловероятно, чтобы он взял с собой Хардинга, но нельзя исключать и эту возможность. Лучше проверить. Одно я знаю точно: у меня перестали слезиться глаза. Что это за штуку я собрал вчера вечером? — Он подошел к лабораторному столу и принялся изучать таинственную конструкцию. — Интересно, зачем я сунул туда рожок для обуви...

— Если бы у тебя всегда были под рукой нужные детали, Гэллегеру Бис не приходилось бы использовать что попало, — безжалостно заметил Джо.

— Угу... должно быть, я упился, и мое подсознание снова взяло верх... Нет, так нельзя! Джо, я больше не могу! Нужно бросать пить!

— Интересно, был ли прав Декарт?

— Что ты на меня таращишься?! — рявкнул Гэллегер. — Мне нужна помощь!

— От меня ты ее не получишь, — ответил Джо. — Дело совершенно ясное, нужно лишь пошевелить мозгами.

— Ясное? Ну, валяй, я тебя слушаю.

— Сначала я должен проверить одну философскую концепцию.

— Можешь не спешить. Когда я буду гнить в тюрьме, ты сможешь посвятить все время философским абстракциям. Налей-ка мне пива! Впрочем, не надо, все равно я не смогу его выпить. Как выглядит эта маленькая коричневая зверушка?

— Поработай, наконец, головой, — сказал Джо.

— В таком состоянии из нее вышла бы хорошая гиря, — буркнул Гэллегер. — Ты знаешь ответы на все вопросы, так почему не скажешь мне, вместо того, чтобы нести всякий вздор?

— Мир познаваем, — изрек Джо. — Сегодня — это логическое следствие вчера. Разумеется, ты решил проблему, поставленную перед тобой «Надпочечниками Лимитед».

— Правда? Ага, Хардинг говорил о каком-то новом животном или о чем-то в этом духе.

— И что?

— У меня есть два, — ответил Гэллегер. — Маленький невидимый алкоголик и вот это голубоглазое создание, что сидит на полу. Гмм... но откуда я их взял? Из другого измерения?

— А я почем знаю? Откуда-то взял.

— Да уж, наверняка, — согласился Гэллегер. — Может, я собрал машину, которая принадлежит иному миру. И может, дедушка и Хардинг сейчас в том мире! Что-то вроде обмена пленными. Впрочем, не знаю... Хардинг имел в виду животных, которые были бы не опасны, и в то же время создавали видимость опасности, чтобы заставить клиентов дрожать от страха. Но где же тут элемент опасности? — Он глотнул. — Разумеется, эти создания производят впечатление. Я, во всяком случае, дрожу.

— «Поступление адреналина в кровь регулирует химизм всего организма», — процитировал Джо.

— Получается, что, решая проблему Хардинга, я поймал этих существ или приобрел их каким-то иным образом... гмм... — Гэллегер встал напротив бесформенного голубоглазого чудовища. — Эй, ты!.. — позвал он.

Ответа не было, лишь голубые глаза продолжали вглядываться в него. Гэллегер осторожно коснулся пальцем одного из них.

Никакой реакции. Глаз был неподвижен и тверд, как стекло. Гэллегер коснулся гладкой голубоватой кожи — она напоминала металл. Превозмогая страх, он попытался поднять создание с пола, но безуспешно. Либо оно было невероятно тяжело, либо имело снизу присоски.

— Глаза, — произнес Гэллегер, — и никаких других органов чувств. Нет, Хардингу нужно было явно не это.

— Это очень умно со стороны черепахи, — сказал Джо.

— Черепахи? А, что-то вроде броненосца, верно? Ты прав, пожалуй. Вот только как убить или хотя бы поймать такое? Внешняя оболочка твердая, а само существо неподд-

вижно. Такому животному не нужно сражаться или убегать — черепаха ведь ничего такого не делает. А барракуда бы просто спятила, если бы попыталась сожрать черепаху. Идеальное животное для изнеженного интеллектуала, нуждающегося в острых ощущениях. Да, но как быть с адреналином?

Джо молчал. Гэллегер задумался, потом взялся за реактивы и аппаратуру. Сначала он попробовал на неподвижном чудище алмазное сверло, потом различные кислоты. Всеми возможными способами он пытался расшевелить голубоглазое создание и, наконец, после часа усилий робот прервал его яростные проклятия.

— Ну, и как у тебя с адреналином? — с иронией спросил он.

— Заткнись! — рявкнул Гэллегер. — Эта штука только сидит и таращится на меня!

— Злость, так же как и страх, подстегивает надпочечники. Я думаю, что таким вот пассивным сопротивлением можно привести в бешенство любого человека.

— Верно, — признался Гэллегер, с которого стекал седьмой пот. Он пнул странное создание и направился к дивану. — Достаточно поднять показатель огорчения и можно злость заменить раздражением. А что с этой коричневой зверушкой? На нее я нисколько не злюсь.

— Попробуй-ка выпить, — предложил Джо.

— Ты прав, я бешусь из-за этого маленького пьянчуги! Но если эта тварь движется так быстро, что ее не видно, то как ее можно схватить?

— Должен быть какой-то способ.

— Это существо так же неуловимо, как первое неприступно. Может, оно остановится, если накачается как следует?

— Тут все дело в обмене веществ.

— А-а, оно слишком быстро трезвеет, чтобы напиться? Возможно. Но тогда ему нужно очень много еды.

— А ты заглядывал на кухню? — спросил Джо.

Мысленно представляя пустую кладовку, Гэллегер встал и остановился перед голубоглазым созданием.

— А у этого вообще нет обмена веществ. Но должно же оно чем-то жить. Только вот чем? Воздухом? Возможно...

В дверь позвонили.

— Интересно, кто на этот раз? — буркнул Гэллегер и впустил гостя.

Вошел мужчина с воинственным выражением на румяном лице, сообщил Гэллегеру, что тот временно арестован,

и вызвал своих людей, которые тут же принялись обыскивать квартиру.

— Вас прислал Маккензи? — спросил Гэллегер.

— Точно. Меня зовут Джонсон, криминальная полиция. Недоказанный акт насилия. Желаете связаться со своим адвокатом?

— Да, — подтвердил Гэллегер, ухватившись за эту возможность.

Он позвонил знакомому адвокату и принялся описывать ситуацию, в которой оказался. Однако собеседник прервал его.

— Очень жаль, но я не берусь за дела, где пахнет мошенничеством. Вы знаете мои условия.

— А кто говорит о мошенничестве?

— Ваш последний чек оказался без покрытия. На этот раз или наличные, или разговор окончен.

— Я... минуточку! Я только что закончил одну работу. У меня будут деньги...

— Прежде чем стать вашим адвокатом, я хотел бы увидеть их, — ответил неприятный голос, и экран погас.

Детектив Джонсон похлопал Гэллегера по плечу.

— Ага, значит, у вас на счету пусто? Вам нужны деньги?

— Это ни для кого не тайна. Но нельзя сказать, что я вылетел в трубу. Я только что закончил...

— Одну работу. Это я слышал. И разбогатели. А на какую сумму? Случайно не на пятьдесят тысяч кредитов?

Гэллегер глубоко вздохнул.

— Больше я не скажу ни слова, — произнес он и вернулся на диван, стараясь не обращать внимания на полицейских, переворачивающих его лабораторию вверх ногами. Ему нужен был адвокат. И срочно. Но как нанять адвоката без денег? А если связаться с Маккензи?..

Он позвонил ему. Маккензи выглядел довольным.

— О, — сказал он, — я вижу, полиция уже пришла.

— Я о той работе, которую подкинул мне ваш партнер, — начал Гэллегер. — Я решил вашу проблему. У меня есть то, что вам требуется.

— Неужто тело Хардинга? — оживился Маккензи.

— Нет, животные, которых вы просили. Идеальная дичь.

— Жаль, что вы не сказали этого раньше.

— Приезжайте немедленно и отзовите полицию, — настаивал Гэллегер. — Я говорю серьезно: у меня есть для вас идеальная дичь для охоты.

— Не знаю, смогу ли я отозвать этих гончих псов, — ответил Маккензи, — но уже еду. Только помните: я не заплачу вам ни гроша.

— Вот тебе на! — буркнул Гэллегер и выключил видеофон. Тот тут же зазвонил. Гэллегер коснулся трубки, и на экране появилось лицо женщины, которая сказала:

— Мистер Гэллегер, в связи с вашим запросом о дедушке сообщаем: он не вернулся в Мэйн. Это все.

Лицо исчезло, а Джонсон тут же сказал:

— А что случилось с вашим дедом?

— Я его съел, — скривился Гэллегер. — Почему бы вам не оставить меня в покое?

Джонсон что-то пометил в блокноте.

— Ваш дедушка. Хорошо... нужно проверить. А кстати, что это такое сидит там? — он указал на голубоглазое существо.

— Я изучал случаи воспаления костного мозга у головоногих.

— Ага, понятно. Спасибо... Фред, проверь, что там с дедом этого парня. Куда ты смотришь?

— На этот экран. Он включен.

Джонсон подошел к магнитофону.

— Думаю, нужно его конфисковать. Вероятно, там нет ничего важного, но... — Он коснулся переключателя. Экран остался пустым, но голос Гэллегера произнес: «Мы тут знаем, что делать со шпионами, ты, мерзкий доносчик».

Джонсон вновь нажал переключатель и посмотрел на Гэллегера. Его румяное лицо оставалось неподвижным, пока перематывалась лента. Гэллегер сказал:

— Джо, дай мне тупой нож. Я хочу перерезать себе горло, но медленно и со вкусом.

Однако Джо, занятый философскими рассуждениями, не потрудился даже ответить.

Джонсон начал просматривать видеозапись. Достав какой-то снимок, он сравнил его с тем, что показывал экран.

— Отлично, это Хардинг. Спасибо, мистер Гэллегер, что сохранили это для нас.

— Пустяки, — откликнулся тот. — Я даже готов показать палачу, как ловчей завязать петлю у меня на шее.

— Ты записываешь, Фред? Вот хорошо.

Пленка неумолимо вращалась, а Гэллегер старался убедить себя, что на ней не может быть ничего особенного.

Его надежды развеялись дымом, когда изображение исчезло с экрана — это был момент, когда он накинул на камеру одеяло. Джонсон поднял руку, требуя тишины. На экране по-прежнему ничего не было видно, но голоса звучали отчетливо.

«У вас еще тридцать семь минут, мистер Гэллегер».

«Подождите немного, сейчас будет готово. Мне очень нужны ваши пятьдесят тысяч кредитов».

«Но...»

«Спокойно, все уже готово. Еще чуть-чуть, и все ваши проблемы кончатся».

— Неужели я все это говорил? — бросил в пространство Гэллегер. — Ну и идиот! Почему я не отключил микрофон, когда накрыл объектив?!

«Ты же медленно убиваешь меня, сопляк!»

— Старик имел в виду всего лишь еще одну бутылку, — простонал Гэллегер. — Ну, не будь дураком, приятель, и сделай так, чтобы фараоны тебе поверили! Эге... — Он вдруг оживился. — Может, так я смогу узнать, что случилось с дедом и Хардингом. Если я выстрелил их в иной мир, может, будет какой-нибудь след.

«А теперь внимание, — сказал голос Гэллегера с пленки. — Я объясню вам, как это делаю. Да, еще одно: я хочу потом это запатентовать, поэтому не желаю никаких шпионов. Вы двое никому ничего не скажете, но магнитофон по-прежнему включен на запись. Когда я прослушаю это завтра, то скажу себе: Гэллегер, ты слишком много болтаешь. Есть только один способ сохранить тайну. Раз — и все!»

Кто-то крикнул, но крик оборвался на середине. Магнитофон умолк, воцарилась полная тишина.

Открылась дверь, и вошел, потирая руки, Мердок Маккензи.

— А вот и я, — сказал он. — Я понял так, что вы решили нашу проблему, мистер Гэллегер. Может, мы с вами и договоримся. В конце концов, нет точных доказательств того, что вы убили Джонаса. Я возьму назад обвинение, если у вас действительно есть то, в чем нуждается наша фирма.

— Дай-ка мне наручники, Фред, — потребовал Джонсон.

— Вы не имеете права! — запротестовал Гэллегер.

— Ошибочное утверждение, — заметил Джо, — опровергаемое в данный момент эмпирическим способом. До чего же вы, люди, нелогичны.

Развитие общества всегда отстает от развития техники. В те времена, когда техника стремилась все упростить, общественная система была исключительно сложна, частично в результате исторических условий, а частично из-за тогдашнего развития науки. Возьмем, к примеру, юриспруденцию. Кокберн, Блеквуд и многие другие установили некие

общие и частные правила относительно, скажем, патентов, однако одно небольшое устройство могло лишить их всякого смысла. Интеграторы могли решать проблемы, с которыми не справлялся человеческий мозг, и потому в эти полумеханические коллоиды требовалось встраивать различные системы безопасности. Более того, электронный умножитель мог не только опрокинуть патентные правила, но также нарушить право собственности, и потому юристы исписывали целые тома о том, является ли право на «новинку» действительной собственностью, считать ли сделанное на умножителе подделкой или копией; а также о том, можно ли считать массовое дублирование шиншилл непорядочным по отношению к производителю, использующему традиционные способы. Мир, упоенный техническим прогрессом, отчаянно пытался удержать равновесие. В конце концов вся эта неразбериха должна была кончиться. Но еще не сейчас.

Таким образом машина правосудия была конструкцией гораздо более сложной, нежели интегратор. Прецеденты противоречили абстрактной теории, точно так же, как адвокат адвокату. Теоретикам все казалось ясным, но они были слишком непрактичны, чтобы давать советы; можно было нарваться на язвительное замечание: «Что, мое изобретение нарушает право собственности? Ха! Значит, к черту право собственности!»

Но ведь так же нельзя!

Во всяком случае не в мире, который тысячелетиями обретал относительное чувство безопасности в прецедентах общественных отношений. Плотина формальной культуры начала протекать во многих местах одновременно, и если бы человек обратил на это внимание, он увидел бы сотни тысяч маленьких фигурок, мечущихся от одной дыры к другой и отважно затыкающих их пальцами, руками и головами. Однажды людям предстояло обнаружить, что за этой плотиной нет грозного океана, но и этот день еще не пришел.

В некотором смысле это было на руку Гэллегеру. Официальные лица неохотно принимали решения, поскольку необоснованный арест мог означать для них огромные неприятности. Упрямый Мердок Маккензи воспользовался этим положением: он поговорил со своим адвокатом и сунул палку в спицы колеса закона. Адвокат, в свою очередь, побеседовал с Джонсоном.

Прежде всего, не было тела. Видеозапись — недостаточное доказательство, А кроме того, были серьезные сомнения в правомерности ордеров на арест и обыск. Джонсон позвонил в Юридический Центр, и над головами Гэллегера и без-

заботного Маккензи разразилась настоящая буря. Кончилась она тем, что Джонсон и его люди убрались восвояси, забрав с собой вещественные доказательства и пригрозив, что вернутся, как только кто-нибудь из судей подпишет нужные бумаги. «А пока, — пообещал Джонсон, — перед домом останутся сотрудники полиции». Послав Маккензи бешеный взгляд, он вышел.

— А теперь к делу, — сказал Маккензи, потирая руки. — Между нами говоря, — он доверительно наклонился вперед, — я очень доволен тем, что избавился от своего партнера. Независимо от того, убили вы его или нет, я надеюсь, что его так и не найдут. Теперь я смогу вести дела по-своему.

— Ну, хорошо, — сказал Гэллегер, — а как быть со мной? Меня арестуют, как только Джонсон получит нужные документы.

— Но не осудят, — подчеркнул Маккензи. — Ловкий адвокат вытащит вас. Однажды возбудили похожее дело, но адвокат прибег к метафизике и доказал, что убитый никогда не существовал. Истинность доказательства была спорна, но убийцу оправдали.

— Я обыскал дом, — сказал Гэллегер, — впрочем, люди Джонсона тоже. Нет ни следа ни Джонаса Хардинга, ни моего деда. И, говоря откровенно, мистер Маккензи, я понятия не имею, что с ними произошло.

Маккензи неопределенно махнул рукой.

— Прежде всего нужно действовать методически. Вы говорили, что решили некую проблему для «Надпочечников Лимитед». Признаться, меня это заинтересовало.

Гэллегер молча указал на голубоглазый генератор. Маккензи задумчиво взглянул на него.

— Ну и что? — спросил он.

— Это именно оно. Идеальная дичь.

Маккензи подошел к странному объекту, постучал по нему и заглянул в лазурные глаза.

— И быстро бегает это создание? — спросил он.

— Ему совсем незачем бегать, — ответил Гэллегер. — Оно вообще с места не двигается.

— Гмм... Если бы вы объяснили мне...

Впрочем, объяснение явно не понравилось Маккензи.

— Нет, — сказал он. — Я не вижу в этом толка. Охота на такую дичь не заставит человека волноваться. Вы забываете, что нашим клиентам требуется возбуждение, результатом которого будет стимуляция надпочечных желез и выделение адреналина.

— Они получат его вдоволь. Ярость дает тот же эффект, что и возбуждение... — Гэллегер углубился в объяснения.

В ответ Маккензи покачал головой.

— И страх и ярость приводят к избытку энергии, которую нужно на что-то расходовать, а поскольку дичь совершенно пассивна, это невозможно. Так можно вызвать только невроз, тогда как мы стараемся с ним бороться.

Отчаявшийся Гэллегер вспомнил о маленькой коричневой зверушке и принялся расписывать ее достоинства, но когда Маккензи потребовал показать ее, быстро ушел от этого.

— Нет, — сказал наконец Маккензи. — Как можно охотиться на что-то невидимое?

— Но есть ведь усилители обоняния, ультрафиолет... Кроме того, это хороший тест на изобретательность.

— Наши клиенты не изобретательны. Им это ни к чему. Им требуется встряска, отдых от слишком тяжелой или слишком легкой работы, словом, разрядка. Они не собираются ломать головы над изобретением способа поймать нечто, передвигающееся быстрее призрака, или гоняться за дичью, которая не двигается с места. Вы башковитый парень, мистер Гэллегер, но, похоже, мне лучше всего заняться страховкой Джонаса.

— Минуточку...

Маккензи поджал губы.

— Признаться, в этих животных что-то есть, но какая польза от дичи, которую нельзя поймать? Если бы вы разработали какой-то метод ловли этих созданий из другого мира, может, мы и договорились бы. Но пока я не собираюсь покупать кота в мешке.

— Я наверняка найду какой-нибудь способ, — в отчаянии пообещал Гэллегер. — Но не в тюрьме же.

— Вы меня обманули, мистер Гэллегер, уверяя, будто решили нашу проблему. А что касается тюрьмы, то, возможно, доза адреналина разбудит ваш мозг настолько, что вы найдете способ охоты на своих животных. Но, разумеется, и в этом случае я не могу давать вам поспешных обещаний...

Мердок Маккензи улыбнулся Гэллегеру и вышел, тихо закрыв за собой дверь. Гэллегер принялся грызть ногти.

— Мир познаваем, — убежденно произнес Джо.

Положение еще более осложнилось, когда на экране телевизора появился седой мужчина и сообщил, что один из чеков Гэллегера оказался без покрытия. Триста пятьдесят кредитов, сказал он. Что прикажете с ними делать?

Гэллегер рассмотрел плакетку на пиджаке мужчины.

— Вы из Объединенных Лабораторий «Новая Жизнь». А что это такое?

— Биологическое, медицинское и лабораторное оборудование, мистер Гэллегер.

— А что я у вас заказывал?

— Вы заказали шестьсот фунтов витаплазмы высшего сорта. В течение часа товар был доставлен.

— А когда...

Седовласый пустился в детальные объяснения. Когда он закончил, Гэллегер дал несколько лживых обещаний и отвернулся от погасшего экрана. Потом он в отчаянии оглядел лабораторию.

— Шестьсот фунтов искусственной протоплазмы, — буркнул он. — Заказ Гэллегера Бис.

— И ее доставили, — добавил Джо. — Ты расписывался в получении в тот вечер, когда исчезли дедушка и Джонас Хардинг.

— Но что я мог с ней сделать? Ее используют в пластической хирургии и для производства эндопротезов. Искусственные конечности и тому подобное. Неужели я использовал ее для производства каких-то животных? Нет, это биологически невозможно. Как я мог сделать из витаплазмы маленькую коричневую зверушку, к тому же невидимую? А где же мозг и нервная система? Джо, шестьсот фунтов витаплазмы просто исчезли. Куда она могла деться?

Джо молчал.

Несколько часов подряд Гэллегер трудился, как безумный.

— Сейчас мне нужно побольше узнать об этих созданиях, — объяснил он Джо. — Только тогда можно будет сказать, откуда они взялись и как оказались у меня. А также выяснить, куда делись Хардинг и дедушка. А потом...

— Сядь и подумай.

— Именно в этом и заключается разница между нами. У тебя нет инстинкта самосохранения. Ты бы спокойно сидел и размышлял, даже если в пальцах твоих ног начиналась цепная реакция. Но я — другое дело. Я слишком молод, чтобы умирать. Я все время думаю о тюрьме. Пожалуй, нужно выпить. Если бы я мог выйти на орбиту, мое чертово подсознание все бы устроило наилучшим образом. Как там насчет маленькой коричневой зверушки? Ты ее видишь?

— Нет, — ответил Джо.

— Тогда, может, удастся пропустить стаканчик. — По-

сле очередной попытки, закончившейся полным крахом, Гэллегер взорвался: — Никто не может двигаться так быстро!

— Ускоренный обмен веществ. Видимо, она почувствовала алкоголь. А может, у нее есть какие-то дополнительные чувства. Даже я едва ее сенсирую.

— Если я смешаю виски с нефтью, то, может, тогда это маленькое пьяное чудовище оставит меня в покое. Но такое я и сам не смогу выпить! Ну ладно, за дело, — буркнул Гэллегер, и принялся испытывать на голубоглазом генераторе один реактив за другим, без малейшего, впрочем, успеха.

— Мир познаваем, — вновь постулировал Джо.

— Заткнись. Интересно, можно ли посеребрить это создание? Тогда оно будет неподвижно. Впрочем, оно и так не двигается. А как оно питается?

— Я бы сказал, с помощью осмоса.

— Возможно. Но чем?

Джо раздраженно забренчал.

— Имеется масса способов решить твою проблему. Инструментализм. Эмпиризм. Витализм. Начни с a posteriori и перейди к a priori*. Для меня совершенно очевидно, что ты решил проблему, поставленную перед тобой «Надпочечниками».

— Решил?

— Конечно.

— А каким образом?

— Очень простым. Мир познаваем.

— Перестань повторять этот трюизм и помоги мне! Кстати, ты не прав. Мир познаваем, но только для совокупного разума всего человечества.

— Вздор. Философское невежество. Если ты не можешь доказать свой тезис с помощью чистой логики, значит, ты проиграл. Те, кто во главу угла ставят эксперимент, достойны лишь презрения.

— Какого черта я сижу и обсуждаю с роботом философские абстракции? А что ты скажешь, если я докажу, что твое мышление кончится, как только я разобью ломом твой радиоатомный мозг?

— Ладно, убей меня, — предложил Джо. — От этого проиграет все человечество, да и ты тоже. Мир обеднеет, когда меня не станет. Но насилие ничего не значит для меня, у меня ведь нет инстинкта самосохранения.

---

* A priori *(лат.)* — принимаемое на веру, без экспериментального подтверждения. A posteriori *(лат.)* — принимаемое на основании опыта.

— Слушай, Джо, — Гэллегер решил зайти с другой стороны. — Если ты знаешь ответ на мой вопрос, то почему же молчишь? Продемонстрируй мне свою великолепную логику. Убеди меня, не прибегая к эксперименту, а с помощью одних рассуждений.

— А чего ради мне убеждать тебя? Хватит того, что я сам убежден. Кроме того, я так красив и совершенен, что не представляю себе ничего лучшего, чем наслаждение самим собой.

— Нарцисс, — буркнул Гэллегер. — Помесь Нарцисса с ницшеанским сверхчеловеком.

— Мир познаваем, — ответил Джо.

Дальнейшее развитие событий принесло повестку в суд для Джо. Шестеренки машины правосудия начали вращаться. Сам Гэллегер по какому-то странному капризу закона оставался пока вне его досягаемости. Однако основной принцип гласил, что сумма отдельных частей равняется целому. Джо квалифицировали как одну из частей, сумма которых равнялась Гэллегеру. Короче говоря, робот оказался в суде, где презрительно прислушивался к полемике сторон.

Сопровождали его Гэллегер и Мердок Маккензи в окружении отряда адвокатов. Это было предварительное следствие. Гэллегер не обращал на Джо внимания, поглощенный вопросом, как бы обуздать строптивого робота, который знал все нужные ответы, но не желал говорить. Он даже начал изучать философию, чтобы побить Джо его собственным оружием, но пока единственным результатом усилий была головная боль и невыносимая жажда. Даже за пределами своей лаборатории он испытывал танталовы муки. Невидимая коричневая зверушка следовала за ним по пятам, исправно воруя алкоголь.

Внезапно один из адвокатов Маккензи вскочил, как ошпаренный.

— Протестую, — воскликнул он. Последовал яростный спор о том, квалифицировать ли Джо как свидетеля или как вещественное доказательство, и если как последнее, то вызов в суд не имеет силы. Судья задумался.

— По-моему, — заявил он, — проблема сводится к следующему: детерминизм против волюнтаризма. Если этот... гмм... робот обладает свободой воли...

— Ха! — фыркнул Гэллегер и тут же получил замечание от бейлифа.

— ...тогда он свидетель. Но с другой стороны имеется

возможность, что робот в вопросах мнимо свободного выбора является механическим продуктом наследственности и окружающей среды. Само собой, говоря о наследственности, следует подразумевать...

— Разумен робот или нет, ваша честь, не имеет для нас значения, — заметил прокурор.

— Не согласен. Закон требует уваж...

— Можно мне сказать, ваша честь? — вмешался Джо.

— Твоя способность говорить почти автоматически дает тебе такое право, — ответил судья, сконфуженно поглядывая на робота. — Мы слушаем.

Джо явно нашел связь между законом, логикой и философией, и радостно заговорил:

— Я уже все это обдумал. Мыслящий робот — существо разумное. Я мыслящий робот, следовательно, разумное существо.

— Ну и кретин, — охнул Гэллегер. — Даже я могу указать слабые стороны этого ублюдочного силлогизма.

— Тихо, — прошептал Маккензи. — Все юристы стараются так запутать дело, чтобы никто не мог в нем разобраться. Возможно, ваш робот не такой идиот, как вы думаете.

Началась перепалка о том, являются мыслящие роботы разумными существами или нет. Гэллегер не знал, что и думать. Вопрос оставался неясным, пока из лабиринта противоречий не вывели рабочее положение, что Джо все-таки разумное существо. Этому здорово обрадовался прокурор.

— Ваша честь, — заявил он, — мы узнали, что два дня назад мистер Гэллоуэй Гэллегер отключил робота, представшего сегодня перед нами. Это правда, мистер Гэллегер?

Рука Маккензи пригвоздила Гэллегера к месту. Один из защитников встал, чтобы ответить на вопрос.

— Мы ни в чем не признаемся, — заявил он. — Однако если обвинение сформулирует теоретический вопрос, мы на него ответим.

Теоретический вопрос был сформулирован.

— Итак, господин прокурор, теоретический ответ: «да». Робота этого типа можно включать и выключать.

— А может робот этого типа выключить себя сам?

— Да.

— Но в данном случае такого не было? Мистер Гэллегер отключил робота два дня назад в то самое время, когда в его лаборатории находился мистер Джонас Хардинг.

— Теоретически все верно. Имело место временное отключение.

— В таком случае, — сказал прокурор, — мы хотим до-

просить робота, квалифицированного судом как разумное существо.

— Решение по этому вопросу должно носить рабочий характер, — запротестовал один из защитников.

— Согласен, ваша честь...

— Хорошо, — сказал судья, таращась на Джо. — Задавайте вопросы.

— Э-э... — Прокурор, оказавшись перед роботом, заколебался.

— Зови меня Джо, — подсказал тот.

— Спасибо. Так вы подтверждаете, что мистер Гэллегер отключал вас в упомянутое время?

— Да.

— В таком случае, — торжествующе сообщил прокурор, — я обвиняю мистера Гэллегера в нападении и... побоях. Поскольку робот признан разумным существом, всякие действия, направленные на лишение его сознания или способности передвигаться, противоречат закону и могут быть квалифицированы как сознательное нанесение увечья.

Адвокаты Маккензи зашевелились.

— Что это означает? — спросил Гэллегер.

— Вас вместе с роботом могут задержать как свидетелей, — шепнул один из адвокатов, потом встал. — Ваша честь, все наши ответы давались на чисто теоретические вопросы.

— Но заявление робота было ответом на совершенно конкретный вопрос, — заметил прокурор.

— Робот не был приведен к присяге.

— Это легко исправить, — сказал прокурор, и Гэллегер почувствовал, как разлетаются его последние надежды. Он принялся лихорадочно рассуждать, а разбирательство продолжалось.

— Клянетесь ли вы говорить правду, только правду и ничего кроме правды?

Гэллегер вскочил.

— Ваша честь, я протестую!

— А против чего, собственно?

— Против приведения робота к присяге.

— Ага! — сказал Маккензи.

Судья задумался.

— Пожалуйста, объяснитесь, мистер Гэллегер. Почему этого робота нельзя приводить к присяге?

— Такая присяга имеет смысл только для человека.

— Почему?

— Потому что она предполагает существование души. Или, по крайней мере, теизм, личную религию.

Судья взглянул на Джо.

— Пожалуй, в этом что-то есть. Джо, вы верите в какое-нибудь божество?

— Верю.

Прокурор просиял.

— Значит, мы можем продолжать.

— Минуточку, — поднялся Мердок Маккензи. — Могу я задать свидетелю вопрос?

— Пожалуйста.

Маккензи повернулся к роботу.

— Джо, ты не мог бы нам сказать, каково твое божество?

— Разумеется, — ответил робот. — Это я сам.

С этого момента судебное разбирательство превратилось в теологический спор.

Когда временно освобожденный Гэллегер вместе с Джо отправлялся домой, юристы обсуждали животрепещущий вопрос: сколько ангелов могут поместиться на кончике иглы. Дело не могло двинуться с места до той поры, пока не будут установлены религиозные принципы робота. Все время, пока они летели в воздушном такси, Маккензи пытался убедить Джо в преимуществах кальвинизма.

Уже у самой двери он позволил себе небольшую угрозу.

— Я не хотел ставить вас в такое трудное положение, — обратился он к Гэллегеру, — однако под угрозой тюрьмы вы будете работать гораздо эффективнее. Не знаю, долго ли мне удастся покрывать вас, но если вы быстро выполните условия...

— Какие условия?

— О, мне нужно немного. Для начала — тело Джонаса...

— Ха! — ответил Гэллегер.

Вернувшись в лабораторию, он сел и впрыснул себе в рот порцию алкоголя, прежде чем успел подумать о маленькой коричневой зверушке. Потом лег, переводя взгляд с голубоглазого негенератора на Джо и обратно.

— Старая китайская пословица гласит, — наконец заговорил он, — что тот, кто первый откажется от словесных аргументов и начнет размахивать руками, признается в интеллектуальной несостоятельности.

— Разумеется, — ответил Джо. — Это не подлежит ни малейшему сомнению: если для доказательства своей правоты тебе нужен эксперимент, значит, ты плохой философ и логик.

Гэллегер вновь прибег к казуистике:

— Первый уровень: человекообразное животное — размахивание кулаками. Второй уровень: человек — чистая логика. А как быть с третьим уровнем?

— С каким еще третьим уровнем?

— Мир познаваем. Но только для человека, а ты не человек. Твое божество не антропоморфно. Итак, три уровня: животное, человек и то, что мы для удобства назовем сверхчеловеком, хотя ему вовсе не обязательно иметь с человеком что-то общее. Мы всегда приписывали теоретическому сверхсуществу божественные черты. Пусть это существо третьего уровня называется Джо.

— Резонно, — заметил Джо.

— В данной ситуации две основные логические концепции не находят применения. Мир познаваем для чистого разума, но вместе с тем и для опыта, соединенного с разумом. Но такие концепции второго уровня настолько же элементарны для Джо, насколько идеи Платона для Бэкона. — Гэллегер скрестил пальцы за спиной. — Возникает вопрос: что означают для Джо операции третьего уровня?

— Божественность? — предположил робот.

— Не забывай, что у тебя есть дополнительные чувства. Ты можешь сенсировать, что бы это ни значило. Нужны ли тебе еще традиционные логические методы? Скажем...

— Да, — признался Джо, — я сенсирую. А еще могу когитовать. Гмм...

Гэллегер вдруг вскочил с дивана.

— Ну и дурень же я! «Выпей меня» — вот он ответ. Заткнись, Джо, иди в угол и сенсируй себе на здоровье.

— Но я сейчас когитую.

— Тогда когитуй. Меня наконец-то осенило. Когда я вчера проснулся, то думал о бутылке с надписью «Выпей меня». Алиса, когда выпила бутылочку, уменьшилась, верно? Таак... где у меня энциклопедия? Жаль, что я так слаб в технике. Вазоконстриктор... гомеостатический... — о, есть! — демонстрирует механизм метаболизма, регулирующего вегетативную нервную систему. Метаболизм. Интересно...

Гэллегер направился к лабораторному столу и осмотрел все бутылки.

— Жизнь — вот сущность всего, а все прочее лишь ее проявления. Я должен был решить некую проблему для фирмы «Надпочечники Лимитед». Здесь были Джонас Хардинг и дедушка. Хардинг дал мне час на выполнение своего заказа. Вопрос заключался... в создании опасного и вместе с тем безвредного животного. Парадокс. Нет, не то. Клиенты Хардинга хотели переживать волнующее приключение и од-

новременно оставаться в безопасности. Лабораторных животных у меня нет... Джо!

— Ну, что еще?

— Смотри, — сказал Гэллегер, налил в стакан выпивку и смотрел, как она исчезает. — Что случилось с выпивкой?

— Ее выпила маленькая коричневая зверушка.

— А случайно, это не мой дед?

— Он самый, — ответил Джо.

Гэллегер виртуозно выругался.

— Что же ты мне сразу не сказал, ты...

— Я ответил на твой вопрос, — откликнулся робот. — Дедушка ведь смуглый, верно? И он, несомненно, животное.

— Но почему маленькое? Я думал, это будет существо размером с кролика.

— Единственным критерием оценки является сравнение с размерами данного вида. В сравнении со средним человеческим ростом дедушка мал. Вот и получается маленькая коричневая зверушка.

— Итак, это дед, — повторил Гэллегер, возвращаясь к лабораторному столу. — Просто его переключили на большую скорость. Ускоренный обмен веществ. Адреналин... Гммм... Теперь, когда я знаю, что искать, возможно...

Он умолк. Уже темнело, когда он влил в стакан содержимое небольшой пробирки, добавил туда порцию виски и подождал, пока смесь исчезнет.

Вскоре что-то замелькало то в одном, то в другом углу комнаты, начало постепенно материализоваться и наконец превратилось в дедушку. Дед стоял перед Гэллегером, трясясь как студень, по мере того, как проходило действие ускоряющего средства.

— Как дела, дедуля? — успокаивающе спросил Гэллегер. Лицо старика выражало ярость, впервые в жизни он был пьян. Гэллегер с безграничным удивлением таращился на него.

— Я возвращаюсь в Мэйн, — заплакал дед и рухнул навзничь.

— Никогда я не видел столько рохлей одновременно, — сказал он, пожирая жаркое. — Боже, как я голоден. В следующий раз хорошенько подумаю, прежде чем дам сделать себе укол. Сколько месяцев я был в этом состоянии?

— Два дня, — ответил Гэллегер, старательно перемешивая микстуру. — Это было средство, ускоряющее обмен веществ. Ты просто жил быстрее, вот и все.

— Вот и все! Да я вообще не мог есть! Все было для меня

слишком твердым. Единственное, что мне подходило, это алкоголь.

— Да?

— Я не мог кусать, даже искусственными зубами. А виски имело такой вкус, словно его раскалили докрасна. Жаркое вроде этого было просто исключено.

— Ты просто жил быстрее. — Гэллегер посмотрел на робота, продолжавшего молча когитовать в углу. — Э-э... минуточку. Противоположностью ускорению является замедление... Дед, а где Джонас Хардинг?

— Вон он, — ответил старик, указывая на голубоглазый негенератор и тем самым подтверждая подозрение Гэллегера.

— Витаплазма. Да, именно так. Потому мне и прислали столько витаплазмы. — Гэллегер осмотрел гладкую поверхность мнимого генератора, попытался сделать подкожную инъекцию, но не сумел воткнуть иглу. Тогда он капнул немного вещества, полученного от смешивания содержимого различных бутылок, на кожу существа. Помогло. Он ввел в это место иглу шприца и с удовольствием смотрел, как меняется цвет кожи, а все создание становится светлым и пластичным. — Витаплазма! — торжествовал он. — Обычные искусственные белковые клетки. Ничего удивительного, что оно казалось таким твердым. Я применил формулу замедления, перейдя к молекулярному гомеостазису. Существо с таким медленным обменом веществ должно казаться твердым как железо. — Он принялся собирать руками протоплазму и вкладывать в контейнер. Вокруг голубых глаз начал формироваться череп, помалу обретали форму широкие плечи, торс...

Вскоре на полу сидел неподвижный, как статуя, Джонас Хардинг.

Его сердце не билось, он не дышал. Замедлитель поддерживал его в состоянии нерушимой инертности.

Впрочем, не такой уж нерушимой. Гэллегер, уже взявшийся за шприц, остановился и посмотрел сначала на Джо, потом на деда.

— А собственно, зачем я это сделал? — спросил он и тут же ответил: — Ограниченное время. Хардинг дал мне час на решение его проблемы. А время — штука относительная, особенно при таком медленном обмене веществ. Я сделал Хардингу укол замедлителя, чтобы он не ощущал течения времени. Ну-ка, посмотрим. — Гэллегер капнул чем-то на непроницаемую кожу Хардинга и смотрел, как это место смягчается и меняет цвет. — Гмм... Заморозив Хардинга, я мог бы работать неделями, а проснувшись, он решил бы, что прошло совсем немного времени. Но зачем мне понадобилась витаплазма?

Дедушка осушил стакан пива.

— В пьяном виде ты сам не знаешь, что творишь, — сказал он и потянулся за очередной порцией жаркого.

— Это точно. Но Гэллегер Бис, по крайней мере, логичен. Его логика безумна, но она все-таки остается логикой. Так, подумаем. Я вспрыснул Хардингу замедляющую микстуру, и он стал твердым и неподвижным. Не мог же я оставить его в таком виде, правильно? Все решили бы, что у меня в лаборатории труп.

— Значит, он не мертвый? — спросил дедушка.

— Боже сохрани! Он просто замедлен. Понял! Таким образом я замаскировал его тело. Заказал витаплазму, облепил ею Хардинга, а потом впрыснул ему замедлитель, который так действует на живую клеточную ткань, что она становится непроницаема и неподвижна.

— Совсем сбрендил! — сказал дед.

— Да, я безумен, — признался Гэллегер. — По крайней мере, таков Гэллегер Бис. И подумать только, ведь я оставил ему открытыми глаза, чтобы не забыть, когда протрезвею, кто скрывается подо всем этим. Для чего я, собственно, сделал магнитофон? Логика Гэллегера Бис еще фантастичнее логики Джо.

— Не мешай мне, — отмахнулся Джо. — Я все еще когитую.

Гэллегер вонзил иглу в вену Хардинга и ввел ему ускоряющее средство. Вскоре Джонас Хардинг шевельнулся, заморгал своими голубыми глазами и поднялся с пола.

— Вы мне что-то кольнули? — спросил он, растирая руку.

— У вас был обморок, — ответил Гэллегер, внимательно глядя на него. — Что касается вашей проблемы...

Хардинг придвинул стул и сел, зевая.

— Вы ее решили?

— Вы дали мне на это час.

— Действительно. — Хардинг посмотрел на часы. — Стоят. Итак?

— Как вы считаете, сколько прошло времени с вашего прихода ко мне?

— Полчаса? — предположил Хардинг.

— Два месяца, — буркнул старик.

— Оба вы правы, — заметил Гэллегер. — Я могу назвать третий срок, и тоже буду прав.

Хардинг явно решил, что Гэллегер все еще пьян, и продолжал гнуть свое:

— Ну так что с животным, которое нам нужно? У вас есть еще полчаса...

— Они мне не нужны, — ответил Гэллегер, в мозгу которого вдруг вспыхнул яркий свет. — Ответ уже готов. Но не совсем такой, какого вы ждете. — Он удобно вытянулся на диване и задумчиво посмотрел на алкогольный орган. Сейчас, когда он снова мог пить, Гэллегер сознательно оттягивал упоительный момент. — Я не встречал вина прекраснее жажды, — заметил он.

— А, болтовня все это! — бросил дед.

— Клиенты «Надпочечников Лимитед» хотят охотиться, а поскольку им требуются сильные ощущения, животные должны быть опасны. Это кажется парадоксальным, но только на первый взгляд. Проблема состоит не в животном, а в охотнике.

Хардинг недоуменно уставился на него.

— То есть?

— Тигры. Кровожадные людоеды. Львы. Ягуары. Африканские буйволы. Самые злобные и хищные животные. Вот частичный ответ на ваш вопрос.

— Минуточку, — сказал Хардинг. — Я вижу, вы меня неправильно поняли. Наши клиенты не тигры. Мы поставляем не людей зверям, а наоборот.

— Понадобится еще несколько опытов, — продолжал Гэллегер, — но основное уже ясно. Ускоритель. Замаскированный ускоритель обмена веществ с адреналином в качестве катализатора. Примерно так...

И Гэллегер в ярких красках представил свою идею.

Вооруженный ружьем клиент пробирается сквозь искусственные джунгли в поисках дичи. Он заплатил фирме некую сумму и получил внутривенный укол ускорителя. Эта субстанция уже включилась в его кровообращение, но пока не дает никакого эффекта — дожидается катализатора.

Из зарослей выскакивает тигр и, оскалив клыки, бросается на клиента. Когда он почти касается когтями человека, надпочечная железа впрыскивает в кровь дозу концентрированного адреналина.

Это и есть катализатор, приводящий ускоритель в действие. Клиент обретает невероятную скорость. Он уклоняется от лап тигра, внезапно застывшего в прыжке, и расправляется с ним раньше, чем перестанет действовать ускоритель. А когда это происходит, возвращается в фирму «Надпочечники и т.д.», где может получить очередной укол.

Все очень просто.

— Десять тысяч кредитов, — радостно произнес Гэллегер, пересчитывая деньги. — Остальное получу, как только

решу вопрос с катализатором. Но это уже мелочи, любой химик справится. Однако меня забавляет перспектива встречи Хардинга с Мердоком Маккензи. Когда они сравнят время, может получиться потеха.

— Я бы выпил, — сообщил дед. — Где у тебя бутылка?

— Пожалуй, я даже смог бы доказать в суде, что решение проблемы заняло у меня не больше часа. Разумеется, часа Хардинга, но, в конце концов, время относительно. Энтропия, метаболизм — какая прекрасная дискуссия могла бы из этого выйти! Но не выйдет. Потому что это я знаю формулу ускорителя, а не Хардинг. Он заплатит остальные сорок тысяч, а вот Маккензи не получит ничего. В конце концов, я даю фирме «Надпочечники Лимитед» то, что определит ее успех, и в чем они так нуждаются.

— Как бы то ни было, я возвращаюсь в Мэйн, — заявил дед, довольный собой. — Разве что ты дашь мне бутылку.

— Так пойди и купи, — Гэллегер бросил старику несколько кредитов. — Купи парочку. Посмотрим, что нового придумали виноделы... Нет, я не пьян. Но вскоре буду.

Гэллегер сунул мундштук органа в рот и принялся играть на клавиатуре алкогольные арпеджио. Дед вышел, скептически улыбаясь: не верил он всем этим новомодным штучкам.

В лаборатории воцарилась тишина. «Тарахтелка» и «Чудовище» — два генератора — стояли и молчали. Ни у одного из них не было голубых глаз. Гэллегер экспериментировал с коктейлями и чувствовал, как его душу потихоньку наполняет приятное тепло.

Джо вышел из угла, остановился перед зеркалом и залюбовался своими шестеренками.

— Ты закончил когитовать? — с иронией спросил Гэллегер.

— Да.

— Разумное существо, ничего не скажешь. Ох уж эта твоя философия! Ну что ж, дружок, в конце концов оказалось, что я прекрасно обхожусь без твоей помощи. Проваливай.

— Ты неблагодарен, — сказал Джо. — Но выводы из моей суперлогики ты все же сделал.

— Из твоей... чего? Шестеренки у тебя заело, что ли? Из какой еще суперлогики?

— Третьего уровня, конечно. Мы говорили об этом недавно, потому я и когитовал. Не думаешь же ты, что решил проблему своим слабеньким мозгом, запертым в непрозрачном черепе?

Гэллегер резко сел.

— О чем ты болтаешь? Логика третьего уровня? Но ведь ты не...

— Тебе не понять. Это более сложно, чем «ноумен» Канта, который можно постичь только мысленно. Чтобы это понять, ты должен уметь когитовать, но... Что ж, собственно, это и есть третий уровень. Это... сейчас, сейчас... демонстрация природы вещей, исходя из того, что они происходят не сами по себе.

— Эксперимент?

— Нет, когитация. Я перевожу все вещи из материальной сферы в область чистой мысли и только тогда делаю логические выводы.

— Но... минуточку. Ведь кое-что произошло! Я понял, что случилось с дедушкой и Хардингом, и разработал ускоряющее средство...

— Это тебе только кажется, — сказал Джо. — Я просто когитовал, а это процесс суперинтеллектуальный. Когда же я закончил, события просто не могли не произойти. Но, надеюсь, ты не думаешь, будто они происходили сами по себе?

— Так что же это за когитация такая?

— Этого ты никогда не узнаешь.

— Но... но ведь ты уверяешь, будто явился первопричиной... нет, это волюнтаризм или... логика третьего уровня? — Гэллегер вновь опустился на диван, вглядываясь в робота. — Кем это ты себя вообразил? Deus ex machina?*

Джо взглянул на узор шестеренок, заполняющих его грудную кле ку.

— А кем же еще? — важно вопросил он.

---

* Deus ex machina *(лат.)* — «бог из машины». Традиционно этот термин употребляется для обозначения развязки вследствие вмешательства непредвиденного обстоятельства. В античной трагедии развязка иногда наступала благодаря вмешательству какого-либо бога, появлявшегося на сцене при помощи скрытого механического приспособления

ГЭЛЛЕГЕР БИС

Протирая затуманенные глаза, Гэллегер смотрел туда, где должен был находиться его двор, но вместо него видел невероятную дыру в земле. Дыра была большая. И глубокая. Достаточно глубокая, чтобы вместить в себя гигантское похмелье Гэллегера.

Гэллегер прикинул, не стоит ли посмотреть на календарь, но тут же решил, что лучше не надо. У него было такое чувство, что с начала попойки прошло несколько тысяч лет. Даже для человека с его практикой и возможностями выдул он много.

— Выдул, — пожаловался Гэллегер, доковыляв до дивана, на который тут же и повалился. — Лучше уж говорить «выхлестал», в этом слове больше экспрессии. Слово «выдул» напоминает мне духовой оркестр и автомобильные клаксоны, к тому же ревущие во всю мочь. — Слабой рукой он потянулся к алкогольному органу, но заколебался и решил сперва проконсультироваться со своим желудком.

Гэллегер: — Можно капельку?

Желудок: — Боже упаси!

Г.: — Наперсточек...

Ж.: — О-о-о!

Г.: — Но я должен выпить. У меня украли двор!

Ж.: — Жалко, что меня у тебя не украли.

В этот момент открылась дверь и на пороге появился робот, его колесики, шестеренки и прочие детальки быстро кружились под прозрачным корпусом. Гэллегер взглянул на него и тут же зажмурился, обливаясь холодным потом.

— Убирайся! — рявкнул он. — Будь проклят день, когда я тебя сделал. Твои крутящиеся кишки доведут меня до безумия.

— Ты лишен чувства прекрасного, — оскорбился робот. — На вот, я принес тебе пиво.

— Гмм... — Гэллегер взял из руки робота пластиколбу и жадно приник к ней. Холодный напиток с мятным вкусом приятно освежил горло. — А-ах! — вздохнул он, садясь. — Немного лучше. Совсем немного...

— Может, сделать тебе укол тиамина?

— У меня от него уже аллергия, — мрачно ответил Гэллегер. — Я одержим демоном жажды. — Он посмотрел на орган. — Может...

— К тебе какой-то полицейский.

— Какой-то... кто?

— Полицейский. Он ждет уже довольно долго.

— Да? — сказал Гэллегер и посмотрел в угол возле открытого окна. — А это что?

Штуковина походила на машину. Гэллегер разглядывал ее с интересом, с удивлением и с некоторым остолбенением. Не было никаких сомнений — он сам построил этот чертов ящик. Сумасшедший изобретатель Гэллегер именно так и работал. У него не было никакого технического образования, но по воле случая его подсознание было наделено истинной гениальностью. В трезвом виде Гэллегер был совершенно нормальным, хоть и несколько сумасбродным, но когда на просцениум выходило его демоническое подсознание, могло произойти все что угодно. Именно в пьяном угаре он сделал этого робота, а потом несколько дней пытался определить, для чего тот должен служить. Как выяснилось, он был почти бесполезен, но Гэллегер оставил робота у себя, несмотря на то, что тот обладал мерзкой привычкой: все время торчал перед зеркалом, с гордостью и самодовольством разглядывая свои металлические внутренности.

«Снова-здорово», — подумал Гэллегер, а вслух произнес:

— Еще пива. И побыстрее.

Когда робот вышел, Гэллегер стащил свое худое тело с

дивана, подошел к машине и с любопытством осмотрел ее. Машина не была включена, В открытое окно уходили какие-то светлые гибкие провода толщиной в палец, они неподвижно висели над краем ямы, там, где должен был находиться его двор. Заканчивались они... Гмм! Гэллегер втащил в комнату один провод и внимательно осмотрел его. Заканчивался он металлическим соплом и был полым. Странно.

Машина была метра два длиной и более всего походила на кучу металлолома. Во хмелю Гэллегер отличался склонностью к импровизации и, если не мог найти подходящего провода, хватал то, что попадалось под руку, будь то пряжа или вешалка для одежды. Это означало, что качественный анализ вновь созданной машины был нелегким делом. Что, например, означала эта нейлоновая утка, обмотанная проводами и сидящая на старой вафельнице?

— На этот раз, кажется, пронесло, — рассуждал Гэллегер. — Похоже, я ни во что не вляпался, как обычно. Ну, где там пиво?!

Робот торчал перед зеркалом, зачарованно разглядывая собственное нутро.

— Пиво? А, вот оно. Я на минутку остановился, чтобы взглянуть на себя.

Гэллегер наградил робота крепким ругательством, но банку взял. Он продолжал разглядывать стоявшее под окном устройство, его лошадиное лицо с торчащими скулами кривила гримаса изумления. Интересно, что она умеет делать?..

Из большой камеры — бывшего помойного ведра — выходили тонкие трубки. Ведро было сейчас плотно закрыто и

лишь зигзагообразный провод соединял его с небольшим генератором или чем-то в этом роде. «Нет, — подумал Гэллегер, — генераторы должны быть больше. Как жалко, что у меня нет технического образования. Как же все это расшифровать?»

В машине было еще много всего, например, серая металлическая шкатулка. Гэллегер попытался вычислить ее объем в кубометрах и получил сто, что, конечно, было ошибкой, поскольку каждая сторона шкатулки была не более десяти сантиметров.

Крышка шкатулки была закрыта. Гэллегер временно отложил эту проблему и занялся дальнейшим осмотром. Загадочных устройств оказалось довольно много, а под конец он заметил диск сантиметров в десять диаметром и с канавкой по ребру.

— И все-таки, что она делает? Эй, Нарцисс!

— Меня зовут не Нарцисс, — обиженно ответил робот.

— У меня голова болит от одного взгляда на тебя, а ты еще хочешь, чтобы я помнил твое имя, — рявкнул Гэллегер. — Кстати, у машин и не должно быть имен. Ну-ка, иди сюда.

— Слушаю...

— Что это такое?

— Машина, — ответил робот, — но ей далеко до моей красоты.

— Надеюсь, она полезнее тебя. Что она, по-твоему, делает?

— Глотает землю.

— Ага. И потому на дворе дырка.

— Двора-то нет, — напомнил ему робот.

— Есть.

— Двор, — заявил робот, не совсем точно цитируя Томаса Вулфа, — это не только двор, но также и отрицание двора. Это встреча в пространстве двора и в пространстве его отсутствия. Двор — это конечное количество грязной земли, это факт, детерминированный отрицанием себя.

— Ты сам-то понял, что намолол? — спросил Гэллегер, желая и сам это узнать.

— Да.

— Отлично. Ну, хватит болтать о грязи. Я хочу знать, зачем я сделал эту машину.

— Вопрос не по адресу. Ты меня выключил на много дней и даже недель.

— Да, помню. Ты торчал перед зеркалом и не давал мне побриться.

— Это был вопрос артистической интегральности. Пло-

скости моего функционального лица гораздо конкретнее и экспрессивнее твоих.

— Слушай, Нарцисс, — сказал Гэллегер, стараясь держать себя в руках, — я пытаюсь узнать хоть что-нибудь. Могут понять это плоскости твоего хренова функционального мозга?

— Разумеется, — холодно ответил Нарцисс. — Я ничем не могу тебе помочь. Ты включил меня только сегодня утром, перед тем, как заснуть пьяным сном. Машина была уже закончена, но не включена. Я прибрал дом и принес тебе пиво, когда ты проснулся, как всегда, с похмелья.

— Ну так заткнись и принеси мне еще.

— А что с полицейским?

— О-о, совсем забыл. Гмм... Пожалуй, лучше поговорить с этим типом.

Нарцисс тихо вышел, а Гэллегер подошел к окну и еще раз взглянул на невероятную дыру. Почему? Откуда? Он попытался вспомнить, разумеется, без толку. Его подсознание, конечно, знало ответ, но надежно хранило его. Ясно было, что он не сделал бы эту машину без важной причины. Впрочем, так ли? Его подсознание обладало собственной логикой, причем довольно своеобразной и запутанной. Нарцисс, например, был всего лишь консервным ножом.

Робот вернулся. Следом за ним в комнату вошел мускулистый молодой человек в хорошо скроенном мундире.

— Мистер Гэллегер? — спросил он.

— Да.

— Мистер Гэллоуэй Гэллегер?

— И снова я вынужден ответить утвердительно. Чем могу служить?

— Вы можете принять эту повестку в суд, — ответил фараон и вручил Гэллегеру сложенный вдвое листок бумаги.

Запутанная юридическая фразеология мало что сообщила Гэллегеру.

— А кто такой этот Делл Хоппер? — спросил он. — Я никогда о нем не слышал.

— Это уже не мое дело, — буркнул полицейский. — Повестку я доставил, и на этом моя роль кончается.

Он вышел, оставив Гэллегера таращиться на бумагу.

Высмотрел он в ней немного.

Наконец, не придумав ничего лучшего, он переговорил по видеофону с адвокатом, соединился с картотекой юристов и узнал, что юрисконсультом Хоппера является некий

Тренч, шишка из Законодательного Собрания. Тренч располагал взводом секретарш для ответов на звонки, но с помощью угроз, уговоров и прямой лжи Гэллегеру удалось связаться с самим шефом.

На экране появился седой, худой и засушенный человечек с коротко подстриженными усами. Голос у него был пронзительный, как полицейская сирена.

— В чем дело, мистер Гэллегер?

— Видите ли, — начал изобретатель, — мне только что принесли повестку...

— Значит, она уже у вас? Прекрасно.

— Что значит «прекрасно»? Я понятия не имею, в чем дело.

— Да-ну? — притворно изумился Тренч. — Попробую освежить вашу память. У моего клиента мягкое сердце, и он решил не обвинять вас в обмане, угрозе применения силы, нападении и избиении. Он просто хочет вернуть свои деньги или получить то, что ему причитается.

Гэллегер закрыл глаза.

— Он х-хочет? А я... гмм... я его оскорбил?

— Вы назвали его, — сказал Тренч, заглянув в толстый блокнот, — тараканом на утиных ногах, вонючим неандертальцем и грязной коровой. Кроме того, вы его пнули.

— Когда это было? — прошептал Гэллегер.

— Три дня назад.

— Гм... вы что-то говорили о деньгах?

— Тысяча кредитов аванса, которые он вам уплатил.

— В счет чего?

— В счет заказа, который вы должны были выполнить. Детали мне не сообщили. Я знаю лишь, что вы не только не выполнили заказ, но и отказались вернуть деньги.

— Ой-ой-ой! А кто такой этот Хоппер?

— Делл Хоппер, владелец «Хоппер Энтерпрайсиз». Но вам, конечно, все это известно. Встретимся в суде, мистер Гэллегер. А сейчас извините, я занят. Я сегодня выступаю обвинителем по некоему делу и, надеюсь, что подсудимый получит изрядный срок.

— А что он натворил? — слабым голосом спросил Гэллегер.

— Обычное дело о нападении и побоях, — ответил Тренч. — До свидания.

Когда лицо адвоката исчезло с экрана, Гэллегер схватился за голову и потребовал пива. Потягивая пиво из пластиколбы со встроенным охладителем, он просмотрел корреспонденцию. Ничего. Никаких следов.

Тысяча кредитов... он не помнил, как получал их. Может, что-то найдется в приходной книге...

И верно, нашлось. Под разными датами двухнедельной давности значилось:

Получ. Д.Х. — зак. — ав. — 1000 к.

Получ. Дж. У. — зак. — ав. — 1500 к.

Получ. Толстячок — зак. — ав. — 800 к.

Три тысячи триста кредитов! А на счету — ни следа этой суммы. Там нашлась только запись о выплате семисот кредитов, после чего на счету осталось еще всего пятнадцать. Гэллегер застонал и вновь обыскал стол. Под пресс-папье оказался конверт, а в нем — акции, как обычные, так и привилегированные, какой-то фирмы под названием «Любые Задания». Сопроводительное письмо подтверждало получение четырех тысяч кредитов, на каковую сумму мистеру Гэллоуэю Гэллегеру и были отправлены акции, согласно заявке...

— Проклятье, — пробормотал Гэллегер.

Он продолжал сосать пиво. В голове был полный кавардак. Неприятности надвигались сразу с трех сторон. Делл Хоппер заплатил ему тысячу кредитов, чтобы он что-то там сделал. Кто-то с инициалами Дж.У. заплатил за то же самое полторы тысячи. А скряга Толстячок дал всего восемьсот кредитов аванса.

За что?

Только безумное подсознание Гэллегера могло ответить на этот вопрос. Это оно, проклятое, заключило договоры, собрало деньги, опустошило банковский счет Гэллегера, практически ликвидировав его, и на кой-то черт купило акции фирмы «Любые Задания». Ха-ха!

Гэллегер вновь уселся перед видеофоном и связался со своим маклером.

— Эрни?

— Привет, Гэллегер, — сказал Эрни, глядя в камеру над столом. — Что случилось?

— Слушай, я в последнее время покупал какие-то акции?

— Конечно. «Любые Задания».

— Ну, так я хочу их продать. Мне нужны деньги, причем быстро.

— Подожди минутку. — Эрни нажал несколько кнопок. На стене-экране высветился текущий курс акций.

— Ну и как?

— Ничего не выйдет. Падают, как в бездонный колодец. Просят четыре, а дают вообще нисколько.

— А я за сколько купил?

— За двадцать.

Гэллегер взвыл, как подстреленный волк.

— Двадцать?! И ты мне позволил?

— Я пытался тебя переубедить, — устало произнес Эрни. — Говорил, что эти акции падают. Есть у них какая-то закорючина в строительном контракте, не знаю точно, какая. Но ты сказал, что у тебя точные сведения. Что мне было делать?

— Бить меня по голове, пока не поумнею, — сказал Гэллегер. — Ну да ладно, и так уж слишком поздно. Есть у меня еще какие-нибудь акции?

— Сто штук «Марсианской Бонанзы».

— Сколько дают?

— За все кредитов двадцать пять.

— Ясненько. Ну, пока, старина. — И Гэллегер отключился.

Почему, за каким чертом он купил эти акции?

Что он наобещал Деллу Хопперу, владельцу «Хоппер Энтерпрайсиз»?

Кто такие Дж.У. (тысяча пятьсот кредитов) и Толстячок (восемьсот кредитов)?

Почему вместо двора на дворе дыра?

Что это за машину построило его подсознание и зачем?

Он нажал кнопку информации на видеофоне и крутил диск до тех пор, пока не нашел номер «Хоппер Энтерпрайсиз». Гэллегер набрал его.

— Я хочу поговорить с мистером Хоппером.

— Ваша фамилия?

— Гэллегер.

— Пожалуйста, обратитесь к нашему юрисконсульту, мистеру Тренчу.

— Я уже говорил с ним, — сказал Гэллегер. — Послушайте...

— Мистер Хоппер занят.

— Передайте ему, — поспешно бросил Гэллегер, — что я выполнил заказ.

Это подействовало. На экране появился Хоппер — настоящий буйвол с гривой седых волос, черными как уголь глазами и носом, похожим на птичий клюв. Нацелясь выступающим подбородком в экран, он рявкнул:

— Гэллегер?! Еще бы немного и я... — Он вдруг сменил тон. — Ты говорил с Тренчем, да? Я знал, что это поможет. Знаешь, что я за пару пустяков могу тебя посадить?

— Ну, может быть...

— Никаких «может быть»! Ты думаешь, я лично хожу ко всем полудуркам-изобретателям, которые что-то для меня делают? Если бы мне не прожужжали уши, что ты, мол, лучший в этом деле, ты бы давно уже сидел!

«Изобретатель»?

— Дело в том, — осторожно начал Гэллегер, — что я был болен...

— Брехня! — отмахнулся Хоппер. — Ты был пьян хуже свиньи. А я не плачу за пьянство. Может, ты забыл, что эта тысяча только аванс, а будет еще девять?

— Э-э... нет. Гмм... девять тысяч?

— Плюс премия за быстрое выполнение заказа. Ты еще можешь ее получить. Прошло всего две недели, ты очень вовремя вышел из запоя. Я уже присмотрел несколько заводов, а мои люди ищут по всей стране хорошие зрительные залы. Это годится для небольших аппаратов, Гэллегер? Постоянный доход будет от них, а не от крупных залов.

— Грррммффф, — поперхнулся Гэллегер. — Но...

— Это у тебя? Я уже еду посмотреть.

— Подождите! Я бы хотел еще кое-что дополнить...

— Мне нужна только идея, — сказал Хоппер. — Если она хороша, все остальное — мелочи. Я позвоню Тренчу, пусть отзовет иск. Сейчас приеду.

И он выключил связь.

Гэллегер взревел, требуя еще пива.

— И бритву, — добавил он, когда Нарцисс выходил из комнаты. — Хочу перерезать себе горло.

— Это еще зачем? — спросил робот.

— Чтобы развлечь тебя, зачем же еще? Давай, наконец, пиво!

Нарцисс принес банку.

— Не понимаю, что тебя так беспокоит, — заметил он — Не лучше ли забыться в экстазе, созерцая мою красоту.

— Бритва лучше, — угрюмо ответил Гэллегер. — Гораздо лучше. У меня трое клиентов, из которых двоих я вообще не помню, и все заказали у меня что-то, чего я тоже не помню. Ха!

Нарцисс задумался.

— Попробуй индуктивный метод, — предложил он. — Эта машина...

— Ну, что «эта машина»?

— Когда ты получаешь заказ, то обычно напиваешься до такого состояния, в котором твое подсознание одерживает

верх над сознанием и само делает все что нужно. А потом ты трезвеешь. Вероятно, и сейчас было то же самое. Ты сделал машину или нет?

— Ну, сделал, — согласился Гэллегер. — Только для кого? Я даже не знаю, на что она.

— Ты можешь включить ее и проверить.

— Верно... Что-то я поглупел сегодня.

— Ты всегда глупый, — убежденно сказал Нарцисс. — И уродливый. Чем дольше я созерцаю свою красоту, тем большую жалость испытываю к людям.

— Заткнись! — рявкнул Гэллегер, но тут же успокоился, понимая, что спорить с роботом бессмысленно.

Подойдя к таинственной машине, он еще раз оглядел ее. Никаких новых идей не возникло.

У машины был переключатель, который Гэллегер и переключил. Зазвучала песенка о больнице Святого Джекоба: «...я увидел свою дражайшую на мраморном столе...»

— Все ясно, — сказал Гэллегер, снова накаляясь. — Кто-то заказал мне граммофон.

— Минуточку, — Нарцисс вытянул руку. — Выгляни в окно.

— Ну, и что там?

Гэллегер перегнулся через подоконник, да так и застыл. Ничего подобного он не ожидал. Пучок трубок, отходящих от машины, оказался невероятно эластичным. Трубки вытянулись до самого дна ямы, метров на десять, и двигались, как пылесосы на лугу. Они мелькали с такой скоростью, что Гэллегер видел лишь смазанные контуры. Выглядело это так, словно Медуза Горгона, страдающая пляской Святого Витта, заразила ею своих змей.

— Смотри, как носятся, — задумчиво сказал Нарцисс, всей своей тяжестью налегая на Гэллегера. — Вот потому и дыра. Они пожирают землю.

— Верно, — согласился конструктор, отодвигаясь от робота. — Вот только зачем? Земля... гмм. Сырье. — Он взглянул на машину, которая как раз выводила:

«...есть ли где-нибудь на свете
другой такой жеребец...»

— Собранная земля попадает в бывшее помойное ведро, — рассуждал Гэллегер, внимательно глядя на машину. — А что потом? Бомбардировка электронами? Протоны, нейтроны, позитроны... жаль, не знаю, что это такое, — жалобно закончил он.

— Позитрон — это...

— Ничего не говори, — попросил Гэллегер. — Ни к чему

мне лишние семантические трудности. Я хорошо знаю, что такое позитрон, только не увязываю этого с названием. Я постиг только его сущность, неизреченную, так сказать.

— Но можно выразить его протяженность, — заметил Нарцисс.

— Это не для меня. Как сказал Шалтай-Болтай, это еще вопрос, кто здесь хозяин. В моем случае это слова. От этих чертовых словечек у меня мурашки по коже бегают. Я просто не улавливаю их значения.

— Ну и глупо, — сказал робот. — «Позитрон» — слово со вполне ясным значением.

— Возможно, для тебя. А для меня в этом смысла не больше, чем в шайке парней с рыбьими хвостами и зелеными усами. Вот почему я никогда не мог понять, что творит мое подсознание. Приходится использовать символическую логику, а символы... В общем, заткнись! — потребовал вдруг Гэллегер. — Чего это ради я буду спорить с тобой о семантике?

— Ты сам начал, — сказал Нарцисс.

Гэллегер одарил робота неприязненным взглядом и вновь повернулся к загадочной машине, продолжавшей пожирать землю и петь о больнице Святого Джекоба.

— Интересно, почему она играет именно эту песню?

— Но ведь ты всегда поешь ее в пьяном виде, разве не так? Особенно в ванной.

— Мне это ничего не говорит, — буркнул Гэллегер и начал изучать машину.

Устройство работало гладко, быстро, выделяя большое количество тепла и слегка дымя. Гэллегер нашел отверстие для смазки, схватил старую масленку и капнул из нее. Дым исчез, а вместе с ним пропал слабый запах паленого.

— Из нее ничего не выходит, — сказал Гэллегер после долгой паузы.

— А там? — показал робот.

Гэллегер осмотрел быстро вращающийся диск с канавкой. Сразу за ним на гладкой поверхности трубки виднелось небольшое круглое отверстие. Однако не было заметно, чтобы из трубки что-то выходило.

— Передвинь выключатель, — сказал Гэллегер, и Нарцисс выполнил распоряжение. Отверстие закрылось — диск остановился. Тут же все прекратилось. Музыка стихла, щупальца, протянутые за окно, перестали мельтешить и сократились до своей прежней длины.

— Гмм, конечного продукта явно нет, — отметил Гэллегер. — Машина пожирает землю и целиком усваивает ее. Это не имеет смысла.

— Не имеет смысла?

— Естественно. В земле присутствуют различные элементы: кислород, азот... Под Нью-Йорком есть гранит, значит, есть и алюминий, натрий, кремний... много всякого. Ни один вид физических или химических реакций не объясняет такого эффекта.

— Значит, машина должна что-то производить?

— Разумеется, — сказал Гэллегер. — Я был бы гораздо спокойнее, если бы она что-то производила. Хотя бы грязь.

— А музыка? — обратил его внимание Нарцисс. — Конечно, если этот вой можно назвать музыкой.

— Даже мое безумное воображение отвергает подобную чушь! — с жаром возразил конструктор. — Согласен, мое подсознание слегка повернуто, но оно логично, пусть и по-своему. Оно ни за что не построило бы машину для превращения земли в музыку, даже если бы это было возможно.

— Но она же превращает, разве нет?

— Ничего подобного! Интересно, что заказал мне Хоппер? Он все время болтал что-то о заводах и зрительных залах.

— Он сейчас сам будет, — сказал Нарцисс. — У него и спросишь.

Гэллегер не ответил. Он прикинул, не потребовать ли еще пива, но передумал и вместо этого сел к органу, чтобы смешать себе путную выпивку. Потом уселся на генераторе, носившем многозначительное название «Чудовище». Разочарованный результатом, пересел на второй генератор, поменьше, по прозвищу «Тарахтелка».

Обычно Гэллегеру лучше думалось на «Тарахтелке».

Выпивка смазала его мозг, уже довольно плотно затянутый парами алкоголя. Машина без конечного продукта... земля, превращающаяся в ничто. Гмм. Материя не может исчезать, как кролик в шляпе фокусника, она должна куда-то деваться. Превращаться в энергию?

Скорее всего, нет. Машина не производила энергии. Провода и штепсели доказывали, что для работы машине требовалось электричество.

Итак...

Что «итак»?

Попробуем с другой стороны. Подсознание Гэллегера — Гэллегер Бис — построило это устройство по какой-то логически объяснимой причине, усиленной поступлением трех тысяч кредитов. Эту сумму он получил от трех разных людей, и должен был сделать, скорее всего, три разные вещи.

Которая из них подходила к этой машине?

Составим уравнение. Назовем А, В и С. Примем назначение машины — разумеется, не ее саму, за *х*. Тогда А, или В, или С = *х*.

Нет, не совсем. Символ А представляет не Делла Хоппера, а лишь то, что ему нужно, и не определяет назначение машины.

Или, может, то, что нужно таинственному Дж. У. или не менее таинственному Толстячку.

Хотя Толстячок был чуть менее таинственным. У Гэллегера имелась тут подсказка, впрочем, непонятно, стоящая ли чего-либо. Если Дж. У. это В, в таком случае Толстячок будет С плюс жировая ткань. И что получим?

Жажду и шум в голове.

Гэллегер потребовал еще пива, оторвав Нарцисса от зеркала. Он постучал пятками по «Тарахтелке», скривился, прядь черных волос упала ему на глаза.

Тюрьма?

Нет, где-то должно быть другое решение. Например, акции «Любого Задания». Зачем Гэллегер Бис купил их на четыре тысячи, если они падали?

Если бы он мог найти ответ на это, возможно, он бы ему помог. Гэллегер Бис не делал ничего просто так. А кстати, что за фирма эти «Любые Задания»?

Он включил в видеофоне информатор Манхеттена. К счастью «Любые Задания» оказались корпорацией, зарегистрированной государством, и имели конторы на острове. На экране появилось трехмерное объявление:

ЛЮБЫЕ ЗАДАНИЯ
МЫ ДЕЛАЕМ ВСЕ
ВИД RED 4-1400-М

Итак, у него есть номер видеофона фирмы, это уже кое-что. Когда он начал набирать RED, в дверь позвонили. Нарцисс неохотно оторвался от зеркала и пошел открывать. Вернулся он в компании похожего на бизона мистера Хоппера.

— Прости за опоздание, — загремел Хоппер. — Мой шофер поехал на красный свет, и какой-то фараон нас остановил. Пришлось на него наорать.

— На шофера?

— На фараона, конечно. Ну и где оно у тебя?

Гэллегер облизнул зубы. Неужели Гэллегер Бис действительно пнул под зад этого огроменного типа? Это была неприятная мысль.

Он указал на машину.

— Вот...

Оставалось надеяться, что именно Хоппер заказывал машину, которая пожирает землю.

Глаза Хоппера округлились от удивления. Он искоса глянул на Гэллегера, потом подошел к машине и осмотрел ее со всех сторон. Он выглянул в окно, но, видимо, яма не очень его заинтересовала. Наконец повернулся к Гэллегеру.

— Это она и есть? Совершенно новый принцип?

И снова никаких подсказок. Гэллегер выдавил слабую улыбку. Хоппер продолжал таращиться на него.

— Ладно, — сказал он. — И как ею пользоваться?

Гэллегер ухватился за соломинку.

— Лучше я вам покажу, — предложил он, подошел к окну и передвинул рычажок. Машина тут же запела «Больницу Святого Джекоба», щупальца удлинились и начали пожирать землю. Дырка в трубке открылась, диск с канавкой закружился.

Хоппер ждал.

— Ну и что? — сказал он наконец.

— Вам не нравится?

— Откуда мне знать? Я даже не знаю, что она делает. Экрана нет?

— Разумеется, есть, — сказал Гэллегер, совершенно сбитый с толку. — Он в этом цилиндре.

— Где?! — Хоппер набычился. — В этом цилиндре?

— Угу.

— За... — похоже было, что Хоппер сейчас задохнется. — За каким дьяволом он там? Ведь у человека нет рентгеновских глаз!

— А должны быть? — пробормотал Гэллегер, совершенно запутавшись. — Вы хотели экран для рентгеновских глаз?

— Ты все еще пьян! — рявкнул Хоппер. — Или совсем спятил.

— Подождите минутку. Может, я ошибся...

— Ошибся?!!

— Скажите мне только одно: что я должен был для вас сделать?

Хоппер трижды вдохнул и выдохнул.

— Я спросил тебя, — произнес он холодным, размеренным голосом, — можешь ли ты разработать метод проекции трехмерного изображения, которое будет видно под любым углом — спереди, сзади или сбоку — без искажения. Ты сказал, что сможешь, и я дал тебе тысячу кредитов аванса. Я уже присмотрел несколько фабрик, чтобы можно было сразу же начать производство, мои люди ищут подходящие зрительные залы, я планирую кампанию по продаже при-

ставок к домашним телевизорам. А сейчас, мистер Гэллегер, я пойду к своему юрисконсульту и скажу ему, чтобы он прижал тебя как следует.

И он вышел, фыркая, как разъяренный кот. Робот тихо прикрыл дверь, вернулся и, не дожидаясь приказания, отправился за пивом. Гэллегер остановил его.

— Мне нужно покрепче, — простонал он, смешивая себе выпивку. — Нарцисс, выключи эту чертову машину. У меня уже сил нет.

— Во всяком случае, кое-что ты узнал, — утешил его робот, — эту машину ты сделал не для Хоппера.

— Точно. Я сделал ее для... гмм... или для для Дж.У., или для Толстячка. Еще бы узнать, кто они такие...

— Тебе нужно отдохнуть, — сказал робот. — Почему бы тебе не расслабиться, слушая мой пленительный мелодичный голос? Я могу почитать тебе.

— Он не мелодичный, — ответил Гэллегер. — Скрипишь, как несмазанная дверь.

— Это для твоих ушей. А у меня другие чувства. Для меня твой голос звучит кваканьем жабы-астматички. Ты не можешь видеть меня, как я себя вижу, и точно также не можешь меня слышать, как я себя слышу. Что ж, может, это и к лучшему. Ты бы упал в обморок от наслаждения.

— Нарцисс, — терпеливо произнес Гэллегер, — я пытаюсь сосредоточиться. Ты не мог бы заткнуться?

— Мое имя не Нарцисс, — ответил робот. — Меня зовут Джо.

— Значит, отныне у тебя другое имя. Давай-ка вспомним... Я проверял «Любые Задания». Что это был за номер?

— RED 4-1400-M.

Гэллегер сел к видеофону. Секретарша, с которой он связался, рада была бы помочь ему, но не могла сообщить ничего важного.

«Любые Задания» была акционерной компанией со связями по всему миру. Когда какой-нибудь клиент что-то ей заказывал, она через других своих клиентов связывалась с подходящей фирмой и заключала контракт. Суть заключалась в том, что «Любые Задания» финансировала эти операции и получала комиссионные. Это было довольно сложно, и Гэллегер ничего не понял.

— Скажите, в вашей картотеке есть моя фамилия?.. А можете вы сказать, кто такой Дж.У.?

— Дж.У.? Простите, но мне нужна полная фамилия...

— Мне она неизвестна. А дело важное.

Гэллегер долго упрашивал и наконец уговорил секретаршу. Единственным работником «Любых Заданий», имеющим инициалы Дж.У., оказался некий Джексон Уордел, пребывающий сейчас на Каллисто.

— И давно он там?

— Он там родился, — ответила секретарша, — и никогда не бывал на Земле. Я уверена: мистер Уордел не может быть человеком, которого вы ищите.

Гэллегер согласился с нею. Спрашивать о Толстячке было бесполезно, и он с легким вздохом выключил видеофон. И что теперь?

Зазвонил видеофон, и на экране появился толстощекий лысеющий человечек, он морщил лоб от напряжения. При виде конструктора он облегченно рассмеялся.

— Наконец-то, мистер Гэллегер, — сказал он. — Я уже час пытаюсь с вами связаться. Наверное, линия не в порядке. Боже мой, я думал, вы сами свяжетесь со мной!

Сердце Гэллегера радостно стукнуло. Толстячок... ну конечно!

Наконец-то колесо фортуны завертелось. Толстячок — восемьсот кредитов. Аванс. Но за что? За машину? Может, он сделал машину для Толстячка? Гэллегер молил судьбу, чтобы Толстячку требовалась машина, которая пожирает землю и поет «Больницу Святого Джекоба».

Изображение на экране затуманилось и замерцало.

— Что-то неладно на линии, — торопливо произнес Толстячок. — Мистер Гэллегер, вы нашли способ?

— Разумеется, — сказал Гэллегер. Если бы только он мог что-нибудь вытянуть из этого типа, хоть какое-то указание о сущности заказа...

— Чудесно! «Любые Задания» подгоняют меня. Я тянул, сколько мог, но ждать вечно они не будут. Кафф усиливает нажим, а я не могу обойти старый устав...

Экран погас.

В бессильной ярости Гэллегер едва не откусил себе язык. Он принялся быстро расхаживать по лаборатории. Толстячок позвонит еще раз, это несомненно. И тогда первым вопросом, который задаст ему Гэллегер, будет: «Кто вы такой?»

Время шло.

Гэллегер застонал и попытался сам связаться с Толстячком: попросил коммутатор проверить, с каким номером он говорил.

— Извините, сэр, но связь была не через коммутатор. Мы не можем установить, с кем вы говорили.

Десять минут спустя Гэллегер перестал ругаться, дернул шляпу с железной статуи собаки, некогда украшавшей газон, и направился к двери.

— Я ухожу, — бросил он Нарциссу. — Следи за этой машиной.

— Хорошо, но только одним глазом, — согласился робот. — Второй нужен мне для созерцания собственной красоты. Почему бы тебе не выяснить, кто такой Кафф?

— Кто?

— Кафф. Толстячок упомянул о нем. Сказал, что он усиливает нажим...

— Точно! О чем же он еще болтал? Что не может обойти старой заставы...

— Устава. То есть закона.

— Да знаю я, что такое устав! — рявкнул Гэллегер. — Не полный же я идиот... по крайней мере, пока. Ты говоришь, Кафф? Попробую воспользоваться информатором еще раз.

В списке оказалось шесть человек с этой фамилией. Учитывая пол, Гэллегер вычеркнул половину, затем исключил фирму «Кафф-Линкс Мэньюфэкчуринг Компани» и осталось двое: Макс и Фредерик. Соединившись с Фредериком, он увидел худого пучеглазого парнишку, явно не достигшего совершеннолетия. Гэллегер окинул его убийственным взглядом и разъединился, оставив остолбеневшего Фредерика гадать, кто же это звонил.

Оставался еще Макс Кафф. Вероятно, он и был искомой персоной. Гэллегер убедился в этом, когда камердинер Макса Каффа переключил разговор на городскую контору, где секретарша сообщила, что мистер Кафф проводит время в клубе «Аплифт».

— Вот как? А кто такой этот Кафф?

— Я вас не понимаю.

— Ну, чем он занимается?

— Мистер Кафф ничем не занимается, — ледяным тоном сообщила девушка. — Мистер Кафф — муниципальный советник.

Это было интересно. Гэллегер поискал шляпу, нашел ее у себя на голове и попрощался с роботом, который даже не потрудился ответить.

— Если Толстячок позвонит еще раз, — сказал конструктор, — спроси, как его зовут. Понял? И следи за этой машиной — вдруг она захочет преобразиться или что-нибудь в этом роде.

Позаботившись обо всем, Гэллегер вышел из дома. Дул холодный осенний ветер, обрывая сухие листья с деревьев. Пролетело несколько воздушных аэротакси, но Гэллегер остановил наземное, желая знать, как они поедут. У него было смутное предчувствие, что звонок Максу Каффу даст ему немного. С таким типом нужно держать ухо востро, ссбенно если он может «усиливать нажим»...

— Куда едем?

— Клуб «Аплифт». Знаете, где это?

— Нет, — ответил водитель, — но сейчас узнаю. — Он нажал клавишу информатора на приборной доске. — В городе, но довольно далеко.

— Вот и хорошо, — сказал Гэллегер и откинулся на сиденье, погрузившись в мрачные мысли.

Почему все клиенты были такими неуловимыми? Как правило призраки не пользовались его услугами, однако Толстячок оставался лицом без фамилии, просто лицом, совершенно не знакомым Гэллегеру. А кто такой Дж.У. вообще неизвестно. Только Делл Хоппер обрел реальную форму, и Гэллегер очень жалел об этом — повестка в суд лежала у него в кармане.

«Мне нужно выпить, — сказал сам себе Гэллегер. — Вот и все дела. Я давненько не был пьян. Во всяком случае, по моим меркам».

Через некоторое время такси остановилось у здания, которое когда-то было особняком из кирпича и стекла. Заброшенное, теперь оно выглядело довольно мрачно. Гэллегер вышел из машины, расплатился с водителем и подошел к дому. Небольшая вывеска извещала, что это и есть клуб «Аплифт». Поскольку звонка не было, Гэллегер просто открыл дверь и вошел.

И тут же ноздри его заходили ходуном, как у боевого коня, почуявшего запах пороха. Здесь пили. Ведомый инстинктом почтового голубя Гэллегер направился прямо к бару, расположенному у стены зала, наполненного стульями, столами и людьми. Какой-то человек с печальным лицом и в шляпе играл в углу на электрическом бильярде. Когда Гэллегер подошел, печальный мужчина посмотрел на него и преградил путь.

— Ищешь кого-то? — буркнул он.

— Ага, — ответил Гэллегер. — Макса Каффа. Мне сказали, будто он здесь.

— Минуточку, — сказал печальный тип. — Что тебе от него нужно?

— Мне нужен Толстячок, — с ходу ляпнул Гэллегер.

Холодные глаза внимательно изучали его.

— Кто?

— Ты его не знаешь. Но Макс знает.

— Макс хочет тебя видеть?

— Конечно.

— Ну ладно, — с сомнением произнес печальный тип. — Макс в «Трех Звездах», у него сегодня обход баров. Если он начнет...

— «Три Звезды»? А где это?

— Брод-авеню, четырнадцать.

— Спасибо, — сказал Гэллегер и вышел, окинув бар тоскливым взглядом. Еще не время. Сначала дела — потом все прочее.

«Три Звезды» оказались обычным притоном, где на стенах демонстрировали веселые фильмы. Были они стереоскопическими и довольно гнусными. Задумчиво посмотрев на экран, Гэллегер обвел взглядом гостей. Их было немного. Внимание его привлек сидящий у одного конца бара мощный тип с гарденией в бутоньерке и крикливым бриллиантом на пальце. Гэллегер подошел к нему.

— Мистер Кафф?

— Да, — ответил мужчина, поворачиваясь на стуле, как Юпитер вокруг своей оси. Слегка покачиваясь, он уставился на Гэллегера.

— А ты кто такой?

— Я...

— Впрочем, неважно, — подмигнул Кафф. — Никогда после работы не говори, как тебя зовут на самом деле. Прячешься, да?

— Что?

— Я это с первого взгляда узнаю. Ты... ты... — Кафф наклонился вперед, принюхиваясь. — Ты пил!

— Пил, — горько ответил Гэллегер.

— Ну так выпей и со мной, — предложил Кафф. — Я уже дошел до «Д» — дайкири. Тим! — заорал он. — Еще один дайкири для моего друга! Одна нога здесь, другая там. И подумай о «Е».

Гэллегер скользнул на стул рядом с Каффом и приглядел ся к своему собеседнику. Советник был в немалом подпитии.

— Да, — сказал Кафф, — лучше всего пить по алфавиту. Начинаешь с «А» — абсента, а потом по порядку — бренди, виски, голдвассер, дайкири...

— А потом?

— Разумеется «Е», — с легким удивлением заметил Кафф. — Egri Burgundi. О, вот и дайкири для тебя. Поехали!

Выпили.

— Послушайте, — сказал Гэллегер. — Мне нужно поговорить с вами о Толстячке.

— О ком?

— О Толстячке, — сказал Гэллегер, многозначительно подмигнув. — Ну, вы знаете. Нажим, устав... знаете?

— Ах, о нем! — Кафф вдруг расхохотался. — Толстячок, да? Это хорошо. Это очень хорошо. Это ему подходит.

— А разве его зовут не похоже? — хитро спросил Гэллегер.

— Ничуть! Толстячок, надо же!

— Его фамилия через «е» или «и»?

— И то и другое, — ответил Кафф. — Тим, где эгри? А, уже готов? Ну, вздрогнули, старик!

Гэллегер прикончил дайкири и занялся эгри. Что делать теперь?

— Ну, так что с Толстячком? — рискнул спросить Гэллегер.

— Никогда не отвечаю на вопросы, — ответил Кафф, неожиданно трезвея. Он недоверчиво уставился на Гэллегера. — А ты наш? Что-то я тебя не знаю.

— Я из Питсбурга. Мне велели прийти в клуб, когда приеду.

— Что-то тут не так, — заметил Кафф. — Ну, да неважно. Я закончил пару дел и веселюсь.

На «Ж» они выпили «желтый шар», на «З» — «зеленого дьявола».

— Теперь истерн, — довольно сказал Кафф. — Его подают только в этом баре, а потом приходится пропускать буквы. Я не знаю ничего на «К».

— Клойстеркеллер, — заплетающимся языком подсказал Гэллегер.

— Кло... как? Что это такое? Тим! — позвал Кафф бармена. — Есть у тебя клойстеркеллер?

— Нет, сэр, — ответил Тим.

— Тогда поищем, где есть. А ты молодец, старина. Пошли вместе, ты мне нужен.

Гэллегер послушно пошел за ним. Поскольку Кафф не желал говорить о Толстячке, нужно было завоевать его доверие, и лучшим способом было пить вместе с ним. К сожалению, алфавитная попойка оказалась нелегким делом. Гэл-

легер был уже на грани, а жажда Каффа все еще не была утолена.

— «Л»? Что у нас на «Л»?

— Лакрима Кристи. Или либфраумилх.

— О боже!

Некоторое облегчение доставило возвращение к мартини, но после ореховой у Гэллегера закружилась голова. На «Р» он предложил рислинг, но Кафф не хотел о нем и слышать.

— Тогда рисовую водку.

— Хорошо. Рисовую... эй! Ого, да ведь мы пропустили «Н»! Придется возвращаться к «А»!

С большим трудом Гэллегер уговорил его не делать этого; Каффа явно очаровало экзотическое название: нг га по. Затем они продолжили путешествие по алфавиту: сакэ, текила, «уникум», флип, хеннесси.

— «Ч»?

Сквозь пары алкоголя они посмотрели друг на друга. Гэллегер пожал плечами и огляделся. «Интересно, как мы попали в этот роскошный клубный кабинет? Одно ясно, это не «Аплифт».

— «Ч», — настаивал Кафф. — Ну же, не подведи, старина!

— Пшени-Ч-ная, — осенило Гэллегера.

— Здорово! Осталось совсем немного. «Ш» — шартрез... а что там после «Ш»?

— Толстячок. Помните?

— А, Толстячок Смит, — сказал Кафф, заливаясь неудержимым смехом. По крайней мере, это прозвучало как «Смит». — Толстячок. Это ему здорово подходит.

— А как его зовут? — настаивал Гэллегер.

— Кого?

— Толстячка.

— Никогда о таком не слышал, — сказал Кафф и захохотал. Подошел посыльный и коснулся плеча советника.

— К вам пришли.

— Хорошо. Сейчас вернусь, старина. Все знают, где меня можно найти... в основном здесь. Никуда не уходи. Осталось еще «Ш» и... и все, что после нее.

Он исчез из виду. Гэллегер оставил нетронутый стакан, поднялся и пошатываясь направился к холлу. На глаза ему попался стоявший видеофон. Под влиянием внезапного импульса он вошел в кабину и набрал номер лаборатории.

— Снова накачался, — сказал Нарцисс, едва его лицо появилось на экране.

— Святая истина, — согласился Гэллегер. — Я надрался, как... ик!.. как свинья. Но у меня кое-что есть.

— Лучше позаботиться о личной охране, — сказал робот. — Едва ты ушел, сюда вломились какие-то бандиты. Тебя искали.

— Кто меня искал? Повтори?

— Трое бандюг, — терпеливо повторил Нарцисс. — Главный был худой и высокий, пиджак в клетку, желтые волосы и золотой зуб спереди. Остальные...

— Мне не нужно описание, — рявкнул Гэллегер. — Скажи просто, что случилось.

— Я уже все сказал. Они хотели тебя похитить. Потом решили украсть машину, но я их выставил; для робота я довольно силен.

— С машиной ничего не случилось?

— А со мной? — обиделся Нарцисс. — Я куда важнее какой-то там игрушки. Тебя не волнуют мои раны?

— Нет, — ответил Гэллегер. — А они у тебя есть?

— Конечно, нет. Но ты мог бы и поинтересоваться...

— С машиной все в порядке?!!

— Я не подпустил их к ней, — сказал робот. — Чтоб тебе лопнуть!

— Я еще позвоню, — сказал Гэллегер. — Сейчас мне нужен черный кофе.

Он выбрался из кабины. К нему направлялся Макс Кафф. За советником шли трое мужчин.

Один из них остановился на полпути и удивленно разинул рот.

— Это тот самый тип, шеф. Гэллегер. Это с ним вы пили?

Гэллегер попытался сфокусировать глаза, и изображение стало четче. Перед ним стоял высокий худой мужчина в клетчатом пиджаке, с желтыми волосами и золотым зубом.

— Стукните его, — приказал Кафф. — Быстрее, пока он не закричал, и пока вокруг никого нет. Гэллегер, значит? Ну, хитрюга!

Гэллегер еще заметил, как что-то летит в сторону его головы, и хотел спрятаться в кабину видеофона, как улитка в раковину. Ничего не вышло, а потом перед глазами вспыхнул ослепительный свет.

«Главная проблема с общественной культурой, — сонно думал Гэллегер, — заключается в том, что она одновременно испытывает рост и окостенение внешней оболочки. Цивилизацию можно сравнить с цветочной клумбой — каждое от-

дельное растение является составной частью культуры. Рост растений — это прогресс. Технология, этот цветок с утраченными иллюзиями, получила некогда солидную инъекцию питательной смеси в виде войн, заставивших ее развиваться по необходимости. Но ни одна цивилизация не может считаться удовлетворительной, если сумма ее частей не равна целому.

Цветок этот глушил другое растение, которое развило в себе способности к паразитированию и перестало пользоваться корнями, обвиваясь вокруг цветка, карабкаясь по его стеблю и листьям. Такими удушающими лианами были религия, политика, экономика, культура — устаревшие формы, которые изменялись слишком медленно, обгоняемые пламенной кометой точных наук, пылающей на необъятном небе новой эры. Когда-то давно писатели считали, что в будущем — в их будущем — социологическая модель будет иной. В эру космических кораблей исчезнут такие нелогичные поступки, как биржевые спекуляции, грязная политика или гангстеризм. Однако этим теоретикам не хватило прозорливости, и эру космических кораблей они отнесли к слишком далекому будущему.

А ведь Ли сел на Луну еще до того, как вышли из употребления автомобили с карбюраторами.*

Великие войны первой половины двадцатого века придали технике огромное ускорение, которое не исчерпалось и доныне. К сожалению, обычных людей больше интересовали продолжительность рабочего дня и инфляция. Единственный период единодушия пришелся на время великих проектов, вроде Программы Миссисипи и тому подобного. Наконец, это было время хаоса, реорганизации, стремительной замены старых понятий новыми и метаниями от одной крайности к другой. Профессия адвоката, например, стала настолько сложной, что группам экспертов приходилось использовать счетчики Педерсена и электронные мозги Механистра для того, чтобы делать свои натянутые выводы, тут же воспаряющие в неизведанные пространства символической логики. Убийцу могли оправдать, если он не признавал себя виновным. А даже если признавал, имелись способы опровержения солидных юридических доказательств. Прецеденты утратили свое значение. В этом безумном лабиринте власти обращались к незыблемым историческим фактам, которые зачастую оборачивались против них самих.

---

* Рассказ был написан задолго до 1969 года.

Так шло год за годом. Попозже социология догонит развитие техники, но пока до этого далеко. Экономический азарт достиг небывалого в истории уровня. Требовался гений, чтобы разобраться во всеобщей неразберихе. Мутации, вызванные извечной склонностью природы к шуткам, дали наконец таких гениев, но пройдет еще много времени, прежде чем будет найдено удовлетворительное решение. Понятно, что выживет тот, кто имеет большую способность к адаптации, запас всесторонних практических и непрактических знаний, а также опыт во всем. То есть в предметах растительного, животного и минерального происхождения...»

Гэллегер открыл глаза. Видно было немного. Главным образом потому, что его швырнули на стол лицом вниз, он это сразу же определил. Собравшись с силами, он сел. Он не был связан и находился на слабо освещенном чердаке, похожем на склад и переполненном всевозможной рухлядью. С потолка слабо светила лампа. Была здесь и дверь, но перед ней стоял тип с золотым зубом. По другую сторону стола сидел Макс Кафф, он старательно наливал виски в стакан.

— Я тоже хочу, — слабым голосом сообщил Гэллегер.

Кафф взглянул на него.

— А, проснулся. Извини, Блэзер стукнул тебя слишком сильно.

— Да, ничего. Я бы и так потерял сознание. Эта алфавитная выпивка — страшная штука.

— Хоп! — сказал Кафф, придвигая стакан Гэллегеру и наливая себе другой. — Хитро было придумано — держаться меня, то есть единственного места, где парням не пришло бы в голову тебя искать.

— Это у меня врожденное, — скромно заметил Гэллегер. Виски его оживило, но в голове еще не совсем прояснилось. — Эти ваши... гмм... сообщники пытались меня похитить, верно?

— Угу. Но тебя не было дома. Этот твой робот...

— Он просто чудо.

— Слушай, Блэзер сказал мне о машине, которую ты сделал. Я бы не хотел, чтобы Смит наложил на нее лапу.

Толстячок Смит. Гмм. Мозаика вновь разлетелась. Гэллегер вздохнул. Если он сыграет втемную...

— Смит ее еще не видел.

— Я знаю, — сказал Кафф. — Мы прослушиваем его видеофон. Один из наших агентов узнал, что Смит сказал «Любым Заданиям», будто некий человек работает над проблемой, понял? К сожалению, он не назвал фамилию этого

человека. Мы могли только следить за Смитом, прослушивать его разговоры и ждать, когда он с тобой свяжется. А потом... в общем, мы поймали этот звонок, и ты сказал ему, что устройство у тебя есть.

— Ну и что?

— Мы тут же прервали ваш разговор, и Блэзер с парнями отправился к тебе. Я же говорил, что не хочу, чтобы Смит получил этот контракт.

— Вы ничего не говорили о контракте, — сказал Гэллегер.

— Не валяй дурака. Смит сказал «Любым Заданиям», что выложил тебе всю историю.

Может, так оно и было, но Гэллегер был тогда под мухой, и все это выслушивал Гэллегер Бис, следовательно, информация хранилась в подсознании.

Кафф рыгнул и отставил стакан.

— Потом поговорим. Ну и отравился я, даже думать не могу. Но я не хочу, чтобы Смит заполучил эту машину. Твой робот не дает нам к ней подойти. Ты свяжешься с ним по видео и отправишь куда-нибудь, чтобы парни могли принести машину сюда. Отвечай «да» или «нет». Если «нет», я еще вернусь сюда чуть погодя.

— Нет, — сказал Гэллегер. — Вы меня все равно прикончите, чтобы я не сделал Смиту еще одну машину.

Веки Каффа медленно опустились на глаза, и какое-то время он сидел неподвижно, словно заснул. Потом он невидящим взглядом посмотрел на Гэллегера и встал.

— Значит, увидимся позже. — Он энергично потер лоб. — Блэзер, следи за этой глистой.

Человек с золотым зубом выступил вперед.

— С вами все в порядке?

— Конечно. Но думать я не могу... — Кафф скривился. — Турецкая баня — вот что мне нужно.

Он подошел к двери, ведя за собой Блэзера. Гэллегер заметил движения губ советника и прочел несколько слов.

— ...упьется... позвонить роботу... попробуйте...

Кафф вышел, а Блэзер вернулся в комнату, сел напротив Гэллегера и подвинул тому бутылку.

— Не бери в голову, — успокоил он. — Глотни вот немного, полегчает.

«Хитрецы, — подумал Гэллегер. — Думают, если я напьюсь, то сделаю все, что им нужно. Гмм...»

У дела имелся еще один аспект. Когда Гэллегер бывал полностью под воздействием алкоголя, управление прини-

мало его подсознание. А Гэллегер Бис был уникальным изобретателем, безумным, но гениальным.

Гэллегер Бис наверняка найдет выход из этого положения.

— Вот и правильно, — сказал Блэзер, видя, как исчезает алкоголь. — Еще одну. Макс отличный парень, он на тебя не в обиде. Вот только он не любит, если кто-то мешает его планам.

— Каким планам?

— Ну, как в случае со Смитом, — объяснил Блэзер.

— Понятно.

Гэллегер содрогнулся. Предстояло так накачаться спиртным, чтобы подсознание смогло выбраться наружу. Он продолжал пить.

Возможно, он просто перестарался. Обычно Гэллегер очень старательно мешал свои напитки, а на этот раз все составляющие уравнения в сумме дали ноль. Он видел, как поверхность стола медленно приближается к его носу, почувствовал мягкий, почти приятный удар и захрапел. Блэзер поднял его и встряхнул.

— И что они т-теперь за водку делают, — прохрипел Гэллегер. — Вино, женщины и песни... вино, вино, вино... К-красное.

— Вина ему захотелось, — буркнул Блэзер. — Этот тип пьет как промокашка.

Он еще раз встряхнул Гэллегера, но без толку. Буркнув что-то еще, Блэзер вышел.

Гэллегер услышал, как закрылась дверь, попытался сесть, но упал со стула и больно приложился головой о ножку стола.

Это подействовало лучше ведра холодной воды. Пошатываясь, Гэллегер поднялся на ноги. Комната на чердаке была пуста, если не считать его самого и всякой рухляди. Очень осторожно он подошел к двери и попытался ее открыть. Заперто. Мало того, дверь была еще обита стальным листом.

— Ну, дела... — бормотнул конструктор. — В кои-то веки мне понадобилось мое подсознание, а оно не желает показываться. Черт возьми, как же отсюда выбраться?

Выхода не было. Комната не имела окон, а дверь была заперта намертво. Гэллегер направился к груде старой мебели. Диван. Коробка с бумагой. Подушки. Свернутый ковер. Мусор.

Он нашел кусок провода, пачку слюды и еще пару мелочей, а когда сложил все вместе, образовалось нечто, похожее на пистолет или миксер. Выглядело это довольно жутковато, словно какой-то марсианский излучатель.

Затем Гэллегер вернулся к стулу и сел, всей силой воли заставляя себя протрезветь. Дело шло неважно. Когда вновь послышались шаги, в голове у него все еще шумело.

Дверь открылась, вошел Блэзер. Гэллегер едва успел спрятать свое изобретение под стол.

— Ты уже вернулся? Я думал, это Макс.

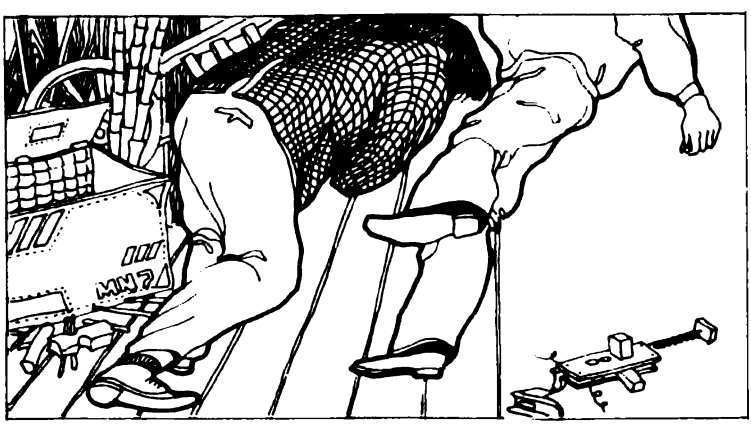
— Он скоро придет, — пообещал Блэзер. — Как ты себя чувствуешь?

— В голове шумит. Я бы еще выпил. Та бутылка уже кончилась. — Он действительно прикончил ее, вылив остатки в какую-то дыру.

Блэзер запер дверь и подошел. Гэллегер встал, потерял равновесие и споткнулся. Гангстер заколебался, а Гэллегер вытащил свой пистолет-миксер и поднес к глазам, глядя сквозь ствол на лицо Блэзера.

Бандит потянулся за пистолетом, однако жуткое устройство, которое Гэллегер направил на него, не давало ему покоя, и он остановился, размышляя, что бы это могло быть. В следующую секунду он все же решил действовать, но тут Гэллегер, пренебрегая правилами честного поединка, пнул противника в пах. Когда Блэзер согнулся пополам, Гэллегер воспользовался этим, бросился на него и повалил на пол яростными ударами всех четырех конечностей. Блэзер по-прежнему пытался достать свое оружие, но самый первый коварный удар здорово мешал ему.

Гэллегер все еще был слишком пьян, чтобы координировать свои движения, поэтому он просто взгромоздился на противника и принялся методично обрабатывать его солнечное сплетение. Тактика себя оправдала. Через некоторое

время ему удалось вырвать у Блэзера пистолет и треснуть рукояткой по гангстерскому кумполу.

На этом все и кончилось.

Гэллегер встал, разглядывая свое изобретение и гадая, чем же это могло быть по мнению Блэзера. Вероятно, генератором лучей смерти. Он слабо усмехнулся. В кармане бандита он нашел ключ, открыл дверь и спустился по лестнице. Пока все шло неплохо.

Слава изобретателя имела свои положительные стороны. По крайней мере, удалось отвлечь внимание Блэзера от фактического положения вещей.

И что теперь?

Дом оказался заброшенным четырехэтажным строением возле бани. Гэллегер выбрался через окно и удрал со всех ног. Вскоре он уже сидел в аэротакси, которое мчалось в сторону окраины. Тяжело дыша, он включил воздушный фильтр и пустил холодный ветерок, чтобы охладить вспотевшее лицо. Высоко на черном осеннем небе появилась полная луна. Сквозь окошко в полу видны были светлые полосы улиц, пересекаемые ослепительными диагоналями автострад верхнего уровня.

Смит. Толстячок Смит. Каким-то образом он связан с «Любыми Заданиями». Гэллегер заплатил пилоту и из осторожности высадился на крыше дома в районе Уайт-Вэй. Найдя кабину видеофона, он связался со своей лабораторией. На экране появился робот.

— Нарцисс...

— Джо, — поправил робот. — Ты снова надрался. Когда ты протрезвеешь?

— Заткнись и слушай. Что произошло за это время?

— Не так уж много.

— Эти бандиты приходили еще раз?

— Нет, — сказал Нарцисс, — но приходили двое полицейских. Помнишь повестку в суд? Ты должен был явиться в пять часов.

Повестка... Ах, да: Делл Хоппер, тысяча кредитов.

— Они ждут?

— Нет, я сказал им, что ты принял снотворное.

— Зачем?

— Чтобы они тут не крутились. Теперь ты можешь вернуться домой, но будь осторожен.

— В чем дело?

— Это твои проблемы, — ответил Нарцисс. — Купи себе накладную бороду. Я свое дело сделал.

— Хорошо, — сказал Гэллегер. — Свари мне черный кофе, да побольше. Звонил еще кто-нибудь?

— Из Вашингтона. Какой-то командор космической полиции. Он не представился.

— Космической полиции? Они тоже меня ищут? Чего ему было нужно?

— Тебя, — сказал робот. — До свидания. Ты не дал мне допеть песенку.

— Свари кофе, — напомнил Гэллегер вслед тающему изображению.

Он вышел из кабины и постоял немного, размышляя и глядя на небоскребы Манхеттена, испещренные неправильными узорами освещенных окон: прямоугольных, круглых, овальных, полукруглых и даже звездчатых.

Звонок из Вашингтона.

Хоппер усиливает нажим.

Макс Кафф и его мальчики.

Толстячок Смит.

Наиболее обещающим казался Смит. Гэллегер еще раз вошел в кабину и набрал номер «Любых Заданий».

— Извините, но мы уже закончили.

— Это очень важно, — настаивал Гэллегер. — Мне нужна информация. Я должен связаться с человеком...

— Мне очень жаль...

— С-М-И-Т, — произнес по буквам Гэллегер. — Вы просто проверьте по списку, хорошо? Или вы хотите, чтобы я перерезал себе горло у вас на глазах? — Он начал рыться в кармане.

— Может, вы позвоните завтра...

— Завтра будет слишком поздно. Очень прошу вас, поищите, пожалуйста.

— Мне очень жаль...

— Я акционер «Любых Заданий»! — рявкнул Гэллегер. — Предупреждаю вас!..

— А... вообще-то это не принято, но... Говорите, Смит? Минуточку. Как его имя?

— Этого я не знаю. Найдите мне всех Смитов.

Девушка исчезла и вновь появилась с картотечным ящиком, снабженным надписью «СМИТ».

— Ого, — сказала она, просматривая карточки, — здесь несколько сотен Смитов.

Гэллегер застонал.

— Мне нужен толстый Смит, — с отчаянием сказал он. — Но это по картотеке не проверишь.

Секретарша поджала губы.

— Понимаю, это вы так шутите. Спокойной ночи! — Секретарша выключилась.

Гэллегер посидел, вглядываясь в экран. Несколько сотен Смитов. Не очень-то хорошо. То есть просто плохо.

Минуточку! Гэллегер Бис купил акции «Любых Заданий», когда они падали. Почему? Вероятно, он ожидал, что они поднимутся. Но акции, по словам Эрни, продолжали падать. В этом могла крыться подсказка.

Эрни он поймал у него дома и с ходу прижал к стене.

— Отмени свои встречи, мой вопрос не отнимет у тебя много времени. Узнай только, почему акции «Заданий» падают и позвони мне в лабораторию. А то я сверну тебе шею. Только быстро, понял?

Эрни согласился. Гэллегер выпил кофе в уличном автомате, осторожно прокрался домой и запер дверь на два замка.

Нарцисс танцевал перед большим зеркалом в лаборатории.

— Кто-нибудь звонил?

— Нет, никто. Взгляни на это грациозное па.

— Успею еще. Если кто-то придет, сообщи мне — я спрячусь, пока ты от него не избавишься. — Гэллегер крепко зажмурился. — Кофе готов?

— Черный и крепкий. На кухне.

Но сперва конструктор пошел в ванную, разделся, принял холодный душ и постоял под кварцевой лампой. Чувствуя себя чуть протрезвевшим, он вернулся в лабораторию с огромной чашкой горячего кофе, уселся на «Тарахтелку» и принялся отпаиваться.

— Ты похож на роденовского «Мыслителя», — заметил Нарцисс. — Я принесу тебе халат, а то твое мерзкое тело оскорбляет мое эстетическое чувство.

Гэллегер не слышал его. Он надел халат, потому что мерз после ванны, и продолжал прихлебывать кофе и смотреть в пространство.

Уравнение: А или В или С равняется *х*. До сих пор он старался определить величины А, В и С. Возможно, это был не лучший способ. Дж.У., например, он вообще не нашел, Смит оставался неуловим, а Делл Хоппер (тысяча кредитов) никуда не годился.

Может, лучше было бы определить *х*. Должна же эта чертова машина иметь какое-то назначение. Да, она пожирала землю, но материю уничтожить невозможно, ее можно только преобразовать.

Земля входила в машину, а на выходе не было ничего.

Ничего видимого.

Свободная энергия?

Она невидима, но ее можно обнаружить приборами.

Вольтметром, амперметром, электроскопом...

Гэллегер еще раз включил машину. Ее пение было довольно громким, но в дверь никто не позвонил, а вскоре Гэллегер вновь поставил переключатель в нейтральное положение. Он так ничего и не узнал.

Позвонил Эрни, ему удалось добыть нужную информацию.

— Это было нелегко, пришлось воспользоваться несколькими хитрыми приемами. Но я узнал, почему акции «Любых Заданий» падают.

— Слава богу. Выкладывай.

— Понимаешь, «Задания» — это как бы крупная биржа заказов. Они нанимают подрядчиков для разных дел. В данном случае это большое административное здание, которое должно быть построено в центре Манхеттена. Вот только строительная фирма не может начать работу. Речь идет о больших деньгах, и пошли слухи, здорово навредившие акциям «Заданий».

— Валяй дальше.

— На всякий случай, — продолжал Эрни, — я собрал все, что смог. За этот заказ дрались две фирмы.

— Какие именно?

— «Аякс» и кто-то по фамилии...

— Случайно, не Смит?

— Почти, — подтвердил Эрни. — Таддеус Смейт. Пишется С-м-е-й-т.

Долгая тишина.

— Смейт, — повторил наконец Гэллегер. — Вот почему она не могла... Что? Нет, ничего. Я должен был догадаться. — Когда он спросил Каффа, пишется ли фамилия Толстячка через «е» или«и», тот ответил, что через обе буквы. Смейт. Ха-ха!

— Заказ получил Смейт, — продолжал Эрни. — Он обошел «Аякс», однако у того оказалась волосатая лапа на самом верху. Они нашли какого-то советника, который устроил бучу, ссылаясь на старый муниципальный устав, и остановил Смейта. Парень ничего не может сделать.

— Почему?

— Потому, что устав запрещает ему блокировать движение на Манхеттене. Это касается и воздушного движения.

Клиент Смейта или, точнее, клиент «Любых Заданий» выкупил недавно участок, но права на воздушное движение над ним на девяносто девять лет принадлежат «Трансуорлд Страто». Ангары стратопланов находятся рядом с этим участком, а ты прекрасно знаешь, что стратопланы вертикально не стартуют. Они какое-то время летят по прямой, и взлетный коридор проходит точно над этим участком. С арендой все в порядке — девяносто девять лет линии «Трансуорлд Страто» имеют право использовать воздух над этим участком на высоте свыше пятнадцати метров от поверхности земли.

Гэллегер задумчиво смотрел на Эрни.

— Тогда как же Смейт собирался поставить там здание?

— Новый владелец имеет право на пространство с пятнадцати метров над поверхностью земли до центра планеты. Понимаешь? Большое восьмидесятиэтажное здание, у которого большинство этажей под поверхностью земли. Так уже кто-то делал, но Смейту мешают политики. Если Смейт не сможет выполнить условия контракта, работу получит «Аякс», а он идет рука об руку с тем советником.

— Да, с Максом Каффом, — сказал Гэллегер. — Я уже с ним познакомился. Но... что это за устав, о котором ты упоминал?

— Старый, но по-прежнему действующий. Нельзя мешать дорожному движению и препятствовать воздушному.

— Ну и что?

— Если копать яму под восемьдесят этажей, — объяснил Эрни, — придется извлечь массу земли и камней. Как вывезти все это, не мешая движению? Я даже не возьмусь рассчитать, сколько это будет тонн.

— Понимаю... — тихо произнес Гэллегер.

— Вот и все дело. Смейт получил контракт, но оказался в тупике. Он не может избавиться от земли, а вскоре «Аякс» получит заказ в свои руки и как-нибудь добьется разрешения на вывоз земли.

— Как он это сделает, если Смейт не может?

— Ты забываешь о советнике. Так вот, несколько недель назад в том районе закрыли несколько улиц для ремонта и устроили объезд у самого строительного участка. Движение там дикое, и самосвалы с землей забили бы все до предела. Разумеется, объезд этот временный... — Эрни коротко рассмеялся, — до тех пор, пока Смейт не откажется от контракта. Тогда объезд исчезнет, и «Аякс» сможет получить нужное разрешение.

— Гм, — Гэллегер оглянулся через плечо на машину. — Возможно, есть способ...

В дверь позвонили. Нарцисс вопросительно взглянул на хозяина.

— Окажи мне еще одну услугу, Эрни, — сказал Гэллегер. — Доставь мне сюда Смейта.

— Хорошо, я позвоню ему.

— Его видеофон прослушивают, лучше не рисковать. Ты не мог бы заехать к нему и привезти его сюда?

Эрни вздохнул.

— Тяжкий у меня хлеб. Ну, хорошо.

Экран погас. Гэллегер наконец обратил внимание на звонок и кивнул роботу.

— Посмотри, кто там. Сомневаюсь, чтобы Кафф попробовал еще какой-нибудь фокус, но... в общем, посмотри. Я покуда спрячусь в шкаф.

Он стоял в темноте, ожидая, напрягая слух и думая. Проблема Смейта была решена. Машина пожирала землю. Это был единственный эффективный способ избавления от вынутой земли, если не хотелось рисковать и устраивать водородный взрыв.

Восемьсот кредитов аванса за устройство или метод, позволяющий удалить достаточно земли, чтобы получить котлован для постройки подземного здания.

Что ж, возможно. Но куда же все-таки девалась вся эта земля?

Вернулся Нарцисс и открыл дверь шкафа.

— Пришел командор Джон Уолл. Он звонил из Вашингтона, помнишь?

— Джон Уолл?

Дж.У. — полторы тысячи кредитов! Третий клиент!

— Впусти его! — приказал Гэллегер. — Быстро! Он один?

— Да.

— Ну, быстрее же!

Нарцисс ушел и вернулся с хорошо сложенным седовласым мужчиной в мундире космической полиции. Уолл скупо улыбнулся Гэллегеру, его взгляд остановился на машине у окна.

— Это она?

— Добрый день, командор, — сказал Гэллегер. — Я... я почти уверен, что это она. Но сначала хотел бы обсудить с вами некоторые детали.

Уолл нахмурился.

— Деньги? Вряд ли вы будете шантажировать правительство. А может, я вас неверно оценил? Пятидесяти тысяч кредитов должно хватить вам на какое-то время. — Лицо

его прояснилось. — Вы уже получили чек на полторы тысячи, и я могу выписать вам остальные, как только вы продемонстрируете мне ее в действии.

— Пятьдесят ты... — Гэллегер глубоко вздохнул. — Нет, дело, конечно, не в этом. Я просто хотел убедиться, что выполнил условия договора. Хочу быть уверен, что учел все пожелания.

Если бы только он мог узнать, что заказал Уолл! Может, тоже машину, пожирающую землю...

Надежды на это почти не было, но узнать все-таки следовало. Гэллегер жестом пригласил командора садиться.

— Но мы уже все детально обсудили...

— Лучше проверить еще раз, — настаивал Гэллегер. — Нарцисс, налей выпить господину командору.

— Спасибо, не нужно.

— Кофе?

— Буду весьма обязан. Итак, как я уже говорил вам несколько недель назад, нам требуется гибкий элемент ручного управления космическим кораблем, удовлетворяющий требованиям эластичности и сопротивления растяжению.

«Ого», — подумал Гэллегер.

Уолл наклонился вперед, глаза его заблестели.

— Космический корабль громоздок и сложен, и конструкция его требует, чтобы управляющие тяги шли не по прямой, а сворачивали, причем зачастую под острыми углами.

— Но...

— Представьте, — сказал Уолл, — что вы хотите повернуть кран, находящийся в двух кварталах отсюда. И сделать это надо, не выходя из лаборатории. Каким образом?

— Веревка. Провод. Трос.

— Который, следует добавить, мог бы огибать углы, как, например... нет, жесткий провод не мог бы. Однако, мистер Гэллегер, хочу повторить сказанное две недели назад: этот кран поворачивается очень туго, а поворачивать нужно довольно часто, сотни раз в день. Самые надежные стальные тросы оказались недостаточно прочными. Изгибы и натяжение быстро выводят их из строя. Вы понимаете?

Гэллегер кивнул.

— Конечно. Любой провод сломается, если то и дело сгибать его.

— С этой проблемой мы и обратились к вам, и вы ответили, что это можно сделать. Вам удалось?

Ручное управление, где тяги могут поворачивать и выдерживать постоянные нагрузки. Гэллегер посмотрел на ма-

шину. Азот... какая-то мысль блуждала по дальним закоулкам его мозга, но он никак не мог ее поймать.

В дверь позвонили. «Смейт», — подумал Гэллегер и кивнул Нарциссу. Тот исчез из виду.

Вернулся он с четырьмя людьми. Двое из них были полицейскими, а другие двое — Смейт и Делл Хоппер.

Хоппер кровожадно усмехнулся.

— Привет, Гэллегер, — сказал он. — Мы не успели, когда входил этот тип, — он указал на командора, — но дождались еще одного случая.

— Мистер Гэллегер, — сказал Смейт, удивленно поглядывая по сторонам, — в чем дело? Я нажал кнопку, и вдруг меня окружили эти трое...

— Ничего страшного, — сказал Гэллегер. — Вам крупно повезло. Выгляните в окно.

Смейт послушался, а когда повернулся обратно, лицо его сияло.

— Эта яма...

— Точно. И землю я отсюда не вывозил. Сейчас я вам продемонстрирую.

— Продемонстрируешь, только в кутузке, — язвительно заметил Хоппер. — Я предупреждал, Гэллегер, что меня не обманешь. Я дал тебе тысячу аванса, а ты ничего не сделал и не вернул деньги.

Командор Уолл вытаращил глаза, совершенно позабыв о чашке, которую держал в руке. Один из полицейских подошел и взял Гэллегера под руку.

— Минуточку, — начал было Уолл, но Смейт оказался быстрее.

— Кстати, я кое-что должен мистеру Гэллегеру, — сказал он, вынимая бумажник. — Наличными у меня только тысяча, но, надеюсь, вас устроит чек на остальную сумму. Если этот... господин хочет наличные, тысяча здесь есть.

Гэллегер проглотил слюну, а Смейт ободряюще кивнул ему.

— Мой заказ вы выполнили. Я могу начинать земляные работы хоть завтра, и мне не нужно никакое разрешение на вывоз земли.

Хоппер оскалил зубы.

— Плевал я на деньги! Я хочу преподать ему урок! Мое время дорого стоит, а этот тип поставил с ног на голову всю мою программу. Заказы, агенты... Я уже многое сделал, надеясь, что он выполнит мой заказ, а он теперь хочет от всего открутиться. Нет, мистер Гэллегер, тебе это не удастся. Ты

не явился по вызову в суд, значит, нарушил закон и получишь свое, черт побери!

Смейт огляделся по сторонам.

— Но... я готов поручиться за мистера Гэллегера. Я уплачу...

— Нет! — рявкнул Хоппер.

— Этот тип говорит «нет», — буркнул Гэллегер. — Он жаждет моей крови. Бывают же такие злыдни!

— Пьяный болван! — заорал Хоппер. — Господа, прошу вас забрать его в тюрьму. Немедленно!

— Не бойтесь ничего, мистер Гэллегер, — утешал его Смейт. — Я вытащу вас оттуда. Уж поверьте, я нажму на все рычаги.

— Рычаги... — прошептал Гэллегер. — Провода... И... и стереоэкран, на который можно смотреть под любым углом. Провода!

— Заберите его! — повторил Хоппер.

Гэллегер пытался вырваться из рук державших его полицейских.

— Подождите! Минуточку! Я нашел решение. Хоппер, я сделал то, что вам нужно. И вам тоже, командор. Отпустите меня.

Хоппер фыркнул и показал пальцем на дверь. Тихо ступая, подошел Нарцисс.

— Может, разбить им головы, шеф? — мягко спросил он. — Я люблю цвет крови. Это один из самых красивых цветов.

Командор Уолл отставил, наконец, чашку и поднялся.

— Господа, прошу отпустить мистера Гэллегера. — Голос его звучал металлически четко.

— Не отпускайте, — упорствовал Хоппер. — И вообще, кто вы такой? Капитанишка космического корабля?

Загорелое лицо Уолла посерело. Он вынул из кармана кожаный футляр, показал значок.

— Командор Уолл, — представился он. — Из Правительственной Комиссии по Астронавтике. Назначаю тебя, — он указал на Нарцисса, — временным правительственным уполномоченным. Если эти полицейские в течение пяти секунд не освободят мистера Гэллегера, можешь разбить им головы.

Впрочем, этого уже не требовалось. Комиссию по Астронавтике уважали все! За ней стояло правительство, а в сравнении с ним местные власти мелко плавали. Полицейские поспешно отпустили Гэллегера и сделали вид, будто вообще его не трогали.

Хоппер, казалось, вот-вот лопнет.

— По какому праву вы становитесь на пути закона, командор? — потребовал он объяснений.

— По праву приоритета. Правительству необходимо устройство, и мистер Гэллегер сделал его для нас. Он, по крайней мере, имеет право на то, чтобы его выслушали.

— Нет, не имеет!

Уолл смерил Хоппера ледяным взглядом.

— Если не ошибаюсь, несколько минут назад мистер Гэллегер сказал, что ваш заказ тоже выполнен.

— Вот это что ли? — Здоровяк указал пальцем на машину. — По-вашему, это похоже на стереоскопический экран?

— Нарцисс, дай-ка мне ультрафиолетовую лампу, — сказал Гэллегер и подошел к машине, молясь, чтобы его предположение оказалось верным. Впрочем, иной возможности просто не было. Исключите азот из почвы и камня и вы получите совершенно инертную материю.

Гэллегер щелкнул выключателем, и машина запела «Больницу Святого Джекоба». Командор Уолл смотрел на нее удивленно и не так уж доброжелательно. Хоппер фыркнул, а Смейт подбежал к окну, и замер в экстазе, глядя, как длинные щупальца пожирают землю, безумно мельтеша в дыре.

— Лампу, Нарцисс.

Лампа была уже подключена к удлинителю, и Гэллегер медленно пошел с нею вокруг машины. Вскоре он оказался возле диска с канавкой.

Что-то голубовато блеснуло, оно выходило из небольшого отверстия в трубке, огибало диск с канавкой и витками ложилось на пол. Гэллегер коснулся выключателя; когда машина остановилась, отверстие закрылось, отрезая голубое нечто, выходящее из трубки. Гэллегер поднял его, выключил лампу, и моток исчез. Он включил ее снова — и провод появился вновь.

— Прошу, командор, — сказал Гэллегер. — Можете это опробовать.

Уолл искоса взглянул на него.

— Сопротивление на растяжение?

— Очень большое, — ответил Гэллегер. — Это минеральная составляющая земли, спрессованная в провод. Разумеется, у него небывалая сопротивляемость растяжению. Правда, тонны груза на нем не поднять.

Уолл кивнул.

— Понимаю. Он пройдет сквозь сталь, как игла сквозь

масло. Превосходно, мистер Гэллегер. Мы должны провести испытания...

— Сколько угодно. Я в нем уверен. Этот провод можно вести под любым углом с одного конца корабля на другой, и он никогда не порвется от тяжести. Он слишком тонок, и потому просто не может быть нагружен неравномерно. Проволочный трос тут не подходит — вам нужна была эластичность, которая не снижала бы сопротивления растяжению. Единственным возможным вариантом был тонкий прочный провод.

Командор улыбнулся.

— Мы проведем испытание, — сказал он. — Вам нужны деньги? Я могу заплатить еще, в разумных пределах, конечно. Скажем, тысяч десять.

Хоппер протиснулся вперед.

— Я не заказывал никаких проводов, Гэллегер, значит, моего задания ты не выполнил.

Гэллегер не ответил, он настраивал лампу. Провод стал желтым, потом красным.

— Вот твой экран, умник, — сказал он. — Видишь эти цвета?

— Конечно, вижу! Я же не слепой, но...

— Разные цвета в зависимости от длины световой волны. Смотри: красный, голубой, снова красный, желтый...

Провод, который все еще держал Уолл, стал невидимым.

Зачарованный Хоппер с отчетливым звуком закрыл рот и подался вперед.

— У провода тот же показатель преломления, что у воздуха, — сказал Гэллегер. — Я специально сделал так.

Он был достаточно порядочен, чтобы покраснеть. Ничего, за это он поставит Гэллегеру Бис выпивку.

— Специально?

— Вам нужен стереоэкран, на который можно смотреть с любой стороны и видеть изображение без искажений. И в цвете, естественно. Вот это он и есть.

Хоппер тяжело дышал. Гэллегер улыбнулся.

— Возьмите каркас куба и обтяните его этим проводом. Потом сделайте со всех сторон экран из густой сетки и натяните побольше провода внутри куба. В конце концов образуется невидимый куб, целиком сделанный из этого провода. Теперь подавайте на него сигнал в ультрафиолете и получите цветовые узоры, зависящие от длины волны. Иными словами, изображение. Цветное и трехмерное, поскольку транслируется оно на невидимый куб. И кроме того, на него можно смотреть под любым углом, поскольку это не опти-

ческая иллюзия, а настоящее трехмерное изображение. Ясно ли?

— Да... — слабым голосом произнес Хоппер. — Почему... почему вы не сказали мне раньше?

Гэллегер предпочел сменить тему разговора:

— Командор Уолл, мне нужна охрана. Некий бандит по имени Макс Кафф пытался прибрать к рукам эту машину. Его люди похитили меня сегодня и...

— Препятствование выполнению правительственного задания? — зловеще вопросил Уолл. — Знаю я этих мелких политиканов. Макс Кафф больше не будет вам мешать... Можно позвонить?

Смейт расплылся в улыбке при мысли, что Кафф получит по лапам. Гэллегер встретился с ним взглядом, подмигнул и предложил всем гостям выпить. На этот раз не отказался даже командор. Закончив разговор, он повернулся и принял стакан от Нарцисса.

— Ваша лаборатория будет охраняться, — сообщил он Гэллегеру. — Больше неприятностей не будет.

Уолл выпил и пожал конструктору руку.

— Я должен обо всем доложить. Удачи вам и огромное спасибо. Мы позвоним вам завтра.

Он вышел, пропустив вперед обоих полицейских.

— Я должен перед вами извиниться, — сказал Хоппер и осушил свой стакан. — Что было, то прошло, верно, старина?

— Да ладно уж, — сказал Гэллегер. — Но вы должны мне деньги.

— Тренч вышлет чек. И... гм... и... — Слова застряли у него в горле.

— Что случилось?

— Ничего... — просипел Хоппер, медленно зеленея. — Немного воздуха... о-о!

Дверь за Хоппером захлопнулась. Гэллегер и Смейт удивленно переглянулись.

— Странно, — заметил Смейт.

— Может, он вспомнил что-то срочное? — предположил Гэллегер. — Неисповедимы пути господни.

— Я вижу, Хоппер уже исчез, — сказал Нарцисс, появляясь с новой порцией выпивки.

— Да. А что такое?

— Я предвидел, что так и будет, потому что налил ему чистого спирта, — объяснил робот. — Он ни разу не взглянул на меня. Я не заносчив, но человек, настолько невосприимчивый к красоте, заслужил урок. А теперь не мешайте мне.

Я пойду на кухню танцевать, а вы можете поупражняться с органом. Если захотите, приходите полюбоваться на меня.

И Нарцисс покинул лабораторию, жужжа всеми своими внутренностями. Гэллегер вздохнул.

— Вот так всегда, — сказал он.

— Что именно?

— Да все. Я получаю заказ на три совершенно разные вещи, надираюсь и делаю нечто, решающее все три проблемы. Мое подсознание идет по пути наименьшего сопротивления, но, к сожалению, когда я трезвею, путь этот становится для меня слишком сложен.

— А зачем трезветь? — спросил Смейт, попадая точно в десятку. — Как действует ваш орган?

Гэллегер показал ему.

— Я ужасно себя чувствую, — пожаловался он. — Мне нужна неделя сна или...

— Или что?

— Выпивка. Наливай. Знаешь, меня беспокоит еще одно.

— Что именно?

— Почему эта машина, когда работает, поет «Больницу Святого Джекоба»?

— Это хорошая песня, — сказал Смейт.

— Верно, но мое подсознание всегда действует логично. Конечно, это логика безумца, но...

— Наливай, — ответил Смейт.

Гэллегер расслабился, ему делалось все лучше и лучше. По телу расходилось приятное тепло, в банке были деньги, полиция отстала, Макс Кафф наверняка расплачивался за свои грехи, а тяжелый топот доказывал, что Нарцисс действительно танцует на кухне.

Было уже заполночь, когда Гэллегер поперхнулся выпивкой.

— Вспомнил! — воскликнул он.

— Чт-то? — удивленно спросил Смейт.

— Я хочу петь.

— Ну и что?

— Я хочу петь «Больницу Святого Джекоба».

— Ну так пой, — предложил Смейт.

— Но не один, — подчеркнул Гэллегер. — Я люблю ее петь, когда накачаюсь, но, по-моему, она лучше звучит дуэтом. А когда я работал над машиной, то был один.

— И?

— Видимо, я встроил в нее проигрыватель, — сказал Гэллегер, думая о безумных выходках Гэллегера Бис. — О боже! Эта машина делает четыре дела сразу: жрет землю,

выпускает тяги для управления космическим кораблем, создает стереоскопический экран без искажений и поет со мной дуэтом. Удивительная штука!

— Ты гений, — сказал Смейт после некоторого раздумья.

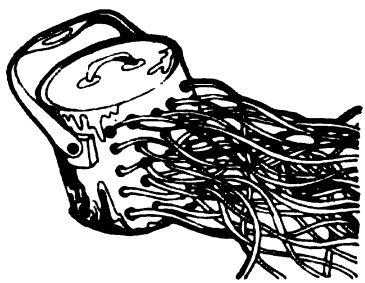
— Разумеется. Гмм...

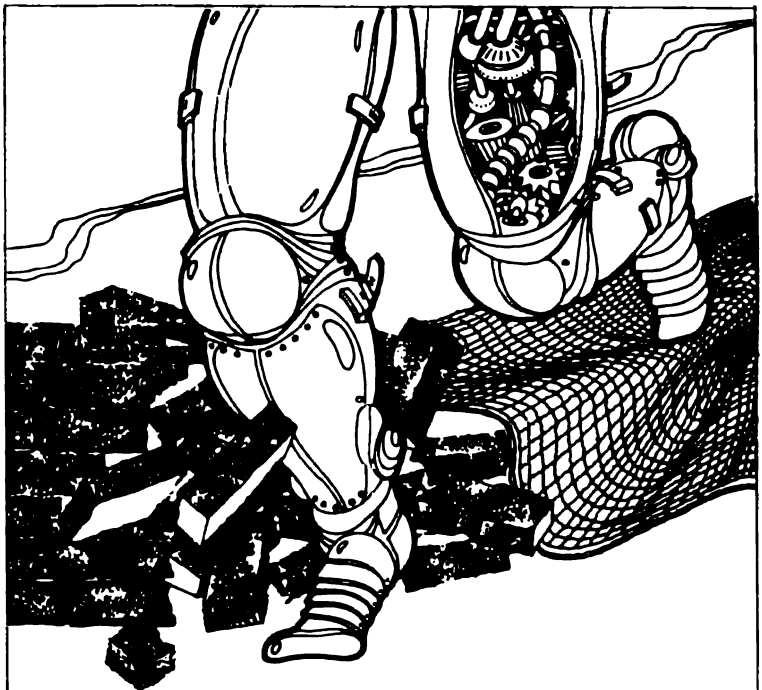
Гэллегер встал, включил машину, вернулся, и уселся на «Тарахтелку». Смейт вновь улегся на подоконник и смотрел, очарованный небывалым зрелищем, как ловкие щупальца пожирают землю. Диск тянул невидимый провод, а ночную тишину нарушали более или менее мелодичные звуки «Больницы Святого Джекоба».

Заглушая жалобные стоны машины, прозвучал глубокий бас, спрашивающий кого-то:

«...есть ли где-нибудь на свете
другой такой жеребец...»

Это вступил Гэллегер Бис.

МАСКАРАД

АЛМАЗНАЯ СВИНКА

Алмазы у Болларда крали почти с той же скоростью, с какой он их производил. Страховые компании уже давно отказались от такого неудобного клиента. Правда, детективные агентства за вознаграждение рады были предложить свои отнюдь не дешевые услуги, но, поскольку алмазы, несмотря ни на что, продолжали исчезать, это оборачивалось пустой тратой денег. Дальше так продолжаться не могло. Состояние Болларда опиралось на алмазы, а стоимость драгоценностей возрастает обратно пропорционально их количеству и доступности. При нынешнем темпе воровства лет через десять безупречно чистые алмазы высшего качества могли пойти по цене стекляшек.

— Мне нужен идеальный сейф, — сказал Боллард Джо Гюнтеру, потягивая ликер из бокала.

— Конечно, — ответил Гюнтер. — А где такой взять?

— Ты же инженер, вот и придумай что-нибудь. За что я тебе плачу?

— Ты платишь мне за изготовление алмазов и за то, что я держу язык за зубами.

— Не выношу лодырей, — бросил Боллард. — Ты за-

кончил институт лучшим в выпуске девяностого года. Чем ты занимался с тех пор?

— Гедонизмом, — ответил Гюнтер. — Чего ради мне упираться, если все, что мне нужно, я могу получить, делая для тебя алмазы? Что нужно любому человеку? Безопасность, свобода, возможность удовлетворения своих прихотей. Я получил все это, найдя рецепт философского камня. Бедный Кайн, он так и не понял возможностей своего патента. На мое счастье.

— Заткнись! — сказал Боллард, едва сдерживая злость.

Гюнтер усмехнулся, оглянувшись на гигантский зал столовой.

— Никто нас не услышит. — Он был слегка пьян. Прядь темных прямых волос упала ему на лоб, и он сделался похож на злого шута. — Кроме того, я люблю говорить. Это помогает мне понять, что я не хуже тебя, и отлично влияет на мое самочувствие.

— Тогда валяй, говори. А как закончишь, я тоже кое-что тебе скажу.

Гюнтер выпил бренди.

— Я гедонист и умница. Закончив учебу, я начал думать, как мне содержать Джо Гюнтера и при этом не работать. Делать что-либо с самого начала — пустая трата времени. Лучший способ — найти уже готовую конструкцию и что-нибудь к ней добавить. Следовательно — Патентное Бюро. Я провел два года, просматривая архивы в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать, и наконец нашел процесс Кайна. Он так и не понял возможностей своего открытия, считая его лишь очередной теорией из области термодинамики. Кайн не сообразил, что если немного развить ее, то можно будет производить алмазы. Поэтому, — закончил Гюнтер, — двадцать лет этот патент пролежал под сукном в Патентном Бюро, а потом его нашел я и продал тебе, с условием, что буду держать рот на замке и позволю миру считать эти алмазы настоящими.

— Выговорился? — спросил Боллард.

— Пожалуй.

— Почему ты каждый месяц повторяешь мне эту историю?

— Чтобы ты не забывал, — сказал Гюнтер. — Ты убил бы меня, если бы смел, и тогда твоя тайна оказалась бы в полной безопасности. Мне кажется, ты все время думаешь, как бы от меня избавиться, и это плохо действует на тебя. Ты можешь поступить неразумно: убить меня, и лишь потом осознать свою ошибку. Если я погибну, процесс будет обна-

родован, и алмазы сможет производить кто угодно. Что тогда будет с тобой?

Боллард повозился в кресле, прищурился и обхватил себя руками за шею. Потом холодно посмотрел на Гюнтера.

— У нас симбиоз, — сказал он. — Ты будешь держать язык за зубами, поскольку от этого зависит твое благосостояние. Кредиты, валюта, облигации — все это при нынешней экономической ситуации скоро обесценится, но алмазы по-прежнему редки. И я хочу, чтобы все так и оставалось. Нужно пресечь эти кражи.

— Если один сделает сейф, всегда найдется другой, который сможет его вскрыть. Ты же знаешь, как это бывало в прошлом. Кто-то изобретает цифровой замок, и тут же кто-то другой находит способ открыть его — нужно слушать щелчки колец. Создали бесшумные кольца — вор воспользовался стетоскопом. Ответом был часовой замок, но с ним справился нитроглицерин. Стали применять специальные сплавы и соединения — пришел термит. Один парень подкладывал под диск кусочек кальки и когда приходил на следующее утро, комбинация была уже выцарапана на ней. Сегодня замки просвечивают рентгеновскими лучами, и процесс этот бесконечен.

— Идеальный сейф возможен, — сказал Боллард.

— Как так?

— Есть два способа сберечь алмазы. Первый — закрыть алмазы в сейфе, противостоящем любому взлому.

— Это нереально.

— Второй — оставить их, не запирая, под охраной людей, которые постоянно видят их перед собой.

— Его ты тоже пробовал, но ничего не вышло. Один раз взломщики воспользовались газом, в другой раз подставили парня, переодетого детективом.

Боллард пожевал маслину.

— В детстве у меня была копилка — стеклянная свинка. Я видел монеты, но не мог их достать, не разбив свинки. Вот что мне нужно. Только эта свинка должна двигаться.

Гюнтер, внезапно заинтересовавшись, поднял голову.

— Что?

— Свинка, умеющая удирать, обладающая инстинктом самосохранения. Чтобы она специализировалась в искусстве бегства. Так ведут себя животные... в основном, травоядные. Особи одного вида африканских оленей реагируют на движение даже прежде, чем оно бывает совершено. Тут уже нельзя говорить о реакции в доли секунды. Другой пример — лиса. Может ли человек поймать лису?

— Он охотится на лис с лошадьми и собаками.

— Вот именно. Поэтому лисы, чтобы запутать след, пробегают сквозь стада овец или по воде. Моя свинка тоже должна уметь это.

— Ты имеешь в виду робота, — сказал Гюнтер.

— Ребята из «Металмена» сделают нам на заказ робота с изотопным мозгом. Двухметрового робота, украшенного алмазами и запрограммированного на бегство. Разумного робота.

Гюнтер потер щеку.

— Прекрасно. Есть только одно «но». Его интеллект будет весьма ограничен. Правда, «Металмен» делает и роботов с интеллектом, не уступающим человеческому, но каждый из них размером с большой дом. Совершенствование интеллекта неизбежно ведет к снижению подвижности. Пока не изобрели ничего, что могло бы в полной мере заменить живой мозг. Тем не менее... — он осмотрел свои ногти. — Да-а, это может сработать. Робот должен быть специалистом только в одной области — в самообороне. Он должен уметь действовать логически, исходя лишь из этой установки.

— А этого хватит?

— Да, потому что робот пользуется логикой. Тюленя или оленя можно загнать в ловушку. Или, скажем, тигра. Тигр слышит загонщиков позади и убегает от них. Он бежит от сиюминутной опасности... пока не рухнет в ловчую яму. Лиса может сознавать опасность за спиной и возможную опасность впереди. Однако робот никогда не будет убегать вслепую. Если бы он наткнулся на улочку без выхода, то задался бы вопросом: что его там ждет?

— И убежит?

— Он будет реагировать быстро, почти мгновенно — изотопные мозги позволяют это. Ты поставил передо мной прекрасную проблему, Брюс, и, думаю, ее можно решить. Робот, украшенный алмазами и разгуливающий по городу — это в твоем духе.

Боллард пожал плечами.

— Люблю демонстративность. В детстве у меня был дьявольский комплекс неполноценности, и теперь я его компенсирую. Зачем, по-твоему, я построил этот замок? Напоказ. Мне нужен целый полк прислуги, чтобы поддерживать его в порядке. Худшее, что я могу себе представить, это быть нулем.

— Другими словами, боишься обнищать, — буркнул Гюнтер. — В сущности, ты подражатель, Брюс. Мне кажется, за всю свою жизнь ты не придумал ничего оригинального.

— А этот робот?

— Обычное суммирование. Ты поставил определенные требования, а потом сложил их. Решением оказался робот, украшенный алмазами и способный к бегству. — Гюнтер помешкал. — Но одного бегства недостаточно. Инстинкт самосохранения располагает еще другими средствами. Иногда лучшая форма обороны это нападение. Робот должен бежать до тех пор, пока это возможно и логично, а потом пытаться ускользнуть иными способами.

— Ты хочешь вооружить его?

— Пожалуй, нет. Раз начав, мы уже не сможем остановиться. Нам нужен подвижный сейф, а не танк. Интеллект робота, опирающийся на логику бегства, должен помочь использовать ему все, что окажется под рукой. Нужно лишь вложить в его мозг определенную схему, остальное он сделает сам. Я принимаюсь за дело немедленно.

Боллард вытер губы салфеткой.

— Превосходно.

Гюнтер встал.

— Знаешь, тебе только кажется, что я подписываю себе приговор, — спокойно сказал он. — Получив свой идеальный сейф в виде робота, ты перестанешь нуждаться в производстве алмазов. Тех, что будут на роботе, тебе хватит на всю жизнь, поэтому, если ты меня убьешь, твоя алмазная монополия окажется в безопасности, ибо их никто не может делать, кроме меня. Однако, я не возьмусь за работу над роботом, не обеспечив свою безопасность. Эти документы из Патентного Бюро внесены в каталог вовсе не под той фамилией, что я тебе называл, а сам процесс имеет мало общего с термодинамикой.

— Разумеется, — ответил Боллард. — Я приказал это проверить, не говоря своим информаторам, в чем тут дело. Номер патента — твоя тайна.

— И я в безопасности, пока он останется тайной, то есть, на всю свою жизнь. Тогда все будет оглашено, и подозрения многих и многих людей подтвердятся. Ходят довольно упорные слухи, что твои алмазы искусственные, но никто не может этого доказать. А я знаю одного парня, который бы очень хотел.

— Ффулкес?

— Барни Ффулкес из «Меркантил Элоус». Он не выносит тебя так же, как ты его, но ты пока сильнее. Да-а, Ффулкес с наслаждением стер бы тебя в порошок, Брюс.

— Займись роботом, — ответил Боллард вставая. — Постарайся закончить до очередной кражи.

Гюнтер сардонически усмехнулся. Лицо Болларда было серьезно, но кожа в уголках глаз собралась в морщинки. Оба они видели друг друга насквозь — вероятно, потому они еще и ходили по этой земле.

— Значит, «Металмен» делает для Болларда робота, украшенного алмазами? — еще раз спросил Барни Ффулкес у Дэнджерфилда.

Тот молча кивнул.

— Каких размеров?

— Около двух метров.

— И украшенного алмазами... интересно, насколько плотно? Боллард разместит массу алмазов на этой ходячей рекламе. Интересно, догадается он выложить из них надпись «Да здравствует Брюс Боллард»? — Ффулкес встал из-за стола и принялся кружить по комнате, как москит — рыжий лысеющий человечек со сморщенным злым лицом. — Составь детальный план нового экономического наступления, чтобы мы могли мгновенно расправиться с Боллардом, как только получим сообщение.

Дэнджерфилд по-прежнему молчал, но брови на его бледном равнодушном лице вопросительно поднялись.

Ффулкес нервно подбежал к нему.

— Тебе что, объяснять все, как ребенку? Каждый раз, когда мы прижимали Болларда, он ухитрялся вывернуться — страховые компании, кредиты, алмазы. Теперь ни одна страховая компания не захочет обслуживать его, а источник алмазов не бесконечен, разве что они у него искусственные. А если так, ему будет все труднее получать кредит. Понимаешь?

Дэнджерфилд неуверенно кивнул.

— Гмм... Он истратит массу камней на этого робота, и его, разумеется, украдут. Вот тут-то мы и ударим.

Дэнджерфилд поджал губы.

— Ну ладно, — сказал Ффулкес. — Может, ничего и не выйдет. До сих пор не получалось. Но в этой игре главное — неустанно долбить в надежде пробить дыру в обороне противника. Может, на этот раз нам повезет. Если бы мы хоть раз сумели обвинить его в неплатежеспособности, появилась бы возможность его утопить. Будь что будет, нужно попробовать. Готовься к наступлению. Все, чем мы располагаем: акции, облигации, места общественного пользования, сельское хозяйство, сырье. Нужно заставить Болларда покупать в кредит без покрытия. А пока проверь, чтобы с охраной рассчитались как надо. Выплати парням премию.

Дэнджерфилд жестом показал, что все понял, и вышел, а Ффулкес разразился громким неприятным смехом.

Это было время взлетов и падений экономики, самых диких и совершенно непредсказуемых перемен. Как всегда, основу составляли человеко-часы. Но то, что казалось эффективным в теории, на практике действовало иначе. Человеко-часы, пропущенные через жернова общественной культуры, обретали странные формы. И в том была заслуга науки... подневольной науки.

Хищническое хозяйствование промышленных магнатов все более усиливалось. Все хотели добиться монополии, но поскольку каждый боролся за нее с каждым, результатом был всеобъемлющий хаос. Каждый любой ценой старался удержаться на поверхности, одновременно пытаясь утопить конкурентов. Правительство теряло власть, она переходила к промышленным империям, совершенно самостоятельным и практически независимым. Их семантики и пропагандисты трудились в поте лица, втирая людям очки. Все должно было поправиться в будущем, когда Боллард или Ффулкес, «Ол-Стилл» или «Анлимитед Паудер» перетянут на себя все одеяло. Но пока...

Пока специалисты, работавшие на магнатов-грабителей, получали щедрые субсидии и старательно саботировали экономику, наступил канун Научной Революции, характеризующейся, подобно Промышленной Революции, резкой сменой экономических параметров. Мощь «Ол-Стилл» опиралась главным образом на процесс Холуелла. Ученые из «Анлимитед Паудер» изобрели более эффективный метод, вытеснивший прежние. В результате в «Ол-Стилл» началась паника, последовал краткий период лихорадочных перемен, в ходе которых «Ол-Стилл» обнародовала несколько патентов, прижав тем самым Ффулкеса — у него эмиссия облигаций опиралась на закон спроса и предложения, автоматически подправленный новыми патентами «Ол-Стилл». Каждая компания пыталась перехитрить своих конкурентов. Каждый хотел получить абсолютную власть над остальными. Если бы такой день когда-нибудь наступил, можно было надеяться, что экономическая ситуация стабилизируется под чьим-то единоличным контролем и наступит Утопия.

Структура разрасталась как Вавилонская башня, это было неизбежно. Преступность старалась не отставать.

Вновь вспомнили забытую было «охрану». «Ол-Стилл» платила банде Доннера изрядные суммы за «защиту» их ин-

тересов. Если попутно с этим парни Доннера еще и грабили Ффулкеса, Болларда или «Анлимитед Паудер» — тем лучше! Достаточное количество эффектных краж приводило к панике, во время которой акции конкурентов стремительно падали.

А если кто-то начинал тонуть, финансовые акулы уже не позволяли ему выплыть: потенциально он был слишком опасен, чтобы позволить ему когда-нибудь вновь дорваться до власти. Vae victis!*

Однако алмазы становились все более редкими, и пока империя Брюса Болларда держалась крепко.

Робот, конечно, был бесполым, но сложен был, как мужчина. Боллард и Гюнтер, говоря о нем, никогда не использовали среднего рода. «Металмен Продактс», как всегда, справилась отлично, да и Гюнтер внес свои усовершенствования.

Итак, Аргус прибыл в замок и неожиданно оказалось, что он не так уродлив, как можно было бы ожидать. У него была пропорциональная, высокая фигура из золота, украшенная алмазами. За образец для него взяли рыцаря в доспехах ростом более двух метров, с броней из светлого золота, золотыми поножами и наручами, которые выглядели довольно неуклюже, но содержали невероятно чуткие сенсоры. Глаза робота состояли из множества алмазных линз, поэтому Боллард и назвал его Аргусом.

Он был ослепителен и при ярком свете больше походил на Аполлона, чем на Аргуса. Он был богом, спустившимся на землю, золотым дождем, который пролился на Данаю.

Гюнтер занялся программированием, блуждая в чаще психологических диаграмм, полученных в ходе исследования тех животных, для которых лучшей защитой издревле служило бегство. Реакции Аргуса должны были находиться под постоянным сознательным контролем логики: именно из этого слагалось мышление, основанное на инстинкте самосохранения. Все опиралось на этот банальный инстинкт, прочно укоренившийся в мозгу робота.

— Так значит, его нельзя схватить... — промолвил Боллард, разглядывая Аргуса.

— Каким образом? — буркнул Гюнтер. — Он автоматически принимает самое логичное решение и моментально реагирует на малейшее изменение ситуации. Логика и

* Vae victis! *(лат.)* — Горе побежденным!

сверхбыстрые реакции делают его идеальной убегающей машиной.

— Ты ввел стандартную программу?

— Конечно. Дважды в день он обходит замок и не покидает его ни при каких условиях — это вложено в него крепко-накрепко. Если бы кому-то удалось выманить Аргуса наружу, его могли бы заманить в какую-нибудь изощренную ловушку. Но пусть даже замок будет захвачен, никто не сможет удержать его достаточно долго, чтобы отключить Аргуса. Иначе зачем тут стоит система тревоги?

— Ты уверен, что это удачная мысль... насчет обхода?

— Ты же хотел именно этого. Один раз днем и один раз ночью, чтобы все гости могли его увидеть. А если он во время обхода наткнется на какую-нибудь опасность, то сумеет с ней справиться.

Боллард тронул алмазы на корпусе робота.

— Я все думаю о возможности саботажа.

— Алмазы достаточно стойки и выдерживают высокие температуры, а под золотой отделкой находится материал, выдерживающий действие огня и агрессивных химикатов, пусть не бесконечно, но достаточно долго, чтобы Аргус успел этим воспользоваться. Дело обстоит так, что Аргуса невозможно обездвижить на время, необходимое для его уничтожения. Конечно, можно пальнуть в него из огнемета, но что толку? Спустя секунду он будет уже далеко.

— Если сможет. А если он окажется в тупике?

— По возможности он не входит в подозрительные уголки. Его изотопный мозг действует четко. Это мыслящая машина, предназначенная для единственной цели — самосохранения.

— Гмм...

— И он силен, — добавил Гюнтер. — Не забывай об этом. Это важно. Он может резать довольно толстый металл, если только найдет, обо что опереться. Разумеется, он не идеален — иначе был бы неподвижен — и подчиняется обычным законам физики. Однако он идеально приспосабливается, а кроме того, мы единственные люди, которые могут его уничтожить.

— Это хорошо, — сказал Боллард.

Гюнтер пожал плечами.

— Пожалуй, можно начинать. Робот готов. — Он перебросил какой-то тумблер в золотистом корпусе. — Нужно около двух минут, чтобы мозг принял на себя контроль. Ну вот...

Могучая фигура дрогнула, и в одну секунду робот уда-

лился от них с такой скоростью, что его ноги со светлыми резинистыми подошвами невозможно было различить. Оказавшись на безопасном расстоянии, он замер.

— Мы стояли слишком близко, — сказал Гюнтер, облизывая губы. — Он реагирует на излучение наших мозгов. Вот тебе твоя свинка, Брюс!

Слабая улыбка скользнула по губам Болларда.

— Ну что ж... Проверим.

Он подошел к роботу — Аргус отодвинулся.

— Назови шифр, — предложил Гюнтер.

Тихо, почти шепотом, Боллард произнес:

— Не все золото, что блестит. — Потом вновь направился к роботу, но тот снова отбежал в дальний угол.

Прежде чем Боллард успел что-либо сказать, Гюнтер заметил:

— Скажи это громче.

— А если кто-нибудь подслушает?

— Ну и что? Изменишь шифр: ведь ты сможешь настолько близко подойти к роботу, чтобы сказать это шепотом.

— Не все золото, что блестит, — произнес Боллард в полную силу.

На этот раз, когда он подошел к роботу, рослая фигура не шелохнулась. Боллард нажал замаскированную кнопку в золотом шлеме и пробормотал:

— И жемчуг там, где были очи. — Затем он вновь коснулся кнопки, и робот ускользнул в противоположный угол. — Да, действительно, все нормально.

— Не пользуйся такими простыми шифрами, — подсказал Гюнтер. — А если кто-нибудь из твоих гостей начнет цитировать Шекспира? Объедини несколько цитат.

Боллард попробовал еще раз:

— Что там за свет в окне; пришел я только для того, чтоб Цезарю посмертную услугу оказать; вот и настало время всех порядочных людей.

— Никто не скажет такую фразу случайно, — заметил Гюнтер. — Ну ладно, хватит. Пойду развлекусь — нужно отдохнуть. Выпиши мне чек.

— Сколько?

— Несколько тысяч. Я скажу, если понадобится еще.

— А как же с испытанием робота?

— Если хочешь, займись этим сам. Я уверен: все в порядке.

— Хорошо. Возьми с собой охрану.

Гюнтер сердечно улыбнулся и направился к двери.

Час спустя воздушное такси опустилось на крышу одного из небоскребов Нью-Йорка. Из машины вышел Гюнтер в сопровождении двух рослых телохранителей — Болларда не желал терять своего компаньона из-за причуды какого-нибудь конкурента. Пока Гюнтер расплачивался с таксистом, детективы проверили свои наручные локализаторы, нажимая красные кнопки, торчавшие сбоку. Таким образом они каждые пять минут сообщали, что все в порядке. Один из контрольных центров Болларда принимал доклады, готовый в случае необходимости быстро выслать спасательный отряд. Это было сложно, но эффективно. Никто другой не мог воспользоваться локализаторами, потому что шифр менялся каждый день. Инструкция требовала: в течении часа докладывать каждые пять минут, в течение второго — каждые восемь, в течение третьего — каждые шесть минут. А при малейшем признаке опасности можно было немедленно послать сообщение в центр.

Но на сей раз все пошло не так. Когда трое мужчин вошли в лифт, Гюнтер сказал:

— Центральный Зал, — и облизнулся в предвкушении. Дверь закрылась, лифт пошел вниз, и небольшую кабину начал заполнять парализующий газ. Один из детективов успел нажать кнопку тревоги на своем локализаторе, но был уже без сознания, когда лифт остановился в подвале. Гюнтер же потерял сознание, даже не успев понять, что происходит.

Он пришел в себя, прикованный к металлическому креслу. Комната не имела окон, а на его лицо был направлен свет сильной лампы. Гюнтер задумался, сколько времени провел без сознания, и вывернул руку, пытаясь взглянуть на часы.

За лампой появились двое мужчин. Один в белом халате, второй был малорослый, с рыжими волосами и морщинистым лицом.

— Привет, Ффулкес, — сказал Гюнтер. — Ты избавил меня от похмелья.

Человечек захохотал.

— Ну, наконец-то нам удалось! Я так давно пытался вырвать тебя из рук Болларда.

— Какой сегодня день?

— Среда. Ты был без сознания около двадцати часов.

Гюнтер нахмурился.

— Ну, и в чем дело?

— Хорошо. Если хочешь, начнем. Алмазы у Болларда искусственные?

— А ты бы очень хотел знать, верно?

— Ты получишь все, что пожелаешь, если отдашь нам Болларда.

— Я бы не рискнул, — честно ответил Гюнтер. — Тебе нет нужды держать слово. Если я что-то скажу, логичнее было бы потом убрать меня.

— Значит, нам придется воспользоваться скополамином.

— Это не поможет. У меня иммунитет.

— И все-таки попробуем. Лестер!

Человек в белом халате подошел к Гюнтеру и ловко вонзил иглу ему в руку. Подождав немного, пожал плечами.

— Бесполезно, мистер Ффулкес.

Гюнтер улыбнулся.

— И что теперь?

— А если мы попробуем пытки?

— Ты не посмеешь. Пытки и убийства — самые тяжкие преступления.

Человечек нервно забегал по комнате.

— Умеет сам Боллард производить алмазы или их делаешь только ты?

— Их делает Голубая Фея, — ответил Гюнтер. — У нее для этого есть волшебная палочка.

— Хорошо. Пока мы воздержимся от пыток, проверим твою стойкость. Ты будешь получать еду и питье, но проторчишь здесь до тех пор, пока не начнешь говорить. Через месяц тебе станет довольно скучно.

Гюнтер не ответил, и оба мужчины вышли. Прошел час, потом второй.

Человек в белом халате внес поднос и покормил узника. Когда он вышел, Гюнтер вновь посмотрел на часы, и на его лице появилось озабоченное выражение.

Время шло, и ему делалось все беспокойнее.

Часы показывали 9.15, когда вновь принесли поесть. На этот раз Гюнтер дождался, пока врач выйдет, и спрятал вилку в рукаве. Он надеялся, что пропажу заметят не сразу. Ему нужно было всего несколько минут, поскольку он хорошо знал конструкцию этих электромагнитных тюремных кресел. Если бы только удалось устроить короткое замыкание...

Это оказалось не очень трудно, несмотря на то, что руки Гюнтера были закреплены металлическими скобами. Вскоре раздался тихий треск, и Гюнтер ругнулся от боли в обожженных пальцах. Зато скобы соскользнули с его рук и ног.

Он встал, поглядывая на часы, а потом долго осматривал комнату, пока не нашел то, что искал, — пульт управления окнами. По мере того, как он нажимал кнопки, начали раздвигаться панели, открывая огни небоскребов.

Гюнтер оглянулся на дверь, потом открыл окно и посмотрел вниз. Высота ошеломляла, но выступ в стене давал возможность бежать. Гюнтер перебрался через подоконник, двинулся вправо и вскоре добрался до следующего окна.

Оно было закрыто, и он нерешительно посмотрел вниз. Ниже был еще один выступ, но не было уверенности, что он на него попадет. Гюнтер пошел дальше.

Еще одно закрытое окно. Следующее оказалось открыто, и он заглянул внутрь, заметив большие столы и отблеск телеэкрана. Облегченно вздохнув, забрался в кабинет, вновь посмотрев на часы.

Сразу подойдя к экрану, он набрал номер, а когда появилось лицо мужчины, сказал только:

— У меня все в порядке, — и отключился, отметив при этом слабый щелчок.

Потом связался с Боллардом, но ответил не он, а секретарь.

— Где Боллард?

— Здесь его нет. Не могли бы вы...

Гюнтер вдруг вспомнил щелчок, услышанный недавно, и побледнел. На пробу он прервал соединение, и звук повторился. Боллард...

— Черт побери! — прошептал Гюнтер, вернулся к окну и выбрался наружу. Потом повис на руках и прыгнул. Он едва не промахнулся и содрал кожу с пальцев, отчаянно пытаясь ухватиться за что-нибудь.

В конце концов это ему удалось. Пинком разбив стекло, он нырнул внутрь. Здесь телеэкрана не было, но в противоположной стене виднелся контур двери.

Гюнтер приоткрыл ее и увидел то, что искал. Включив лампу, он перетряхнул кабинет, убедившись, что на этот раз его не подслушивают. Потом подошел к монитору и набрал тот же номер, что прежде.

Никто не отвечал.

Гюнтер мысленно выругался и снова набрал номер.

Едва он отошел от экрана, как на пороге появился человек в белом халате и прострелил ему голову.

Человек, похожий на Ффулкеса, снимал с лица остатки грима. Услышав, как открылась дверь, посмотрел на вошедшего.

— Все в порядке?

— Да. Идем.

— Установили, кому звонил Гюнтер?
— Это уже не наше дело. Пошли.

Седой мужчина, крепко привязанный к стулу, выругался, когда игла шприца вонзилась ему в руку. Боллард выждал минуту, потом кивнул двоим охранникам, стоящим у него за спиной.

— Убирайтесь.

Когда они вышли, Боллард обратился к пленнику:

— Гюнтер должен был ежедневно связываться с тобой. Если он этого не сделает, ты должен обнародовать сообщение, которое он оставил. Где оно?

— А где Гюнтер? — спросил седой. Голос его переходил в едва внятное бормотанье: начинал действовать скополамин.

— Гюнтер мертв. Я устроил так, чтобы он связался с тобой через прослушиваемый аппарат, а потом проверил, с кем он говорил. Так где это сообщение?

Потребовалось еще несколько минут, но в конце концов Боллард открутил полую ножку стола и вынул аккуратно запечатанную катушку магнитофонной пленки.

— Ты знаешь, что здесь находится?

— Нет...

Боллард направился к двери.

— Ликвидировать, — приказал он охранникам, дождался негромкого выстрела и облегченно вздохнул.

Наконец-то он был в безопасности.

Барни Ффулкес вызвал Дэнджерфилда.

— Я узнал, что робот Болларда уже готов. Прижми его к стене, заставь пустить капитал в оборот. И сообщи парням Доннера о роботе.

Лицо Дэнджерфилда ничего не выразило, когда он кивнул, давая понять, что все понял.

Как показала запись на ленте, то, что Гюнтер назвал термодинамическим процессом Кайна, на самом деле не имело с ним ничего общего. Название его звучало так: «Макнамара. Процесс скручивания. Патент NR-735-V-22». Боллард записал это в своей обширной памяти и лично отыскал патент. Он считал, что имеет достаточную научную квалификацию, чтобы самому доработать процесс в деталях. Кро-

ме того, машины Гюнтера для производства алмазов уже стояли в лаборатории замка.

С самого начала Боллард наткнулся на раздражающее, хотя и не очень серьезное препятствие. Первичный процесс Макнамары не предназначался для производства искусственных алмазов. Это был метод возбуждения определенных физических изменений в структуре материи с помощью процесса скручивания. Гюнтер применил метод Макнамары к углю и получил алмазы.

Боллард не сомневался, что через некоторое время придет к тому же самому. И действительно: через две недели все было готово. Как только он раскусил некоторые частности метода, все пошло как по нотам. Боллард начал производить алмазы сам.

Однако, имелась одна сложность. Процесс производства длился почти месяц, а если уголь убрать из печи до истечения этого срока, он так и останется углем. Раньше Гюнтер всегда держал под рукой партию алмазов на всякий случай, но теперь этот запас почти исчерпан — большая часть камней пошла на украшение робота. Однако Боллард не беспокоился. Всего через месяц...

Ффулкес ударил гораздо раньше, мобилизовав все свои силы. Пропаганда, кампания клеветы, обнародование новых патентов, обесценивающих патенты Болларда — все активные средства экономической войны были направлены против алмазного короля. Акции обесценивались, на некоторых рудниках и фабриках Болларда начались забастовки. Неожиданная гражданская война заблокировала часть его африканских акций. Пошли слухи, будто империя Болларда рушится.

Выходом были кредиты, подтвержденные гарантиями, и алмазы превосходно выполняли эту задачу. Боллард не щадил своих небольших запасов, стараясь укрепить пошатнувшуюся структуру, покупая в кредит и используя тактику, которая до сих пор действовала безотказно. Его невозмутимая уверенность в себе задержала лавину, но ненадолго. Ффулкес наносил очередные удары, сильные и безжалостные.

Боллард знал, что к исходу месяца он получит столько алмазов, сколько захочет, и тогда можно будет обновить капитал.

А пока...

Банда Доннера попыталась украсть Аргуса. Но они не знали специфики робота. Аргус ускользал от них из зала в зал, включив сирену и игнорируя пули, пока бандиты не

поняли, что попусту теряют время, и не попытались скрыться. Но к тому времени прибыла полиция, и все они были арестованы.

Боллард был слишком занят делами, чтобы развлекаться своей игрушкой. История с бандой Доннера подсказала ему новую идею. Жаль, конечно, уродовать робота, но алмазы можно будет вернуть на место позднее. В конце концов, для чего еще нужен банк, если не на случай крайней надобности?

Боллард взял матерчатую сумку и вошел в комнату робота, закрыв за собой дверь. Аргус неподвижно стоял в углу, его алмазные глаза поблескивали. Боллард вынул небольшое долото, печально покачал головой и решительно произнес:

— Что там за свет в окне...

Продекламировав пароль, он подошел к роботу. Аргус бесшумно отодвинулся.

Боллард нетерпеливо пожал плечами и повторил фразу громче. Сколько требовалось децибелл? Довольно много...

Аргус продолжал уклоняться от хозяина, и в следующий раз Боллард заорал во весь голос.

Робот по-прежнему ускользал. Включился автоматический сигнал тревоги, и оглушительный вой сирены заполнил помещение.

Боллард заметил, что из щели в броне Аргуса торчит небольшой конверт, машинально протянул к нему руку и... робот вновь ускользнул.

Разозлившись, Боллард принялся гоняться за Аргусом по всей комнате. Робот держался на безопасном расстоянии и в конце концов выиграл поединок. Тяжело дыша, Боллард открыл дверь и позвал на помощь. Сирена смолкла.

Когда прибежали служащие, Боллард приказал окружить робота. Круг людей начал постепенно сжиматься, и Аргус, не имея возможности отступить вглубь самого себя, выбрал самое логичное решение и силой вырвался из окружения, с легкостью раскидав слуг. Он направился к двери и прошел сквозь нее под треск лопающегося дерева. Боллард молча смотрел вслед удаляющейся фигуре.

При столкновении с дверью конверт выскользнул из щели и Боллард поднял его. Внутри оказалась небольшая записка.

Дорогой Брюс!

Я ничего не оставляю на волю случая. Если я лично каждый день не буду подвергать Аргуса некой регулировке, он не будет реагировать на пароль, который ты в него заложишь. Поскольку я единственный человек, знающий,

в чем тут дело, ты неплохо повеселишься, ловя Аргуса, если перережешь мне горло. Честность окупается.

Всего хорошего.

Джо Гюнтер.

Боллард разодрал листок на мелкие клочки. Отослав прислугу, он вновь двинулся за роботом, который остановился в соседней комнате.

Через некоторое время Боллард вышел и связался со своей бывшей женой. Она жила в Чикаго.

— Джесси?

— Привет, — ответила та. — В чем дело?

— Ты слышала о моем золотом роботе?

— Конечно. Делай их сколько тебе угодно, только не забывай платить алименты. Кстати, я слышала, будто ты на мели?

— Это все из-за Ффулкеса, — угрюмо ответил Боллард. — Если хочешь и дальше получать свои алименты, окажи мне услугу. Я хочу зарегистрировать своего робота на твое имя. За один доллар я подпишу документ, подтверждающий, что он твоя собственность. Тогда робот останется моим, даже если будет объявлено о банкротстве.

— Неужели все так плохо?

— Да, дела неважные, но пока у меня есть робот, я в безопасности. Он стоит несколько состояний. Разумеется, я хочу, чтобы ты продала мне робота обратно за тот же доллар, но этот договор мы сохраним в тайне.

— Значит, ты мне не веришь, Брюс?

— Нет, когда речь идет о роботе, усыпанном бриллиантами, — ответил Боллард.

— В таком случае я верну тебе его за два доллара, чтобы хоть что-то заработать на этой сделке. Договорились, я займусь этим. Присылай документы, я их подпишу.

Боллард отключился. По крайней мере главное он уладил. Робот останется ему, и даже Ффулкес не сможет отнять его.

Даже если он обанкротится прежде, чем кончится месяц, робот мигом поставит его на ноги. Но сперва нужно схватить Аргуса...

В тот день многие люди искали его, желая получить гарантии. Боллард лихорадочно манипулировал своими акциями, продавая, ссужая и пытаясь взять ссуду. Его навестили двое полных мужчин, они ссужали деньги, правда, под очень высокие проценты.

Они слышали о роботе, но хотели его увидеть.

Выражение их лиц доставило Болларду удовольствие.

— Зачем тебе кредит, Брюс? На этом роботе — целое состояние.

— Верно. Но я не хочу его разбирать. Так что помогите мне до первого...

— Почему только до первого?

— Первого я получу новую партию алмазов.

Один из визитеров откашлялся.

— Этот робот убегает, не так ли?

— Именно потому он идеальный охранник.

Посредники переглянулись.

— А можно взглянуть на него поближе? — Они подошли к Аргусу, но тот отодвинулся.

Боллард поспешно объяснил:

— Остановить его довольно сложно, а вновь запустить тоже непросто. Эти камни безупречны.

— Мы должны быть уверены. Выключи питание или что там его движет. Надеюсь, ты не против, чтобы мы осмотрели алмазы поближе?

— Конечно нет. Но это потребует времени...

— Что-то тут пованивает, — буркнул один из гостей. — Ты получишь неограниченный кредит, но я решительно требую, чтобы сначала нам дали осмотреть алмазы. Сообщи, когда будешь готов.

Оба вышли, а Боллард мысленно выругался. Телеэкран в углу замерцал, но Боллард и не подумал отозваться — он прекрасно знал, о чем будет разговор. Опять потребуют гарантии...

Ффулкес готовился к решающему удару.

Боллард стиснул челюсти, яростно посмотрел на робота, вызвал своего секретаря и быстро отдал ему несколько распоряжений.

Секретарь, элегантный молодой человек со светлыми волосами и вечно озабоченным лицом, принялся действовать, сам отдавая распоряжения. В замок начали прибывать люди — рабочие и инженеры.

Боллард попросил совета у специалистов. Никто из них не смог предложить безотказного способа отловить робота, однако настроены они были оптимистически. Задача показалась им не очень трудной.

— Огнеметы?

Боллард взвесил предложение.

— Под золотым панцирем — тугоплавкий кожух.

— А если зажать его в углу и уничтожить огнем мозг? Это должно подействовать.

— Попробуйте. Я могу позволить себе потерять несколько алмазов, если буду уверен, что получу остальные.

Боллард смотрел, как шестеро мужчин с огнеметами загоняют Аргуса в угол. В конце концов он предупредил их:

— Вы уже достаточно близко. Дальше не ходите, иначе он прорвется сквозь ваш строй.

— Понятно, шеф. Готовы? Три... четыре...

Изо всех форсунок одновременно вырвался огонь. Пламени требовалось время, чтобы достичь головы Аргуса, какая-то доля секунды. Но прежде, чем это произошло, Аргус наклонился и, оказавшись вне зоны действия огня, бросился из своего угла. С воющей сиреной он прорвался мимо людей и скрылся в соседней комнате, где вновь застыл неподвижно.

— Попытайтесь еще раз, — угрюмо сказал Боллард, зная уже, что ничего не получится. Так и вышло. Реакция робота была мгновенна. Никто не мог прицелиться достаточно быстро, чтобы попасть в Аргуса. Зато погибло много ценной мебели.

Секретарь коснулся плеча Болларда.

— Уже почти два.

— Что? Ах, да. Отпусти людей, Джонсон. Западня уже готова?

— Да, шеф.

Робот внезапно повернулся и направился к двери — подошло время первого из ежедневных обходов замка. Поскольку трасса была определена и он ни на шаг не сходил с нее, подготовить ловушку было легко. Все равно Боллард не особо рассчитывал на огнеметы.

Вместе с Джонсоном он шел за Аргусом, который неспешно двигался по комнатам замка.

— Его тяжесть продавит маскирующий слой, и робот упадет в комнату ниже. Сможет ли он оттуда выбраться?

— Нет, шеф. Стены там специально усилены. Он не выскользнет.

— Этого должно хватить.

— Но... э-э... разве он не будет увертываться в самой комнате?

— Конечно, будет, — угрюмо ответил Боллард. — Пока мы не зальем его быстротвердеющим бетоном. Это остановит гада. Потом мы легко продолбим бетон и получим алмазы.

Джонсон неуверенно улыбнулся. Он немножко боялся могучего сверкающего робота.

— Какой ширины ловушка? — спросил вдруг Боллард.

— Три метра.

— Хорошо. Вызови людей с огнеметами. Скажи, чтобы шли вплотную за нами. Если Аргус сам не упадет в ловушку, мы постараемся загнать его туда.

Джонсон заколебался.

— А если он просто прорвется мимо наших людей?

— Посмотрим. Расставь людей по обе стороны от ловушки, чтобы Аргус оказался в окружении. Быстро!

Секретарь помчался выполнять распоряжение, а Боллард по-прежнему продолжал идти за роботом из комнаты в комнату. Наконец появился Джонсон с тремя огнеметчиками. Остальные рассредоточились по бокам.

Аргус повернул в коридор — узкий, но длинный. На середине его находилась ловушка, замаскированная дорогим бухарским ковром. В отдалении Боллард увидел троих мужчин с огнеметами наготове, поджидающих робота. Через несколько минут ловушка сработает.

— Начинайте, парни, — приказал он.

Трое огнеметчиков, шагавших перед ним, выполнили приказ — полыхнул огонь.

Робот ускорил шаги, и тут Боллард вспомнил, что у него есть глаза и сзади. Ничего, они ему не помогут. Этот ковер...

Золотая ступня пошла вниз, робот начал переносить на нее свой вес, но вдруг замер, когда его чувствительные сенсоры уловили разницу в упругости поверхности пола и западни. Прежде чем ловушка успела сработать, Аргус отдернул ногу и неподвижно замер на краю ковра. В спину ему ударило пламя. Боллард прокричал приказ.

Трое мужчин по другую сторону ловушки бросились вперед, стреляя из огнеметов. Робот согнул ноги, переместил центр тяжести и прыгнул. Для прыжка с места это был неплохой результат. Поскольку Аргус идеально рассчитывал каждое свое движение, а его металлическое тело было способно на усилия, недоступные человеку того же веса, он перепрыгнул трехметровую яму с солидным запасом. Его встретили языки огня.

Аргус двигался быстро, очень быстро. Не обращая внимания на пламя, лижущее его тело, он подбежал к трем мужчинам, а затем помчался дальше. Потом притормозил до своего обычного темпа и продолжил обход. Рев сирены дошел до Болларда, только когда она стихла.

Для Аргуса опасность миновала. В нескольких местах его металлического тела золото оплавилось и просело, но не более того.

Джонсон с трудом сглотнул.

— Должно быть, он заметил ловушку.

— Он ее почувствовал, — со злостью ответил Боллард. — Черт возьми! Если бы мы сумели остановить его хоть ненадолго и залить бетоном...

Они попытались сделать это час спустя. Боллард приказал заполнить верхнее помещение жидким бетоном, чтобы перекрытие рухнуло под растущей тяжестью. Робот был внизу...

Был. Разница в давлении воздуха предупредила Аргуса, и он знал, что следует делать. Метнувшись к двери, он удрал, оставив позади жуткий беспорядок.

Боллард выругался.

— Нам не залить его бетоном, если он реагирует на изменение давления воздуха. Черт побери, я уже не знаю, что делать. Должен же быть какой-то способ, Джонсон! Соедини меня с «Пластик Продактс», и побыстрее!

Вскоре Боллард уже разговаривал с представителем компании.

— Я не совсем понимаю. Вам нужен быстросхватывающийся цемент...

— Которым можно брызгать на расстояние, и который твердел бы, касаясь робота.

— Если он будет схватываться так быстро, хватит и соприкосновения с воздухом. Думаю, у нас есть то, что вам нужно. Необычайно стойкая после схватывания цементоподобная масса, твердеющая в течение минуты после контакта с воздухом.

— Это должно подействовать. Так, когда мы...

— Завтра утром.

На следующее утро Аргуса загнали в один из обширных холлов первого этажа. Кольцо из тридцати людей окружило робота, каждый из них был вооружен контейнером с цементноподобной массой. Боллард и Джонсон стояли в стороне.

— Робот довольно силен, шеф, — осмелился заметить секретарь.

— Эта штука тоже. Здесь главное — количество. Его будут поливать этой дрянью до тех пор, пока он не окажется в этаком коконе. Без точки опоры ему не выбраться, как мамонту из ледяной ямы.

Джонсон втянул воздух.

— А если это не подействует, то, может...

— Не трудись, — сказал Боллард и посмотрел по сторонам.

У всех дверей тоже стояли люди с контейнерами.

Посредине зала невозмутимо возвышался Аргус. Боллард подал знак, с тридцати точек вокруг робота брызнули потоки жидкости и сошлись на его золотом корпусе.

Сирена оглушительно взвыла, и Аргус начал вращаться.

Больше ничего, только вращаться. Но быстро!

Он был машиной, обладал невероятной силой и сейчас кружился вокруг своей оси — сверкающее пятно света, на которое больно было смотреть. Он был похож на миниатюрную планету, вращающуюся в пространстве. Земля обладает притяжением, сила же притяжения Аргуса была ничтожна, зато центробежная сила действовала безотказно.

С тем же успехом можно было бы бросать яйца в вентилятор. Потоки жидкости ударяли в Аргуса и брызгали в стороны, отбрасываемые центробежной силой.

Боллард получил куском в живот. Он затвердел уже достаточно, чтобы причинить боль.

Аргус продолжал кружиться. На сей раз он не пытался бежать, и рев сирены разрывал уши. Мужчины, облепленные твердеющей массой, еще держались какое-то время, однако материал твердел все больше и больше, и вскоре происходящее стало походить на драку с кремовыми тортами из комедии Мака Сен-Нета.

Боллард начал было командовать, но из-за адского шума никто его не услышал. Впрочем, постепенно все начали понимать безнадежность дальнейших попыток. Обездвиженными оказались они, а не Аргус.

Сирена стихла, Аргус замедлил вращение, а потом и вовсе остановился. Опасность миновала.

Он тихо вышел из помещения, и никто даже не попытался ему помешать.

Один из людей едва не задохнулся, прежде чем с его лица удалили куски затвердевшего материала, но больше никто не пострадал... если не считать нервов Болларда.

Следующий способ предложил Джонсон. Зыбучие пески поглощают все. Доставить их в замок было невозможно, и потому воспользовались суррогатом — липкой смолистой массой, которую влили в специально смонтированный для этого резервуар шириной в восемь метров. Оставалось только загнать туда Аргуса.

— Ловушки бесполезны, — мрачно произнес Боллард. — Может, просто натянуть провод, чтобы он споткнулся...

— Думаю, он среагировал бы мгновенно, шеф, — возразил Джонсон. — По-моему, загнать Аргуса в резервуар будет легко, пусть только он окажется в коридоре, который к нему ведет.

— Но как это сделать? Снова палить из огнеметов? Он автоматически избегает опасности и, если наткнется на резервуар, просто повернется и пойдет назад, не обращая внимания на людей.

— Его сила ограничена, ведь так? — спросил Джонсон. — Он не смог бы справиться с танком...

Боллард не сразу понял, в чем дело.

— Миниатюрный трактор? Но не очень маленький — некоторые коридоры в замке довольно широки. Будь у нас танк шириной в коридор, мы смогли бы загнать Аргуса в зыбучие пески.

Были проделаны замеры и в замок доставили мощный трактор. Он заполнял коридор, так, что сбоку не оставалось щели — во всяком случае такой, в которую мог бы пролезть робот. Как только Аргус войдет в этот коридор, он сможет двигаться только в одном направлении.

Джонсон предложил так замаскировать трактор, чтобы чувствительный робот не обратил на него особого внимания. Машина была готова в любой момент блокировать коридор.

Трюк, вероятно, удался бы, если бы не одна закавыка. Консистенция искусственных зыбучих песков была тщательно рассчитана. Субстанция была достаточно жидкой, чтобы робот погрузился в нее, и достаточно плотной, чтобы его обездвижить. Аргус мог спокойно передвигаться под водой, что доказала одна из прежних неудачных попыток.

Итак, жижа обладала некоторым поверхностным натяжением, но слишком слабым, чтобы удержать Аргуса.

Загнать робота в коридор удалось без труда, и трактор двинулся за ним, блокируя проход. Робот казался невозмутимым. Дойдя до резервуара, он наклонился и золотой рукой проверил плотность субстанции.

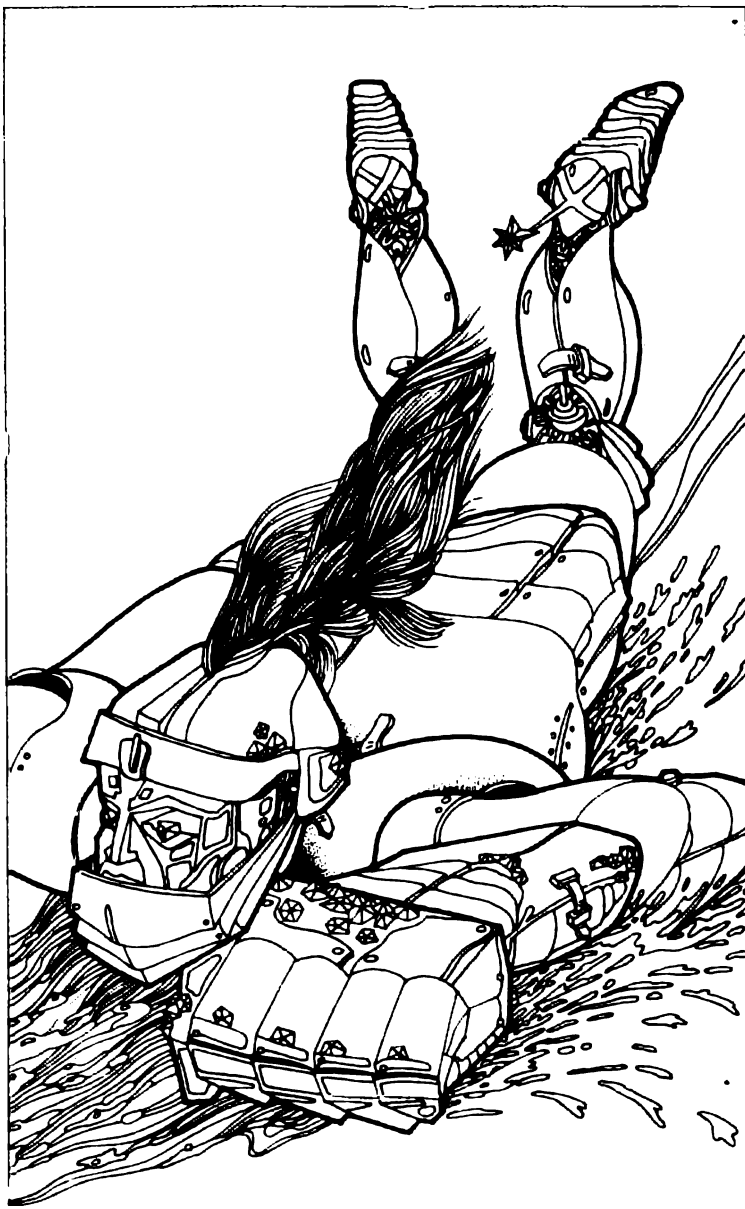
Потом лег на живот, по-жабьи согнув ноги, уперся ступнями в одну из стен и сильно оттолкнулся.

Если бы Аргус шагнул в контейнер, то погрузился бы в вещество, но теперь его вес был распределен по большей площади. Он не мог бы продержаться так долгое время, но цель оказалась достигнутой — ему просто не хватило времени, чтобы утонуть. Аргус заскользил по поверхности, как байдарка. Сильный начальный толчок придал ему достаточный разгон. Ни один человек не смог бы сделать такого, но Аргус был куда сильнее человека.

Итак, он рванулся вперед, пересек резервуар, поддерживаемый силой поверхностного натяжения и несомый инерцией. В конце концов зыбучий песок остановил его, и Аргус начал погружаться, но теперь его могучие руки могли дотянуться до противоположного края резервуара. В этом месте в стене находилась дверь, а на пороге стояли Боллард с Джонсоном, наблюдая за операцией.

Они отскочили, прежде чем Аргус успел их сбить в своем рефлекторном бегстве от опасности.

Прежде чем высохнуть, робот измазал клееподобным ве-

ществом более дюжины дорогих ковров. Его сияние несколько поблекло, но способности нисколько не пострадали.

Боллард испробовал тот же номер еще раз, с большим резервуаром и гладкими стенами, в которые робот не мог бы упереться. Но Аргус учился на ошибках. Прежде чем войти в какой-нибудь коридор, он теперь проверял, нет ли поблизости тракторов. Боллард ставил трактор в соседнем помещении, чтобы Аргус не мог его заметить, но едва начинал работать двигатель машины, робот тут же выбегал из коридора. Слух у Аргуса тоже был превосходный.

— Ну что ж... — неуверенно сказал Джонсон.

Боллард беззвучно выругался.

— Прикажи смыть эту дрянь с Аргуса. Он — главное развлечение для наших гостей!

Джонсон смотрел вслед удалявшемуся Болларду, недоуменно подняв брови.

Враги сжимали смертельное кольцо. Скорее бы наступал конец месяца, скорее бы поспевала новая партия алмазов! Акции Болларда практически ничего не стоили, а ключ к богатству был у проклятого робота!

Отдав несколько распоряжений, Боллард отправился наверх, в комнату Аргуса. Робот, недавно вычищенный, стоял у окна и блестел на солнце — фигура невероятной красоты. Боллард заметил свое отражение в зеркале и машинально приосанился.

Впрочем, это было бесполезно — Аргус все равно был краше. Боллард посмотрел на робота.

— Будь ты проклят! — сказал он.

Металлическое лицо Аргуса невозмутимо смотрело на него из-под забрала. Мимолетный каприз заставил Болларда смоделировать робота в виде рыцаря, но теперь эта идея уже не казалась ему такой хорошей.

Долго подавляемый комплекс неполноценности Болларда начал выползать на свет божий.

Золотистый рыцарь стоял перед ним — высокий, красивый, могучий. Молчаливый и величественный.

«Это машина, — внушал себе Боллард, — просто машина, созданная человеком. А я наверняка превосхожу машину».

Не тут-то было.

В определенном смысле робот был умнее его. Он был в безопасности, потому что его никто не мог уничтожить. Он был богат — этакий Мидас, освобожденный от своего проклятия, — и прекрасен. Спокойный, огромный, абсолютно уверенный в своих силах, Аргус стоял, игнорируя Болларда.

Будь это возможно, Боллард, вероятно, уничтожил бы робота. Только бы это проклятое существо обратило на него внимание! Робот сокрушал его жизнь, его мощь, его империю, причем бессознательно. Злобе и ненависти Боллард сумел бы противостоять; пока человек достаточно важен, чтобы его ненавидели, еще не все потеряно. Но для Аргуса Боллард просто не существовал.

Солнечный свет слепил глаза, отражаясь от золотого панциря, сам воздух в комнате сиял радужным алмазным блеском. Боллард не замечал, что губы его кривит злобная гримаса.

А события тем временем развивались. Пожалуй, самым значительным из них была конфискация замка — результат стремительного экономического падения Болларда. Ему пришлось выехать. Перед этим он рискнул открыть печь для производства алмазов — за неделю до срока — но нашел там только уголь. Впрочем, это не имело особого значения — все равно через неделю замок со всем содержимым переходил к новому владельцу.

Кроме робота. Он по-прежнему был его собственностью, точнее, формально принадлежал его бывшей жене. Документы, подписанные им и Джесси, были совершенно легальны и абсолютно неопровержимы. Боллард добился судебного постановления, разрешающего ему доступ в замок в любой момент, когда он захочет забрать своего робота. Оставалось лишь остановить Аргуса и вернуть алмазы!

Возможно, со временем он все-таки придумает способ. Возможно...

Ффулкес зазвал Болларда в ресторан. Какое-то время они разговаривали о посторонних вещах, но Ффулкес при этом то и дело с иронией посматривал на Болларда.

Наконец он произнес:

— Как ты справляешься со своим роботом, Брюс?

— Неплохо. — Боллард вел себя осторожно. — А что?

— Твой замок конфисковали, да?

— Да. Но я могу забрать робота в любой момент. Суд высказался в мою пользу... исключительные обстоятельства, знаешь ли.

— Думаешь, сумеешь поймать эту машину, Брюс? Гюнтер был необычайно хитер. Если уж он сделал робота неуловимым, готов держать пари, что ты его не поймаешь. Разве что узнаешь пароль.

— Я... — Боллард умолк, глаза его сузились. — А откуда ты знаешь...

— Что нужен пароль? Гюнтер звонил мне перед своим... э-э... несчастным случаем. Он подозревал, что ты хочешь его убить. Я не знаю всех деталей дела, он сказал, что я должен передать тебе пароль, но только когда придет время. Гюнтер был дальновидным человеком.

— Ты знаешь пароль? — бесцветным голосом спросил Боллард.

Ффулкес покачал головой.

— Нет.

— Тогда почему ты...

— Гюнтер сказал так: «Передай Болларду, что паролем будет то, что он найдет на пленке — фамилия и номер патента, касающегося производства искусственных алмазов».

Боллард разглядывал свои ногти. Пленка. Та, которую он получил только после того, как обманул и убил Гюнтера. Эта информация существовала теперь только в его памяти — «Макнамара. Процесс скручивания. Патент NR-735-V-22».

И Гюнтер перед смертью перепрограммировал робота так, чтобы тот реагировал на эти слова.

— Ты уже сыт? — спросил Ффулкес.

— Да. — Боллард встал и смял салфетку.

— Я заплачу... Еще одно, Брюс. Для меня было бы крайне выгодно, если бы алмазы перестали что-либо стоить. Я продал все свои алмазные акции, но многие мои конкуренты вложились в африканские рудники. Если бы сейчас на рынке началась неразбериха, это было бы мне на руку.

— Ну и что?

— Ты не назовешь мне номер этого патента?

— Нет.

— Так я и думал, — вздохнул Ффулкес. — Что ж, бывай здоров.

Боллард арендовал бронированную машину, нанял дюжину охранников и поехал в замок. Часовой у ворот пропустил его без особых формальностей.

— Хотите въехать?

— У меня есть разрешение...

— Да, я знаю. Проезжайте. Вы ведь за роботом?

Боллард не ответил. Замок показался ему чужим. В нем многое переменилось — убрали ковры и картины, вынесли мебель. Замок больше не принадлежал ему.

Боллард взглянул на часы. Пять минут третьего — Аргус уже начал свой обход.

Боллард направился к большому холлу. Краем глаза он заметил, как золотая фигура входит в зал, чтобы совершить

свой ежедневный обход. Позади на безопасном расстоянии шли двое полицейских.

Боллард подошел к ним.

— Я — Брюс Боллард.

— Так точно.

— Что... что такое, черт побери?! Ты же Дэнджерфилд и работаешь у Ффулкеса! Что...

Лицо Дэнджерфилда даже не дрогнуло.

— Я прислан сюда в качестве специального представителя. Власти пришли к выводу, что ваш робот слишком ценен, чтобы оставлять его без охраны. Нам велели постоянно следить за ним.

Боллард на мгновение замер, потом сказал:

— Ну, хорошо, ты сделал свое дело. Я забираю робота.

— Так точно.

— Вы можете уходить.

— Извините, но мне приказано ни на секунду не оставлять робота без присмотра.

— Это Ффулкес приказал тебе, — заметил Боллард, едва владея своим голосом.

— О чем вы?

Боллард посмотрел на второго охранника.

— Он тоже человек Ффулкеса?

— Не понимаю.

— Вы имеете полное право забрать робота, — объяснил Дэнджерфилд, — но пока он остается на территории замка, нам нельзя спускать с него глаз.

Во время этого разговора все они шли за Аргусом. Робот перешел в другой зал, продолжая свой неторопливый обход. Боллард вырвался вперед и, прикрывая губы ладонью, прошептал:

— Макнамара. Процесс скручивания. Патент NR-735-V-22.

Робот не остановился, а Дэнджерфилд заметил:

— Похоже, вам придется произнести это погромче.

Он приготовил небольшой блокнот и ручку.

Боллард глянул на него, а затем подбежал к Аргусу, пытаясь одновременно произнести пароль. Однако робот молниеносно ускользнул, и, как обычно, остановился лишь на безопасном расстоянии от хозяина.

Невозможно было подойти к нему близко, чтобы прошептать пароль. А стоит произнести его громко, и Дэнджерфилд тут же передаст его Ффулкесу. А уж тот знал бы, что делать — он обнародовал бы патент, вызвав катастрофу на рынке алмазов.

Три фигуры прошли вперед, оставив Болларда сзади.

«Есть ли какой-нибудь выход? — думал он. — Можно ли как-нибудь остановить робота?»

Боллард знал, что это невозможно: замок больше не принадлежал ему. Имея власть и деньги, он вероятно, придумал бы что-нибудь, но время работало против него.

Сейчас он еще мог бы подняться, но через месяц уже нет. За это время его империя окончательно перейдет в чужие руки. Его разгоряченный разум лихорадочно искал хоть какой-нибудь выход.

«А если еще раз попробовать сделать алмазы?»

Можно было бы попробовать, однако он уже не был промышленным магнатом. Он остался без защиты, которую дает большое богатство, и Ффулкес мог теперь следить за ним, контролируя каждый его шаг. Невозможно было сохранить что-то в тайне и, если бы он вновь начал производить алмазы, люди Ффулкеса немедленно пронюхали бы об этом. Нет, этот путь был для него закрыт.

Спасение. Для робота это было очень просто. Боллард сам стал беззащитен, тогда как робот остался неуязвим. Боллард потерял состояние, а Аргус превратился в Мидаса. Разум не мог помочь ему именно сейчас, когда он переживал самый глубокий кризис в своей жизни. На одно безумное мгновенье у него мелькнула мысль: а что сделал бы на его месте Аргус — ведь его безошибочный мозг оказался куда совершеннее мозга, придумавшего его.

Впрочем, Аргус никогда не оказался бы в такой ситуации. Аргусу было безразлично все, кроме его собственной золотой шкуры, украшенной бриллиантами. В эту минуту он шагал по комнатам замка, равнодушный ко всему, что его окружало.

Боллард постоял еще немного, а потом спустился в подвал и отыскал тяжелый кузнечный молот. Затем вернулся наверх поискать Аргуса.

Он нашел его в столовой. Робот торжественно ходил кругами, свет мягко скользил по его золотой броне и рассыпался на маленькие радуги, сталкиваясь с алмазами.

Боллард вспотел, но не от усилия. Остановившись прямо перед Аргусом, он сказал:

— Стой на месте, ты... — Он добавил нецензурное слово.

Аргус свернул, чтобы обойти его, и тут Боллард чистым, звучным голосом произнес:

— Макнамара. Процесс скручивания. Патент NR-735-V-22.

Ручка Дэнджерфилда забегала по бумаге, но робот остановился, словно лавина застыла на середине горного склона. В наступившей тишине Боллард услышал, как второй охранник спросил:

— Есть?

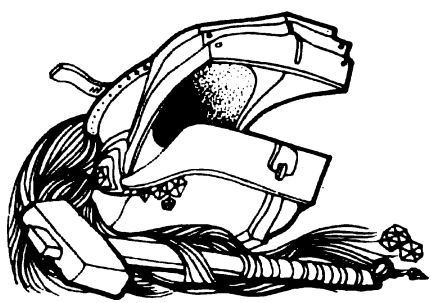
— Да, — ответил Дэнджерфилд. — Пошли.

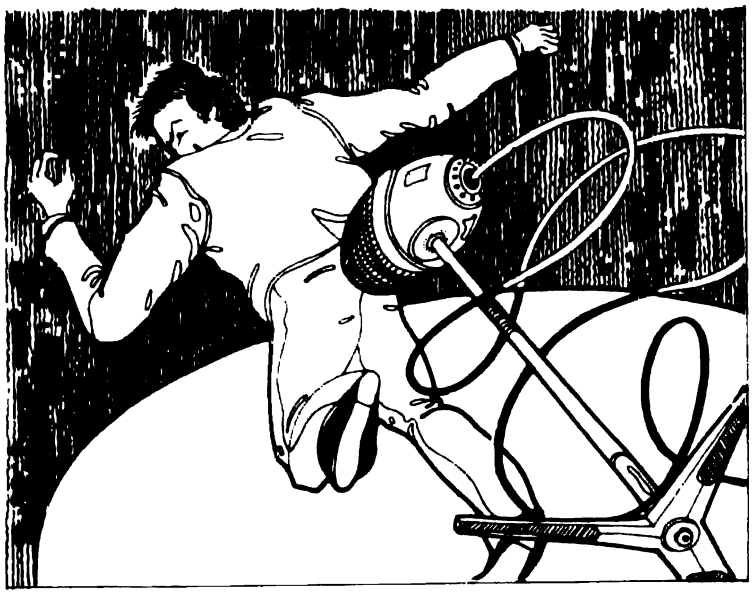
Они вышли. Боллард поднял молот и на цыпочках подошел к Аргусу. Робот возвышался над ним, спокойный и безразличный.

Первый удар оставил на массивной груди робота глубокую вмятину, бриллианты так и брызнули в стороны. Аргус величественно покачнулся и величественно упал. Эхо его падения громом прокатилось по пустому залу.

Боллард поднял молот и ударил еще раз. Разумеется, он не мог ни проломить почти несокрушимый слой под золотым панцирем, ни разбить драгоценных камней, его дикие удары только вырывали их из корпуса и рвали золотое покрытие.

— Ты... проклятая... машина! — кричал Боллард в слепой ярости, превратив молот в орудие бездумного разрушения. — Ты... проклятая... машина!!

САМАЯ БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

У мистера Денворта начались неприятности с гномами, и то, что он сам был виноват, утешало слабо. Он явно сглупил, когда украл именно в том магазине. Вывеска должна была послужить ему достаточным предостережением, поскольку на ней значилось: «Милостью Короля — ЕКВ Оберона». Оберон — имя редкое, а клиенты Магазина Гномов были тоже не из простых. Однако Денворт узнал об этом уже потом.

Это был сухощавый, смугловатый мужчина слегка за сорок, довольно мрачный и красивый, как толедский клинок. За его сдержанным поведением скрывался отвратительный характер. Денворт не терпел ничьих возражений. Несколько лет назад он женился на пухлой вдовушке, неожиданно оказавшейся хитрой и изворотливой особой, отчего его планы вдосталь попользоваться солидным состоянием Агаты Денворт были просто перечеркнуты. Постепенно супружеская любовь переродилась в ненависть, но обе стороны — люди цивилизованные — ловко скрывали свои истинные чувства так называемым цивилизованным образом. Денворт не афишировал своего разочарования, зато испытывал садистское

наслаждение, всячески усложняя жизнь жены. Агата со своей стороны цепко держала деньги и плакала только наедине с собой. Причиной ее слез был не Денворт, а мыльный пузырь, который она ошибочно приняла за реальность.

Муж воспринимал ее как паучиху, желающую сожрать партнера, однако правда выглядела несколько иначе. Оскорбленная гордость впервые в жизни укрепила спину Агаты. Она могла смириться с ненавистью, но не с презрением. После нескольких месяцев замужества она с неприятной отчетливостью поняла, что Денворт испытывает к ней холодное презрение и видит в ней лишь инструмент, дожидающийся его умелой руки. Разумеется, он был просто снобом...

Агата, желая сохранить лицо, одолжила ему сумму, достаточную для того, чтобы стать пайщиком Колумбийской страховой компании, но у Денворта было не так уж много акций, и он не мог контролировать фирму. Ему это не нравилось, но на безрыбье годилось и это. Итак, в возрасте сорока четырех лет Эдгар Денворт имел жену, которую ненавидел, и опостылевшую работу в КСК, а кроме того, был страстно влюблен в Миру Валентайн, актрису, слава которой не уступала славе самых ярких звезд Голливуда.

Миру это смешило.

А пламя в душе Денворта со временем разгоралось все ярче. Когда в тот день он шел по Сикамор-авеню, одетый с напускной небрежностью в хорошо подогнанный твидовый костюм, его лицо с высокими скулами индейца и светло-голубыми глазами англосакса ничего не выражало. На Четвертой авеню, по которой он ходил из конторы КСК в бар «Голубой Кабан», продолжались дорожные работы, и потому в тот памятный день Денворт свернул в тенистую Сикамор-авеню с ее рядом маленьких магазинчиков и высоких жилых зданий. Чувствовал он себя не лучшим образом.

И не без причин. В конторе консервативные сослуживцы не поддержали его по вопросу расширения фирмы, а Мира Валентайн, заглянувшая в КСК изменить условия страховки, отнеслась к Денворту унизительно холодно. Кроме того, он исчерпал счет в банке и вынужден был снова попросить денег у Агаты. Правда, она выписала чек без единого слова, но... чтоб ее черти взяли!

Выхода не было. Смерть Агаты ничего бы не изменила, разве что к худшему, потому что Денворт не унаследовал бы ничего особо ценного. Он знал содержание завещания жены. Что касается развода... нет, только не это! Это означало бы потерять даже ту поддержку, которую обеспечивали подачки Агаты. В случае необходимости она всегда могла

выписать чек, а в последнее время Эдгар Денворт частенько нуждался в этом. Он слишком легкомысленно делал вложения, чтобы они приносили прибыль.

Денворта раздражали препятствия, встречавшиеся на каждом шагу. Когда облачное небо исполнило вдруг свои угрозы, обрушив на землю сильный ливень, он воспринял это как личное оскорбление. Стиснув губы, Денворт бросился к ближайшему укрытию — навесу над входом в магазинчик, где, как он заметил, продавались objets d'art*. По крайней мере, такое впечатление создалось у Денворта, когда он окинул витрину беглым взглядом.

Закурив, он принялся высматривать такси. Бесполезно. Улица была почти пуста. Оглядываясь по сторонам, Денворт обратил внимание на зеленую вывеску, раскачивавшуюся на ветру над входом в магазин. Она напоминала щит, на котором золотой краской была изображена корона необычной формы, а под ней надпись, гласившая: «Милостью Короля — ЕКВ Оберона».

Занятно!

Денворт взглянул на витрину, в которой на первый взгляд был выставлен набор театральной бижутерии, причем весьма экзотической. На небольшой картонной табличке читалась интригующая надпись:

«НЕ ПРОДАЕТСЯ»

Денворт присмотрелся к табличке — вряд ли это было взаправду так. За табличкой лежал предмет из золота — большой перстень или маленький браслет, — выглядевший достаточно необычно, чтобы заставить мужчину глубоко задуматься. Денворт знал, что Мире Валентайн понравился бы такой подарок. Не раздумывая долго, он толкнул дверь и вошел внутрь.

Магазин был маленький, чистый и светлый — обновленный полуподвал. Денворт остановился на небольшом возвышении с металлическими перилами, от которого ступени вели в собственно магазин. Ему почудилось какое-то быстрое движение, словно кто-то поспешно скрылся под прилавком, но когда он вновь посмотрел в том направлении, то увидел лишь исключительно бледного мужчину, который почему-то вздрогнул и уставился на Денворта. Никогда прежде Денворт не встречал такого невзрачного человечка. У него было гладкое бледное лицо, курносый нос, покрытый веснушками, редкие волосы мышиного цвета и незначительный подбородок.

---

* objets d'art *(фр.)* — произведение искусства.

— О-о, — разочарованно протянул мужчина, — а я думал, что вы клиент.

Денворт кивнул, и тут до него дошло значение слов. Неприятно удивленный, он поморщился.

— Я что, похож на нищего?

Человечек отложил метлу на длинной ручке и улыбнулся.

— Конечно, нет, сэр. Вы меня не так поняли. Просто... гмм... я узнаю своих постоянных клиентов по слуху. То есть, по виду, — поспешно добавил он.

Денворт спустился по ступенькам в магазин, и огляделся. Щеки его коснулась паутина, и он брезгливо отвел ее в сторону,

— Это объявление в вашей витрине, — сказал он после недолгого колебания. — Что значит «Не продается»?

— Что ж, это необычная ситуация, — буркнул бледный человечек. — Меня зовут Смит, Вейланд Смит. Можно сказать, я получил это дело в наследство. Кто-то же должен делать эти... гмм... игрушки.

— Театральная бижутерия?

— Вот именно, — поспешно подтвердил Вейланд Смит. — Работа на заказ.

— Я хотел бы купить одну вещь, — заявил Денворт, — золотой перстень с витрины. Или это браслет?

— Перстень лозовика? — спросил Смит. — Мне очень жаль, но это заказ. — Он нервно коснулся метлы.

Денворт хмуро взглянул на него.

— Перстень лозовика? Я слышал о лозовиках. Они ищут воду, золото, или что-то в этом роде, Но я не понимаю...

— Должен же я его как-то назвать? — ответил Смит слегка раздраженно и украдкой оглянулся. Денворту показалось, что при этом он что-то прошептал, но так тихо, что невозможно было расслышать.

Ясно было, что продавец хотел поскорее избавиться от него. Это не понравилось Денворту, особенно сегодня, когда его самолюбие уже пострадало. Чтобы какой-то жалкий торгаш выпроваживал его... Он сжал узкие губы.

— В таком случае я куплю что-нибудь другое, — заявил он. — Не может быть, чтобы все в магазине было на заказ.

Из-за спины продавца послышался скрипучий голосок, и Денворту показалось, будто он слышит его кожей. Это был тонкий, мерзкий, визгливый голос; Денворту он абсолютно не понравился. Он быстро взглянул на висевшие за прилавком портьеры — те чуть колыхались.

— Минуточку, — сказал Смит в воздух и вновь повер-

нулся к Денворту. — Простите, но сейчас я весьма занят. Мне нужно закончить заказ для клиента, который очень торопится. Вот это, — и он указал на браслет с подвесками, одиноко лежавший на столике с красной столешницей.

Денворт игнорировал намек и, подойдя к столику, рассмотрел браслет.

— По-моему, он уже готов.

— Нужно добавить еще... гмм... еще одну подвеску, — ответил Смит.

Денворт прошелся по магазину, поглядывая на всевозможные украшения. На многих из них — медальонах, запонках, брошках — были надписи, и все не на английском. На гладкой бронзовой катушке, например, виднелась таинственная надпись: «Yatch», а под ней — «crux ansata».

— Это довольно необычно, — снисходительно заметил Денворт.

Смит быстро заморгал.

— Мои клиенты не совсем обычны, — признал он. — Разумеется... конечно...

— Я все-таки хочу что-нибудь купить. Только не говорите, что цены высоки, я и сам догадался об этом.

— Мне очень жаль, поверьте, — твердо ответил Смит, — но я просто *не могу* вам ничего продать. Все, что есть на моем складе, сделано на заказ.

Денворт глубоко вздохнул.

— В таком случае я тоже что-нибудь закажу. Вы сделаете мне браслет или перстень? Дубликат того, что на витрине?

— Боюсь, что не смогу.

— А вы когда-нибудь слышали о Федеральном Торговом Надзоре? То, чем вы занимаетесь — нелегально. Предпочтение для избранных клиентов...

Сзади вновь донесся гнусный голосок. Смит вскочил.

— Извините, — сказал он, подбежал к портьере, просунул за нее голову и пробормотал несколько слов.

Бронзовый браслет лежал возле самого локтя Денворта. Увы, соблазн на пополам со вполне объяснимым раздражением, привел к тому, что он совершил кражу, иначе не назовешь. Короче говоря, он стянул браслет.

Произошло это в одно мгновенье. Когда безделушка оказалась у него в кармане, Денворт повернулся и направился к выходу. Смит явно не заметил пропажи, он по-прежнему стоял спиной к прилавку.

Денворт чуть поколебался, но потом решительно толкнул дверь и вышел, криво улыбаясь. Дождь кончился, чис-

тые капли, сияющие в бледном свете солнца, рядком свисали с вывески, гласившей: «Милостью Короля — ЕКВ Оберона». Воробей неподалеку внимательно разглядывал лужу.

Хотелось бы написать, что Денворт уже раскаивался в содеянном, но, к сожалению, ничего подобного не было и в помине. Испытывая восторг при мысли о том, что перехитрил упрямого продавца, он направился к «Голубому Кабану», где собирался заказать подогретый ром.

Воробей склонил голову и внимательно вгляделся в Денворта маленькими глазками. Потом вдруг взлетел и устремился к лицу мужчины. Денворт машинально увернулся, а воробей сел ему на плечо и принялся нежно гладить клювом щеку своего неприветливого хозяина.

Реакция Денворта была вполне типичной. Маленькие увертливые существа порой вызывают большее опасение, чем большие. Можно спокойно смотреть на атакующего дога, но воробей, усевшийся на плечо, заставляет почувствовать себя беззащитным. Необычайно трудно избежать удара клювом в глаз. Денворт хрипло вскрикнул и отмахнулся.

Воробей вспорхнул, трепеща крылышками, но тут же вернулся, оживленно чирикая. Словно затем, чтобы еще более усилить замешательство Денворта, откуда-то появился небольшой белый пес и принялся прыгать на него и приветливо махать хвостом. Поскольку люди начали уже оглядываться, Денворт не пнул пса, а скользнул в дверь «Голубого Кабана», который к счастью, был недалеко. Дверь отрезала его от воробья и собаки.

Однако она не смогла преградить путь тому, что незаметно просочилось сквозь стекло, злобно бормоча при этом. Денворт ничего не слышал. Подойдя к стойке, он потребовал рома. День был мозглый, и горячий напиток был как нельзя кстати.

Несколько людей громко ссорились у стойки. Скользнув по ним взглядом, Денворт взял стакан и прошел в ложу. Там он вынул браслет и внимательно осмотрел его. Материал напоминал бронзу, а снизу через равные промежутки были прикреплены подвески: узел из проволоки, отсеченная человеческая голова, стрела и другие, определить которые было совсем уж трудно.

Денворт надел браслет на запястье, и в ту же секунду тихий голос прошипел:

— Проклятье! Клянусь древним Нидом, ну и не везет же мне!

— Простите? — машинально спросил Денворт.

— Проклятье! — повторил голос. — Я не могу исполь-

зовать заклинанье Настоящей Семерки. Однако Рун Оберона должно хватить.

Денворт прищурился и огляделся. Потом заглянул под стол. Потом подозвал официанта.

— Гмм... пожалуйста, еще один ром.

Не стоило спрашивать официанта, откуда идут бесплотные голоса. Впрочем, это вполне могло быть радио.

— Трикет тракет трокет омнибандум, — произнес голос. — Ин номине... о, чтоб тебя! Не идет. Послушай, у тебя на руке мой браслет.

Денворт не отзывался, стиснув губы и не подавая вида, что слышит. Маленький кулачок ударил по столу.

— Ты меня слышишь?

— Голос совести... просто смешно! — буркнул Денворт и глотнул рома.

Ответом ему был тихий смешок.

— Вечно одно и тоже! Люди большие скептики, чем кобольды. Все люди... — послышалось тихое урчание, похожее на кошачье. — Послушай, — шепотом продолжал голос. — Вейланд Смит сделал этот браслет для меня. Я уже заплатил. Пришлось спереть три бумажника, чтобы набрать денег. Слушай, да ты просто ворюга.

Это наглое утверждение исчерпало терпение Денворта, и он буркнул что-то о краденных деньгах. Потом умолк и внимательно огляделся. Никто не обращал на него внимания.

— Но у нас есть право красть, — ответил голос. — Мы аморальны. Наши предки не ели плода с древа познания, как твои. Все гномы воруют.

— Гномы... — шепотом повторил Денворт.

— Турзи Буян, к твоим услугам. Ты отдашь мне, наконец, мой браслет?

— Я слышу голоса...

— Если не одумаешься, услышишь кое-что похуже, — пригрозил шепоток. — О, если бы я мог всего на одну ночь затащить тебя под Холм. Ты бы спятил. Я уже видел такие случаи.

Денворт закусил губу. Голос говорил слишком связно, чтобы быть галлюцинацией. Кроме того...

Вернулся официант, неся дюжину рюмок подогретого рома. Он выстроил их в ряд перед удивленным Денвортом, который тут же задал ему естественный в подобной ситуации вопрос.

— Все в порядке, сэр, — ответил лучащийся радостью официант. — Я угощаю, и с удовольствием заплачу за эти порции, если вы позволите. Я люблю вас.

Он ушел, прежде чем Денворт успел ответить. Шепот раздался вновь, резкий и яростный.

— Видишь? Браслет действует, как часы. Ничего удивительного, что я не смог наложить на тебя заклятия, ты, мерзкий человек. Даже Рун Оберона. Страшно даже подумать, что я причиню тебе вред.

Денворт решил, что лучше ему уйти отсюда. Гаденький шепоток действовал ему на нервы, может, из-за его тона. Вообще-то он не напоминал ни шипение змеи, ни треск пламени, но волосы на затылке ощутимо шевелились.

Но едва он встал, невидимые руки задернули портьеры ложи, и Денворт инстинктивно съежился.

— Ну, — сказал шепот, — теперь мы можем поговорить наедине. Нет, не пытайся удрать. Пить есть что... если тебе нравится такой слабиняк. То ли дело раньше! Помню, была гулянка, когда выперли Еву! Вот были времена под Холмом!

— Ты... живой? — очень тихо спросил Денворт. Он весь дрожал

— а, — ответил голос. — Даже поживее, чем ты. Нам незачем размножаться, чтобы поддержать огонь нашей жизни. У нас он неуничтожим... в принципе. Понимаешь ли, человече, я гном.

— Гном, — повторил Денворт. — Я... набрался. Точно. Иначе не говорил бы сам с собой.

— Ты говоришь со мной, Турзи Буяном, — рассудительно заметил голос. — Это естественно, что ты не хочешь в меня верить, но я могу с легкостью убедить тебя в моем существовании. Только сними на минутку этот браслет, ладно?

Какой-то инстинкт предостерег Денворта от этого. Когда он потянулся рукой к запястью, в воздухе вокруг него возникло непонятное напряжение. Он ощутил затаенную враждебность, а потом злоба, дремавшая в бесплотном голосе, прорвалась.

— Сними его! — потребовал голос.

Однако Денворт лишь глотнул рома и откинулся назад. В руке он держал очередную рюмку, на случай, если напиток внезапно понадобится ему.

— Я слышал о таких вот вещах, — буркнул он. — Конечно, слышал. В сказках. Маленькие магазинчики...

— Слухи расходятся. У всех легенд есть свое начало. А теперь будь добр, сними этот браслет.

— Зачем?

— А затем, что я ничего не могу сделать, пока ты его носишь, — неожиданно признался голос. — Проклятье!

Опять то же самое. Почему из всех амулетов в магазине Смита ты выбрал именно Печать Любви?

— Печать Любви?

Горячий ром действует сильнее холодного, он уже ударил Денворту в голову. Его скептицизм ослаб. В конце концов бесплотный голос говорил вполне связно, хотя порой и двусмысленно.

— Давай объяснимся, — сказал Денворт после паузы. — По-моему, мне грозит опасность. Что такое Печать Любви?

Послышался тихий вздох.

— Ну ладно... Она вызывает любовь. Когда браслет на тебе, все тебя любят и ничего не могут с этим поделать. Если бы ты его снял, я мог бы навести на тебя несколько заклятий...

Денворт был даже доволен, что его собеседник не закончил фразы. Движимый внезапной мыслью, он поднялся и посмотрел назад поверх перегородки. Может, это Вейланд Смит последовал за ним и развлекался теперь чревовещанием? Это было куда правдоподобнее, чем слышимое, но невидимое присутствие Турзи Буяна. Однако соседняя кабина была пуста.

— Послушай, — убеждал его Турзи, — зачем тебе эта Печать? Вот мне она нужна. Меня никто не любит! Я должен исполнять главную роль в одном ритуале... гмм... церемонии, для которой Печать просто необходима. Будь человеком, а? А я скажу тебе, где закопан горшок с золотом.

— С золотом? И много его?

— Вообще-то, не очень, — признал Буян. — Но больше унции. И без примесей.

Денворт глотнул еще рома, вспоминая только что сказанное гномом.

— Я мог бы использовать эту твою Печать. Говоришь, из-за нее люди тебя любят?

— А почему, по-твоему, официант поставил тебе выпивку? Печать безотказна. На ней есть стрела Эроса, узел любви, голова святого Валентина, йогхам...

— И ты ничего не можешь сделать со мной, пока я ее ношу?

В шепоте зазвучали нотки оскорбленного достоинства.

— Проклятье! Как бы я мог? Эта проклятая Печать заставляет меня любить тебя.

— В таком случае, я не буду ее снимать, — рассудительно ответил Денворт. — Я мало знаю о гномах, но мне не нравится твой голос.

— А я твой люблю, — прошипел Турзи, явно сквозь зубы. — И очень жаль. А то бы я тебе показал!

Разговор прервало появление официанта, несущего бутылки шампанского самого лучшего винтажа.

— За счет заведения, — объяснил он.

— Видишь? — прошептал Турзи.

Когда официант исчез, между портьерами появилась физиономия одного из завсегдатаев бара. Денворт узнал его — один из тех, что ссорились возле стойки. Теперь на толстом лице рисовалось выражение вечной преданности.

— Ты мой друг, — сообщил толстяк, кладя руку на плечо Денворта. — Не верь никому, кто скажет иначе. Ты джентльмен. Я за три мили могу узнать дженль... джен... в общем, ты — мой друг. Ясно?

— Во имя Ноденса! — крикнул разъяренный Турзи. — Вали отсюда, ты, паскудина! Искандер вештрум гобланхейм!

Толстяк вытаращил глаза и захрипел, словно задыхался. Потом схватился за воротник. Удивленный и испуганный Денворт увидел дым, идущий от красной полосы на его гладком лбу. Запахло паленым.

— Убирайся! — резко крикнул Турзи.

Толстяк повиновался: отшатнулся назад и исчез из виду. Выражение его лица вызвало у Денворта тошноту. Он оттолкнул в сторону ведерко для шампанского, стараясь справиться с дрожью.

Он был убежден помимо своей воли.

— Что ты ему сделал? — тихо спросил он.

— Заколдовал, — ответил Турзи. — И с тобой сделал бы то же самое, но...

— Но не можешь. До тех пор, пока Печать заставляет тебя любить меня. Ясненько.

В голубых глазах Денворта появилось задумчивое выражение.

— Оберон может лишить Печать ее силы, — заявил Турзи. — Хочешь, чтобы я его призвал?

— Вряд ли ты это сделаешь. Смит сказал, что браслет не закончен, нужен был еще один амулет. Верно ли я думаю, что...

— Ты спятил.

Денворт не обратил внимания на оскорбление.

— Подожди немного. Дай подумать. Человек — или гном, носящий этот браслет, был бы почти всемогущ. Кажется нелогичным, чтобы обычному гному даровали такую мощь. Разве что имеется какой-то крючок... точно. Теперь я понял. Смит должен был добавить к Печати амулет, который сделал бы ее подвластной заклятиям Оберона. Верно?

Ответом ему была тишина. Денворт удовлетворенно кивнул, ощущая во всем теле приятное тепло.

— Значит, мне ничего не грозит, даже от Оберона. Интересно, велика ли мощь этой Печати?

— Она вызывает любовь у всех живых существ, — ответил Турзи. — Как по-твоему, сколько ты ее выдержишь? Мы не позволим! Ни один человек никогда не забирал амулета из магазина Вейланда Смита, а у него есть вещи и почудеснее этой. Защитный Медальон, например...

Денворт встал, его лицо с высокими скулами ничего не выражало, но светло-голубые глаза блестели. Уверенным движением он отодвинул в сторону портьеру и вышел из кабины.

Мира Валентайн. Мира Валентайн.

Это имя пульсировало в его мозгу.

Мира Валентайн.

Капризная, чудесная, равнодушная Мира. Гребщаяся в своем собственном свете и холодно улыбающаяся Денворту.

Если даже Турзи последовал за ним, Денворт этого не знал. Все заслонила восхитительная мысль о том, что сделает с Мирой Валентайн эта его новая, невероятная мощь.

— Не глупи, Эдгар, — сказала она ему однажды. — С чего ты взял, что я могла бы тебя полюбить?

Это не понравилось Денворту, и его самолюбие содрогнулось от удара. Он желал Миру, чтобы носить ее как гвоздику в петлице. Возможно, Мира это чувствовала, и Денворт с беспокойством заметил, что она относится к нему несколько даже презрительно.

Однако теперь он владел Печатью Любви.

И мог завоевать Миру Валентайн.

Мира Валентайн, Мира Валентайн, — звучало в такт его шагам. На улицах зажгли фонари, и они начали игру с его тенью, полная луна поднялась в фиолетовое, усеянное звездами небо. Денворт, разогретый ромом, не чувствовал холода. Возможно, именно напиток помог ему так легко поверить в то, что Печать и вправду обладает волшебной силой.

Сила. Мира Валентайн. Печать Любви.

Нужно было рассуждать логически — даже если логика эта основывалась на совершенно невероятной предпосылке. Допустим, он завоюет Миру. С этим связывались определенные трудности. Его должность в Колумбийской Страховой компании имела чисто номинальный характер, и скан-

дал мог серьезно повредить ему. Кроме того, была еще Агата...

Но ведь... черт побери! Печать подействует и на нее!

Денворт злорадно усмехнулся.

Его охватило нетерпение. Он поймал такси, и в голове у него начали возникать контуры плана. Мира будет венцом всего, но сначала следовало уладить другие дела.

И тут холодной иголочкой кольнула мысль: колдовство — оружие обоюдоострое.

Его нужно осторожно взять за рукоять, держась при этом подальше от острия. Причина была вполне очевидной — использование магии означало создание новых условий, некоторые требовали иных предосторожностей, нежели те, к которым он привык. С возрастом человек вырабатывает для себя инстинктивные методы защиты, учится избегать опасностей, поскольку все лучше узнает их. Жизнь это туннель, в котором для неосторожных выкопаны ямы. Большинство людей учится пользоваться фонарем.

Однако магия источала свет иного рода, — возможно, ультрафиолетовый, — черный свет черной магии. Денворт улыбнулся своей мысли. Да, придется действовать очень осторожно. Нужно возвести новые защитные стены, а старые перестроить или усилить. Черная магия имела собственную логику, не всегда основанную на психологии. Но в данном случае магический фактор безотказно действовал на людей... значит, все должно быть не так уж трудно.

Денворты — точнее, Агата — были владельцами большого, удобного, хотя и несколько старомодного дома в пригороде. Камердинер впустил Денворта, причем его рыбье лицо расплывалось в улыбке. Когда он взял пальто Денворта, руки его погладили ткань почти нежно.

— Добрый вечер, сэр. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете.

— Да. Где миссис Денворт?

— В библиотеке, сэр. Вам что-нибудь подать? Может, желаете выпить? Ночь холодная. Или развести огонь?..

— Нет.

— Вы должны больше думать о себе, сэр. Я не вынесу, если с вами что-то случится.

Денворт поперхнулся и ускользнул в библиотеку. Печать могла стать и причиной конфуза. Ему вспомнилась «Моя последняя принцесса» Браунинга. Она любила все: «имела в виду все, на что смотрела, и взгляд ее бежал все дальше, дальше». А, к черту!

Агата сидела под лампой и вязала. Вся она была розовая, нежная и казалась совершенно беспомощной.

Женщина медленно повернула голову, и Денворт увидел в ее карих глазах то, чего не видел уже много лет.

— Эдгар... — сказала она.

Он наклонился и поцеловал ее.

— Здравствуй, дорогая.

Это удивило ее.

— Почему ты это сделал?

Денворт не ответил. Он сел на стул напротив Агаты и закурил, глядя, прищурившись, на голубой дымок.

Агата отложила вязанье.

— Эдгар...

— Слушаю.

— Я бы хотела... — она закусила губу, — поговорить с тобой.

— Пожалуйста.

— Только сначала... может, тебе нужно что-то? Может, что-нибудь подать?

Денворт прикрыл ладонью хищную улыбку.

— Нет, спасибо. Так приятно расслабиться.

— Ты слишком много работаешь, милый. Порой мне кажется, что... я плохо веду себя с тобой. Ты... чувствуешь себя счастливым?

— В принципе, да.

— Неправда. Я сама не знаю, что говорю. Когда ты вошел, я почувствовала... — Агата не закончила и расплакалась.

— Гмм... ты не веришь мне, — заметил Денворт. — И это меня беспокоит.

— Не верю тебе?

Это была новая мысль. Под действием силы Печати Агата могла полюбить Денворта, но доверие — дело иное.

Насколько велика сила Печати? Был лишь один способ проверить это.

— Я хотел поговорить о твоем завещании, — сказал он. — Ты оставляешь деньги дальним родственникам, а ведь в конце концов я твой муж. Ты любишь меня?

— Да.

— Докажи. Сделай меня своим основным наследником.

На мгновенье ему показалось, что он проиграл. Однако это было условием проверки любви Агаты, и она не могла ему отказать.

— Я сделаю это прямо сейчас.

— Лучше завтра, — со вздохом произнес Денворт. — Значит, ты любишь меня, да?

— Я думала, что нет. Однако сейчас ничего не могу с собой поделать.

«Интересно, любишь ли ты меня настолько, чтобы умереть по моему хотенью», — едва не произнес Денворт. Потом он встал, прошел в гостиную и приготовил себе выпить.

— Ну и свинья же ты, Эдгар Денворт, — произнес тихий голосок.

— Я... что? Кто это говорит?

Мужчина повернулся, разлив несколько капель, но, разумеется, ничего не увидел.

— Твой друг Турзи. Турзи Буян. Гном, у которого ты украл браслет, чудовище. Не будь его, я забрал бы тебя под Холм сейчас же.

— Но он есть, — напомнил Денворт. — Так что проваливай к дьяволу и больше не возвращайся.

— Это верно, что я ничего не могу тебе сделать, — признал Турзи. - Я слишком тебя люблю. Какой позор, что порядочный гном вынужден любить такую гниду, как ты. Но я пришел не один. Ваше Величество!

— Да, Турзи, — откликнулся второй голос, низкий, наполненный смертельным холодом. — Как ты и сказал, это никуда не годится. Люди изменились со времен Адама. Этот здесь... довольно гнусен.

— Ваши заклятия должны подействовать, — сказал Турзи. — Не существуя, он не будет ни хорошим, ни плохим. Только прошу вас, оставьте браслет. Я хочу его получить.

— Да, Турзи, — прошептал Оберон, и сделалось тихо.

В воздухе растеклось что-то невидимое и страшное; Денворт забеспокоился и отступил, нервно облизнувшись.

— Ничего не выходит, Турзи, — сказал наконец Оберон. — Печать действует безотказно: я и сам его люблю. Не могу сделать ему ничего плохого. Может, Вейланд Смит сумеет добавить серебряное звено с помощью телепортации?

— Нет, не сумеет, — тихо буркнул Турзи. — Я его спрашивал. А без серебряного звена чары браслета не сломить.

Денворт глубоко вздохнул, ладони его были мокрыми. Если голос Турзи звучал просто страшно, то голос Оберона буквально повергал в шок. Причем явление это не имело никакой видимой причины. Возможно, оттого, что гаденький голосок гнома произносил совершенно невообразимые слова, казалось, что он буквально истекает ядом. Этот шепот не походил ни на один из человеческих языков.

В бокале оставалось еще немного выпивки. Денворт в два глотка прикончил ее и огляделся по сторонам.

— Вы еще здесь?

— Да, — ответил Оберон. — Турзи, если сможешь затащить его под Холм, сообщи мне. Мы неплохо повеселимся.

— Вряд ли, Ваше Величество, — удрученно ответил Буян. — Он слишком хитер, чтобы снять браслет, а пока он на нем... сами видите.

— Мы его подловим, — пообещал Оберон. — Он снимет браслет, чтобы принять ванну, или что-нибудь вроде этого. Почему бы не натравить на мерзавца других гномов? Это может подействовать. По крайней мере, попортит ему нервы.

— Так я и сделаю, Ваше Величество, — ответил Турзи. — Вы разрешаете мне?

— Разумеется. Попробуй еще купить эту гниду. До свиданья.

Послышался свист воздуха. Денворт моргнул.

— Оберон ушел?

— Да. Подкуп — это неплохая идея. Допустим, если ты вернешь браслет, я обеспечу тебе щедрую награду и гарантию безопасности.

— И я могу тебе верить?

— Да, если я поклянусь на холодном утюге. Что скажешь?

— Нет. Лучше уж синица в руках... Я оставлю браслет, так оно безопасней.

— У-у, жалкая крыса! — прошипел Турзи. — Ты испытываешь мое терпение, но забываешь, что я обладаю кое-какой силой...

— Которую ты не можешь использовать против меня, — спокойно добавил Денворт.

Буян зашипел от ярости.

— О-о! Знаешь, что я хочу с тобой сделать? Вот это!

Стул, стоявший рядом с Денвортом, стал вдруг жидким и расплылся по ковру бесформенным пятном.

— И это! — добавил Турзи, когда камердинер открыл дверь и заглянул внутрь.

— Мистер Денворт...

Несчастный не успел сказать больше ни слова и рухнул лицом вниз. Выглядело это так, словно им занялся сумасшедший шведский массажист. Лицо его отразило невероятное удивление, а затем камердинер замер. Его конечности были завязаны узлом.

— Видел? — сказал Турзи.

Денворт облизал губы и поспешил на помощь камердинеру, который не издал ни звука, пока не был развязан.

— П-п-простите, — с трудом произнес он. — Простите. Наверное, это какой-то приступ. Кажется, я заболел.

— Спокойно, — ответил Денворт. — Лучше ложитесь. Что вы хотели?

— Я забыл. А... да. Миссис Денворт ждет вас в библиотеке.

Денворт торопливо вышел, потому что камердинер начал слишком уж нежно поглядывать на него. Не было никаких признаков Турзи Буяна. Может, он сдался?..

Нет, едва ли. Это был упрямый гном. Денворт пожал плечами и вошел в библиотеку. Агата уставилась на него с жалобной улыбкой.

— Я только что позвонила адвокату, Эдгар, — сказала она. — Он приедет через час. Я изменю завещание и сделаю тебя основным наследником.

— О-о...

Денворт почувствовал себя неуверенно. Стальные глаза Саймона Гендерсона всегда вызывали у него беспокойство. Старый адвокат смотрел на людей так, словно видел их насквозь. Кроме того, он умел задавать вопросы...

— Извини, Агата, но я не могу ждать. У меня деловая встреча. Ты не сердишься?

— Конечно, нет. Береги себя, дорогой.

Денворт кивнул и начал поворачиваться, но тут Агата сказала:

— Ты не очень рассердишься, если я...

Она встала, подошла к нему и поцеловала. Денворт вышел, с трудом сдерживая хохот. Сила Печати впечатляла. Интересно, может ли она накапливаться?

Сидя в такси, он вспомнил, что может больше не бояться Саймона Гендерсона. Браслет подействует на адвоката так же, как и на все прочие живые существа. Но... но не имело смысла сидеть дома, ведь в «Кубанависта» показывали сегодня новое шоу.

Видимо его тянуло на люди со страху. Вмешательство магии в привычную жизнь, если уж говорить начистоту, глубоко беспокоило Денворта. При этом открывались новые перспективы, а привычный образ мыслей искажался еще сильнее, когда в игру включались гномы. Гномы это... нечто неожиданное.

Усевшись за стол в хорошем месте, Денворт с глупой миной разглядывал стройных полураздетых девушек на эстраде и обдумывал ситуацию. Ему казалось, что он вполне

ее контролирует. Со всеми признаками обожания его проводили на лучшее место в ресторане, к великому удивлению метрдотеля, который пришел посмотреть, в чем дело. Он явился, чтобы высмеять его, и остался, чтобы ему поклоняться. Затем подошла блондинка из высшего общества, — ее звали Мэри Бушуолтер, — которую Денворт знал в лицо. Мэри села на стул напротив него и совершенно затмила собой всех конкуренток.

Это была очаровательная глупенькая бабенка, вечно смотревшая на него сверху вниз, поэтому знаки ее обожания весьма льстили ему сейчас. Все взгляды посетителей были устремлены на него, привлеченные магическим притяжением Печати Любви. Денворт заказал выпивку и не удивился, когда получил еще и шампанское за счет заведения.

— Вы мне нравитесь, мистер Денворт, — сообщила Мэри Бушуолтер, многозначительно подмигивая. — Почему вы так долго скрывали свои достоинства от всего мира? Вы знаете, что вы очень красивы?

— Это преувеличение, — рассеянно ответил Денворт. — В лучшем случае — элегантен. И все же...

— Вы красивы, — упиралась Мэри. — Вы мне нравитесь... очень.

С шокирующей откровенностью женщина смотрела на него поверх бокала.

Однако Денворта она не интересовала. Сейчас он обдумывал возможные пределы своей силы. Он до сих пор не провел действительно серьезного испытания талисмана... просто не мог, пока Агата не изменит завещания.

— Послушайте, — сказал он вдруг, — одолжите мне тысячу долларов. Я временно на мели.

— Я выпишу чек, — ответила Мэри, широко известная своей скупостью. — Можете не отдавать. — И она принялась рыться в сумочке.

Денворт вздохнул. Черт побери, он не нуждался в деньгах Мэри, тем более, что с этим наверняка будут связаны определенные условия, а Бушуолтер была женщиной требовательной. Сейчас он просто хотел опробовать силу Печати, и результат его вполне удовлетворил.

— Я пошутил, — улыбнулся он. — Мне не нужны бабки, Мэри.

— Возьми... Денег у меня полно.

— У меня тоже, — ответил Денворт, не потрудившись употребить будущее время. — Выпей еще.

Именно в эту секунду прическа Мэри Бушуолтер превратилась в гнездо извивающихся змей.

— Вот что хотел бы я сделать с тобой, любимая ты моя куча дерьма, — послышался хорошо знакомый Денворту шепот Турзи Буяна. — Видишь?

Лицо Денворта стало бледно-желтым, однако он справился со своими нервами. Мэри пока ничего не заметила, а может, просто подумала, что ее прическа рассыпалась. Она подняла руку в поспешном жесте, коснулась этой мерзости, и губы ее раскрылись в беззвучном крике, обретя форму квадрата. Голова змея скользнула по лбу и внимательно посмотрела в округлившиеся глаза дамочки. Мэри изо всех своих сил стиснула веки и губы, а затем безвольно сползла под стол. Из-под накрывшей ее скатерти не доносилось ни звука, если не считать тихого шипения.

К счастью, «Кубанависта» была плохо освещена; здесь резонно полагали, что четкое изображение лиц твоих приятелей может разрушить великолепие иллюзии, созданной алкоголем. Это верный принцип — действительность не должна мешать мечтам. Сейчас это было на руку Денворту, правда, ненадолго.

Очень скоро стало ясно, что Турзи пришел не один. Он внял совету Оберона и привел подмогу.

Честно говоря, гномов в «Кубанависта» было как собак нерезанных.

Разумеется, они были невидимы, и только этому большинство гостей ночного клуба обязаны тем, что тут же не спятили. Турзи явно набирал себе помощников среди отбросов общества — жалких ничтожеств с низменными инстинктами, чьи представления о развлечении не шли дальше наряжания в скатерти и безумного галопирования по залу, причем выглядели они при этом, как безобразные гарпии. Скатерть, до той поры спокойно лежавшая перед Денвортом, вдруг взлетела и повисла в воздухе.

Кто-то взвизгнул.

Денворт спокойно сделал еще глоток шампанского. Ядовитый шепоток Буяна сообщил:

— Я бы выплеснул это тебе в морду, не будь на тебе браслета. Клянусь Нидом и Хроносом, я покажу тебе, что хотел бы с тобой сделать, Вперед, парни!

Ответом ему был хор гнусных воплей. Гости повскакивали из-за столов и тоже закричали, выкрикивая вопросы, официанты бегали кругами, беспомощно посматривая на своего шефа — симпатичного прилизанного типа, жизнь которого до этого дня протекала тихо и гладко. Он был совершенно не готов к столкновению с гномами и решил пресечь панику по-своему: вскочил на эстраду, хлопнул в ладоши и принялся нагло лгать в микрофон:

— Господа, господа, все в порядке. Это входит в нашу программу...

— Тогда именно на вас я подам в суд! — посулили ему из-под перевернутого стола. Видны были несколько пар торчавших из-под него ног, на которые лилось вино из висящих в воздухе бутылок. Две скатерти, трепеща, висели над этой кучей-малой, описывая медленные круги, а гости, сидевшие за ближними столами, зачарованно следили за развитием событий.

Правда, увещевания метрдотеля принесли-таки свои результаты. Постепенно все взгляды устремились на него. Несмотря на скатерти, парившие на птичий манер, установить контроль над ситуацией казалось вполне возможным делом.

Но тут и микрофон принялся раскачиваться. Сначала он едва заметно отклонился влево, и метрдотель подался за ним. Потом вправо. Потом еще и еще раз, описывая все большие и большие дуги, а новоявленный конферансье раскачивался вместе с ним, напоминая загипнотизированную кобру. Все результаты его трудов пошли прахом.

Когда микрофон взлетел в воздух, метрдотель откинул голову назад и издал несколько странных звуков, совершая при этом диковатые жесты. Наконец он сдался. В этом чертовом клубе завелись привидения, и он ничего не мог с ними поделать. Он сделал все, что мог, но этого оказалось мало, тем более, что микрофон рывком освободился от провода и начал преследовать метрдотеля, удиравшего к оркестрантам, чьи инструменты вдруг разлетелись в стороны, являя модель расширяющейся вселенной.

Мало кто заметил сцену, разыгравшуюся на эстраде, поскольку основное действо происходило между столиками. Только один из них остался на месте, остальные были перевернуты или безумно кружились среди бьющегося стекла и лязгающих приборов. Слабый свет здорово усиливал эффект. Поскольку бесчинствующие гномы были невидимы, некоторые гости винили во всем ближайших к ним людей, в результате чего началось несколько драк, в которые постепенно втянулись все...

Денворт заглянул под столик. Волосы Мэри Бушуолтер обрели свой прежний вид, хотя она еще не пришла в себя. Мимо Денворта пролетела трепещущая скатерть, и злобный голосок прошептал:

— Здорово, а? Что скажешь, крыса?

Денворт со вздохом поднялся и вытер губы салфеткой.

Потом пробрался к дверям, обходя сплетенные в борьбе тела. Поскольку гардеробщица исчезла, он сам отыскал свое пальто и шляпу, вышел на улицу и поймал такси. Послышались сирены полицейских машин, а звуки, доносившиеся из «Кубанависта», почему-то стали тише.

Денворт назвал свой адрес. Он устал, магия оказалась куда более утомительной, чем он представлял. Проезжая по спокойным улицам, он удобно откинулся на спинку сиденья и закурил.

— Турзи? — тихо спросил он.

— Здесь, — отозвался гном. — Видишь, тебе не скрыться от меня.

— Ты один?

— Пока да. Но одним мановением могу призвать на помощь целую толпу. Хочешь?

— Напрасный труд, — ответил Денворт. — Я не дурак. Этим скандалом ты хотел вывести меня из равновесия. Сам видишь, ничего не вышло.

— Подумаешь!

— Поскольку ничего нельзя сделать напрямую, ты пытаешься действовать косвенно, однако забываешь об одном: мне на всех в мире наплевать.

— Экая гнида, — заметил Турзи. — Подумать только, что я вынужден любить такую вонючку!

Денворт усмехнулся.

— Попроси Вейланда Смита сделать тебе другой браслет. Об этом ты не подумал?

— Он не может, — объяснил Турзи. — Закон разрешает делать лишь одну Печать в год. А я не могу ждать, фестиваль уже на носу. А может, ты одолжишь мне ее на время? Потом я тебе ее верну.

Денворт даже не потрудился ответить. В такси стало тихо. Наконец Турзи нарушил молчание.

— Тебе нравится быть таким гадким? — спросил он.

Денворт рассмеялся.

— Это понятие относительное... Интересно, какой у тебя коэффициент интеллекта, Турзи?

— Триста по вторникам и четвергам, — грустно ответил гном. — А по пятницам всего шестьдесят три. Это естественно. А тебе кажется, будто ты шибко умный, да?

— Возможно. Уж наверняка не дурак.

— Это тебе только кажется. Существует определенное равновесие, мир людей не должен соприкасаться с миром гномов. Земная логика приспособлена к царящим здесь условиям. Когда же в игру вступают новые элементы...

— И что же тогда?

— У каждого мира есть свой стандарт. Они решили так в самом начале и установили закон компенсации. Вы называете их Парками или Норнами. Но это всего лишь символы для обозначения принципов логики, которая применима лишь тогда, когда соприкасаются разные миры. Уравнение для Земли настолько сложно, что лишь Они могут его постичь. Когда появляются помехи, вводится компенсация. Это уже происходит. Украв Печать, ты свернул с дороги, определяющей твою жизнь, Денворт. С верной дороги. В данный момент ты возвращаешься на нее, хотя сам не знаешь об этом. Закон компенсации ведет тебя обратно к...

— К чему? — очень тихо спросил Денворт.

— Еще не знаю, — ответил Турзи. — Но это будет нечто ужасное. Участь, которой ты больше всего хотел бы избежать.

— Визит под Холм? Это ты имеешь в виду?

Воцарилась тишина, тяжелая и пугающая. Такси остановилось, Денворт вылез и потянулся за деньгами.

— За мой счет, — остановил его таксист, взгляд которого выражал чудовищно много. — Как только решите куда-нибудь поехать, вызывайте такси номер сто семь. Я отвезу вас даром.

Когда Денворт вошел в дом, за ним следовала мрачная бесформенная тень беспокойства. Он понимал, что познал лишь небольшой фрагмент необычайной вселенной, дверь в которую открыл перед ним ключ магии. Дальше могло оказаться что угодно.

Он познакомился только с той магией, которая воздействовала на него в его собственном мире, которая изменилась, чтобы приспособиться к человеческой и земной логике. Это было все равно, что услышать голос безумца, и знать, что в его затуманенном разуме скрывается ад.

Под Холм. Какую ужасающую реальность означал этот символ? «Участь, которой ты больше всего хотел бы избежать». Что это значит?

— Попасть под Холм, — сказал Денворт сам себе. — Разумеется. Что ж... я буду осторожен. Турзи?

Гном не ответил. Из библиотеки доносились какие-то голоса. Денворт вошел туда и увидел Агату, которая спокойно выслушивала аргументы Саймона Гендерсона, адвоката.

— Привет, дорогой, — сказала она и встала со стула, чтобы поцеловать Денворта. — Я так рада, что ты вернулся.

Гендерсон удивленно смотрел на этот всплеск супружеских чувств. Сам он был засушенным типом с вечно кислой

миной на физиономии, причем порядочным до тошноты. Денворт никогда не любил его.

Он ответил на поцелуй Агаты и поклонился адвокату.

— Рад вас видеть, Гендерсон. Не помешал?

— Ничуть, — торопливо ответила его жена. — Садись. Все уже готово, Саймон, правда?

Старый адвокат откашлялся.

— Новое завещание составлено и подписано, если ты говоришь об этом. Но я по-прежнему думаю, ты спятила.

— И потому меня нужно признать недееспособной? — улыбнулась Агата.

— Разумеется, нет! — замахал руками Гендерсон. — Я только хотел сказать, что ты поступаешь неразумно, оставляя все этому... мистеру Денворту.

— Довольно, — решительно сказала Агата.

Адвокат повернулся и посмотрел на Денворта.

— Вы оказали на нее давление? Если да... — Гендерсон вдруг умолк, поморщился и провел рукой по лбу. — Вы... вы не дадите мне стакан воды? Что-то я...

Денворт налил ему бренди, и Гендерсон залпом выпил.

— Спасибо. У меня закружилась голова... О чем это я говорил?

— Что я оказывал на Агату давление.

Гендерсон глубоко вздохнул.

— Может, так и было. Может, и нет. Но это все равно. Мужчине нужны деньги. Агата, ты поступила правильно.

Она уставилась на него, удивленная внезапной переменой.

— Я думала...

— Что я не люблю Эдгара, — раздраженно закончил за нее Гендерсон. — Ты ошибалась. Именно такого парня я хотел бы иметь своим сыном. Я о нем очень высокого мнения.

Денворт закашлялся и налил себе бренди, чтобы скрыть ликование. Вот здорово! Браслет подействовал даже на Гендерсона. Значит, он может все.

Услышав вдруг тихий шелест, он вскочил. Неужели снова Турзи? Ответить на этот вопрос было невозможно, но сейчас Денворт не желал никаких осложнений с гномами. Он улыбнулся Агате.

— Что-то голова болит. Ты не рассердишься, если я пойду лягу, дорогая?

— Я принесу тебе аспирин.

— Нет, спасибо. Мне нужно просто выспаться.

— Может быть... — с сомнением заметила Агата.

Гендерсон заботливо смотрел на Денворта.

— Тебе нужно беречь себя, мой мальчик. Очень беречь! Ты просто не представляешь, как много значишь для многих людей. Порой я ловлю себя на том, что смотрю на тебя, как на собственного сына.

— Спасибо. Спокойной ночи, папаша, — нагло ответил Денворт и вышел, послав жене воздушный поцелуй.

«Я могу позволить себе такие жесты», — думал он, поднимаясь по лестнице.

Камердинера нигде не было видно, и Денворт задумался, не решил ли он уволиться после происшествия с Турзи. Пожалуй, нет. Печать должна удержать его на месте.

Он медленно переоделся в пижаму, не переставая при этом курить. Завтра должно состояться заседание правления Колумбийской Страховой компании, и у Денворта были свои планы относительно этого заседания. Мира Валентайн могла подождать. Даже если бы она сегодня вышла замуж, это ничего бы не значило. Печать была сильнее любых уз.

Засыпая, Денворт вспоминал одну мелодию, песенку, которую слышал много лет назад. Как же там было? Ага...

«Любовь, твоя магия не знает границ...»

Улыбаясь, Денворт заснул.

Сны ему снились исключительно неприятные. Кто-то огромный и невидимый совершал какие-то непонятные, но зловещие действия. Он плел паутину, тут завязывая шнур, там закрепляя веревку. Хуже всего было то, что существо не обращало на Денворта никакого внимания, словно он был лишь мелкой закорючкой в сложном уравнении. Денворт утратил ощущение своей личности, непреодолимый страх поселился в глубине его разума, напирая на плотину, которая в любой момент могла разрушиться. Браслет на руке жег его, словно раскаленный металл.

Откуда-то донеся голос Турзи Буяна:

— Позволь мне забрать его под Холм.

Огромное существо делало свое дело, по-прежнему не обращая на него внимания.

— Сломи силу Печати.

Работа продолжалась.

— Измени уравнение. Дай мне сделать с ним все, что я хочу. Существо не отвечало.

— Уничтожь Печать. У тебя же хватит на это силы.

Все оставалось по-прежнему.

— Под Холмом ждут. Позволь ему потанцевать с нами. Пусть узнает нас, увидит нашу красоту.

Однако Турзи не дождался ответа, и его тонкий шепоток смолк, а огромное бесформенное нечто, невидимое, но каким-то образом ощутимое, продолжало свою работу, подгоняемое непонятным для Денворта стремлением. Внезапно плотина, сдерживавшая его страх, рухнула, и он проснулся весь в поту.

Он проглотил таблетку снотворного и лег снова. Сны больше не вернулись, и утром он проснулся отдохнувшим. После холодного душа Денворт был готов действовать дальше. Он начал за завтраком.

Агата выглядела прекрасно. Ее светлую кожу покрывал румянец, в уголках губ таилась улыбка. Она заказала на завтрак жареные потроха — одно из любимых блюд Денворта.

Они сидели на залитой солнцем веранде, в окна лился теплый желтый свет, а вместе с ним — свежий воздух раннего весеннего утра. Ветерок нежно ласкал кожу Денворта, и это напоминало ему прикосновение воды на рассвете во время жаркого лета. Сегодня утром он чувствовал себя очень хорошо. Почему бы и нет? Оставался всего шаг до исполнения желаний, и его ждали волнующие ощущения, связанные с борьбой.

И при этом ему ничто не грозило. Примерно так же мог рассуждать Ахиллес, выходя на битву без малейшего, как ему казалось, риска. Это была хорошая аналогия, верная во всех деталях. Денворт вспомнил свой сон и то, что сказал ему Турзи в такси. Следовало быть осторожным. Однако он был уверен в себе, и лениво потянулся, радуясь движению мускулов под кожей.

— Как спалось, дорогой? — спросила Агата.

— Неплохо.

Денворт подцепил вилкой кусок жареной почки. Взгляд его вдруг стал жестким.

Во время еды он погрузился в раздумья, время от времени поглядывая на Агату. Печать не утратила своей силы, это было видно по поведению женщины. В каждом ее взгляде и движении сквозило обожание. Любовь, рожденная амулетом, была безоговорочна и бескорыстна. Бескорыстна? А может, она сильнее самого инстинкта самосохранения?

Денворту пришла в голову новая мысль: так ли уж ему нужна смерть Агаты? В любой момент он мог получить от нее деньги, а если захочет, жена согласится и на развод.

Он спросил ее об этом. Глаза ее наполнились слезами, но потом она кивнула.

— Да, Эдгар, если это сделает тебя счастливым. Ты хочешь этого?

— Нет. Конечно, нет, дорогая, — ответил он и задумался.

Жизнь с Агатой в новых условиях могла оказаться не так уж и плоха. Но тут перед его глазами возникло лицо Миры Валентайн, и добрые намерения разлетелись в пыль, едва родившись.

Она согласилась бы стать его любовницей — Печать запросто уладила бы этот вопрос. Однако этого ему было мало. Денворт хотел Миру, скорее, как символ, чем ради нее самой, хотя и не отдавал себе в этом отчета. Завоевание Миры могло стать для него компенсацией за некоторые собственные несовершенства. Говорил же Турзи, что Денворт был гнидой.

Это стало еще очевиднее, когда он решил окончательно избавиться от Агаты. Сейчас в этом уже не было необходимости, однако он вспомнил раздражающее бессилие, пережитое раньше, мрачную, угрюмую ненависть, которую начал питать к Агате, когда понял, что она вовсе не идиотка, податливая к чужому воздействию. Смерть Агаты казалась ему необходимой для самоутверждения.

Денворт взглянул на нее. Он находил извращенное удовольствие в ее добровольном, почти униженном поклонении. Однако интеллектуальное удовлетворение, основанное на чисто психическом садизме, было слишком утонченным для Денворта. Он хотел чего-то конкретного.

Она должна умереть.

Денворт покончил с этим делом с ужасающей беспощадностью, играя на чувствах, над которыми жена была не властна. Агата любила его, он это видел. Она с радостью умрет для него...

Сначала Агата расплакалась, но в конце концов взяла себя в руки. Да, она знала, что Эдгар не был с ней счастлив. Знала, что это ее вина. Только вчера она поняла, что...

Неужели они не могут остаться вместе... как-то поладить?

Нет.

Она любила его и ради него была готова на все. Неужели нельзя попытаться еще раз?

Нет. Денворт любил Миру Валентайн.

Но...

— Ты сказала, что любишь меня так сильно, что готова

умереть ради меня. Докажи это. Покончи с собой, но так, чтобы это выглядело несчастным случаем. Умри, если любишь меня. Если меня любишь.

Браслет на его запястье ярко сверкал в лучах солнца.

Агата кивнула, прижимая к губам влажный платок. Молча смотрела она вслед выходящему из комнаты Денворту, зная, что никогда больше его не увидит.

Денворт тоже знал это, однако не обернулся. Его слишком занимали мысли о том, чем закончится это последнее испытание.

Подкрепившись порцией бренди, Денворт поймал такси и поехал в контору. Проезжая мимо магазина Вейланда Смита, он поспешно отвел взгляд. В голове мелькнула новая мысль: Турзи сказал, что у Вейланда Смита много амулетов...

Он тут же забыл об этом, но мысли предстояло вернуться. Вскоре Денворт добрался до конторы и сел, ожидая сигнала, вызывающего на заседание. Когда тот прозвучал, он встал и глубоко вздохнул. Сейчас решится многое.

Поначалу он сидел тихо, хотя обменялся множеством рукопожатий и ответил на столько же вопросов о здоровье. Все собравшиеся посматривали в его сторону весьма дружелюбно. Однако заседание проходило как обычно.

Впрочем, только до тех пор, пока Денворт — игнорируя текущие вопросы — не затронул проблему, уже решенную вчера. Все выслушали его. Денворт заявил, что принятое решение слишком консервативно, и упомянул о другом плане. Он знал, что повестка дня этого не предусматривала, но считал момент самым подходящим.

Шестеро мужчин единодушно поддержали его.

Когда вопрос поставили на голосование, новые принципы были приняты безо всяких возражений, а вчерашнее решение отменили. Денворт удовлетворенно улыбнулся и сел. Они любили его настолько сильно, что ни в чем не могли отказать.

Он повернулся к мужчине, сидевшему слева.

— Джо, я хотел бы прибавку к жалованию. И должность получше. Ты не выступишь с этим?

— Ну конечно! Надо было сделать это уже давно. Ты заслужил очень многое, Эд.

Члены совета не избрали его президентом компании — это было просто невозможно — однако, подняли ему жалованье в четыре раза и дали должность всего на пару ступеней ниже президентской. После голосования раздались восторженные крики.

Когда заседание кончилось, Денворт пробился сквозь толпу поздравлявших его коллег, отклонил несколько приглашений и вернулся в свой кабинет. Он не приступил к работе, а уселся, положив ноги на стол, и курил одну сигарету за другой, время от времени качая головой. Все шло хорошо — даже очень хорошо. Пока.

Денворт позвонил Мире Валентайн; горничная ответила, что ее нет. Это была явная ложь, потому что Мира никогда не вставала раньше полудня. Значит, Печать не действовала через телефон.

— Пожалуйста, передайте ей, что я загляну после обеда, — сказал Денворт и с усмешкой повесил трубку. Мира сделается легкой добычей, как только окажется в поле действия браслета, каким бы оно ни было. Может, в пределах видимости? Впрочем, это не так уж важно.

Интересно, что делает Агата. Может, уже... скоро он это узнает. А пока не мешает выпить.

— Не уходи, — произнес знакомый голосок. — Или я наделаю тебе неприятностей. Ты же знаешь, что у меня масса друзей, а Оберон дал мне carte blanche*.

Денворт поудобнее уселся на стуле.

— Хорошо, — сказал он. — Слушаю новые предложения.

— Хватит с меня предложений, — заявил Буян. — Я люблю тебя и хочу взять с собой под Холм. Разве это не парадокс? Друзей... под Холм... не забирают.

— А что там, собственно такое? — спросил Денворт с любопытством.

— Нам это кажется прекрасным, — сказал Турзи, — но мы ни в коей мере не похожи на людей. У вас, людей, фальшивые представления о гномах. Мы кажемся вам смешными, хотя Панч** тоже смешон, но может быть и мерзок.

— Знаю, — согласился Денворт. Он всегда думал об этом, глядя на куколку с крючковатым носом и резкими движениями. — А как вы выглядите? Каковы ваши размеры?

— Примерно с фалангу твоего мизинца, — ответил Турзи. — Для ваших глаз мы были бы довольно красивы, вот только вы не можете нас увидеть.

— Художники часто рисовали гномов.

— Ты тоже мог бы нарисовать, если бы я себя описал, — ответил Буян. — Мы маленькие и хрупкие, с высоким уровнем метаболизма, без кишечника и...

— Что-что?

---

* Carte blanche (фр.) — здесь: разрешение.
** Панч — английский вариант Петрушки.

— Мы внутри цельные. Как картофелина. Возможно, тебе трудно это понять... ты мыслишь слишком антропоцентрично. Интересно, зачем я тебе все это рассказываю?

— Из-за Печати? — предположил Денворт.

— Наверно, да. Сл чай, может, ты одумаешься и отнесешь браслет Смиту. Я оворил с ним, он даст тебе взамен кучу других амулетов.

— Например?

— Конечно, это мелочи, но тебе могут пригодиться. Неиссякаемый кошелек, рентгеновские очки, определитель характеров. Что скажешь?

— Не согласен, — ответил Денворт. — Они не защитят меня от врагов, как защищает Печать. Пока я ее ношу, никто ничего не может мне сделать.

— О семь измерений Ада! — громко пискнул Турзи. — Ты испытываешь мое терпение. Это уже слишком! Как бы я хотел...

— Чего?

— Вот этого! — хриплым голосом крикнул гном, и тут дверь открылась и на пороге появилась секретарша Денворта. Ее тело осело, словно из него убрали все кости. Ужасная бесформенная груда съежилась, тараща глаза, потом растеклась и исчезла вместе с одеждой.

Денворт почувствовал тошноту. Он зажмурился и закусил губу, а потом тихо позвал:

— Мисс Беннет?

Ответа не было, если не считать тихого смеха гнома.

— Мисс...

— Именно это я хочу с тобой сделать, — довольно сказал Турзи. — Но я могу сделать и кое-что похуже. Сам убедишься!

Денворт уже успел взять себя в руки.

— Это ничего не даст, — сказал он, уперся руками в стол и посмотрел на пустое пространство перед собой. — Это... довольно страшно, но мисс Беннет ничего для меня не значила. Меня не беспокоят ни ее смерть, ни ее страдания. Это меня не трогает. Я невосприимчив и собираюсь остаться таким.

— Ты свинья.

— Не будь глупцом, — ответил Денворт. — В конце концов, это ты убил девушку.

— Для меня это естественный поступок, — ответил Турзи. — У меня другие понятия. Одно не равно другому. Я могу убить девушку, не нарушая канонов своей этики, но тебя это не тронуло, значит, ты неморален.

— Аморален.

— Это казуистика. Я могу и кое-что похуже, — пообещал Турзи. — Прежде, чем все кончится, ты приползешь ко мне на коленях.

— Кого ты любишь? — спросил Денворт, насмешливо улыбаясь.

— Тебя!!! — заорал Турзи, едва не сорвав голос от ярости.

Засвистел рассекаемый воздух — гном исчез.

Денворт задумался. Исчезновение мисс Беннет на удивление мало его тронуло, возможно, потому, что было абсолютным. Смерть, как правило, оставляет после себя непривлекательные останки того, что с самого начала было сконструировано довольно небрежно. Трупы отвратительны, однако производят такое впечатление благодаря контрасту с живыми.

Денворт тряхнул головой. С этой минуты, решил он, нельзя позволять себе никаких чувств. Это, должно быть, очень трудно. Как всегда эгоцентричный, он безжалостно решил, что сила Печати Любви не может вызывать у него взаимности.

Вот только Мира...

Он позвонил домой, но Агаты не было, камердинер не знал, куда она отправилась. Должен ли он что-то предпринять? Хорошо ли мистер Денворт себя чувствует? Он должен беречь себя...

Денворт криво улыбнулся и положил трубку. Сейчас он выпьет, а потом пойдет к Мире, пока она еще не успела одеться и уйти.

Все сложилось наилучшим образом. Мира — рыжеволосая, дерзкая и прелестная, появилась, гневно глядя на горничную, впустившую Денворта вопреки приказу.

— Что это значит...

— Привет, Мира, — с улыбкой произнес Денворт. Как обычно, при виде девушки в горле у него пересохло, ее чувственная красота почти ослепляла его.

— Слушай, Эдгар Денворт, — рявкнула Мира, поворачиваясь к нему в вихре бирюзового вельвета, — я сказала тебе!..

Она умолкла.

— Что ты мне сказала?

Мира смотрела на него, приоткрыв рот. Что-то изменилось в темных глубинах ее глаз.

— Я...

— Убирайся, — приказал Денворт горничной, а когда та вышла, развел руки. Мира молча бросилась в его объятия.

Несколько часов спустя они сидели в саду на верхнем этаже ресторана, откуда открывался вид на город. Денворта переполняло приятное, теплое ощущение покоя. Он жадно разглядывал Миру, потягивавшую из бокала напиток, а она смотрела на него.

— Еще один?

— А не слишком много, дорогой? Твое здоровье...

— Я быстро здоровею, — небрежно заметил Денворт. — Кстати, я говорил тебе, что получил новую должность? — Он уточнил, какую именно. — Как только я... гмм... получу развод, мы сможем сразу же пожениться.

— Это затянется на год, — заметила Мира. — Я не выдержу так долго. Но мы наверняка поженимся. Тебе придется отказаться от работы, я не хочу, чтобы ты работал. У меня куча денег.

— Нет, — решительно ответил Денворт. — Ничего из этого не выйдет. Я карабкаюсь вверх, собственно, я только начал свою карьеру и не собираюсь ее бросать.

— Но ведь я тебя люблю и не хочу, чтобы ты работал. Я хочу заботиться о тебе.

— Я не тунеядец, Мира, у меня есть кое-какие планы...

Она нежно улыбнулась, и Денворт почувствовал легкое беспокойство. Любовь Миры обретала неприятный материнский характер. Что ж придется проявить твердость, пока не начались сложности.

Самое странное, что Денворт так ничего и не добился. Мира прочно вбила себе в голову, что ее любимый — это ребенок, за которым нужно присматривать и охранять от неприятностей. Денворт вспомнил Агату. Его жена тоже хотела перехватить у него первенство в семье.

Возможно, она чувствовала, что как только капитулирует и признает власть Денворта, с нею будет кончено. Денворт не был бы хорошим хозяином.

Однако от красоты Миры перехватывало дыхание, и рядом с ней трудно было сохранить четкость мысли. Любой мужчина мог легко утонуть в темной глубине ее глаз.

Одним словом, ничего не произошло до тех пор, пока Денворта не позвали к телефону.

Подняв трубку, он почувствовал легкое жжение в груди.

— Денворт слушает.

— Начальник полиции Феннель. Я бы хотел с вами поговорить.

— Разумеется. Случилось что-нибудь?

— Несчастный случай. Ваша жена...

Тон Денворта полностью противоречил выражению его лица.

— Агата? С нею что-то случилось?

— Нет, — ответил Феннель после паузы. — Поговорим об этом при встрече. Я звонил вам в контору и мне сказали, где вы. Может, я приду?

— Нет, встретимся в другом месте. Может, у меня в конторе?

— Хорошо.

Денворт задумчиво направился обратно к столику. Надвигались неприятности, он нутром чувствовал это. Может, Турзи опять что-нибудь отколол? Что ж, сам он был в безопасности. Он ласково провел рукой по Печати.

Миры за столиком не оказалось. Поговорив с официантом, который ничего не знал, Денворт расплатился и вышел. Почему Мира убежала? Наверняка, чары браслета не перестали действовать!

Все еще задумчивый, Денворт явился в контору на встречу с начальником полиции Феннелем. Это был низенький седоватый мужчина с суровым лицом и пронизывающим взглядом черных глаз. Феннель не подал ему руки, а указал сигаретой на стул, сам присел на краешек стола и огляделся.

— Мы одни, это хорошо. А теперь, мистер Денворт, поговорим.

— Разумеется.

Денворт сел и закурил. Лицо его ничего не выражало, но голубые глаза смотрели настороженно.

— Вы сказали, это был несчастный случай?

— Ваша жена едва не прыгнула с крыши Карнес билдинг.

Денворт откинулся на спинку стула. Едва! Что же ее остановило?

Разумеется, он не спросил об этом, только произнес:

— Агата... нет, я не могу в это поверить.

Феннель прикусил сигару.

— Я говорил с Саймоном Гендерсоном, ее адвокатом. Это мой старый друг, и он рассказал мне кое-что...

Денворт не выказал страха, внезапно охватившего его. Чертов Гендерсон!

— Он был обеспокоен. Похоже, ваша жена изменила вчера завещание, и Саймон решил на всякий случай заглянуть к ней утром. Он видел, как она выходила из дома, она

же его не заметила. Когда она взяла такси, Саймон поехал за ней. Женщина бесцельно бродила по городу, один раз едва не попала под грузовик. Наконец она поднялась на крышу Карнес билдинг, забралась на ограждение и потеряла сознание.

Денворт заморгал.

— Но...

— Когда она пришла в себя, Саймон поговорил с ней. У нее началась истерика. Она почему-то считала, что должна покончить с собой ради вашего блага, но не могла на это решиться. У миссис Денворт сильное религиозное предубеждение относительно самоубийства.

— Понимаю, — тихо ответил Денворт.

Так вот в чем дело! Печать обладала большой силой, но существовали и более могущественные вещи. В случае с Агатой браслет не подействовал как следует. Однако смерть ее была не так уж необходима. Ее легко можно было уговорить отдать ему деньги. Агата не отличалась алчностью, и отказ от богатства не вступил бы в противоречие с ее убеждениями.

Придется менять план. Ну, ничего. Пока угрозу представлял Феннель, на которого Печать явно не действовала.

— Я прослежу, чтобы моя жена обратилась к врачу, — заверил Денворт.

Феннель откашлялся.

— Может, вы когда-то обучались гипнозу? Нет? Ну что ж... — он явно не поверил.

— Что вы имеете в виду? — спросил Денворт, откидываясь на спинку стула. — Выискиваете какую-то тайну? В последнее время моя жена чувствовала себя плохо, была угнетена. Люди порой совершают совершенно немотивированные самоубийства.

— Весьма интересно, — продолжал Феннель, — что и Саймон, и миссис Денворт испытывают к вам невероятно сильную привязанность. Я слышал сплетни о вас, знаю людей из вашего клуба. Вы малосимпатичный человек. Кроме того, Саймон терпеть вас не мог... до вчерашнего дня.

— Неужели?

— Я не суеверен, и пришел сюда потому, что Саймон беспокоится, хотя и не может сказать, почему. Он производит впечатление человека, раздираемого двумя разными желаниями. Он очень хорошо отзывается и о вас, и о вашей жене, но почему-то эти два чувства находятся у него в глубоком противоречии. Нет, я не суеверен, Денворт, но увидев вас, пришел к выводу, что вы дьявольски опасный человек.

— В самом деле? — сладким голосом спросил Денворт, поднимая брови. — И вы хотите меня арестовать?

— Нет.

— Вы не могли бы этого сделать, правда? Разве вы... гмм... не думаете обо мне, ну... как о сыне?

— Верно, — ответил Феннель, но ни один мускул у него на лице не дрогнул. — Это странно, но так оно и есть. И потому я беспокоюсь. Поэтому я подозреваю, что дело здесь нечисто. Вообще-то я человек уравновешенный, но теперь это равновесие нарушено, и мне это не нравится.

— Но вы ни в коем случае не причините мне вреда, — уверенно произнес Денворт.

Тут его ждал сюрприз. Феннель вынул сигару изо рта и торжественно покачал головой.

— Авраам любил Исаака, — сказал он и в его глубоко сидящих глазах вспыхнула искра фанатизма. — Помните? И все же он взял нож, чтобы убить своего сына. Есть вещи посильнее любви, мистер Денворт. Долг, например. Я боготворю закон.

Взгляды мужчин скрестились в безмолвном поединке.

— Вы мне угрожаете? — спросил Денворт.

— Я не испытываю симпатий к преступникам, а вы, как мне кажется, либо уже преступник, либо можете вскоре им стать. Я подозреваю гипноз, хотя, разумеется, не уверен. Однако, советую вам десять раза подумать, прежде чем... — Он не закончил.

— Нет смысла продолжать этот разговор. — Денворт встал.

Начальник полиции тоже поднялся, закуривая новую сигарету.

— Как хотите. Я просто предупреждаю. Если вы невиновны, вам не на что обижаться. Если же планируете какую-то пакость, советую остановиться. Закон не знает чувств.

— Но судьи их знают.

Феннель плотно сжал губы.

— Это верно. Если вы и дальше будете использовать свой гипноз, надеюсь, дело дойдет до убийства, потому что тогда я получу право всадить пулю вам в сердце.

— Вон! — крикнул Денворт, яростно раздувая ноздри. Подавшись вперед, он крепко ухватился за край стола.

Феннель открыл дверь.

— Уже ухожу. Но запомните: я буду следить за вами. Не думайте, что гипноз вас спасет.

— Вон!!

— Не мог бы я тебя любить, о дорогая... — заметил Феннель с язвительной улыбкой и вышел, захлопнув за собой дверь.

Денворт рухнул на стул, стискивая зубы с такой силой, что заломило в висках. Ему вдруг захотелось сорвать с руки браслет, но он справился со своей яростью. Не имело смысла ухудшать свое положение. Сила Печати имела некие ограничения — ну и ладно. Рубанок не годится для обработки металла, но все равно полезный инструмент. Денворт просто переоценил возможности браслета.

Агата не покончила с собой, потому что это запрещала ей религия. Саймон Гендерсон выложил все Феннелю, хотя и осторожно, из-за своей глубокой привязанности к Агате. Сам же Феннель...

Закон был его хозяином, его богом, его raison d'etre*. Он был готов пожертвовать Исааком на алтаре своего бога. Денворт вздрогнул. Феннель был слишком фанатичен, и он всерьез испугался этого тихого, седоватого, невысокого человечка, чувствуя в нем безжалостного противника.

«Все убивают то, что любят...»**

Но цитата не утешила Денворта.

Ну что ж, он по-прежнему владел браслетом. Придется действовать осторожнее, по крайней мере, пока. Внезапно он затосковал по Мире Валентайн, по наркотику, каким она была для него. В гневе подошел он к двери и распахнул ее. Феннеля и след простыл.

Мира дала ему ключ. Поездка на такси до ее дома заняла десять минут. Прошли еще долгие двадцать секунд, прежде чем он добрался лифтом до девятого этажа, и целая вечность, пока ключ поворачивался в замке.

Мира говорила, что у ее горничной сегодня после обеда выходной. Денворт вошел в квартиру — гостиная была пуста.

— Мира! — позвал он.

Вдруг в углу что-то шевельнулось. Парализованный страхом Денворт увидел, что Мира стоит на четвереньках, опираясь на пол руками. Девушка поднялась бесконечно медленным движением, тени скрывали ее лицо. Она молчала.

За спиной Денворта кто-то тихонько засмеялся, и он снова услышал шепоток гнома.

---

* Raison d'etre *(фр.)* — здесь: смыслом жизни.
** О.Уайльд «Баллада Редингской тюрьмы».

— Так значит, нет ничего, что бы ты любил, Денворт? Ничего?

— Мира! — крикнул мужчина. — Мира!

— Мы не можем причинить тебе вреда, Денворт. Но мы забрали под Холм ее.

Денворт одним прыжком оказался рядом с девушкой, стиснул рукой ее плечо и подтащил к окну. Она не сопротивлялась, покорно шла за ним.

Красный свет заходящего солнца упал на ее лицо. В страшной тишине довольный смех Турзи Буяна походил на призрачное журчание ручья.

Именно взгляд Миры сказал ему, что...

Выражение ее глаз...

Воспоминание о том, что она видела.

Турзи захохотал.

— Она была под Холмом и видела, как там хорошо. Она видела зал, в котором мы подняли тост в честь Евы в ночь гнева. Расскажи своему любовнику, что ты видела, Мира Валентайн.

Губы Миры приоткрылись, она заговорила тихо и отчетливо.

— Нет! — крикнул Денворт.

Она умолкла, однако он по-прежнему видел ее глаза. Она пережила что-то невыносимо ужасное.

Красноватое сияние шло от Печати Любви. Мира заметила это и подошла к Денворту, вытягивая руки.

Это было невыносимо. Денворту казалось, что он постиг часть ужаса, пережитого Евой, начало самого страшного богохульства. Некоторые изменения настолько слабы и лише-

ны логики, что их можно было только почувствовать. В Мире произошла именно такая перемена.

Денворт попятился. Мира следовала за ним — Печать Любви притягивала ее.

Невидимый Турзи злобно хохотал над ними.

Денворт повернулся и побежал к двери, но та не открылась. Пока он возился с ручкой, руки Миры обвились вокруг его шеи. Ее прикосновение раздуло тлевшую в нем искру безумия, он с криком повернулся и... и...

Мира была мертва. Кровь покрывала ее рыжие волосы темными пятнами. Багровые ручейки текли к тяжелой бронзовой пепельнице, что лежала на ковре. Мира была мертва.

— Теперь ты отдашь мне браслет? — прошептал Турзи.

Наконец Денворт открыл дверь и выскользнул в коридор. Ему казалось, что мозг его купается в языках ледяного пламени, и это действовало на него, как алкоголь. Впрочем, внешне ничего не было заметно. Он спустился вниз, почти не глядя на лифтера, и попросил портье вызвать такси.

— Куда, старик? — спросил шофер. — За мой счет.

— Все равно. Все равно. Поездим немного по кругу.

Закрыв глаза, он откинулся на спинку. Хорошо хоть Турзи убрался или, по крайней мере, притих. Мира...

Он отогнал мысль о ней, сейчас были дела поважнее. Ему грозила прямая опасность, и нужно было бежать из города. Хорошо, что браслет ему в этом поможет... поможет найти друзей.

Ему просто не повезло. Силы браслета оказалось недостаточно. Если бы он имел еще несколько талисманов...

ВЕЙЛАНД СМИТ!

Денворт наклонился вперед.

— Едем вверх по Сикамор-авеню. К восемнадцатому номеру.

— Сделаем, старик.

Конечно же, Вейланд Смит. Почему это не пришло ему в голову раньше? Смит производил амулеты — так сказал Турзи. Неиссякаемый кошелек и... что там еще было? Он не мог вспомнить, но это и не имело значения. Наверняка в магазине для гномов было много могучих амулетов, и если Денворт получит хотя бы некоторые из них, его неприятности кончатся.

Эта катастрофа могла обернуться благословением. Даже

Мира... она начинала проявлять агрессивность, которой Денворт не выносил. Нет, жизнь с ней была бы не такой уж счастливой.

Перед его мысленным взором возникло лицо Феннеля, а вместе с ним и пепельница, которой он убил Миру. Отпечатки пальцев. Улики. Лифтер и портье видели, как Денворт входил и выходил из здания.

Феннель...

Такси остановилось. Вылезая, Денворт взглянул на раскачивавшуюся вывеску с надписью «... EKB Оберона», затем пересек тротуар, открыл дверь и спустился по лестнице...

Вейланд Смит еще не включил свет. В магазине царил полумрак, и Денворт видел лишь белый овал его лица. Смит поспешно повернулся и исчез за портьерой.

Денворт последовал за ним, зловеще улыбаясь. Налетев по пути на стол, он опрокинул его, и небольшие металлические предметы посыпались на пол. Он зашел за портьеру.

Это была мастерская Смита. У стены стояло что-то вроде верстака ювелира, рядом разместились незастеленная раскладушка и стол с грязной посудой. С потолка свисала паутина, повсюду лежала пыль. Видимо, Смит заботился о чистоте в магазине, но не обращал внимания на эту комнату.

Свет попадал внутрь сквозь три больших окна из матового стекла. Смит торопился к двери в дальней стене комнаты, когда рука Денворта опустилась на его плечо и резко повернула. На бледном, веснушчатом лице ясно читался страх.

— Куда спешите, мистер Смит? — спросил Денворт.

— Я... я...

— Может, я вернулся, чтобы отдать вам браслет?

Смит облизал губы.

— Я знаю, зачем вы пришли. Я следил за событиями. Турзи сказал...

— Что же он сказал?

— Что начальник полиции разделается с вами. Но я в этом не уверен.

Денворт протяжно свистнул:

— Турзи натравил на меня Феннеля? Это вы хотели сказать?? Но... господи... это просто безумие!

Смит коснулся пальцем подбородка.

— Он использовал для этого Телепатическую Запонку. Посеял подозрения в мозгу Феннеля. Однако я знал, что из этого ничего не выйдет.

— Вышло, — рявкнул Денворт. — Значит, вот как Феннель напал на след.

— Не совсем, — Смит украдкой взглянул в сторону портьеры. — Адвокат вашей жены позвонил Феннелю, однако тот был настроен скептически, и Турзи освободил его от сомнений с помощью Запонки. Разумеется, Феннель не знает, в чем тут дело, но в его мозгу завелось некое предчувствие, а он из тех людей, что верят в них.

Денворт кивнул.

— Понимаю. Как и то, что вы разговариваете со мной, чтобы выиграть время. Для чего?

— Я... Турзи!

Ответа не было. Денворт усмехнулся.

— Ну ладно. Еще одно основание поспешить. Мне нужно несколько амулетов, Смит. Хороших, мощных амулетов. Один, чтобы защищал меня от опасности, второй, чтобы изменил мой внешний вид, и третий, чтобы снабжал меня деньгами. Мне нужно все это, а еще — смертоносное оружие, которое невозможно обнаружить.

— Нет, — ответил Смит, пытаясь выдвинуть вперед слабо очерченный подбородок.

— Вы это сделаете. Потому что любите меня, правда?

Смит был на грани истерики.

— Денворт, умоляю! Я не могу! Мне доверяют. Я просто...

— Во-первых, защита, — продолжал Денворт, не обращая внимания на мольбы Смита. — Что у вас есть?

Он подошел к столу, крепко держа продавца за руку.

— Что это такое?

— Хамелеонова Бусина. Позволяет менять цвет.

— Не годится, — решил Денворт. — А это? — Он взял в руки перстень, украшенный тремя голубыми жемчужинами. Лицо Смита вытянулось.

— Ничего особенного...

— Только не врать! Как он действует?

— Это... это Защитный Перстень. Исполняет три желания в день.

— Три желания!

— Только определенного типа. Когда он на вас, вы можете изменить свой облик.

Денворт надел перстень на палец. Надо просто произнести желание? Вслух?

— Вслух или мысленно, это не имеет значения. — Смит закусил нижнюю губу. — Пожалуйста, не забирайте его! Я обещал его Титании...

— Хочу стать... львом, — сказал Денворт.

Чары подействовали. Он больше не стоял на двух ногах, а его голова оказалась на уровне талии Смита. Денворт покрутил ею. Все тело его стало мускулистым и покрылось рыжей шерстью, а сзади появился хвост, украшенный кисточкой.

Смит бросился к двери, но Денворт одним прыжком преградил ему путь и тихо зарычал.

— Преврати меня обратно, — подумал он и тут же обрел свой прежний облик. Перстень все так же был у него на пальце, две из голубых жемчужин стали черными, как уголь.

— Это два желания, — кивнул он. — Осталось еще одно, верно?

Смит дрожал всем телом.

— Да. До полуночи. Потом снова будет три. Жемчужины вновь станут голубыми. Денворт, не просите больше у меня ничего. Я не могу. Не могу. Я...

— Теперь такое, что защитит меня от врагов, — спокойно продолжал Денворт. — Что у вас есть на складе?

— Я не...

Браслет сверкнул в угасающем свете дня.

— Может, Печать не действует? Разве она не вызывает у вас любви ко мне?

— Конечно, она действует! — гордо ответил Смит. — Мои амулеты всегда действуют. Но, пожалуйста, не просите меня ни о чем.

— Не будет, — зловеще произнес знакомый шепоток. — Это ничего ему не даст. Извини за опоздание, Вейланд. Пришлось воспользоваться Запонкой, чтобы привести сюда Фенеля.

— Турзи! — просипел Смит. — Быстрее! Введи меня в каталепсию!

— Сейчас. Я разбужу тебя, когда кончат стрелять.

Денворт шагнул вперед, но было уже поздно. Смит одеревенел, как доска, и с грохотом рухнул на пол — глаза стеклянные, тело жесткое.

Турзи расхохотался.

— Вот так, пройдоха, — прошептал он потом. — Я тебя предупреждал. Теперь получи за все! А я вернусь под Холм, пока ты не придумал способа использовать Печать против меня.

Засвистел воздух. Денворт стоял столбом, вглядываясь в пустое пространство. Потом посмотрел вниз, на неподвижного Вейланда Смита.

— Ну что ж...

Он зловеще усмехнулся. Турзи прибыл чуточку поздновато. В магазине стояли столы, целиком покрытые амулетами. Он набьет ими карманы и уйдет. Потом будет время разобраться, на что они годны. Можно будет вернуться сюда в новом облике и снова расспросить Смита. А еще можно...

Перед ним открывались необозримые перспективы. Все-таки ему подвезло.

Денворт вышел в магазин, взглянул на таившиеся в тени контуры столов и торопливо отступил. Входная дверь распахнулась, послышались громкие шаги. Денворт осторожно выглянул из-за портьеры.

Феннель!

Внутрь попадало достаточно света, чтобы можно было узнать начальника полиции. Феннель держал в руке пистолет, за ним следовали две мощные фигуры.

— Это здесь, — тихо сказал Феннель. — Таксист запомнил, что привез Денворта именно сюда. К счастью, предчувствие подсказало мне заглянуть в квартиру мисс Валентайн.

Предчувствие! Денворт выругался про себя. Это Турзи со своей Телепатической Запонкой был этим предчувствием! А сейчас...

Он тихо подошел к задней двери — закрыто. Денворт вернулся к телу Смита и проверил его карманы, надеясь найти ключ.

Ничего.

Шаги приблизились, послышался голос Феннеля:

— Денворт, ты тут? Если да, то выходи с поднятыми руками.

— Поцелуй меня в зад, — прошептал Денворт, глядя на Защитный Перстень с двумя черными и одной голубой жемчужинами. Оставалось одно желание. Он оглядел темную комнату. В кого бы превратиться, чтобы никто не нашел его здесь...

Портьера дрогнула.

«Паук!» — подумал Денворт, и превращение совершилось. Он стал маленьким, и огромные тени двигались над ним.

Он побежал в поисках укрытия — не хватало, чтобы на него наступили. Впрочем, паук был маленьким, он мог укрыться в любой щели, дождаться полуночи, а затем вновь воспользоваться перстнем.

Денворт перебирал многочисленными ногами, а паучьи глаза обеспечивали ему необычайно широкое поле зрения.

Каким-то образом он знал, что Печать Любви и Защитный Перстень по-прежнему остаются с ним, пусть и невидимые, и что сила их не уменьшилась после его превращения.

Тени накрыли его. Он нашел глубокую щель, забрался туда и стал ждать. Ему больше не грозила единственная опасность, которой он боялся — быть раздавленным. Даже в таком виде у него не могло быть врагов.

В темноте что-то шевельнулось, замерло, потом быстро направилось к Денворту. Ледяной страх охватил его. Он понял, кто это.

Узнал *ее*.

Самка паука крупнее и быстрее самца, а кроме того, как хорошо знал Денворт, у них довольно неприятные обычаи. Пока паучиха бежала к нему, он отчетливо осознал, что именно тянуло ее к слиянию, которое предстояло пережить только ей.

Печать Любви имела власть над всеми живыми существами.

МАСКАРАД

— Вот видишь, — с горечью сказал я, — начни я рассказ таким образом, и любой издатель с ходу завернет его...

— Ты слишком суров к себе, Чарли, — вставила Розамонд.

— ...сопроводив отказ вежливыми заверениями, что это вовсе не значит, будто рассказ ничего не стоит. Но вообще-то история довольно натянутая. Медовый месяц. Близится гроза. Зигзаги молний полосуют небо. Дождь льет ручьем. А здание, к которому мы направляемся, наверняка, скорее всего, психиатрическая клиника. Когда мы постучим старомодным дверным молотком, послышится тяжелое шарканье шагов, и какой-нибудь отвратительный старый дурак впустит нас в дом. Он очень обрадуется нашему визиту, но когда начнет рассказывать о вампирах, рыщущих по округе, во взгляде его будет насмешка. Сам он в такие бредни не верит, но...

— Но почему у него такие острые зубы? — рассмеялась Розамонд.

Мы поднялись на полуразрушенную веранду и постучали в дубовую дверь, представшую перед нами в свете молний. Потом еще раз.

— Попробуй молотком, — сказала Розамонд. — Не стоит нарушать традиции.

Я постучал старомодным дверным молотком и послышалось тяжелое шарканье. Мы с Розамонд переглянулись, недоверчиво улыбаясь. Она была так красива! Мы с ней любили одно и то же, прежде всего — необычное, и потому нам было так хорошо вместе. А потом дверь открылась, и на пороге появился мерзкий старый дурак, державший в обезображенной ладони керосиновую лампу.

Похоже, он вовсе не удивился. Впрочем, лицо его покрывала густая сеть морщин, и прочесть по нему что-либо было трудно. Крючковатый нос торчал этаким ятаганом, а небольшие зеленоватые глаза странно сверкали. Меня удивило, что волосы у него были густые и черные, и я тут же решил, что он похож на мертвеца.

— Гости... — произнес он скрипучим голосом. — Немного бывает у нас гостей.

— И вы, конечно, голодаете между визитами, — пошутил я и втащил Розамонд в коридор. В нем воняло плесенью, и точно так же несло от старикашки. Он захлопнул дверь перед порывом яростного ветра и проводил нас в гостиную. Входя, мы раздвинули портьеры, украшенные кисточками, и внезапно оказались во временах королевы Виктории.

Старик был не лишен чувства юмора.

— Мы не едим гостей, — пояснил он. — Просто убиваем и забираем деньги. Но добычи в последнее время так мало!

Он рассмеялся гордо, словно курица, у которой до срока вылупились пятеро цыплят.

— Меня зовут Джед Карта, — сказал он.

— Картер?

— Карта. Садитесь и грейтесь. Я разведу огонь.

Мы промокли до нитки.

— У вас не найдется, во что переодеться? — спросил я. — Если это вас интересует, мы уже несколько лет супруги, но по-прежнему чувствуем себя грешниками. Наша фамилия Денхем, Розамонд и Чарли Денхем.

— Так это у вас не медовый месяц? — Карта казался разочарованным.

— Это второй медовый месяц, причем куда приятнее первого. Идиллия, верно? — обратился я к Розамонд.

— Точно, — согласилась она. — В этом что-то есть.

Жена у меня хитрая. Единственная женщина умнее меня, к которой я не испытываю ненависти. Она действительно красива, даже если выглядит мокрой курицей.

Карта разводил огонь в камине.

— Когда-то здесь жило много людей, — сообщил он. — Правда, они вовсе не хотели этого. Они были безумны. Но сейчас здесь психов нет.

— Вот как? — протянул я.

Он управился с камином и зашаркал к двери.

— Принесу вам что-нибудь надеть. Конечно, если вас не смущает перспектива остаться наедине.

— Вы не верите, что мы супруги? — спросила Розамонд. — Мы вовсе не нуждаемся в присмотре.

Карта оскалился в щербатой улыбке.

— О, дело не в этом. У местных людей такие странные мысли. Например... — он захихикал. — Вы когда-нибудь слышали о вампирах? Говорят, в последнее время по округе было много смертей.

— Отказ вовсе не значит, что рассказ ничего не стоит, — сказал я.

— Что?

— Нет, ничего.

Мы с Розамонд переглянулись.

— Меня такие вещи не касаются, — заявил Карта. Он снова широко улыбнулся, облизал губы и вышел, захлопнув дверь и заперев ее на ключ.

— Да, дорогая, — сказал я. — У него зеленые глаза. Я заметил это.

— А острые зубы?

— Только один. Да и тот стерт чуть не до десны. Может, некоторые вампиры жуют свои жертвы, пока не прикончат. Но вообще-то это ненормально.

— Видимо, и вампиры не всегда нормальны...

Розамонд смотрела на огонь. По комнате плясали тени, снаружи сверкало. Отказ вовсе не означает...

Я нашел несколько пыльных шерстяных пледов и выхлопал их.

— Снимай это, — коротко бросил я Розамонд.

Мы повесили одежду поближе к огню и завернулись в пледы, сделавшись похожи на нищих индейцев.

— Может, это не рассказ о духах, — сказал я, — а просто любовная история.

— Исключено, мы же супруги, — отрезала Розамонд.

Я только усмехнулся, продолжая рассуждать. Этот Карта... Я не верю в случайности, легче уж поверить в существование вампиров.

Кто-то открыл дверь, но это был не Карта. Человек, вошедший в комнату, походил на деревенского дурачка — откормленный парень с толстыми слюнявыми губами и жир-

ными складками над расстегнутым воротничком. Он поддернул брюки, почесался и одарил нас глуповатой улыбкой.

— У него тоже зеленые глаза, — заметила Розамонд.

У парня явно была волчья пасть, однако мы понимали, что он говорит.

— У всех в нашей семье зеленые глаза. Дедушка занят и прислал меня. Я — Лем Карта.

Лем принес на плече какие-то вещи и бросил их мне. Старая одежда. Рубашки, брюки, ботинки — все чистое, но тоже с запахом плесени.

Лем поплелся к камину и присел перед ним. У него был такой же крючковатый нос, как у дедушки Джеда, правда, частично скрытый складками жира. Он хрипло рассмеялся.

— Мы любим гостей, — заявил он. — Мамуля сейчас спустится. Она переодевается.

— Надо думать, заворачивается в новый саван, — попробовал я пошутить. — А теперь иди, Лем. И не смей подсматривать в замочную скважину.

Он что-то буркнул в ответ и вышел, тяжело ступая, а мы надели затхлую одежду. Розамонд выглядела прелестно; я сказал ей, что она похожа на крестьянку... врал, конечно. В ответ она пнула меня.

— Береги силы, дорогая, — предостерег я. — Они могут нам понадобиться: похоже, эти чертовы Карта что-то задумали. Исключительно мерзкая семейка. Наверное, это их родовое имение. Они явно жили здесь, когда в этом доме размещался бедлам. Я бы чего-нибудь выпил.

Розамонд взглянула на меня.

— Чарли, неужто ты и впрямь поверил...

— Что это семья вампиров? Черт побери, нет конечно! Это просто банда придурков, которые пытаются нагнать на нас страху. Я люблю тебя, дорогая.

И я обнял ее так крепко, что едва не сломал пару ребер. Она вся дрожала.

— В чем дело? — спросил я.

— Мне холодно, — ответила она. — Ничего больше.

— Конечно, — я подвел ее поближе к камину. — Ничего больше. Разумеется. Дай-ка мне лампу, и пойдем на поиски.

— Может, лучше дождаться мамули?

Нетопырь ударил крыльями в стекло, но, к счастью, Розамонд ничего не заметила. Нетопыри редко летают во время грозы.

— Нет, мы не будем ждать, — решил я. — Идем.

У дверей я остановился, потому что моя жена вдруг опу-

стилась на колени. Впрочем, она не молилась, а напряженно вглядывалась в песок, рассыпанный по полу.

Одной рукой я поднял Розамонд.

— Разумеется. Знаю. Это песок с кладбища. Пошли, взглянем на этот сумасшедший дом. Здесь должны орудовать несколько скелетов.

Когда мы вышли в коридор, Розамонд быстро подошла к парадной двери и попыталась ее открыть. Потом взглянула на меня.

— Закрыто. А на окнах решетки.

— Идем же, — сказал я и потащил ее за собой.

Мы шли по коридору, иногда останавливаясь, чтобы заглянуть в грязные, тихие, погруженные в темноту помещения. Скелетов не было. Не было вообще ничего, только запах плесени, как в доме, где много лет никто не живет. Я мысленно повторял, как заведенный: «Отказ вовсе не означает...»

Мы вошли на кухню; приглушенный свет сочился из-под двери. Меня заинтересовал доносившийся оттуда странный скрежещущий звук. Огромный темный силуэт превратился в молодого Лема, опору и надежду этой жалкой семейки.

Скрежет прекратился, и Джед Карта произнес:

— Пожалуй, он уже достаточно острый.

Что-то полетело в сторону Лема и ударило его в лицо. Он схватил это, а когда мы подошли ближе, то увидели, что парень рвет зубами кусок сырого мяса.

— Хорошо, — сказал он, пуская слюни, причем глаза его горели. — Очень хорошо!

— Зубы от этого становятся крепкими и здоровыми, — объяснил я.

Мы вошли в дровяной сарай, где Джед Карта точил на оселке нож. Или меч. Во всяком случае, он был достаточно велик. Джед смутился.

— Снаряжаетесь на большую дорогу? — спросил я.

— Я всегда чем-нибудь занят, — пробормотал он. — Осторожнее с лампой, здесь все сухое, как губка. Достаточно одной искры, и будет пожар.

— Смерть в огне решает множество проблем, — тихо заметил я, а когда Розамонд ткнула меня в бок локтем, заткнулся.

Она же произнесла:

— Мистер Карта, мы ужасно голодны. Нельзя ли...

Он ответил ей удивительно низким голосом, словно рычал:

— Забавно, но я тоже голоден.

— А выпить вы не хотите? — вставил я. — Мне хватило бы немного виски. Кровь для охотника, — добавил я, а Розамонд вновь толкнула меня.

— Иногда, — заметила она, — ты сам напрашиваешься на неприятности.

— Это я храбрюсь, — ответил я, — Мне ужасно страшно, мистер Карта. Честно. Я говорю совершенно серьезно.

Старик отложил тесак, и лицо его скривилось в улыбке.

— Просто вы плохо знаете деревенские обычаи.

— Вот именно, — согласился я, слыша, как на кухне Лем, чавкая, пожирает сырое мясо. — Такая здоровая и упорядоченная жизнь должна быть великолепна.

— О да, — ответил старик, сдерживая смех. — Хеншоу — приятное местечко. Мы все живем здесь уже давно. Правда, соседи не часто навещают нас...

— Вы меня удивляете, — тихо сказала Розамонд. Похоже, она справилась со своими страхами.

— Это довольно старое поселение. Довольно старое. У нас есть свои обычаи, уходящие ко временам войны за независимость. Есть даже свои легенды, — он глянул на кусок говядины, висящий рядом на крюке. — Легенды о вампирах... вампирах из Хеншоу. Я уже говорил о них, помните?

— В самом деле, — сказал я, качаясь с пятки на носок. — Похоже, это вас мало трогает.

— Но некоторых трогает, и даже очень, — он широко улыбнулся. — Я не слушаю бредни об одетых в черное дьяволах с белыми лицами, что протискиваются сквозь щели и превращаются в нетопырей. По-моему, вампиры тоже меняются. Вампир из Хеншоу-кантри не похож на европейского. Говорят, у него даже есть чувство юмора. — Карта расхохотался, глядя на нас. — Думаю, что он ведет себя как все прочие люди, а те вовсе не подозревают, кто он такой. Потому он и может делать все, что делал, пока... — Карта взглянул на свои изуродованные ладони, — пока не умер.

— Если вы хотите нас испугать... — сказал я.

— Это просто шутка, — заметил Карта и потянулся за куском мяса на крюке. — Значит, вы хотите есть. Любите жаркое?

— Я передумала, — поспешно ответила Розамонд. — Я вегетарианка.

Это была ложь, но я последовал примеру жены.

— Хотите выпить чего-нибудь горячего?

— Возможно... Как насчет виски?

— О, разумеется. Лем! — позвал старик. — Принеси-ка немного водки, а не то получишь выволочку.

Вскоре я уже держал две выщербленные кружки и облепленную паутиной бутылку дешевого виски.

— Чувствуйте себя как дома, — подбадривал Карта. — Вы еще увидите мою дочь, она вам кое-что расскажет.

Какая-то мысль рассмешила его, потому что он расхохотался мерзко, злобно и раздражающе одновременно.

— Знаете, она пишет дневник. Я ей говорю, что это глупо, но Рути все делает по-своему.

Мы вернулись в гостиную, уселись перед камином и стали пить виски. Кружки оказались грязными, так что мы по очереди прикладывались прямо к бутылке.

— Давно мы не пили из горлышка. Помнишь, как ездили с бутылкой в парк...

Розамонд кивнула и улыбнулась.

— Мы были тогда сущими детьми, Чарли. Кажется, это было так давно.

— У нас второй медовый месяц, и я люблю тебя, дорогая, — тихо произнес я. — Никогда не забывай это. И не обращай внимания на мои шутки.

Я подал ей бутылку.

— Неплохо.

Нетопырь вновь ударил крыльями в стекло.

Гроза не утихала, громы и молнии неустанно создавали надлежащий антураж. Виски согрело меня.

— Идем на поиски, — предложил я. — Пари на первый скелет.

Розамонд взглянула на меня.

— Что за мясо висело в той каморке?

— Кусок говядины, — осторожно ответил я. — Ну, пошли, а не то получишь по зубам. Забери бутылку, а я возьму лампу. Осторожнее с люками, тайниками и костлявыми руками, которые могут до тебя дотянуться.

— И с вампирами из Хеншоу?

— С люками, — с нажимом повторил я.

По скрипучей разболтанной лестнице мы поднялись на второй этаж. Некоторые двери были усилены металлическими решетками, но ни одна не закрывалась на ключ. Когда-то здесь был сумасшедший дом.

— Представь только, — сказала Розамонд и глотнула виски. — Здесь держали всех этих больных. Одни безумцы.

— Да, — согласился я. — Достаточно взглянуть на эту семейку, чтобы понять — болезнь осталась в этом доме до сих пор.

Мы задержались, чтобы заглянуть через решетку в помещение, где находилась какая-то женщина. Она спокойно

сидела в углу, прикованная к стене кандалами и одетая в смирительную рубашку. Рядом стояла лампа. У женщины было плоское, как тарелка, землистое и уродливое лицо, широко открытые глаза были зелеными, а губы кривила застывшая усмешка.

Я толкнул дверь и без труда открыл ее. Женщина равнодушно посмотрела на нас.

— Вы... больны? — нерешительно спросил я.

Она скинула смирительную рубашку, выскользнула из цепей и встала.

— О, нет, — ответила она, продолжая все так же улыбаться. — Я Рут Карта. Джед сказал мне, что вы пришли. Меня несколько лет держали в сумасшедшем доме, а потом отпустили. Но иногда я тоскую по нему.

— Да, могу представить, — заметил я. — Совсем как вампир, которому каждое утро хочется вернуться в свою могилу.

Она замерла, а ее глаза стали похожи на две стекляшки.

— Что вам наговорил Джед?

— Какие-то местные сплетни, миссис Карта. — Я протянул ей бутылку. — Выпьете?

— Этого? — она криво усмехнулась. — Нет уж, спасибо.

Разговор оборвался. Рути смотрела на нас зелеными непроницаемыми глазами, продолжая усмехаться, а от запаха плесени у меня свербило в носу. Что-то будет дальше?

Тишину нарушила Розамонд.

— Вы действительно миссис Карта? — спросила она. — Как получилось, что вы носите ту же фамилию, что и...

— Успокойся, — тихо сказал я. — То, что мы супруги, не означает, что так бывает с каждым.

Однако Рут Карта нисколько не рассердилась.

— Джед — мой отец, а Лем — мой сын, — объяснила она. — Я вышла за Эдди Карта, своего кузена. Он уже давно умер, и потому меня поместили в сумасшедший дом.

— Отчаяние? — предположил я.

— Нет, — ответила она. — Я сама убила его. Помню, что все вокруг было красным.

Ее улыбка не менялась, но я приметил в ней иронию и насмешку.

— Это случилось задолго до того, как в судах стали высмеивать подобную линию защиты. Однако в моем случае все было без обмана. Люди ошибаются, думая, что в газетах пишут сплошные враки.

— Похоже, вы воспитаны гораздо лучше, чем Джед или Лем.

— В молодости я была в школе для девиц на Востоке. Хотела там и остаться, но Джед не мог больше платить за меня. Вот я и стала такой озлобленной... из-за этой пахоты. Но на скуку давно не жалуюсь.

Я бы предпочел, чтобы Рут перестала улыбаться. Розамонд потянулась за бутылкой.

— Я хорошо понимаю, что вы чувствовали.

Миссис Карта отступила к стене и прижалась к ней ладонями. Глаза ее вспыхнули, и она хрипло заговорила:

— Вы не можете знать. Такая молодая особа... вы не можете знать, как бывает, когда девушка живет среди радости и восторга, имеет красивые платья и поклонников, и вдруг возвращается сюда скоблить полы и варить капусту, а потом выходит замуж за тупого деревенщину с мозгом шимпанзе. Я садилась у кухонного окна и смотрела в него, ненавидя все и вся. Эдди этого никогда не понимал. Я просила его забрать меня в город, но он говорил, что это ему не по карману. Отказывая себе во всем, я скопила денег на поездку в Чикаго. Я мечтала о нем, но когда поехала, уже не была молодой девушкой. Люди на улице глазели на мои платья, а мне хотелось кричать.

Я глотнул из бутылки.

— Понимаю... кажется, — сказал я.

Она говорила все громче, и слюна капала с ее губ.

— Вот я и вернулась, а потом однажды увидела, как Эдди целует служанку, взяла топор и ударила его по голове. Он упал и задергался как рыба на песке, а я снова почувствовала себя молодой. Все смотрели на меня и говорили, какая я красивая и прелестная.

Голос женщины походил на заезженную пластинку. Она почти кричала и сползала по стене, пока снова не уселась на пол. На губах ее появилась пена, она дергалась во все стороны. Но хуже всего был ее смех.

Я схватил Розамонд за руку и вытащил в коридор.

— Поищем мужчин, — сказал я, — пока Рути не нашла топор.

Мы спустились по лестнице, чтобы рассказать обо всем Лему и Джеду. Лем захохотал так, что затряслись все его жировые складки, и вышел в коридор, а Джед взял бидон с водой и пошел следом.

— У Рути бывают такие приступы, — сказал он, поворачиваясь. — Обычно это быстро проходит.

И он исчез.

Розамонд по-прежнему держала лампу. Я взял ее, осторожно поставил на стол и подал жене бутылку. Мы выпили

ее до дна. Потом я подошел к кухонной двери и попытался ее открыть. Разумеется, она была заперта.

— Любопытство всегда было моей слабостью, — сказала Розамонд и указала на дверь в стене. — Как ты думаешь...

— Можем проверить.

Алкоголь уже начал действовать. Я взял лампу и дернул дверь — за ней открылась темная пропасть подвала. Оттуда потянуло плесенью, как, впрочем, от всего в этом доме.

Розамонд шла за мной по лестнице. Вскоре мы оказались в темной комнате, здорово похожей на склеп. Она была совершенно пуста, однако у своих ног мы увидели солидный дубовый люк. Рядом лежал открытый висячий замок.

Мы продолжили свою веселую прогулку: спустились по лестнице еще метра на три вглубь, и оказались в коридоре, пробитом в сырой земле. Звуки грозы притихли. На полке недалеко от нас лежала потрепанная тетрадь и карандаш, привязанный чудовищно грязным шнурком. Розамонд открыла тетрадь, а я заглянул ей через плечо.

— Книга гостей, — заметила Розамонд.

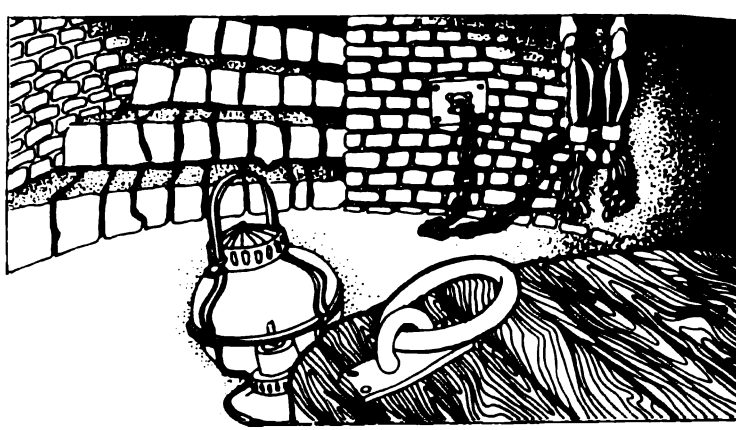
Это был список фамилий, причем рядом с каждой имелась важная запись. Например, такая:

«Томас Дарди. 57 долларов, 53 цента. Золотые часы. Кольцо».

Розамонд рассмеялась, открыла тетрадь на чистой странице и написала: «Мистер и миссис Денхем».

— Твое чувство юмора меня просто пугает, — холодно заметил я. — Если бы я тебя не любил, то свернул бы тебе шею.

— Иногда предпочтительнее шутить, — прошептала она.

Мы пошли дальше. В конце коридора обнаружилось небольшое помещение, а в нем — скелет, прикованный к стене. В полу виднелся круглый деревянный люк с кольцом. Я поднял крышку и опустил лампу в темную яму. Несло оттуда отнюдь не духами.

— Снова скелеты? — спросила Розамонд.

— Трудно сказать, — ответил я. — Хочешь спуститься и проверить?

— Ненавижу темноту, — сказала она, тяжело дыша.

Я позволил крышке с грохотом упасть, поставил лампу и крепко обнял Розамонд. Она прижалась ко мне, как испуганный ребенок в темной комнате.

— Перестань, милая, — бормотал я, лаская губами ее волосы. — Все хорошо.

— Нет. Это ужасно. Лучше уж умереть. О, я люблю тебя, Чарли! Как я тебя люблю!

Мы разжали объятия, потому что в подземелье послышались чьи-то шаги. Вошли Лем, Джед и Рути. Никто из них не удивился, увидев нас здесь. Лем не сводил глаз со скелета. Он облизнулся и расхохотался. У Рути был пустой взгляд и все та же кривая улыбка на лице. Джед Карта взглянул на нас зелеными злыми глазами и поставил на пол свою лампу.

— Ну, людишки, — спросил он, — зачем вы забрались сюда?

— Мы подумали, нет ли у вас убежища? — объяснил я. — Тогда человек может чувствовать себя безопаснее в этом мире.

Старик заржал.

— Вас нелегко испугать. Держи, Рути.

Он взял кнут, висевший на стене, и вложил его в руки женщине. Она тут же оживилась, подошла к закованному в цепи скелету и принялась его хлестать. Лицо ее напоминало страшную маску.

— Только это успокаивает ее, когда начинается приступ, — объяснил нам Джед. — С ней все хуже с тех пор, как умерла Бесс.

Он кивнул на скелет.

— Бесс? — тихо спросила Розамонд.

— Она... когда-то она была у нас служанкой. Мы подумали, что ей это не повредит, а Рути после этого успокаивается.

Миссис Карта выпустила кнут. Лицо ее оставалось неподвижным, но когда она заговорила, голос ее звучал совершенно нормально.

— Пойдем наверх? Наши гости, должно быть, чувствуют себя здесь неважно.

— Да, — ответил я. — Идемте. Может, у вас найдется еще одна бутылка, Джед?

Он указал на деревянный круг в полу.

— Хотите туда заглянуть?

— Я уже заглядывал.

— Лем довольно силен, — старик болтал совершенно невпопад. — Покажи им, Лем. На цепи Бесси. Не имеет значения, если ты ее порвешь, правда?

Семейство Карта развлекалось на всю катушку.

Лем подошел к стене и без труда вырвал цепь.

— Значит, вот как обстоят дела, — заметил я. — Этот щенок делает все голыми руками. У вас есть нож. А чем пользуется Рути? Надо думать, топором?

Старик широко усмехнулся.

— Надеюсь, вы не думаете, что мы на самом деле убиваем постояльцев? Или что сбрасываем их в большой пруд за домом, если они приезжают на машинах.

— Если вы действительно вампиры из Хеншоу, — ответил я, — то должны здорово бояться проточной воды.

— Та вода не течет, — сказал он. — Она стоит. Пусть вас это не волнует.

— Двери на замке, на окнах решетки, — мягко заметила Розамонд. — Мы нашли вашу книгу гостей, заглянули и в подземелье. Все одно к одному, правда?

— Не думайте об этом, — посоветовал Карта. — Легче будет заснуть.

— Я не хочу спать, — ответила Розамонд.

Я поднял лампу и взял жену за руку. Мы двинулись по коридору впереди остальных, поднялись по лестнице в подвал, а оттуда в кухню. Я заметил в темном углу огромную бочку с водой.

Теперь мы вновь слышали яростную грозу.

— Я приготовил вам постель, — сказал Карта. — Хотите сразу пойти наверх?

— Подлейте керосина, ладно? — Я указал на лампу. — Моя жена умрет со страху, если посреди ночи лампа погаснет.

Джед кивнул Лему, тот куда-то вышел, принес грязную банку и наполнил из нее резервуар лампы.

Затем все отправились наверх. Сначала Джед, похожий на пугало в жестком черном парике, потом мы, за нами Лем, скалящий зубы, а в самом конце — Рути, с улыбкой, приклеенной к лицу, и пустыми зелеными глазами.

— Эй, — сказал я, — вам же придется тащить наши трупы в подвал, мистер Джед. Зачем делать лишнюю работу?

— А я-то подумал, что вы устали, — захихикал он. — Кроме того, мне нужно еще кое-что сделать.

Мы шли, словно процессия приведений, поднимались по ступеням, и они оскорбленно скрипели под нашими ногами. Я вскользь упомянул об этом.

Розамонд поджала губы.

— Пожалуй, это слишком мелодраматично.

— Должно быть тринадцать ступеней, — заметил я. — Это говорило бы о расчетливости. Тринадцать ступеней ведут на виселицу, — объяснил я Джеду в ответ на его вопросительный и гневный взгляд.

— Забавно, — он рассмеялся. — Раз вы считаете нас убийцами, то почему же не уйдете отсюда?

— Двери на замке.

— Можете попросить меня, чтобы я их открыл.

Я не ответил, потому что в голосе его звучала злобная ирония. Слюнявый и радостный Лем наступал нам на пятки. Наконец мы дошли до последней спальни, откуда тоже тянуло плесенью. Ветки стучали в зарешеченное окно, нетопырь, как безумный, колотился о стекло.

Войдя в комнату, я поставил лампу на запыленный столик возле кровати. Лем, Джед и Рути остановились на пороге, глядя на нас, словно три зеленоглазых волка.

— Вам не приходило в голову, что мы вовсе не наивные овечки? Вы даже не спросили, откуда мы и как здесь оказались.

Джед одарил нас улыбкой, показав единственный целый зуб.

— Похоже, вы плохо знаете Хеншоу-кантри. У нас давно нет судов, которые бы этим занимались. Мы очень осторожны, и не думаю, чтобы власти уделяли нам много внимания. Хеншоу-кантри не может позволить себе иметь шерифа, который бы чего-нибудь стоил. Так что не пытайтесь нас испугать, ничего не выйдет.

Я пожал плечами.

— А разве *мы* выглядим испуганными?

Джед неохотно признал нашу правоту.

— Вас нелегко напугать. Ну, мне еще нужно поработать, прежде чем... я спою себе колыбельную. До свидания.

И он исчез в темноте.

Ладонь Рути задрожала. Лем облизнулся и ушел.

На лице женщины застыла улыбка, похожая на гримасу.

— Я знаю, о чем вы думаете. Боитесь, — сказала она. — И вы правы.

Она шагнула назад и захлопнула дверь. Щелкнул замок.

— Джед забыл дать другую бутылку, — заметил я. — Скоро я протрезвею и захочу пить. Очень захочу.

Я знал, что голос мой прозвучал несколько взволнованно.

— Все в порядке, милая. Иди сюда.

Губы Розамонд были холодны, я чувствовал, как она дрожит.

— Здесь как в холодильнике, — пробормотала она. — Я не могу привыкнуть к холоду, Чарли! Не могу привыкнуть к холоду!!

Я обнял ее так сильно, как только мог, не в силах сделать ничего больше.

— Постарайся вспомнить, — тихо сказал я. — Ночь прошла. Гроза кончилась, и нас здесь нет. Мы снова в нашем парке. Помнишь, милая?

Она уткнулась лицом в мое плечо.

— Это трудно вспомнить. Кажется, что мы никогда не видели солнца. Этот ужасный дом... о, я бы и вправду хотела, чтобы мы умерли, дорогой!

Я легонько встряхнул ее.

— Розамонд!

Слова с трудом протискивались сквозь мое горло.

— Прости, дорогой. Только... почему это должно было случиться именно с нами?

Я пожал плечами.

— Такова уж наша судьба. Не мы первые в таком положении. Закрой глаза и вспомни.

— Думаешь, они догадываются?

— Интересно, каким образом? Они слишком заняты своей игрой в убийц.

Я чувствовал, как под воздействием внезапной перемены дрожь прошла по ее телу.

— Мы не можем влиять на то, что случится, — напомнил я ей. — Нам не дано изменить ни их, ни себя.

Слезы брызнули у нее из глаз, и мы прижались друг к другу, как дети, испуганные темнотой. Ни одна острота не приходила мне в голову. Порой бывает трудно шутить.

Лампа замерцала и погасла. Спичек у нас не было, но теперь это не имело значения. Уже не имело.

— Жаль, что Джед забыл о второй бутылке, — пробормотал я. — Виски помогает. Все-таки я рад, что мы можем пить виски.

Гроза заканчивалась, бледный свет луны сочился сквозь окно. Я вспомнил Дракулу и фигуры, являющиеся среди

лунного сияния, в котором даже решетки на окнах кажутся прозрачными.

«Семья Карта вовсе не вампиры, — говорил я себе. — Это просто убийцы. Безумцы, убивающие хладнокровно и безжалостно. Нет, сказал я себе, будь они действительно вампирами, им не нужно бы было притворяться. Настоящие вампиры так не поступают... Дракула, например!»

Я обнял Розамонд и закрыл глаза. Часы пробили полночь.

А потом...

Было почти два, когда, — как я, впрочем, и ожидал, — в замке заскрежетал ключ, и на пороге появился дрожащий всем телом Джед Карта. Он что-то пытался сказать, но не мог произнести ни слова, поэтому просто махнул рукой, приглашая следовать за ним. Мы так и сделали, хотя знали, чего следует ожидать. Я слышал, как Розамонд тихонько простонала:

— Лучше бы умереть. Лучше бы мне умереть!

Джед привел нас в спальню в другом конце коридора. Рути Карта лежала на полу, а на ее худой шее видны были два небольших красных пятнышка и дырки в тех местах, где проходили пустые кровеносные сосуды.

Через открытую дверь я заглянул в другую комнату и увидел там огромное неподвижное тело Лема. Он тоже был мертв.

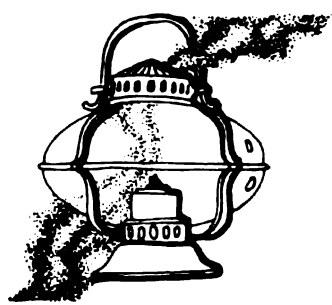
Джед Карта почти кричал:

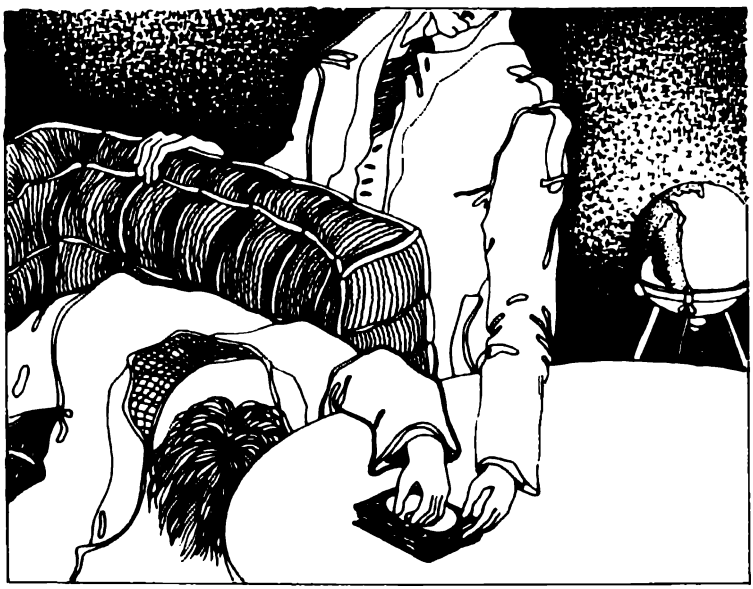
— Что-то прошло и... — Лицо его было мелко дрожащей маской смертельно напуганного человека. — Вампиры из Хеншоу!

— Не рой другому яму... — сказал я, глядя на Розамонд.

Она посмотрела мне в глаза, и я увидел, что она содрогается от предстоящей перемены и в то же время стыдливо жаждет ее. Пожалуй, вновь пришло время сказать что-нибудь смешное... что угодно, лишь бы поправить настроение Розамонд.

— У меня для вас сюрприз, Джед, — сказал я, подходя к нему все ближе. — Я знаю, вы пускаете мимо ушей эти бредни, но верите вы или нет, а вампиры из Хеншоу — это мы.

ПРИВЕТ ОТ АВТОРА

— Если ты не враг себе, — сказал кот, — то уберешься отсюда. И быстро.

Сэм Трейси задумчиво похлопал по бутылке, лежавшей в кармане плаща. Жест этот был всего лишь мимолетным признанием своей слабости, поскольку репортер «Джорнела» не был пьян. У него имелось несколько пороков; в том числе любил он довольно доходный шантаж, но пьянством не грешил. Нет, существовало более простое объяснение этого факта — чревовещание.

Взгляд Трейси скользнул поверх кота, туда, где возвышалась мрачная усадьба Болдуина Гвинна — большой старый дом, расположенный в дальней части Лаурел-Кэньон. На подъездной дороге не было никаких машин. Это хорошо. Трейси предпочитал разговор без свидетелей. Гвинн заплатит, куда он денется. Улики против него были сокрушительны. А поскольку Трейси был единственным человеком, обладавшим ими, сама собой напрашивалась попытка заработать. В подобном поведении не было ничего нового, ни для Голливуда, ни для Сэма Трейси. Он был худым и смуглым сорокалетним мужчиной с циничным выражением

на орлином лице, и искренне верил, что способен добиться чего угодно. Правда, до сегодняшнего вечера ему не приходилось сталкиваться с чародеями, но это не имело особого значения: Гвинн совершил ошибку, и это должно означать деньги на счету Трейси. А он всегда нуждался в деньгах. Серия привлекательных блондинок, к которым у него была врожденная слабость, шоссе Санта Анита и казино на Сансет-стрит очень быстро опустошали его счет. Впрочем, у Трейси были влиятельные друзья, и он всегда соглашался замять скандал... при условии оплаты наличными. При этом он никогда не тревожил вдов и сирот — у них редко водились деньги.

Сейчас в одном его кармане лежала бутылка виски, в другом — многозначительные фотографии, а в третьем — необычайно полезный автоматический пистолет, помогавший выходить из трудных положений. Была глубокая ночь. Дом Гвинна стоял на окраине Голливуд-Хиллз в одиночестве, хотя пара огоньков и сверкала на далеких склонах. Звезды и луна ярко светили над головой журналиста, а его темное «купе», стоявшее под деревом, не бросалось в глаза. Толстый черный кот с белыми митенками лап присел на бордюре и уставился на Сэма Трейси.

— Чревовещание, мистер Гвинн, — мягко сказал репортер, — годится для простачков. Не стоит проверять на мне ваши способности.

— Чревовещание, как же, — кот угрюмо таращился на него. — Приживала не узнаешь? Болди знает, что ты придешь, и очень волнуется. Мне бы не хотелось потерять его. Если ты, гнида, что-нибудь ему сделаешь, я лично тобой займусь.

Трейси попытался его пнуть, но кот ловко увернулся, яростно выругался и скрылся за кустом, из-за которого еще какое-то время доносились тихие, но изощренные ругательства. Репортер поднялся на крыльцо и позвонил.

— Дверь открыта, — сообщил ему кот. — Тебя ждут.

Трейси пожал плечами, но послушал совета. Комната, в которой он оказался, была большой, со вкусом обставленной и нисколько не походила на нору практикующего волшебника. На стенах висели изящные офорты, на полу лежал бухарский ковер. За большим столом у окна сидел полный мужчина, один глаз у него косил. С несчастным видом он вглядывался в лежавшую перед ним открытую книгу.

— Привет, Гвинн, — сказал журналист.

Гвинн вздохнул и поднял голову.

— Привет, Трейси. Садись. Хочешь сигару?

— Нет, спасибо. Ты меня знаешь?

Гвинн указал на хрустальный шар, что покоился на треножнике в углу.

— Я видел тебя в нем. Ты, конечно, не поверишь, но я и вправду волшебник.

— Разумеется, — усмехнулся Трейси. — Я верю. И многие другие тоже. Ина Фэйрсон, например.

Гвинн даже не дрогнул.

— В моей профессии такие вещи неизбежны.

— Это очень неприятно для Ины Фэйрсон. И в газетах будет выглядеть неважно. Я бы даже сказал — фатально.

— Знаю. Для меня это означало бы газовую камеру, в лучшем случае — многолетнее заключение. К сожалению, я ничего не могу с этим поделать.

Трейси вынул из кармана фотографии и положил на столе. Он не сказал не слова. Гвинн, качая головой, просмотрел документы.

— Я вижу, у тебя есть все доказательства. Но вся проблема в том, что я не могу платить шантажистам. Это мне запрещено.

— Шантаж — нехорошее слово, — заметил Трейси. — Назовем это дивидендами. Пять тысяч зеленых — и улики идут в канализацию. Завтра будет дороже.

— Ты не понял, — объяснил Гвинн. — Несколько лет назад я подписал договор с дьяволом, и в контракте были определенные условия. Одно из них — запрет платить шантажистам.

— Как хочешь, — Трейси пожал плечами. — Можешь оставить себе эти фотки. Негативы, разумеется, у меня. В завтрашнем «Джорнеле» ты найдешь статью на эту тему.

— Нет... нет. Этого бы я не хотел. — Гвинн печально взглянул на лежавшую перед ним книгу и с треском захлопнул ее.

Выражение лица Трейси не изменилось, но в глазах его вспыхнул интерес. Небольшой томик походил на дневник или на книгу для расчетов. Неплохо было бы взглянуть в нее. Там могли оказаться фамилии, факты и цифры, из которых он мог бы извлечь выгоду.

У книжечки был гладкий переплет из коричневой материи, на которой выделялся белый овал. Золотые буквы образовывали надпись: «Болдуин Гвинн». Трейси видел ее вверх ногами.

— Я не собираюсь торчать здесь всю ночь, — заявил он. — Мне нужен ответ, все равно какой. В зависимости от него я и буду действовать.

Гвинн коснулся пальцем нижней губы.

— Это, конечно, ничего не даст, — буркнул он. — Однако...

Он бросил в камин горсть пустоты, и пламя окрасилось в голубой цвет. Волшебник вынул из воздуха восковую фигурку и внимательно пригляделся к ней. Она имела шесть дюймов росту и была точной копией Трейси.

Гвинн бросил ее в огонь.

— Я слышал об этом, — заявил репортер. — Но не верю.

— Значит, не подействует, — буркнул Гвинн, но все-таки подождал немного. На мгновение Трейси почувствовал неприятный жар, но не подал виду. Он с иронией улыбнулся, и ощущение прошло.

А потом безо всякого предупреждения в комнате появился кто-то третий. Его звали Энди Монк. Два года назад он был казнен, а процесс начался с подачи Трейси. Монк не хотел платить. Трейси всегда боялся этого человека: уж больно ловко он обращался с ножом. Несколько месяцев, пока Монка не схватили, Трейси шарахался от собственной тени.

Монк тоже был лишь тенью, и Трейси знал об этом. Гипноз — старый фокус. И все-таки, ненависть, горевшая в глазах пришельца, беспокоила его.

Монк поднял пистолет и выстрелил. Пули, разумеется, были не настоящими. Трейси скорчился, ожидая удара, и с удивлением отметил, что дрожит. Гипноз, а все-таки...

Монк отбросил пистолет и вынул длинный нож. Трейси всегда боялся этого ножа. Он пытался смотреть сквозь фантом, однако тот был довольно плотен, хотя, конечно же, нематериален. Одно дело пули. Нематериальные пули. А нож, каким-то образом — совсем другое. Голубоватая искра горела на лезвии.

Трейси не хотел, чтобы нож, пусть даже нематериальный, перерезал ему горло. Он был испуган, сердце учащенно колотилось. Он торопливо потянулся за оружием.

— Убери его, Гвинн, — хрипло приказал он. — Быстрее!

В комнате было темно, и он не видел волшебника. Монк подходил все ближе, смеясь и поигрывая ножом. Трейси закусил губу, отступил на шаг и выстрелил. И тут же пожалел об этом.

Впрочем, он пожалел еще больше, когда Монк исчез, и появился скорчившийся на стуле Гвинн с простреленной головой. Широко открытые глаза чародея уже ничего не видели. Несколько минут Трейси стоял неподвижно, тяжело дыша. Потом сунул пистолет в карман, подошел к столу и

взял коричневую книжечку. Он не коснулся тела, а выходя, вытер платком дверные ручки. Когда его окружила темнота ночи, Трейси нашел в кармане бутылку и сделал большой глоток. Полегчало.

— Что мне оставалось?.. — сказал он вслух и умолк, оглядевшись по сторонам. Ничто не шевелилось.

Кроме кота. Он появился из мрака и посмотрел на Трейси сверкающими зелеными глазами.

— Остается еще месть, — сообщил он, хлеща себя по бокам хвостом. — А я не простой приживал. Болди был хорошим человеком. Беги, Сэм Трейси. У тебя не будет неприятностей с полицией. Зато я их тебе обещаю. Я и мои друзья. Будет нелегко, потому что у тебя есть книга, но я справлюсь.

И он зевнул, показав журналисту розовый язычок.

Трейси подумал о постгипнотических явлениях и опустил пистолет. Кот исчез, с магической грацией всех котов. Человек покачал головой и спустился с крыльца. Он сел в машину и запустил двигатель.

Нелегко было развернуться на узкой извилистой дороге, но Трейси справился без особого труда. Проезжая на второй скорости вдоль края каньона, он вглядывался в черную линию посреди мостовой и думал. Убийство. К тому же, первой степени. К счастью, он не оставил следов.

Трейси закусил губу. Он становился нервным и стрелял по теням. К сожалению, за этой тенью оказался Гвинн. Однако...

Однако с этим уже ничего не поделаешь, а перебирать все это в памяти было наихудшим из возможных занятий. Лучше всего просто забыть об этом. Черт побери, когда-то в Чикаго убийство не представляло из себя ничего особенного. Так почему сейчас должно быть по-другому?

И все-таки ему было не по себе. Трейси всегда старался сохранить руки чистыми. Благодаря природной флегматичности, он давно оправдал для себя свое ремесло шантажиста. В этом мире награду выигрывал самый быстрый. Медлительная лошадь проигрывала, разве что получала допинг. И если кто-то бывал достаточно хитер, чтобы использовать искусственный стимулятор, это вовсе не значило, что он мерзавец. Разве что по искусственным нормам, на которые Трейси привык не обращать внимания.

Если ты достаточно хитер, чтобы наложить лапу на левые деньги, это хорошо. И лучше, гораздо лучше, чем жить на одну зарплату журналиста.

И все-таки Трейси был потрясен.

— Самооборона, — буркнул он себе под нос и закурил, что строго запрещалось на этих пожароопасных землях. Впрочем, он тут же затушил сигарету, чтобы не нарываться на неприятности.

В свете фар внезапно появился великан, узловатый, страшный, и Трейси в панике крутанул руль. Это был просто дуб, но впечатление было жуткое.

На мгновение перед глазами мелькнуло огромное лицо ведьмы, шевелящиеся отвислые губы, горящие зеленые глаза.

Видение исчезло, но он по-прежнему чувствовал на губах горький привкус страха. Трейси свернул на боковую дорогу и остановился, вглядываясь в темноту. Плохо дело. Он никак не мог позволить себе сейчас удариться в истерику.

Глотнув виски, он встряхнулся и вытер губы тыльной стороной ладони. Усевшись поудобнее, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Через минуту все будет в порядке. Дорога по каньону была извилиста и крута, и Трейси решил не рисковать, пока не перестанут дрожать руки.

Ему вдруг вспомнился дневник Гвинна, лежавший рядом на сиденье — коричневый томик, чуть меньше in octavo. Трейси взял его в руки и зажег плафон.

Странно, но теперь на обложке золотыми буквами было написано: «Сэмюэль Трейси».

Трейси долго смотрел на надпись, потом осторожно коснулся пальцем белого овала — он был гладкий и стекляристый, возможно, пергаментный. Потом открыл книгу. Номер страницы — 17 — был отпечатан в правом верхнем углу большими цифрами, а под ним находилась всего одна фраза, написанная неровно, видимо, от руки. Она гласила:

«Оборотни не взбираются на дубы».

Трейси перечитал ее еще и еще — фраза не изменилась. Нахмурившись, он перевернул несколько страниц.

«Он блефует».

И это все. Два слова. Мягко говоря, таинственно. Это явно не было дневником Гвинна. Книга, скорее, напоминала «Finnegan's Wake»*.

Трейси листал дальше. Страница 25 предлагала:

«Попробуй через ветровое стекло».

А страница 26:

«Говори правду и никого не бойся».

---

* «Finnegan's Wake» — «Поминки по Финнегану», роман великого ирландского писателя Джеймса Джойса, родоначальника так называемой «литературы потока создания».

Через несколько страниц Трейси нашел прямо противоположную фразу: «Все отрицай».

Были и другие непонятные указания: «Не тревожься о плохих сборах», «Целься ему в глаз», «Ничего не говори, пока не вернешься на Землю» и «Попытайся еще раз». Для сборника афоризмов книга была куда как загадочна. Трейси испытывал смутное ощущение, что оказался на краю тайны... и очень важной. Вот только не мог понять ее смысла.

К черту все это. Гвинн просто спятил, а книга ничего не значила. Или...

Холодало. Трейси скривился, бросил томик на сиденье и завел двигатель. Единственным невыясненным вопросом оставалась его фамилия на обложке. Раньше там была фамилия Гвинна... или все-таки нет? Теперь Трейси уже не был уверен, так ли это. И это успокаивало.

Он вновь выбрался на дорогу и двинулся вдоль каньона, спеша выбраться на основное шоссе. Как обычно, движение было весьма оживленным, поскольку трасса напрямую соединяла Голливуд и Долину.

Катастрофа не явилась совершенно неожиданной. Слева от шоссе тянулся ров, справа росло дерево. Внезапно фары высветили во мраке нечто абсолютно иное. Второй раз за ночь Трейси увидел серое, сморщенное, перекошенное лицо ведьмы, приоткрывшийся в улыбке беззубый рот, лохматую голову, словно кивающую ему. Он был уверен, что видел чудовищную фигуру женщины, каким-то образом вплетенную в ствол и ветви. Дерево обрело человеческий облик, изогнулось, раздвинуло широкие плечи, а потом наклонилось к дороге...

... и рухнуло. Трейси затаил дыхание и вдавил акселератор, одновременно выкручивая руль влево. Холодный двигатель укоризненно закашлял, не давая дополнительной мощности. Это и решило дело. Дерево повалилось, толстый сук оказался под колесами. С неприятным звуком лопнули покрышки, слабость парализовала репортера, а его «купе» перевалил через край рва, перевернулся через крышу, соскользнул вниз и замер на боку.

У Трейси гудело в голове, словно он оказался внутри колокола, тело пронзали острые вспышки боли. Он оказался зажат рулевым колесом, которое к счастью, не расплющило ему грудную клетку. На ощупь потянулся он к стартеру, чтобы выключить зажигание, но искра сказала ему, что уже слишком поздно.

Машина горела.

Трейси с трудом попытался выпрямиться. Закаленные

стекла не разбились, поэтому он потянулся к дверям. Они были заблокированы. Репортер видел звезды и частично закрывающий их столб дыма. Красные язычки становились все настойчивее. Когда огонь доберется до бензобака...

Издалека доносились крики: это шла помощь, но она наверняка опоздает. С тихим стоном он вновь навалился на дверь. Бесполезно — он не мог даже шевельнуть ее. Если бы удалось выбить стекло...

Трейси взглядом поискал что-нибудь тяжелое, но не заметил ничего. Бардачок заклинило, а в своем неудобном положении он не мог даже снять башмак. Резкий запах бензина становился все сильнее.

Что-то острое впилось ему в бок, и Трейси потянулся рукой, надеясь, что сумеет оторвать какой-нибудь кусок металла. Это оказалась книга. Белый овал на обложке сиял, в нем чернели две арабские цифры: 25.

Инстинкт самосохранения обострил его чувства. Память подсказала фразу, прочитанную на двадцать пятой странице. Тайна книги внезапно раскрылась.

«Попробуй через ветровое стекло».

Трейси толкнул ладонью стеклянную плиту, стекло вывалилось, и он почувствовал дуновение холодного воздуха на потном лице. Треск пламени стал громче.

Крепко сжимая книгу, он выбрался через отверстие, сдирая кожу с голеней. Потом, тяжело дыша, побежал по дну рва, пока отблеск огня не исчез из виду. С грохотом взорвался бензобак, и только тогда Трейси почувствовал, что силы покидают его. Он сел и уставился на книгу — она была сейчас лишь тенью, едва видимой в слабом свете луны.

— О Боже! — сказал он.

Потом он сунул книгу в карман разорванного плаща и вышел на дорогу. У обочины стояли машины, бегали люди с фонарями. Трейси направился к ним.

Он испытывал раздражение при мысли о близящейся сцене. Единственное, чего он сейчас хотел, это полистать книгу где-нибудь в укромном месте. Скептицизм его исчерпал себя. Правда, он повидал достаточно всякого, чтобы избавиться и от легковерия. Вся эта история могла быть случайностью, хотя вряд ли...

Началась обычная в таких случаях суматоха: расспросы, громкие бестолковые разговоры и заверения самого Трейси, что он не ранен. Наконец, сопровождаемый полицейским, он дошел до ближайшего дома и позвонил в свою страховую компанию. Тем временем вызвали такси.

Трейси попросил водителя остановиться у небольшого

бара, и выпил несколько рюмок виски, прежде чем коснулся лежавшей в кармане книги. Лучше не доставать ее здесь. Впрочем, свет был не очень хорошим — видимо, здесь считали, что человек, когда напьется, выглядит не лучшим образом.

Подкрепившись и чувствуя, как внутри нарастает возбуждение, Трейси добрался наконец до своей квартиры в Уилдшире. Закрыв за собой дверь, он включил свет и чуть постоял, поглядывая по сторонам. Потом подошел к дивану, зажег лампу и вынул книгу из кармана.

Белый овал был пуст, на матовой коричневой обложке сверкала вытесненная золотыми буквами его фамилия. Трейси открыл книгу на странице 25. Там по-прежнему значилось: «Попробуй через ветровое стекло».

Он закрыл книгу и открыл ее на форзаце; тот был чист. Зато следующая страница оказалась весьма интересной. Ему вновь бросилась в глаза собственная фамилия, написанная уже знакомым почерком.

«Дорогой мистер Трейси.

Возможно, вы уже обнаружили необычайные свойства grimoire*. Его возможности ограничены, и каждый владелец имеет право воспользоваться указаниями, содержащимися на десяти страницах. Используйте их экономно. Привет от автора».

Таинственно, но красноречиво. Трейси попытался найти в словаре, что это такое за grimoire, но такого слова не оказалось. Впрочем, он смутно припоминал, что оно означало магическую книгу, сборник заклинаний. Призадумавшись, еще раз пролистнул страницы. Заклинания? Нет, скорее уж, советы. И совет относительно ветрового стекла подоспел вовремя.

Трейси криво усмехнулся. По крайней мере, в одном катастрофа ему помогла — он почти забыл об убийстве. А может, не следовало этого делать? Если полиция начнет что-то подозревать... Хотя с чего бы? Его присутствие в Лаурел-Кэньон легко объяснить, в конце концов, это оживленная трасса. А тело Гвинна в доме на отшибе найдут еще нескоро.

Он встал, снял порванный плащ и брезгливо бросил его в угол. Трейси любил хорошо одеваться и испытывал от этого почти чувственное удовольствие. Войдя в ванну, чтобы принять душ, он почти сразу выскочил из нее в облаке пара, чтобы забрать с дивана книгу.

Она ждала на табурете, пока он мылся, надевал пижаму и халат. Он держал ее в руке, когда вернулся в комнату, и не спускал с нее глаз, пока готовил себе выпивку. Напиток

---

* grimoir *(фр.)* — колдовская книга.

был крепким и, медленно потягивая его, Трейси чувствовал, как приятное тепло обволакивает его тело и разум. Только теперь он понял, насколько разволновался.

Усевшись поудобнее, он задумался. Колдовство? А существует ли оно вообще? Он переворачивал страницы, но их содержание нисколько не менялось. Просто невероятно, как та фраза о стекле спасла ему жизнь. А другие страницы? На большинстве из них значились фразы, совершенно лишенные смысла. «Оборотни не взбираются на дубы». Ну и что?

Трейси долил себе виски. Он слегка превысил свою обычную норму, но причина была уважительная. Впрочем, он не испытывал никаких признаков перебора, если не считать капелек пота на высоком загорелом лбу.

— Из этого должно выйти нечто интересное, — произнес тихий голос.

Это был кот. Красивый, толстый, с лоснящимся мехом, он сидел на стуле напротив репортера и гипнотизировал его таинственным взглядом. «Подвижная кошачья мордочка и язык, — подумал Трейси, — неплохо приспособлены для человеческой речи».

Кот шевельнулся.

— По-прежнему считаешь это чревовещанием? — спросил он. — Или галлюцинацией?

Трейси встал, пересек комнату и осторожно вытянул руку.

— Я бы хотел убедиться, что ты настоящий, — сказал он. — Можно?

— Только осторожно. И без фокусов. Когти у меня острые, а чары еще острее.

Удовлетворенный прикосновением к теплому меху, Трейси отступил и задумчиво посмотрел на животное.

— Ну, ладно, — сказал он. — По крайней мере, мы пришли к тому, что я разговариваю с тобой и верю в твое существование.

Кот кивнул.

— Превосходно. Я пришел поздравить тебя с тем, как ловко ты увернулся от дриады. Хочу также заверить, что отступать не собираюсь.

Трейси сел.

— От дриады? Я всегда думал, что дриады красивы. Как нимфы, например.

— Сказки, — коротко ответил кот. — Древнегреческий эквивалент репортерской утки. Сатиры, мой дорогой, занимались любовью только с молодыми легкомысленными дри-

адами. А те, что постарше... Не знаю, смог бы ты представить, как выглядит дриада калифорнийской секвойи.

— Пожалуй, смог бы.

— Ошибаешься. Чем старше антропоморфное существо, тем менее заметны различия. Ты обращал внимание на бесполость стариков? Разумеется, они умирают, прежде чем это зайдет слишком далеко. Стирается граница между человеком и богом, потом между человеком и животным, а затем между животным и растением. В конце концов остается только однородная чувствующая масса. Дальше нее лучше не заходить. Так вот, дриады секвойи зашли дальше.

Настороженные и непроницаемые кошачьи глаза внимательно следили за ним. Трейси чувствовал, что разговор этот имеет какую-то цель.

— Кстати, меня зовут Мег, — сообщил кот.

— Значит, ты кошка?

— Да, в этом воплощении. В естественной обстановке приживалы бесполы, но когда попадают на Землю, вынуждены подчиняться земным законам... по крайней мере, до некоторой степени. Ты, конечно, заметил, что никто, кроме тебя, не видел дриады.

— Рядом никого не было.

— Вот именно, — довольно заметила Мег.

Трейси задумался, отчетливо понимая, что ведет сейчас борьбу с этим созданием.

— Ну, хорошо, — он кивнул. — Перейдем к делу. Ты была этим... ну... приживалом Гвинна. Что из этого следует?

— Я служила ему. Приживал, Трейси, служит для мага катализатором.

— Ты не могла бы повторить?

— Катализ — это ускорение химической реакции при помощи вещества, не принимающего в ней непосредственного участия. Вместо слова «химической» поставь слово «магической». Возьми конфету, воду, добавь серной кислоты, и получишь глюкозу и фруктозу. Возьми пентаграмму, кровь вола, добавь меня и получишь демона по имени Фарнегар. Это демон-лозовик, — добавила Мег, — он помогает отыскать спрятанные сокровища, однако и у него есть свои ограничения.

Трейси продолжал размышлять. Все это звучало вполне логично. Веками в легендах упоминались приживалы колдунов, хотя использование этих существ всегда было вопросом спорным. Пресловутые слуги дьявола? Вздор! Катализатор — куда как проще, особенно для бедного, одурманенного алкоголем мозга Трейси.

— Может, мы договоримся? — сказал он, глядя на Мег. — Ты же сейчас без работы, верно? А мне бы не помешало немного колдовских знаний.

— Бред, — презрительно ответила кошка. — Думаешь, магией можно овладеть на курсах репортеров? Эта профессия требует высокой квалификации, умения использовать точные инструменты, развитой интуиции... Черт побери, Трейси, это больше, чем университетское образование. Нужно быть прирожденным лингвистом, чтобы справиться с заклинаниями. И обладать молниеносной реакцией, идеальным чувством времени. Гвинн учился двадцать три года, прежде чем получил козлиную шкуру. Ну и к тому же есть еще кое-какие формальности, касающиеся платы.

Трейси кашлянул.

— Но ведь ты знаешь колдовство. Почему бы тебе...

— Потому, — мягко прервала его Мег, — что ты убил Гвинна. Мне этого не пережить. А я надеялась провести на Земле еще лет десять-двадцать. Здесь я свободна от некоторых малоприятных обязанностей, которые ждут меня в другом месте.

— В аду?

— Выражаясь по-вашему, да. Но наши с тобой представления об Аде совершенно различны. Впрочем, это вполне естественно, поскольку в нормальном состоянии мои чувства отличаются от твоих.

Мег спрыгнула со стула и принялась расхаживать по комнате. Трейси нащупал в кармане книгу и крепко стиснул ее.

— Это будет интересно, — заявила кошка. — Книга поможет тебе, но и у меня есть кое-какие чары.

— Ты твердо решила меня... убить, — Трейси потянулся за плащом. — Почему?

— Я уже говорила. Из мести.

— Так мы не договоримся?

— Нет, — ответила Мег. — Меня не интересует ничего из того, что ты можешь предложить. Я похожу вокруг, а потом вызову саламандру или кого-нибудь в этом роде, чтобы от тебя избавиться.

— А если я всажу в тебя пулю? — Трейси вынул из кармана пистолет и прицелился. — Ты ведь существо из плоти и крови. Что скажешь?

Кошка села и спокойно посмотрела на него.

— Попробуй, — сказала она.

Безо всякой разумной причины репортер вдруг почувствовал страх и опустил оружие.

— Я бы даже хотела, чтобы ты попытался меня убить, — заметила Мег.

— К черту, — буркнул Трейси и встал, не выпуская книгу из руки. — Нужно еще выпить.

И вдруг остановился, пораженный внезапной мыслью.

— И все-таки ты можешь быть галлюцинацией. Алкогольной. В таком случае... — он усмехнулся. — Можно предложить тебе сливок?

— Спасибо, — ответила кошка. — С удовольствием.

Наливая сливки в блюдце, Трейси ухмыльнулся своему отражению в зеркале.

— Toujours gai*, — сказал он сам себе. — Может быть, стоило добавить туда крысиного яда...

Мег лакала сливки, не сводя глаз с Трейси, который делил внимание между виски и книгой.

— Я все думаю над этой книгой, — сказал он. — Похоже, в ней нет ничего волшебного. Может, эти советы появляются, как... как предсказания ясновидца?

Кошка тихо фыркнула.

— Все не так, — объяснила она. — В этой книге пятьдесят страниц, и на них можно найти решение любой человеческой проблемы.

— Это смешно, — Трейси нахмурился.

— Вовсе нет! История любит повторяться, а люди живут жизнью отражений. Тебе не приходило в голову, что эталон жизни человечества можно выразить рядом уравнений? Пятьюдесятью уравнениями, если я не ошибаюсь. Если зайти достаточно далеко, можно найти наименьший общий знаменатель, но это уже превосходит человеческое понимание. Насколько я знаю, автор этой книги проанализировал историю жизни людей и сосредоточился на основных ее вариантах, после чего перевел уравнения в форму грамматических фраз. Это довольно простая семантическая проблема.

— Пожалуй, мне этого не понять. Хотя, может быть... I3ab минус b равно I3a. «I3ab» означает яйца, значит — «Цыплят по осени считают».

— Довольно туманно, но общую идею ты уловил, — признала Мег. — Правда, ты забыл о наседке.

— Об инкубаторе, — рассеянно поправил ее Трейси. — Значит, в ней есть ответ на все человеческие проблемы? А как быть с этим: «Оборотни не взбираются на дубы»? Часто ли можно встретить оборотня?

— Тут имеется в виду некоторый символизм. А также

---

* Toujours gai *(фр.)* — рад стараться.

личные психологические ассоциации. Кстати, третий с конца хозяин этой книги сам был оборотнем. Ты бы удивился, узнав, насколько точно все это.

— Кто ее написал?

Кошка изумительно грациозным жестом пожала плечиками.

— Разумеется, какой-то математик. Насколько я знаю, эта идея воплощала его хобби.

— Дьявол?

— Не волнуйся. Люди не настолько важны. Да и Земля тоже, разве что как интеллектуальное развлечение для других. Это примитивный мир, спокойный и скучный. Слишком низок фактор неопределенности.

Трейси рассмеялся.

— До меня наконец дошло, — объяснил он, — что я сижу и дискутирую с кошкой о семантике.

Однако Мег уже исчезла.

Знакомство с врагом притупляет бдительность, и кошка, конечно, прекрасно знала об этом. То, что Мег пила его сливки — эквивалент хлеба и соли — не имело никакого значения. Коты аморальны, а приживалы и вовсе вне морали. Получившаяся смесь весьма опасна.

Однако Трейси, разум которого затуманило виски, сжимал книгу, словно щит, и чувствовал себя в безопасности. Он думал о логических формулах.

— Это вопрос дедукции, — бормотал он. — Допустим, этот... автор вычертил массу графиков и таким образом пришел к своим выводам. А потом проверил их с помощью индукции. Фью! — присвистнул он. От такой мысли кружилась голова.

Трейси взглянул на книгу. Белый овал на обложке снова заблестел, на нем появился номер. Трейси почувствовал, как желудок подпрыгнул к горлу.

Страница 34.

Он быстро огляделся, ожидая худшего, однако квартира, казалось, не изменилась. Мег не вернулась.

Страница 34 сообщала: «Канарейкам нужен кислород».

Канарейкам?

Трейси наконец вспомнил. Несколько дней назад один из друзей подарил ему дорогую певчую канарейку, от которой он еще не успел избавиться. Клетка висела в углу, прикрытая белой тканью. Из нее не доносилось ни звука.

Трейси подошел и сдернул тряпку. Канарейка чувство-

вала себя не лучшим образом. Открыв клювик, она лежала на дне клетки и дергала лапками.

Кислород?

Трейси тихо свистнул, бросился к окнам и широко распахнул их одно за другим. От холодного воздуха закружилась голова — он даже не представлял, что настолько пьян.

Однако не виски было причиной тошноты. Закусив губу, Трейси смотрел, как птичка медленно возвращается к жизни. Воздух в комнате был не настолько загрязнен, чтобы ее убить. Это не шахта.

Шахта... газ... Ну конечно! Стиснув зубы, Трейси упал на колени возле газового обогревателя. Как он и предполагал, кран был открыт до отказа. Слышалось тихое шипение.

Мег рассчитывала не только на магию, а кошачьи лапки были достаточно ловки.

Трейси завернул кран и обошел квартиру. В спальне оказался еще один открытый кран. Тем временем канарейка пришла в себя и слабо зачирикала. Журналист накрыл клетку и задумался.

Книга! Цифры на ее обложке поблекли, и Трейси почувствовал новый приступ страха. Он мог использовать ее десять раз — два из них уже были израсходованы. Оставалось восемь... всего восемь. А у Мег было еще множество идей и она жаждала отомстить.

Какая-то смутная мысль зародилась в его голове, но не смогла выкристаллизоваться. Трейси расслабился, зажмурился, и мысль вышла из укрытия.

В его распоряжении оказалась магическая сила и неограниченные возможности. Коричневая книжечка содержала решения всех человеческих проблем. Если бы ею владел Наполеон, Лютер или Цезарь! Жизнь — это ряд проблем. Люди не могли представить себе полного вида уравнений и потому совершали ошибки.

«Однако книга, — подумал Трейси, — дает верные советы. Какая ирония судьбы, что такая мощь пропадает даром — такая уж сложилась ситуация. Я могу воспользоваться десятью решениями, а потом Мег завершит свою месть, уже не останавливаемая контрмагией книги. Какая потеря!»

Трейси прижал ладони к вискам. У ног его разверзлась золотая шахта, и надо было лишь придумать способ воспользоваться ею. Каждый раз, когда ему будет угрожать опасность, книга подскажет решение, опирающееся на логические уравнения, а затем ее магия перейдет в состояние, — если так можно выразиться, — бездействия.

Если бы Трейси угрожало разорение, такое положение

наверняка было бы квалифицировано как опасность. Разве что истолкование этого слова включало только физическую угрозу. Хотелось верить, что подобных ограничений у книги нет.

В таком случае, если он окажется перед лицом банкротства, книга сообщит номер страницы, которая его спасет. Но не будет ли это способ просто вернуться к прежнему финансовому состоянию? Нет, поскольку состояние это оказалось опасным, ввиду самого факта необходимости восстановления.

Возможно, рассуждение это было несколько казуистическим, но Трейси не сомневался, что сумеет хорошо разыграть свои козыри. Он хотел денег. Следовало поставить себя в положение, когда разорение окажется неизбежным, и пусть книга приходит ему на помощь.

Во всяком случае, он здорово надеялся на это.

Всего восемь раз он мог прибегнуть к ее помощи, значит эксперименты отпадали. Он еще раз просмотрел книгу, прикидывая, как бы половчее использовать содержащуюся в ней информацию себе на пользу. Это казалось невыполнимым. Например, «Отрицай все». Конечно, в определенных обстоятельствах это был бы превосходный совет. Но как определить, что обстоятельства эти уже наступили?

Разумеется, с помощью книги.

Или, например, «Убийца ждет». Превосходный совет! Для Цезаря он был бы на вес золота, впрочем, как и для всех цезарей. Зная, что убийца сидит в засаде, легко принять соответствующие меры предосторожности. Но нельзя же все время быть начеку.

Логика книги была безукоризненна, неясным оставался лишь один фактор — время. Впрочем, значение этого фактора зависело от образа жизни владельца книги. Естественно, величина эта не могла быть постоянной.

Кроме того, была еще Мег, и она жаждала мести. Если бы Трейси использовал книгу, — если бы сумел использовать, — чтобы получить то, чего желал, и израсходовал бы при этом оставшиеся восемь шансов, он оказался бы беззащитным. А богатство и слава трупу ни к чему.

За окном он заметил красные отблески и в поле зрения появилось небольшое существо, похожее на ящерицу. На лапах у него были присоски, как у геккона. Когда оно ступило на подоконник, запахло паленой краской. Цветом животное напоминало раскаленный докрасна металл.

Трейси взглянул на книгу. Она не изменилась, значит, прямой опасности не было. Но могла быть, если бы он не

закрутил газовые краны. Достаточно пустить огненную саламандру в наполненное газом помещение, и...

Трейси взял сифон и пустил на саламандру струю газированной воды. Поднялось облачко пара, существо зашипело и сгинуло туда, откуда пришло.

Превосходно. У него по-прежнему оставались восемь возможностей. Восемь ходов, за которые он должен обыграть и уничтожить Мег. Даже меньше. Как можно меньше, если он хочет, чтобы что-то еще осталось. А должно остаться, в противном случае уровень жизни Трейси нисколько не изменится. Одного избавления от опасности мало. Он хотел...

Чего?

Трейси взял бумагу и карандаш, после чего сел, чтобы хорошенько обдумать вопрос. Счастье было слишком расплывчатым понятием, вполне зависящим от человека. Власть? Женщины? Деньги? Все это имелось у него в достаточных количествах. Безопасность?

Безопасность. Это была постоянная человеческая ценность. Безопасность от грозных теней прошлого. Вот только он не мог просто пожелать безопасности, книга не действовала таким образом. Абстрактные понятия были ей недоступны.

Что дает людям безопасность? Деньги — этот ответ напрашивался первым, однако не удовлетворил Трейси, и он попытался зайти с другой стороны: кто может чувствовать себя в безопасности?

Пейзане, как правило, жили спокойнее магнатов, но Трейси не хотел быть пейзанином. А Генрих, издатель? Был ли он в безопасности? Пожалуй нет. В те времена миру не хватало стабильности.

Он так ничего и не надумал. Возможно, лучшим решением было бы оказаться в самой худшей из всех возможных ситуаций и предоставить действовать книге. А если она подведет?

Это могло случиться. Однако Трейси был игроком. Кстати, какая ситуация была бы самой худшей?

Ответ был очевиден: утрата книги.

Дрова уже лежали на каминной решетке. Трейси поднес спичку к смятой газете и смотрел, как забегали огоньки пламени. Затрещали, занимаясь, дрова. Если он сознательно поставит себя в безнадежное положение, книга откроет ему этакую панацею, лекарство от любых бед, решит все его проблемы. Стоило попробовать.

Трейси улыбнулся, гордясь своей хитростью, и бросил книгу в огонь. Пламя жадно бросилось на нее, и на белом овале немедленно проступили цифры: 43.

Главный ответ! Лекарство от потери книги!

Трейси вытянул руку и выхватил книгу из огня. Коричневый переплет слегка опалило, но страницы остались целы. Хрипло дыша от нетерпения, он открыл страницу 43.

Надпись с детским ехидством сообщала:

«Правильно».

Трейси встал, лицо его ничего не выражало. Схватив пустой стакан, он от всей души швырнул его в стену. Потом подошел к окну и невидящим взглядом уставился в ночь.

Осталось семь возможностей.

Спал он довольно хорошо, без снов, зато с книгой под подушкой, а утром подготовился к грядущим испытаниям с помощью холодного душа и черного кофе. Он не обольщался относительно близящихся событий, однако Мег ничего не предприняла.

Было уже поздно, когда он явился в «Джорнел». Косые солнечные лучи падали сквозь запыленные окна в комнаты отдела, посыльные бегали взад-вперед с текстами, и все вместе напоминало декорации для фильма о жизни редакции. Машинистки срочно что-то перепечатывали, а стеклянные перегородки в дальнем конце холла напоминали о безжалостных издателях, готовых посылать выдающихся репортеров в самые опасные места. Фотограф Тим Хаттон стоял в углу и с мрачным видом играл детским кубиком.

— Привет, Сэм, — сказал он, не вынимая изо рта сигареты. — Хочешь курнуть?

Макгрегор, парень из Денвера, который собаку съел на редакционной работе, поднял от стола лысую голову и подмигнул Трейси.

— Тим Хаттон смотрел фильмы, — сообщил он хриплым голосом. — Тим Хаттон прочитал все книги о Чарли Макартуре и Бене Хекте. Я с детства пишу статьи для всей страны, но даже у Бонфилса не встречал парня с большей решимостью стать репортером. Скоро, Трейси, он начнет рассказывать тебе о своем похмелье и предлагать глоточек из прелестной серебряной бутылочки, которую носит в кармане. Эх, молодость!

Макгрегор съел дольку лимона и вернулся к работе.

— Зануда, — заметил Хаттон, у которого покраснели даже уши. — И что он ко мне цепляется?

— Выйди в город и задержи убийцу, — посоветовал ему Макгрегор. — Прорвись сквозь кордон полиции, то есть, я хотел сказать, фараонов, и войди в здание, где окружили

Врага Общества Номер Один. Хотел бы я, чтобы фотографию никогда не изобретали! Но, увы, ее придумали и теперь такие молокососы приходят сюда в надежде встретить Эдди Робинсона за столом городского отдела.

Трейси просматривал влажный еще номер «Джорнела», гадая, нашли уже труп Гвинна или нет.

— Эти времена в прошлом, Тим, — рассеянно сказал он.

— Это ты так говоришь, — буркнул Хаттон и посмотрел на часы. — Через полчаса у меня встреча с Барни Донном. Что скажешь?

— Барни Донн, — механическим голосом сообщил Макгрегор. — Преемник Эрни Роштейна, чикагского короля пива времен Аль Капоне, отсидел срок за уклонение от налогов, самый крупный игрок Флориды, покинул Хайалиа неделю назад. Что он здесь делает?

— Именно это я и хочу узнать, — ответил Хаттон. — Этот тип — настоящая сенсация.

Трейси отложил газету.

— Я пойду с тобой. Я когда-то знавал Барни.

Он не упомянул, что когда-то шантажировал Донна и выдоил из него немалую сумму, так что теперь прибытие игрока в покер в Голливуд обеспокоило его. Была ли это работа Мег? У Донна была хорошая память, и, возможно, он решил отыграться.

Макгрегор съел еще дольку лимона.

— Помни о Ротштейне, — цинично заметил он.

Хаттон выругался и взял свой аппарат.

— Готов, Сэм?

— Да.

Трейси бросил «Джорнел». О Гвинне ничего не было. Он еще прикинул, не проверить ли в картотеке смертей, но решил не рисковать. Выйдя следом за Хаттоном из редакции, миновал портье и увидел, как фотограф, лениво выпуская носом дым, надевает свою помятую шляпу.

Конторский кот испугал Трейси, но он тут же понял, что это не Мег. Тем не менее, животное дало ему тему для размышлений: что испробует приживал на этот раз?

Они с Мег оказались в противоположных ситуациях: у кошки было мало времени, зато множество заклинаний, а Трейси совершенно не знал колдовства, зато время работало на него. Мег сказала, что не протянет долго. Интересно, сколько она еще проживет на Земле? А может, будет становиться все прозрачнее, пока не исчезнет совсем?

Он владел книгой, но по-прежнему не знал, как ее по-

ловчее использовать. Трейси взял ее с собой на тот случай, если Барни Донн работает на Мег. Игрок имел репутацию честного человека, но слыл исключительно трудным клиентом.

Администратор в отеле спросил их фамилии и сразу же направил наверх. Это был большой отель, один из лучших в Лос-Анджелесе, а Донн снял апартамент-люкс.

Он встретил их в дверях — плотный, седой мужчина, сверкающий зубами в широкой улыбке.

— О боже мой! Сэм Трейси! — воскликнул он. — А что это за фраер с тобой приперся?

— Привет, Барни. Это Тим Хаттон. Мы оба из «Джорнела». И брось эти словечки, мы и без них напишем о тебе так, что будешь доволен.

Донн захохотал.

— Входите. В Хайалиа я привык к сленгу и не могу отвязаться. Я словно Джекил и Хайд. Ну, входите же!

Трейси еще не до конца успокоился. Когда Хаттон прошел в комнату, он задержался позади и дернул Донна за рукав. Игрок широко распахнул свои большие карие глаза.

— Что такое?

— Что ты здесь делаешь?

— Устроил себе каникулы, — объяснил Донн. — И хочу немного поиграть. Я много слышал об этом городе.

— Это единственная причина?

— А-а, понял. Ты думаешь... — он снова захохотал. — Слушай, Трейси, однажды ты меня выпотрошил, но больше этот номер не пройдет. Я почистил свою картотеку, понял?

— Я тоже, — довольно двусмысленно заметил журналист. — Честно говоря, мне неприятно, что пришлось тогда просить у тебя эти деньги...

— Деньги... — Донн пожал плечами. — Их легко заработать. Если думаешь, что я зол на тебя, забудь. Конечно, я не прочь бы получить от тебя те бабки и закрыть наши счеты, но, черт возьми, я в жизни никого не убил.

Сделав это успокоительное заявление, Донн проводил Трейси в комнату.

За столом сидели двое мужчин — местные акулы игорного бизнеса — и смотрели на Хаттона, показывавшего фокусы с картами. Фотограф развлекался от души. Сигарета почти обжигала ему нижнюю губу, а он тасовал и перекидывал карты с удивительной ловкостью.

— Видишь? — спросил он.

— Может, перекинемся? — предложил Донн, обращаясь к Трейси. — Мы так давно не играли между собой.

Трейси заколебался.

— Ну, ладно. Одну или две сдачи... но я не собираюсь рисковать. — Он знал, что Донн играет честно, иначе отказался бы сразу.

Виски стояло на столе. Донн налил и раздал стаканы.

— Я немного играл в самолете, но хочу проверить, действует ли мое счастье в Калифорнии. У меня была полоса удач в Хайалиа. Ваше здоровье!

— Сколько за вход? — Хаттон весь сиял.

— Пятьсот.

— Ого!

— Пусть будет сотня... для начала, — усмехнулся Донн. — Идет?

Хаттон кивнул и достал бумажник. Трейси сделал то же самое, пересчитал банкноты и часть обменял на жетоны. Оба местных молча пили виски.

Первый кон был небольшим, и взял его Донн. Хаттон забрал следующий, а Трейси — третий, приятно полный голубых жетонов.

— Еще одна сдача, и я выхожу, — заявил он.

— О... — протянул Хаттон.

— Оставайся, если хочешь, — сказал Трейси. — Игра идет честная, но Донн мастер своего дела.

— И всегда был таким, — вставил Донн. — Даже в детстве. Останься еще, Сэм.

Трейси пробовал дотянуть до стрита, но бесполезно — Донн выиграл. Он забрал кучу жетонов, а репортер встал.

— Вот и все, Барни. Сделаем это интервью и побежали. Или я один пойду, если Хаттон хочет еще поиграть.

— Останься, — повторил Донн, глядя Трейси в глаза.

— Извини, но...

— Послушай, Сэм, — решительно заметил Донн, — у меня такое чувство, будто ты мне кое-что должен. Почему ты не хочешь честно поиграть? Я слышал, ты твердо стоишь на ногах. К чему эта излишняя осторожность?

— Э-э... ты настаиваешь? — нервно спросил Трейси.

Донн усмехнулся и кивнул. Репортер сел и угрюмо уставился на карты.

— Думаешь, крапленые? — спросил Донн. — Хочешь сам раздать?

— Ты не играешь краплеными картами, — согласился Трейси. — О, черт возьми! Дай-ка еще жетонов. Было бы о чем беспокоиться.

Он опорожнил бумажник.

— Чек возьмешь? — спросил он через четверть часа.

А полчаса спустя уже подписывал вексель.

Игра была быстрая, резкая и рискованная. Она была честной, но от этого не менее опасной. Законы причинности то и дело получали солидные пинки. Некоторые люди обладают талантом к карточной игре, этаким шестым чувством, основанным на хорошей памяти и прекрасном знании психологии. У Донна такой талант был.

Счастье склонялось то в одну, то в другую сторону. Вход в игру становился все дороже, и вскоре Трейси снова начал выигрывать. Они с Берни неплохо заработали на этой игре, и через полтора часа только он и Хаттон оставались за столом. Не считая, разумеется, Донна.

Один раз Трейси показалось, что партнер блефует, и он проверил, но ошибся. Тем временем ставки росли. Наконец, получив неплохую карту, он пошел вверх. Донн принял и Хаттон тоже. Трейси заглянул в свои карты и выдвинул на середину стола столбик жетонов. Затем выписал еще один чек, докупил жетонов и добавил. Хаттон спасовал, Донн принял и добавил.

Передвигая на кон последние жетоны, Трейси вдруг осознал, что полностью опустошил свой счет. Одновременно в кармане брюк он почувствовал необычное тепло.

Книга!

Может, на обложке появился номер очередной страницы? Трейси не знал, радоваться ему или беспокоиться. Заглянув в горевшие возбуждением карие глаза Донна, он понял, что тот хочет добавить в очередной раз.

А ему нечем было отвечать.

Он резко поднялся.

— Прошу прощения. Сейчас вернусь, — сказал Трейси и, прежде чем Донн успел возразить, направился в ванную. Как только дверь закрылась, он вынул книгу из кармана. На сверкающем белом фоне виднелись черные цифры: 12.

А сообщение гласило: «Он блефует».

— Чтоб меня черти взяли! — буркнул Трейси.

— Это неизбежно, — заметил тихий голос. — Однако такая способность к предвидению встречается не часто. Верно Бельфагор?

— Да брось ты! — прозвучал хриплый ответ. — Вечно эта болтовня. Нужно действовать быстро, резко и кроваво.

Трейси огляделся, однако не заметил ничего необычного. Нащупав за спиной ручку, он открыл дверь и вновь вышел в комнату, где ждали Донн и все остальные.

Правда — он заметил это, как только повернулся — это была не та комната.

Точнее говоря, *это* вообще не было комнатой, а напоминало оживший сюрреалистический пейзаж. Над головой было серое пустое небо, а плоская равнина с удивительно искаженной перспективой тянулась до небывало близкого горизонта. Тут и там лежали странные предметы, присутствие которых не имело никаких разумных оснований. В большинстве своем они были наполовину расплавлены.

Прямо перед Трейси сидели рядком три существа.

Одно было худым человеком с большими ступнями и головой единорога, второе — угрюмым голым гигантом с кривыми рогами и львиным хвостом. А третье... ого! Печальные глаза вглядывались в Трейси с украшенной короной головы. Кроме этой головы из пузатого тела на двенадцати паучьих ногах росли головы жабы и кота — воплощенная адская троица.

Трейси оглянулся. Дверь через которую он сюда вошел, по-прежнему была на месте, однако то была просто дверь, стоявшая без поддержки и дверной рамы. Более того, она была заперта снаружи, в чем он убедился, дергая за ручку.

— Быстро, резко и кроваво, — повторил тот же хриплый голос, шедший из пасти мрачного гиганта со львиным хвостом. — Можете мне поверить.

— Вульгарность, снова вульгарность, — буркнул антропоморфный единорог, сплетая ладони на колене. — Ты реликт мрачных времен, Бельфагор.

— А ты просто осел, Амдусциас, — заметил Бельфагор.

Трехголовое паукообразное существо молчало и пялилось на Трейси.

— Итак, человек, поговорим, как демон с мужчиной, — сказал Амдусциас, кося на кончик своего рога. — Есть ли у тебя какие-нибудь желания?

Трейси прохрипел что-то нечленораздельное, но потом все-таки обрел голос.

— Ж-ж-желание? А почему? Где? Как я здесь оказался?

— У смерти тысяча с лишним ворот и открываются они в обе стороны, — сообщил ему Амдусциас.

— Но я еще не мертв.

— Верно, — неохотно признал демон. — Но будешь. Непременно будешь.

— Клык, рог и коготь, — вставил Бельфагор.

— А где же я нахожусь?

— Это Задворки, — объяснил Амдусциас. — Бэл создал их специально для нашего рандеву, — он взглянул на трехглавого монстра. — Нас прислала Мег. Ты ведь знаешь Мег, правда?

— Да... Да, я знаю ее. — Трейси облизал губы. Он вспомнил о книге и дрожащей рукой поднес ее к глазам. Номер на обложке не изменился: 12.

— Садись, — пригласил Амдусциас. — Прежде чем умрешь, мы можем немного поговорить.

— Разговоры! — буркнул Бельфагор, бросая убийственный взгляд на свой хвост. — Фу! Дурак ты!

Единорог печально кивнул.

— Я философ. Ты совершенно напрасно смотришь на Бэла таким взглядом, смертный. Возможно, он кажется тебе уродливым, но для владык Ада все мы довольно красивы. Если тебя беспокоит трехглавость Бэла, то жаль, что ты не видел Асмодея. Это наш эксперт по всему чему угодно и родоначальник страшилищ. Садись, поговорим. Прошло много лет со времени последнего разговора с человеком вне Ада. С теми же, что в Аду, трудно дискутировать, — задумчиво продолжал Амдусциас. — Я много разговаривал с Вольтером, но примерно с восемьсот пятидесятого года он только смеется. Спятил, в конец спятил.

Трейси никак не мог оторвать взгляда от Бэла. Меланхолическое человеческое лицо неотрывно смотрело на него. Голова жабы таращилась в небо, а кошачья вглядывалась в ничто. Во всяком случае, это была не Мег, а это было уже кое-что. А может, нет? Он стиснул кулаки, вонзая ногти в кожу.

— Чего вы от меня хотите?

— Полагаю, ты имеешь в виду «хотим сейчас», — Амдусциас наклонился. — Успокойся, Бельфагор! — раздраженно добавил он. — Если бы мы поступили по-твоему, от этого человека в несколько секунд остались бы клочья. А что потом? Обратно в Ад?

— А что тебе не нравится в Аду? — удивился Бельфагор. Он дернул хвостом, словно желая выпрямить позвоночник. — Может, он тоже слишком вульгарен на твой изысканный вкус?

— Вот именно. Эти Задворки мне тоже не нравятся. Если уж говорить о сцене, то у Бэла бывают необычные идеи. Думаю, это результат обладания тройным разумом. Итак, добрый человек, как бы ты хотел умереть?

— Никак, — ответил Трейси.

— Хватит тянуть, — буркнул Бельфагор. — Мег велела нам избавиться от этого смертного, так что прикончим его поскорее и вернемся домой.

— Минуточку, — прервал его Трейси. — Может, вы все-таки объяснитесь? — Прикосновение книги добавляло ему

уверенности в себе. — Ведь Мег всего лишь приживал, как она может приказывать вам?

— Профессиональная солидарность, — объяснил Амдусциас. — И скажи наконец, как ты хочешь умереть?

— Дай тебе волю, — с горечью заметил Бельфагор, — и ты заговоришь его насмерть.

— Это интеллектуальное развлечение, — его товарищ потер ладонью рог. — Я не считаю его второй Шахерезадой, однако есть способы довести человека до безумия с помощью, гм... беседы. Да, я бы голосовал за этот метод.

— Ну ладно, — сдался Бельфагор. — Я по-прежнему за то, чтобы разорвать его на куски, — Он слегка скривил свои большие серые губы.

Амдусциас кивнул и повернулся к Бэлу.

— А как бы ты хотел избавиться от этого смертного?

Бэл не ответил, однако начал подбираться поближе к Трейси. Тот попятился. Амдусциас раздраженно махнул рукой.

— Ну что ж, согласия между нами нет. А может, стоит забрать его в Ад и там отдать Астароту или Агалиарепту? Или просто оставить его здесь? Отсюда нет выхода, кроме как через Бэла.

Трейси попытался что-то сказать, но обнаружил, что у него пересохло в горле.

— Подождите, — прохрипел он. — Я... пожалуй, мне тоже есть что сказать по этому вопросу.

— Немного. А что?

— Я не хочу быть съеденным.

— Съеденным? Но ведь... — Амдусциас взглянул на обнаженные клыки Бельфагора и тихо рассмеялся. — Могу заверить, что мы не собираемся тебя есть. Демоны вообще не едят. У них нет метаболизма. Как бы я хотел, чтобы люди могли шире взглянуть на Вселенную. — Он пожал плечами.

— А я бы хотел, чтобы демоны не молотили попусту языками, — раздраженно заметил Трейси. — Если вы должны меня убить — делайте свое дело. Мне все это порядком надоело.

Амдусциас покачал головой.

— Мы никак не можем решить, каким образом тебя прикончить. Полагаю, мы просто оставим тебя здесь умирать с голоду. Все согласны? Бельфагор? Бэл?

Видимо, они были согласны, потому что оба исчезли. Амдусциас встал и потянулся.

— До свидания, — сказал он. — Не пытайся удрать — эта дверь заперта надежно. Тебе через нее нипочем не пройти. Прощай.

И он тоже исчез.

Трейси подождал немного, но ничего больше не происходило. Он взглянул на книгу — она по-прежнему информировала: страница 12.

«Он блефует». В чем? И кто?

Амдусциас?

Дверь?

Трейси проверил еще раз, но не смог даже шевельнуть ручку, она словно застыла. Сунув книгу в карман, он задумался. Что делать теперь?

Вокруг была полная тишина. Загадочные, наполовину расплавленные предметы не двигались. Трейси подошел к ближайшему и внимательно осмотрел, но каплеобразный объект не подсказывал никаких мыслей.

Горизонт.

Трейси казалось, что он оказался в саду Зазеркалья, и надо лишь зайти достаточно далеко, чтобы вновь оказаться в том месте, откуда вышел. Приложив ладонь козырьком ко лбу, он еще раз оглядел неземной пейзаж.

Ничего.

Ему грозила опасность, иначе книга не указывала бы номер страницы. Трейси еще раз заглянул на страницу 12. Кто-то блефовал. Вероятно, Амдусциас, но чего касался этот блеф?

Почему, задумался Трейси, демоны не убили его? Их тактика напоминала ему холодную войну. Они хотели его уничтожить, во всяком случае, Бельфагор и Бэл, в этом сомнений не было. И все-таки передумали.

Возможно, они просто не могли его убить и потому выбрали другой вариант, заперев его на этих... Задворках. Что там сказал на прощание Амдусциас? «Не пытайся удрать — эта дверь заперта надежно».

Может, Амдусциас блефовал?

Вдали замаячила сюрреалистическая дверь. Трейси поспешно подошел к ней и проверил еще раз. Ручка даже не дрогнула. Он вынул перочинный нож и попытался разобрать замок, но без толку. Ему удалось лишь сломать лезвие. Что-то блокировало весь механизм.

Трейси пнул дверь, но она была тверда как сталь. Однако, книга продолжала отсылать его к странице 12. А книга никогда не ошибалась.

Должен был существовать какой-то выход. Трейси стоял неподвижно, вглядываясь в дверь. Он вышел из ванной в этот чужой мир. Если бы только он сумел открыть эту дверь, то вернулся бы в ванную. Или...

— Черт возьми, — сказал он, обошел дверь и нажал ручку с другой стороны. Она легко подалась, и Трейси оказался в комнате, где Барни Донн, Тим Хаттон и двое прочих сидели за столом с картами в руках.

— Ты быстро управился, — кивнул Донн. — Хочешь проверить мои карты?

Трейси поспешно закрыл за собой дверь. Итак, книга не подвела. Видимо, каждая проблема имела две стороны, а демоны не ожидали, что он найдет логическое решение. То есть нелогическое.

Кроме того, его пребывание на Задворках измерялось явно не земным временем. Здесь его не было всего минуту или две. Во всяком случае, жетоны по-прежнему лежали на кону, а Донн улыбался, держа карты у груди.

— Ну, давай, — нетерпеливо сказал он. — Пошли дальше.

Трейси все еще сжимал в руке книгу. Убирая ее в карман, он мельком взглянул на обложку — страница 12 все еще была актуальна. Он глубоко вздохнул и сел напротив Донна. Надо было идти ва-банк. Он не сомневался, что Барни блефовал, так же как и Амдусциас.

— Понимаю, — сказал он. — Но тебе придется принять чек.

— Согласен, — кивнул Донн, но при виде суммы глаза его широко открылись. — Минуточку, Трейси. Эта игра на наличные. Я не против чеков при условии, что у тебя есть деньги на их покрытие.

— У меня есть деньги, — солгал Трейси. — Я на волне, Барни, разве ты не слышал?

— Гмм... будет очень неприятно, если ты не сможешь заплатить.

— Успокойся, — сказал Трейси и взял кучку голубых жетонов. Хаттон удивленно уставился на него — это были очень большие деньги.

Донн поднял ставку. Трейси тоже.

— Примешь вексель? — спросил Донн.

— Конечно.

Ставки росли, и наконец Трейси проверил, заставив Донна открыть карты. У репортера было два короля и три дамы, а у Донна флешь-рояль... почти. Он тянул до него, но не вытянул.

Это был блеф.

— Тебе везет в открытом, Барни, — заметил Трейси. — Но прикупной покер — моя игра.

— Люблю азарт, — усмехнулся Донн. — Дайте кто-ни-

будь ручку. — Он выписал чек. — У меня нет проблем с деньгами, так что иногда можно и заплатить. Иначе никто не захочет играть. Держи, Сэм.

— Спасибо.

Трейси взял чек и собрал свои векселя. Пожав Донну руку, он вывел ошеломленного Хаттона в коридор.

В холле фотограф опомнился.

— Эй! — воскликнул он. — Я совсем забыл о снимках.

— Подожди с этим. Я хочу успеть в банк до закрытия.

— Разумеется. Меня это не удивляет. На сколько ты надрал Донна?

— А-а... чепуха.

Трейси нахмурился. Сумма на чеке была пятизначная, но, черт побери, эти пять цифр — ничто для человека, владевшего волшебной книгой. Он потерял шанс, взяв слишком низко. А оставалось всего шесть возможностей.

А может, только пять? Эти две ситуации могли считаться отдельно. Если он израсходует все возможности, а Мег будет еще жива, его положению не позавидуешь. Следовало как-то избавиться от приживала. Но как?

Как втянуть Мег в такую ситуацию, чтобы книга подсказала, как от нее избавиться? Магический томик сообщал только, как он может защитить себя. Следовательно, нужна ситуация, в которой только смерть Мег сможет спасти ему жизнь.

— Вот именно, — буркнул Трейси, широко шагая в сторону банка. На полпути он изменил решение и остановил такси.

— Извини, Хаттон, — сказал он. — Я вспомнил кое-что важное. Увидимся позже.

— Понятно. — Фотограф стоял на тротуаре, глядя вслед удаляющемуся автомобилю. — Что за парень! Может, его и не волнуют деньги... не знаю. Хотел бы я наложить свои розовые лапки хотя бы на четверть этой суммы.

Трейси добрался до конторы своего биржевого агента и задал несколько вопросов. Ставки были высоки, и он собирался пойти на риск, больший, чем при игре в покер. Поругавшись со своим маклером, он поставил все деньги на «АГМ Консолидейтед».

— Мистер Трейси! «АГМ»? Да вы только взгляните! Четыре пункта только за время нашего разговора. Они даже дно оставили над собой.

— Покупайте. Все, что сможете. Резерв тоже.

— Резерв? Мистер Трейси... минуточку, а может, вы получили доступ к какой-то конфиденциальной информации?

— Покупайте.

— Но... вы только взгляните на таблицу!

— Меньше слов, больше дела.

— Пожалуйста. Это ваши похороны, вам и музыку заказывать.

— Вот именно, — довольно согласился Трейси. — Это мои похороны. Похоже через день-другой я буду совершенно чист.

— Утром мне придется просить у вас большой резерв.

Трейси вышел и некоторое время смотрел, как «АГМ» неумолимо падает. Он хорошо знал, что это едва ли не самые паршивые акции в мире, достигшие дна примерно через сутки после образования компании. Он сел в сани, мчавшиеся вниз, к нищете.

Вынув из кармана книгу, Трейси взглянул на обложку. На ней обозначился новый номер. Это означало кризис, который он сам и вызвал. Превосходно!

Страница 2 информировала: «Состояние в нефти лежит под твоими ногами». Трейси удивленно уставился вниз, на пушистый бордовый ковер. Нефть под Лос-Анджелесом? Здесь?

Невозможно. Может, в Кеттлман-Хиллз или где-нибудь в Сан-Педро, да и вообще где угодно, только не в центре Лос-Анджелеса. В этой земле не могло быть нефти. А если даже и есть, ему не под силу купить эту землю и пробурить скважину.

Однако книга уверяла: «Состояние в нефти лежит под твоими ногами».

Трейси неуверенно встал, кивнул маклеру и направился к лифту. Небольшая взятка позволила ему осмотреть подвалы, но и это нисколько не помогло. В ответ на осторожные расспросы курьер объяснил, что под зданием проходит тунель метро линии Хилл-стрит.

Трейси вернулся в холл и остановился, закусив губу. Он хорошо понимал, что его деньги с нарастающей скоростью расходуются на ничего не стоящие акции «АГМ Консолидейтед». Книга не могла ошибаться, она подсказывала решение любой проблемы.

Случайно Трейси взглянул на информационную таблицу здания. Контора его маклера значилась под номером 501.

«Под твоими ногами». О-о! Книга могла выражаться и в буквальном смысле. Что находилось в 401 номере?

Компания по производству фотопринадлежностей... Больше подходил номер 301: «Пан Аргиле Ойл Лимитед».

Трейси выдержал достаточно долго, чтобы проверить номера 201 и 101, а затем быстро вернулся в контору маклера.

— Мистер Трейси, — приветствовал его тот, — я покупаю. Лучше бы вам отказаться от этого, пока еще не поздно.

— Пусть будет по-вашему... и скажите, «Пан Аргиле Ойл» есть в таблице?

— Гмм... да. Желающих нет, предлагают трое. Но они так же слабы, как «АГМ». «Пан Аргиле» — это дешевая, дикая фирма...

— Неважно, — прервал его Трейси. — Продайте «АГМ» и купите столько «Пан Аргиле», сколько сможете. Используйте резерв.

Маклер развел руками и потянулся к телефону. Трейси взглянул на книгу — номер исчез. Это означало, что у него остались четыре возможности. Может быть, пять... максимум пять. Пусть даже четыре, чтобы перехитрить Мег и избавиться от нее раз и навсегда. Потом — если эта нефтяная сделка пройдет, как он ожидал — он сможет просто лежать кверху брюхом.

Подойдя к бару, он мысленно поднял тост за свое здоровье. Потом выпил за книгу. Полезная книжица. Если бы Наполеон имел такую, Ватерлоо никогда не состоялось бы — при условии, что он использовал бы ее разумно. Дело было в том, чтобы играть на крупные ставки.

Трейси усмехнулся. Следующим этапом будет Мег. А что касается безопасности... чего ему беспокоится? Имея достаточно денег, он сумеет обезопасить себя. Не меньше, чем кто-либо другой. Мощь книги была ограничена, это ясно: нельзя превратить человека в бога. Только боги счастливы вполне — если они бывают счастливы.

Состояния ему вполне хватит. Он уедет в Южную Америку, в Буэнос-Айрес, например, или в Рио. Путешествия сейчас дело непростое, но все равно, там ему будет хорошо, и не возникнет проблем, если всплывет какая-нибудь история с шантажом. Экстрадикция не так уж проста, если у тебя достаточно денег.

Какая-то тень мелькнула у него перед глазами. Он оглянулся и успел еще заметить исчезающий за дверью кошачий хвост. Глубоко вздохнув, Трейси улыбнулся — нервы.

Однако тут же почувствовал на бедре тепло книги.

Медленно он вынул ее из кармана.

Страница 44.

«Яд!»

Трейси задумчиво посмотрел на стоящее перед ним виски. Потом подозвал бармена.

— Слушаю, сэр.

— Был здесь только что какой-нибудь кот?

— Кот? Я не видел ни одного... нет, сэр.

Невысокий мужчина, сидевший рядом с Трейси, повернул голову.

— Я его видел. Он подошел и вскочил на стойку, а потом обнюхал ваше виски. Но не трогал. — Он захохотал. — Видимо, коты не любят виски.

— А какой это был кот? — спросил Трейси.

— Обычный. Большой. Кажется, с белыми лапами. А что?

— Ничего, — Трейси понюхал свою рюмку и почувствовал характерный запах горького миндаля — цианистый калий, страшный яд.

Из бара он вышел довольно бледный. Остались три возможности. А может, он все-таки просчитался. Однако исходных десять казались вполне достаточным количеством.

Мег не было и следа.

Трейси не хотелось возвращаться в редакцию, поэтому он просто позвонил, чтобы узнать, как идет «Пан Аргиле». Его нисколько не удивило известие, что открыты новые поля где-то в Техасе. Очень богатые. Он вышел на рынок перед самым приходом этой информации.

Трейси позвонил маклеру — новости были вполне удовлетворительные. Он уже сейчас был богат.

— Это может скоро кончиться, — предупредил маклер.

— Может, прекратить?

— Не кончится, — убежденно заверил его Трейси. — Покупайте дальше, если акции еще есть.

— Уже нет. Но у вас без малого контрольный пакет.

— Хорошо. — Трейси повесил трубку и задумался. Теперь следовало действовать быстро.

Три возможности.

Он слегка утешился, купив новую машину у знакомого, который в последнее время здорово нуждался в деньгах. Сейчас Трейси ехал в большом седане вдоль Уилшир-бульвар и щурился от ослепительных лучей заходящего солнца. Теперь следовало найти Мег и придумать, как оказаться в опасной ситуации, такой, чтобы только смерть приживала могла его спасти.

И вдруг он придумал.

Он потратит на это две возможности, но все равно останется еще одна — на всякий случай. Зато он навсегда избавится от Мег.

Трейси развернулся на Ла Бреа и поехал в сторону Лаурел-Кэньона. Ему нужно было увидеться с приживалом. Каждая секунда была на счету. Сейчас он не мог лишиться ни одной страницы.

Трейси язвительно улыбнулся и повернул на Сансет-бульвар, а потом на Лаурел-Кэньон Роуд. Он ехал осторожно, надеясь, что тело чародея еще не обнаружено и что в его доме он встретится с Мег. Шанс был невелик, но ничего лучше он не придумал.

Удача сопутствовала ему — дом стоял темный и тихий. От жестяного почтового ящика, стоящего у края дороги, отклеивались буквы. Сильный порыв ветра сорвал одну из них и унес во мрак.

Трейси машинально поискал взглядом кошку, но ее нигде не было видно. Оставив седан на подъездной дороге за домом, он вернулся и поднялся на крыльцо. Сердце его стучало сильнее, чем обычно.

Дверь была закрыта, но не заперта. Нажав ручку, Трейси вошел.

Комната слегка изменилась. На полу была начерчена пентаграмма, рядом лежали остатки нескольких керосиновых ламп. Ковер пропитался керосином, и Трейси чувствовал его резкий запах. Тело Гвинна неподвижно сидело за столом.

— Мег! — тихо позвал Трейси.

Кошка вынырнула из темноты, ее зеленые глаза сверкали.

— Что?

— Я хотел бы... хотел бы с тобой поговорить.

Мег села и махнула хвостом.

— Говори. Насколько я знаю, ты использовал уже семь страниц книги.

— Значит, Барни Донн и демоны считаются отдельно?

— Да. У тебя остались три страницы.

Трейси стоял неподвижно, ощущая присутствие трупа Гвинна.

— Ты могла бы рискнуть? — спросил он.

— Возможно. А в чем дело?

— Я хочу сыграть с тобой. Ставкой будет моя жизнь. Если я выиграю, ты... оставишь меня в покое. Если проиграю — уничтожу книгу.

Мег махнула хвостом.

— Я не настолько глупа. Если мы сыграем, и ты окажешься в опасности, книга тебе поможет.

— Я не воспользуюсь ею, — заявил Трейси чуть дрожащим голосом. — Предлагаю тебе следующее: мы будем угадывать масть карты. Если я проиграю, то... уничтожу книгу. У меня только одно условие.

— Какое?

— Я хочу получить двенадцать часов, чтобы уладить свои дела. Через двенадцать часов, считая с этого момента, я брошу книгу в огонь и буду ждать тебя в своей квартире.

Мег смотрела на него.

— И не воспользуешься книгой, чтобы выиграть?

— Нет.

— Согласна, — заявила кошка. — Карты вон на той полке, — она махнула белой лапой.

Трейси взял колоду и профессионально перетасовал ее. Потом разложил карты на ковре и выжидательно посмотрел на Мег.

— Ты первая? Или тянуть мне?

— Тяни, — промурлыкала кошка.

Трейси выбрал карту, но не переворачивал ее, а положил рубашкой вверх на пропитанный керосином ковер.

— Выбираю...

Он почувствовал тепло на бедре и машинально вынул книгу. На обложке, в белом сверкающем овале чернели две цифры: 33.

— Не открывай, — предупредила Мег. — Или я не играю.

В ответ Трейси положил закрытую книгу рядом с собой.

— Черви и пики, — прошептал он дрожащим голосом.

— Хорошо. — Кошка ловко перевернула карту лапой. Это был валет треф.

Цифры на обложке внезапно исчезли.

— Итак, двенадцать часов, Трейси, — кошка высунула розовый язычок. — Жди меня.

— Да... — Трейси взглянул на лежавшую рядом с ним книгу. — Двенадцать часов, — тихо повторил он. — Потом я ее уничтожу, а ты... убьешь меня.

— Да, — подтвердила кошка.

В белом овале появилась новая цифра: 9.

— Пойду, — сказал Трейси, поднял книгу и как бы ненароком перелистал страницы.

Страница 9 советовала: «Разожги огонь».

Трейси вынул сигарету и закурил. Горящую спичку он бросил на пропитанный керосином ковер. И...

Огонь вспыхнул, отразившись пурпуром и зеленью в глазах Мег, которая с шипением отскочила. Кошачья часть ее разума взяла верх, она прыгнула на стол, плюясь и рыча, выгибая спину и вытягивая хвост.

Трейси подбежал к двери. Пожар набирал силу. Сунув

книгу в карман, он бросил сигарету в темный угол комнаты. Красная искра вспыхнула пламенем.

— Тебе это нравится, Мег? — спросил он сквозь треск и рев огня. — Думаю, не очень. Потому что это единственное, что может спасти мне жизнь... и к тому же означает твою смерть.

Кошка перескочила через плечо Гвинна и взглянула на Трейси. Ее шипение стало понятным.

— Не смерть! Но ты выиграл, Трейси. Мое пребывание на Земле кончится, когда сгорит тело Гвинна. Я его не переживу.

— Я помню. Однажды ты уже говорила об этом, но я не догадался. Извини, Мег.

— Мои чары слабеют, иначе ты уже был бы трупом. Да, ты выиграл. Увидимся в Аду.

— Ну, я не тороплюсь, — усмехнулся Трейси и открыл дверь. Сквозняк подтолкнул пламя в его сторону, и он быстро отпрянул. — У меня есть еще одна страница книги, и она сохранит мне жизнь. Особенно теперь, когда деньги почти у меня в кармане. Это вопрос логики, Мег. Любое человеческое действие можно свести к уравнению, — он снова отскочил. — Дело только в том, чтобы научиться пользоваться этой книгой. Если бы такая была у Наполеона, он завоевал бы весь мир.

Пламя уже подбиралось к кошке, однако она не двигалась с места.

— У Наполеона такая была, — фыркнула она.

А затем пламя заставило Трейси выйти. Тихо смеясь, он сбежал по ступеням и направился к своей машине. Он победил — обманул и Мег, и книгу, сознательно поставив себя в ситуацию, в которой только смерть приживала могла спасти ему жизнь. И в его распоряжении все еще оставалась одна страница.

Окно треснуло и вывалилось. Пламя вырвалось через отверстие, и сухие кусты вспыхнули мгновенно. Трейси остановился в десяти футах от машины, потом повернул, поняв, что этот путь бегства отрезан.

Это не имело значения, он был непобедим, пока у него оставалась еще одна страница. Трейси бросился к дороге, холодный ветер холодил его вспотевшее лицо.

Около мили отделяло его от Лаурел-Кэньон, где можно остановить какую-нибудь машину. Дорога вела вниз, а он был в хорошей форме. Он выберется сам, несмотря на усиливающийся ветер. В худшем случае его спасет книга.

Он бежал по дороге, но минут через десять заметил огненную дорожку, бегущую по рву поперек его пути.

Трейси свернул на первой же развилке и попал в каньон. Солнце уже зашло, но холмы превратились в конусы пурпурного сияния. Где-то вдали завыла сирена.

Трейси бежал дальше. Один раз он вынул из кармана книгу, но в овале не было никаких цифр. Никакая серьезная опасность пока ему не угрожала.

И вдруг Трейси испугался: а может, он каким-то образом уже использовал все десять возможностей? Нет, это невозможно. Он считал точно. Когда что-то будет угрожать его жизни, книга среагирует.

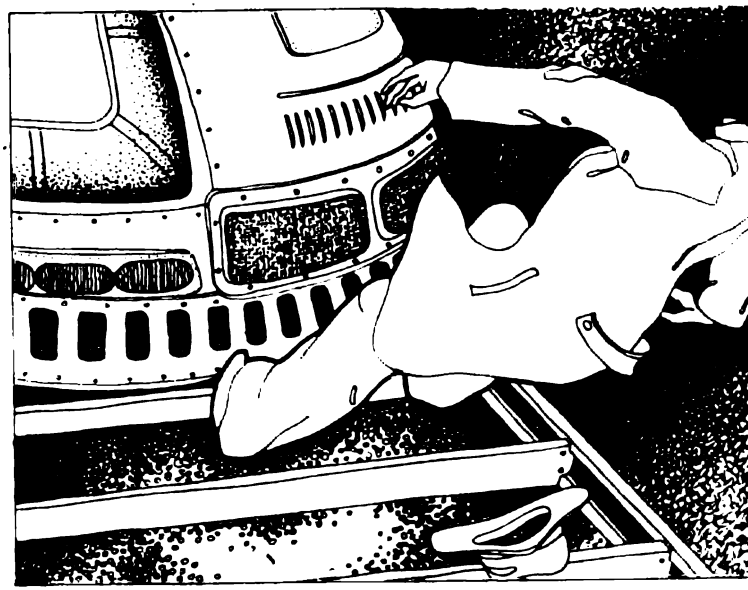
Нарастающая ярость огня гнала его по каньону до тех пор, пока пламя не показалось впереди. Он явно оказался в ловушке. С трудом переводя дыхание, он вновь выдернул книгу из кармана и облегченно вздохнул: десятая возможность была перед ним, обещая спасение. Страница 50.

Трейси открыл книгу. В кровавом свете пожара прочесть написанное не составило труда. Текст был очень краток и краткость его таила в себе нечеловеческое ехидство. В одно мгновение Трейси понял, как обстояли дела с Наполеоном, и догадался, что увидел Гвинн перед смертью. Понял он и то, каким образом неизвестному автору удалось свести все человеческие кризисы к пятидесяти уравнениям. Сорок девять из них касались сорока девяти возможностей и давали логические решения. Пятидесятый же охватывал все остальное и был не менее логичен.

Буквы на красной от пламени пятидесятой странице сообщали:

КОНЕЦ

ЧТО ВАМ НУЖНО

ОНЖУН МАВ ОТЧ

сообщала надпись на стекле. Тим Кармайкл, репортер журнала, специализирующегося на экономике, и подрабатывающий сенсационными и скандальными статейками для бульварных газет, не видел в этом перевернутом тексте никакого смысла. Он решил, что это просто дешевый рекламный трюк — редкий случай на Парк-авеню, где надписи в витринах подчеркивали великолепие магазинов.

Бормоча что-то под нос, он пошел дальше, но вдруг повернул и зашагал обратно. У него не хватало воли побороть врожденное любопытство. Остановившись перед витриной, он посмотрел вверх и произнес вполголоса:

— У нас есть то, что вам нужно. Вот так-то!

Текст был написан небольшими прописными буквами на черной полосе, пересекающей узкую стеклянную плоскость. Под ней находилось панорамное витринное окно из абсолютно прозрачного стекла, а сквозь него видны были несколько предметов, старательно разложенных на белом бархате: ржавый гвоздь, снегоступ и бриллиантовая диадема.

Впечатление было такое, словно Сальвадор Дали спроектировал декорацию для Картье или Тиффани.

— Бижутерия? — тихо спросил он сам себя. — Но почему «Что вам нужно»?

Кармайкл живо представил себе миллионеров, впавших в отчаяние без колье из тщательно подобранных друг к другу жемчужин, или наследниц крупных состояний, жалобно рыдающих от желания получить несколько новых изумрудов. Торговля предметами роскоши основывалась на утонченной игре спроса и предложения в самых верхах общества. Лишь немногие действительно нуждались в алмазах, остальные просто желали их и могли за них заплатить.

— Может, они продают бутылки с джиннами, — предположил Кармайкл. — Или волшебные палочки? Тот же номер, что с кроликом и шляпой. Напиши на стекле что-нибудь завлекательное, пусть зеваки платят свои десятицентовики и рвутся внутрь. За два цента...

В то утро у него была изжога, его мутило от всего мира. Перспектива раскрыть обман была довольно привлекательной, а его удостоверение журналиста давало некоторые возможности. Распахнув дверь, он вошел в магазин.

Все-таки это была Парк-авеню. Никаких тебе шкафов или прилавков; с тем же успехом это могла быть галерея искусств. На стенах висело несколько картин, и Кармайкл поразился комбинации ошеломляющей роскоши с холодом нежилого помещения.

Из-за портьеры в дальней части помещения вышел очень высокий мужчина со здоровым румяным лицом, голубыми глазами и старательно причесанными седыми волосами. Его дорогой, хоть и слегка запущенный твидовый костюм удивительно не подходил к обстановке.

— Добрый день, — сказал он, окидывая быстрым взглядом одежду гостя. Похоже, результат осмотра удивил его. — Могу я вам чем-то помочь?

— Возможно. — Кармайкл представился и показал удостоверение.

— О... Меня зовут Телли. Питер Телли.

— Я видел вашу вывеску.

— Да?

— Наш журнал постоянно ищет новых рекламодателей. Я никогда прежде не видел вашего магазина.

— Он стоит на этом месте много лет, — сообщил Телли.

— Это галерея?

— Э... пожалуй, нет.

Дверь открылась, вошел румяный толстяк и сердечно

поздоровался с хозяином. Кармайкл узнал его, и магазин значительно поднялся в его глазах. Этот толстяк был большой шишкой.

— Извините, что так рано, мистер Телли, — сказал клиент, — но я не хотел опаздывать. У вас было время найти для меня... то, что мне нужно?

— Разумеется. Эта вещь у меня. Минуточку. — Телли торопливо вышел и вскоре вернулся с небольшим пакетом, который подал мужчине. Тот вручил ему чек и вышел. Кармайкл успел заметить сумму и нервно сглотнул слюну. Машина толстяка стояла перед магазином.

Репортер подошел к двери, откуда мог все видеть. Румяный мужчина был нетерпелив. Его шофер с каменным лицом ждал, пока хозяин дрожащими пальцами вскроет пакет.

— Не уверен, что нуждаюсь в рекламе, мистер Кармайкл, — сказал за спиной Телли. — У меня тщательно подобранная клиентура.

— Может, вас заинтересуют наши еженедельные экономические бюллетени?

Телли с трудом удержался от смеха.

— Нет, не думаю. Поверьте, я далек от всего этого.

Тем временем румяный мужчина развернул пакет и вынул из него яйцо. Насколько Кармайкл мог заметить со своего места у двери, это было совершенно обычное яйцо. Однако владелец отнесся к нему необычайно уважительно. Пожалуй, его восхищение не могло быть больше, если бы последняя на Земле курица сдохла десять лет назад. Лицо его выражало огромное облегчение. Он что-то сказал шоферу, и машина мягко тронулась с места.

— Ваш бизнес — продукты? — неожиданно спросил Кармайкл.

— Нет.

— А можете вы сказать, что именно?

— Боюсь, что нет, — ответил Телли.

Репортерский нюх Кармайкла учуял что-то интересное.

— Разумеется, я мог бы выяснить и сам через Бюро Содействия Бизнесу...

— Сомневаюсь.

— В самом деле? Их наверняка заинтересовало бы, что для одного из ваших клиентов яйцо обошлось в пять тысяч долларов.

— Моя клиентура настолько немногочисленна, что высокие цены просто неизбежны, — объяснил Телли. — Возможно, вы слышали о некоем мандарине, который платил сказочные деньги за яйца с доказанной древностью.

— Этот тип не мандарин, — заметил Кармайкл.

— Действительно. Одним словом, как я уже говорил, мне не нужна реклама...

— Я в этом не уверен. Одно время я работал в рекламе и скажу, что ваша вывеска наоборот — классическая приманка.

— Видно, что вы не психолог, — ответил Телли. — Я просто осуществил свою мечту. Пять лет я ежедневно смотрел на стекло и читал эту надпись задом-наперед — изнутри магазина. Это приводило меня в бешенство. Знаете, слово становится странным, если разглядывать его долгое время. Любое слово. Оно перестает принадлежать к людскому языку. Из-за этой надписи у меня даже начался невроз. Если читать надпись наизнанку, она не имеет никакого смысла, но я все время пытался его найти. Когда я начал говорить: «Онжун мав отч, от ьтсе сан у» и искать в этом философский смысл, то вызвал художника. Люди все равно приходят, если их это заинтересует.

— Но не очень много, — сказал Кармайкл. — Здесь Парк-авеню, и вы разместились на слишком дорогом месте. Никто с низкими или средними доходами сюда не придет. Значит, вы работаете для богатых.

— Ну-у... — протянул Телли. — Вы, пожалуй, правы.

— И вы не скажете, в чем тут дело?

— Пожалуй, нет.

— Но вы же понимаете, что я могу докопаться. Это могут быть наркотики, порнография, скупка краденого в особо крупных размерах...

— Очень правдоподобно, — вежливо согласился Телли. — Я скупаю краденую бижутерию, запихиваю ее в яйца и продаю. А может быть, яйцо набито микроскопическими французскими открытками. До свидания, мистер Кармайкл.

— До свидания, — ответил тот и вышел. Ему уже давно следовало быть в редакции, но эта загадка слишком сильно дразнила его. Какое-то время он изображал детектива и наблюдал за магазином, добившись неплохих результатов — в каком-то смысле. Он узнал почти все, за одним исключением — к чему все это?

Вечером он вновь вошел в магазин.

— Минуточку, — сказал Кармайкл, заметив недовольство на лице хозяина магазина. — Что бы вы ни думали, но ведь я тоже могу быть клиентом.

Телли рассмеялся.

— А почему бы и нет? — Кармайкл поджал губы. — Вы

же не знаете, сколько у меня на счету. Или вы обслуживаете только избранных клиентов?

— Нет. Но...

— Я понаблюдал, — быстро сказал репортер, — и видел этих людей. Честно говоря, я даже следил за ними, и знаю, что они у вас покупают.

— Правда? — Телли изменился в лице.

— Правда. Все они очень спешат развернуть свои покупки, и это облегчило мне задачу. Несколько покупок я проглядел, но видел достаточно, чтобы можно было применить логику. Прежде всего: ваши клиенты не знают, что покупают. Это как лотерея. Несколько раз они бывали здорово удивлены. Какой-то парень вскрыл пакет и нашел пачку вырезок из старых газет. А что вы скажете о темных очках? Или револьвере, наверняка нелегальном и уж точно без разрешения? Или алмазе... явно искусственном, потому что он был слишком большой.

— Гмм... — загадочно буркнул Телли.

— Я не полный кретин и чувствую, когда что-то не так. Большинство этих людей — большие шишки в том или ином смысле. Почему ни один из них не заплатил вам наличными, как сделал тот первый, что приходил утром, когда я был здесь?

— Вообще-то я продаю в кредит, — объяснил Телли. — У меня свои принципы. Я должен поступать так, чтобы иметь спокойную совесть, ведь на мне лежит большая ответственность. Видите ли, я продаю эти вещи с некоторого рода... гарантией. Мне платят, когда предмет докажет свою необходимость.

— Ага. Яйцо. Темные очки. Асбестовые рукавицы — кажется, это были они? Вырезки из газет. Револьвер. И алмаз. Как вы это придумываете?

Телли молчал.

— У вас есть посыльный. Вы отправляете его, и он возвращается с покупками. Возможно, он идет в продовольственный на Медисон-авеню и покупает яйцо, а может, в ломбард на Шестую за револьвером. Или... ну что ж, я говорил вам, что рано или поздно сам узнаю, чем вы торгуете.

— И вам удалось? — вежливо спросил Кармайкл.

— «У нас есть то, что вам нужно», — ответил Кармайкл. — Но *откуда* вы знаете?

— Я вижу, вы близки к окончательным выводам.

— Я не верю в магию. Мне известно много странных магазинчиков, продающих необычные предметы. Я знаю о них, потому что писал о таком. Идет человек по улице и

вдруг видит странный ларек, но хозяин не обслужит его, потому что торгует только с гномами... Или только ему продаст чудесный амулет с особыми свойствами. Так или иначе — все это чепуха!

— Гмм... — сказал Телли.

— Можете хмыкать сколько угодно, но от логики вам не уйти. Или все это какое-то надувательство, или это один из этих смешных магических магазинчиков. А в них я не верю, потому что это нелогично.

— Почему?

— По экономическим причинам, — объяснил Кармайкл. — Предположим на секунду, что вы владеете какими-то таинственными силами — скажем, можете создавать устройства для телепатии. Пусть так, но зачем, черт возьми, вам открывать магазин? Чтобы продавать эти устройства и зарабатывать деньги? Чтобы жить этим? Да вы бы просто включили эту штуку, прочли мысли какого-нибудь маклера и купили нужные акции. В этом и заключается внутреннее противоречие таких предприятий — если ты чем-то владеешь и можешь открыть подобный магазин, то он оказывается вовсе не нужен. Зачем играть в Робин Гуда?

Телли не ответил. Кармайкл криво усмехнулся.

— «Я всегда думаю, что покупают торговцы вином, и что хотя бы наполовину так ценно, как то, чем они торгуют», — процитировал он. — В этом весь вопрос — что *вы* покупаете? Что вы продаете, я знаю — яйца и темные очки.

— Вы бестактный человек, мистер Кармайкл, — тихо сказал Телли. — Вам не приходило в голову, что это попросту не ваше дело?

— Я тоже могу быть клиентом, — повторил Кармайкл. — Что вы на это скажете?

Холодные голубые глаза Телли задумчиво смотрели на него. Потом в них появился какой-то блеск.

— Об этом я не подумал, — признал он. — Можете... При определенных обстоятельствах. Извините, я на минуту.

— Пожалуйста, — согласился Кармайкл, и Телли исчез за портьерой.

Снаружи машины лениво двигались вдоль Парк-авеню. Солнце уже спряталось где-то за Гудзоном, и улица погрузилась в голубую тень, незаметно поглотившую громады небоскребов. Кармайкл взглянул на вывеску — У НАС ЕСТЬ ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО — и усмехнулся.

В комнате за портьерой Телли прильнул глазом к окуляру и покрутил верньер. Потом еще несколько раз. Затем,

кусая губу, вызвал посыльного, сказал ему пару слов и вернулся к Кармайклу.

— Вы мой клиент, — сказал он. — Но есть одно условие.

— Вас интересует состояние моего счета?

— Нет. Я сделаю вам скидку. Однако прошу понять одно. У меня действительно есть то, что вам нужно. Вы не знаете, что это, но я знаю, и, поскольку это так, я продам его вам за... скажем, пять долларов...

Кармайкл полез за бумажником, но Телли остановил его.

— Заплатите, когда будете удовлетворены. Впрочем, деньги — лишь номинальная часть стоимости. Есть и еще кое-что. Если вы будете удовлетворены, я бы хотел, чтобы вы обещали никогда больше не появляться возле моего магазина и никому не говорить о нем.

— Понимаю, — медленно произнес Кармайкл. Его теории слегка изменились.

— Ждать придется недолго... о, уже готово. — Звонок возвестил возвращение посыльного. — Минуточку, — бросил Телли и исчез за портьерой. Через минуту он вернулся со старательно упакованным свертком, и сунул его в руку репортеру.

— Всегда носите это при себе, — сказал он. — А теперь прощайте.

Кармайкл кивнул, спрятал сверток в карман и вышел. Он чувствовал себя богатым, поэтому остановил такси и поехал в знакомый бар. Там, в слабо освещенной телефонной будке он вытащил сверток.

Взятка, решил он. Телли платил ему за молчание о его махинациях, в чем бы они ни заключались. Это было понятно — живи и давай жить другим. Интересно, сколько там...

Десять тысяч? Пятьдесят? Насколько прибылен его рэкет? Он открыл прямоугольную картонную коробочку. В ней лежали ножницы; картонные ножны защищали лезвия.

Кармайкл тихо пробормотал что-то. Выпив свой коктейль, не чувствуя вкуса, он заказал еще один. Взглянув на часы, он решил, что магазин на Парк-авеню уже закрыт и мистер Питер Телли ушел.

— «...хотя бы наполовину так ценно, как то, чем они торгуют», — сказал он. — А может, это ножницы парки? Ну-ка...

Он снял картонку и несколько раз щелкнул ножницами в воздухе. Ничего не произошло.

Щеки его слегка порозовели, когда он прятал ножницы

в карман. Вот это номер! Завтра же нужно будет позвонить Питеру Телли.

А до тех пор? Кармайкл вспомнил, что договорился поужинать с одной девушкой из редакции, поэтому торопливо расплатился и вышел. Стемнело, и холодный северный ветер дул со стороны Парк-авеню. Кармайкл поплотнее закутал шарфом шею и помахал рукой, подзывая такси. Он был изрядно раздосадован.

Полчаса спустя худой мужчина с печальными глазами — Джерри Уорт, переписывающий тексты перед тем, как отправить их в типографию — подошел к нему у стойки бара, где Кармайкл коротал время.

— Ждешь Бетси? — спросил он, кивнув бармену. — Она прислала меня, сказать, что не сможет прийти. Масса работы, нужно сдавать номер. В общем, извини и тому подобное. А где ты был весь день? У меня было к тебе несколько дел. Давай сперва выпьем.

Они заказали пшеничной. Кармайкл был уже слегка на взводе, щеки его разрумянились.

— «Что вам нужно», — бормотал он. — Маленький, незаметный...

— Ты о чем? — спросил Уорт.

— Ничего. Выпьем. Я решил подложить одному парню свинью. Если сумею, конечно.

— Себе ты ее уже почти подложил. Этот анализ рудных разработок...

— Яйца! Очки!

— Я вытащил тебя из этого...

— Заткнись, — сказал Кармайкл и заказал очередную порцию. Его трясло от ярости каждый раз, как он вспоминал о ножницах.

— Я не прочь делать людям добро, но люблю об этом рассказывать, — с нажимом произнес Уорт после пятой рюмки. — А ты мне не даешь. Мне нужно только чуточку благодарности...

— Давай, рассказывай, — согласился Кармайкл. — Выброс это из себя. Кто тебе мешает?

— Эти руды, — довольно начал Уорт. — Вот в чем дело. Тебя не было в редакции, но я все сделал сам. Я проверил по нашей картотеке, и все о «Транс-Стил» оказалось шиворот-навыворот. Если бы я не поправил, это было бы уже в типографии.

— Что?

— «Транс-Стил». Они...

— Идиот! — рявкнул Кармайкл. — Я прекрасно знаю,

что это не совпадало с нашими данными, и даже хотел оставить записку, чтобы их исправили. У меня информация из самой фирмы. Какого черта ты суешь нос в чужие дела?

Уорт нервно заморгал.

— Я хотел помочь...

— Я работал, как зверь, чтобы все раскопать, и мог получить за это прибавку к жалованью. Слушай, материал уже пошел?

— Не знаю. Может, и нет. Когда я уходил, Крофт еще проверял гранки.

— О'кей, — бросил Кармайкл. Он схватил шарф, спрыгнул со стула и направился к двери, а оправдывающийся Уорт пошел за ним следом, наступая на пятки. Через десять минут они были в редакции и слушали вежливые объяснения Крофта, что рукопись уже отправлена в типографию.

— Это так важно? Что там, собственно, было? И кстати, где ты был весь день?

— Танцевал на радуге, — буркнул Кармайкл и вышел. В баре он мешал виски и пшеничную, поэтому холодный ночной воздух не отрезвил его. Слегка покачиваясь, он стоял на тротуаре, разглядывая шатающиеся здания.

— Извини, Тим, — сказал Уорт. — Теперь уже слишком поздно. Да и ничего не случится, ты же имел право опираться на редакционные данные.

— И не пытайся меня удерживать, — ответил Кармайкл. — Чертов дурень!

Он был зол и пьян. Взмахнув рукой, он остановил очередное такси и поехал в типографию. Сконфуженный Джерри Уорт увязался за ним.

Ритмичный грохот наполнял здание. От быстрой езды в такси Кармайкла слегка поташнивало, голова болела, растворенный в крови алкоголь кружил по жилам. Душный горячий воздух не приносил облегчения. Вокруг стояли огромные линотипы, двигались люди, похожие на призраков. Зрелище напоминало ночной кошмар. Кармайкл топтался на одном месте, когда вдруг что-то дернуло его сзади и потащило.

Уорт крикнул, на лице его отразился ужас, он лихорадочно замахал руками. Это тоже было частью кошмара. Кармайкл понял, что случилось. Какие-то движущиеся части машины подцепили концы его шарфа и теперь неумолимо тащили его к огромным шестерням. Грохот и вой оглушали. Кармайкл дернул шарф.

— ...нож! Обрежьте его! — верещал Уорт.

Кармайкла спасло особое состояние души, вызванное ал-

7751

коголем. Трезвый он не смог бы даже шевельнуться от ужаса. Ему было довольно трудно собраться с мыслями, но зато когда он это сделал, выход нашелся почти сразу. Вспомнив о ножницах, он сунул руку в карман и быстрым, хотя и не совсем уверенным движением, перерезал шарф.

Белый шелк исчез в машине. Кармайкл коснулся неровно обрезанной ткани и неуверенно улыбнулся.

Питер Телли надеялся, что Кармайкл больше не появится. Линии вероятности показывали два возможных варианта: в одном все шло хорошо, зато в другом...

Кармайкл вошел в магазин на следующее утро и протянул пятидолларовый банкнот. Телли принял его.

— Спасибо, но вы могли прислать и чек.

— Мог бы. Правда тогда я ничего не узнал бы.

— Вы правы, — вздохнул Телли. — Вы уже решили, не так ли?

— Вас это удивляет? — спросил Кармайкл. — Прошлой ночью... вы знаете, что произошло?

— Да.

— Откуда?

— Пожалуй, я могу вам это сказать. Вы и сами все узнаете. Мне это ясно наверняка.

Кармайкл сел, закурил и кивнул.

— Простая логика. Вы никоим образом не могли подстроить это небольшое происшествие. Бетси Хоуг решила не ходить на свидание еще вчера утром, до того, как мы познакомились, и это явилось началом цепи событий. Следовательно, вы должны были наперед знать, что произойдет.

— Я и знал.

— Ясновидение?

— Если хотите. Я увидел, что вы будете раздавлены машиной...

— Это предполагает изменение будущего.

— Наверняка, — сказал Телли, пожимая плечами. — Будущее возможно в бесконечном количестве вариантов. Различные линии вероятности. Все зависит от критических точек. Так уж сложилось, что я разбираюсь в электронике и несколько лет назад, совершенно случайно, открыл принцип видения будущего.

— Как вы это делаете?

— Главное здесь — индивидуальная фокусировка на клиенте. С момента, как вы сюда вошли, — он махнул рукой, — вы находились в пределах действия моего сканера.

Сама машина размещена сзади. Вращая градуированную ручку, я проверяю возможные варианты будущего. Порой их много, иногда лишь несколько, словно некоторые станции не работают. Я смотрю на экран, вижу, что вам нужно... и доставляю это.

Кармайкл выпустил дым через нос и, прищурив глаза, разглядывал вьющиеся голубые полосы.

— Вы просматриваете всю жизнь человека — трижды, четырежды или сколько там нужно раз?

— Нет, — возразил Телли. — Моя машина настроена так, что изучает лишь критические кривые. Когда они появляются, я их прослеживаю и проверяю, что нужно для безопасности или счастливого спасения.

— Темные очки, яйцо, рукавицы...

— Мистер... скажем, Смит — один из постоянных моих клиентов. Каждый раз, когда он с моей помощью счастливо переживает кризис, он является за новыми указаниями. Тогда я определяю время и сущность очередного кризиса и снабжаю Смита тем, что ему нужно, чтобы уцелеть. Сейчас я дал ему асбестовые рукавицы. Примерно через месяц он окажется в ситуации, когда будет вынужден — в определенных обстоятельствах — коснуться раскаленного докрасна металлического прута. Он художник, поэтому его руки...

— Понимаю. Значит, не всегда речь идет о спасении жизни.

— Разумеется, нет. Жизнь не единственный важный фактор. Относительно небольшой кризис может привести, например, к разводу, неврозу, неверному решению и гибели сотен людей. Я обеспечиваю здоровую и счастливую жизнь.

— Я вижу, вы альтруист. Но почему вы ограничиваете свою клиентуру?

— У меня нет ни времени, ни достаточного оборудования.

— Можно построить больше машин.

— Ну что ж... — сказал Телли. — Большинство моих клиентов — люди богатые. Мне есть с чего жить.

— Если бы вас интересовали деньги, вы могли бы, например, прочесть будущие биржевые сводки, — заметил Кармайкл. — Мы возвращаемся к прежнему вопросу: если некто обладает чудесной мощью, почему он удовлетворяется содержанием какого-то магазинчика?

— По экономическим причинам. Я... не люблю играть на бирже.

— Это была бы не игра, — уточнил Кармайкл. — «Я

всегда думаю, что покупают торговцы вином...» Вот именно: что *вы* с этого имеете?

— Удовлетворение, — ответил Телли. — Можно определить это так.

Но Кармайкла это не удовлетворило. Он уже обдумывал новые возможности.

— А что будет со мной? В моей жизни вновь произойдет кризис?

— Наверняка. Хотя не обязательно связанный с угрозой для жизни.

— В таком случае я ваш постоянный клиент.

— Но я не...

— Послушайте, я не собираюсь использовать вас. Я буду платить, причем много. Я не богач, но прекрасно знаю цену таким вот услугам. Никаких проблем не будет...

— Это невозможно.

— Да бросьте вы! Я не угрожаю вам рекламой, если вы ее боитесь. Я обычный человек, а не какой-то там демон зла из мелодрамы. Неужели я выгляжу так страшно? Чего вы боитесь?

— Вы обычный человек, — согласился Телли. — Вот только...

— Я не буду вас беспокоить, — не сдавался Кармайкл. — С вашей помощью я счастливо пережил один кризис. Через какое-то время наступит очередной — так дайте же мне то, в чем я буду нуждаться. Я заплачу, сколько вы скажете, как-нибудь раздобуду деньги. Займу, если не будет другого выхода. Я не причиню вам никаких неприятностей. Я хочу только, миновав очередной кризис, прийти сюда и получить средство против следующего. Что в этом плохого?

— Ничего, — спокойно ответил Телли.

— Вот именно. Я обычный человек, у меня есть девушка — Бетси Хоуг. Я хочу жениться, поселиться где-нибудь в деревне, воспитывать детей и чувствовать себя в безопасности. В этом нет ничего плохого.

— Было слишком поздно, уже когда вы вошли сюда сегодня, — сказал Телли.

Кармайкл поднял голову.

— Почему? — резко спросил он.

Где-то внутри прозвенел звонок. Телли исчез за портьерой, но почти сразу же вернулся и вручил Кармайклу сверток. Тот улыбнулся.

— Спасибо. Большое спасибо. Когда это произойдет?

— В течение недели.

— С вашего позволения...

Кармайкл развернул пакет и вынул из него пару туфель на гладких пластиковых подошвах. Он удивленно посмотрел на Телли.

— Мне понадобятся туфли?

— Да.

— Полагаю... — Он заколебался. — Думаю, вы не скажете, почему.

— Нет. Однако носите их, куда бы ни пошли.

— Можете быть спокойны. Я пришлю вам чек. Мне может понадобиться несколько дней, чтобы добыть деньги, но я заплачу наверняка. Сколько?

— Пятьсот долларов.

— Я пришлю чек еще сегодня.

— Я предпочитаю не принимать плату, пока клиент не будет удовлетворен, — напомнил Телли. Теперь он был сдержан, голубые глаза смотрели холодно.

— Хорошо, — согласился Кармайкл. — Пойду отпраздную. А вы... пьете?

— Я не могу оставить магазин.

— Ну что ж, в таком случае, до свидания. И еще раз спасибо. Со мной не будет никаких неприятностей, обещаю. — Он повернулся и вышел.

Телли смотрел ему вслед, печально улыбаясь. Он не попрощался с Кармайклом. Пока нет.

Когда дверь закрылась, Телли повернулся и вошел в комнату, где стоял сканер.

Многое может измениться за десять лет. Человек, имеющий под рукой необыкновенную мощь, может воспользоваться ею, забыв все моральные нормы.

Кармайкл изменялся постепенно. Почти десять лет продолжался пересмотр его моральных ценностей. В день, когда он вошел в магазин Телли, в его душе почти не было зла, однако с каждой неделей, с каждым визитом жажда его становилась все сильнее. По причинам, известным только ему, Телли предпочитал сидеть, ожидая клиентов, под прикрытием тривиальных заданий, скрывая невообразимые возможности машины. Но Кармайкла это не удовлетворяло.

Он шел к этому десять лет, но в конце концов час настал.

Телли сидел в старом кресле-качалке спиной к двери. Машина за эти десять лет изменилась мало. Она по-прежнему закрывала две стены, а окуляр сканера поблескивал в темно-желтом свете флуоресцентных ламп.

Кармайкл жадно смотрел в его сторону. Это было окно

— и дверь — к силе, превосходящей самые смелые человеческие мечты. Там, в этом небольшом отверстии, скрывалась невообразимая мощь, власть над жизнью и смертью всех живых существ. И между ним и этим чудесным будущим не было ничего... кроме человека, который сидел в кресле-качалке.

Могло показаться, что Телли не слышал звука шагов и тихого скрипа двери. Он не шевельнулся, когда Кармайкл медленно поднял пистолет. Можно было подумать, он не догадывался, что ждет его, даже когда Кармайкл прострелил ему голову.

Телли вздохнул и вздрогнул. Не первый уже раз, просматривая отрезки линий вероятности, он видел свое собственное мертвое тело. И каждый раз, видя эту знакомую фигуру, безжизненно падающую на пол, он словно чувствовал порыв неописуемого холода, которым тянуло из будущего.

Выпрямившись, он сел поудобнее, задумчиво глядя на пару туфель на рубчатых подошвах, лежащую на столе. Мысленно он провожал Кармайкла по улице, до вечера, до утра и дальше, навстречу кризису. Результаты его будут зависеть от того, достаточно ли крепко он будет стоять на перроне метро, когда поезд с грохотом подъедет к месту, где он окажется на будущей неделе.

Телли отправил посыльного за двумя парами туфель и битый час колебался, выбирая между парами на рубчатых и гладких подошвах. Он был добрым человеком, и такое было ему не по душе. Но в конце концов он упаковал для Кармайкла туфли с гладкими подошвами.

— Прощайте, мистер Кармайкл, — буркнул Телли. Это было прощание, которое он произнес, когда тот выходил из магазина. Сейчас в голосе его слышалось явное сожаление. Ему было жаль сегодняшнего Кармайкла, не заслужившего такого конца. Сегодня он еще не был демоном зла из мелодрамы, на смерть которого можно смотреть без содрогания. Но сегодняшний Тим Кармайкл должен был заплатить за того Кармайкла, каким он станет через десять лет. Непременно станет.

Нет ничего хорошего во власти над жизнью и смертью своих ближних. Питер Телли понимал это, но власть почти насильно вложили ему в руки. Он не хотел ее, ему казалось, что машина сама, совершенно случайно набрала невероятную мощь.

Поначалу даже он робел перед ней. Как пользоваться таким устройством? Какие опасности, какие страшные возможности таились в этом оке, смотрящем сквозь завесу времени? Ответ-

ственность тяжким крестом легла на него и, прежде чем найти ответ, он с трудом переносил эту тяжесть. А когда узнал... что ж, тогда ноша стала еще тяжелее. Дело в том, что Питер Телли был человеком мягким. Он никому не мог выдать истинной причины, по которой открыл магазин. Удовлетворение, сказал он Кармайклу. Действительно, временами он испытывал глубокое удовлетворение, но в других случаях — как, например, сегодня — были только страх и унижение. Именно унижение.

У нас есть то, что вам нужно. Только Телли знал, что информация эта предназначалась не для тех, кто посещал магазин. Это было сообщение для мира — того мира, будущее которого осторожно, деликатно формировалось Питером Телли.

Нелегко было изменить главную линию будущего. Будущее это пирамида, уложенная кирпич за кирпичом, и изменять его приходилось так же — кирпич за кирпичом. Существовали люди, которые были необходимы, которые могли строить и которых нужно было спасти.

Телли давал им то, в чем они нуждались.

Но встречались и такие, предназначением которых было зло. Им Телли тоже давал то, что требовалось миру — смерть.

Питер Телли не хотел этого страшного могущества, но ключ к нему оказался в его руках, и он не осмелился бы передать такую власть никому из живущих. Порой он совершал ошибки, и почувствовал себя увереннее, лишь когда обнаружил сходство своей машины с ключом. Ключом к будущему. Ключом, который ему доверили.

Он думал об этом, когда, откинувшись на спинку кресла, взял старую потертую книгу и легко нашел хорошо знакомую строку. Губы его чуть шевелились, когда он прочел ее снова в несчетный раз:

— «И Я говорю тебе: ты — Петр... И дадены тебе ключи Царства Небесного...»

КОГДА РУБИТСЯ СУК

Они удивились, когда им удалось снять квартиру, — пусть даже дорого и с безумными условиями в договоре найма, — а Джо Калдерон был просто рад, поскольку оттуда до университета было всего десять минут на метро. Мира, его жена, заметила, задумчиво лохматя свои рыжие волосы, что хозяева, видно, ожидают от жильцов партеногенеза, имея в виду деление организма пополам и возникновение сразу двух взрослых особей. Калдерон широко улыбнулся.

— Двучленного деления, глупышка, — сказал он, глядя на полуторагодовалого Александра, ползающего по ковру и готовящегося встать на свои толстенькие кривые ножки.

Квартира и вправду была неплоха. Время от времени в нее заглядывало солнце, а комнат было больше, чем можно было ожидать за эту цену. Ближайшая соседка, экзальтированная блондинка, говорящая исключительно о своей мигрени, сообщила им, что в квартире 4D трудно удержать жильцов. Последний съемщик, страховой агент, кстати, большой любитель приложиться к бутылке, выехал, жалуясь на каких-то маленьких человечков — они, якобы, звонили в его дверь в самое разное время и спрашивали некоего По-

тта или кого-то с похожей фамилией. Только через некоторое время Джо отождествил Потта* с Каулдроном или Калдероном**.

Сейчас они, довольные, сидели на диване и смотрели на Александра. Прелестный ребенок! Как у всех малышей, на шее у него был валик жирка, а ножки, по мнению Калдерона, напоминали грубо отесанные конечности древнего идола — по крайней мере, именно так они выглядели. Притягивала взгляд и просто восхищала невероятная пухлявость и розовость. Александр засмеялся, встал и, раскачиваясь не хуже пьянчуги, направился к родителям, лепеча что-то непонятное.

— Глупышка, — сказала Мира и бросила ребенку его любимую бархатную свинку.

— Ну, к зиме мы готовы, — подытожил Калдерон.

Это был высокий стройный мужчина с нервными движениями, способный физик, влюбленный в свою работу в университете. Мира — маленькая, рыжая, с курносым носом и карими глазами — недовольно фыркнула.

— Если бы найти прислугу! Иначе я заслужусь.

— Ты говоришь как приговоренная к смерти. Что значит «заслужусь»?

— Как служанка. Подметая, готовя, убирая. Дети — это трудный экзамен, но ему стоит подвергнуться.

— Это мелочи по сравнению с Александром. Он превзойдет самого себя.

У двери позвонили, Калдерон встал с дивана, прошел через комнату и открыл дверь. Сначала он не заметил никого и, только взглянув вниз, увидел такое, что повергло его в оцепенение.

В холле стояли четверо мини-людей. Точнее говоря, «мини» они были ото лба и ниже, поскольку черепа у них были огромные, размерами и формой напоминающие арбузы, а кроме того, их покрывали шлемы из поблескивающего металла. Лица их — засушенные, с резкими чертами, почти маски — покрывала густая сеть морщин. Одежда неприятных крикливых цветов казалась сделанной из бумаги.

— Что вам угодно? — почти равнодушно спросил Калдерон.

Четверо пришельцев обменялись быстрыми взглядами, и один спросил:

— Мистер Джозеф Калдерон?

---

* Pot *(англ.)* — горшок.
** Cauldron *(англ.)* — котел.

— Да.

— Мы, — заявил самый сморщенный из четверых, — потомки вашего сына. Он суперребенок и мы прибыли, чтобы воспитывать его.

— Вот как, — сказал Калдерон. — Ах да, конечно. Я... послушайте!

— Что такое?

— Супер...

— Он здесь! — крикнул другой карлик. — Это Александр! Наконец-то нам удалось попасть в нужный момент! — И он проскользнул в квартиру мимо ног Калдерона.

Калдерон замахал руками, тщетно пытаясь их задержать, но человечки без труда ускользнули от него. Когда он повернулся, они уже окружили Александра. Мира, поджав ноги, удивленно разглядывала пришельцев.

— Смотрите, — произнес карлик. — Видите его потенциальную дефизию? — По крайней мере, прозвучало это так.

— А его череп, Бордент, — вставил другой. — Это необычайно важная часть. Эти извилины почти идеальны.

— Превосходно, — признал Бордент, чуть наклоняясь вперед.

Александр вытянул руку к морщинистому лицу, поймал Бордента за нос и сжал изо всех сил. Бордент терпеливо ждал, пока малышу надоест.

— Недоразвитый, — терпеливо сказал он. — Но мы его воспитаем.

Мира спрыгнула с дивана, подхватила ребенка на руки и отступила к нише.

— Джо, и ты им позволяешь? Что это за невоспитанные создания?

— Бог их знает, — ответил Калдерон. Облизнув пересохшие губы, он грозно спросил: — Что это за шутки?! Кто вас сюда прислал?!

— Александр, — объяснил Бордент. — Из года... ну... примерно две тысячи четыреста пятидесятого. Он практически бессмертен. Только насилие может уничтожить кого-либо из суперменов, а в две тысячи четыреста пятидесятом году насилия не бывает.

Калдерон вздохнул.

— Нет, я серьезно. Шутки шутками, но...

— Много раз мы предпринимали попытки. В годах тысяча девятьсот сороковом, сорок четвертом, сорок седьмом, всегда в одном месте. Мы прибывали либо слишком рано, либо слишком поздно, но теперь попали в нужный сектор вре-

мени. Наша задача — воспитание Александра. Как его родители вы должны испытывать гордость. Знаете, мы чтим вас, как прародителей новой расы.

— Тьфу! — воскликнул Калдерон. — Довольно!

— Им нужны доказательства, Добиш, — заметил один из карликов. — Не забывай: они только сейчас узнали, что Александр — homo superior.*

— Homo humany,** — уточнила Мира. — Александр совершенно нормальный ребенок.

— Совершенно супернормальный, — возразил Добиш. — А мы — его потомки.

— И вы, стало быть, суперлюди, — скептически заметил Калдерон, меряя взглядом мини-человечков.

— Не все, хотя среди нас много суперменов типа Свободного Икса. Биологической нормой является специализация, и лишь некоторые — супермены чистой воды. Одни специализируются в логике, другие в вербенатике, третьи, как, например, мы — советники. Будь мы суперменами типа Свободного Икса, вы не могли бы стоять и говорить с нами. Или хотя бы смотреть на нас. Мы только части, а такие, как Александр, составляют великолепное целое.

— Джо, прогони их, — сказала Мира, уставшая от этой сцены. — Я чувствую себя, как жена Цербера.

Калдерон кивнул.

— О'кей. А ну, господа, убирайтесь! Я говорю серьезно.

— Да, им нужно доказательство, — согласился Добиш. — Что покажем? Небокрут?

— Слишком уж хлопотно, — возразил Бордент. — А может, устроим показательный урок? Успокоитель?

— Успокоитель? — удивилась Мира.

Бордент вынул из своей бумажной одежды какой-то предмет и повертел его в ладонях. Пальцы его изгибались во все стороны. Калдерон почувствовал легкий удар тока.

— Джо, я не могу шевельнуться, — сказала Мира, вдруг побледнев.

— Я тоже. Не волнуйся. Это... это... — он замолчал.

— Садитесь, — приказал Бордент, продолжая крутить предмет в руках.

Калдерон и Мира направились к дивану и сели. Языки их одеревенели, сами они — тоже.

Добиш подошел к ним, вскарабкался на диван и вырвал Александра из рук матери. В глазах Миры стоял ужас.

---

* Homo superior *(лат.)* — человек высший.
** Homo humany *(лат.)* — человек человеческий.

— Мы не причиним ему вреда, — заверил Добиш. — Мы только дадим ему первый урок. Ты взял приборы, Финн?

— Они в мешке.

Финн вытащил из кармана тридцатисантиметровый мешок, из которого высыпалось невероятное количество вещей. Вскоре весь ковер был усеян предметами странных форм и непонятного назначения. Калдерон узнал среди них тессеракт.

Четвертый карлик, которого, как оказалось, звали Кват, успокаивающе улыбнулся озабоченным родителям.

— Смотрите тоже. Но научиться вы не сможете, нет у вас того потенциала. Вы homo sapiens, а вот Александр...

Александр показывал, на что он способен. С присущим детям дьявольским упрямством он отказывался помогать наставникам: он то отползал назад, то вскрикивал, то принимался восторженно разглядывать свои ступни, то совал в рот кулачки и горько плакал, то таинственно и монотонно лепетал о чем-то непонятном, и наконец дал Добишу в глаз.

Человечки оказались невероятно терпеливыми. Через два часа урок закончился, но Калдерон не заметил, чтобы Александр многому научился.

Бордент снова покрутил свое устройство, потом вежливо поклонился и скомандовал отход. Четверо карликов покинули квартиру, а минутой позже Калдерон и Мира вновь обрели способность двигаться.

Мира соскочила с дивана, пошатываясь на одеревеневших ногах, подхватила Александра и вновь упала на диван. Калдерон бросился к двери и распахнул ее настежь. Холл был пуст.

— Джо! — позвала Мира тонким, испуганным голосом.

Калдерон вернулся и погладил ее по голове, глядя вниз, на светлую, кудрявую головку Александра.

— Джо, мы должны... должны что-то сделать.

— Не знаю, — ответил он. — Если что-то случится...

— Уже случилось.

— Они не пытались причинить ему вреда, — неуверенно заметил он.

— Наш малыш! Какой же он суперребенок?!

— Ну ладно, я достану свой револьвер. Что еще я могу сделать?

— А я сделаю! — пообещала Мира. — Гнусные гномы! Вот увидишь, я кое-что сделаю!

Однако сделать можно было мало что.

На следующий день они дружно избегали этой темы. В четыре часа дня они сидели с Александром в кино, на новейшем цветном фильме. Здесь человечки не смогут их найти...

Внезапно Калдерон почувствовал, что Мира замерла и, повернувшись к ней, понял, что сбылись худшие опасения. Мира вскочила, с трудом хватая воздух, и вцепилась мужу в плечо.

— Александра нет!

— Как это нет?

— Он просто исчез. Я держала его... Пойдем отсюда.

— Может, ты его выпустила? — глупо спросил Калдерон и чиркнул спичкой. Сзади начали возмущаться, но Мира уже протискивалась вдоль ряда. Под сиденьем не оказалось никаких детей, поэтому Калдерон догнал жену в вестибюле.

— Исчез, — бормотала Мира. — Просто исчез. Может, перенесся в будущее. Джо, что нам делать?

Калдерон поймал такси буквально чудом.

— Едем домой. Скорее всего, он там. Во всяком случае, надеюсь.

— Да, конечно. Дай мне сигарету.

— Он будет дома...

Он и вправду был дома: сидел на корточках, с интересом глядя на прибор, который демонстрировал Кват — безумно яркую взбивалку с четырехмерными приставками, болтающую тонким, высоким голосом. Не по-английски.

Как только Калдерон и Мира вошли в квартиру, Бордент щелкнул успокоителем и завертел его в руках. Джо схватил жену за руку и потащил назад.

— Подождите! — торопливо сказал он. — Не нужно. Мы не будем вам мешать.

— Джо! — Мира старалась освободиться. — Ты позволишь им...

— Тихо, — приказал он. — Бордент, убери эту штуку. Мы хотим с вами поговорить.

— Согласен, если пообещаете не мешать.

— Обещаем. — Калдерон силой подвел Миру к дивану и усадил ее. — Послушай, дорогая, с Александром ничего не случится. Они не причинят ему вреда.

— Вреда?! Скажете тоже! — воскликнул Финн. — В будущем с нас шкуру сдерут, если мы причиним ему вред в прошлом.

— Замолчи, — распорядился Бордент, явный предводитель всей группы. — Я рад, что вы хотите сотрудничать, Джозеф Калдерон. Моей натуре противно насилие против полубога. Как бы то ни было, вы — отец Александра.

Александр вытянул пухлую ручку и пытался коснуться крутящейся взбивалки.

— Дать ему сыворотку? — спросил Кват.

— Не спеши, — ответил Бордент. — Через неделю он поумнеет, и можно будет ускорить процесс. А сейчас, мистер Калдерон, прошу расслабиться. Может, вы чего-нибудь хотите?

— Выпить.

— Он имеет в виду алкоголь, — объяснил Финн. — Рубайат упоминает об этом, помнишь?

— Рубайат?

— Поющий рубин из Двенадцатой Библиотеки.

— Ах, этот, — протянул Бордент. — Я думал, это таблица Иеговы, та что с громом. Сделаешь немного алкоголя, Финн?

Калдерон проглотил слюну.

— Не беспокойтесь, у меня есть в буфете. Можно мне...

— Вы здесь не узники. — По голосу Бордента было ясно, что он потрясен. — Мы просто хотели, чтобы вы выслушали наши объяснения, а потом... потом все будет иначе.

Мира тряхнула головой, когда Калдерон протянул ей стакан, но он многозначительно взглянул на нее.

— Ты даже не почувствуешь этого. Ну, смелее.

Она не сводила глаз с Александра. Ребенок подражал писклявым звукам, издаваемым взбивалкой. Они были пронзительны и неприятны.

— Лучи действуют, — заметил Кват. — Однако зритель оказывает слабое мозговое сопротивление.

— Добавь напряжение, — посоветовал Бордент.

— Моджевабба? — произнес Александр.

— Что это? — спросила Мирра неестественным голосом. — Суперязык?

Бордент улыбнулся ей.

— Нет, просто детский лепет.

Александр заплакал.

— Суперребенок он или нет, но когда он плачет, тому есть какие-то причины. Ваша опека включает и это?

— Разумеется, — спокойно ответил Кват.

Вместе с Финном они вынесли Александра из комнаты.

Бордент вновь улыбнулся.

— Вы начинаете нам верить, — заметил он. — Это нам поможет.

Калдерон пил виски, чувствуя жжение во рту и ледяной холод в желудке.

— Будь вы людьми... — нерешительно начал он.

— Будь мы людьми, мы никогда не попали бы сюда. Старый образ жизни меняется, и когда-то это должно начаться. Александр — первый homo superior.

— Но почему именно мы? — спросила Мира.

— Генетика. Вы оба имели дело с радиоактивностью и особым коротковолновым излучением, действующим на плазму эмбрионов. Началась мутация, за которой последуют новые. Вы умрете, но Александр будет жить очень долго. Возможно, даже тысячу лет.

— А это ваше путешествие из будущего... — сказал Калдерон. — Вы сказали, что вас послал Александр?

— Взрослый Александр. Зрелый Супермен. Разумеется, это совершенно иная культура, недоступная вам. Александр — один из Свободных Иксов. Он сказал мне, разумеется, с помощью машины-переводчика: «Бордент, до тринадцатилетнего возраста во мне не замечали супермена, и я развивался, как обычный гомо сапик. Я сам не знал своего потенциала, и это было плохо». Поверьте, это действительно плохо. — Отвлекшись ненадолго от темы, Бордент добавил: — Организм не может проявить свои возможности в полной мере, если не обеспечить ему оптимальных условий развития с самого рождения. Или, по крайней мере, с детства. Александр сказал мне: «Я родился около пятисот лет назад. Возьми несколько совстников и отправляйся в прошлое. Найди меня младенцем и обеспечь специальное воспитание с самого начала. Думаю, это поможет мне».

— Ты считаешь, что прошлое можно формировать? — спросил Калдерон.

— Оно влияет на будущее. Нельзя изменить прошлого, не меняя при этом будущего. Но события имеют тенденцию обратного дрейфа; существует временная норма, некий общий уровень. В первичном секторе времени мы не смогли бы навестить Александра, однако теперь это изменилось, а значит изменится и будущее, пусть и немного. Разумеется, не будет никаких переломов темпоральных осей, просто взрослый Александр полнее реализует свой потенциал.

Александра, лучащегося довольством, вновь принесли в комнату, и Кват продолжил урок со взбивалкой.

— Вы мало что можете сделать, — сказал Бордент. — Надеюсь, теперь вы это понимаете.

— Александр будет выглядеть так же, как вы? — спросила Мира.

— О нет! Он совершенен в физическом смысле. Конечно, я никогда его не видел, но...

— Хозяин всех времен, — сказал Калдерон. — Мира, ты понимаешь, о чем речь?

— Да, о Супермене. Вот только он — наш ребенок.

— Он и останется вашим, — нетерпеливо вмешался Бордент. — Мы вовсе не собираемся лишать его благотворного влияния дома и родителей, это нужно каждому ребенку. Действительно, терпимость к молодым — это черта эволюции, обеспечивающая появление супермена, подобно тому, как подготовкой к этому является исчезновение червеобразного отростка. В определенные периоды истории человечество становится податливым к возникновению новой разновидности человека. До сих пор это не удавалось, происходили, так сказать, антропологические выкидыши. И пусть меня зажмут дверью, если это неважно! Малыши ужасно раздражают. Долгое время они остаются совершенно беспомощными, испытывая терпение родителей. Чем ниже уровень животного, тем быстрее взрослеют его детеныши, а у людей нужно много лет, чтобы дети обрели независимость. Поэтому терпение родителей все возрастает. Суперребенок не повзрослеет лет до двадцати.

— Значит, Александр так и останется ребенком? — спросила Мира.

— Физически он достигнет размеров восьмилетнего гомо сапика, а умственно... В его случае неприменима интеллектуальные или эмоциональные мерки. Он не будет благоразумен, как не благоразумны другие дети. Нужно время, чтобы развилась селективность. Зато его возможности будут намного больше, скажем, ваших в детстве.

— Спасибо, — сказал Калдерон.

— У него будут обширные горизонты, его разум способен охватить и усвоить гораздо больше вашего. Мир для него — настоящая сокровищница, и его ничем нельзя ограничить. Однако нужно не так уж много времени, чтобы сформировались его разум и личность.

— Я хочу еще выпить, — попросила Мира.

Калдерон подал ей виски со льдом. Александр тыкал в глаз Квату пальцем и пытался его выковырнуть. Кват покорно сносил эти попытки.

— Александр! — крикнула Мира.

— Сидите спокойно, — приказал Бордент. — В этом отношении Кват гораздо терпеливее, чем вы.

— Мне бы не хотелось, чтобы он вырвал ему глаз, — сказал Калдерон.

— Кват — ничто по сравнению с Александром. И он это знает.

К счастью для Квата, Александру надоела эта игра, и он вновь переключился на взбивалку. Добиш и Финн склонились над малышом, внимательно вглядываясь в него. Калдерон чувствовал, что дело здесь в чем-то большем.

— Индуктивная телепатия, — объяснил Бордент, — требует много времени, поэтому мы начинаем ее сейчас. Просто здорово, что мы наконец попали в нужный временной сектор. Я звонил в эту дверь раз сто, но никогда прежде...

— Шевелись, — отчетливо сказал Александр. — Давай, шевелись!

Бордент кивнул.

— На сегодня хватит. Мы придем завтра. Вы будете готовы?

— Думаю, мы будем готовы... как всегда, — ответила Мира, допивая свой стакан.

В тот вечер они выпили еще и всесторонне обсудили этот вопрос. Осознание средств и возможностей четырех человечков тоже повлияло на ход их рассуждений: никто из них не испытывал больше сомнений. Они знали, что Бордент и его товарищи прибыли из будущего, отстоящего на пятьсот лет, по желанию будущего Александра, выросшего в супермена.

— Удивительно, правда? — сказала Мира. — Наш пухленький бэби превращается в таинственного, чудесного ребенка.

— Когда-то это должно было начаться, как сказал Бордент.

— Только бы он не стал похож на этих гномов!

— Он будет суперменом. И мы с тобой — родоначальники новой расы.

— Я чувствую себя как-то странно, — пожаловалась Мира.

— Успокойся, — утешал ее Калдерон. — Выпей еще немного.

— И этот их жаргон...

— Это их язык, — заметил Калдерон.

— Александр будет говорить по-английски. Я знаю свои права.

— Не похоже, чтобы Бордент собирался их нарушать. Он уверял, что Александру нужна семья.

— Только поэтому я еще не спятила, — призналась Мира. — Если, конечно, он... они... не заберут нашего малыша...

Спустя неделю стало совершенно ясно, что Бордент не собирается посягать на родительские права — по крайней мере, не больше, чем это необходимо, и только два часа в

день. За это время четверо человечков выполняли свою задачу, вбивая в голову Александра все знания, которые его хоть и супер, но все-таки детский разум, мог вместить. Они не пользовались кубиками, детскими стишками и считалками. Оружие, которое они применяли в этой битве, было тайным, но эффективным. Не подлежало сомнению, что чему-то они Александра научили. И как витамин В, если полить им корни, вызывает рост растения, так витамин этих наук пропитал Александра, и его мозг потенциального супермена начал развиваться молниеносно.

На четвертый день он уже внятно говорил. На седьмой с легкостью мог вести разговор, хотя мышцы лица, еще не достаточно развитые, быстро уставали. Щеки его по-прежнему были младенческими; он еще не стал человеком в полной мере, если не считать отдельных случаев. Однако такое случалось все чаще.

На ковре царил жуткий беспорядок. Человечки уже не забирали свои приборы, оставляя их Александру. Малыш ползал — он не слишком утруждал себя хождением, потому что ползал гораздо лучше — между этими предметами, выбирал некоторые из них и соединял между собой. Мира пошла в магазин — человечки должны были появиться не раньше, чем через полчаса. Калдерон, утомленный работой в университете, налил себе виски с содовой и наблюдал за потомком.

— Александр! — окликнул он его.

Александр не ответил. Он соединил какую-то Вещь с каким-то Устройством, засунул ее во Что-то Другое и сел с довольным видом. Потом спросил:

— Што?

Речь его звучала не идеально, но слово узнавалось безошибочно. Александр шамкал, как беззубый старик.

— Что ты делаешь? — спросил отец.

— Нет.

— Что-что?

— Нет.

— Нет?

— Я знаю, што, — сказал Александр, — и этого дошта-тошно.

— Ага, понимаю. — Калдерон смотрел на чудо-ребенка с некоторым опасением. — Ты не хочешь говорить?

— Нет.

— Ну хорошо, пусть так.

— Принеши пить, — распорядился Александр.

У Калдерона мелькнула безумная мысль, что малыш

требует виски с содовой, потом он вздохнул, поднялся и вернулся с бутылкой.

— Молока, — сказал Александр, отказавшись пить принесенное отцом.

— Ты говорил, что хочешь пить, а разве вода не питье? — «Боже мой, — подумал он, — я устраиваю диспут с младенцем. Отношусь к нему как... как ко взрослому. А ведь это не взрослый, а просто толстячок-малыш, сидящий на попке на ковре и играющий конструктором».

Игрушка сказала что-то тонким голосом, и Александр буркнул:

— Повтори!

И игрушка послушалась.

— Что это? — спросил Калдерон.

— Нет.

Калдерон сходил на кухню и принес молоко, а себе налил еще виски. Чувствовал он себя так, словно внезапно пришли родственники, которых он не видел лет десять. Как, черт возьми, вести себя с суперребенком?

Отдав молоко Александру, он вернулся на кухню. Тем временем вернулась Мира, и ее крик заставил мужа торопливо вбежать в комнату.

Александр блевал с миной ученого, наблюдающего некое удивительное явление.

— Александр! — воскликнула Мира. — Тебе плохо?

— Нет, — ответил Александр. — Я опробую процесс изверження пищи. Нужно наушитца контролировать пищеварительные органы.

Калдерон, криво улыбаясь, прислонился к двери.

— Ну, да, и начинать нужно уже сейчас.

— Я уштал, — сообщил Александр. — Уберите это.

Три дня спустя ребенок решил, что его легким нужна тренировка, и начал кричать. Он кричал в любое время и с вариациями: пел, ревел, голосил, выл. И не перестал, пока не решил, что хватит. Соседи подали жалобу.

— Малыш, может, ты наступил на иголку? — спросила Мира. — Дай мне посмотреть.

— Иди отшуда, — ответил Александр. — Ты шлишком горяшая. Открой окно, я хошу свешего вождуха.

— Конечно, дорогой, конечно.

Она вернулась в постель, и Калдерон обнял ее. Он знал, что утром у нее будут синяки под глазами. Александр продолжал орать в своей кроватке.

Так проходили дни. Четверо человечков приходили ежедневно, чтобы учить Александра, и были вполне довольны его успехами. Они не жаловались, когда Александр давал волю своим желаниям и бил их по носам или рвал бумажные одежды. Бордент хлопнул себя по металлическому шлему и триумфально улыбнулся Калдерону.

— Он делает успехи. Развивается.

— Я вне себя от удивления. А как с дисциплиной?

Александр оторвался от занятий с Кватом и заявил:

— Шеловешеская дишшиплина меня не кашаетца, Джожеф Калдерон.

— Не называй меня так. В конце концов, я твой отец.

— Это примитивная биологишешкая необходимость. Ты недоштатошно развит, чтобы наушить меня нужной мне дишшиплине. Твоя жадача — обешпешить мне родительскую жаботу.

— Просто-напросто инкубатор, — заметил Калдерон.

— Но обожествляемый, — успокоил его Бордент. — Можно сказать, бог-отец. Отец новой расы.

— Я чувствую себя, скорее, Прометеем, — холодно ответил отец новой расы. — Он тоже был нужен, а кончил тем, что орел выклевал ему печень.

— Вы многому научитесь от Александра.

— Он утверждает, что я не способен это понять.

— А разве это не так?

— Наверняка так. Я просто типичный отец, — сказал Калдерон и в мрачном молчании уставился на Александра, который под надзором Квата монтировал какое-то устройство из мерцающего стекла и металлической спирали.

— Кват! Осторожно с яйцом! — сказал вдруг Бордент.

Финн схватил голубоватый яйцеобразный предмет прежде, чем до него дотянулась пухлая ручонка Александра.

— Оно не опасно, — заверил Кват. — Его еще не подключили.

— Он мог его подключить.

— Хочу это яйшо, — потребовал Александр. — Дай мне его.

— Не сейчас, Александр, — объяснил Бордент. — Сначала ты должен научиться правильно подключать его, иначе тебе может быть плохо.

— Я шумею это шделать.

— Ты еще не настолько логичен, чтобы оценить свои возможности. Немного позднее. Вероятно, я рассуждаю сейчас несколько философски, а, Добиш?

Добиш присел на корточки и присоединился к Алексан-

дру. Мира вышла из кухни, окинула быстрым взглядом всю сцену и торопливо отступила обратно. Калдерон поспешил следом.

— Я не привыкну к этому даже за тысячу лет, — медленно произнесла она, обрезая подгоревший край пирога. — Он мой ребенок, только когда спит.

— Мы не проживем тысячу лет, — заверил ее Калдерон. — А вот он проживет. Жаль, что мы не можем найти прислугу.

— Сегодня я снова пыталась, — устало сказала Мира. — Без толку. Все теперь работают на военных заводах.

— Но ты же не можешь делать все сама.

— Ты помогаешь мне, когда можешь. Правда, у тебя и без того много работы. Но не вечно же так будет.

— Интересно, каким был бы наш следующий ребенок...

— Мне тоже интересно. Но, думаю, мутация не такое простое дело. Они случаются раз в жизни. А впрочем, не знаю.

— Так или иначе, сейчас это неважно. Нам вполне хватает одного ребенка.

Мира взглянула на дверь.

— Там все в порядке? Посмотри, пожалуйста, я беспокоюсь за него.

— Все в порядке.

— Я знаю, но это голубое яйцо... Бордент говорил, что оно опасно, я сама слышала.

Калдерон заглянул в приоткрытую дверь. Четверо карликов сидели напротив Александра, глаза у малыша были закрыты. Внезапно он открыл глаза и гневно взглянул на отца.

— Не входи, — приказал он. — Ты нарушаешь контакт.

— Прошу прощения, — сказал Калдерон, выскальзывая из комнаты. — Все в порядке, Мира, его диктаторская малость жива и здорова.

— Он же супермен, — неуверенно заметила мать.

— Нет, суперребенок, а это не одно и то же.

— Его последняя мания, — говорила Мира, склоняясь над духовкой, — это загадки. Или что-то вроде них. Я так смущаюсь, когда не могу угадать. Но он говорит, что это хорошо для его «я». Компенсирует ему физическую слабость.

— Загадки, подумать только! Я тоже знаю несколько.

— Для него твои загадки будут слишком просты, — с мрачной уверенностью заметила Мира.

Так и получилось. А и Б, сидевшие на трубе, были встре-

чены с презрением, которого вполне заслуживали. Александр подверг анализу отцовские загадки, пропустил их сквозь свой логический разум, вскрыл их слабые места, семантические и логические ошибки, после чего загадки отбросил. Или же разгадал, отвечая с такой необычайной уверенностью, что Калдерон был слишком смущен, чтобы называть верный ответ. Он ограничился вопросом, в чем разница между вороной и столом, а поскольку даже Сумасшедший Шляпник не сумел разгадать своей загадки, с легким ужасом выслушал лекцию по сравнительной орнитологии. Потом он позволил Александру мучить себя детскими остротами, касающимися связи гамма-лучей и фотонов, пытаясь сохранить при этом философское спокойствие. Мало что раздражает сильнее загадок ребенка. Его насмешливый триумф — пыль, в которой ты валяешься.

— Оставь отца в покое, — сказала Мира, входя в комнату с распущенными волосами. — Он пытается читать газету.

— Вша эта информашия ничего не знашит.

— А я смотрю комикс, — возразил Калдерон. — Хочу узнать, отомстят ли Катценяммеры Капитану за то, что он подвесил их над водопадом.

— Формула юмора ш категорией бешшмышленношти, — начал было Александр, но возмущенный Калдерон ушел в спальню, где к нему присоединилась Мира.

— Он снова мучил меня загадками! — сообщила она. — Посмотрим, что там сделали Катценяммеры.

— Выглядишь ты неважно. Может, простыла?

— Нет, просто не накрасилась. Александр сказал, что болеет от запаха пудры.

— Ну и что! Он же не мимоза.

— Но болеет. Разумеется, он это нарочно.

— Слушай, он снова идет сюда. Чего ты хочешь?

Александру нужна была аудитория. Он придумал новый способ издавать звуки при помощи пальцев и губ. Порой нормальные фазы развития ребенка вынести было труднее, чем периоды суперребенка. Через месяц Калдерон понял, что самое худшее еще впереди. Александр вторгался в такие области знаний, где не ступала нога человека, и, словно пиявка присасывался к отцу, чтобы высосать его мозг, в погоне за малейшими крохами знаний, собранными этим несчастным.

Точно так же он вел себя с матерью. Мир был для него сокровищницей всяческих знаний, он жадно интересовался всем, и ничто в доме не могло укрыться от его внимательного

глаза. Калдерон начал закрывать дверь спальни на ночь — кроватка Александра стояла теперь в другой комнате, — но дикий рев мог разбудить его в любое время.

В самый разгар подготовки к обеду Александр заставил Миру прервать свое занятие и объяснять ему принцип действия духовки. Он вытянул из нее все, что она знала, а затем перешел на более запутанные аспекты этого вопроса и высмеял ее невежество. Обнаружив, что Калдерон физик — факт, старательно от него скрываемый, — он безжалостно накинулся на него. Задавал ему вопросы из геодезии и геополитики, допытывался о клоачных и монорельсе, интересовался коллоидами и биологией. Однако при этом малыш был скептичен и сомневался в глубине отцовских знаний.

— Вы ш Мирой Калдерон — мои ближайшие контакты ш гомо шапиком, и жначит, это только нашало. Убери шигарету, она вредит моим легким.

— Хорошо, — согласился Калдерон. Он устало поднялся с чувством, что его гоняют из комнаты в комнату, и отправился на поиски Миры. — Скоро придет Бордент. Может, сходим куда-нибудь, а?

— Класс! — Она мгновенно оказалась перед зеркалом и принялась поправлять прическу. — Нужно сделать «химию». Если бы только у меня было время!..

— Завтра я возьму выходной и посижу дома. Тебе нужно отдохнуть.

— Нет-нет, дорогой. Скоро экзамены, у тебя много работы.

Александр заорал. Оказалось, он хочет, чтобы мать спела. Его интересовала звуковая шкала гомо сапика, а также эмоциональный и усыпляющий эффект колыбельных. Калдерон приготовил себе выпить, сел на кухне и закурил, думая об ошеломляющем предназначении своего сына. Мира перестала петь, и он ждал плача Александра, однако тишина длилась и длилась, а потом Мира кинулась к нему вся дрожа, с вытаращенными глазами.

— Джо! — Она упала в его объятья. — Быстро дай мне виски, или... держи меня крепче!

— В чем дело? — Он сунул ей в руку бутылку, подошел к двери и выглянул. — Александр спокоен, ест конфеты.

Мира не стала терять время на поиски стакана — горлышко бутылки стучало о ее зубы.

— Посмотри на меня, ты только посмотри на меня. Я в ужасном состоянии.

— Что случилось?

— О, ничего, совсем ничего. Просто Александр занимается черной магией. — Она упала на стул и вытерла ладонью лоб. — Знаешь, что сделал наш гениальный сын?

— Укусил тебя? — рискнул угадать Калдерон, ни секунды не сомневаясь в такой возможности.

— Хуже, гораздо хуже. Он попросил у меня конфету. Я сказала, что в доме их нет, тогда он велел мне идти вниз, в магазин, и купить. Я объяснила, что сначала должна одеться, а кроме того, устала.

— Почему ты не попросила меня сходить?

— Некогда было. Прежде чем я успела хоть что-то сказать, этот сопливый Мерлин махнул волшебной палочкой или чем-то вроде нее и... и... я оказалась в магазине внизу. Около прилавка с конфетами.

Калдерон уставился на нее.

— Он вызвал у тебя амнезию?

— Не было ни малейшего перерыва во времени. Просто так... раз-два... и я уже стояла там. В этих вот тряпках, без пудры и с волосами на бигуди. В магазине оказалась миссис Бушермен, она выбирала курицу, — помнишь, она живет напротив? — так она сказала, что я должна уделять себе больше внимания. Мяу! — яростно закончила Мира.

— Боже мой!..

— Телепортация, как назвал это Александр. Он научился чему-то новому. Я не собираюсь больше это терпеть, Джо, в конце концов, я не тряпичная кукла. — Мира была на грани истерики.

Калдерон вошел в комнату и остановился, разглядывая ребенка. Мордашка Александра была измазана шоколадом.

— Послушай, умник, — сказал он малышу. — Оставь мать в покое, понял?

— Я ничего ей не шделал, — невнятно пробормотал чудо-ребенок. — Я прошто был проворен.

— Значит, не будь таким проворным. Где ты научился этой штуке?

— Телепортасия? Кват мне вчера показал. Сам он этого шделать не может, но я — шупермен Швободный Икш, поэтому могу. Я еще не до конса освоил ее. Если бы я попыталша телепортировать Миру Калдерон в Нью-Джерши, мог бы по ошибке уронить ее в реку Гуджон.

Калдерон пробормотал что-то далеко не лестное.

— Это выражение англошакшоншкого происхождения?

— Не имеет значения. В любом случае, ты не должен

обжираться шоколадом. Ты заболеешь. Мать из-за тебя уже заболела, а меня просто тошнит.

— Иди отшуда, — сказал Александр. — Я хочу шошредоточитца на вкуше.

— Я говорю, ты заболеешь. Шоколад слишком тяжел для твоего желудка. Отдай его мне, ты уже достаточно съел.

Калдерон протянул руку за бумажной сумкой, но в этот момент Александр исчез. В кухне запищала Мира.

Тяжело вздохнув, Калдерон вернулся на кухню. Как он и ожидал, Александр был там — сидел на духовке и жадно запихивал в рот шоколадную конфету. Мира держала в руках бутылку.

— Что за дом, — сказал Калдерон. — Ребенок телепортируется по всей квартире, ты хлещешь виски на кухне, а мне грозит нервный срыв. — Он начал смеяться. — О'кей, Александр, можешь оставить конфеты себе. Я знаю, когда нужно спрямить линию обороны.

— Мира Калдерон, — произнес Александр, — я хошу вернутца в ту комнату.

— Лети, — предложил Калдерон. — Впрочем, ладно, я отнесу тебя.

— Не ты, она. Ходит в лутшем ритме.

— Ты имеешь в виду — шатается, — уточнила Мира, но послушно отставила бутылку, встала, взяла на руки Александра и вышла из кухни.

Услышав через минуту ее крик, Калдерон нисколько не удивился. Когда он присоединился к счастливой семье, Мира сидела на полу, растирая руки и кусая губы, а Александр смеялся.

— Ну что опять?

— Он ударил меня током, — тонким голосом пожаловалась Мира. — Как электрический угорь. И сделал это нарочно. Александр, прекратишь ты наконец смеяться?

— Упала, — торжествующе лепетал малыш. — Закришала и упала!

Калдерон взглянул на Миру и стиснул зубы.

— Ты сделал это нарочно? — спросил он.

— Да. Она упала, и было так шмешно!

— Ты у меня сейчас будешь выглядеть гораздо смешнее. Супермен ты или нет, но трепку ты заслужил.

— Джо! — предостерегающе воскликнула Мира.

— Подожди. Он должен научиться уважать права других.

— Я homo superior, — заявил Александр с такой миной, словно выложил решающий аргумент.

— А я хочу поговорить с homo posterior,* — сообщил Калдерон, пытаясь схватить сына. Внезапно что-то тряхнуло его, нервную систему поразила парализующая энергия. Калдерон отлетел назад и врезался в стену головой. Александр хохотал до слез.

— Ты тоже упал, — щебетал он. — Вот здорово!

— Джо, — крикнула Мира. — С тобой все в порядке?

Калдерон кисло ответил, что надеется выйти из этого живым. Однако, добавил он, нужно, пожалуй, запастись шинами и кровью для переливания.

— На случай, если его вдруг заинтересует вивисекция, — пояснил он.

Мира задумчиво посмотрела на Александра.

— Надеюсь, ты шутишь.

— Я тоже надеюсь.

— Пришел Бордент, поговорим с ним.

Калдерон открыл дверь, и вошли четверо человечков с серьезными лицами. Они не теряли времени: вынув из тайников своих бумажных одежд новые предметы, принялись за дело.

— Я телепортировал ее на двести пять метров, — сказал малыш.

— Так далеко? — спросил Кват. — Устал?

— Нисколько.

Калдерон отвел Бордента в сторону.

— Я бы хотел с тобой поговорить. Думаю, Александр заслужил трепку.

— Клянусь Фобом! — вскричал потрясенный карлик. — Он же А л е к с а н д р! Он супермен Свободный Икс!

— Еще нет. Пока что он ребенок.

— Суперребенок. Нет, Джозеф Калдерон. Хочу еще раз повторить, что дисциплинарные средства могут применяться только достаточно авторитетными воспитателями.

— То есть, вами?

— О, нет, — ответил Бордент. — Мы не хотим его перегружать. Даже у суперразума есть свои ограничения, особенно в период формирования. Александру есть чем заниматься, а его отношение к дружеским контактам еще какое-то время не будет нуждаться в формировании.

В разговор вступила Мира:

— Тут я с вами не согласна. Как и все дети, он настроен антиобщественно. Он может располагать сверхчеловеческими силами, но если говорить о равновесии разума и чувств, Александр еще не-человек.

---

* Homo posterior *(лат.)* — здесь: следующим в поколении; своим сыном.

— Да-а, — согласился Калдерон. — Кстати, эти электрические удары...

— Он просто играет, — заверил Бордент.

— И телепортация. Представьте, что он перенесет меня на Таймс-Сквер из-под душа.

— Это просто игра. Он все-таки ребенок.

— А как быть с нами?

— Вам подобает родительское терпение, — объяснил Бордент. — Как я уже говорил, именно терпимости и обязаны своим появлением Александр и вообще новая раса. Обычный ребенок может вывести из себя, но и все. Раздражение слишком мало, чтобы исчерпать огромные запасы родительского терпения. Однако в случае Свободных Иксов дело обстоит иначе.

— Любое терпение имеет свои пределы, — сказал Калдерон. — Я уже подумывал о яслях.

Бордент помотал закрытой металлическим шлемом головой.

— Он нуждается в вас.

— Но вы можете хоть немного его наказать? — вставила Мира.

— О, это не обязательно. Его разум еще не развился, поэтому он должен сосредоточиваться на более важных вопросах. Вы должны терпеть.

— Словно это уже не наш ребенок, — буркнула она. — Это не Александр.

— Он ваш, но он не простой ребенок! Это А л е к с а н д р!

— Послушай, вполне естественно, что мать хочет обнять своего ребенка. Но как это сделать, если она боится, что тот швырнет ее через комнату?

Калдерон задумался.

— Скажи-ка, подрастая, он обретет еще большую... суперсилу?

— Разумеется.

— Значит, он попросту опасен. Я требую, чтобы он понес наказание. В следующий раз я надену резиновые перчатки.

— Это ничего не даст, — сказал Бордент, хмуря брови. — Кроме того... вам нельзя вмешиваться. Вам не удержать его в повиновении, да это и ни к чему.

— Всего одна выволочка, — задумчиво произнес Калдерон. — Не отомстить, а показать, что нужно уважать права других людей.

— Он научится уважать права других Свободных Иксов. Не пытайтесь делать ничего подобного. Выволочка, даже если она вам удастся, в чем я сильно сомневаюсь, может из-

вратить его психику. Его учителями, его менторами являемся мы, и мы же должны его *охранять*. Понимаете?

— Думаю, да, — медленно сказал Калдерон. — Это угроза.

— Вы родители Александра, но главный тут — сам Александр. Если мне *придется* применить против вас дисциплинарные меры, я их применю.

— Ох, оставьте это, — вздохнула Мира. — Джо, пойдем погуляем по парку, пока Бордент здесь.

— Возвращайтесь через два часа, — сказал маленький человечек. — До свидания.

Проходили дни, а Калдерон не мог решить, что более раздражает в Александре: периоды кретинизма или сверхразума. Чудесный ребенок научился новым фокусам и хуже всего было, что Калдерон никогда не знал, что его ждет, и когда его настигнет какая-нибудь особая шутка. Как, например, когда комок липких конфет, украденных с помощью телепортации из магазина, материализовался в его постели. Александру это казалось безумно смешным, он хохотал до слез.

Или когда Калдерон отказался идти в магазин за конфетами, поскольку, — как он утверждал — у него не было денег.

Александр использовал психическую энергию, чтобы исказить законы земного притяжения, и Калдерон вдруг понял, что висит в воздухе головой вниз и что-то его трясет, а из карманов потоком сыплются монеты. В конце концов он пошел за конфетами.

Чувство юмора развилось прежде всего из жестокости: чем примитивнее разум, тем менее он разборчив. Каннибалу, вероятно, смешны страдания варящейся в котле жертвы. Допустим, кто-то поскользнулся на банановой кожуре и сломал шею. Взрослый человек не будет над этим смеяться, ребенок же — да. Младенец, ребенок, дебил не могут отождествлять себя с кем-то другим, они оригинальны, их собственные интересы решают все. Мусор, раскиданный по всей спальне, не рассмешил ни Миру, ни Калдерона.

В их доме был маленький человек, но никто не радовался этому, кроме самого Александра; он-то развлекался вовсю.

— Ни минуты покоя, — жаловался Калдерон. — Он появляется повсюду и в любое время. Дорогая, я бы хотел, чтобы ты сходила к врачу.

— И что он мне пропишет? — спросила Мира. — Отдых

и ничего больше. Ты хоть понимаешь, что прошли всего два месяца с тех пор, как Бордент взял в свои руки воспитание Александра?

— Мы чрезвычайно продвинулись вперед, — сказал Бордент, подходя к ним.

Кват, в контакте с Александром, сидел на ковре, а два других карлика монтировали новые устройства.

— Точнее, вперед продвинулся Александр.

— Нам нужно отдохнуть! — рявкнул Калдерон. — Если я лишусь работы, кто будет содержать этого вашего гения?

Мира взглянула на мужа, удивленная местоимением, которое он использовал.

— У вас неприятности? — поинтересовался Бордент.

— Декан несколько раз разговаривал со мной. Я не могу справиться со студентами на занятиях.

— Вам не следует расходовать терпение на студентов. Если дело в деньгах, мы вас обеспечим. Я немедленно займусь этим вопросом.

— Но я хочу работать. Я люблю свою работу.

— Ваша работа — Александр.

— Мне нужна прислуга, — вставила Мира. — Вы не могли бы смастерить какого-нибудь робота или что-нибудь в этом роде? Александр перепугал всех девушек, которых мне удалось уговорить. Никто не выдерживает в этом сумасшедшем доме.

— Искусственный разум может плохо подействовать на Александра, — заявил Бордент. — Нет.

— Я бы хотела время от времени приглашать кого-нибудь к нам в гости, сама куда-то сходить, или хотя бы просто побыть одна, — вздохнула Мира.

— Рано или поздно Александр повзрослеет, и вы сполна получите награду, как его родители. Я говорил, что ваши изображения находятся в Зале Великих Древних?

— Это вы зря, — сказал Калдерон. — Выглядим мы сейчас ужасно.

— Будьте терпеливы. Подумайте о предназначении вашего сына.

— Я думаю. И часто. Но он, мягко говоря, начинает утомлять.

— Вот тут-то и нужно терпение, — заметил Бордент. — Природа спланировала все для новой разновидности человека.

— Гмм...

— Он работает сейчас над шестимерными абстракциями. Все идет как по нотам.

— Да-а, — бормотнул Калдерон и пошел на кухню за Мирой.

Александр с легкостью пользовался своими приборами, его пухлые пальчики стали сильнее и увереннее. Он по-прежнему испытывал нездоровое любопытство к голубому яйцу, которым ему разрешали пользоваться только под наблюдением наставников. Когда урок кончился, Кват выбрал несколько предметов и, как обычно, спрятал их в шкаф, оставив остальное на ковре, чтобы предоставить Александру поле деятельности.

— Он развивается, — заверил Бордент. — Сегодня мы сделали большой шаг вперед.

Мира и Калдерон как раз вошли в комнату и услышали его слова.

— В чем именно?

— В устранении психической блокады. Отныне Александру не нужен сон.

— Что-о? — спросила Мира.

— Ему не нужен сон. Все равно это противоестественный обычай. Суперменам не обязательно спать.

— Он больше не будет спать? — переспросил Калдерон, побледнев.

— Совершенно верно. Зато он будет развиваться в два раза быстрее.

В половине четвертого утра Калдерон и Мира лежали в постели, глядя через открытую дверь на играющего Александра. Они видели его отчетливо, как на освещенной сцене. Теперь он выглядел несколько иначе; разница была невелика, но все-таки была. Голова под золотистым пушком изменила свою форму, а мордашка с детскими чертами приобрела решительное выражение. Это было некрасиво, поскольку такое выражение не подходило младенцу. В результате Александр выглядел не суперребенком, а скорее, рано постаревшим первобытным человеком. Вся присущая детям жестокость и эгоизм — совершенно естественные черты у развивающегося малыша — читались на его лице, когда он играл хрустальными кубиками, словно собирая сложную головоломку. От этого лица бросало в дрожь.

Мира тяжело вздохнула.

— Это уже не наш Александр, — сказала она. — Совершенно не наш.

Александр поднял голову и вдруг разревелся. Когда он открыл рот и яростно заорал, раскидывая по сторонам кубики, исчезло неестественное выражение старости и связанного с ней вырождения. Калдерон заметил, что один из ку-

биков прокатился через дверь в спальню и упал на ковер, а из него высыпалось множество меньших и совсем уж маленьких кубиков, которые раскатились в стороны. Вопли Александра разносились по всей квартире. Вскоре начали захлопываться окна, выходящие во двор, а потом зазвонил телефон. Калдерон со вздохом снял трубку.

Положив ее, он поморщился и взглянул на Миру. Потом сообщил, стараясь перекричать Александра:

— Нам отказано в квартире.

— О! Ну что же... — сказала Мира.

— Вот и конец всему!

Оба помолчали, потом Калдерон произнес:

— Еще девятнадцать годков. Они говорили, что он повзрослеет в двадцать лет.

— Он станет сиротой гораздо раньше, — буркнула Мира. — О, моя бедная голова! Наверное, я простыла, когда он телепортировал нас на крышу перед обедом. Джо, ты думаешь, мы первые родители, которые так... так вляпались?

— Что ты имеешь в виду?

— Были ли супердети до Александра? Или мы первые обладатели супертерпения?

— Нам бы не мешало иметь его побольше.

Некоторое время он лежал задумавшись, стараясь не обращать внимания на крики своего чудо-ребенка. Терпение. Всем родителям нужна прорва терпения. Все дети время от времени становятся невыносимы. Человечеству нужны неимоверные запасы родительской любви, чтобы его дети уцелели. Однако до сих пор ни одних родителей так последовательно не доводили до белого каления. Ни одним родителям не приходилось терпеть такое двадцать лет днем и ночью. Родительская любовь — великое чувство, но...

— Интересно, — задумчиво произнес он, — первые ли мы?

Мысли Миры двигались в обратном направлении.

— Полагаю, с этим дело обстоит так же, как с гландами или червеобразным отростком, — бормотала она. — Они лишние, но продолжают существовать. Терпение же, напротив, тысячелетиями ждет такого вот Александра.

— Возможно. И все же, если бы такой Александр уже был когда-то, мы бы слышали о нем. Поэтому...

Мира приподнялась на локте и взглянула на мужа.

— Ты так думаешь? — мягко спросила она. — Я в этом не уверена. Полагаю, такое вполне могло быть.

Александр вдруг замолк, и некоторое время в квартире царила тишина. Потом знакомый голос зазвучал одновременно в их мозгах, но без слов.

«Дайте мне еще немного молока. И пусть будет теплое, а не горячее».

Джо и Мира молча переглянулись. Мира вздохнула и откинула одеяло.

— Теперь пойду я, — сказала она. — Что-то новое, а? Я...

«Не тяните время», — сказал голос без слов.

Мира подпрыгнула и пискнула. В комнате послышался треск электрических разрядов, а из-за двери донесся громкий смех Александра.

— Мне кажется, он сейчас примерно на уровне хорошо выдрессированной обезьяны, — заметил Джо, вставая с постели. — Я схожу, а ты залезай обратно. В будущем году он может достичь уровня бушмена, потом, если мы, конечно, уцелеем до той поры, нам придется жить с каннибалом, обладающим сверхчеловеческими способностями. В конце концов он достигнет уровня деревенского остряка. Это будет очень интересно.

Что-то бормоча, он вышел из спальни.

Вернувшись в постель спустя десять минут, Джо заметил, что Мира хлопает себя по коленям и смотрит в пространство.

— Мы не первые, Джо, — заявила она, взглянув на него. — Я подумала и совершенно уверена, что мы не первые.

— Но мы же не слышали ни об одном подрастающем супермене...

Она повернула голову и окинула его долгим задумчивым взглядом.

— Нет... — проговорила она.

Они помолчали, потом Калдерон сказал:

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду.

В детской что-то затрещало. Александр захохотал, звук ломающегося дерева прозвучал в ночной тишине очень громко. Где-то захлопнулось еще одно окно.

— Это переломный момент, — тихо сказала Мира.

— Пресыщение, — буркнул Джо. — Пресыщение терпением или нечто подобное. Это вполне возможно.

В поле зрения появился Александр, сжимавший в руках что-то голубое. Он сел и принялся манипулировать сверкающими спицами. Мира резко поднялась.

— Джо, у него то самое голубое яйцо! Он взломал шкаф.

— Но Кват говорил ему... — начал Джо.

— Это опасно!

Александр посмотрел на них, улыбнулся и согнул спицы на манер люльки размером с яйцо.

Калдерон вдруг понял, что выскочил из кровати и находится уже на полпути к двери. Он резко остановился.

— Знаешь, — задумчиво сказал он, — это яйцо может его поранить.

— Нужно его отобрать, — согласилась Мира, неохотно поднимаясь с постели.

— Посмотри на него. Ты только посмотри на него! — настаивал Калдерон.

Александр превосходно справлялся со спицами, его руки то появлялись, то исчезали из виду, когда он крутил в руках тессеракт. Особая мина уверенного знания придавала его пухлому лицу выражение, которое они уже хорошо знали.

— И это будет происходить снова и снова, — говорил Калдерон. — Завтра он станет еще менее похож на себя, чем сегодня. А как он будет выглядеть через год?

— Я знаю, — эхом откликнулась Мира. — И все же я думаю, нам придется... — Она умолкла и внимательно смотрела, стоя рядом с мужем. — Полагаю, устройство будет готово, как только он подключит последнюю спицу. Мы должны забрать у него яйцо.

— Думаешь, мы сумеем?

— Нужно попробовать.

Они переглянулись.

— Это похоже на пасхальное яйцо. Я не слышал, чтобы они кому-то причиняли вред, — заметил Калдерон.

— Пожалуй, это даже пойдет ему на пользу, — тихо произнесла Мира. — Ребенок обожжется раз и потом уже боится огня, оставляя спички в покое.

Они продолжали молча наблюдать.

Прошло еще минуты три, прежде чем Александр добился того, чего хотел. Результат был ошеломляющим: вспышка белого света, грохот, и Александр исчез в ослепительном блеске, оставив после себя лишь запах паленого.

Когда зрение вернулось к ним, они увидели перед собой пустое место.

— Телепортация?.. — ошеломленно прошептала Мира.

— Пойду проверю.

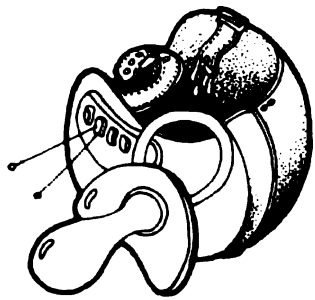
Калдерон прошел через комнату и остановился, разглядывая мокрое пятно на ковре. Рядом стояли тапочки Александра.

— Нет, это не телепортация, — сообщил он, потом глубоко вздохнул. — Он испарился, а значит, никогда не вы-

растет и не отправит в прошлое Бордента, чтобы тот вломился к нам. Ничего этого не было.

— Мы не первые, — неуверенно произнесла Мира. — Просто наступает переломный момент. Как мне жаль первых родителей, которые этого не дождались!

Мира резко отвернулась, но Калдерон успел заметить, что она плачет. Глядя ей вслед, он подумал, что лучше сейчас оставить ее в покое.

ГОЛОС ОМАРА

Не вынимая сигары из зубов, но держа ее под безопасным углом, Теренс Лао-Цзе Макдафф приник глазом к дырке в занавесе и внимательно оглядел аудиторию.

— Дело на мази, — буркнул он под нос. — А может, все-таки нет? У меня странное чувство, будто по спине взад-вперед ползает мокрая мышь. Жаль, что нельзя отправить к ним девчонку с Малой Веги, чтобы выступила вместо меня. Ну ладно... иду.

Когда занавес начал медленно подниматься, он приосанился и весело начал:

— Добрый вечер всем! Я счастлив видеть так много любознательных существ, собравшихся сегодня здесь, на самом зеленом из альдебаранских миров.

Послышались приглушенные крики, смешанные с запахом пижмы, характерным для альдебаранцев, а также с запахами многих других рас и видов. На Тау Альдебарана как раз наступило Время Лотереи, и знаменитое торжество, заключавшееся в подсчете семян в первом плоде сфиги, привлекло сюда ловцов удачи со всей Галактики. В зале был даже землянин со спутанной гривой рыжих волос. Он сидел

в первом ряду и с грозной миной смотрел на Макдаффа. С трудом избегая его взгляда, Макдафф торопливо заговорил:

— Леди, джентльмены и альдебаранцы! Я предлагаю вам мой Универсальный Радиоизотопный Гормональный Омолаживающий Эликсир — бесценное средство, которое вернет вам утраченную молодость за вполне умеренную цену, не превышающую ваших финансовых возможностей.

Какой-то предмет просвистел над головой Макдаффа. Его тренированное ухо выловило из гомона межзвездных языков несколько знакомых слов, и он понял, что чувства собравшихся далеки от одобрения.

— Этот тип мошенник! С места мне не сойти! — орал рыжеволосый землянин.

Автоматически уклонившись от перезрелого плода, Макдафф взглянул на него.

«Ого, — подумал он. — Интересно, как он сообразил, что эти карты краплены для инфракрасного света?»

Воздев руки в театральном жесте, словно прося тишины, он сделал шаг назад, пнул рычаг люка и мгновенно исчез под полом. Зрители взревели от разочарования и ярости. Быстро скользя среди старых декораций, Макдафф слышал над головой топот многочисленных ног и лап.

— Опять прольется хлорофилл, — бормотал он, мчась что есть мочи. — Все неприятности с этими альдебаранцами из-за того, что в глубине души они так и остались овощами. Никакой этики, одни рефлексы.

На бегу он споткнулся о полупустую банку прогестерона, гормона, необходимого, если олень, то есть клиент, был из птиц или млекопитающих.

— Дело наверняка не в гормонах, — вслух рассуждал Макдафф, пинком отбрасывая банку в сторону. — Все из-за того изотопа. Напишу рекламацию фирме в Чикаго. Каковы халтурщики! Следовало предвидеть, что их продукт никуда не годен — при такой-то низкой цене. Три месяца — и все! Еще и двух недель не прошло, как я продал первую бутылку! Только-только рассчитался с долгами, только-только появилась надежда на прибыль!

Последние слова он произнес уже серьезно. В этот вечер Универсальный Радиоизотопный Гормональный Омолаживающий Эликсир должен был принести Макдаффу первые деньги. Алчность альдебаранских чиновников имела размеры, редкие для существ, родившихся на огороде. Где теперь быстро достать денег, чтобы получить место на корабле? Все указывало на то, что дальнейшее пребывание на планете нежелательно.

— Одни неприятности, — пыхтел Макдафф, несясь по коридору. Он выскочил наружу и предусмотрительно перевернул штабель пустых ящиков, преграждая преследователям дорогу. Из-за образовавшейся баррикады послышались яростные вопли.

— Ну, прямо Вавилонская башня, — сказал он сам себе, переходя на рысь. — В этом главная трудность галактических путешествий: слишком много легковозбудимых рас.

Низко пригнувшись, он торопливо удалился с места происшествия, продолжая негромко комментировать его, поскольку имел обычай думать вслух. Впрочем, чаще всего это бывали похвалы в свой собственный адрес.

Убедившись, что оказался на безопасном расстоянии от толпы, пылающей жаждой мести, он замедлил шаги, вошел в небольшой ломбард и потратил несколько монет из своих скромных запасов. Взамен он получил небольшой потертый чемодан, содержавший все необходимое для поспешного бегства с планеты. Все, кроме самого главного: у Макдаффа не было билета.

Если бы он предвидел, каких размеров достигли на Тау Альдебарана коррупция и подкуп, он наверняка взял бы с собой побольше денег на взятки. Но он хотел поспеть к большому фестивалю сфиги, и времени на тщательную финансовую подготовку не хватило. Несмотря на это, он не терял присутствия духа. Капитан Мастерсон с «Саттера» был его должником, а его корабль должен был стартовать завтра утром.

— Может, и удастся что-то сделать, — невесело подумал Макдафф, шагая по улице. — Нужно подумать. Но прежде всего — Ао.

Ао, девушка с Малой Веги с выдающимися телепатическими способностями, могла бы стать превосходным фасадом — разумеется, в переносном смысле — для махинаций Макдаффа.

— Одних денег здесь мало. Даже если я сумею уговорить Ао, останется проблема ее опекуна.

Опекуном девушки являлся алголианин Эсс Пу*. Макдафф позаботился о том, чтобы быть в курсе его дел, и потому знал, что алголианин уже два дня играет в кости недалеко от центра города, в Мельнице Счастья возле Ультрафиолетового Фонаря. По видимому, противником его по-прежнему был бургомистр Альдебаран-Сити.

---

* Уменьшительная фонетическая форма. Настоящее имя произнести невозможно.

— Более того, — рассуждал Макдафф, — у Эсс Пу и Ао есть билеты на «Саттер». Прекрасно. Решение очень просто — мне нужно только присоединиться к игре, выиграть Ао и оба билета, после чего отрясти пыль этой чертовой планеты со своих ног.

Небрежно размахивая чемоданом, он быстро шагал по улицам, по-прежнему слыша вдали нарастающий шум, и вскоре уже стоял у дверей Мельницы Счастья возле Ультрафиолетового Фонаря. Низкий арочный вход был закрыт кожаными портьерами. Макдафф остановился на пороге и оглянулся, удивленно отметив, что в городе царит невероятная суматоха. Подсознательное чувство вины и самолюбие заставили его на мгновение подумать, что это из-за него. Однако, поскольку за свою долгую карьеру он лишь однажды вызвал против себя гнев жителей целой планеты*, Макдафф решил, что, вероятно, где-то пожар.

Итак, он раздвинул портьеры и вошел, пог[illegible]ывая, нет ли где-нибудь поблизости Ангуса Рэмсея. Это, как без труда догадается читатель, был рыжеволосый мужчина, порочившим Макдаффа в театре.

— А ведь он сам настаивал на покупке бутылки эликсира, — подумал неудачливый изобретатель. — Нет, его тут нет, но зато есть Эсс Пу. Я давал ему тысячу возможностей воспользоваться моим великодушием и продать Ао, но он не захотел. Пусть теперь пеняет на себя.

Напрягая мышцы своих узких плеч (приходится признать, что фигурой Макдафф несколько напоминал грушу), он пробился в угол зала, где Эсс Пу горбился над зеленым столиком вместе со своим напарником, бургомистром. Новичку в космосе могло бы показаться, что это просто невинная партия в кости между одним из местных жителей и омаром. Однако Макдафф был истинным космополитом. Уже при первой встрече с Эсс Пу, несколько недель назад, он разглядел в нем достойного и опасного противника.

Все алголиане опасны и известны своей склонностью к ссорам, неожиданным вспышкам ярости и обратной шкалой чувств.

— Это невероятно, — рассуждал Макдафф, вглядываясь в Эсс Пу. — Они чувствуют себя хорошо, только если ненавидят кого-нибудь. Чувства удовольствия и боли поменялись у них местами. Алголиане культивируют ярость, ненависть и жесткость и потому достойны сожаления.

Эсс Пу, упершись в стол покрытым чешуей локтем,

---

* Продав им Землю.

тряхнул кубок перед носом противника. Поскольку облик альдебаранских овощей хорошо известен, благодаря популярности их видеопрограмм, мне незачем описывать бургомистра детально.

Макдафф упал на ближайший стул, держа чемоданчик на коленях, открыл его и торопливо посмотрел содержимое, куда среди прочего входили: колода игральных карт, несколько слитков плутония (не стоивших ничего) и множество бутылочек с образцами гормонов и изотопов. Имелась там и небольшая пробирка с летейской пылью, этим неприятным наркотиком, действующим на психокинетическую обратную связь. Подобно тому, как повреждение мозжечка ведет к неспособности принимать какие-либо решения, летейская пыль нарушает механизм психокинеза. Макдафф решил, что небольшая путаница в психике Эсс Пу может оказаться полезной, и с этой мыслью принялся внимательно следить за игрой.

Алголианин повел по столу взглядом своих глаз, сидящих на подвижных стебельках, складчатые перепонки вокруг его физиономии стали бледно-синими. Кости покатились — выпало семь. Мембраны Эсс Пу позеленели, одна из костей еще раз дрогнула, покачнулась и перевернулась, давая единицу. Довольный алголианин щелкнул клешнями, бургомистр в отчаянии заломил руки, а Макдафф, с криком восхищения наклонился, чтобы похлопать по спине Эсс Пу и высыпать содержимое пробирки в его стакан.

— Коллега, — восторженно обратился он к омару. — Я пересек галактику из конца в конец, но еще никогда...

— Фе! — фыркнул Эсс Пу, собирая выигрыш, а потом добавил, что не продал бы Ао, даже если бы мог. — Так что вали отсюда! — закончил он, презрительно щелкая клешнями перед носом Макдаффа.

— Почему ты не можешь ее продать? — допытывался тот. — Хотя «продать» в данном случае неподходящее слово. Я имею в виду...

Тут его осенило, что алголианин уступил Ао бургомистру. Макдафф удивленно уставился на эту выдающуюся личность, которая явно чувствовала себя неважно.

— Простите, не узнал Вашей Милости, — сказал Макдафф. — Я, видите ли, с трудом различаю представителей негуманоидных рас. Правильно ли я понял, Эсс Пу — ты сказал, что продал ее бургомистру? Насколько я помню, правительство Малой Веги лишь отдает в аренду подходящим опекунам...

— Эсс Пу отказался от опеки в мою пользу, — поспешно заметил бургомистр, и это была наглая ложь.

— Убирайся, — рявкнул алголианин. — Ао ты не получишь, она — objet d'art*.

— Твое знание французского великолепно для омара, — тактично заметил Макдафф. — Что же касается этого прелестного существа, то в своем научном исследовании я собираюсь заняться прогнозированием настроений крупных скоплений народа. Как всем известно, жители Малой Веги обладают способностью ввергать слушателей в состояние ошеломления. Имея на эстраде такую девушку, как Ао, я мог бы обеспечить себе неизменный интерес аудитории.

Его прервал резкий писк видеоприемника. Все посмотрели на экраны. Дополнительные аппараты для инфракрасных и ультрафиолетовых лучей, установленные для гостей с различными типами зрения, тихо гудели. На всех видны были вытаращенные глаза диктора, читающего сообщение.

— Лига Защиты Морали уже собрала общее заседание.

Бургомистр начал было испуганно подниматься, но потом решил, что лучше остаться на месте. Судя по всему, совесть его была нечиста. Спрошенный об этом Эсс Пу грубо посоветовал Макдаффу убираться и оскорбительно надулся при этом.

— Фи, — бесстрастно ответил Макдафф, знавший, что бегает быстрее него. — Отвяжись!

Перепонки алголианина стали пурпурными от ярости. Прежде, чем он успел что-либо сказать, Макдафф быстро предложил выкупить у него билет Ао, чего сделать не мог бы, да и не собирался.

— У меня нет ее билета, — рявкнул омар. — Он у нее. А теперь убирайся, пока...

Он поперхнулся от злости, закашлялся и осушил свой стакан. Не глядя на Макдаффа, он выбросил шестерку и подтолкнул стопку жетонов на центр стола. Бургомистр с нервным интересом взглянул на видеоэкран и тоже поставил. В этот момент приемник взвыл жутким голосом обозревателя:

— ...толпы демонстрантов движутся на резиденцию правительства! Разгневанный народ требует отставки нынешней администрации, обвиняя ее в коррупции и бездарности! Непосредственной причиной беспорядков явилось, вероятно, раскрытие махинаций некоего Макдаффа...

Бургомистр Альдебаран-Сити подпрыгнул и бросился бежать, но Эсс Пу схватил его клешней за полу сюртука. Видео продолжало жутко пищать, передавая точное описание

---

* Objet d'art *(фр.)* — произведение искусства.

изобретателя Омолаживающего Эликсира, и только дымка в зале защищала Макдаффа от мгновенного опознания. Он стоял, терзаемый сомнениями: рассудок подсказывал, что нужно поскорее уходить отсюда, но инстинктивно он чувствовал, что за столом вскоре произойдет что-то интересное.

— Я должен идти домой! — стонал бургомистр. — Дела необычайной важности...

— Ставишь Ао? — допытывался омар, многозначительно потрясая клешнями. — Ставишь, а? Ставишь? Ну, говори!

— Да! — крикнул измученный бургомистр. — Да, да, да! Все что хочешь!

— У меня была шестерка, — напомнил Эсс Пу, гремя кубком. Мембраны на его морде покрылись странными пятнами, а глаза беспокойно шевельнулись на подвижных столбиках. Вспомнив о летейской пыли, Макдафф начал медленно продвигаться к выходу.

Алголианин взревел от удивления и ярости, когда увидел, как уже непослушные его воле кости легли, давая семь. Держась за горло, он схватил свой стакан и подозрительно заглянул в него. Игра кончилась. Мельница Счастья содрогнулась от диких воплей омара, но Макдафф уже выскользнул наружу и быстро скрылся в холодном, насыщенном запахом пижмы мраке альдебаранской ночи.

— Как бы то ни было, мне по-прежнему нужен билет, — рассуждал он. — А также Ао, если это возможно. Пойду-ка я во дворец бургомистра. Если меня не разорвут на кусочки, — добавил он, сворачивая, чтобы разминуться с размахивающей факелами толпой, заполнявшей улицу.

— Забавно, — бормотал Макдафф. — В такие минуты я горжусь, что принадлежу к цивилизованной расе. Да-а, это вам не Солнечная Система. — Он поспешно прополз под забором, пересек улицу и добрался до задних дверей роскошной резиденции из розового порфира. Ухватив молоток, он постучал в дверь из красного дерева. С тихим шорохом открылся глазок, и Макдафф решительно взглянул на невидимого привратника.

— Сообщение от бургомистра, — заявил он. — У него неприятности, и он послал меня, чтобы я незамедлительно привел ему девушку с Малой Веги. Это вопрос жизни и смерти. Поспеши!

Из-за двери донесся удивленный вскрик и удаляющиеся шаги. Через некоторое время дверь открылась, явив бургомистра собственной персоной.

— Вот! — воскликнул обезумевший от страха чиновник. — Она твоя. Только забери ее отсюда поскорее. Я ни-

когда в жизни не видел ни Эсс Пу, ни тебя, ни ее. Я вообще никого не видел. О, эти безумные реформаторы! Достаточно лишь тени подозрения, и я погиб, погиб!

Слегка удивленный неожиданной удачей, Макдафф быстро взял себя в руки.

— Можете на меня рассчитывать, — сказал он несчастному овощу, когда стройную красивую девушку вытолкнули за порог. — Она покинет Тау Альдебарана завтра на рассвете. Я немедленно отвезу ее на борт «Саттера».

— Да-да, хорошо! — ответил бургомистр, безуспешно пытаясь закрыть дверь, чему мешала нога Макдаффа.

— Билет на корабль у нее?

— Билет? Какой билет? А, да. Он прикреплен к ремешку на запястье. О, вот они идут! Смотрите!

Перепуганный бургомистр захлопнул дверь. Макдафф схватил Ао за руку и вместе с ней нырнул в гущу кустов, окружающих дворец. Секундой позже их поглотил густой туман и лабиринт улочек Альдебаран-Сити.

В первой же подворотне Макдафф остановился и взглянул на Ао. На нее стоило посмотреть. Девушка стояла, не думая ни о чем: ей незачем было думать, она была слишком красива.

Никому еще не удалось описать существо с Малой Веги и, вероятно, никогда не удастся. Электронные мозги выходят из строя и ртуть застывает у них в клетках памяти при попытке анализа того неуловимого фактора, что превращает любого живого в соляной столб. К сожалению, вся эта раса, а значит и Ао, не отличалась избытком интеллекта. Макдафф смотрел на девушку с чисто платоническим восторгом.

Она идеально подходила для приманки. Мозги жителей Малой Веги излучают какие-то неизвестные волны, действующие гипнотически. Макдафф знал, что если бы Ао была с ним час назад, он почти наверняка сумел бы успокоить разозленных покупателей и предотвратить беспорядки. Волшебной очарование Ао могло бы успокоить даже Ангуса Рэмсея. Удивительно, но все контакты Ао с противоположным полом имели исключительно платонический характер, разумеется, исключая представителей сильной половины населения Малой Веги. Всем остальным хватало одного ее вида. Честно говоря, зрение не имело с этим ничего общего, потому что у каждой расы свой канон красоты. Но все живые организмы одинаково реагировали на присутствие жителей Малой Веги.

— Здесь что-то назревает, моя дорогая, — сказал Мак-

дафф, размашисто шагая. — Почему бургомистру не терпелось от тебя избавиться? Конечно, нет смысла спрашивать у тебя. Лучше давай проберемся на борт «Саттера». Уверен, что капитан Мастерсон даст мне денег на билет. Сообрази я раньше, наверняка бы уговорил бургомистра одолжить мне немного... а может, и чуть побольше, — добавил он, вспомнив явное чувство вины у этого благородного гражданина. — Похоже, я упустил хороший случай.

Ао грациозно перескочила через лужу, размышляя о более приятных и возвышенных вещах.

Они уже подходили к космодрому, когда доносящиеся издалека звуки и зарево подсказали Макдаффу, что толпа подожгла порфировый дворец бургомистра.

— Это всего лишь овощ, — сказал он себе, — и все-таки я чувствую... О господи!

Он умолк, потрясенный. Перед ними раскинулся космодром, на котором сверкало толстое тело «Саттера». Послышался рокочущий раскат — корабль прогревал двигатели. Толпа пассажиров бурлила на помосте перед ним.

— Боже, они улетают, даже не сообщив пассажирам! — воскликнул Макдафф. — А может, они дали извещение по видео? Да, пожалуй, так и было. Это осложняет дело. Капитан Мастерсон будет в рубке, в комнате с надписью «Не мешать» на двери. Старт корабля — дело сложное. Как на Тау Альдебарана попасть на борт, имея на двоих только один билет?

Двигатели угрюмо урчали, тяжелые полосы тумана ползли по черным и белым плитам взлетного поля. Макдафф побежал, таща за собой Ао.

— Есть идея, — сипел он. — Во-первых, нужно пробраться на корабль. Потом они, конечно, проверят всех пассажиров, но капитан... гмм...

Он внимательно вгляделся в офицера, стоявшего на конце помоста, проверявшего билеты и отмечавшего в списке фамилии пассажиров. Путешественники, слегка встревоженные, двигались в образцовом порядке, видимо, успокоенные уверенным голосом офицера. Макдафф пушечным ядром ворвался на помост, таща за собой Ао и вереща во все горло.

— Они идут! — ревел он, продираясь сквозь толпу и опрокидывая по пути массивного жителя Сатурна. — Это второе восстание боксеров*! Вторжение ксериан! Все бегают и кричат: «Альдебаран для альдебаранцев!»

---

* Имеется в виду восстание в Китае в 1911 году.

Волоча Ао и яростно размахивая чемоданом, он буквально месил густую толпу пассажиров, бегал взад-вперед по помосту, распихивая стоявших в очереди и истошно крича. Офицер у люка попытался его перекричать, но без особого успеха. Стараясь придерживаться приказа, он заверил, что пусть даже капитан ранен, нет причин для беспокойства...

— Слишком поздно! — завыл Макдафф, ныряя в центр быстро растущей группы, поддавшейся панике. — Слышите, что они кричат? «Смерть чужеземцам!» Кровожадные дикари. Слишком поздно, слишком поздно! — добавил он, пробиваясь вместе с Ао сквозь толпу. — Закрывайте люк! К оружию! Они уже здесь!

В этот момент очередь рассыпалась, и перепуганные пассажиры различных рас бросились на штурм люка. Судорожно стискивая чемодан и Ао, Макдафф возглавил атаку и секундой позже оказался вместе с остальными на корабле, оставив позади лежащих пластом офицеров. Торопливо проверив свое имущество, он пробежал по коридору, а затем перешел на быстрый шаг. Если не считать Ао, вокруг никого не было. Издалека доносились чьи-то проклятья.

— Паника имеет свои положительные стороны, — бормотал Макдафф. — У меня не было другого способа. Что этот дурень говорил о капитане? Ранен? Надеюсь, ничего серьезного. Я должен выбить у него кредит. Ну, моя дорогая, какая у тебя каюта? А, вот оно — отсек R. Лучше укроемся до тех пор, пока не окажемся в космосе. Слышишь сигнал? Это значит, что мы стартуем, и, следовательно, проверка билетов откладывается. Быстро в сетку, Ао!

Он рывком открыл дверь каюты R и толкнул девушку к паутине волокон, свешивающихся с потолка, словно гамак.

— Входи и жди меня, — приказал он. — Я должен найти еще один гамак.

Тонкая сетка влекла Ао словно пена морской волны сирену. В одно мгновение девушка скользнула в ее мягкое нутро, мечтательно глядя вдаль.

— Очень хорошо, — сказал Макдафф сам себе.

Он вышел, закрыл за собой дверь и направился к каюте X, которая, к счастью, не была заперта. Кроме того, никто не занимал единственного гамака.

— Ну вот... — начал было Макдафф.

— Это опять ты! — раздался вдруг знакомый голос.

Макдафф быстро повернулся на пороге. На другой стороне коридора, в дверях соседней с Ао каюты стоял уже знакомый читателям омар.

— Какой сюрприз, — сердечно сказал Макдафф. — Мой

старый друг Эсс Пу. Единственный... гмм... алголианин, которого я хотел бы...

Закончить ему не дали. Выкрикивая что-то, в чем с трудом можно было разобрать слова «пыль» и «летейская», Эсс Пу бросился вперед. Макдафф поспешно захлопнул дверь и повернул ключ. Снаружи послышался глухой удар и яростный скрежет.

— Наглое нарушение общественного порядка, — бормотал он про себя.

Напор на дверь усиливался, но его заглушил звуковой и инфразвуковой сигнал, предупреждающий об экстренном старте. Дверь оставили в покое, скрежет клешней затих. Макдафф прыгнул в противоперегрузочную сетку. Устраиваясь в ее мягких волокнах, он надеялся, что склочный алголианин не успеет вовремя к своему гамаку и ускорение размажет его по полу. Двигатели плюнули огнем, «Саттер» покинул беспокойную планету и ее взбудораженных жителей, а неприятности Макдаффа только начались.

Пожалуй, пора уже объяснить, во что же невольно впутался Макдафф. Я уже упоминал мимоходом о таких, казалось бы, не связанных вещах, как семена сфиги и ксериане.

В самых дорогих парфюмерных магазинах на самых роскошных планетах можно найти малюсенькие пузырьки, содержащие несколько капель жидкости соломенного цвета и украшенные знаменитой этикеткой «Сфиги № 00». Эти духи из духов ценятся одинаково, независимо от того, продают их в обычной бутылочке или в платиновом флаконе, украшенном драгоценными камнями. Они настолько дороги, что по сравнению с ними «Кассандра», «Радость Патоу» и «Марсианская Страсть» — просто дешевка.

Сфиги — растение-эндемик Тау Альдебарана. Его семена охраняются так тщательно, что даже основным соперникам альдебаранцев — ксерианам, не удалось раздобыть их ни силой, ни хитростью, ни даже честной торговлей. Все знают, что ксериане продали бы свои души или, точнее, душу, за несколько семян. Из-за их сходства с термитами всегда имелось сомнение, обладает ли отдельный ксерианин разумом и волей, или же все представители этой расы являются клетками одного общего мозга, выполняющими приказы коллектива.

Основная сложность со сфиги заключается в том, что цикл развития растения должен идти почти непрерывно. Семена теряют всхожесть через тридцать часов после снятия плода с растения...

— Мягкий старт, — бормотал Макдафф, выбираясь из

гамака. — Вряд ли Эсс Пу получил хотя бы трещину в панцире.

Он выглянул наружу и в ту же секунду дверь по другую сторону коридора стремительно распахнулась, явив готового к броску алголианина. Макдафф отпрянул назад со скоростью испуганной газели.

— Как крыса в ловушке, — бормотал он, расхаживая по каюте из угла в угол. — Где тут интерком? Вопиющее беззаконие! Ага, вот он. Прошу немедленно соединить меня с капитаном! Говорит Макдафф, Теренс Лао-Цзе Макдафф. Капитан Мастерсон? Хочу поблагодарить вас за удачный старт. Превосходная работа. Я слышал, с вами случилось несчастье... надеюсь, ничего серьезного?

Интерком издал предсмертный хрип, набрал воздуха и изрек:

— Макдафф.

— Вас ранили в горло? — сочувственно предположил Макдафф. — Однако, к делу, капитан. У вас на борту опасный маньяк. Этот алголианский омар совершенно спятил и караулит под моей дверью — каюта X — собираясь убить меня, если я выйду. Пришлите, пожалуйста, пару вооруженных людей.

Из интеркома донеслись странные звуки, которые Макдафф принял за подтверждение.

— Спасибо, капитан, — вежливо сказал он. — И еще одна мелочь. Обстоятельства заставили меня прибыть на корабль в последний момент, и я не успел купить билет. Время поджимало, а кроме того, я должен был позаботиться о девушке с Малой Веги и защитить ее от гнусных посягательств Эсс Пу. Хорошо бы, если известие о ее присутствии в каюте R не дошло бы до этого омара.

Он глубоко вздохнул и доверительно произнес:

— Произошли ужасающие события, капитан Мастерсон. Меня преследовала толпа, жаждущая крови, Эсс Пу пытался обмануть при игре в кости, а Ангус Рэмсей угрожал...

— Рэмсей?

— Возможно, вы слышали это имя, хотя оно наверняка фальшивое. Его с треском вышвырнули со службы за контрабанду опиума. Я уверен...

Кто-то постучал в дверь кабины, и Макдафф на секунду умолк.

— Быстро сработано, капитан, — сказал он. — Полагаю, это ваши люди?

В ответ послышалось утвердительное бормотание, и трубку положили.

— Au revoir*, — сказал Макдафф и открыл дверь. Перед ним стояли двое членов экипажа в форме. По другую сторону коридора в открытой двери каюты стоял Эсс Пу и тяжело сопел.

— У вас есть оружие? — спросил Макдафф. — Этот рак готов нас атаковать.

— Каюта X, — сказал один из мужчин. — Ваша фамилия Макдафф? Капитан хочет вас видеть.

— Разумеется, — ответил Макдафф, достал сигару и смело вышел в коридор, убедившись, однако, что один из стражников находится между ним и Эсс Пу. Развязно срезая кончик сигары, он вдруг остановился и ноздри его задрожали.

— Идемте, — сказал охранник.

Макдафф не шелохнулся. Из открытой кабины алголианина доносился слабый восхитительный запах — словно дохнуло ветерком из рая. Макдафф, наконец, прикурил и торопливо двинулся по коридору, выпустив густой клуб дыма.

— Идемте, идемте к капитану. Я должен с ним повидаться.

— Тоже мне новость, — сказал стражник, выдвигаясь вперед, тогда как второй сместился за спину Макдаффа. Так они дошли до офицерских кают, и всю дорогу Макдафф с удовольствием разглядывал себя в зеркальных переборках.

— Впечатляюще, — бормотал он, выпуская клубы душистого дыма. — Конечно, не красавчик, но по-своему неплох. А живот — просто признак хорошего питания... А, капитан Мастерсон! Отлично, мои дорогие, теперь вы можете оставить нас наедине. И закройте за собой дверь. Ну, капитан...

Он вдруг умолк. Мужчина за столом медленно поднял голову. Как наверняка поняли все, кроме самых глупых читателей, это был Ангус Рэмсей.

— Значит, контрабанда опиума?! — сказал он, скаля зубы в недоброй усмешкѐ. — Выброшен со службы?! Ах ты, жалкий мошенник! Да знаешь ли ты, что я с тобой сделаю?!

— Бунт! — пролепетал Макдафф. — Что вы здесь делаете? Взбунтовали экипаж и захватили «Саттер»? Это вам с рук не сойдет! Где капитан Мастерсон?

— Капитан Мастерсон, — ответил Рэмсей, с видимым усилием сдерживая гнев и забывая на момент о своей привычке пользоваться сленгом, — лежит в больнице на Тау Альдебарана. Видимо, бедняга попал в руки разъяренной

---

* Au revoir *(фр.)* — до свидания.

толпы. В результате капитаном «Саттера» стал я. И для меня имеет значение только одно: у тебя нет билета.

— Вы меня неверно поняли, — сказал Макдафф. — Разумеется, у меня был билет. Подымаясь на борт, я отдал его офицеру. Этому интеркому совершенно нельзя верить.

— Так же, как и твоему Эликсиру Бессмертия или некоторым игрокам, использующим карты, крапленые для инфракрасного света, — буркнул капитан Рэмсей, многозначительно сжимая кулаки.

— Вы ответите за нарушение личной неприкосновенности, — испуганно напомнил Макдафф. — У меня есть право гражданина...

— Верно, — согласился Рэмсей, — но у тебя нет прав пассажира на этом корабле. Так что ты, жалкий клоун, будешь пахать за свой билет до первой остановки на Ксерии, а там получишь пинка под зад.

— Я куплю билет, — пообещал Макдафф. — Правда, сейчас это для меня несколько сложно...

— Если я поймаю тебя на надувательстве пассажиров или на азартных играх с кем-либо, ты сядешь в кутузку, — коротко сказал капитан. — Вышвырнули, да? За контрабанду опиума! Ха!

Макдафф лихорадочно перечислял свои права, но Рэмсей лишь злорадно посмеивался.

— Если бы ты попался мне на Альдебаране, — сказал он, — я с удовольствием разорвал бы на куски твою жирную тушу. Щас придется обойтись тем, что ты будешь пахать с уборщиками. На этом корабле ты будешь честным, хоть сдохнешь с непривычки. А если ты думаешь о той девушке с Малой Веги, то я все проверил, и стянуть у нее билет тебе не удастся.

— Вы не смеете лишать ее опеки! Это бесчеловечно! — крикнул Макдафф.

— Пшел вон! — гневно прервал его Рэмсей, вставая. — И берись за работу!

— Минуточку, — сказал Макдафф. — Вы пожалеете, если не выслушаете меня. На этом корабле совершено преступление.

— Верно, — ответил капитан, — и я уже просек, кто его совершил. Катись!

Он бросил в интерком несколько слов, и в дверях появились охранники.

— Нет! — заорал Макдафф, чувствуя неумолимое приближение тяжелой работы. — Это Эсс Пу! Алголианин! Он...

— Если ты надул его, как и меня... — начал капитан Рэмсей.

— Это контрабандист! — крикнул Макдафф, вырываясь из рук охранников, тащивших его из комнаты. — Он вывозит сфиги с Тау Альдебарана! Говорю вам, я учуял запах! У вас на борту контрабанда, капитан Рэмсей!

— Стой! — приказал Рэмсей. — Поставьте его. Это что — новый прикол?

— Я унюхал его, — упорствовал Макдафф. — Вы же знаете, как пахнет сфиги, тут не ошибешься. У него в каюте наверняка есть растения.

— Растения? — задумался Рэмсей. — Вот те на! Гмм... Ну ладно, позовите сюда Эсс Пу.

Он опустился в кресло, пристально глядя на Макдаффа. Тот бодро потер ладони.

— Можете ничего не говорить, капитан. Не нужно извиняться за излишнее рвение ваших людей. Разоблачив перед вами этого опасного преступника, я подвергну его перекрестному допросу, и он признается во всем. Разумеется, вы его арестуете, и каюта окажется свободной. Я взываю к вашему чувству справедливости.

— Тс-с-с, — ответил капитан Рэмсей. — Заткнись.

Грозно хмурясь, он вглядывался в дверь. Наконец она открылась, и вошел Эсс Пу. Он неуклюже направился к столу и вдруг заметил ненавистного врага. Мембраны на его физиономии мгновенно покраснели, а клешни поднялись для удара, судорожно щелкая.

— Но-но, приятель! — предупредил его Рэмсей.

— Вот именно, — подхватил Макдафф. — Помни, где находишься. Все раскрылось, Эсс Пу, и ложь тебе не поможет. Шаг за шагом мы с капитаном докопались до истины. Ты продался ксерианам, выкрал семена сфиги, и сейчас доказательство вины находится в твоей каюте.

Рэмсей задумчиво смотрел на алголианина.

— Н-ну? — спросил он.

— Подождите немного, — сказал Макдафф. — Когда Эсс Пу убедится, что мы знаем все, он поймет бессмысленность запирательства. Позвольте действовать мне.

Видя, что Макдаффа не остановить, капитан буркнул что-то неразборчивое и, взяв толстый том «Справочника межзвездного права», принялся листать страницы. Эсс Пу резко щелкнул клешнями.

— Неважный план, — продолжал Макдафф. — С самого начала даже для меня, гостя на Тау Альдебаране, было ясно, что администрация планеты насквозь продажна. Нужно ли и дальше искать ответ? Думаю, нет. Сейчас мы летим прямо на Ксерию, чьи жители много лет подряд всеми правдами

и неправдами стараются порушить монополию альдебаранцев.

Он с негодованием ткнул сигарой в сторону алголианина.

— Купленный ксерианами, ты прибыл на Тау Альдебарана, сам подкупил несколько высших чиновников, добыл семена сфиги и перехитрил таможенников. Подарив бургомистру Ао, ты заручился его тайной поддержкой. Можешь пока не отвечать, — поспешно добавил он, желая продлить свой триумф.

Эсс Пу вдруг вспомнил кое-что, и из горла его вырвался булькающий звук:

— Летейская пыль! А-а-а! — Алголианин бросился на Макдаффа.

Тот поспешно отступил за стол.

— Вызовите своих людей, капитан, — посоветовал он. — Он совсем спятил. Нужно его разоружить.

— Алголианина можно разоружить, только расчленив, — рассеянно ответил Рэмсей, отрываясь от параграфов и статей. — Я вижу, ты не оправдываешься, Эсс Пу?

— А как он может оправдываться? — вмешался Макдафф. — Этот близорукий мерзавец посадил семена в своей кабине, и даже не поставил там нейтрализатор запахов. Глупцов не стоит жалеть.

— Н-ну? — спросил капитан с непонятным сомнением.

Эсс Пу тряхнул узкими плечами, многозначительно хлопнул хвостом об пол и раззявил пасть, изображая улыбку.

— Сфиги? — спросил он. — Конечно. Ну и что?

— Сам признался! — восхитился Макдафф. — Больше ничего и не требуется. Берите его. Мы поделимся наградой, если она будет, капитан.

— Нет, — решительно ответил Рэмсей, откладывая справочник. — Ты снова влип, Макдафф, потому что не знаешь межзвездного права. Мы находимся за пределами зоны ионизации Тау Альдебарана, и значит, вне ее юрисдикции. Все остальное — просто треп, однако значение этого параграфа совершенно ясно. Альдебаранцы сами должны были следить, чтобы никто не выкрал у них семена сфиги, а если уж не смогли этого сделать, то мне-то и подавно наплевать. Честно говоря, и не могу. Это противоречит закону.

— Вот именно, — самодовольно ответил Эсс Пу.

Макдафф вздохнул.

— Вы потворствуете контрабанде?

— Ко мне не подкопаешься, — сказал алголианин, делая в сторону Макдаффа оскорбительный жест.

— Он прав, — признал Рэмсей. — Закон говорит об этом совершенно однозначно. Что касается моего к этому отношения, то Эсс Пу может держать у себя сфиги, маргаритки и даже заразиху, — задумчиво добавил он.

Омар фыркнул и повернулся к двери. Макдафф умоляюще положил руку на плечо капитана.

— Но он мне угрожал! Моя жизнь в опасности! Взгляните на его клешни.

— Да, — неохотно сказал Рэмсей. — Ты знаешь, что грозит за убийство, Эсс Пу? Хорошо. Приказываю тебе не убивать этого жалкого мошенника. Я вынужден придерживаться устава, поэтому смотри, чтобы я или кто-нибудь из команды не поймал тебя на месте преступления. Усек?

Эсс Пу, похоже, все усек. Он хрипло засмеялся, щелкнул клешнями и выкатился из комнаты, весело раскачиваясь на ходу.

Оба охранника стояли под дверью.

— Сюда, — приказал им Рэмсей. — У меня есть для вас работа. Отведите этого зайца к уборщикам, и пусть старший им займется.

— Нет! Нет!! — заверещал Макдафф, пятясь. — Только троньте меня! Отпустите! Я не пойду! Отпустите меня! Капитан, я требую... Капитан Рэмсей!

Прошло несколько дней, разумеется, бортового времени. Ао по-прежнему лежала, свернувшись в своем гамаке, погруженная в сонные видения. Где-то под потолком послышалось сопение, скрежет и покашливание, а затем за решеткой вентиляционного отверстия появилось лицо Макдаффа.

— Ах, моя маленькая подружка, — приветствовал он ее. — Так вот где ты. Мне теперь приходится ползать по вентиляционным каналам, словно какому-то фагоциту.

Он внимательно осмотрел густую сетку.

— Приварена, как и везде. Во всяком случае, я хоть вижу, что к тебе хорошо относятся, моя дорогая.

Он вожделенно уставился на обильно заставленный поднос с завтраком. Ао мечтательно смотрела в пространство.

— Я отправил сообщение, — продолжал голос из глубины стены. — Продал несколько ценных семейных реликвий, которые были при мне, и набрал достаточно денег, чтобы послать телеграмму по льготному тарифу. К счастью, мое удостоверение журналиста еще сохранилось.

Среди обширной коллекции документов Макдаффа мож-

но было найти что угодно, вплоть до членского билета Клуба Низкорослых Любителей Овсянки и Маршей.

— Более того, я только что получил ответ. И теперь придется рискнуть, моя дорогая. Сегодня в кают-компании объявят условия лотереи, и я должен там быть, даже под угрозой ареста или избиения. Это будет нелегко. Можно сказать, я пал здесь жертвой всех возможных оскорблений, за исключением... какая наглость! — воскликнул он вдруг.

Веревка, обвязанная вокруг ноги, натянулась и потащила его вглубь шахты. Крики Макдаффа быстро удалялись. Слабеющим голосом он сообщил, что в кармане у него бутылка битетрапентатрихлорофеноксиуксусной кислоты, которая может разбиться и угрожать его жизни. После этого все стихло. Ао осталась невозмутимой, почти не заметив недолгое присутствие Макдаффа.

— Да, — философски заметил этот последний, удирая по коридору от твердого носка ботинка инспектора контроля атмосферы, — справедливость слепа. Вот тебе благодарность за сверхурочную работу... по крайней мере, три минуты после конца рабочего дня. Зато теперь я свободен и могу приступить к делу.

Пять минут спустя, ускользнув от инспектора и слегка почистившись, он смело двинулся в кают-компанию.

— Очко в мою пользу, — рассуждал он. — Эсс Пу, вероятно, не знает, что Ао здесь. Когда он в прошлый раз гнался за мной, то все время жаловался, что из-за меня оставил ее на Альдебаране. Увы, пока это мое единственное преимущество. А сейчас нужно затеряться среди пассажиров и не попасться на глаза Эсс Пу, капитану Рэмсею и остальной команде. Хотел бы я обладать способностями жителей Церес*. Ну ладно...

Осторожно продвигаясь в сторону кают-компании, Макдафф размышлял о преследующих его неудачах. Молниеносный темп, в котором он скатывался по лестнице общественной иерархии корабля, просто ошеломлял.

— Хотите заставить Архимеда работать лопатой? — спросил он. — Это все равно, что взвешивать слона на аналитических весах.

Ему велели заткнуться и браться за лопату. Макдафф тут же принялся обдумывать лучший способ использования принципа рычага. Какое-то время у него занял точный расчет коэффициента влияния фоновой радиоактивности на альфа-волны мозга.

---

* Жителей Церес долгое время считали невидимыми. В конце концов оказалось, что на Церес никто не живет.

— Иначе может случиться что угодно, — объяснил он и продемонстрировал.

Черенок с треском сломался.

По просьбе старшего уборщика Макдаффа перевели на другую работу. Однако вскоре стало ясно, что знания, которыми он обладает, не включают сведений о глажении белья, смазывании гомеостатически-симбиотического контрольного механизма, обеспечивающего удобства пассажирам, равно как и умения проверять показатель рефракции биметаллических термостатов. Когда это было доказано на практике, его перевели в секцию гидропоники, где он устроил происшествие с радиоактивным изотопом углерода. Макдафф говорил потом, что дело тут не в изотопе, а в гаммексене, точнее, в применении этого инсектицида без мезоинозитола...

Как бы то ни было, когда тридцать квадратных футов тепличного ревеня принялись в результате мутации, вызванной гаммексеном, выделять двуокись углерода, Макдаффа отправили прямо на кухню, где ему удалось подсыпать в суп гормон роста, что едва не привело к катастрофе.

Сейчас он был не самым ценным работником секции контроля атмосферы и выполнял работу, которой никто другой заниматься не хотел. Все чаще чувствовал он запах сфиги. Ничто не могло замаскировать этого специфического аромата, проходящего с помощью осмоса сквозь клеточные фильтры, проникающего во все уголки корабля и в ноздри всех пассажиров.

Пробираясь в кают-компанию, Макдафф отметил, что слово «сфиги» было на устах у всех, как он и предвидел.

Он осторожно остановился на пороге зала, окружающего весь корабль по периметру наподобие пояса — или, точнее, галстука — так что пол везде поднимался в обе стороны. Идущий по этому залу, чувствовал себя как белка в колесе.

— Какая роскошь! — вслух подумал Макдафф.

Его душа сибарита рвалась к столикам, заставленным всевозможными холодными закусками. Мимо проехал по своему рельсу подвижной бар, похожий на дворец изо льда. Оркестр играл «Звездные Дни и Солнечные Ночи» — произведение, вполне уместное на корабле, летящем в пространстве, а воздух наполнял чудесный аромат сфиги.

Несколько минут Макдафф невозмутимо стоял у дверей, разглядывая толпу пассажиров. Он ждал появления капитана Рэмсея. Наконец послышались возбужденные голоса, и пассажиры сбежали по наклонному полу салона, собравшись

в одном месте. Прибыл капитан. Макдафф молниеносно растворился в толпе.

С улыбкой на покрытом шрамами лице Рэмсей стоял посреди кают-компании. Он нигде не видел ни следа Макдаффа, хотя время от времени из-за широкого тела представителя чешуекрылых с Плутона доносились чьи-то тихие комментарии.

Капитан заговорил:

— Как вы, конечно, знаете, мы должны установить правила лотереи. Возможно, кое-кто из вас впервые в космосе, поэтому мой заместитель объяснит, как это делается. Мистер Френч, пожалуйста.

Мистер Френч, серьезный молодой человек, откашлялся, помешкал и внимательно оглядел собравшихся, когда за спиной чешуекрылого пассажира кто-то захлопал в ладоши.

— Спасибо, — сказал он. — Э-э... многие, вероятно, знают принципы традиционной корабельной лотереи, когда пассажиры угадывали время прибытия судна в порт. Наши компенсационные системы, эффекторы и субтракторы ведут наш корабль настолько четко, что мы можем не сомневаться в точном времени прибытия на Ксерию...

— К делу, парень, к делу, — произнес чей-то голос, и капитан Рэмсей нервно посмотрел в сторону пассажира с Плутона.

— Э-э... да, — продолжал мистер Френч. — Есть у кого-нибудь идеи?

— Угадывание даты на монете, — предложил кто-то, но его заглушил хор голосов, произносящих слово «сфиги».

— Сфиги? — спросил капитан Рэмсей, изображая удивление. — Вы говорите о духах?

Все рассмеялись. Слово взял житель Каллисто, похожий на мышь.

— Капитан Рэмсей, — сказал он. — А может, устроить лотерею с семенами сфиги, как это делают на Тау Альдебарана? Насколько я знаю, она заключается в угадывании числа семян в первом плоде сезона. Предсказать количество семян невозможно. Иногда их несколько сотен, иногда — несколько тысяч и сосчитать их нельзя, не разрезая плода. Если Эсс Пу согласится...

— Позвольте мне убедить алголианина, — сказал капитан.

Омар угрюмо поглядывал по сторонам и поначалу отказался, но потом согласился — за половину выигрыша. Только очарование сфиги и исключительный шанс рассказывать об этой лотерее всю оставшуюся жизнь заставили пассажи-

ров смириться с такой беспардонной алчностью. В конце концов все было оговорено.

— Стюарды пройдут по кают-компании, — сказал Рэмсей, — и раздадут карточки. На них нужно написать свою фамилию и предполагаемое число семян сфиги, а затем бросить в ящик. Эсс Пу, вы тоже можете принять участие, если захотите.

Алголианин захотел. Он не собирался упускать случая. После долгого раздумья он написал какое-то число, со злостью нацарапал свою подпись (фонетическую) и уже хотел удалиться, когда что-то еще более утонченное, чем запах сфиги, воцарилось в воздухе. Разговоры стихли, и все головы повернулись в одну сторону. Удивленный Эсс Пу огляделся, и его яростный рев несколько секунд метался между стенами кают-компании. Стоявшая на пороге Ао не обратила на это внимания. Она вглядывалась своими прекрасными глазами куда-то вдаль, распространяя вокруг себя волны очарования. Ее присутствие подняло температуру всех живых существ в салоне, и Эсс Пу не был исключением. Как я уже говорил, хорошее самочувствие алголианина обычно выражается в безграничной ярости.

— Моя! — хрипел омар, размахивая клешнями перед носом капитана. — Она моя!

— Держи свои клешни при себе, приятель, — с достоинством ответил Рэмсей. — Пошли-ка вон в тот угол. Попробуй-ка изложить свое дело повежливее. Вот щас давай!

Эсс Пу потребовал Ао и достал документ, подтверждающий, что он прибыл на Тау Альдебарана с девушкой, как ее опекун. Капитан Рэмсей задумчиво потер подбородок. Тем временем бурлили пассажиры, бросая свернутые карточки в ящик. Запыхавшийся Макдафф выбрался из толпы как раз вовремя, чтобы вырвать девушку из клешней.

— Полегче, омар! — с угрозой произнес он. — Только тронь ее, и пожалеешь!

Таща за собой Ао, он отскочил за спину капитана Рэмсея.

— Так я и думал, — сказал офицер, грозя пальцем омару. — Не говорил ли я тебе, Макдафф, чтобы ты не приближался к пассажирам?

— Это нарушение закона! — кричал Макдафф. — Ао находится под опекой у меня, а не у этого уголовника!

— И ты можешь это доказать? — спросил Рэмсей. — У него-то есть свидетельство.

Макдафф вырвал документ из клешни Эсс Пу, бегло просмотрел, смял и бросил на пол.

— Вздор! — презрительно сказал он, обвиняющим жестом вынимая телеграмму. — Читайте, капитан. Как видите, это отправлено правительством Малой Веги. Они утверждают, что Ао была нелегально вывезена с планеты, и что именно алголианин подозревается в этом преступлении.

— Что? — удивился Рэмсей. — Минуточку, Эсс Пу!

Однако омар уже торопливо пробирался к выходу. Рэмсей нахмурился, перечел телеграмму, потом оглядел зал и подошел к цефанскому прокурору, находившемуся среди пассажиров. После краткого разговора он вернулся, качая головой.

— Я мало что могу сделать, Макдафф, — сказал он. — Это не нарушение межзвездного закона, увы. Я лишь могу отдать Ао законному владельцу, а поскольку такого здесь нет...

— Ошибаетесь, капитан, — прервал его Макдафф. — Вам нужен законный опекун девушки? Он перед вами. Вот вторая часть телеграммы.

— Что?! — воскликнул капитан Рэмсей.

— Вот именно: Теренс Лао-Цзе Макдафф. Так здесь написано. Правительство Малой Веги приняло мое предложение стать Loco parentis* для Ао, pro tem**.

— Ладно, — неохотно согласился офицер, — Ао остается под твоей опекой. Тебе придется утрясать это с властями на Ксерии, ибо, не будь я Ангус Рэмсей, ты вылетишь с корабля, едва только мы сядем. Можете драться там с Эсс Пу. А пока я не желаю видеть члена команды среди пассажиров. Шагом марш!!!

— Я требую уважения моих прав пассажира, — запальчиво произнес Макдафф, отступая на шаг. — Лотерея включена в стоимость билета, и я требую...

— Ты не пассажир, а недисциплинированный член команды.

— Ао пассажирка! — пискнул довольный Макдафф. — Она имеет право участвовать в лотерее, не так ли? Ну, капитан, дайте же мне карточку!

Рэмсей пробормотал что-то сквозь зубы, но сделал знак стюарду.

— Пусть Ао заполнит карточку.

— Вздор, — сказал Макдафф. — Ао находится под моей опекой, и я заполню карточку вместо нее. Более того, если окажется, что каким-то чудом она выиграла, я буду обязан

---

* Loco parentis *(лат.)* — здесь: опекуном.
** pro tem *(лат.)* — временно.

распорядиться этими деньгами в ее интересах, то есть купить нам обоим билеты на Малую Вегу.

— К чему весь этот шум? — смягчился вдруг капитан. — Если тебе повезет, если произойдет такое чудо...

Прикрывая рукой карточку, Макдафф быстро заполнил ее, свернул и бросил в отверстие. Рэмсей взял у стюарда ящик и запечатал его.

— Честно говоря, — заметил Макдафф, глядя на него, — меня угнетает атмосфера, царящая на «Саттере». Глядя на потворство контрабанде, мошенничество адвокатов и азартные игры, вынужден заметить, капитан, что ваш корабль — гнездо порока. Идем, Ао, поищем воздуха посвежее.

Ао лизнула свой большой палец и подумала о чем-то очень приятном, может, о вкусе своего пальца. Этого никто никогда не узнает.

Прошло немного времени — и бергсонианского, и ньютоновского. Похоже было, что Макдаффу недолго осталось пребывать на корабле.

— Взявший меч от меча и погибнет, — сказал капитан Рэмсей своему первому офицеру в тот день, когда «Саттер» должен был прибыть на Ксерию. — Я только удивляюсь, что Макдафф до сих пор ухитряется избегать клешней Эсс Пу, хотя постоянно крутится вокруг сфиги. Не пойму, чего он хочет добиться, торча у кабины алголианина со счетчиком йодистого натрия и спектроскопами. Что бы он ни написал на своей карточке, этого уже не изменить: ящик заперт в моем сейфе.

— А если он найдет способ открыть его?

— Не найдет. Кроме часового замка сейф контролируется альфа-волнами моего мозга... О, легок на помине. Смотрите-ка, кто к нам идет.

В коридоре появилась приземистая, но ловкая фигура, на шаг опережавшая алголианина. Макдафф тяжело дышал и, заметив офицеров, скользнул между ними, как цыпленок под крыло наседки. Ослепленный ненавистью, омар щелкнул клешнями перед носом капитана.

— Опомнись, человече! — крикнул ему Рэмсей.

Эсс Пу что-то пробулькал и замахал в воздухе какой-то бумагой.

— Много чести! — язвительно заметил из своего временного укрытия Макдафф.— Это же просто омар-переросток. Стоит кому-то вырасти, как его относят к гуманоидам; совсем снизили критерии. Так и лезет всякая шпана со всей

Галактики. Марсиане положили начало, и теперь уже не остановишь. Я понимаю: некоторый либерализм нужен, но ведь это оскорбляет достоинство истинных гуманоидов, когда гордым именем Человек называют какого-то там омара. Он ведь даже не двуногий. Честно говоря, даже то, как он носит свой панцирь, оскорбительно для общественной морали.

— Да ладно, это я так, к слову пришлось. Что это такое, Эсс Пу? Что за бумагу ты мне суешь?

Из бессвязного бормотания алголианина офицеры поняли, что Макдафф уронил эту бумагу, удирая. Омар требовал, чтобы капитан внимательно прочел эти записи.

— Потом, — ответил Рэмсей, запихивая ее в карман. — Щас мы будем садиться на Ксерию, и мне нужно в рубку. Шагом марш, Макдафф!

Макдафф повиновался с удивительной готовностью, по крайней мере, пока находился в поле зрения капитана. Хрипло ворча, Эсс Пу двинулся следом за ним. Только тогда капитан вынул бумагу из кармана, прочитал, фыркнул и подал первому офицеру. На листе было написано:

Задача: Определить, сколько семян находится в спелом плоде, в котором, кстати, не все семена могут быть уже сформированы. Обычный диапазон волн непригоден.

Первый день: Попытка пометить сфиги радиоактивным изотопом, чтобы затем день за днем следить за его распадом и составлять графики. Неудача. Эсс Пу расставил ловушку — явный признак преступного менталитета. Удалось ускользнуть.

Второй день: Попытка подкупить Эсс Пу Эликсиром Молодости. Увы, я забыл, что алголиане презирают молодость (маленькие мозги больше всего ценят крупные размеры). Эсс Пу в ярости.

Третий день: Попытка сфокусировать инфракрасное излучение на сфиги и измерить вторичное излучение акустическим интерферометром. Неудача. Эксперимент с окрашиванием клеток плода световыми волнами. Неудача.

Четвертый день: Попытка впустить хлороформ в кабину Эсс Пу. Неудача. Невозможно подобраться к плоду настолько, чтобы опробовать протонный ядерный резонанс. Начинаю подозревать, что Эсс Пу повинен в том, что случилось с капитаном Мастерсоном на Тау Альдебарана. Вероятно, подкрался к нему сзади на темной улице. Все грубияны — трусы. Не забыть бы натравить на Эсс Пу ксериан после посадки. Но как?

На этом «дневник» заканчивался. Френч вопросительно взглянул на капитана.

— Я не знал, что Макдафф использует такие научные методы, — буркнул Рэмсей. — Это лишь подтверждает слова Эсс Пу о том, что Макдафф пытается подобраться к сфиги. Однако, до сих пор он не смог и впредь не сможет. А щас готовимся к посадке.

И он удалился вместе с наступающим ему на пятки первым офицером. Некоторое время в коридоре было пусто и тихо, потом на стене ожил интерком:

— Сообщение для всех. Вниманию пассажиров и команды «Саттера». Приготовиться к посадке. Сразу после нее пассажиры собираются в кают-компании и проходят таможенный досмотр. Там же будут сообщены результаты лотереи. Явка обязательна. Благодарю за внимание.

Наступившую тишину нарушал лишь звук тяжелого дыхания, а затем кто-то другой произнес:

— Тебя тоже касается, Макдафф. Понял?

Через четыре минуты «Саттер» опустился на Ксерию.

Протестующего Макдаффа вытащили из каюты и приволокли в салон, где уже собрались все пассажиры. Явились ксерианские чиновники и, с трудом скрывая радость, бегло просматривали документы пассажиров и без особого рвения обыскивали корабль в поисках контрабанды. Ясно было, что их интересуют только сфиги. Посреди кают-компании установили стол, а на него сфиги — каждое растение в отдельном горшочке. Полные золотистые плоды свисали с веток, а розовый отблеск их пушистой кожицы доказывал, что они созрели. Вокруг расходился небесный запах. Эсс Пу стоял на страже, время от времени обмениваясь фразами с начальником ксериан, который уже успел прикрепить* медаль к панцирю алголианина.

— Какая наглость! — кричал, вырываясь, Макдафф. — Мне нужно было всего несколько минут, чтобы закончить важные исследования...

— Перестань щелкать клювом, — сказал ему капитан Рэмсей. — Я лично с наслаждением вышвырну тебя из «Саттера».

— И оставите меня на милость этого омара? Он же меня убьет! Я взываю к нашей гуманоидальной общности...

Капитан Рэмсей коротко посовещался с начальником ксериан, и тот кивнул.

— Вы правы, капитан, — сказал он или, если быть точным, сказало оно. — По нашим законам должники отрабатывают долг, а телесные повреждения наказываются, в

---

* Разумеется, с помощью присосок.

зависимости от степени их тяжести, различными денежными штрафами. Разумеется, за убийство мы наказываем смертью. А почему вы спрашиваете?

— Это относится и к Эсс Пу? — продолжал расспрашивать капитан.

— Конечно, — ответил ксерианин.

— Вот видишь, — многозначительно заметил Рэмсей Макдаффу.

— Хорошо? Он будет так богат, что сможет позволить себе заплатить за удовольствие изуродовать меня! А у меня так легко появляются синяки.

— Но он, по крайней мере, не убьет тебя, — успокоил Рэмсей. — Это будет для тебя уроком, Макдафф.

— Ну раз так, то я хотя бы приложу ему сначала, — сказал Макдафф, вырвал у ближайшего пассажира толстую трость и с треском обрушил ее на панцирь омара. Алголианин издал жуткий свист и, взъярившись до безумия, бросился на Макдаффа, который, пользуясь тростью, как рапирой, отступал, не переставая, однако, наносить удары.

— Ну, иди сюда, ты, холодная закуска! — выкрикивал он. — Давай разберемся!

— Бей, Макдафф! — подбадривал эрудит с Ганимеда.

— Стоять! — рявкнул капитан Рэмсей, созывая своих людей на помощь. Однако, ксериане оказались первыми и быстро воздвигли стену между дерущимися. Потом один вырвал трость из руки Макдаффа.

— Если он тебя ранил, Эсс Пу, то выплатит штраф, — сказал начальник. — Так гласит закон. Ты ранен?

По звукам, издаваемым омаром, можно было понять, что нет. Ксерианское право не учитывает оскорбленного достоинства. Термиты — существа не шибко гордые.

— Давайте, наконец, закончим, — сказал капитан Рэмсей, разозленный разгромом своей кают-компании. — Только три пассажира выходят здесь: Ао, Эсс Пу и Макдафф.

Макдафф огляделся, нашел Ао и поспешно спрятался за ее спиной.

— Кстати, — сказал ксерианин, — Эсс Пу рассказал мне о лотерее. Мы не возражаем, но с условием, что ни один нексерианин не подойдет к столу, и я лично сосчитаю семена.

— Хорошо, — согласился Рэмсей, беря запечатанный ящик и отходя в сторону. — Когда вы разрежете самый большой плод и сосчитаете семена, я открою ящик и назову победителя.

— Подождите! — воскликнул Макдафф, но никто не обратил на него внимания.

EP
XI

Начальник ксериан поднял со стола серебряный нож, выбрал самый крупный и спелый плод сфиги и старательно разрезал его пополам. Половинки упали на стол, демонстрируя идеальную внутренность... без семян. Тревожный крик ксериан эхом отразился от стен зала. Серебряное лезвие засверкало, рассекая плод на мелкие кусочки, однако в кремовой мякоти не нашлось ни единого семечка.

— Что случилось? — допытывался Макдафф. — Нет семян? Это обман. Я никогда не верил этому Эсс Пу. Он пыжился как...

— Тихо! — холодно остановил его ксерианин.

Среди общего молчания и растущего напряжения он поднял серебряный нож еще раз.

— Нет семян? — тупо спросил капитан Рэмсей, когда был вскрыт последний плод. Ксерианин молчал, поигрывая ножом и пристально глядя на Эсс Пу. Алголианин казался таким же удивленным, как все остальные, однако, как громко заметил Макдафф, с омарами ни в чем нельзя быть уверенным. Капитан Рэмсей отважно нарушил молчание, вышел вперед и напомнил чиновникам, что представляет здесь ГБР.

— Без проблем, — холодно ответил ксерианин. — На борту вашего корабля, капитан, мы ничего не можем сделать.

— Этот омар мне сразу не понравился, — торжествующе заявил Макдафф. — Взял у вас деньги и стакнулся с альдебаранцами. Мошенник! Поспешное бегство с Тау Альдебарана и всем известная склонность к летейской пыли...

Яростно взревев, Эсс Пу бросился на Макдаффа, который в последний момент успел выскочить через открытый люк в слабый свет ксерианского дня. Эсс Пу погнался за ним, громко ругаясь, мембраны его пылали пурпуром. Начальник ксериан мгновенно отдал приказ, и остальные ксериане выбежали следом за ними. Снаружи донеслись странные звуки, и вскоре появился запыхавшийся Макдафф. Один.

— Странные существа эти алголиане, — доверительно обратился он к начальнику, качая головой. — Я вижу, ваши люди... э-э... да, задержали Эсс Пу.

— Да, — ответил термит. — За пределами корабля он подпадает под нашу юрисдикцию.

— Так я и думал, — буркнул Макдафф, медленно подходя к Ао.

— Минуточку, — сказал Рэмсей ксерианину. — Вы не...

— Мы не варвары, — с достоинством ответил тот. — Мы

дали Эсс Пу пятнадцать миллионов космических кредитов за эту работу, и он нас обманул. Если он не сможет отдать эти пятнадцать миллионов плюс проценты, то будет их отрабатывать. А час работы на Ксерии (тут Макдафф нервно сглотнул) стоит одну шестьдесятпятую кредита.

— Это абсолютно противозаконно, — сказал Рэмсей, — Но меня уже не касается. Макдафф, хватит лыбиться. Ты тоже выходишь на Ксерии, не забыл? Советую не становиться на пути у Эсс Пу.

— Думаю, он будет слишком занят, — вежливо ответил Макдафф. — Мне неприятно напоминать такому опытному офицеру о его обязанностях, но вы забыли об одной мелочи — лотерее.

— Что? — Рэмсей пустым взглядом уставился на иссеченный плод. — Лотерея, разумеется, отменяется.

— Вздор, — прервал его Макдафф. — Никаких уверток. Можно подумать, что вы стараетесь заначить выигрыш.

— Да ты спятил! Какой выигрыш? Лотерея заключалась в том, чтобы угадать количество семян сфиги, и если плод пуст... Надеюсь, ни у кого нет возражений...

— У меня есть! — крикнул Макдафф. — От имени моей подопечной требую публично прочесть все карточки!

— Не сходи с ума, — не сдавался капитан. — Если ты хочешь отсрочить момент, когда я вышвырну тебя с «Саттера»...

— Вы должны закончить лотерею по всем правилам, — настаивал Макдафф.

— Заткнись ты, наконец! — рявкнул Рэмсей, поднимая опечатанный ящик и подключая к нему небольшое устройство. — Как хочешь. Но твое тебя все равно на минует, Макдафф. А щас все тихо!

Он прикрыл глаза и беззвучно зашевелил губами. Ящик вдруг открылся, и из него кучей высыпались свернутые карточки. Рэмсей махнул рукой — один из пассажиров подошел и начал громко зачитывать имена и цифры.

— У тебя пятиминутная отсрочка, — тихо сказал Макдаффу первый офицер. — Потом отправишься за Эсс Пу. Кстати, мне совершенно ясно, что ты выманил его наружу сознательно.

— Ерунда! — оскорбился Макдафф. — Разве я виноват, что этот омар обратил на меня свои антиобщественные инстинкты?

— А разве нет? — спросил Рэмсей. — Ты хорошо знаешь, что так оно и было.

— Самец Кор-зе-Каблум, семьсот пятьдесят, — про-

читал пассажир, развернув очередную карточку. — Лорна Секундас, две тысячи девяносто девять. Ао, замещаемая...

Он умолк.

— Ну? — поторопил его капитан Рэмсей, держа Макдаффа за воротник. — Сколько?

— Теренсом Лао-Цзе Макдаффом, — продолжил пассажир и вновь умолк.

— Да сколько же он написал?! — выходил из себя капитан. Стоя у открытого люка, он уже отвел ногу, и готовился окончательно расстаться с Макдаффом, который ожидал этого на удивление спокойно.

— Я, кажется, спросил кое о чем! Какая цифра написана на карточке?

— Ноль, — слабым голосом ответил пассажир.

— Вот именно! — воскликнул Макдафф, вырываясь из рук капитана. — А теперь, капитан, буду вам очень признателен, если вы вручите мне половину выигрыша, как опекуну Ао — разумеется, вычтя из нее цену наших билетов до Малой Веги. Что касается части Эсс Пу, то пошлите ему эти деньги с поздравлениями от меня. Может, это спишет несколько месяцев с его срока, который, по моим подсчетам, составляет девятьсот сорок шесть ксерианских лет. Макдафф прощает даже врагов. Идем, дорогая Ао. Я хочу выбрать для нас подходящую каюту.

Сказав это, он закурил новую сигару и с достоинством удалился, оставив капитана Рэмсея таращиться куда-то вдаль и шевелить губами, как в тихой молитве. Наконец, к капитану вернулся дар речи.

— Макдафф! — окликнул он. — Макдафф! Как ты это сделал?

— Благодаря научному подходу, — бросил Макдафф через плечо.

В известном кабаре на Малой Веге гремела веселая музыка, двое комиков перебрасывались шуточками. За одним из столиков сидели Ао, Макдафф и капитан Рэмсей.

— Я все еще жду, что ты объяснишь, как это сделал, — сказал капитан. — Уговор дороже денег. Я же подписал твое прошение, верно?

— Признаться, — сказал Макдафф, — твоя подпись облегчила мне получение формального согласия на опеку над Ао, да живет она сто лет. Шампанского, Ао?

Девушка не ответила. С необычайным для нее интересом

она смотрела в глаза молодого самца с Малой Веги, что сидел рядом.

— Помни, что я должен написать рапорт о полете, и мне нужно знать, что случилось со сфиги, — настаивал Рэмсей. — И с другой стороны, не думаешь же ты, что я рехнулся и дал за тебя полное ручательство? Нет, я написал осторожно: «насколько мне известно». Но ведь ты заполнил эту карточку задолго до того, как плод созрел, я же сам видел!

— Верно, — ответил Макдафф, потягивая шампанское. — Надо было лишь отвлечь внимание противника. Думаю, теперь я могу рассказать правду. Давай вспомним ситуацию. Ты собираешься оставить меня на Ксерии вместе с этим омаром, и я, чтобы уменьшить его преимущество, должен скомпрометировать его перед ксерианами. Выигрыш в лотерее был лишь неожиданным побочным эффектом. Просто заслуженная улыбка фортуны, основанная на использовании научных методов.

— Это ты о тех записях, которые нашел Эсс Пу... об ахинее насчет интерферометров и ионных анализаторов? Значит, ты нашел способ считать семена... Или нет?

— Конечно, нет, — Макдафф покачал бокалом и пригладил свои перья. — Я сделал эти записи специально для Эсс Пу. Он был так занят охраной сфиги и погоней за мной, что времени подумать у него не оставалось.

— Ничего не понимаю, — признался Рэмсей. — Даже если ты как-то узнал, сколько в плоде семян, как ты мог угадать, что лотерея будет заключаться именно в этом?

— Ну, это самое простое. Вспомни ситуацию на корабле. У всех еще свежа в памяти лотерея на Альдебаране, а по кораблю кружат слухи о контрабандной сфиги. Если бы никто этого не предложил, я сам подсказал бы эту идею и... Что такое? Уйди! Перестань!

Он обращался к комикам, подходившим к столу Макдаффа. Капитан Рэмсей взглянул на них как раз вовремя, чтобы увидеть новый скетч.

Традиция развлекать зрителей, высмеивая кого-то из них, имеет многовековую историю, а галактические путешествия открыли в этом направлении необъятные возможности. Предметом насмешек стали целые виды и расы.

Двое комиков, оживленно болтая, принялись изображать обезьян, занятых ловлей блох. К общему хохоту не присоединились лишь клиенты, происходящие от обезьян.

— Фу! — гневно фыркнул Рэмсей и начал подниматься со стула. — Эти чертовы!..

— Тише, тише, капитан. Взгляни на это объективно. Это просто вопрос семантики.

Макдафф подмигнул.

— Будь выше этого и наслаждайся мастерством клоунов в абстрактном искусстве подражания. Я как раз собирался объяснить, почему нужно было отвлекать внимание Эсс Пу. Я боялся, что он сочтет странным такое быстрое созревание плодов.

— Фу, — сказал Рэмсей, но все-таки вновь опустился на стул, потому что комики начали другой номер. — Хорошо, продолжай.

— Отвлечь внимание, — довольно сказал Макдафф. — Ты встречал когда-нибудь худшего члена команды, чем я?

— Никогда, — ответил Рэмсей. — Ни разу в жизни.

— Вот именно. Меня перебрасывали из одной секции в другую, пока я не попал в секцию контроля атмосферы — именно туда, куда я и стремился. У ползания по вентиляционным трубам есть свои плюсы. Например, мне хватило секунды, чтобы опорожнить бутылку битетрапентатрихлорофеноксиуксусной кислоты, — он с наслаждением произнес название вещества, — в вентилятор Эсс Пу. Кислота должна была проникнуть всюду, и в плоды сфиги тоже.

— Трихлоро... что? Ты что-то сделал с плодами до лотереи?

— Ну да! Говорю тебе, лотерея — просто побочный продукт. Чтобы спасти собственную шкуру, я хотел подложить свинью Эсс Пу. К счастью, у меня был с собой запас гормонов. Тот, что я назвал, снимает потребность в перекрестном опылении и, по законам биологии, в результате получается плод без семян. Спроси любого садовода — так всегда делают.

— Плод без семян, — тупо повторил Рэмсей. — Перекрестное опыление... черт побери!

Несомненно, Макдафф собирался сказать что-то еще, но тут его внимание привлекло выступление комиков. Он умолк на полуслове, затянулся сигарой и стал внимательно смотреть. Тот, что поменьше, принялся выступать важно, словно павлин, стряхивая пепел с воображаемой сигары. Напарник издал радостный крик и хватил его по голове.

— Скажи, друг, — фальцетом воскликнул он, — что за пингвин был с тобой прошлым вечером?

— Это был не пингвин, — радостно захихикал первый. — Это был венерианин! — В то же мгновение свет прожектора упал на сморщенную голову Макдаффа.

— Что? Что?! Вы посмели!.. — рявкнул разъяренный

Макдафф, но голос его потерялся в хохоте остальных гостей. — Ложь и клевета! Никогда еще меня так не оскорбляли!

Капитан Рэмсей задыхался от смеха.

Взъерошенный Макдафф грозно посмотрел по сторонам, встал и схватил Ао за руку.

— Не обращай на них внимания, — уговаривал его Рэмсей срывающимся от смеха голосом. — Ты же действительно венерианин, Макдафф, даже если утверждаешь, что вылупился в Глаз... то есть, я хотел сказать «родился». Да, по происхождению ты шотландец и относишься к гуманоидам, верно? Ты не более пингвин, чем я обезьяна.

Однако Макдафф уже шагал к двери. Ао послушно шла за ним, бросая прощальные взгляды парню с соседнего столика.

— Какая наглость! — кипел Макдафф.

— Вернись! — крикнул ему вслед Рэмсей, с трудом сдерживая смех. — Насладись абстрактным искусством подражания. Это всего лишь вопрос семантики...

Выпрямившийся, словно струна Макдафф игнорировал его зов. Таща Ао и семеня на своих коротких утиных ножках, Теренс Лао-Цзе Макдафф окончательно исчез во мраке ночи, бормоча что-то себе под нос. Как поймет наименее развитый читатель*, Макдафф был не совсем тем, за кого себя выдавал...

— Ха! — сказал капитан Рэмсей, широко улыбаясь. — Я все-таки дождался этой минуты! Хватит пить шипучую дрянь! Официант, виски! Нужно отметить одно событие. Понимаешь, впервые в жизни этот беспринципный мошенник покинул сцену, не оставив позади какого-нибудь обманутого бедолаги. Что? Ты о чем?! Какой еще счет, тупица? Ведь это Макдафф меня пригласил, и с него... О, проклятье!!

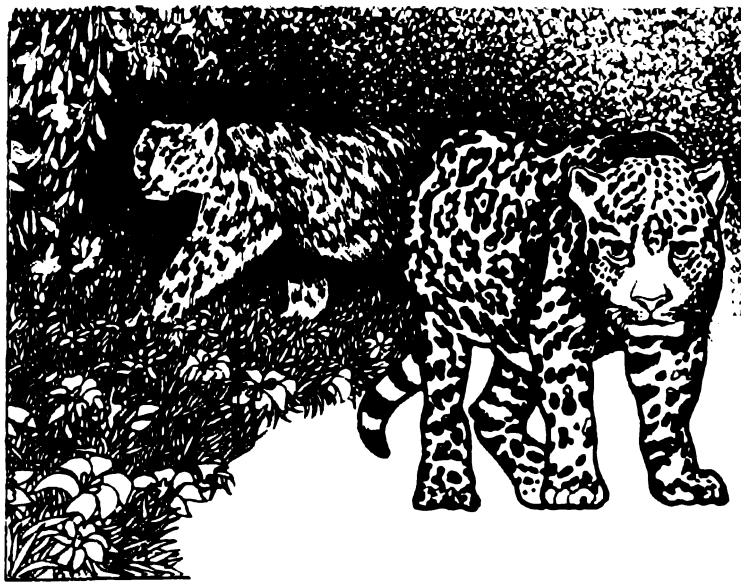
---

* Я имею в виду тех читателей, для которых использованные в рассказе научные термины оказались непонятными.

ДОЛИНА ПЛАМЕНИ

ДОЛИНА ПЛАМЕНИ

Глава 1

Лицо девушки

Где-то в глубине джунглей раскатился рык зверя, в стекло колотилась бабочка почти такой же величины, как летучая мышь, питающаяся фруктами, а откуда-то издалека доносился почти неслышимый, воспринимаемый скорее подсознанием, чем чувствами, низкий рокот барабанов. Сигнальные барабаны на Жутаи, в огромной долине Амазонки не представляли собой ничего необычного, но сейчас они не передавали никакого сообщения.

Брайан Рафт не отличался богатым воображением, это он оставлял Дэну Крэддоку с его валлийскими духами и тенями из столетий, теряющихся в глубине истории. Но Рафт был врачом, а когда в джунглях звучали эти барабаны, здесь, в небольшом госпитале, занимающем несколько пластиковых бараков, пропитавшихся запахом антисептиков, творилось нечто странное. Такое, от чего не отмахнешься.

Когда сердца больных начинают биться в ритме далекого

барабанного боя, ускоряясь или замедляясь в соответствии с несущимся по джунглям звуком, у врача есть причина беспокоиться...

Бабочка мягко стукнула в стекло. Крэддок склонялся над стерилизатором, вокруг его седой головы клубился пар, придавая мужчине сходство с колдуном, готовящим тайное варево. Рокот барабанов не прекращался, и Рафт чувствовал, что и его собственное сердце подлаживается под этот ритм.

Он вновь посмотрел на Крэддока, стараясь не вспоминать его рассказы о диких валлийских предках и о том, во что они верили. Порой у него возникала мысль, что Крэддок верил в эти свои россказни, по крайней мере, в некоторые, и тогда начинал много пить.

За месяцы совместной работы Рафт неплохо узнал Крэддока, однако понимал, что коснулся лишь его поверхности, что под внешностью дружелюбного парня, каким выглядел валлиец, скрывался совершенно иной человек, помнивший такое, о чем никогда не говорил, знающий истории, которых никогда не рассказывал.

Расположенная в верховьях Жутаи экспериментальная станция со своей асептичностью, пластиком и новыми сверкающими инструментами являла удивительный контраст с окружающими джунглями. Здесь искали лекарство от редкой разновидности малярии.

Даже сейчас, десять лет спустя после окончания Второй Мировой войны не было ничего эффективнее хинина и атарбина. Сейчас Рафт изучал обычаи джунглей, желая проверить, нет ли рационального зерна в чарах и дьявольских обрядах индейцев.

Ему приходилось бороться с вирусами в Тибете, в Индокитае, на Мадагаскаре, и он научился уважать мастерство тамошних шаманов. Некоторые их методы опирались на совершенно верные теории.

Однако сейчас Рафту хотелось, чтобы барабаны поскорее умолкли. Он раздраженно отвернулся от окна и еще раз взглянул на Крэддока; тот напевал себе под нос валлийскую балладу о духах и воинах.

С тех пор, как зазвучали барабаны, Крэддок все чаще говорил о духах и воинах, часто намекал, что чувствует некую опасность. В давние времена валлийцы всегда умели почувствовать опасность, они тогда квартами пили свой uisguebaugh, а затем брали в руки мечи, готовые поразить любого врага. Рафт же чувствовал лишь запах дезинфицирующих средств, пропитавший маленький госпиталь, а ветер доносил до него лишь рокот барабанов.

— В прежние времена, — сказал вдруг Крэддок, глядя поверх стерилизатора, — когда в воздухе звучал шепот Трэли или Кобха, мы знали, что из-за моря приближаются разбойники-ирландцы. Или что нам угрожают с юга, и нужно достойно встретить корнуэльцев. Так или иначе, мы знали. Знали всегда.

— Вздор! — возразил Рафт.

— Пусть так. Но нечто подобное я уже чувствовал однажды, — Крэддок с шумом втянул воздух, а его загорелое морщинистое лицо на мгновение отразило страх и недоверие. Потом он вновь исчез в облаке пара, а Рафт еще какое-то время поглядывал на него со смесью удивления и любопытства.

Крэддока окружала атмосфера таинственности. Он был биологом и неплохим, однако уже более тридцати лет торчал на Жутаи, никогда не забираясь дальше Манауса и ведя сложную жизнь лесного терапевта.

Рафт взял его в штат экспедиции под влиянием внезапного импульса, рассчитывая на его знание окрестностей и туземцев. Он не ждал от него многого как от лаборанта, потому что руки Крэддока были искалечены, скорее всего, обожжены. Однако тут его ждала приятная неожиданность.

Рафт наблюдал, как изувеченные руки управляются со шприцами, вывинчивают плунжеры из корпусов, ловко вынимают иглы. На одной руке у Крэддока было три пальца, а кожу второй покрывали какие-то странные пятна, отчего она напоминала лапу животного. Он никогда не рассказывал, что с ним случилось, однако это не походило на шрамы от кислоты или от зубов хищников. Несмотря на такую серьезную травму, Крэддок оставался удивительно ловким, даже когда здорово напивался.

Сейчас он тоже был пьян, и Рафту почудилось, что валлиец сознательно подгоняет свои движения под ритм барабанов. Впрочем, возможно, он и ошибался, ведь самому Рафту приходилось иной раз останавливаться, чтобы избавиться от влияния назойливого ритма на его походку. У него даже возникла мысль, что несколько его больных остались в живых лишь потому, что барабаны не позволяли их сердцам остановиться.

— Ты смотрел графики прошлой недели? — спросил Крэддок с раздражающим спокойствием человека, умеющего читать чужие мысли или желающего произвести такое впечатление.

Рафт нервно провел пальцем по щеке.

— Это моя работа, — буркнул он.

Крэддок вздохнул.

— Ты живешь в Бразилии куда меньше меня, Брайан. Здесь даже то, чего ты не замечаешь, играет важную роль. Неделю назад болезнь буквально косила индейцев, а за последние семь дней они стали гораздо живучее.

— Но ведь это бессмыслица, — ответил Рафт. — Просто случайное совпадение. Вероятно, у эпидемии есть какой-то цикл, других причин я не вижу. Барабаны тут не при чем.

— А разве я говорил о барабанах?

Рафт удивленно уставился на него. Крэддок уложил шприцы в стерилизатор и закрыл крышку.

— Эти барабаны не говорят. Это тебе не «Уэстерн Юнион», они только задают ритм. Но он что-то означает.

— Что?

Валлиец замялся. Лицо его скрывалось в тени, а волосы поблескивали в падающем сверху свете, образуя ореол.

— Возможно, в лесу появился гость. Мне так кажется. Ты слышал что-нибудь о Курупури?

Лицо Рафта напоминало маску.

— Курупури? А что это такое?

— Это имя. Туземцы говорили о нем, но ты, видимо, не обратил внимания.

— Похоже, я пропускаю многое из того, что происходит вокруг, — согласился Рафт с мрачной иронией. — Я уже давненько не видел духов.

— Может, еще увидишь. — Крэддок посмотрел в сторону окна. — Тридцать лет — это много. Я... я слышал о Курупури раньше. Даже...

Он умолк, а Рафт шумно вздохнул. Он тоже слышал о Курупури, но не хотел признаваться. С психологической точки зрения суеверия в джунглях опасны. Он знал, что вера в Курупури широко распространена среди индейцев; ему пришлось столкнуться с ней десять лет назад, когда он был моложе и впечатлительнее. «Именно такой бог, — подумал он, — подходит для бассейна Амазонки».

Курупури олицетворял Неведомое. Он был слепой, ненасытной и страшной силой жизни, в которой индейцы усматривали духа джунглей. Этакий примитивный Пан, скрывающийся в зеленом мраке зарослей, но гораздо менее конкретный, чем античное божество.

Курупури странствовал вдоль всей Амазонки, всеобъемлющий, первобытный, и ощутимый, как сама жизнь. Здесь, в джунглях, человек очень быстро понимает, что бог жизни может быть более жестоким, чем бог смерти. В Амазонии слишком много жизни. Она слишком обширна, чтобы чело-

веческий разум смог ее охватить: могучее зеленое существо, распространяющееся по континенту, слепое, лишенное чувств, переполненное хищной жаждой жизни.

Да, Рафт мог понять, почему индейцы персонифицировали природу в образе Курупури. Он всегда был рядом с ними — чудовищное, бесформенное существо, — то ли зверь, то ли человек, — движущееся по джунглям.

— К черту все это, — сказал Рафт и глубоко затянулся одной из последних сигарет.

Подойдя к Крэддоку, он выглянул в окно, с удовольствием наполняя легкие дымом, наслаждаясь этим суррогатом цивилизации.

Именно на это они были обречены уже год — на суррогат цивилизации, что, впрочем, было не так уж и плохо. На Мадагаскаре было гораздо хуже, но все равно контраст между сверкающей современной архитектурой Института Патологии Молларда, отражающегося в водах Гудзона, где они работали, и кучкой пластиковых бараков, населенных несколькими людьми из Института и помощниками-туземцами, был слишком разителен.

Здесь жили трое белых — Рафт, Крэддок и Билл Мерридей. Мерридей звезд с неба не хватал, но был хорошим патологом и потому все трое неплохо сработались.

Работа их почти закончилась, и Рафт представлял, как вскоре вновь окажется в Нью-Йорке и будет на воздушном такси перелетать от одного ночного клуба к другому, стараясь как можно скорее насытиться цивилизацией. А когда это произойдет, появится знакомая Тоска, и он снова отправится на Тасманию, на Цейлон или куда угодно. Работы везде хватает.

Где-то в темноте по-прежнему рокотали барабаны. Рафт оставил Крэддока в освещенной лаборатории и вышел наружу, к реке, стараясь не прислушиваться к пульсирующему звуку...

Полная луна проходила над Атлантикой, освещала огромный Рио и плыла над Амазонкой вглубь континента — громадный желтый диск в окружении звезд. Однако над Жутаи царили джунгли, вздымаясь высоко вверх черными стенами, и в них кишело столько всевозможной жизни, что даже ученому это казалось невероятным. Именно здесь находилось плодовитое лоно мира.

В теплых странах природа щедра и причудлива, однако в Амазонии это достигает совершенно безумных масштабов.

Богатая аллювиальная почва этих мест, нанесенная рекой за многие столетия, буквально жила. Человеку казалось, что земля под его ногами шевелится и дрожит от переполняющей ее жизни. В этой ненормальной витальности таилось что-то болезненное, как болезненны были бразильские орхидеи, цветущие на гнили и поблескивающие в угрюмом зеленом мраке, словно тела мертвых гоблинов...

Рафт вернулся мыслями к Крэддоку. Интересно... Смесь недоверия и страха, которую он ощущал в валлийце, заставляла задуматься. Но кроме этого было что-то еще. Он нахмурил брови, пытаясь проанализировать смутное ощущение, и наконец удовлетворенно кивнул. Барабаны вызывали у Крэддока отвращение, но одновременно он испытывал к ним странное влечение. Ну что ж, Крэддок жил в этом лесу много лет и в каком-то смысле сам стал почти индейцем.

Какое-то движение на посеребренной луной поверхностью реки вырвало Рафта из задумчивости. Вскоре он разглядел контуры небольшой лодки, а в ней — двоих людей. Лодка направлялась к берегу, на котором стоял освещенный госпиталь.

— Луис! — крикнул Рафт. — Мануэль! Депресса! У нас гости.

Со стороны воды донесся слабый крик, и две темные фигуры разом опустились на землю, словно исчерпали все свои силы, добравшись до берега. Сразу после этого началась суматоха. Прибежали парни с фонарями, ходячие больные лезли к дверям и окнам посмотреть, что происходит. Рафт помог вытащить лодку на берег и проследил, чтобы оба мужчины оказались в госпитале.

Один из них, в пилотке и летном комбинезоне, не мог даже говорить, второй, худощавый бородач, пошатывался, но шел сам.

— Сеньор... сеньор... — бормотал он.

Крэддок вышел, чтобы им помочь, но замер на пороге, хотя толпившиеся вокруг люди закрывали от него прибывших. Рафт заметил, что на лице валлийца появилось выражение панического испуга, а затем Крэддок повернулся и исчез в глубине лаборатории. Вскоре оттуда донеслось позвякивание посуды.

В отличие от него флегматичный, но решительный Билл Мерридей был вполне спокоен. Однако, склонившись над летчиком и начав стягивать с него рубашку, он вдруг замер, удивленный.

— Черт возьми, — протянул он. — Я знаю этого парня, Брайан. Томас... подожди-подожди, сейчас вспомню... Да...

как же дальше... Да Фонсека — вот как! Помнишь, я рассказывал тебе о картографах, что прилетели сюда несколько месяцев назад, когда ты был в джунглях? Да Фонсека вел самолет.

— Похоже, у них случилась авария, — ответил Рафт. — А второй?

Мерридей оглянулся через плечо.

— Его я никогда не видел.

Термометр показал 95 градусов по Фаренгейту — значительно ниже нормальной.

— Шок и истощение, — констатировал Рафт. — На всякий случай проведем полный осмотр. Взгляни-ка на его глаза.

Он оттянул веки — зрачки были не больше булавочной головки.

— Я осмотрю второго, — выпрямившись, сказал Мерридей.

Рафт угрюмо посмотрел на да Фонсеку. Он ощущал легкое беспокойство, хотя и не мог определить его причину. Казалось, вместе с этими двумя в комнату вошло что-то еще, что-то неуловимое, но недоброе.

Нахмурясь, он смотрел, как Луис берет кровь из пальца летчика. В неровном желтом свете лампы на груди да Фонсеки вдруг сверкнул какой-то предмет на цепочке. В первый момент Рафт решил, что это медальон, но приглядевшись внимательно, разглядел небольшое, не больше полудолларовой монеты, зеркальце. Заинтригованный, он поднес его к глазам.

Поверхность зеркальца была выпуклой, а материал больше напоминал голубовато поблескивающий пластик, чем стекло. В глубине зеркала Рафт заметил какую-то мутную бесформенную тень.

В первый момент он поразился, потому что не увидел в зеркале отражения собственного лица, хоть и держал его прямо напротив глаз. Вместо этого он видел какое-то беспокойное движение, хотя в комнате ничего не двигалось. Поначалу Рафту показалось, что это грозовые тучи. Его охватило странное, необъяснимое ощущение чего-то знакомого, словно ожило нечто памятное с детства.

Томас да Фонсека. На мгновенье Рафту показалось, что он смотрит в глаза летчика. Он вдруг осознал присутствие в зеркальце личности этого человека, и это присутствие было настолько сильно, словно они находились в прямом телепатическом контакте.

Вместе с тем Рафт видел в зеркальце лишь клубящийся

туман. Однако вскоре завеса разорвалась на мелкие клочки. Вдоль руки Рафта от маленького зеркальца к его мозгу пошла волна вибрации, и он вгляделся попристальнее.

Теперь, когда тучи разошлись, он убедился, что предмет, поначалу принятый им за зеркало, на самом деле был портретом. Портретом? Если да, то живым, потому что лицо на нем шевельнулось...

Пожалуй, все-таки зеркало... Нет! Лицо, смотревшее на него из маленького овала принадлежало кому-то другому.

Это было лицо девушки, видимое на невероятно роскошном фоне, который, впрочем, тут же исчез, потому что девушка наклонилась вперед, словно желая пройти сквозь зеркало, и лицо заполнило всю линзу. Это не мог быть нарисованный портрет: девушка двигалась и, более того, явно видела Рафта. Он судорожно перевел дыхание.

Никогда прежде ему не приходилось видеть такого лица. Времени разглядеть его не было, потому что видение почти сразу же исчезло, он узнал бы его среди тысяч других лиц, если бы встретил еще раз.

Изысканная линия чуточку капризных и насмешливых губ, а над ними — огромные аквамариновые глаза, которые всего лишь мгновение вглядывались в него. Другого такого лица в мире не было.

Сразу после этого изображение исчезло в тумане. Рафт вспомнил потом, что встряхивал зеркало, пытаясь таким детским способом вернуть девушку, словно его руки могли разорвать клубящуюся муть и вновь явить это ослепительное лицо, веселое и торжествующее, опасное и влекущее.

Девушка исчезла. Все это произошло очень быстро. Рафт

продолжал стоять, глядя на выпуклую поверхность, а память мучительно пыталась вернуть изменчивый образ.

Он слишком недолго видел его, чтобы определить, в чем заключается необычность. Осталось лишь впечатление, что с девушкой, долю секунды смотревшей на него, что-то было не так. Волосы у нее были какие-то странные.

Глаза у нее были почти круглые, слегка раскосые, с темной оторочкой, создаваемой не только густыми черными бровями, но и черными линиями, уходящими к вискам. Линии эти подчеркивали косой разрез глаз, и вместе с тем придавали округлому мягкому лицу очарование египетской экзотики. Мягкость... это впечатление он запомнил точно. Лицо девушки выглядело невероятно мягко и изысканно. И оно было иным. Совершенно иным.

Зеркало вновь затянулось клубами тумана, но на долю секунды в нем показался иной мир.

Глава 2

Барабан смерти

Луис удивленно смотрел на Рафта.

— Сеньор?..

— В чем дело? — повернулся Рафт.

— Вы что-то сказали?

— Нет. — Рафт уронил стеклышко на грудь да Фонсеки.

Перед ним вдруг появился Мерридей.

— Этот парень не дает себя осматривать, — нервно сказал он.

— Я с ним поговорю. — Рафт вышел, стараясь не думать о зеркале и чудесном лице. Разумеется, все это ему просто привиделось. Галлюцинация или самогипноз под действием света, отражающегося в зеркале. Впрочем, если честно, он сам не верил в свои объяснения.

Бородач стоял в кабинете Рафта и осматривал ряд банок с образцами эмбрионов. Повернувшись, он поклонился, и в глазах его мелькнула тень насмешки. Рафт удивился: это не был обычный бродяга. Его окружала аура элегантности, а свобода и грация движений говорили о хорошем воспитании и происхождении. Он с трудом сдерживал возбуждение, в его поведении чувствовалось некоторое превосходство, что совершенно не понравилось Рафту.

— Приветствую вас, сеньор, — сказал он, и его яркие глаза ослепительно вспыхнули. Впрочем, возможно, это бы-

ло результатом высокой температуры. Голос у него был глубокий, но в нем звучали капризные нотки, вызывающие какие-то отдаленные ассоциации. — Я ваш должник.

Португальский Рафта был довольно плох, но он никогда не беспокоился из-за этого. Теперь же его охватило совершенно незнакомое прежде чувство — смущение из-за недостатка хороших манер.

— Вы можете расплатиться прямо сейчас, — жестко сказал он. — Мы не хотим, чтобы на станцию проникла инфекция, а вы вполне могли подцепить что-нибудь в верховьях реки. Пожалуйста, снимите рубашку, я должен вас осмотреть.

— Я не болен.

— Значит, вы быстро восстановите силы. Вы чуть не потеряли сознание, едва дошли до госпиталя.

В черных глазах вспыхнули дикие искорки, однако в конце концов мужчина пожал плечами и стащил потрепанную рубашку. Рафт удивился при виде мощного тела. Под кожей, похожей на бежевый шелк, перекатывались мускулы, распределенные так равномерно, что их выдавало лишь движение.

— Пауло да Коста Перейра, — представился бородач. — Гаримпейро.

— Искатель алмазов, да? — Рафт сунул термометр в рот Перейры. — Не знал, что здесь есть алмазы. Мне казалось, их лучше искать на Рио-Франциско.

Это его замечание осталось без ответа. Рафт прослушал пациента стетоскопом, тряхнул головой и попытался еще раз. Попытки найти пульс тоже ничего не дали. Сердце у этого человека не билось.

— Что за черт! — удивленно воскликнул врач, вынул термометр и облизал пересохшие губы. Температура да Фонсеки была ниже нормальной, зато у Перейры столбик ртути дошел до высшей отметки на шкале — 108 градусов по Фаренгейту.

Перейра осторожно вытер губы.

— Я голоден, сеньор, — сказал он. — Не найдется ли у вас чего-нибудь съедобного?

— Я сделаю вам укол глюкозы, — неуверенно сказал Рафт. — Однако... ваш метаболизм довольно необычен. Если вы будете в таком темпе сжигать материю своего тела, то вскоре заболеете.

— У меня всегда так. Я совершенно здоров.

— Наверняка нет, поскольку ваше сердце не бьется, — угрюмо возразил Рафт. — Полагаю, вам известно, что вы

представляете собой нечто необычайное? Такого просто не может быть.

Перейра усмехнулся.

— А может, это вы просто не слышите работы моего сердца. Спешу вас заверить, что оно бьется.

— Но если пульс настолько слаб, значит, оно не может перегонять кровь по сосудам, — возразил Рафт. — С вами творится что-то странное. Пожалуйста, лягте на эту кушетку. Нам понадобятся пузыри со льдом, чтобы понизить температуру вашего тела.

Перейра пожал плечами, но повиновался.

— Я голоден, — напомнил он.

— Мы вас накормим. Кроме того, мне понадобится немного вашей крови.

— Нет!

Рафт выругался, давая выход раздражению.

— Вы же больны, неужели вам это непонятно?

— Ну ладно, ладно... — пробормотал Перейра. — Только поторопитесь: я не люблю, когда меня трогают.

Рафт с трудом удержался от язвительного ответа. Набрав в пробирку нужное количество крови, он плотно закрыл ее.

— Дэн! — крикнул он. Ответа не было.

Куда, черт возьми, подевался Крэддок?

Врач вызвал Луиса и вручил ему пробирку.

— Отнеси это доктору Крэддоку. Результаты нужны мне как можно скорее. — Он вновь повернулся к Перейре. — Что с вами? Немедленно ложитесь!

Искатель алмазов сидел на краю кушетки и лицо его выражало дикое упоение; угольно-черные глаза расширились до невероятных размеров. Рафт несколько секунд вглядывался в них, пока они не утратили своего блеска, и как только это произошло, Перейра растянулся на лежанке, по-прежнему улыбаясь.

Рафт поспешно обложил его пузырями со льдом.

— Что случилось в верховьях реки?

— Не знаю, — ответил Перейра, не переставая улыбаться. — Однажды ночью да Фонсека вышел к моему лагерю. Я решил, что он разбил самолет.

— Вы были один?

— Да, один.

Это было более чем странно, но Рафт не стал копать глубже. Сейчас его интересовало другое: не укладывающееся в рамки здравого смысла существование живого человека, у которого сердце не бьется. Лед в ведерке тихо звякнул.

— Вы бразилец?

Горящие глаза превратились в узкие щелки.

— Я долгое время жил в джунглях, — ответил мужчина. — Мне приходилось говорить на многих языках, а когда человек не пользуется каким-то языком, он его забывает. — Перейра кивнул в сторону бутылей на стеллаже. — Это ваше, доктор?

— Да. Образцы эмбрионов. Вас это интересует?

— Я слишком мало знаю, чтобы интересоваться этим. Моя специальность — джунгли. Хотя истоки жизни... — Он умолк, удивительные глаза закрылись совсем. Рафт ждал, но пришелец больше ничего не добавил.

Завинчивая пузырь со льдом, он заметил, что его пальцы дрожат.

— А эта штука на шее у да Фонсеки? — тихо спросил он. — Что это такое?

— Я не заметил, — пробормотал Перейра. — У меня был тяжелый день, и я хотел бы отдохнуть.

Рафт поморщился. Пристально посмотрев на таинственного пришельца, он вспомнил необычайную деформацию ключицы, которую определил во время осмотра, и все прочее. Под влиянием внезапного импульса врач спросил:

— Еще один вопрос. Какой вы расы? Похоже, ваши предки были не португальцами?

Перейра открыл глаза, обнажил зубы в ухмылке.

— Предки, — раздраженно произнес он. — Оставим в покое моих предков, доктор. Я проделал долгий путь через джунгли, если вы хотите знать. Долгий-долгий путь. И видел много удивительного, и все время меня сопровождал рокот барабанов. — Его голос становился все тише. — Я видел ваших предков, как они сидели на деревьях и искали друг у друга блох, — пробормотал он. — И своих предков я тоже встречал. — Слова сменились трудноописуемым блаженным урчанием. После долгой паузы он произнес: — Я хотел бы поспать. Можно мне остаться одному?

Рафт стиснул зубы. Типичные симптомы белой горячки. Это вполне объясняло бессмысленную болтовню. А властные манеры следовало отнести к чертам личности и воспитанию больного.

Перейра прижал к себе потрепанную одежду, словно это была горностаевая мантия, и почти сразу погрузился в глубокий сон. Его фигура излучала такую невероятную жизненную силу, что Рафт почувствовал странное покалывание во всем теле.

Он повернулся. Настолько слабое сердце, что его невозможно обнаружить? Это просто смешно. Более вероятной ка-

залась какая-то новая болезнь, однако симптомы были противоречивы. Перейра производил впечатление совершенно здорового человека, хотя, несомненно, был болен. Только вот чем?

Впрочем, могла быть и другая причина — мутация. Необычайные, специализированные существа время от времени появляются среди людей. Рафт нетерпеливо дернул щекой и отправился обследовать летчика, чувствуя необычайное, почти ощутимое напряжение, пронизывающее атмосферу больницы, словно появление этих двух чужаков развеяло сонливость и взвинтило всех.

В состоянии да Фонсеки не произошло никаких перемен. Мерридей ввел ему возбуждающие средства. Рафт одобрил его назначения и отправился на поиски Крэддока.

На середине коридора его остановил знакомый голос — глубокий баритон искателя алмазов, в котором теперь звучали повелительные нотки.

— Я возвращаю ее тебе. Я прибыл издалека, чтобы вернуть ее, сеньор.

В ответ Дэн Крэддок произнес голосом, полным удивления и страха:

— Но ведь вас там не было! Там не было никого, кроме...

— Мы пришли позже, — ответил Перейра. — Мы угадали это по солнцу, по воде и наконец узнали ответ.

Рафт затаил дыхание, но тут под его ногами скрипнул пол. В то же мгновение до его ушей донесся слабый шорох, сопровождающийся странным ощущением неуловимого движения.

Ничего не понимая, он двинулся дальше. Перед ним тянулся совершенно пустой коридор, и никто не мог покинуть лабораторию так, чтобы он не увидел, однако, когда он открыл дверь, то оказался лицом к лицу с Крэддоком, с одним Крэддоком, остолбенело таращившимся в пустоту.

Рафт быстро окинул взглядом комнату. Пусто. Ставни были закрыты, и к тому же петли так заржавели, что никто не сумел бы открыть их бесшумно.

— Где Перейра? — сухо спросил Рафт.

У Крэддока отвисла челюсть.

— Кто?

— Человек, с которым ты говорил минуту назад.

— Я... я... Тут никого не было.

— Та-ак, — протянул Рафт. — Значит, я спятил. Ничего удивительного... после того, что случилось сегодня вечером.

Тут он заметил в руке Крэддока свернутую в трубку тетрадь, у которой кожаная обложка от старости покрылась плесенью и утратила свой прежний цвет. Валлиец торопливо сунул ее в карман и кивнул в сторону микроскопа, избегая смотреть на Рафта.

— Эта кровь... Видимо, я что-то перепутал. У меня ничего не выходит.

Глядя на него, нельзя было сказать, что он удивлен.

Рафт заглянул в окуляр и стиснул губы.

— Значит, я все-таки спятил.

— Забавно, правда? — невпопад заметил Крэддок.

Это было более чем забавно. Это было ужасно. В кровеносной системе много разнообразных клеток, весьма специализированных. Но образец, нанесенный на стеклышко, нельзя было сравнить ни с чем, что Рафт видел прежде. Красные кровяные тельца имели овальную форму вместо круглой, а вместо лейкоцитов хаотически двигались какие-то организмы, покрытые ресничками. Их движения были быстрыми... слишком быстрыми!

— Они здорово замедлились с тех пор, как я увидел их впервые, — заметил Крэддок. — Поначалу они кружились так быстро, что я даже не мог их разглядеть.

— Но куда подевались лейкоциты? И без белых телец в крови Перейра умрет. Нет, видимо, мы где-то ошиблись. Попробуем еще раз.

Они повторили анализы, но без результатов. Какой бы тест ни приходил им в голову, реакции были те же, что и у обычной крови. Более того, подвижные создания не вредили организму. Когда в образец ввели токсичное вещество, ресничатые организмы образовали вокруг него барьер, точно так же, как это сделали бы фагоциты, причем их действия оказались эффективнее раза в три.

Стеклышко с препаратом крови дрожало в искалеченной руке Крэддока, сверкая отраженным светом.

— Это мутация, — сказал он. — Эти штуковины лучше белых кровяных телец.

— Но куда же они делись?

— Откуда мне знать? — Пальцы Крэддока скользнули в карман, где лежала старая тетрадь. — Здесь командуешь ты, а не я. Это твои проблемы.

— Не уверен, так ли это, — медленно произнес Рафт. — Что означала эта ваша болтовня о солнце и воде?

Крэддок замялся, потом лицо его скривилось в усмешке.

— По-моему, все в полном порядке, — сказал он, повернулся и вышел.

Рафт посмотрел ему вслед. Что за всем этим крылось? Крэддок явно знал Перейру. Да, но как происходил их разговор? Может, какое-то чревовещание? Рафт фыркнул, подумав об этом. Нет, Перейра был в лаборатории вместе с Крэддоком, а затем, похоже, прошел сквозь массивную стену.

Что все это могло значить?

Рафт вернулся в лабораторию, но это ничего ему не дало. В рациональном, современном мире 1954 года не было места таким чудесам. Кстати, а где сейчас Перейра?

В кабинете, где он заснул на кушетке, его не оказалось. Рафт ненадолго остановился в коридоре, чтобы обдумать свои дальнейшие действия, и тут до него донесся звук, от которого кровь прилила к голове. Он почувствовал себя так, словно слабые, едва заметные симптомы зла внезапно проявились в полную силу.

Слабо затарахтел двигатель, а ведь моторке некуда было плыть в такое время.

Рафт пошел к реке, по пути прихватив фонарь. Издалека доносились крики — другие тоже услышали двигатель. На берегу мелькнула фигура Мерридея.

Рафт направил фонарь туда, откуда доносился звук мотора. Гладкая поверхность реки заиграла алмазными бликами.

Оставляя борозду на сверкающей воде, моторка удалялась от берега, уходила за пределы досягаемости фонаря.

Уже на границе тьмы луч света выхватил из мрака лицо Перейры, тот оглядывался через плечо, скаля при этом белые зубы. В его смехе звучали торжество и та особенная гордость, которую Рафт почувствовал еще раньше.

В лодке сидел еще кто-то, но Рафт не сумел разглядеть этого человека. По очищенному от зарослей берегу бегали индейцы, некоторые начали спускать на воду каноэ, что, разумеется, не имело смысла. Рафт вытащил пистолет, с которым не расставался в джунглях. Мысль о пуле, всаженной в это дерзкое смеющееся лицо, доставила ему удовольствие.

— Нет, Брайан! — крикнул Мерридей и дернул вниз его руку.

— Но он удирает на нашей лодке!

— С ним Дэн Крэддок. Разве ты не заметил?

Рокот двигателя стал слабее и вскоре слился со звуком барабанов Жутаи. Рафт замер, пытаясь справиться с бессильной яростью.

— Все равно до утра мы ничего не сможем сделать, — выдавил он наконец. — Пошли назад.

— Он вернулся в свою страну и что-то забрал с собой, — произнесли рядом по-португальски.

Фонарь Рафта высветил лицо да Фонсеки. В одной руке он держал пилотку, а другой ощупывал шею, явно ища что-то. Глаза его были широко раскрыты.

— И что же он забрал? — спросил Мерридей.

— Мою душу, — просто сказал да Фонсека.

На мгновенье стало тихо, и за время этой паузы слова летчика дошли до всех с кошмарной ясностью.

— Она была в небольшом зеркальце, которое я носил на шее. Это он поместил ее туда и потому имел мощь, позволяющую ему... позволяющую... — слабый голос умолк.

— Позволяющую что? — хотел знать Рафт.

— Превращать людей в невольников, — прошептал да Фонсека. — Как он сделал это с вашим доктором.

— Крэддок! — Рафт почувствовал безумное облегчение, узнав, что валлиец ушел с Перейрой не по своей воле, что их не связывали какие-то таинственные темные дела. Сразу после этого его охватила злость на самого себя, за такое бездумное восприятие фантастических объяснений, к тому же, от несомненного безумца.

И все же это было хоть какое-то объяснение, тем более, что никакое другое не приходило в голову.

— Пустите меня, — попросил да Фонсека, пытаясь освободиться от удерживающих его рук. — Без души я не смогу здесь оставаться.

— Отведите его в палату, — распорядился Рафт. — Билл, приготовь укол. Адреналин.

Да Фонсека потерял сознание, как только его уложили на кушетку. Его сердце перестало биться. Прибежал Мерридей со шприцом. Угадав намерение Рафта, он приготовил длинную иглу.

Рафт сделал укол прямо в сердце и прижал к груди летчика стетоскоп, ожидая результата. Вскоре он заметил, как что-то изменилось, и вдруг понял, что именно.

Барабаны. Теперь они звучали громко, звонко, торжествующе. Их ритм напоминал биение чудовищного сердца — темного и огромного сердца джунглей.

Да Фонсека откликнулся на него. Рафт услышал слабое биение, идеально синхронизированное с ритмом барабанов Жутаи. Веки мужчины медленно поднялись, он глухо, но певуче заговорил:

— Теперь он возвращается... и врата Доирады открыва-

ются перед ним... Возвращается... к спящему Пламени. Невидимым путем, где демоны Паитити охраняют ворота Доирады...

Барабаны замолотили громче, и сердце летчика забилось сильнее. Голос его обрел силу.

— Солнце было фальшивым. А река текла медленно... слишком медленно. Там, подо льдом, был дьявол. Это был... был...

Он судорожно потянулся к горлу, хватая воздух, в глазах его засветилось безумие.

— Курупури! — крикнул он, и барабаны заглушили эхо его слов.

Потом да Фонсека умолк, и на все вокруг опустилась темная, густая тишина. Словно по сигналу, барабаны Жутаи прервали свой разговор, и летчик безжизненно повалился на кушетку.

Весь в холодном поту Рафт снова наклонился над ним, прослушивая стетоскопом обнаженную грудь.

Ни звука.

Где-то в глубине джунглей на мгновенье ожил барабан.

Мертвое сердце да Фонсеки несколько раз ударило в такт ему, а потом остановилось навсегда.

Глава 3

Врата Паитити

Вместе с пятью индейцами Доктор Брайан Рафт шел за Крэддоком и Перейрой вверх по Жутаи. Губы его были решительно сжаты, но душу терзали сомнения. Мерридея он оставил в больнице, чтобы тот закончил эксперименты и переслал результаты в институт.

— Ты не можешь идти один, — уговаривал его Мерридей. — Ты просто спятил, Брайан.

Рафт кивнул.

— Возможно, но мы работали с Дэном почти год, а кроме того, он белый. Что касается Перейры, то я не совсем уверен, что он вообще человек.

Мерридей, обычно сдержанный, взорвался:

— Но это же бред!

— Я рассказывал тебе, что произошло. У него не было пульса, и температура тела не укладывалась ни в какие рамки. Да и то, как он преодолел стену лаборатории, тоже достаточно необычно, разве нет?

— Да Фонсека перед смертью тоже говорил странные вещи. Надеюсь, ты ему не поверил?

— Нет, — заверил его Рафт. — Пока нет. Мне нужно больше фактов. Еще я хотел бы заглянуть в тетрадь Крэддока. Перейра сказал, что возвращает ее. И потом, эта история с солнцем и слишком медленно текущей рекой. Как ты помнишь, об этом упоминали двое: да Фонсека и Перейра. Более того: Дэн, похоже, понимал, что это значит.

— Наверняка он понимал больше меня. — Мерридей откашлялся. — Ты затеваешь опасное дело, отправляясь в одиночку вверх по реке.

— У меня предчувствие, что Крэддок уже бывал там, а то, что нашел, держал в секрете. — Рафт покачал головой. — Не знаю, просто не знаю, Билл... В лодке было мало топлива, и я думаю, что сумею их догнать.

— Хотел бы я, чтобы ты позволил мне пойти с тобой.

Рафт на это не согласился и в конце концов отправился с индейцами, которые, неутомимо гребя, вели большое каноэ против течения. У него были кое-какие припасы, а также оружие и патроны. Туземцы помогли ему найти следы Перейры; оказалось, что искатель алмазов расстался с рекой гораздо быстрее, чем можно было предполагать.

— Двое людей идти, — сказал Луис, внимательно изучив подлесок.

Итак, они пошли пешком, значит, Крэддок шел добровольно. Или под гипнозом, подумал Рафт, вспомнив выпуклое зеркальце. Все чаще ему вспоминалось экзотическое лицо девушки. Трудно было сказать, какую роль она играла в этих таинственных событиях, однако именно ее образ побуждал Рафта искать разгадку.

Они двигались на запад, в направлении границы с Эквадором, через земли, где тысячи небольших речек соединяют свои воды в могучую Амазонку. Шли десять дней и ночей...

На рассвете одиннадцатого дня индейцы исчезли, ушел даже верный Луис. Все произошло без суматохи, без шума, и когда Рафт проснулся, он обнаружил, что остался один. Может, они удрали, а может, до них добрались ягуары. Ночью лес становился местом истинного шабаша зверей. Как бы то ни было, Рафт не нашел никаких следов.

Его лицо сделалось еще более угрюмым; дальше он шел гораздо медленнее, упрямо продираясь сквозь зеленые, пульсирующие невидимой жизнью молчаливые джунгли и

никогда не был уверен, не окажется ли за ближайшим поворотом один на один с ядовитой змеей, вездесущим ягуаром или, наконец, с самим Перейрой.

Он не вынес бы этого, если бы не жил годами в полевых условиях и не приобрел опыта выживания в тропиках. Только благодаря этому Рафт мог идти по следам беглецов, и в конце концов нашел то, что умирающий да Фонсека назвал невидимой дорогой.

За день до этого он увидел с возвышенности обширную долину — огромную, уходящую до горизонта впадину, поросшую густым лесом, которому не было конца. Это был настоящий океан буйной зелени, и именно туда вели следы.

Осматривая местность, он заметил участок, по очертаниям близкий к кругу, где у зелени был несколько иной оттенок. Оценив расстояние, он понял, что участок этот должен быть очень большим. Часть его находилась между двумя горами, а вдоль ближнего края несла свои воды река, ее блеск Рафт заметил издалека. Диаметр этого круга он оценил миль в пятьдесят, хоть и не был в этом уверен: в лесу легко ошибиться.

Следы вели прямо к этому зеленому кругу, и Рафт направился туда.

Он неплохо переносил трудности похода. Правда, морщины на его лице углубились, а вокруг глаз появились красные круги, однако организм был не слишком истощен. Помогло ему и глубокое знание медицины. В этих местах была широко распространена лихорадка, чего не скажешь о людях. Здесь жили одни звери, преимущественно ягуары.

Звери! Рафт снова подумал об окружающем его изобилии жизни. Повсюду ощущалось движение: мягкий трепет крыльев ярких бабочек и птиц, плавные изгибы змеи, ищущей укрытия в тени, осторожные шаги крупных кошек, сумасшедшие прыжки тапира или пекари. Вокруг во всем великолепии расстилались джунгли, похожие на невероятно сложного, огромного зверя. Редкие лучи солнца, доходившие до подлеска, вырывали из мрака яркие листья и цветы.

На поляне следы стали отчетливее. Перейра шел впереди.

Во вздымающейся перед ним стене зелени Рафт заметил что-то странное — овальный туннель, уходящий вглубь джунглей, словно гигантский змей растолкал в стороны кусты и деревья, расплющил подлесок, отпечатав свой след в густой растительности. Следы уходили ко входу в мрачный зеленый туннель и обрывались посреди поляны.

Рафт машинально взглянул вверх, но поблизости не рос-

ло ни одного дерева. Со вздохом облегчения он скинул с плеч рюкзак, но ружья из рук не выпустил.

Теперь он видел тропу — она начиналась там, где пропадали следы, была шириной футов в шесть и углублялась чуть ниже почвы.

Странно!

Рафт шагнул вперед и тут же удивленно отпрыгнул: что-то коснулось его. Какая-то невидимая холодная преграда, неподвижная в спокойном воздухе поляны.

Рафт осторожно вытянул вперед руку и ощупал препятствие. Гладкая и стеклянистая невидимая плоскость. Поскольку зрение не могло помочь, он ощупал ее руками. Судя по форме, перед ним находилась труба диаметром около девяти или десяти футов — он убедился в этом, бросая камешки, — сделанная из какого-то идеально прозрачного вещества, на котором даже пыль не оседала.

Глядя на исчезающие в джунглях изгибы невидимого трубопровода, Рафт заметил, как он расталкивает в стороны деревья, поддерживает висящие в воздухе орхидеи, или преграждает путь колибри, налетающим на затвердевший воздух.

Рафт все еще стоял, размышляя, когда над поляной пронесся горловой рык ягуара. Мужчина повернулся, схватившись за ружье, увидел, как дрожат листья, но самого ягуара разглядеть не смог.

Но он явно затаился где-то неподалеку и наверняка был очень крупным. Кроме того, зверь готовился напасть — это Рафт определил по его кашляющему дыханию.

Внезапно приняв решение, Рафт наклонился, схватил рюкзак и бросил в трубу невидимого туннеля. Потом, держа наготове ружье, вошел туда сам. Земля под его ногами сменилась чем-то твердым и гладким. Могучий рев прозвучал еще раз, отражаясь странным эхом от стен туннеля.

И вдруг что-то прошелестело за его спиной — далекий, приглушенный шепот — слабее, чем самое легкое дыхание. У входа в туннель появилось мерцание, напоминающее дрожание разогретого воздуха, и вместе с этим умолкли все звуки. От мертвой напряженной тишины у Рафта зазвенело в ушах. Он вытянул вперед руки и убедился, что пустой воздух больше не был пустым.

Выход из трубы преграждал барьер из того же гладкого материала, из которого были сделаны стены и пол самого туннеля. Дверь закрылась. Может, это и есть Врата Паитити?

А может, ловушка, расставленная Перейрой?

Рафт погладил приклад ружья. Ну, хорошо, пусть даже ловушка, но он все же не безоружен. Нужно только все время быть начеку.

Нигде не было видно ни следа ягуара. Рафт закинул рюкзак на спину и двинулся вперед. Пол был гладким, но не скользким, и временами Рафту казалось, что он слегка притягивает ступни. Это было не стекло. Возможно, он имел дело с силовым полем, невидимым экраном чистой энергии.

Рафт шел по туннелю, не позволяя себе задумываться, хотя обдумать нужно было многое. Уже давно он научился закрывать свой разум от мыслей, к встрече с которыми не был еще готов.

Именно так последние двадцать дней он раз за разом отгонял от себя видение лучившегося радостью лица девушки, которое лишь на мгновенье возникло перед ним в зеркальце и навсегда врезалось в память.

Ничто не мешало ему идти и, если бы не сознание, что он движется в туннеле, и не окружающая мертвая тишина, беспокоиться было бы и вовсе не о чем.

Вокруг по-прежнему были тенистые джунгли. Трепеща крыльями, мимо пролетали разноцветные бабочки, среди листвы красовались фантастическим оперением многочисленные птицы, время от времени на стенку туннеля натыкался рой пчел.

Когда-то давно Магеллан писал о деревьях, дающих мыло и стекло, что было искаженным описанием богатых латексом гевей. Очень часто в легендах содержится зерно истины. Семь городов Кибола существовали на самом деле, хотя их улицы никогда не были выложены золотом.

Америго Веспуччи — Рафт отыскал эти сведения в самых дальних закоулках своей памяти — упоминал о расположенном где-то в сертане озере Доирада, на берегах которого процветали сияющие города. А теперь еще Королевство Паитити. В прежние времена банды беглых невольников не раз пытались найти его.

Ему вспомнились дикие легенды: в Паитити часть жителей была карликами, а часть гигантами; встречались там люди со ступнями, обращенными назад, и такие, у которых вместо ног были птичьи лапы. Обычные бредни.

Но никто и никогда так и не сумел найти Паитити.

Рафт вытащил из рюкзака фонарь. Тропа опускалась, все глубже погружаясь в землю, а через несколько метров туннель уходил в черную бездну, совершенно исчезая под

землей. Невозможно было удержать равновесие на такой крутизне. Рафт сделал несколько осторожных шагов, гадая, каким образом здесь прошли Перейра и Крэддок.

В свете фонаря он видел со всех сторон спрессованную почву и уходящую вниз трубу туннеля. Слишком круто. Рафт вдруг понял, что зашел слишком далеко. Что-то обмануло его вестибулярный аппарат, а возможно, здесь была какая-то гравитационная аномалия. Как бы то ни было, какая-то непонятная сила удерживала его в вертикальном положении, благодаря чему он мог двигаться словно муха по гладкой стене.

Вдруг Рафт ощутил головокружение. Правда, здесь пол не уходил вертикально вниз, но все равно дальнейшей путь без присосок на обуви казался невозможным. Однако что-то помогало ему удерживать равновесие на уклоне более сорока пяти градусов.

«Чистая энергия, — подумал он. — Силовое поле вместо стен!»

Рафт продолжал идти, хотя не мог уже сказать, поднимается он или опускается, и только логика подсказывала, что раз вокруг темно, значит, он уходит все дальше вглубь земли.

Через какое-то время он заметил, что впереди туннель освещает странное сияние. Там поблескивал слабый свет, оживляющий темноту дрожащими, подвижными бликами.

Рафт осторожно сделал несколько шагов.

Это была вода.

Со всех сторон она окружала туннель быстрым потоком, испещренным пузырьками воздуха, который мчался в полной тишине, чуть поблескивая в свете фонаря.

«Сыны Израиля, — подумал Рафт, — прошли по дну моря, и воды громоздились над ними, аки стены».

Итак, ему демонстрировали очередное чудо. Похоже, весь его путь будет полон чудес.

Рафт крепче стиснул зубы и двинулся вперед, надеясь, что его не постигнет судьба египтян. Если стена треснет, ему конец.

Стена выдержала. Он долго шел в темноте, разгоняемой лишь слабым светом фонаря, и опустился, судя по всему, очень глубоко. Не исключено, что благодаря необычной гравитации, царившей в туннеле, он порой шел вертикально вниз.

Заметив слабое сияние, Рафт выключил фонарь. Темнота сомкнулась вокруг него, но ненадолго. Вскоре глаза его привыкли к приглушенному фиолетовому свету, идущему со всех сторон, и Рафт почувствовал головокружение.

Далеко внизу сквозь прозрачный пол в каком-то невероятном ракурсе виднелась огромная пещера.

На Рафта накатили головокружение и тошнота, когда он сообразил, что сам стоит, невероятно накренившись, тогда как основание пещеры наклонено совсем незначительно. Стены круто уходили вверх к потолку, с которого свисали сталактиты, слабо поблескивающие в полумраке.

Пещера была узкой и искривленной, поэтому значительная ее часть была не видна. Туннель спускался вниз ошеломляющей дугой и исчезал в темном проломе дальней стены. Рафт знал, что не сумеет удержаться на таком крутом склоне, но когда осторожно шагнул вперед, вновь вернулось впечатление, будто это пещера, а не его тело противоречит законам гравитации.

Далеко внизу, в фиолетовом мраке, шевельнулось что-то живое. Рафт не сумел разглядеть, что именно, однако тут же заметил еще движение, а среди изломов скальных стен движений было гораздо больше. Высокая узкая пещера бурлила жизнью, и все эти дрожащие тени спешили к замершему человеку, подвешенному посредине пустоты.

Демоны Паитити!

Такие твари были невозможны с биологической точки зрения. Он видел лишь их силуэты, но тени позволяли предположить крылья и длинные когти, а также множество других органов. Среди чудищ не было двух одинаковых, логика анатомии совершенно отсутствовала. Рафт почувствовал, что у него пересохло во рту.

Было совершенно ясно, что они его видели. Они двигались к нему медленно, и медлительность эта пугала больше торопливости: похоже, они знали, что спешить им незачем.

Рафт содрогнулся. Хотя он знал, что Перейра и Крэддок проделали этот путь, переход по воздушному мосту уже не казался ему таким безопасным. Ему казалось, что он падает в бездну, полную чудовищ, порожденных ночными кошмарами. Если бы в туннеле оказалось какое-нибудь отверстие, гибель была бы неминуема.

«Делай же что-нибудь!» — сказал он себе, и двинулся с места.

Через десять минут Рафт добрался до развилки, первой на всем пути. Куда пошли Крэддок и Перейра было неясно. Положившись на удачу, он вошел в правое ответвление и, оказалось, поступил правильно.

Безо всяких помех Рафт достиг конца коридора, и там его ждало разочарование. Еще издалека он заметил свет. Прямо перед ним находился круг глубокого чистого сияния, за-

крывающего проход. «Очередное силовое поле», — подумал Рафт. Это поле отражало свет, а возможно, излучало собственное холодное сияние.

Он коснулся гладкой сверкающей поверхности. Ничего не случилось, просто перед ним была сотканная из света гибкая плоскость. По мере того, как он смотрел на нее, блеск начал постепенно слабеть.

Сквозь туманную белизну проступали тени и размытые, нереальные контуры. Линии постепенно темнели, и наконец появился контур человеческой фигуры, и Рафт покрепче стиснул в руках ружье. За фигурой человека замаячили скульптуры, высокие колонны и что-то вроде ручья.

Сияние окончательно погасло, барьер исчез, а ручей превратился в лестницу, спускающуюся от ног Рафта до пола огромного зала, потолок которого подпирали колонны, гораздо более крупные, чем колонны Карнака. Перед колоннами лицом к Рафту стояла девушка. Она была прелестна, хотя в ее лице было что-то странное.

Девушка быстро сделала какое-то движение руками, и за спиной Рафта раздался тихий шум. Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть светящийся барьер, вновь закрывающий выход из туннеля.

Путь назад был отрезан.

Глава 4

Жанисса

Девушка выглядела точно так же, как в зеркале да Фонсеки. В ее небольших губах таилось что-то порочное — зараженная злом красота. Глаза были аквамариновые, и темные ресницы придавали им слегка раскосый вид, а волосы цветом напоминали мех тигра. Темно-золотистые, они окружали голову почти невесомым облачком.

Голубовато-золотистая одежда настолько плотно облегала ее стройное тело, что казалось второй кожей. Наряд дополнял охватывающий талию широкий пояс, в который девушка как раз убирала что-то, одновременно улыбаясь Рафту.

Улыбка совершенно изменила ее лицо; оно сделалось необычайно привлекательным, исполнилось нежности и сердечности. Когда она заговорила, голос ее прозвучал именно так, как ожидал Рафт, и в нем пробивались те же беспокоящие нотки, которые он прежде уловил в голосе Перейры.

Однако язык, на котором заговорила девушка, был совершенно незнаком Рафту. Поняв это, она перешла на ломаный португальский, а потом, пожав плечами, попробовала диалект индейцев, который Рафт понимал, хотя никогда не слышал, чтобы кто-то произносил слова так, как она.

— Не бойся, — сказала девушка. — Неужели я позволю причинить тебе вред, если пустила тебя так далеко? Правда, я испугалась, когда ты замешкался у развилки, но ты, к счастью, выбрал нужный путь.

Рафт поставил ружье на предохранитель, но рука его медлила расставаться с ложей, дающей ощущение безопасности.

— Это ты меня сюда завела? — спросил он на том же диалекте.

— Конечно. Паррор ничего об этом не знает; снаружи он был слишком занят собственным пропитанием. — Девушка рассмеялась. — Это занятие ему ненавистно: он хороший охотник, но жарить мясо на открытом огне — фу! Паррор не настолько доволен собой, как тебе могло показаться.

— Паррор? — поинтересовался Рафт. — Ты имеешь в виду Перейру?

— Да. А теперь идем со мной, Брайан Рафт. Как видишь, я знаю твое имя. Однако многое мне неизвестно, и ты должен обо всем мне рассказать.

— Нет, — ответил Рафт, не двигаясь со своего места наверху лестницы. — Если ты знаешь так много, значит, тебе известно, зачем я сюда явился. Где Дэн Крэддок?

— О, он уже пришел в себя. — Она вынула из пояса небольшое стеклышко и лениво повертела его в руках. — Вернувшись, Паррор отдал мне мое зеркальце, не нуждаясь больше в нем для управления Крэддоком. С его помощью я смогла следить за твоим походом сквозь джунгли. Ты заглянул в зеркальце, и с тех пор я могла тебя видеть... к счастью для тебя, иначе ты никогда не сумел бы открыть врата, ведущие в Паитити.

— Отведи меня к Крэддоку, — потребовал Рафт. Он чувствовал себя довольно неуверенно и хотел компенсировать это дерзостью. — Сейчас же.

— Хорошо. — Девушка коснулась руки Рафта и потянула его вниз по лестнице. По мере спуска огромные колонны все более подавляли, а гигантские размеры помещения становились все более очевидны.

— Ты не спросил мое имя, — сказала девушка низким голосом.

— И как же тебя зовут?

— Жанисса. А это Паитити, но это ты уже знаешь.

— Если даже тебе хорошо известен внешний мир, то поток информации односторонен. Наверху о Паитити говорят только в легендах.

— У нас тоже есть легенды.

Они добрались до основания лестницы, и Жанисса повела его через зал к арочному проходу, открывающемуся в коридор, где стены были украшены мозаиками.

Мозаики изображали различные символы, чье значение было совершенно непонятно Рафту. Раз или два на глаза попались осмысленные картины, но представленные на них фигуры не походили ни на Жаниссу, ни на Перейру-Паррора. Впрочем, времени разглядывать их не было.

Они миновали небольшой зал, поднялись по другой лестнице и наконец оказались в округлой комнате, стены которой покрывал бархат с цветочным узором. Пол тоже был застелен, а все вместе напоминало огромную софу, выложенную подушками.

Рафту хватило одного взгляда, чтобы оценить необычайную роскошь помещения, богатые и глубокие цвета бархата. В дальнем конце комнаты он заметил овальную дверь из полупрозрачного вещества, сквозь которую сочился слабый свет. В другой стене широкая и низкая арка открывала вид на раскачивающиеся деревья.

В деревьях этих таилось что-то удивительное, однако у Рафта не было времени определить это поточнее. Потом до него донесся порыв ветра, он почувствовал запах цветов и влажных джунглей, лишь кое-где освещенных солнцем, и понял, что после долгого подземного путешествия наконец оказался на поверхности.

— Садись и отдохни, — сказала Жанисса. — Ты долго шел.

Рафт покачал головой.

— Ты обещала отвести меня к Крэддоку. Где он?

— Пока я не могу этого сделать. Рядом с ним Паррор.

— Хорошо, — Рафт коснулся ружья, и Жанисса слабо улыбнулась, заметив его жест.

— Думаешь, это поможет тебе в замке Паррора, на земле, подчиняющейся его власти?

— Думаю, да. А если нет, то есть еще и другие способы. — Он снял ружье с плеча и прислонил к стене. — Не знаю, что за супермен этот Паррор, но держу пари, от пули ему не увернуться.

— Пули? А, понимаю. Ну что же, ты прав, но одновременно и ошибаешься. Снаружи твое оружие оказалось бы бесполезным, но в Паитити Паррор будет легкой мишенью.

Рафт вгляделся в странное, изменчивое лицо, обращенное к нему.

— Что ты имеешь в виду?

— Паррор еще не знает, что ты здесь, поэтому...

— Паррор уже знает, — произнес мягкий голос.

Рафт повернулся, чувствуя, как от неожиданности сердце его забилось быстрее. Паррор!

Мужчина беззвучно проскользнул сквозь овальную дверь, и при виде его какая-то часть мозга Рафта, по-прежнему логично рассуждающая, отметила, что Паррор опередил его больше, чем он предполагал, поскольку уже успел искупаться и сменить потрепанную одежду. Черную бороду он подстриг так, что от нее осталась лишь бархатная тень, подчеркивающая контур сильного и вместе с тем удивительно изящного подбородка.

Теперь на нем был толстый, мягкий, шелково поблескивающий наряд, подогнанный так искусно, словно его нарисовали прямо на теле. Мужчина гладил ладонью странное оружие, похожее на серебряный бич, свисавшее с широкого пояса, украшенного драгоценными камнями.

Рафт почувствовал, что почему-то теряет уверенность в себе. Встреча эта слишком сильно отличалась от той, которую он себе представлял. Прежде всего, они находились не в джунглях, а кроме того, в Перейре ощущалось нечто, вызывавшее у Рафта мурашки. Это было какое-то трудно определимое расовое отличие. Он ощущал его во время разговора с Жаниссой, однако теперь впечатление значительно усилилось.

Дерзость окружала Паррора неким ореолом. Он находился в своей среде и, видимо, поэтому демонстрировал поистине царственную самоуверенность. Рафт с неудовольствием отметил свое смущение и отсутствие хороших манер, а иронические огоньки в черных бархатных глазах говорили, что Паррор думает о нем так же.

— Напрасно ты пришел сюда, — произнес он на индейском наречии. — Но, возможно, мы сумеем тебя использовать. Да, пожалуй, я что-нибудь придумаю.

— Придумаем, Паррор, — буркнула в ответ Жанисса.

Заметно было, что эти двое не любят друг друга.

— Послушай, Перейра, или как там тебя зовут, нам нужно поговорить, — со злостью бросил Рафт. — Я чувствую, разговор будет коротким.

— Вот как? — буркнул Паррор и шевельнул серебряным бичом, который вдруг оказался у него в руках.

— Где Крэддок? Что ты с ним сделал?

— Ничего. Я просто показал ему некое зеркало. Он увидел в нем... Впрочем, я не знаю, что он в нем увидел, но он впал в транс.

— Разбуди его и отведи меня к нему.

— Он уже пришел в себя.

— Надеюсь, так оно и есть, — холодно сказал Рафт, не сводя глаз с бича Паррора и сжимая холодный приклад ружья. — Ты убил да Фонсеку с помощью этой же штуки, да?

— Убил? Зеркало принадлежит мне. Я одолжил его да Фонсеке, а потом забрал снова.

— Тебе? — фыркнула Жанисса.

Паррор игнорировал ее замечание.

— Что случилось потом, меня совершенно не интересует. Да Фонсека стал бесполезен, а его язык мог оказаться опасным.

Рафта захлестнула волна злости. Дерзость этого человека, его равнодушие и неуловимое отличие, которого он никак не мог определить, в соединении с напряжением последних трех недель, привели к вспышке дикой ярости. Пули тут было бы слишком мало — Рафту хотелось воспользоваться руками.

— Ах ты, гнида! — рявкнул он. — Если Крэддок умрет, я сверну твою паршивую шею. Веди меня к нему!

Он бросился вперед и схватил Паррора за руку, испытывая неистовую радость от прямого контакта с противником. Он знал дзюдо, был силен и ловок, однако не мог предвидеть, что Паррор буквально взорвется.

Казалось, его окаймленное бородой лицо вдруг исчезло, и из-под него явил свое обличье бешеный демон. В этой вспышке всеобъемлющей, совершенно нечеловеческой ярости Рафт заметил, как губы Паррора растягиваются, открывая ощереные в тигриной усмешке зубы, а он сам пытается освободить руку. Под пальцами он чувствовал напрягшиеся мускулы, сила которых заставила его остолбенеть от удивления, поскольку никоим образом не соответствовала стройной фигуре. Напряжение росло, а потом сквозь рев Паррора пробился голос Жаниссы.

— Брайан, отпусти его! Скорее!

Отчаянные нотки в ее голосе заставили его повиноваться. Потрясенный, ошеломленный собственной злостью и стремительной реакцией, которую она вызвала, Рафт отпустил руку Паррора, чувствуя удивительную слабость. Никогда прежде не встречал он человека, здорового или безумца, который бы вот так внезапно впадал в ярость.

Кроме того, он обнаружил еще кое-что. Под мускулистым сводом грудной клетки Паррора Рафт почувствовал непрерывный ритм, который невозможно было спутать ни с чем. А ведь тогда в больнице сердце этого человека не работало!

Паррор отступил на шаг, тряхнул головой и расслабился, вновь приняв позу невозмутимого величия. Чудесным образом безумная ярость прошла так же быстро, как и появилась.

— Нельзя так хватать никого из нашей расы, — мягко заметила Жанисса. — Если должен убить — убей. Но никогда не хватай.

Собственный голос показался Рафту удивительно чужим.

— Какой расы? — спросил он, переводя внимательный взгляд с серьезного лица девушки вглубь таинственных, темных глаз мужчины.

Паррор молчал, ограничиваясь застывшей, бесконечно гордой улыбкой. Рафт и сам знал ответ. С каждой секундой он видел его все яснее, читал в гибких, плавных движениях их тел и даже в нечеловеческой, безумной реакции на прикосновение. Действительно нечеловеческой, потому что Рафт помнил, как Паррор сказал ему в больнице: «Я видел ваших предков, как они сидели на деревьях и искали блох друг у друга. И своих предков я тоже встречал».

Да, теперь Рафт понимал, что, не подозревая ни о чем, много раз проходил в джунглях мимо его предков. Они тихо скользили сквозь подлесок на сильных мягких лапах. И тени леса покрывали их испещренные темными пятнами тела. Он слышал их рев, доносящийся из темноты, видел глаза, поблескивающие в свете костра. Да, теперь он знал, к какой расе принадлежал Паррор. И Жанисса.

Это были не люди, они развились из совершенно другого вида. Как врач, имеющий дело с биологическими и антропологическими исследованиями, Рафт знал, что теоретически такое невозможно. Эволюция — очень гибкий процесс. Только случай превратил человека в доминирующую, разумную расу. Случай и большие пальцы, противостоящие остальным.

Предки людей — обезьяны, жившие на деревьях, использовали цепкие руки и заложили основы цивилизации. В иной системе господствующая раса могла бы произойти, скажем, от собак, пресмыкающихся или кошек.

Кошки!

Мысль эта внезапно поразила Рафта. Потрясенный, он осознал, что среди всех животных, исключая грызунов,

только у одного вида имеются признаки развития противостоящего большого пальца. Время от времени встречаются домашние кошки с лишними пальцами на передних лапах. С противостоящим большим пальцем. Хозяева не обращают на это особого внимания, но придание этому отростку определенной гибкости, достаточно долгое время и благоприятные внешние условия, господствующие в таинственном мире Паитити, которого он еще не знал, могли бы привести к поистине чудесным результатам.

Происхождение от кошек объясняло многое, но не давало ответа на все вопросы. Рафт по-прежнему не имел понятия, что связывало Паррора с Дэном Крэддоком, или чем было выпуклое зеркальце, убившее да Фонсеку. И кроме этого много проблем. Слишком много.

Внезапно он заметил, что Жанисса напряглась, словно вот-вот ощетинится. Такое сравнение подвернулось ему совершенно непроизвольно. Мгновением позже послышался далекий шум — топот ног, бряцание металла.

Паррор, казалось, не удивился и повернулся к прозрачной двери, за которой замаячили какие-то тени. Раздался стук.

— Паррор? — Жанисса вопросительно смотрела на него.

Он коротко ответил ей на непонятном языке, и девушка быстро взглянула на Рафта. Глаза ее были пусты, лицо серьезно. Девушка явно сдалась. Она вдруг встала и прошла сквозь арочный портал, исчезнув среди деревьев.

Паррор выкрикнул какую-то команду, овальная дверь скользнула вверх и вместе со слабеющим светом через порог ворвались люди. Но люди ли?

Они носили облегающие кольчуги из очень маленьких колец, а головы их защищали сверкающие колпаки из тонких металлических цепочек, искусно вплетенных в рисунок ткани. Вошедших было десять, и каждый носил на поясе обнаженный клинок, напоминающий рапиру.

Черты их отличала та же смесь силы и утонченности, характерная для лица Паррора. Как и он, воины были гибки и ловки. Было что-то тигриное в их движениях, а также во взгляде чуть раскосых глаз.

Легонько пожав плечами, Паррор отступил назад, а десятеро прибывших тут же направилась к Рафту. Хотя ни один из них не вынул оружия, тот почувствовал опасность и бросился к стене, к которой прислонил ружье, но видя, что, скорее всего, будет от него отрезан, остановился и выхватил револьвер.

Тонкая твердая полоска металла словно горячий обод обернулась вокруг его запястья, это Паррор взмахнул своим бичом. Револьвер упал на пол. Воины бросились вперед, но — странное дело! — никто из солдат не коснулся Рафта.

В дело пошли рапиры, окружив его сверкающей, смертельно опасной завесой. Со всех сторон пела танцующая сталь, поэтому Рафт, оценив угрозу, попятился и повернулся к Паррору. Однако тот успел уже дойти до выхода и теперь стоял в арочной двери, с интересом наблюдая всю эту сцену.

— Он говорит по-индейски? — спросил глубокий голос. Паррор кивнул. Солдат с загорелым лицом в шрамах вытянул руку в сторону Рафта.

— Ты пойдешь с нами добром?

— Куда?

— К Великому Господину.

— Так значит, не ты здесь главный, — повернулся Рафт к Паррору. — О'кей, сыграем в эту игру. Может, результат будет иным, нежели ты думаешь.

Паррор усмехнулся.

— Я уже говорил, что ты можешь пригодиться, — пробормотал он по-португальски. Остальное он произнес на таинственном языке людей-кошек, а когда закончил, солдат со шрамами задал ему краткий вопрос. Ответ Паррора, вероятно, его удовлетворил, потому что он опустил рапиру.

— Ну, ладно, Крэддок, идешь ты или нет? — спросил стражник, глядя на Рафта.

Крэддок? Рафт заговорил, но его прервал Паррор. Последовал очередной быстрый обмен фразами, но Рафт не стал ждать, пока он закончится.

— Меня зовут не Крэддок. Я Брайан Рафт и пришел сюда, чтобы найти его. Этот человек, — он указал на Паррора, — похитил Крэддока.

— Сожалею, — откликнулся Паррор, — но этот фокус не пройдет. Сейчас я ничего не могу для тебя сделать, потому что здесь правит Великий Господин. Ты должен поговорить с ним. Лучше тебе пойти с Ванном.

Ванн, покрытый шрамами воин, кашлянул.

— Он прав. Ложь тебя не спасет. Идем! А что касается тебя, Паррор...

Он произнес несколько слов на чужом языке. Глаза Паррора сузились, но он ничего не ответил. Острие коснулось шеи Рафта. С тоской поглядев на лежащий на полу револьвер, видя карабин и рюкзак в руках воинов, он неохотно двинулся вперед, напоследок послав Паррору жесткий взгляд.

— Я еще вернусь сюда, — пообещал он, а потом прошел через овальный портал и оказался в Паитити.

Глава 5

Долина чудес

Снова и снова Рафта поражала трудноописуемая нечеловечность этой затерянной земли, не походящей ни на что, о чем он до сих пор слышал. Рафт читал рассказы о пропавших цивилизациях, об Атлантиде, Лемурии, о фантастических древних развалинах, сохранившихся до наших дней.

Однако в Паитити он ни нашел ничего, что соответствовало бы этим фантазиям: здесь не было города, похожего на сверкающую драгоценность на берегу неизвестного географам моря, это не был изолированный мир, совершенно отрезанный от всего окружающего. Королевство Паитити было настолько таинственно, настолько необычайно, словно находилось на другой планете.

Страна эта была слишком полна жизни, чтобы ее можно было принять за что-то иное, кроме яркой и живой действительности. С ошеломляющей витальностью, пульсирующей в Паитити, связывалось впечатление чуждости, которое подобно неуловимой вуали повисло между небом и землей, превращая эту долину в место одновременно благословенное и проклятое, более, чем какой-то другой уголок Земли.

Что-то пролилось сверху и коснулось почвы Паитити, ее деревьев и воздуха, кружащего среди листьев. И произошла перемена. Это неземное прикосновение изменило все, что здесь жило, и перемены не прекращались, пока все здесь не стало совершенно иным.

«Долина, вероятно, имеет метеоритное происхождение, — подумал Рафт, вспомнив увиденную с горы котловину шириной в пятьдесят миль. — И превосходно замаскирована». Ни одно из земных деревьев не подходило для этой цели, и потому их здесь просто не было. Глядя на залитый светом пейзаж, он мысленно вернулся к заполняющим зал могучим колоннам, которые увидел, едва выйдя из невидимой трубы. В сравнении со здешними деревьями, которые, пожалуй, вполне могли поддерживать небеса, они казались карандашами рядом со столпами Карнака.

По верованиям норманнов весь мир держался на Игтдрасиле — древе жизни.

Только самые крупные калифорнийский секвойи могли

бы встать рядом с этими колоссами. Каждый ствол имел верный десяток метров в диаметре. Они росли через неравные промежутки примерно в полмили, и тянулись вверх, образуя поблескивающий зеленый свод, невероятно далекий от земли. Деревья высотой в пять миль! Подпирая зеленое небо, мощные столбы основаниями своими вгрызались глубоко в почву, подобно стрелам, выпущенным великанами или богами.

«Их корни, — подумал Рафт, — должны доставать до ада». Лишенные ветвей, гладкие и прямые деревья тянулись вверх, чтобы лишь на самой вершине раскинуть в стороны густую крону.

И все же сквозь этот свод каким-то образом проникал свет. В одном месте, почти прямо над головой Рафта изумрудное сияние выдавало стоящее в зените тропическое солнце. Зато саму долину заполняло чистое, холодное сияние рассвета.

Несмотря на прозрачный воздух, видимость была ограничена: взгляду мешали деревья. С места, где стоял Рафт, он видел тропу, уходящую вниз ярдов на пятьдесят, терявшуюся затем в могучем лесу. Откуда-то издалека донесся низкий, едва слышный шум, и вновь стало тихо. Ванн задрал голову, внимательно глядя вверх; Рафт последовал его примеру.

Позади возвышались гладкие стены и башни огромного дворца Паррора, выраставшего из скального основания и достигающего зеленой крыши этого мира. Сверху к ним приближалась лавина камней и пыли.

— Это обычный обвал, — небрежно заметил Ванн и толкнул Рафта вперед. — Опасности нет.

— Нет опасности?!

— Конечно. — Солдат казался удивленным. — И ты наверняка знаешь, почему.

Рафт еще раз посмотрел вверх. Лавина находилась заметно ближе, но в нормальных условиях она преодолела бы куда большее расстояние. Большой валун ударился о скальный выступ и отскочил от него. Рафт внимательно приглядел ся к нему.

Камень падал неестественно медленно и слабо вращался, направляясь по пологой дуге прямо на одну из башенок замка. Не причинив видимого ущерба зданию, он медленно миновал Рафта — тот смог рассмотреть все трещины на его поверхности, — а затем врезался в землю, немного ниже того места, где он стоял.

Такой солидный валун, далеко не перышко, однако падал он так медленно, словно почти ничего не весил.

— Двигай, Крэддок, — сказал Ванн, отталкивая Рафта от камня размером с арбуз — тот, подскакивая, покатился вниз. Остальные солдаты поглядывали вверх, легко уклоняясь от падающих камней. Остолбеневший Рафт не спускал глаз с лавины.

— Я думал, она сметет дворец, — сказал он.

— Нет. Те, кто его делал, строили на века, — ответил Ванн. — Они не принадлежали к нашей расе, но тоже были велики.

— Черт возьми, почему эти валуны летят так медленно?

Солдат пожал плечами.

— Сейчас они падают куда быстрее, чем во времена наших отцов, но по-прежнему не представляют опасности. Только живые существа могут нас ранить. Ну, хватит болтать! Пошли.

Он схватил Рафта за руку и повел вниз по тропе. Остальные солдаты последовали за ними, клинки позвякивали, соприкасаясь с кольчугами.

«Да, — подумал Рафт, — хорошо объяснили». Однако, с другой стороны, не успевал он решить одну загадку, как появлялась новая.

То, что эта раса имела предками кошек, объясняло многое, только не то, почему летящие с неба камни ведут себя, словно воздушные шарики.

Не проливало это света и на таинственное поведение Паррора и Жаниссы. Поначалу девушка была настроена дружелюбно, но затем без малейшего протеста подчинилась Паррору. Ко всему прочему, солдаты принимали Рафта за Дэна Крэддока.

Паррор ловко использовал это недоразумение, и Рафт понял, что не имеет смысла доказывать свою личность Ванну. Однако, когда они приведут его к Великому Господину, вероятно, владыке Паитити, у него, пожалуй, появится шанс. Конечно, если Великий Господин не окажется волосатым дикарем с человеческими черепами на поясе.

Рафт ухмыльнулся. Он уже понял, что страна эта хоть и изолированная, но явно не варварская. Здесь развилась высокая культура чужой цивилизации.

Мир кошек и должен разительно отличаться от мира людей, хотя некоторые детали оставались схожими. Равнобедренный треугольник оставался равнобедренным треугольником и на Земле, и на Марсе.

К сожалению, здесь, скорее всего, не придется иметь дело с геометрией. Скорее уж, его ждут утонченные психологические ловушки, а в этом смысле люди и кошки могли

значительно отличаться. Люди-коты, например, были не строителями, а всего лишь ремесленниками. Ванн сам сказал, что замок Паррора воздвигла иная раса. Раса, некогда достигшая величия. Когда? Тысячу лет назад? А может, миллион? Чтобы человек превратился в разумное существо, должны были пройти эпохи. У эволюции есть свой темп и даже мощные мутации не смогли бы создать кошачью расу всего за несколько поколений. Но думать над подобными вопросами сейчас было бессмысленно.

С гладкой каменной дороги они перешли на обычную тропу, вытоптанную в почве, бегущую между колоссальными стволами деревьев. Сейчас, когда ноги его ступали по земле Паитити, Рафт ощущал себя чужаком более, чем прежде. Эти невероятные колонны, казалось, друг за другом выходили ему навстречу — гигантский Бирнамский лес, бурлящий безумной жизнью.

И все же это были деревья. Не юрские саговники и не древесные папоротники — в этом он был уверен. Это были самые настоящие деревья, правда, более подходящие для Юпитера, чем для Земли.

Проходя рядом с одним из стволов, Рафт убедился, что деревья, кроме всего прочего, играли роль заповедников, давая приют многим живым организмам. Издали кора этих гигантов казалась совершенно гладкой, но вблизи трудно было найти место без утолщения или нароста. По коре медленно ползали побеги вьющихся растений, однако медлительность их была мнимой, потому что они молниеносно бросались вперед, хватая пролетавших мимо насекомых и птиц.

Рафт чувствовал тяжелый, сладковатый запах цветов, переливающихся всеми цветами радуги на лишенных листьев стеблях. Из чего-то, похожего на торчащую из ствола неглубокую раковину, выскочила вдруг ящерица, схватила побег и с извивающейся добычей помчалась обратно к своему наполненному водой убежищу, где принялась топить его, чтобы потом спокойно съесть.

Впрочем, это существо не было ящерицей. Подумав, Рафт решил, что животное это принадлежало скорее к роду крокодилов. Длиной всего фута в три, оно напоминало крупных кайманов, населяющих бразильские реки. Разумеется, с той разницей, что кайманы были плотоядными.

Тут и там стволы облепляли бледные клубневидные наросты, похожие на осиные гнезда высотой в тридцать футов, покрытые тысячами маленьких отверстий, из которых смотрели на Рафта сверкающие бусинки глаз. По гнездам быстро бегали небольшие зверьки, покрытые коричневым мехом,

мелкие млекопитающие с рылом как у тапира, приспособившиеся к жизни на деревьях.

У дерева имелись и свои паразиты — крупные ярко-красные пиявки, которые вгрызались в кору, чтобы высосать из ствола жизненные соки, и безволосые белые существа, похожие на обезьян, с невероятной ловкостью прыгавшие в поисках насекомых.

Это не было симбиозом, потому что паразиты ничего не могли дать деревьям, составлявшим весь их мир. Деревья, блуждающие побеги и жесткий мох, растущий по обе стороны тропы, составляли всю растительность этого места.

Между тем, чудеса продолжались. Прежде чем Рафт успел оправиться от изумления, они пересекли ручей, перейдя на другую сторону по узкому мосту, сделанному словно из блестящего пластика. Рафт посмотрел вниз, но не заметил сквозь прозрачный настил ни одной рыбы. Ему показалось, что в этих заколдованных водах не могло жить ничто, хотя бы отдаленно похожее на нормальных обитателей воды, поскольку и сам ручей был необычным.

Он нес свои воды в абсолютной тишине. Не слышно было ни бульканья, ни плеска, которые должны были бы раздаваться в узком ложе. Небольшие каскады и водопады отводили воду к лежащим ниже резервуарам с гипнотической беззвучной медлительностью. Образующиеся при этом капли разбрызгивались неторопливо, вяло исчезая во мху.

Это была не вода. *Это* не могло быть водой. Жидкость походила на сироп, однако, когда Рафт, вопросительно посмотрев на Ванна, присел над потоком, зачерпнул в сложенные ладони немного жидкости и поднес ко рту, он убедился, что это самая обычная вода. Между его пальцами проскакивали капли, они медленно падали на землю и тут же поглощались жадным мхом.

Молчаливый поток тек так же медленно, как валуны падали на замок Паррора. Это была настоящая поляна Оберона, где безраздельно царствовало волшебство, а воздух был насыщен сладким ароматом цветов.

«Какое же заклятие лежит на этой земле, — подумал Рафт. — Что за колдун коснулся ее своим посохом? Наверняка, здесь прошел бог. Но какой? Был ли это кто-то из земного пантеона, или он прибыл из пространства, еще более удаленного, чем сами звезды?»

Рафт молча следовал за Ванном, рассудив, что чем скорее они доберутся до места, тем раньше он получит ответы на свои вопросы.

Однако с течением времени монотонность путешествия

начала донимать его. Только однажды они встретили по дороге замок, небольшой по сравнению с крепостью Паррора, однако солдаты равнодушно прошли мимо.

— Сколько нам еще идти? — спросил Рафт.

— Перед нами еще долгий путь, — ответил Ванн.

Он был прав. Время тянулось, но когда Рафт взглянул на свои часы, его поразил еще один невероятный факт. К этому времени они преодолели не менее пятнадцати миль, однако, если верить часам, прошло всего пятнадцать минут. Свет, проникавший сквозь зеленый свод, нисколько не менялся. Видимо, солнце над Паитити висело неподвижно.

Висело оно там и когда они вышли из леса на край огромной поляны.

Прямо перед ними стоял дворец с башенками. Даже в сравнении с исполинскими деревьями здание казалось огромным.

Рафт не знал, что находится за дворцом, но его внимание привлекло висевшее над каменными башенками бесформенное белое облако — кипящая белизна, клубившаяся медленно и принимавшая все новые и новые формы.

К замку текла широкая река. Поток врывался в проход, увенчанный высокой аркой и исчезал в бездне под архитектурным колоссом.

От изумления и усталости Рафт был на пределе своих сил. Два долгих перехода — сначала по подземному туннелю до Паитити, а затем через лес, совершенно измотали его. На него навалилось такое невероятное утомление, что цель путешествия он видел словно в тумане, а голос Ванна доходил до него откуда-то издалека. Он безропотно позволял подталкивать себя, механически переставлял ноги, чтобы не отставать от солдат.

Они вошли во двор, полный народа. Большая толпа ярко одетых людей-кошек внимательно смотрела спектакль, что разыгрывался посреди двора. Человек, сидевший на вершине высокого каменного блока, что-то пел высоким голосом.

Неукротимая ярость звучала в песне, слов которой Рафт не понимал. Певец аккомпанировал себе на сложном струнном инструменте, звучанием напоминавшем цитру.

Посреди площадки сражались двое мужчин. Один из них был настоящим гигантом, высоким и мускулистым, а его мощное лицо покрывали кровавые пятна. Второй был еще необычнее, Рафт не мог оторвать от него глаз.

Внешне он напоминал Паррора, и все-таки был другим. В нем не было гладкости и мощи пумы, он был гибким и быстрым, словно гепарды, с которыми охотились индийские раджи.

Мягкие светлые волосы взметнулись вверх и вновь упали ему на плечи, когда он со смехом отскочил от противника и ударил когтями.

Дело в том, что на руке человека была надета перчатка с тремя крючковатыми лезвиями. Видимо, они были остры как бритвы, потому что на голой груди гиганта появились три длинные раны, из которых брызнула кровь.

Песня менестреля возвысилась до тонкого безумного писка. Музыка, казалось, никогда не кончится, она кричала о любви и смерти, упивалась запахом свежей крови.

Поворот, уклонение, удар.

Металл звякнул о металл, когда две когтистых перчатки столкнулись друг с другом. Мужчины отскочили в стороны, словно вместо мышц и сухожилий у них были пружины. Гигант тряхнул головой, прогоняя пурпурный туман, а его противник беззаботно остановился, чтобы посмотреть на Рафта. Его желтые глаза сверкали, зрачки в них напоминали вертикальные черточки. Светлые волосы оранжевого оттенка покрывали странные, размытые темные пятна. Рафт почти не сомневался, что если мужчина улыбнется, то обнажит острые клыки леопарда. С убийственной перчатки стекали красные капли, падая прямо на загорелое бедро. Человек громко спросил о чем-то.

Ванн ответил. Желтоволосый нетерпеливо поднял одну руку, произнес несколько слов и вновь повернулся к великану, выставив перед собой вооруженную когтями руку.

Словно отвечая на этот жест, его противник шагнул вперед и уже через мгновение две фигуры вновь закружились в смертельном танце. Ванн коснулся плеча Рафта, глаза его блестели.

— Идем. Тебе нужно поспать.

Недолгое оживление минуло бесследно. Снова накатило тупое одеревенение и воздвигло вокруг Рафта глухой барьер. Не глядя больше на поединок, он последовал за Ванном через портал и дальше по коридорам и спиральным лестницам, не видя ничего сквозь туман, застилавший глаза. Наконец Ванн остановил его.

— А теперь спи. Дарум увидится с тобой, когда ты отдохнешь.

— Дарум? — Рафт увидел выстилающие пол подушки и тут же повалился на них. — Кто такой этот Дарум?

— Ты видел, как он сражался. Это Великий Господин. Он здесь правит. Но сейчас он сражается, а потом...

Голос Ванна затих вдалеке, слившись со слабым гудением... чего?

Рафт почувствовал слабую вибрацию. Глубокая и животворная, она наполняла дрожью весь замок, словно он жил собственной жизнью. Словно в камне пульсировало скрытое сердце.

Этот пульс убаюкал Рафта.

Глава 6

Безумный Король

Рафт проспал много часов. Чувствовал он себя гораздо лучше, хотя мышцы все еще отзывались болью. Из высоких окон сочился свет, бросая на светлый толстый ковер смутные пастельные тени.

Он находился в помещении, выполняющем роль спальни. У комнаты были скругленные углы, а стены украшали многочисленные зеркала. Все это напоминало уютное гнездышко, полное шелков и низких округлых сидений; повсюду были раскиданы подушки.

В стене была овальная дверь. На сей раз за ней не двигались никакие тени, но это, впрочем, вовсе не означало, что стражников за ней нет. Рафт зевнул и потянулся, на что суставы ответили громким треском. Мозг его работал с прежней ясностью, и единственным, на что он мог пожаловаться, был мучительный голод.

Глухой гул по-прежнему заставлял дрожать все его тело. Рафт повернулся к высокому окну, открыл его настежь и вышел на балкон, чтобы осмотреться.

Высоко в небе солнце едва изменило свое положение — буквально на сантиметры. Заметить это было довольно трудно, потому что его закрывал мощный столб тумана; посмотрев вниз, Рафт обнаружил его источник.

Под ногами открывалась пропасть. Балкон, на котором стоял Рафт, висел над широкой террасой, торчавшей из скальной стены на самом краю бездны, окутанной клубами тумана. Серебристый поток льда широкой дугой спускался с нее в невероятно глубокую пропасть.

Но это был не лед: сверкающая полоса медленно менялась. Вероятно, это была та самая река, что текла под замком, чтобы по другую сторону обрушиться в бездну. Он попытался оценить ее глубину, но не смог из-за тумана. Вода падала вниз и исчезала внутри Земли.

Она падала, но очень медленно, и туман поднимался с такой же медлительностью — холодный столб, возвышаю-

щийся над замком. Глубокое гудение стало теперь громче, камни под ногами у Рафта отзывались дрожью. В результате какой-то физической аномалии оглушительный рев воды превращался в слабый шорох, скорее ощутимый, чем слышимый.

Рафт покинул балкон, хмуря брови. Он начинал кое-что понимать. Разум, освеженный глубоким сном, делал логические выводы. Замедленное движение воды, камни, ведущие себя наподобие перьев, солнце, едва ползущее по небосклону — похоже, время имело здесь другие свойства. Действительно ли этот затерянный уголок находился на Земле? На той самой Земле, где раскинулась долина Амазонки, где процветали Рио и Нью-Йорк? Это казалось довольно сомнительным.

Рафт попытался открыть овальную дверь, но это не дало никаких результатов. Он уже собирался отойти от нее, когда преграда неожиданно поднялась, и на пороге появился Ванн с настороженным выражением на изуродованном шрамами лице.

— Ты уже проснулся, — произнес Ванн по-индейски. — Это хорошо. Дарум хочет тебя видеть, но сейчас он отдыхает. Тебе нужна ванна.

— И еда, — добавил Рафт. — Дарум носит эту перчатку все время?

Ванн бросил через плечо какой-то приказ, потом, улыбаясь, вошел в комнату.

— Только во время турниров. Он менее опасен, когда надевает эту перчатку. Я покажу тебе ванну, Крэддок.

— Я не Крэддок. Еще вчера я говорил тебе, что меня зовут Рафт.

Ванн не обратил на его слова ни малейшего внимания. Он передвинул несколько рычагов, торчавших из стены, и часть пола сдвинулась в сторону, открыв неглубокий, но широкий бассейн, заполненный жидкостью цвета мятного ликера. Рафт с удовольствием сбросил потрепанную одежду и погрузился в жидкость. Ванн недовольно следил за ним.

— Понадобится несколько ванн, чтобы привести тебя в порядок, — заметил он наконец. — Попробуй-ка вот это. — Он достал пузырек и высыпал из него в воду немного голубого порошка. Рафт почувствовал на коже легкое жжение.

В его распоряжении имелось множество щеток, были здесь инструменты, напоминающие стригилиды древних римлян, и другие приборы, которые он опробовал, следуя указаниям Ванна. Ввиду замедления, царившего и здесь, пользоваться водой было довольно затруднительно.

Один раз щетка выскользнула из руки Рафта, и он смотрел, как она медленно падает и делает в воде углубление, которое вода постепенно заполняет вновь, разбрызгивая по сторонам мелкие капли.

Несмотря на все неудобства, купание было превосходным. Боль в мышцах почти прошла. Ванн разглядывал Рафта с откровенным интересом. Он критически оценил жесткость волос своего пленника, а потом дал ему поблескивающую мазь, которая легко впитывалась кожей, оставляя после себя приятное жжение. Наконец появился паж, толкавший перед собой столик на колесах, заставленный незнакомыми блюдами. Пораженный необычайным видом купающегося человека, он замер столбом.

Ванн махнул рукой, и юноша с изящным, но вместе с тем злобным треугольным лицом поклонился и вышел, до самого конца не спуская с Рафта удивленного взгляда.

— Ничего странного, что он удивлен, — заметил Ванн. — Мы настолько различаемся телосложением, что ты показался ему калекой. А мне бы хотелось померяться с тобой силами, если только представится случай.

— Благодарю, — ответил Рафт. — Ты здорово повеселишься, перерезая мне горло одной из ваших перчаток.

— Ничего подобного. — На губах Ванна появилась хищная усмешка. — Убийство — это одно. Главное в нем — не дать себя схватить. Другое дело поединки, они редко кончаются смертью. — Он вытащил из шкафа облегающую одежду наподобие своей и помог Рафту одеться. — У меня было бы слишком большое превосходство, надень я перчатку. Каким оружием вы обычно пользуетесь?

— Пистолетами, — ответил Рафт и объяснил основные принципы кодекса чести.

— Это странно, — заметил солдат. — По-моему, выстреливание пули не дает большого удовлетворения. Ты не чувствуешь, как острие входит в тело противника. В этом нет никакого смака.

— Ну хорошо, тогда будем боксировать, драться на кулаках.

— Положиться только на силу удара? Это тоже неинтересно. Так вы вообще не пользуетесь мечами?

— Некоторые пользуются, — ответил Рафт. — Но я не фехтовальщик. Скажи, а что значили твои слова об убийстве? Оно у вас разрешено?

— Нет, — возразил Ванн. — Мы все-таки не варвары. Убийца должен заплатить штраф, если, конечно, его найдут. Но только полные глупцы дают схватить себя.

— Ага, — равнодушно буркнул Рафт, принимаясь за мясистый терпкий плод, похожий на апельсин. — Так значит, у вас есть полиция?

Ему пришлось долго объяснять, прежде чем Ванн понял, в чем дело.

— Да, у нас есть специалисты по отысканию убийц. Если убийца сумеет обмануть их, он может чувствовать себя в полной безопасности. Думаю, все дело заключается в обнаружении мотивов. Убийц хватают, потому что у них есть явные мотивы. — Он неодобрительно покачал головой.

— А какая у вас система власти? — спросил Рафт. — Дарум управляет всем Паитити?

Ванн кивнул.

— Да. Власть здесь такая же, как и в любой другой цивилизованной стране.

— Ясно. Убийства ради забавы. А где ты научился говорить по-индейски?

— Ты не первый чужак, пришедший а Паитити. Во времена наших отцов сюда являлись мужчины с бронзовой кожей; нам же самим всегда было трудно покинуть нашу долину. Предки Паррора хватали время от времени индейцев, и многие из нас изучили их язык.

Рафт обдумал полученную информацию. Способности к языкам считаются признаком космополитизма. Кошачья раса наверняка станет космополитичной, даже если никогда не выйдет за пределы своей долины.

— Ну, а португальский?

— Что-что?

— Falam portugues?

— Я не знаю этого языка, — признал Ванн.

— А вот Паррор его изучил. И Жанисса тоже. — Рафт задумчиво покачал головой.

Потом он вспомнил про летчика.

— Скажи, а был здесь человек моей расы, мужчина по имени да Фонсека, который имел летающую машину? Около... около пятидесяти ночей назад?

Лицо Ванна осветилось улыбкой.

— Летающая машина упала в Паитити около четырехсот ночей назад, убив всех, кто в ней был, кроме одного человека. Паррор забрал его в свой замок. Да, его звали да Фонсека. С его помощью Паррор прочел дневник, который ты оставил в Пещере Пламени.

Рафт отложил недоеденный плод.

— Четыреста ночей? — с сомнением повторил он. — Это же больше года. Сколько времени я в Паитити, Ванн?

— Я схватил тебя вчера, — ответил солдат. — Сразу после твоего прибытия. Я ждал возвращения Паррора из внешнего мира, и потому знал, когда надо ударить.

— Понимаю, — заметил Рафт, хотя на самом деле ничего не понимал. — А что с этим дневником и Пещерой Пламени? Что это такое?

— Ты не видел пещеры?

— Я видел пещеру, населенную какими-то мерзкими тварями. Ты имел в виду ее?

Ванн заметно вздрогнул, глаза его на мгновенье затуманились страхом.

— Нет, нет, я имел в виду не это. — Он вдруг сменил тему разговора. — Теперь тебе пора встретиться с Дарумом. Ты готов?

— Вполне.

— Очень хорошо. — Ванн встал и направился к дверям, Рафт последовал за ним по освещенному коридору. — Великий Господин провел поединок, испытал наслаждение, а потом спал. Сейчас он покажется тебе странным. Я бы хотел кое-что посоветовать тебе, Крэддок.

— Я не... Что ты имеешь в виду?

— Сейчас многое решается, — задумчиво произнес Ванн, глядя в пол. — Что касается меня, я не до конца уверен и пока не поддерживаю ни одну из сторон. Дарум тоже колеблется. Он забрал тебя у Паррора перед принятием окончательного решения, но еще может перейти на его сторону. Если он так решит, это пойдет тебе на пользу. Или же приведет к твоей гибели. Я не могу предсказать будущее, но поскольку ты другой расы, говорю тебе это и советую запомнить мои слова. Дарум... он безумен.

Рафт изумленно уставился на солдата.

— Безумен? Ваш король?

— Да.

— И все-таки правит вами?

— Разумеется, — подтвердил Ванн. — А почему бы нет? Это случается с ним нечасто, и когда его охватывает безумие, это мало нас касается. Однако для тебя это может означать разницу между жизнью и смертью. Впрочем, — задумчиво продолжал он, — и для Паитити тоже. Помни, что Дарум не принадлежит к твоему виду.

— Надеюсь, — искренне признался Рафт.

— Он такой же, как мы, — пробормотал Ванн, и глаза его заблестели. — Надеюсь, ты уцелеешь. Поединок с тобой доставил бы мне удовольствие, Крэддок. А теперь иди туда.

— Он отодвинул тяжелую портьеру, открыв мрачный проход. — Ну, иди.

— Спасибо, — сказал Рафт.

Он сделал шаг вперед, а Ванн за его спиной вернул портьеру на место. В коридоре было тихо, если отрешиться от сотрясавшей замок непрерывной вибрации. Даже здесь чувствовался слабый гул.

Рафт подошел к очередной занавеси.

«Иная раса, — подумал он, — иные обычаи. Они убивают для интеллектуального развлечения и ведут поединки, чтобы испытать дрожь физического возбуждения. Безумный король не представляет для них ничего особенного».

Заколебавшись на мгновенье, он отодвинул занавесь и оказался в красноватом полумраке.

Со всех сторон шло приглушенное свечение, не позволявшее определить размеры помещения. Перед Рафтом маячили какие-то задрапированные формы, и вдруг в глубоком мраке что-то шевельнулось, и на него уставились глаза, похожие на светящиеся диски. В нос ударил холодный резкий запах духов. Вездесущая адская дрожь, казалось, сотрясала темный воздух.

Постояв немного в полной тишине, Рафт продолжил обход. Таинственные глаза непрерывно таращились на него, и наконец ему удалось разглядеть небольшую фигуру, полулежавшую на какой-то бесформенной массе. Он заметил плавную линию щеки и облако волос, казалось, расплывающихся в воздухе.

Рафт остановился и стал ждать.

Он чувствовал, что это не тот человек, который сражался и смеялся во дворе. Разница была велика, даже в физическом смысле. В темноте Дарум преобразился; перемену трудно было определить, и вместе с тем она не вызывала сомнений.

— Садись, — приказал король по-индейски. Даже голос его звучал иначе: он был бесстрастен, словно музыка, доносящаяся издалека.

Пошарив вокруг себя, Рафт нашел кушетку и опустился на подушки. Следившие за ним глаза были чуть-чуть зеленоватыми.

— Послушай... — произнес Дарум и замолк.

У ног короля шевельнулась какая-то тень, ее мягкие очертания выдавали женщину. Существо это окружала аура ужаса, он передался Рафту и наполнил его леденящим холодом. Послышался звук, похожий на человеческий голос — плаксивое вопросительное причитание.

— Иранн интересуется, зачем ты прибыл в Паитити, Крэддок. Ее голос — музыка, и только так она может говорить. Она спрашивает, кто ты. И каков твой мир?

Мягко ласкаемые струны зазвучали снова, в их пении снова почувствовался вопрос.

Рафт наклонился вперед, пытаясь стряхнуть с себя чары музыки, но взгляд короля пригвоздил его к месту.

— Он бог, Иранн. Крэддок был здесь в самом начале, и теперь явился вновь, когда конец уже совсем близок. С тех пор, как глаза его впервые увидели Паитити, родилась новая раса, приближающаяся сейчас к тени, которую Пламя бросает на все живые существа.

Плачущий голос гобоя и флейты рассказывал о сгущающейся тьме, о тучах, собирающихся над страной.

— А ведь есть и другие тени, — прошептал король. — Была когда-то женщина, Иранн, красота которой пылала, как магические огни, способные заколдовать любого мужчину. Огни, способные довести мужчину до безумия, о чем я хорошо знаю сам. Да... знаю сам.

В сердце Рафта постепенно заползал страх. Волнующая, удивительная музыка звучала непрерывно, а в слабом свете смутно виделись прикрытые прозрачной тканью мягкие линии округлых плеч. Сидевшая у ног Дарума Иранн снова и снова касалась тонкими пальцами рыдающих струн.

— А огонь пылал, — мягко продолжал король. — Во всем Паитити не было никого прекраснее этой женщины. Когда она танцевала, самые высокие деревья склонялись перед ней в поклоне, когда улыбалась — камни рушились вниз.

В песне без слов мелькнула гордая нотка. В угрюмой комнате воцарилась вдруг весна, зеленая, озаренная солнечном светом. Звенела сталь, звучал смех, развевались яркие одежды. Музыка перешла в веселый ритмичный танец.

Тяжелый голос короля прервал веселье, и мелодия стихла до едва слышного шепота.

— Нашелся мужчина, полюбивший эту женщину и овладевший ею. А она смеялась, потому что знала вкус могущества так же, как и красоты. Она упивалась мыслью о власти над Паитити. О власти над мужчиной, который был королем.

Песня стала гордой, торжествующей, точеные из слоновой кости руки сверкали.

— А потом ее взгляд привлек мужчина, который не был королем, но она знала, что в ее объятиях любой будет чувствовать себя владыкой вселенной, будет равен богам. И она была права. Если бы даже ее объятия означали смерть,

это был бы очень сладкий яд, и любой был бы рад упиться им.

В мелодии теперь звучал иронический смех, пронизанный нотами печали.

— Она была неверна, — сказал король, и его слова падали в неподвижный воздух, тяжелые, как камни. — Эти губы были неверны. Руки Иранн искали другого, и о другом тосковало ее белое тело.

Песня стала почти неслышной.

— Это было давно, очень давно. Больше она не была неверна, и король перестал грустить. Для него танцуют девушки, они молят его о любви, но он не может им ничего дать. Его сердце принадлежит Иранн, прекраснейшей из всех женщин, а она... она теперь тоже любит его.

Нежно, послушно замурлыкал гобой.

— Вот только король безумен, — раздался спокойный, холодный голос, и от этого холода музыка смолкла. — Очень давно пришел красный час, и безумие посетило его. Этот час никогда не пройдет, Иранн, и любовь с безумием навсегда поселились рядом.

Воцарилась долгая тишина, только дрожь водопада сотрясала замок.

— Мы, Иранн и я, часто говорим друг с другом о вещах давно забытых и о тех, которые никогда не уйдут в забытье, — сказал наконец король. — Теперь ее язык — музыка. — Голос его изменился. — Пусть даже умрет Паитити, Иранн не может умереть. По-моему, готовый ответ в твоих руках, Крэддок, но пока я не могу сказать, позволю ли тебе открыть великий секрет. Сначала мы должны поговорить. Есть столько вопросов...

Рафт облизал губы и заговорил впервые с тех пор, как вошел сюда.

— Для начала нужно прояснить одно обстоятельство, — сказал он.

— О чем ты?

— Я не Крэддок. — Две пары глаз внимательно следили за ним. — Я пытался объяснить это твоему солдату, Ванну, но он мне не поверил. Не знаю, какую историю придумал Паррор, но, вероятно, она достаточно убедительна. На самом деле Крэддок находится сейчас в замке Паррора, он его пленник. Я же прибыл, чтобы спасти Дэна Крэддока, и зовут меня Брайан Рафт.

— Я не могу в это поверить.

— А зачем мне лгать? — спросил Рафт. — Что я этим выиграю?

— Тому может быть много причин. Кроме того, Паррор тоже не глуп. Если бы он хотел выиграть время, то вполне мог пойти на хитрость.

— Жанисса, девушка из замка Паррора, знает, кто я.

— Но говорит ли Жанисса правду? — с сомнением заметил Дарум. — Ее душа, как ветер, она постоянно меняется. Расскажи мне свою историю. Может, это ложь, а может, и нет. Как бы то ни было, я послушаю.

Рафт начал, стараясь говорить как можно спокойнее, хотя красноватое свечение вызывало у него странную нервозность. Когда он закончил, пылающие глаза Дарума были полузакрыты.

— Уходи, — приказал король.

Рафт заколебался, и глубокий голос прозвучал снова, на этот раз более властно.

— Я сказал уходи. Позже мы поговорим еще, а сейчас я должен обдумать твой рассказ.

Рафт встал. Съежившаяся у ног Дарума фигура заиграла экзотическую и мучительную мелодию. Ласковую, нежную и невероятно печальную.

Король внимательно смотрел на мужчину.

Спотыкаясь в темноте, Рафт прошел через комнату, его лицо коснулось бархата занавеси... Отогнув складки материи, он вышел. Позади вспыхнул свет, музыка поднялась почти до крика, и Рафт оглянулся.

Дарум встал. Склонив голову, он всматривался в лежащую у его ног фигуру. Рафт верно оценил красоту полузакрытого вуалью тела. Однако лицо Иранн не было закрыто.

И выглядело оно ужасно.

Перед глазами Рафта возникло вдруг видение когтистой перчатки на руке короля. Что-то ужасное, неистовое, безумное стерло красоту с лица Иранн, оставив нетронутым ее божественное тело.

Король поднял голову и встретился взглядом с Рафтом.

Отвернувшись, тот отступил вглубь коридора, а освобожденная занавесь упала на свое место.

Глава 7

Страшное Пламя

Часы уверяли, что прошло всего несколько минут, но Рафт знал, что после разговора с владыкой Паитити минуло много часов. Он нетерпеливо ждал, запертый в комнате,

один на один с беспокойными мыслями. Рафт не мог открыть дверь, а Ванн, проводив его в комнату, больше не показывался. С балкона же можно было видеть лишь поток воды, лениво падающий в пропасть.

В комнате царила стерильная чистота. Помещение было прекрасно, роскошно, но ни один предмет в нем не вызвал интереса Рафта.

Бездействие начинало раздражать его. Ему казалось, что он — единственное в этой стране существо, не впавшее в сонное оцепенение.

Прошло немало времени, прежде чем от окна он услышал мягко произнесенное свое имя. Он знал этот голос и быстро выбежал на балкон, охваченный возбуждением. Там никого не было. Только лениво падающая вода.

— Брайан! — послышался тихий оклик. — Брайан Рафт!

Перегнувшись через перила, Рафт увидел перед собой знакомое лицо Жаниссы. Аквамариновые глаза стали теперь темнее, обретя окраску, близкую к пурпуру. Девушка, вероятно, цеплялась руками и ногами за трещины в камне, казавшиеся слишком незначительными, чтобы дать опору даже белке.

Опомнившись, Рафт перегнулся через перила, протягивая руки, однако Жанисса остановила его.

— Возьми подушку, Брайан, и принеси ее сюда. Со мной ничего не случится. Делай, как я говорю.

Он мгновение поколебался, потом повернулся и поспешил в комнату. Схватив первую попавшуюся подушку, он вернулся на балкон. Жанисса была все там же, ее стройное тело прижималось к камню.

— Возьми ее за угол. Да, именно так. И медленно опускай в мою сторону. Осторожно, держи крепче.

Рафт послушно выполнял все указания. Внезапно что-то свистнуло и сверкнула сталь, едва не вырвав подушку из рук Рафта. Из гладкой стены под балконом выскочил веер длинных лезвий. Одно из них пробило подушку, ясно было, что такая же судьба постигла бы Жаниссу, продолжи она подъем.

Девушка улыбнулась.

— Ну, думаю, уже все. Дай мне руку.

Она ухватилась за его ладонь и полезла вверх, с кошачьей ловкостью огибая грозные острия. Оказавшись на балконе, девушка отряхнулась, пригладила волосы и взяла подушку из судорожно стиснутых пальцев Рафта.

— Ты один? Так я и думала. Я немного понаблюдала, прежде чем лезть на стену.

— Ты могла погибнуть, — сказал Рафт, глядя в пугающую пропасть, где замедленный водопад обрушивал свою воду в бездну, а еще медленнее клубившийся туман поднимался вверх, принимая форму зыбкой башни. Потом он повернулся к девушке и, встретив ее улыбку, почувствовал головокружение, не имеющее ничего общего со страхом высоты. Именно ее лицо вело его неделями по реке и сквозь джунгли почти так же безошибочно, как следы Крэддока.

«Никто на свете, — подумал он, — однажды увидев это хрупкое создание, не мог бы отказаться от новой встречи с ним».

Во время первого свидания он был измучен и ошеломлен, но сегодня мог внимательно рассмотреть ее аквамариновые глаза, а также веселое и вместе с тем томное лицо этой необычной девушки. Широко открытыми глазами Рафт всматривался в нее, словно боясь, что она исчезнет.

Жанисса рассмеялась.

— Мы уже встречались, ты не забыл? — насмешливо спросила она.

Теперь улыбнулся и Рафт.

— Извини. Это был просто... Знаете ли вы тут, насколько вы красивы?

— Мужчины всех рас очень похожи друг на друга, — серьезно ответила Жанисса. — Сейчас следует думать только о тебе, Брайан Рафт. Ты в очень сложном положении.

— Насколько я помню, эти сложности начались вместе с твоим появлением. — Он не хотел, чтобы ее привлекательность изгнала из его памяти воспоминание о тех событиях.

Девушка грациозно пожала плечами.

— И что же мне делать? Я появилась снова, и тебе уж придется простить меня.

Он еще раз выглянул через перила, и по спине его пробежали мурашки.

— Ты здорово рисковала. Тебе повезло, что ты не погибла.

— Возможно, но только не от падения. Моей расе это не грозит! Хотя, если бы тебя не оказалось в комнате и ты не привел бы в действие ловушку, мне пришлось бы трудно. Войдем внутрь, а то кто-нибудь увидит нас с другого балкона.

Она переступила через порог, огляделась и отбросила распоротую подушку.

— Теперь можно и поговорить.

Рафт следовал за ней, восхищаясь упругими мышцами,

играющими под бархатной кожей. Девушка послала ему через плечо игривую улыбку и встряхнула копной волос, полосатых, как тигриная шкура. Вдоль ближней стены лежала стопа шелковых подушек. Девушка положила руку на плечо Рафта, потянула его вниз, и он сел рядом с ней, скрестив ноги.

— Нам нужно многое рассказать друг другу, — заговорила Жанисса. — Но боюсь, что времени маловато.

— Тогда начинай. Только помни: я ничего не знаю.

— Я так и думала, — буркнула она. В ее негромком голосе была какая-то мягкая хрипотца, напоминающая мурлыканье.

— Даже Крэддок не знал всего, хотя и... создал нашу расу. А теперь он многого не помнит, и потому Паррору придется самому строить машину...

— Может, ты все же начнешь сначала? — прервал ее Рафт. — Во-первых, где находится Паитити? На моей родной планете?

— Да. Мы знаем об этом, потому что некоторые из нас выходили по невидимой дороге в джунгли снаружи. Это делалось нечасто и только Защитниками, вроде Паррора или меня. Я выходила лишь однажды, и мне этого хватило. Там было ужасно. Твой мир заморожен, в нем ничто не движется. Встречая снаружи людей, мы заставляли себя двигаться медленно, как в ночном кошмаре, иначе они видели бы вместо нас молниеносно проносящиеся пятна. Кроме того, мы не можем долго находиться вне Паитити, разве что берем с собой частицу Пламени.

— Пламени? — повторил Рафт. — Как это, Пламени?

— Пламя — это источник всякой жизни, — сказала Жанисса. — Во всей нашей стране есть всего два амулета, содержащие частицы огненного жара самого Пламени. Мы не знаем, каким образом они были сделаны. Они очень древние, и мы унаследовали их от расы, что жила здесь до нас. — Ее глаза сузились. — Один из них у Паррора, я должна получить второй. Как Защитник, я имею на него право, но король сам претендует на него и... впрочем, неважно. У меня свои планы. Близится время, когда...

— Пожалуйста, — вновь прервал ее Рафт, — сперва объясни мне, откуда берется эта разница в скоростях. Почему ваши люди движутся быстрее нас?

— Пламя слабеет, — угрюмо сообщила Жанисса. — Вот почему Паррор искал Крэддока. Понимаешь, Паитити не всегда выглядело как сейчас. Когда-то давно поколения рождались и умирали в течение одного дня. А еще раньше за то

же время сменялись сотни поколений. Сейчас процесс этот замедлился. Вода течет быстрее, чем во времена наших отцов. Наша память уходит далеко в прошлое, у нас есть множество старых записей, однако кое-что приходится домысливать. Очень давно, задолго до того, как мы стали людьми, Паитити населяла другая раса. Это они построили все замки. Внешне они больше походили на вас, чем на нас. Сильные, мудрые и счастливые, они населяли эту страну, живя в сиянии Пламени. Но потом Пламя ослабло и погрузилось в сон.

Рафт нахмурился.

— Эта раса вымерла?

— Нет.

— Тогда что же с ней случилось?

Девушка смотрела прямо перед собой.

— Идя по невидимой дороге, ты проходил пещеру — темное место, во мраке которого что-то ползало и летало. Ты видел живущих там чудовищ. Эти существа, точнее их предки, построили и этот замок, и замок Паррора, и сотню других. Но когда Пламя утратило свою силу, они деградировали до уровня животных. Сегодня нам это известно, однако этими знаниями мы обладали не всегда.

Рафт попытался систематизировать факты.

— Значит, первая раса выродилась, а твоя начала развиваться?

— Деградация коснулась их гораздо раньше, чем в нас вспыхнула первая искра разума. Как я уже говорила, Пламя заснуло, и Крэддок пробудил его миллионы циклов назад. Мы знаем это, потому что наши предки исследовали Пещеру Пламени и нашли там различные предметы — мешок с одеждой, металлические контейнеры, дневник, написанный непонятными символами. Мы не могли прочесть его, пока не появился да Фонсека со своей летающей машиной. Мы понятия не имели о правде, хотя создали не одну теорию. Вместе с Паррором мы занялись да Фонсекой и с его помощью узнали содержимое дневника.

— Миллионы циклов? Но ведь Крэддок не настолько стар!

— Ход времени в Паитити иной, — объяснила Жанисса. — Крэддок разбудил Пламя, благодаря чему родилась наша раса, но теперь Пламя гаснет, и это означает большое зло.

Дэн Крэддок! Рафт задумался, что он знал об этом человеке в точности. Тридцать лет валлиец бродил по долине Амазонки. Зачем? Потому ли, что когда-то давно открыл некую тайну?

— Что такое Пламя? — задал он очередной вопрос.

Жанисса сделала странный, наверное, ритуальный жест.

— Оно источник жизни и ее конец. Это Курупури.

Рафт удивленно посмотрел на нее.

— Ну ладно, оставим это. Чего ты хочешь?

В глазах ее вновь появился пурпурный оттенок.

— В моих жилах течет королевская кровь. В древние времена жили три короля, они враждовали друг с другом. Они сразились, и двое были повержены. Однако проигравших не подвергли позору, а наделили наследственным титулом Защитников Пламени, и они поселились в замке, которым ныне владеет Паррор. Победитель же выбрал для своей резиденции именно этот дворец, возведенный над пропастью Доирада. Такое положение сохранялось из поколения в поколение до сего дня. — Она выглядела так, словно собиралась ощетиниться. — Паррор использует меня... меня! Моя кровь не менее благородна, чем его, и я владею необходимой ему тайной зеркал-линз, но теперь он заполучил Крэддока и может разбудить Пламя, а я буду лишена своего наследства. — Глаза ее сверкали. — Власть над замком Пламени — выражение высшего доверия, Паррор же хочет уничтожить это доверие и действует самостоятельно, не дожидаясь решения короля. Это недостойный поступок, он навлечет позор и на меня, как на одного из Защитников.

— Однако ты помогла ему убить да Фонсеку, — заметил Рафт. — И к похищению Крэддока ты причастна.

— Если говорить об убийстве, то я не знала, что он собирается сделать. Чары зеркала можно снять, однако следует действовать медленно и осторожно, иначе жертва умрет. Я не любила да Фонсеку, но и смерти его не хотела. Я остановила бы Паррора, если бы могла. Что касается Крэддока... ну, тут Паррор обманул меня. Он сказал, что просто приведет его сюда и не больше. Я не верила ему, но он убедил меня доводами, которые я не могла опровергнуть. Теперь я вижу, что это была фальшивая логика. Паррор извлечет необходимые знания из мозга Крэддока и разбудит Пламя. А это ... — она заколебалась, — это может обернуться большой бедой. Я не знаю, какая дорога правильная, Брайан.

— Что ж, для меня самым разумным будет выбраться отсюда и поискать Крэддока, — решил Рафт.

— Пока я не могу забрать тебя, — ответила девушка. — Но все остальное просто. У меня есть зеркало, видишь? — Она достала из-за пазухи небольшой предмет.

Памятуя судьбу да Фонсеки, Рафт инстинктивно отвернулся. Жанисса рассмеялась.

— Оно не опасно, если прекращение психического контакта происходит плавно. Посмотри в мое зеркало.

— Не так быстро, — возразил Рафт. — Как оно действует?

— Мне многое известно о свойствах мозга, — объяснила Жанисса. — Это устройство — что-то вроде моста между людьми. Если записать в нем узор разума какого-либо человека, позднее можно установить с ним контакт. У каждого мозга есть своя основная частота, присущая только ему. Один бы ты не справился, Брайан, потому что для пользования зеркалом нужна особая тренировка. Но с моей помощью у тебя должно получиться. Смотри сюда.

Он послушно взглянул в тонкую линзу, поверхность которой покрывали клубящиеся грозовые тучи. Вскоре какая-то сила разогнала их в стороны, и Рафт увидел фигуру, прикрытую разноцветными шелками.

— Он сейчас один, отдыхает, — прошептала Жанисса. — Ты можешь спокойно поговорить с ним.

— Поговорить?

— Мысленно. Смотри внимательно, сейчас я его вызову.

Рафт вглядывался в зеркало с растущим напряжением. Он видел, как Крэддок поднял голову, и на лице его появилось выражение понимания.

И вдруг Рафт услышал свое имя!

Впрочем, слово «услышал» тут не совсем подходило, скорее, он почувствовал присутствие мысли Крэддока. Потом все его сознание заполнила личность друга, а комната вокруг потемнела и исчезла. Осталось только удивительное впечатление того, что где-то рядом находится Жанисса, живая и внимательная.

— Дэн, ты хорошо себя чувствуешь? — мысли сами слагались в слова.

— Нормально, Брайан. А ты?

— Пока живой, — угрюмо подумал Рафт. — Со мной Жанисса.

— Хорошо. Она успела кое-что рассказать мне, а еще больше я узнал от Паррора.

— Скажи, он использовал какие-нибудь... фокусы?

Крэддок оскалился в усмешке.

— Можно сказать и так. Это самый опасный тип, которого я когда-либо встречал. Тебе не следовало идти за мной, Брайан.

— Нужно было рассказать мне обо всем в госпитале, когда Паррор только появился, — возразил Рафт. — Ну ладно, дело сделано. То, чем мы должны заняться сейчас...

— Я не знал, — прервал его Крэддок. — Когда Паррор привел да Фонсеку в госпиталь, я понятия не имел, что происходит. Когда он показал мне мой дневник, я был настолько ошеломлен, что...

— Ты уже бывал здесь?

— Да. Тридцать лет назад по нашему времени и, может, сто миллиардов лет по времени Паитити. Время — величина переменная. Я нашел здесь Пламя...

— Расскажи ему, — промелькнула нетерпеливая мысль Жаниссы.

Крэддок кивнул.

— Да, наверное, так будет лучше, хотя тридцать лет назад я не представлял, во что ввязываюсь. Я был очень молод, изучал секреты снадобий, которыми пользовались местные индейские колдуны. И вот тогда я наткнулся на невидимую дорогу — она еще не была закрыта. Вход был широко распахнут, а потом оказалось, что это ловушка.

— Ловушка?

— Расставленная судьбой, — пришла угрюмая мысль Крэддока. — Я шел вперед, миновав по пути пещеру, населенную чудовищами, пока не оказался в месте, где дорога раздваивалась. Один путь ведет в Паитити, второй — к тому, что индейцы называют Курупури.

— А Пламя, — заметил Рафт. — Что это такое?

— Не знаю. Какая-то разновидность энергии. Возможно, оно живое. Однако, наверняка оно было рождено не на Земле. Паитити находится в метеоритном кратере, Брайан, и мне кажется, Курупури прибыл на нашу планету вместе с метеоритом. Может, он сам и был метеоритом. Это сама жизнь.

— Творец и разрушитель, — тихо вставила Жанисса.

— Разрушитель? Да. Существуют формы энергии, о которых мы ничего не знаем. Лишь иногда мы наблюдаем их через телескопы внутри огромных туманностей, удаленных от нас на много световых лет — сгустки первичной энергии, рожденной в межзвездном пространстве, где такая страшная сила может существовать, никому не причиняя вреда. Безвредное существование чего-то подобного на планете совершенно невозможно, разве что она находится еще в газовой или жидкой форме. То, что века назад упало с метеоритом на Бразилию, и является источником жизни, Брайан.

— Живое существо?

— Да, но слишком огромное, чтобы мы смогли вообразить его себе или измерить. Тебе известна теория Аррениуса, предположившего, что жизнь попала на Землю в виде спор,

передвигающихся в пространстве под давлением света. Ну что ж, идея неплоха, но что дало жизнь этим спорам? Тут мы имеем дело со старой проблемой курицы и яйца, правда, слегка модифицированной. Споры могут представлять собой пыль, побочный продукт образования туманностей. А может, безумствующая в пространстве беспокойная сила наделена возможностью создавать жизнь из пыли далеких галактик? Не знаю. Это просто теории, не больше. Однако не подлежит сомнению, что энергия, волновая и корпускулярная, каким-то образом связана с этим. — Усталое лицо Крэддока оживилось. — И вот маленькая частица такой энергии упала на Землю вместе с метеоритом. Вероятно, она была совсем микроскопической, потому что большая просто уничтожила бы планету. Я догадывался о чем-то подобном, а кое-что узнал из старых записей, которые нашел в Паитити.

— Записи? А кто их оставил?

— Тогда я этого не знал. В долине не было никого, кроме птиц, насекомых, пекари, тапиров и ягуаров. Обрати внимание на ягуаров, Брайан, это очень важно. Так вот, я обнаружил эти записи в замке, являющемся ныне собственностью Паррора. Язык их слегка напоминал индейский — думаю, именно здесь следует искать его истоки. Как бы то ни было, мне удалось узнать правду. Курупури дал жизнь всему Паитити. Слабое прикосновение его энергии превратило долину Амазонки в самое плодородное место на всей Земле.

Рафт кивнул.

— Продолжай. Как все это происходит?

— По принципу цикличности. Свои циклы имеют солнца, гиганты и карлики, имеют их и туманности, хотя наша жизнь слишком коротка, чтобы мы смогли это заметить. Когда Пламя достигает максимальной силы, оно высвобождает особый вид энергии. И результат получается потрясающий.

— Ускоряется время?

Крэддок медленно покачал головой.

— Нет, изменяется метаболизм. Темп роста невероятно ускоряется. Не только у людей или млекопитающих, но у любого живого существа. Когда Пламя проявляет максимальную активность, человек может родиться, прожить всю жизнь и умереть в течение всего одной секунды. Это мгновение будет для него временем жизни.

Мертвые предметы не подчиняются его силе, это очевидно. Излучение не может заставить камень разрушаться бы-

стрее, изменяются только живые клетки, мир растений и животных. Именно это и произошло тогда.

— Пламя проснулось, — добавила Жанисса. — И под его лучами ожило все.

— Да. Очень давно. Но этот цикл имел нормальное течение. Первая Раса, построившая все эти замки, жила тут и эволюционировала, пока жило Пламя, жили и они.

Но когда сила Пламени спадает ниже определенного уровня, действие его лучей становится вредным. Клеточная материя может подвергаться стимуляции, но с тем же успехом в ней могут развиваться обратные процессы. Вместе с ослаблением Пламени начинается регресс, странный и ужасный.

— Я видел остатки Первой Расы, — вспомнил Рафт. — Чудовища в пещере.

— Да. Они знали о приближающемся конце и пытались помешать этому. Они обнаружили способ пробуждения Пламени еще до окончания цикла, но не использовали его, поскольку он был сопряжен с серьезной опасностью. Окажись они недостаточно точны, выйди Пламя из-под контроля, и это означало бы всеобщую гибель. Ничто не смогло бы сдержать безумствующего излучения. В одно мгновение Пламя поглотило бы самое себя, и вся жизнь в Паитити тут же исчезла бы.

— Значит, они не рискнули.

— Да. Они выжидали. Каждое поколение считало, что еще успеет прожить свою жизнь, каждое поколение перекладывало проблему на плечи своих детей. А потом и дети их думали точно так же. В конце концов наполовину одичавшие люди стали слишком глупы, чтобы что-либо понимать. У существ, составлявших некогда Первую Расу, осталась лишь память о Пламени. Они сумели найти дорогу и пещеру, в которой ты их видел. Близость излучения поддерживает их в живых, поэтому они никогда не покидают этого места.

Рафт нахмурился.

— Ну а люди-коты? Что дало толчок их эволюции?

На лице Крэддока отразился панический страх.

— Это я их создал. Я разбудил Пламя.

Глава 8

Ужасающий Харн

Представляя себе сцену тридцатилетней давности, Рафт вообразил молодого Крэддока, восхищенного своим открытием. Разум этого человека охватило опасное возбуждение,

вытекающее из факта, что он единственный в мире знал о страшной, межгалактической Силе, пылающей в укрытии среди джунглей. Да, он мог понять причины, по которым Крэддок поддался искушению поиграть с запретными силами.

— Я оживил Пламя. Найденные записи подсказали мне, как это сделать. Не все я понял, но мне удалось расшифровать достаточно много. Слишком много. Именно тогда... — Крэддок вытянул вперед искалеченные руки. — Мне повезло, и вместе с тем я потерпел поражение, — продолжал он, чуть помолчав. — Пробуждение Пламени сопровождалось безумством энергии. Хотя ее напряжение было далеко от максимума, она все же набрала убийственную силу. Лишь с большим трудом мне удалось бежать.

Его усталое лицо исказил страх.

— Пламя набирало силу, а я смотрел, как изменяются мои руки, видел меняющееся тело. Плоть моя деформировалась и чернела, превращаясь в нечто ужасное, противное природе. Даже убегая, я чувствовал эту мерзость там, где прежде были мои пальцы, чувствовал, как они изменяются! — Он глубоко вздохнул, и голос его стал спокойнее. — Я убежал в джунгли и там провел ампутацию — у меня была с собой сумка с хирургическими инструментами. В те времена еще не было сульфамидов, но я как-то выкарабкался. Тогда я думал, что никогда не вернусь в Паитити. Моя карьера врача была кончена — руки мои уже не были руками.

И все-таки что-то держало меня в долине Амазонки. Единственный раз я оказался рядом с Пламенем, лишь однажды коснулась меня его мощь, и с тех пор я уже не мог покинуть Бразилию. Порой мне казалось, что я слышу голос Курупури в барабанах Жутаи. — Он покачал головой. — И вот через тридцать лет я услышал его на самом деле. Плывя вниз по реке, Паррор имел при себе частицу Пламени, и индейцы почувствовали это. Невероятная сила жизни посылала в джунгли свое сообщение. Впервые увидев Паррора в госпитале, я ощутил близость той самой энергии жизни, с которой столкнулся в Паитити. Импульс был слабым, но я не мог ошибиться. И меня охватил страх.

Паррор зашел ко мне в лабораторию и отдал мне мой дневник. Именно из-за него он и отправился на поиски. Благодаря кружившим по джунглям историям, он знал мое имя, и покинул Паитити, надеясь, что я еще жив и что он сумеет меня найти. И это ему удалось. Он убеждал меня, что я должен вернуться в Паитити, но я, разумеется, отказывался. А потом в коридоре появился ты.

— Я помню, — подтвердил Рафт. — Но в лаборатории не оказалось никого, кроме тебя.

— Не забывай об ускоренном метаболизме Паррора. В нашем медленном мире он может, если захочет, передвигаться с невероятной скоростью. Когда мы смотрели на него, он старался делать все в замедленном темпе, но едва ты вошел в лабораторию, он выбежал так быстро, что ты не успел его заметить. Потом он загипнотизировал меня с помощью зеркала. Я знал, что делаю, но не мог оказать на это никакого влияния. В конце концов я очнулся в этом замке. Теперь мне известна правда, но я бессилен.

— Какая правда? Ты имеешь в виду, что люди-кошки за тридцать лет прошли путь от примитивных существ к цивилизованному обществу?

— То, что эволюции подверглись жившие в долине ягуары, — объяснил Крэддок. — Однако процесс продолжался вовсе не тридцать лет, скорее уж, тридцать миллионов или миллиардов. Помнишь, я говорил о человеческой жизни, продолжающейся секунду? То, что в нашем мире потребовало целых эпох, в Паитити заняло три десятилетия. Обмен веществ ускорился настолько, что в течение часов, может быть, дней, ягуары достигли этапа примитивного сообщества, и вскоре стали цивилизованными существами. Их лапы превратились в руки, сами они выпрямились. Если бы в то время мы могли наблюдать за Паитити сверху, то увидели бы тела, форма которых непрерывно менялась.

Он умолк, глядя на свои руки.

— Да, — продолжил Крэддок через некоторое время, — люди-кошки эволюционировали и стали разумными существами. Они создали собственную культуру, опирающуюся на цивилизацию, предшествовавшую им. Все остальные формы жизни в долине постигла смерть. В любой среде может доминировать только один вид. Здесь им оказался кот.

В последнее время Пламя вновь начало слабеть. Пробуждая его, я использовал искусственный импульс, поэтому сияние продолжалось так недолго. В течение ближайших двух поколений сила его опустится ниже безопасного уровня, и появится разрушительное излучение, то самое, которое уничтожило Первую Расу.

Рафт громко втянул воздух в легкие.

— Понимаю. Наконец-то я знаю, в чем тут дело.

— Да. Именно потому Паррор и похитил меня. Записей Первой Расы, касающихся тайны Пламени, уже нет. Я тогда оставил все в пещере, и их поглотил огонь. То же самое жда-

ло бы и меня, останься я там подольше. Паррор считает, будто я знаю, как разбудить Пламя.

— А ты знаешь?

— Нет. Я разобрал смысл лишь некоторых инструкций, — ответил Крэддок. — Я могу поддержать Пламя, но не умею его контролировать. И в этом заключается главная опасность.

— Даже Паррор не захочет рисковать, — вставила Жанисса. — Не получив необходимых знаний, он не сделает ничего.

Крэддок вдруг замахал рукой.

— Кто-то идет. Наверное, Паррор.

Жанисса коснулась зеркала.

— Мы не сможем разговаривать, пока он не уйдет. Ничего не говори ему, Крэддок.

— Как бы я мог?..

Прежде, чем он закончил, лицо его заволокли серые тучи.

Рафт откинулся назад, чувствуя, что весь вспотел и измотан до предела. Жанисса сочувственно смотрела на него.

— Это не так просто, если не знаешь способа, — заметила она. — Но нам придется попробовать еще раз.

— Да. Хотел бы я заполучить Паррора в свои руки. Или хотя бы взглянуть на него через прицел карабина.

— Может, тебе еще представится такая возможность, — лицо девушки было совершенно серьезно. — Понимаешь, опасность по-прежнему существует. Крэддок не понял все древние инструкции, но он их прочел.

— Ну и что?

— Воспоминания сохранились в его мозге. Сейчас они глубоко укрыты и забыты, но не утрачены бесповоротно. Память можно оживить, и если это произойдет, Паррор узнает, как использовать мудрость Первой Расы.

— Ты думаешь, он будет рыться в памяти Крэддока? Загипнотизирует его?

— Не обязательно. — Девушка казалась обеспокоенной. — Он работает над устройством, которое должно ему в этом помочь.

Рафт поморщился.

— Если ему повезет, он попытается поддержать Пламя?

— Да, и именно в этом заключается опасность, — ответила Жанисса. — Первая Раса, вероятно, овладела методами контроля Курупури, но решающий эксперимент так и не был поставлен. Откуда нам знать, нашли ли они ответ? — Жанисса нервно пожала плечами. — Значит, это может при-

вести к гибели. Неконтролируемое Пламя уничтожит Паитити. Многие из нас думают, как Первая Раса в свое время: проживем в безопасности собственную жизнь, а эксперимент оставим нашим детям. Но Пламя быстро угасает, и вода начинает течь быстрее, чем в прежние времена. Мы не знаем, когда пройдем уровень безопасности, а король... король еще не принял решения.

— На чьей он стороне?

— Кто может это знать? — ответила она вопросом, снова пожав плечами. — Мы не можем читать мысли Дарума. Многие в Паитити хотят жить по-старому, и эти люди предпочли бы отложить эксперимент, нежели рисковать своей жизнью. Однако и у второго варианта есть сторонники. Что касается меня, Брайан, то я знаю только одно: во мне течет королевская кровь, и я должна охранять Пламя. Даже от Паррора, если придется! Когда король примет решение, я подчинюсь его воле. Вместе с тем, ответ находится в мозгу Крэддока, и может означать жизнь или смерть.

Рафт смотрел в открытое окно на туман, висящий над пропастью. Когда он заговорил, голос его прозвучал неестественно низко.

— Я должен тебе кое-что сказать, Жанисса. Я тоже втянут в эту игру. Не знаю точно, какова моя роль, но я перестал быть простым зрителем. — Его взгляд застыл. — Не люблю, когда мной пренебрегают. Дарум, Паррор, даже ты относитесь ко мне и Крэддоку словно к пешкам на шахматной доске. Мы же могли сделать немногое, потому что не знали правил этой игры.

Она невозмутимо смотрела на него.

— Нас неволей втянули в это, — продолжал Рафт. — Больше всего мы хотели бы выбраться отсюда и вернуться в свой мир. Если ты нам поможешь, мы поможем тебе. Скажу тебе кое-что начистоту. Ты не против того, чтобы Паррор узнал секрет власти над Пламенем, но не хочешь, чтобы он его использовал. По крайней мере, без согласия короля. Так?

— Именно так.

— Отлично. Значит, все сводится к тому, чтобы убедить Дарума, что я Брайан Рафт. Меня схватили, потому что он принял меня за Крэддока.

В ее глазах мелькнули зеленые искры.

— Дарум покинул замок с отрядом солдат, я слышала об этом.

— Значит, он поверил мне и отправился забрать Крэддока! — Рафт заколебался.

«Нет, — мелькнула у него мысль, — король не поверил

мне. Просто Дарум решил проверить и эту возможность и, желая разрубить гордиев узел сомнений, отправился к Паррору».

— Паррор хитер, — сказала Жанисса. — Я сама не знаю...

Она тряхнула головой, отбрасывая со лба мягкие пряди волос.

— Так что же мне делать? Сидеть здесь и ждать возвращения Дарума?

Девушка задумалась.

— Я еще раз воспользуюсь зеркалом, — сказала она наконец.

Она достала зеркало и, склонив голову, внимательно вгляделась в затянутую тучами глубину. Рафт заметил удивление на ее лице.

— Что случилось?

— Подожди. — Она предупреждающе подняла ладонь. — Я не могу пробиться. Там какой-то барьер.

Жанисса выпрямилась и спрятала зеркало в складки одежды.

— Крэддок находится в трансе, — объяснила она. — Это не чары зеркала, а что-то вроде гипноза. Паррор куда-то ведет его, не знаю точно, куда, но они уже покинули замок.

Рафт закусил губу.

— Ты никак не можешь связаться с Крэддоком?

— Я принимала лишь обрывки мыслей. Ничего конкретного.

— Ты можешь установить, куда они идут? Попробуй еще раз, Жанисса, это очень важно.

Она вновь достала зеркало и нагнулась над ним, максимально сосредоточившись. Рафт заметил на ее коже капли пота.

— Тяжело. Его разум блокирован.

— Пробуй!

Внезапно девушка выронила зеркальце.

— Нет, только не Харн! Он никогда туда не войдет!

Рафт стиснул тонкие руки девушки.

— Харн? Это там, где находится Пламя?

Дрожа всем телом, Жанисса отпрянула назад.

— Нет. Я думала, он пойдет невидимой дорогой, а Харн даже не пришел мне в голову. Он должен знать какой-то способ защиты, о котором мне ничего не известно. Иначе... это просто самоубийство.

— Что такое Харн? Где он расположен?

— У истока большой реки, — ответила девушка. — Той

самой, что течет и здесь, под замком Доирада. Там лежит Харн, но никто не может туда войти.

— Почему?

Жанисса словно ощетинилась.

— В Саду Харн процветает жизнь, отличная от нашей. Я не могу сказать тебе, что за существа живут там, я никогда не была в Саду. Зато мне случалось проходить рядом, и я чувствовала, как что-то касается моего разума, что-то холодное, ползучее и опасное.

Рафт заставил себя рассмеяться.

— С ружьем в руках я готов выйти против любого духа.

— Харн очень опасен, — тихо повторила девушка. — Если Паррор нашел способ защититься от Сада, значит, он оказался умнее, чем я думала. Но прежде всего я боюсь за Крэддока.

— Почему? Паррор окружит его особой заботой, пока не получит нужную информацию. Харн для вас табу, и это на руку Паррору. Отправляясь туда, он выиграет время и успеет обшарить мозг Крэддока.

Поза Жаниссы изменилась.

— Это меняет дело, Брайан. Когда Дарум явится в замок Паррора, он убедится, что хозяин сбежал. Однако если он узнает, что беглец направляется в сторону Харна, то успеет преградить ему путь, если поспешит. — Плавным движением она вскочила на ноги. — Да, наши планы меняются. Я должна предупредить Дарума.

— Я иду с тобой, — заявил Рафт.

— Нет-нет, ты не пройдешь по моему пути, — она махнула в сторону окна. — Кроме того, за дверью стоят охранники.

— Я мог бы ими заняться.

— У тебя не хватит сил. Я должна бежать быстро и лучше всего одна.

Она уже готова была исчезнуть, но Рафт схватил ее за плечи.

— Ты хоть скажи, как открыть эту дверь!

Девушка язвительно улыбнулась.

— Положи ладонь на самое яркое пятно. Но лучше бы тебе подождать моего возвращения, Брайан. В таких дверях порой бывает много замков.

Они вышли на балкон, и Жанисса перекинула через перила стройную ногу.

— Ты вернешься?

— Обещаю.

«Ее душа как ветер», — сказал Дарум. Насколько можно доверять этой девушке?

Рафт крепче стиснул ее и привлек к себе. Стройное сильное тело напряглось, сопротивляясь, но губы мужчины нашли губы Жаниссы и закрыли их поцелуем.

Через мгновение он отпустил ее, и в глазах его сверкнули насмешливые огоньки.

— Может, теперь тебе будет труднее забыть меня, — сказал он.

Жанисса медленно провела пальцами по губам, внимательно глядя на Рафта.

— Да, — загадочно сказала она. — Этого я не забуду.

Девушка скользнула над перилами и принялась спускаться, ловко избегая лезвий, опасно торчащих из камней.

Рафт следил за ней, пока она не исчезла по другую сторону башни, потом, так ничего и не решив, вернулся в свою роскошную тюрьму.

Он не так уж много выяснил. Правда, узнал кое-что, но ничего из полученной информации не годилось для немедленного использования. Ну, может, за исключением ключа к двери. Это может ему помочь, конечно, если он не решит спокойно ждать, пока вернется Жанисса... или король.

Взяв тяжелую металлическую статуэтку, он обернул ее шелковым шарфом, подошел к двери и внимательно оглядел прозрачную плиту. В пределах овала медленно двигались пятна света, словно несомые ленивым течением бледные отражения лунного диска.

Итак, самое яркое пятно. Найдя его, Рафт коснулся ладонью светящегося места, но ничего не произошло. Пятно выскользнуло из-под его руки. Он попытался еще раз, но с тем же результатом.

У двери было много замков, именно об этом говорила Жанисса. Криво усмехнувшись, Рафт бросил свое оружие и снова вышел на балкон.

Жанисса была уже внизу, но ему этот путь оказался бы не под силу, в этом он нисколько не сомневался. Веревка же, сделанная из подручных материалов, была бы слишком коротка. Перегнувшись через перила, он попытался выломать один из клинков, но только поранил палец.

Какое-то время Рафт яростно выкрикивал проклятья, а когда закончил, почувствовал себя чуть лучше. Повалившись на груду подушек, он попытался составить хоть какой-нибудь план. Задача была трудной. Прежде всего, он хотел вместе с Крэддоком выбраться из Паитити. Что для этого надо делать?

Он знал дорогу, ведущую в большой мир, а когда ока-

жется в джунглях Амазонки, выживет и без ружья. Однако бегство ничего не решало.

Паррор и король обладали амулетами, позволяющими им жить вдали от Паитити, замедляющими процессы метаболизма до уровня, присущего живым существам вне долины. Однако изменения были возможны и в другую сторону. В госпитале Паррор двигался так быстро, что человеческий глаз просто не мог его заметить.

Допустим, они с Крэддоком сумеют бежать и доберутся до Жутаи. У них будет неделя, а может, и месяц форы. Но что с того, если погоня из Паитити сможет нагнать их в течение дня? Благодаря амулетам Паррор или король молниеносно преодолеют джунгли и убьют или загипнотизируют свои жертвы, используя необычайное зеркало Жаниссы. При этом они с Крэддоком быстро оказались бы снова в Паитити.

Очередной тупик.

Трудно было оценить, сколько прошло времени. Солнце практически стояло на месте, а секундная стрелка часов перемещалась так медленно, что он не мог заметить ее движения. Его жизненные процессы невероятно ускорились, а это означало, что в данную минуту он сравнялся в скорости с жителями Паитити. Однако вне долины его метаболизм вернется к нормальному состоянию, и всякое преимущество будет утеряно.

Возможно, ответ скрывался в психологии кошачьего народа. Рафт надолго задумался, и отвлекла его лишь открывшаяся дверь. На пороге стояли охранник и паж со столиком на колесах, уставленным блюдами. Поев, Рафт продолжал размышлять. Пора уже было опуститься ночи, но дни в этой стране, казалось, тянулись бесконечно.

Итак, народ Паитити происходил от кошек, как он сам — от обезьян. Обезьяны любопытны, инстинктивное любопытство характеризовало и расу людей. Зато кошки быстро теряют интерес, а кроме того, не умеют строить. Обитатели долины унаследовали замки, покинутые древней Первой Расой. Кошки — законченные гедонисты, но при этом нужно еще учитывать коэффициент интеллекта, величины которого Рафт не мог пока оценить.

Имело ли смысл планировать что-то в стране, где человек был существом совершенно чужим? У расы кошек могли оказаться совершенно непредсказуемые реакции...

По комнате мягко пронесся низкий предупредительный рокот.

Заговор

Рафт оказался напротив двери еще до того, как стихло гулкое эхо. Прозрачный овал исчез, открыв дорогу к бегству. Однако в коридоре кто-то стоял, одетый в мягкие серые одежды. У человека было закрыто лицо, а обнаженные тонкие руки сжимали незнакомый Рафту инструмент, звуки которого он уже слышал прежде. Белые пальцы пробежали по сложной путанице струн и клавиш, и вновь прозвучала музыка. Торопящая, зовущая.

— Иранн? — в голосе Рафта был вопрос. Голова под вуалью склонилась один раз, и мужчина подошел к девушке.

— Что с охранником?

Она жестом подозвала его, а затем направилась к порталу. Рафт осторожно пошел следом и оказался в пустом коридоре.

Под стеной неподвижно стоял охранник, широко раскрытыми глазами всматриваясь в небольшой млечно-белый шар, поблескивающий на полу у его ног.

Какая-то сила привлекла к шару и взгляд Рафта. Под его поверхностью лениво двигались разноцветные полосы. Шар начал расти...

Рафта привел в себя резкий звук струны. Иранн сделала несколько шагов вперед и склонилась, чтобы поднять шар, который затем спрятала под широкими одеждами. Чары рассеялись, но охранник остался неподвижен. Рафт указал на него и вопросительно поднял брови. В ответ прозвучали успокоительные нотки.

«Охранник не проснется, еще не сейчас. Заклятие держит его в своей власти».

Рафт заметил, что овальная дверь за его спиной закрылась. Иранн вновь позвала его. Что это могло означать? Измену? Возможно. Он просто не мог предсказать поведение людей-кошек. Так или иначе, это было лучше, чем бездеятельное ожидание взаперти. Рафт был уверен, что при необходимости справится с этой женщиной.

Он направился следом за нею по коридору.

«Она выбрала кружной путь», — мелькнула у него мысль. По дороге им попался только паж, но Иранн тут же оттолкнула Рафта в сторону и запихнула в укрытие за бархатной портьерой. Паж прошел мимо, ни о чем не подозревая, и глубоко поклонился Иранн. Вскоре после этого путешествие закончилось.

Они остановились перед очередной портьерой. Иранн отодвинула ее в сторону, поторопила Рафта, чтобы он быстрее входил, и тут же вернула портьеру на место. Рафт оказался в знакомом приглушенном свечении и, желая поскорее приспособиться к полутьме, быстро заморгал. В помещении царила полная тишина, которую нарушала лишь напевная музыка Иранн.

Девушка уверенно повела его сквозь мрак прямо к покрытому шелком возвышению, на котором восседал король. Во всей ее фигуре было что-то странное.

— В чем дело, Иранн? — спросил Рафт. — Чего ты хочешь?

Тихо замурлыкал гобой, тренькнули струны. В минорных тонах прозвучало зло.

Иранн задумчиво коснулась подушек, покрывающих возвышение, ее ладонь прошлась вдоль углубления, оставленного телом короля. Мгновением позже зазвучала холодная песня без слов, гневная, полная неясных намеков.

Иранн обошла возвышение и подошла к стене, закрытой портьерами. Подняв одну, она подозвала Рафта и провела его в небольшой альков.

Девушка сунула ему в руку какой-то предмет, а затем отступила, позволив портьере опуститься.

«Жди, — казалось, говорила музыка. — Теперь ты должен ждать».

Рафт оказался в полной темноте, но легко понял, что держит в руке, достаточно было осторожно потрогать другой рукой. Почувствовав укол острого металла, он отдернул пальцы.

Постояв, он направился к портьере, но предостерегающий стон гобоя остановил его. Рука, коснувшаяся было бархата, опустилась.

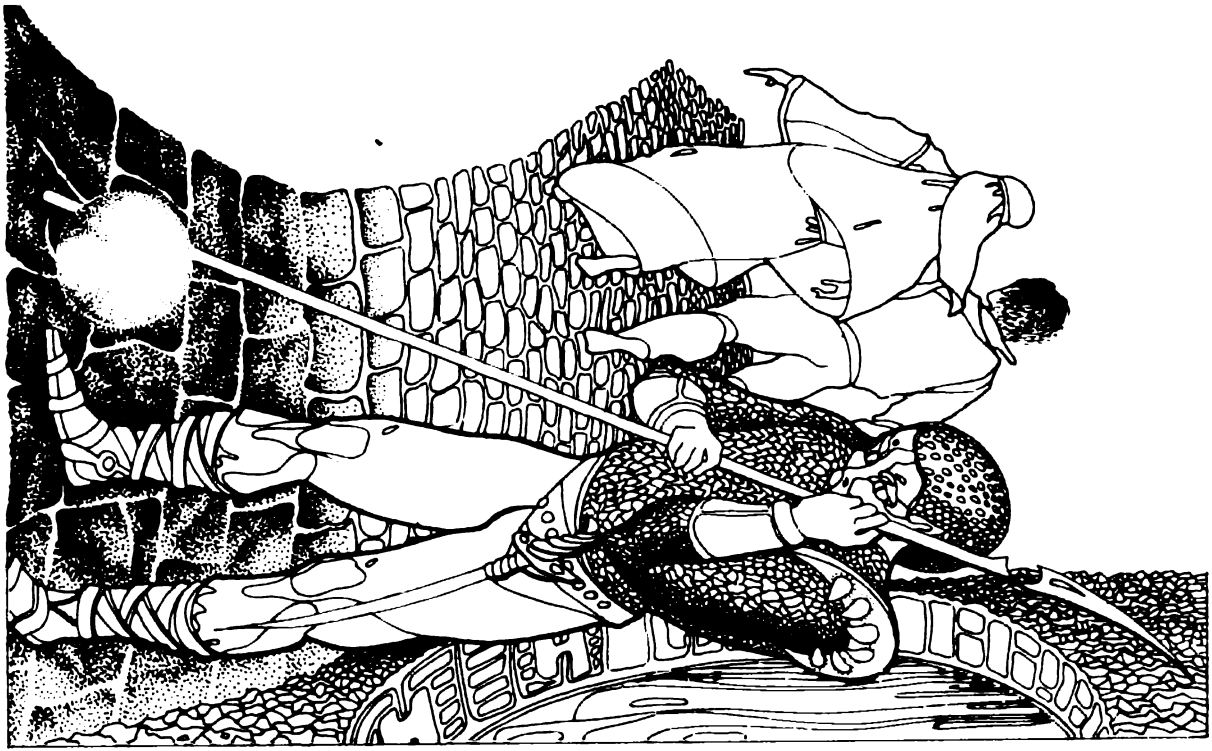
Тишину нарушил шелест торопливых мягких шагов, и Рафт понял, что Иранн ушла.

Но теперь он точно знал, зачем она привела его сюда.

Кривясь, словно попробовал что-то невкусное, Рафт прислонился спиной к стене. Иранн помогла ему, правда, руководствовалась она собственными целями. Теперь нужно было выбраться из замка.

По висящей напротив портьере танцевали бледные тени. Привыкшие к темноте глаза выделили контур мужской фигуры — тень мужчины с длинным кинжалом в руке.

Его собственная тень. Рафт повернулся — за ним не было

стены, а только уже знакомая овальная дверь. Однако, ее блеск был гораздо слабее, а ползающие световые пятна почти незаметны.

Найдя самое яркое пятно, он накрыл его ладонью.

Овальная плита поднялась вверх, и Рафта встретил поток света.

Сжимая в ладони стилет, он замер, щуря глаза. К счастью, в зале перед ним не было никого, зато его оживляло фантастическое сияние металла и богатство ярких красок, что создавало разительный контраст с угрюмостью оставшегося позади помещения.

Вернувшись за портьеру, Рафт старательно задернул ее — материя не пропускала света. Если Ираин или кто-либо другой случайно окажутся тут, его убежище не выдаст овальное светлое пятно, просвечивающее сквозь темную ткань.

Довольный результатом эксперимента, Рафт вновь вошел в комнату, которая, вероятно, была сокровищницей Дарума.

Если бы он ожидал гор золота и алмазов, то вероятно, испытал бы разочарование. Правда, алмазы там были, превосходно ограненные и чистейшей воды, но отношение к ним было то же, что и к кварцу, наравне с алмазами украшавшему различные предметы. Хранились здесь и запасы металла — удивительного сплава, который радужно поблескивал, как масло, разлитое по поверхности воды. И конечно, оружие, много оружия.

Клинки были сделаны из хорошей стали, и не удивительно, потому что в Бразилии есть марганец, бериллий и хром. Залежи этих элементов, вероятно, имелись и в Паитити. Встречалось здесь и серебро, о чем говорило обилие гравированной посуды из этого металла — она рядами поблескивала вдоль стен.

Все предметы были творением чужой цивилизации. Многие экспонаты, красивые на вкус людей-кошек, в глазах Рафта могли бы служить символом уродства. Взгляд его скользил вдоль дуг и плавных изгибов, находя в этом странное удовольствие и читая смутные намеки. Рафт сознавал, что, скорее всего, никогда не сможет до конца понять принципы, лежащие в основе искусства этой расы.

Довольно много было предметов, использующихся повседневно. Рафт наткнулся на целую коллекцию перчаток для поединков, снабженных тремя бритвенно острыми когтями. Он выбрал одну и натянул ее на руку, отметив, что когти тянулись вдоль всей длины пальцев. Потом машинально сжал кулак.

Украшенная многочисленными камнями перчатка вполне могла сойти за кастет. «Такое ее применение наверняка шокирует людей-кошек», — саркастически подумал Рафт, вкладывая перчатку в большой карман, который обнаружил, обследуя свою одежду.

Кроме того, в комнате нашлось множество карт, вырезанных на металле и инкрустированных драгоценными камнями, слишком тяжелых, чтобы их можно было забрать с собой, но невероятно интересных. Одна из них изображала Паитити. Рафт совершенно не понимал символов, однако ему удалось найти замок Доирада и пропасть, в которую падала река.

Задумчиво проследил он ее до истоков, где небольшое кольцо из цирконов окружало несколько таинственных знаков. Сад Харн? Именно там укрылся Паррор с пленным Крэддоком.

Другая карта изображала сам замок и была сделана на дюжине тонких пластин, вращающихся на петлях. Рафт старательно изучил ее в надежде найти дорогу наружу. Сложнее всего было определить свое положение, но когда он наконец нашел комнату, в которой его заперли, дело пошло легко.

Наконец Рафт поднял голову от карты — да, теперь он сможет найти дорогу.

Прозвучала музыка Иранн, и Рафт повернулся к двери. Там никого не было, но мелодия продолжала звучать, предупреждающая, пронзительная.

Мужчина продолжал осмотр, и почти сразу внимание его привлек знакомый предмет, лежавший на полке.

Это был револьвер, небольшая вещица, отделанная перламутром и серебряной насечкой. Рядом лежала горсть патронов. Рафт высыпал патроны в карман и схватил оружие, заметив еще выгравированную на рукоятке монограмму. ТДФ — Томас да Фонсека, летчик, разбившийся в Паитити. Револьвер принадлежал ему.

Конечно, он не шел ни в какое сравнение с тяжелым безотказным кольтом Рафта, однако наверняка был лучше стилета. Сдвинув предохранитель, он убедился, что оружие разряжено, и на ощупь вставил патроны в гнезда барабана. Потом вновь переступил порог и замер в ожидании, сжимая складки портьеры.

Музыка Иранн изменилась, стала мягче, в ней слышалось приветствие. Однако где-то в глубине таилась угроза, тихий шепот измены.

— Паррор сбежал от меня, Иранн, — низким голосом

сказал король. — В его замке был еще один человек извне, это подтверждают следы. Однако оба они сбежали, а мы не сумели их найти.

В песне без слов прозвучал вопрос.

— Они по-прежнему в Паитити. Я поставил охрану у входа на невидимую дорогу. Паррор не доберется до Пламени, пока на то не будет моей воли. И все же я не знаю, где он сейчас.

Струны пели о нежности и... затаенной ненависти.

Дарум вздохнул.

— Я был готов ко всему, что мог там застать. Я даже думал, что Паррор, используя невидимую дорогу, выбрался наружу, и был готов преследовать его даже там. Но как мне найти его, если он бесследно исчез вместе с другим человеком?

Рафт задумчиво потер щеку. Он знал, куда отправился Паррор, но если бы даже сказал об этом королю, разве помогло бы тому это известие?

Иранн заиграла мягче, звуки музыки начали убаюкивать.

— Да, — произнес король. — Да, Иранн, так было всегда. Мир не может войти в нашу комнату. — Он вздохнул. — Здесь нет ничего, кроме нашей любви.

«Спи, — говорила музыка. — Спи, мой любовник и король. Спи и больше не просыпайся».

Но Дарум не чувствовал никакой опасности. Дыхание его стало спокойнее. Блаженство проникало и сквозь портьеру, сжимая Рафта горячими объятиями. В музыке Иранн таилась сильная магия.

«Черная магия!» — со злостью подумал он, энергично встряхивая головой.

Через некоторое время рука Иранн проникла в мягкую драпировку, нашла Рафта и потянула вперед. Шедшее сзади сияние осветило лицо девушки, точнее, то, что от него осталось. С тихим стоном она снова накинула вуаль. Рафт заметил, как взгляд ее перескочил с его лица на открытую сокровищницу, однако арфа молчала, не задавая вопросов.

Когда портьеру отодвинули, льющийся сквозь щель свет вырвал из мрака возвышение, на котором лежал спящий Дарум. Рафт видел его расслабленное, спокойное лицо.

Иранн с сомнением коснулась небольшого револьвера, потом вынула стилет из-за пояса Рафта, сунула ему в руку и толкнула вперед, указывая на возвышение.

Рафт остановился, и глаза, закрытые вуалью, вопросительно посмотрели на него. Медленно, но решительно мужчина покачал головой.

— Нет, — прошептал он. — Я не сделаю этого, даже ради спасения собственной жизни.

Ладонь Иранн угрожающе нависла над струнами. На мгновенье оба замерли неподвижно, но потом женщина поняла, что его решение окончательно. Из горла ее вырвалось страшное рычание и, выхватив у Рафта стилет, она повернулась к королю. Шелестя развевающимися одеждами, она склонилась над ним, рывком разорвав шелковую рубашку. Дарум застонал, но не шевельнулся, погруженный в гипнотический сон. Иранн взмахнула стилетом и на секунду замерла.

Рафт среагировал почти инстинктивно. Не задумываясь, он бросился вперед и уже на бегу заметил какой-то предмет, поблескивающий на груди короля: сверкающий квадрат, висящий на серебряной цепочке. Казалось, он излучал собственное сияние, которое пульсировало, напоминая нечто живое.

А м у л е т!

Времени проверять не было, не у кого было спросить, однако в глубине души он был совершенно уверен, и уверенность эта делала расспросы излишними. Нельзя было не узнать этого танцующего сияния.

Одной рукой Рафт схватил амулет, разорвав цепочку резким рывком, второй — стиснул готовую к удару ладонь Иранн. Девушка дико вскрикнула и изогнулась дугой, изо всех сил пытаясь освободить вооруженную руку.

Они сплелись в яростной молчаливой схватке. Арфа ударилась об пол, зазвенела лопнувшая струна. Дарум сел на подушках, ошеломленно вглядываясь в маячившие перед ним фигуры.

И вдруг, со стремительностью, поразившей Рафта, Иранн выпустила нож. Отпрыгнув назад, она склонилась за арфой и коснулась инструмента, извлекая из струн дикие, тревожащие звуки.

«Проснись! Будь настороже!»

Громкая, звенящая беспокойством музыка ударила в стены. Король вскочил на ноги, тряхнул головой, затем начал выкрикивать беспорядочные вопросы. Он находился в снопе падающего из сокровищницы света, поэтому мог видеть лишь тень Рафта — тень, вооруженную зловеще поблескивающей сталью.

Тревожная музыка поднялась до крика, вдалеке послышался топот ног.

Мысленно выругавшись, Рафт повернулся и помчался к двери, через которую попал сюда, молясь, чтобы она оказа-

лась открыта. Откинулась в сторону портьера, он увидел свободный проход и не задумываясь бросился в него. Его приняли за убийцу и значит, нужно было бежать со всех ног. Король мог выслушать объяснения, но вероятность этого была минимальна, особенно учитывая, что в дело была замешана Иранн.

Перед мысленным взглядом Рафта сияла найденная в сокровищнице карта. Он знал, что погибнет, если ошибется хоть раз.

Он свернул, ни на секунду не замедляя бега. Где-то далеко слышались возбужденные голоса, Рафт крепче стиснул револьвер. От него больше пользы, чем от стилета. Что касается Иранн, он наконец понял ее намерения. В случае необходимости она готова была сама убить Дарума, а вину за это свалить на Рафта. Видимо, подобная практика была в ходу у кошек, впрочем, как и у людей.

Дважды ему приходилось прятаться за портьерами от патрулей. Наконец, затаив дыхание, Рафт остановился перед овальной дверью, гадая, что же ждет его по ту сторону. Он знал, что именно здесь лежит путь на свободу, но не был уверен, не ждут ли его за дверью солдаты.

И действительно, его ждали — об этом говорили тени, видимые сквозь прозрачный материал двери. Рафт как можно тише повернулся и заторопился обратно, понимая, что погиб, разве что ему удастся найти другой путь наружу, а это было сомнительно.

Он свернул в какой-то коридор, где вдоль стены тянулся ряд окон. Выглянув в одно, Рафт убедился, что они выходят не на пропасть Доирады, а на излучину реки, за которой ее воды впадали в арочный канал, что проходил под замком. По другую сторону поросшей мхом равнины вздымались могучие колонны леса. Он нашел бы там убежище, если бы сумел перебраться на другой берег. Однако река текла далеко внизу, и течение было слишком быстрым. Его смыло бы в пропасть, едва только он оказался бы в воде.

Слишком быстрым?

Только не в Паитити, где метаболизм всех живых организмов испытывал огромное ускорение.

Несмотря на свою мощь, вода внизу казалось настолько гладкой и спокойной, словно он разглядывал не дикий водоворот, а слабо волнующуюся зыбь тумана.

Рафт сунул револьвер в карман и застегнул его. Судя по замку, карман был водонепроницаем, а это на руку Рафту. Быстро оглядевшись по сторонам, он не заметил никого, хотя звуки явно приблизились.

Не колеблясь больше, он забрался на карниз, висевший в двухстах футах над серебристой лентой, и прыгнул.

Глава 10

Кошмарный сад

Рафт кое о чем забыл, но во время падения у него оказалось достаточно времени, чтобы об этом вспомнить. Ускорение свободно падающего тела не изменяется. Правда, определенную роль тут может сыграть трение воздуха, но в случае падения тела весом в сто шестьдесят фунтов и имеющего форму человека, воздействие это невелико.

Метаболизм Рафта ускорился во много раз. Теперь он жил несравнимо быстрее, чем во внешнем мире, и своими глазами видел, как огромные валуны, оторвавшиеся от высоких скал, окружающих долину, падали не быстрее перышек.

В собственном представлении он вообще не падал, ему казалось, что он медленно едет вниз в лифте. Это настолько поразило его, что Рафт не сразу постиг всю опасность своего положения, а когда понял, уже ничего не мог поделать.

Падая, он медленно вращался, а мимо проплывали стены замка. В любой момент кто-нибудь мог выйти на балкон и увидеть его. Удачно брошенное копье представляло для него немалую опасность — оно имело бы достаточную скорость, чтобы пронзить его, тем более, что бросающему было бы легко оценить скорость движения Рафта.

Еще никогда в жизни он не чувствовал себя настолько беспомощным. Ему казалось, будто он одиноко висит в межпланетном пространстве. В мозгу его мелькали сотни вопросов и так продолжалось, пока тело его с ужасающей медлительностью не ударилось о воду.

Масса Рафта не изменилась, поэтому он исчез под водой, одновременно сносимый ленивым течением. Стала очевидной очередная опасность. В обычных условиях он задержал бы дыхание до тех пор, пока не вынырнет, однако теперь дыхание было раз в сто быстрее, а от глотка воздуха его могло отделять несколько минут.

Используя свои новые возможности, он повернулся и поплыл вверх, хотя это скорее походило на продирание мухи сквозь густой кисель, причем неумолимое течение представляло дополнительную трудность. Рафт был как попавшая в сироп муха. И все-таки этой мухе удалось выбраться на поверхность.

В нормальных условиях вода унесла бы его прямо в пропасть Доирады, но здесь, благодаря ускоренной работе мышц, он справился с ленивым напором воды и поплыл вверх по течению. Добравшись наконец до неглубокого места, Рафт свалился без сил.

Впрочем, отдыхать было рано. Он все еще был в пределах досягаемости погони, но слишком выбился из сил, чтобы преодолеть открытое пространство, отделявшее его от леса. Рафт лихорадочно осмотрелся в поисках близкого укрытия.

Берег в этом месте порос густым тростником, а сама вода, илистая и мутная, была совершенно непрозрачна. Рафт нашел высохшую тростинку и решил попробовать старый фокус. Он просто погрузился в воду, ухватился за камни на дне, чтобы не всплыть, и начал дышать через трубку

При этом он ничего не видел, но и его никто не мог заметить. Разумеется, люди-кошки рано или поздно могли его обнаружить, но игра стоила свеч, особенно если вспомнить о разнице в психологии котов и приматов.

Преследователи ждали от него, как от потомка обезьяны, что он попытается удрать в сторону леса. Сами они были слишком брезгливы, чтобы прятаться в грязной воде, если имелся иной путь бегства, и автоматически могли приписать Рафту сходный образ мыслей. Если они действительно поступили так, это была их ошибка.

Закрыв глаза, Рафт сосредоточился на дыхании, которое на практике оказалось довольно сложным.

Мог ли ему помочь амулет? Внутри него находилась искра Пламени, полученная от страшного источника энергии, называемого Курупури. Амулет мог вызвать замедление метаболизма.

Впрочем, сейчас Рафту больше подошло бы ускорение. Амулет мог обладать и такими свойствами, нужно было только проверить его.

Заключенная в нем частица энергии была, вероятно, настроена на Пламя, и с помощью индукции черпала из него силу, а возможно, являлась целым и сама по себе, как это происходит с кусочком радия.

Замедление жизненных процессов означало бы, что Рафт превратится в живую статую, вокруг которой враги будут двигаться с быстротой молнии.

Как бы то ни было, все равно амулет лежал в закрытом кармане, и Рафт не мог его достать, не замочив револьвер да Фонсеки. Выяснение этого вопроса пришлось отложить на потом, а пока он мог лишь затаиться и ждать.

Рафт ждал, а холод реки постепенно пронизывал его тело, парализуя нервы и мышцы. Двигаться было нельзя, и разум человека все больше удалялся от тела, пока наконец ему не стало казаться, что он висит в пустоте, где не существует ни света, ни звука, где не осталось ничего, кроме медленного, мертвящего движения воды. Ждать до темноты было просто невозможно: ведь солнце могло скрыться за горизонтом лишь через несколько недель.

«Жизнь, в которой обмен веществ настолько ускорился, таит в себе и некоторые неудобства», — подумал Рафт.

Как бы то ни было, Дарум не сумел схватить Паррора. Этот дерзкий тип скрылся вместе с Крэддоком в Харне, лежащем в верховьях этой реки. Что могло быть в самом Саду, Рафт и представить себе не мог. Жанисса боялась его, а Рафт предполагал, что испугать ее не так-то просто. Его мысли устремились к девушке с удивительными глазами и волосами, похожими на мех тигра.

Почему-то ему вдруг вспомнился роман Бальзака «Чувства в пустыне», и он не сразу понял, в чем тут связь. Любовь человека... ко льву? Или к леопарду? Но наверняка не к ягуару. В Сахаре ягуаров нет.

Жанисса происходила от кошек, но вместе с тем в ней было и что-то человеческое. Она не была зверем, жаждущим крови хищником, хоть и принадлежала к чужому виду.

Рафт поймал себя на этой мысли и подумал:

«Боже, неужели я действительно вообразил, что влюбился в эту девушку? Я и видел-то ее всего два раза. Это все из-за ее оригинальности, меня притягивает ее экзотичность. Когда я отсюда выберусь, то лет через пять найду себе девушку в Пеории и женюсь на ней». Мысли о женитьбе помогли ему осознать нереальность своего положения, и Рафт мысленно улыбнулся.

«Думаю, что с биологической точки зрения это невозможно. Кроме того, я бы наверняка не хотел, чтобы моя жена по ночам выходила из дома, усаживалась на забор и выла».

И все же, несмотря ни на что, он никак не мог избавиться от этой мысли. Соединение двух рас, точнее, двух видов, никогда не удавалось в прошлом. Проблема сводилась к генам и хромосомам. Рассуждения эти превосходно помогали ему коротать время, но в конце концов Рафт пришел к выводу, что занимается ерундой. Он осторожно выставил голову из воды и сел.

Прошло уже много времени, и суматоха в замке должна была улечься. На многочисленных балконах не было видно

ни одного человека, двор с этого места был невидим, однако, если бы Рафт рискнул преодолеть открытое пространство по прямой, его наверняка заметили бы.

Река была надежнее, хотя ее медленное, но сильное течение представляло серьезную опасность. Подумав, Рафт пошел против течения, держась так близко к берегу, как это только было возможно. Временами он полз на четвереньках, иногда приходилось плыть, но даже тогда он ни на секунду не бросал своей тростинки. Пока Рафт добирался до леса, он успел здорово замерзнуть, а многочисленные царапины на локтях и запястьях болели и кровоточили.

Рафт надеялся, что люди-кошки во время погони не идут по запаху. Впрочем, это было маловероятно. Они превратились в цивилизованных существ, а притупление некоторых чувств — обычная цена, которую раса платит эволюции за свое развитие. У низших видов, выживание которых зависит от острого обоняния и слуха, эти чувства развиты необычайно. Однако, с другой стороны, зрение человека сильнее и лучше приспособлено к изменяющимся условиям, чем зрение большинства животных.

Дарум не знал цели его бегства, и чем ближе Рафт подойдет к Харну, тем в большей безопасности окажется.

Наконец циклопическое дерево заслонило своим стволом башни замка. Рафт быстро прошел еще полмили и лишь тогда открыл карман. Убедившись, что револьвер не намок, он вытащил его и заткнул себе за пояс. Потом решил внимательно осмотреть амулет.

Внешний вид предмета ничего ему не говорил: искорка огня, мерцающая в глубине дымчатого кристалла, вставленного в массивный металлический ромб со скругленными углами. После нескольких опытов Рафт убедился, что кристалл можно вращать, словно замок сейфа. Он осторожно сделал несколько оборотов.

Не произошло никаких ощутимых перемен, если не считать освежающего дуновения ветра. Как же проверить амулет?

Разумеется, с помощью часов.

К счастью, корпус был водонепроницаем. Рафт долго вглядывался в циферблат, прежде чем заметил невероятно медленное движение секундной стрелки. Он еще раз повернул кристалл в амулете, и движение стрелки ускорилось. Очередной оборот заставил ее шевелиться еще быстрее.

А это означало, что метаболизм его начал замедляться.

Интересно, а мог бы он ускорить темп его жизни? Если да, то многие проблемы решились бы сами. В этом случае

он успел бы добраться до Харна гораздо раньше Паррора. К сожалению, его ждало разочарование. Амулет исправно замедлял метаболизм организма, однако не мог ускорить его выше уровня, обычного для Паитити.

Значит, искра была связана с Пламенем, излучала ту же самую энергию и подчинялась тем же законам, что и оно. Рафта совершенно не устраивала роль самого медлительного существа в окружающем его мире, поэтому он поспешил установить камень в исходное положение.

Он спрятал амулет в карман и двинулся дальше, пытаясь по пути вспомнить приблизительную скорость пули и гадая, сможет ли в здешних условиях попасть в цель. Следовало использовать оружие с минимального расстояния. Чем ближе, тем лучше!

Артиллерия в Паитити была бы невозможна. Если бы кто-то обстрелял замок Доирада из пушек, люди-кошки имели бы достаточно времени, чтобы разобрать здание и перенести его на другое место, прежде чем снаряды коснулись бы земли. Ничего удивительного, что здесь сражались холодным оружием, а не огнестрельным. Только энергетический луч был бы эффективен в этом мире.

Вот почему параспособности достигли здесь такого высокого уровня — зеркало Жаниссы, гипнотизирующий шар Иранн. Эти предметы позволяли компенсировать задержку.

Вся жизнь в долине была воистину заклята, подвержена чарам вроде тех, что защищают бога Бальдура. Несчастные случаи наверняка были здесь редки, и ничего удивительного — ведь камни парили в воздухе, реки текли медленно, как сироп, а человек летел вниз не быстрее Алисы, падающей в нору кролика.

По пути Рафт присматривался к окружающим его формам жизни, к необычным существам, населяющим стволы гигантских деревьев. Благодаря прозрачному воздуху, обеспечивающему хорошую видимость, ему удалось заметить много подробностей.

Крикливо окрашенные побеги метались по коре, трехфутовые кайманы ныряли в прудах собственной работы, эти раковины на стволах формой напоминали кубки, которыми пользуются сборщики латекса.

Рафта удивляла ловкость, с которой пресмыкающиеся пользовались своими конечностями. Некоторые из них занимались строительством новых прудов: отрывали полосы смолистой коры, размельчали ее, добавляли секрет слюнных желез, что в результате давало нечто вроде цемента.

Из известных ему существ, Рафт нашел только ленив-

цев, производивших невероятное впечатление своими стремительными движениями. Обычно ленивец неподвижно висит на ветке, и только его язык молниеносно хватает приглянувшееся насекомое или растение. Метаболизм этого животного крайне замедлен.

Где угодно, но только не здесь.

В мехе ленивцев жили паразиты длиною в дюйм, показавшиеся Рафту настолько знакомыми, что он не уделил им особого внимания. Лишь наличие цепких хвостов отличало их от миниатюрных представителей вида, господствующего за пределами Паитити.

Однако самыми удивительными были покрытые коричневым мехом млекопитающие, жившие в гнездах, разделенных на множество ячеек. У них были лапы с присосками и удлиненные мордочки, заканчивающиеся двумя подвижными отростками — что-то вроде хобота слона, на конце которого выросли большой и указательный пальцы. Животные пользовались им с невероятной ловкостью, а точность движений позволяла сравнить этот орган с рукой человека.

Рафт задумался, что могло скрываться внутри их гнезд. Пожалуй, там можно найти много интересных вещей.

Все вокруг поросло мхом. В этой стране вообще не было никаких трав. Вероятно, чудовищные деревья высасывали из почвы все соки, оставляя так мало, что выжить мог только мох. Это позволяло логически объяснить причины, по которым вся жизнь сосредоточивалась на деревьях.

Где же еще могло развиться сообщество, в котором голод был фактором, автоматически регулирующим равновесие? Даже деревья являлись частью этой неумолимо действующей системы: поскольку именно они высасывали из земли все соки, то становились и кормильцами населяющих их видов.

Все виды этой страны зашли в тупик. Никому из них эволюция никогда уже не отведет доминирующей роли, поскольку она уже дарована людям-кошкам, и равновесие достигнуто.

Однако для Рафта самым главным было найти Крэддока.

Настороженно оглядываясь, он шел вдоль берега реки. Дальность прямого видения не превышала полумили, деревья образовывали настоящий лабиринт, но река служила Рафту проводником, и он довольно быстро шел вперед, пока усталость не заставила его остановиться.

У него возникла было мысль поискать укрытие на дереве, однако богатство кишевших там форм жизни вынудило отказаться от нее. Наконец он пришел к выводу, что ни одно из существ, живущих на стволах, не спускается на землю,

и лег спать на берегу реки. На него могли напасть во время сна, но тут уж он ничего не мог поделать. Взяв в руку револьвер, Рафт мгновенно заснул.

Проснувшись, он сразу же отправился дальше, но на сей раз идти пришлось недалеко. Примерно через час путь ему преградила стена. Высотой она была футов двадцать, что в сравнении с окружающими деревьями было просто смешно, но сделали ее из какого-то весьма стойкого пластика или сплава.

Стена ровной линией уходила влево и вправо, теряясь среди деревьев. Единственным видимым проходом была арка, под которой протекала река. Наносы образовали граничащую с водой узкую полоску земли, небольшую тропку, идущую под аркой внутрь ограды.

Рафт решительно ступил на илистую тропу и сразу заметил под ногами расплывшиеся углубления, которые могли быть отпечатками подошв. Через несколько шагов его предположения подтвердились — он наткнулся на четкие следы тяжелых ботинок Крэддока.

Рафт был уже совсем близко от арки входа и видел перед собой спутанную растительность, закрывающую обзор. С удвоенной осторожностью он двинулся вперед, наткнулся на кусты и начал было продираться сквозь них, но вдруг отпрыгнул назад, удивленный прикосновением необычайных ветвей. На ощупь они нисколько не походили на жесткие твердые растения. Они были теплыми.

Это были не растения.

По обе стороны реки тянулись завесы кружевной структуры, сотканные из мха арабесковые узоры. Они были серо-розовыми и напоминали ткань живого организма, с неприятно обнаженными нервами. Кроме того, у них не было видимых корней.

Завесы эти отчетливо дрожали и подались назад, чтобы пропустить Рафта. По мере того, как он двигался вперед, они съеживались, словно западая вглубь самих себя, как морские анемоны, реагирующие на прикосновение пальца. Около дюжины небольших сероватых неправильных шаров лежали на земле, сливаясь с ней благодаря защитной окраске.

За ними расстилался Сад Харн — тошнотворная желтоватая путаница растений, куда ни глянь. По бокам, слева и справа, он видел радиальную пластиковую стену. Внутри нее не росло ни одно дерево, хотя их гигантские колонны со всех сторон склонялись над огороженной территорией.

Рафт пошел дальше, держась берега реки. Хоть он и не

был ботаником, заросли показались ему, самое малое, странными. Больше всего они походили на невероятные гибриды грибов и других растений.

Неизвестно почему он подумал о них, как о вампирах, ворующих у земли ее жизненные соки.

Этот лес никоим образом не был нормальным. Растущие за стеной циклопические деревья казались по сравнению с ним вполне дружелюбными. По крайней мере, они были большими и равнодушными, как боги.

Растения же Сада Харн, эти кошмарные гибриды, разрастались так буйно, что от одного их вида человеку становилось плохо. Желтые джунгли оживляло какое-то движение, какая-то таинственная пульсация, от которой волосы на голове Рафта становились дыбом.

Очень слабо, почти на пределе своих чувств, он ощутил в Саду чье-то присутствие и лишь тогда понял, почему Жанисса не хотела говорить о Харне.

Это неуловимое нечто дышало холодом, отстраненностью, чужеством.

И оно было злым.

С этого момента Рафт постоянно был настороже. Что-то грозное висело в воздухе, зловещее тем более, что он не мог определить источник угрозы. Гнетущее таинственное присутствие ощущалось и людьми-кошками и им самим, а это делало положение еще более серьезным.

Кошки и обезьяны по-разному реагируют на один и тот же раздражитель. Кошек характеризует легкость, с которой они принимают сверхъестественные явления, сводящиеся, чаще всего, к парапсихическому воздействию, слишком слабому, чтобы человек мог ощутить его.

Психическая угроза, вызывающая у нас дрожь страха, может привести кота в состояние экстаза.

С другой стороны, кошки невероятно бурно реагируют на угрозу со стороны собаки или волка, тогда как человек в такой ситуации просто хватает то, что под руку подвернется.

Вывод напрашивался сам собой: зловещее давление исходило от существа, равно чуждого и людям, и кошкам.

Возможно, чуждость эта вытекала из необычных условий эволюции, установившихся в этой долине-теплице в результате ускоренного развития. В контакте с невидимым существом таилось что-то знакомое. Рафт был уверен, что уже сталкивался с чем-то подобным прежде... и не раз. Однако никогда еще он не дрожал от простой близости какого-то создания. Что бы ни населяло Сад Харн, оно не было ни нормальным, ни здоровым...

Рафт вошел под навес из широких листьев и шляпок грибов. Сверху пробивался желтый свет, лишенный холодной прозрачности воздуха.

Почва была губчатой и влажной, ее покрывала скользкая грязь, в которую сандалии погружались с неприятным чавканьем. И это был не единственный звук — желтые джунгли вокруг были пронизаны шелестом, сопровождающим торопливые тайные движения.

Рафт был здесь чужаком и остро чувствовал это. Ветвь телесного цвета медленно нагнулась к нему, выделяя всей своей кожицей липкий сок с тошнотворным запахом. Рафт уклонился, и ветвь начала с трудом распрямляться, словно силясь скинуть с себя болезненные путы тяготения.

Да, лес осознавал его присутствие. К счастью, в нем не было ни деревьев-каннибалов, ни ловушек, способных поглотить его целиком, однако что-то ужасное таилось в напряженных, судорожных движениях тяжелых листьев и стеблей.

В лесу было полно мух, мотыльков и бабочек. Мириады различных созданий ползали или гудели в воздухе, питаясь соком, выделяемым деревьями.

У некоторых грибов были вогнутые шляпки, формой напоминающие большие чаши. От этих чаш поднимался совсем уж гнусный запах.

Розовое масло в больших количествах просто-напросто воняет, тогда как капля вызывает совершенно иную реакцию.

Если бы лес не выделял своих веществ в таком изобилии, Рафт счел бы их аромат приятным, а так уже через пару шагов одежда его стала мокрой и невыносимо засмердела.

Путь, которым прошли Паррор и Крэддок, был хорошо виден. Правда, имелись еще чьи-то загадочные следы, но Рафт не обращал на них внимания, желая поскорее догнать беглецов. По следам выходило, что Паррор направлялся прямо к центру Сада.

Впереди появилось существо, словно сотканное из розовой сетки. Клубок нагих нервов медленно вскарабкался на ножку гриба, а затем подтянулся к краю чаши и погрузился в жидкость. Он лежал в ней неподвижно, раскинув отростки, похожие на волосы утопленника.

На тропу вышло небольшое животное, покрытое роговыми пластинками, внешне похожее на броненосца. Рафт внимательно следил за ним, поскольку тело его кроме панциря защищали длинные острые шипы.

Зверь направился в сторону Рафта, к счастью, не очень

быстро, так что тот без труда успел сойти с тропы. Опасно торчавшие шипы могли быть и отравленными.

Броненосец с громким треском исчез в джунглях, а Рафт вернулся на тропу, почти сразу заметив еще одного зверя. Тот лизал ножку гриба-папоротника и даже не заметил человека. Вскоре перед Рафтом открылась поляна, на которой вместо травы лежал ковер.

Во всяком случае, так ему показалось. Экзотические узоры, составленные из сказочно ярких цветов, занимали круг диаметром футов в двадцать. Странное стеклянистое вещество, казалось, покрывало всю эту площадь, образуя что-то вроде ковра. Сложный узор был первым пятном живых красок в этом шафрановом лесу.

Нахмурясь, он всматривался в него, сильнее, чем прежде, ощущая одушевляющее Сад чужое сознание.

И постепенно, исподволь, в мысли его начал закрадываться чей-то шепот.

Глава 11

Ползучая угроза

Этот странный голос усиливался так медленно, что Рафт не смог бы сказать, когда он принял в его мозгу форму осмысленных слов. Точнее говоря, это не был ни голос, ни чистая мысль, а что-то родственное и тому и другому, хоть и отличавшееся от каждого из них. Задачей общения является то, что психологи называют эмпатией* — передачей чувств от одного разума другому с целью достижения идеального понимания. На самом же деле взаимные контакты никогда не бывают совершенными и напоминают скорее поиски наугад.

По крайней мере, так было до этого момента.

Потому что *оно* понимало Рафта. Благодаря своей древней мудрости *оно* отлично знало его душу. Словно плющ, втискивающийся в малейшую трещинку на стене, существо проникло в Рафта, он как будто оказался в лучах пронизывающего его тело света. Словно он был губкой, живущей в мелкой воде, у которой поднимающаяся волна вырывает пойманную добычу.

И этот прилив усиливался.

Тяжелый запах леса перестал быть неприятным, Рафт

* Сочувствие, сопереживание, умение поставить себя на место другого.

мог уже выделить элементы, составляющие этот своеобразный аромат: острая терпкая жидкость — лакомство броненосцев, теплый и маслянистый сладкий сок, которым питались существа, похожие на клубок нервов, и многое другое. Умение анализировать запахи и узнавать каждый из них показалось Рафту волнующим.

Все эти запахи были запахами пищи. Разумеется, не человеческой, но независимо от этого они воздействовали на то, что было в Рафте чисто физическим, и потому запали ему в душу.

Пища была составной частью любого жизненного цикла, целью, ради которой все и было создано. Притупившиеся чувства были не в состоянии оценить экстаза, сопровождающего поглощение пищи. Только специализированные существа могли понять наслаждение, идущее от каждой клетки тела.

Существа, покрытые сеткой нервов, лежали, погрузившись в теплую, парящую жидкость, сотрясаемые дрожью наслаждения от поглощения вещества, бывшего для них одновременно едой и питьем. Броненосцы ощущали вкус на вкусовых сосочках языка; холодная жидкость, стекающая вглубь пересохшего горла, была острой и освежающей.

Рафт заметил, что стоит посреди узорчатого ковра, но это не имело значения. Он старался сосредоточиться на содержании чужих мыслей, на этом заманчивом шепоте, говорящем об удовольствиях настолько сильных, что все прочее становилось неважным.

Не только животные, но и растения знали чувства голода и сытости. Они питались через корневую систему, уходящую глубоко в землю, к источнику всей жизни. Рафта захлестнули чувства, превосходящие всякое воображение. Ему показалось, что у него тоже есть корни, что он поглощает питательные вещества через их растительную ткань. Он стал частью земли и питался ею.

Его колени коснулись гладкого яркого ковра.

Рафт следил за вибрирующим танцем слабого света. Он лежал на спине, широко раскинув руки, и все его тело пульсировало блаженным теплом. Ему казалось, будто он раскинулся на зыбучих песках, которые очень медленно и нежно начинали оседать под ним.

А может, все было иначе. Может, это он сам поглощался веществом, на котором лежал, становился частью сложной, вечно голодной жизни, пульсирующей вокруг него, жизни, наполняющей дрожью всю землю.

«Ты всегда испытывал голод, Брайан Рафт. Ты один, а

во мне вас много, поэтому ешь, и будешь счастлив, — произнес голос. — Глотай острую, щиплющую язык жидкость, которой питаются броненосцы, погрузись в теплую нежность жидкости, заполняющей шляпки грибов, пусти корни в эту почву и познай переполняющее разум и тело наслаждение сытости».

Кружащиеся туманы стали ярче, совершенно закрыв ему поле зрения. Он уже не нуждался в глазах. Деревья были слепы, однако дрожали в экстазе, когда их корни сосали жизненные соки.

Деревья?

Нет, конечно, не могли они чувствовать. И все-таки чувствовали. Что-то объединило их с остальными формами жизни неразрывными узами.

Сад Харн проголодался и сейчас утолял свой голод.

Воспоминания мелькали в голове Рафта с молниеносной быстротой. Существо спрашивало, искало, изучало. Чего оно хотело? Он вспомнил резкий вкус пива, горячую свежесть вынутого из печи хлеба. Только что во рту был мандариновый сок, а через мгновенье он уже наслаждался богатым вкусом какао или старого бренди.

Рафт почувствовал жажду. Смена воспоминаний стала быстрее, он едва не вышел из транса. Давно забытые чувства поднимались на поверхность его сознания: вкус всех вещей, которые он когда-либо пробовал.

Где же это было?

В мире, в котором бренди тянут из стаканов, хлеб пекут в печах, а какао подают в чашках на столы, застеленные белыми скатертями.

Это воспоминание открыло в мозгу Рафта новый канал. Теперь он вспоминал не только пищу.

Он помнил и цивилизацию, а вместе с памятью о ней вернулось сознание самого себя, Брайана Рафта. Он больше не был чувствующей машиной для поглощения пищи.

Туман сполз вниз, подобно одеялу. Сад Харн волна за волной заливал Рафта своим тяжелым ароматом, однако теперь он с внезапным холодком в груди вспомнил иной Сад и древо, рождающее удивительные плоды. И заповедь: «Не вкуси плода от этого древа».

«Ты всегда испытывал голод, Брайан Рафт, так насыться же, как это делаю я. Познай экстаз, ведомый мне».

Спокойный, холодно-далекий голос, — его соблазнительному звучанию невозможно было противостоять, — за-

тронул забытые струны его памяти. Впечатление чего-то знакомого усилилось. Существо, наполняющее Сад своим присутствием, Рафт знал уже раньше, правда в иной форме.

Наконец он вспомнил.

«И СКАЗАЛ ЗМИЙ ЖЕНЕ: НЕТ, НЕ УМРЕТЕ ВЫ».

Холодный шок возвращающегося сознания потряс Рафта. Он напряг мышцы и попытался подняться, но обнаружил, что это невозможно.

Ковер накрыл его тело, пока он лежал, отуманенный, без движения, и теперь человек мог совершать лишь незначительные движения. С невероятным трудом ему удалось передвинуть руку вдоль тела и нащупать рукоять стилета. Вокруг себя Рафт ощущал предательски приятное пожатие яркой ткани, савана, который поглотил бы его, полежи он чуть дольше.

Внезапный приступ клаустрофобии вверг его в панику, он принялся рубить наугад и не прекращал до тех пор, пока накрывающий его ковер не превратился в груду клочьев. Хуже всего было то, что существо даже не попыталось бежать, позволив изрубить себя на куски, уничтожить всю разноцветную красоту. Пошатываясь, Рафт ушел вглубь шафранового леса, высматривая там сомнительное убежище, жадно втягивая легкими воздух. Он чувствовал себя грязным, а еще — зараженным.

Самым отвратительным было то, что из всех чувств животное чувство вкуса подействовало на него с такой силой.

Какая чудовищно исковерканная эволюция привела к возникновению этого адского Сада?

Это было нечто большее, чем простой симбиоз. Внутри ограды произошла идеальная взаимная настройка всех форм жизни. Вне ее, на поверхности и в глубине циклопических деревьев различные виды убивали друг друга, поедали, размножались и погибали. Но в Харне поглощение было постепенным, здесь возникла нерасторжимая связь между растениями и животными.

И тут Рафт наткнулся на доминирующий вид сообщества.

Немного дальше, в глубине леса, под прозрачным куполом, казавшимся неуязвимым, лежало бесформенное тело. Не в силах удержаться, Рафт схватил обломок и швырнул его в купол. Бесполезно. Он не хотел пользоваться револьвером, опасаясь, что звук выстрела насторожит Паррора. К тому же, он почти не сомневался, что пуля не сможет пробить стену, за которой, погруженная в водянистую жидкость, плавала серая масса. От купола отходили тонкие трубки, похожие на артерии, исчезавшие затем в почве.

Мозг? В каком-то смысле да. Некоторые его участки были неестественно увеличены, другие пребывали в зачаточной форме, а назначения третьих Рафт просто не мог представить. Впрочем, одно не вызывало сомнений: запертое под куполом существо излучало бесконечное зло, которое сейчас сильнее, чем когда-либо прежде, ударило в человека.

Этот дьявольский мозг принадлежал пресмыкающемуся. Здесь, в Харне, они стали доминирующим видом, подчинив себе остальные виды и втянув их в фантастический союз, превративший весь Сад в единое существо. В этом создании трудно было обнаружить истинный разум. Инстинкты пресмыкающихся совершенно не похожи на поведение млекопитающих, так что даже необычайно развитое пресмыкающееся может не иметь ничего общего с иными существами.

Существо под куполом жило только для того, чтобы удовлетворять гипертрофированное чувство вкуса. Необходимость утоления голода переродилась в чувственное наслаждение, затмевающее все прочие чувства. Разум, если он вообще был, служил лишь вспомогательным инструментом удовлетворения главного желания.

Жуткие излучения, пробуждающие чувство голода, заполняли весь Сад, добираясь до каждого растения, до каждого животного. Согласно воле своего мозга, животные и деревья начинали поглощать пищу, пересылая свои чувства в чувственный центр, открытый лишь для одного-единственного ощущения.

Неприступное и чужое, живущее лишь ради слепого наслаждения, отвратительное существо плавало внутри прозрачного купола.

Дрожа от омерзения, Рафт отвернулся и двинулся дальше по хорошо заметным следам Паррора и Крэддока. Чем быстрее он их догонит, тем скорее сможет покинуть Сад. Разве что оба они попали в ловушку, расставленную Харном.

К счастью, этого не произошло. Вдали показались поблескивающие белые колонны, на их фоне видна была фигура человека, склонившегося над чем-то. Рафт узнал прилизанные волосы и бархатную бороду Паррора. Защитник Пламени немедленно почувствовал присутствие Рафта и молниеносно повернулся к нему. Внимательно оглядев его из-под прищуренных век, он расслабился и рассмеялся.

Как и при первой встрече Рафт почувствовал нарастающую злость. Его раздражала спокойная наглость Паррора, его безмерная самоуверенность. Изо всех сил он постарался справиться с этим чувством.

— Значит, ты сбежал от Дарума, — сказал Паррор, улыбаясь с непонятным весельем. — Ты хитрее, чем я думал. Откуда ты узнал, где меня искать?

Рафт игнорировал его вопрос.

— Где Крэддок? — бросил он.

Паррор легонько кивнул. За одной из светлых колонн неподвижно лежал человек с закрытыми глазами.

— Вот он. Можешь не вытаскивать нож, с ним ничего не случилось. — Паррор закончил наматывать тонкую спиральку, сунул серебряную проволоку в карман, а затем принялся что-то искать в нем. Когда он наконец вынул руку, ладонь его оказалась вооружена когтистой перчаткой.

— Ты однажды коснулся меня в злости, — начал Паррор мягким голосом, — и я этого не забыл. Вы мне больше не нужны, ни ты, ни Крэддок. — Голос его напоминал мурлыканье. — У меня есть еще одна перчатка.

— Спасибо, — ответил Рафт. — Я сам о себе позаботился.

Ему пришла в голову идея, как стереть беззаботную улыбку с лица Паррора. Это будет действительно приятно.

Из глубокого кармана он вынул украшенную драгоценными камнями перчатку, украденную из сокровищницы Дарума, и надел ее на правую руку. Паррор кивнул.

— Ты быстро учишься, — сказал он, сгибая и распрямляя пальцы, отчего когти зловеще зашевелились. Рафт стал в стойку и спокойно ждал.

Темные когти...

В месте соединения с материалом перчатки они поблескивали белизной металла, тогда как острия длиной дюйма в три покрывали темные пятна. Рафт вдруг понял, что это такое. Если острые, как бритва, когти разорвут его кожу, он умрет, какой бы легкой ни была его рана.

Видимо, вероломство не считалось у людей-кошек недостойным поступком.

Дело зашло слишком далеко, чтобы требовать прекращения поединка. Паррор крался вперед, глаза его дико сверкали. Положение Рафта было невыгодным, но у него хватило смелости остаться на месте.

Паррор перешел на бег. Он мчался с грацией ягуара, атаковал плавным прыжком, а в последний момент сделал обманное движение, целя когтями прямо в лицо Рафта.

Тот нырнул под руку противника и быстро ударил снизу сжатым кулаком. Короткий и сильный, удар пришелся в подбородок Паррора, и Рафт почувствовал, как твердые камни разрывают плоть и скребут по кости.

Паррор мог ожидать чего угодно, только не этого. Пошатнувшись, он отпрыгнул назад. Вероятно, на несколько секунд шок помрачил его сознание, потому что он не мог двинуться с места.

Потом его охватила дикая ярость, словно плащом покрывшая его тело пурпуром. Он оскалился, глаза метали зеленые молнии. Лицом он теперь походил на дьявола.

Рафт сорвал перчатку и с холодной усмешкой выхватил револьвер да Фонсеки.

— Ну, иди, — прошептал он. — Иди ближе, Паррор. Это мне и надо. Еще ближе, чтобы я не промахнулся.

Взгляд Паррора устремился к оружию; видно было как ярость борется в нем с осторожностью. Он наклонился вперед, и зашипел.

Рафт шагнул к противнику. Видя это, Паррор коротко бросил какое-то проклятие, в бешенстве взмахнул рукой и бросился бежать. Лежавший на спуске палец Рафта автоматически согнулся, резко грохнул выстрел.

То ли он промахнулся, то ли пуля оказалась слишком медлительной в этом ускоренном мире. Как бы то ни было, человек-кот без помех скрылся в шафрановых джунглях.

Рафт пожал плечами и подошел к бесчувственному Крэддоку и быстро оценил состояние коллеги — тот дышал очень медленно, а кожа его была влажной и холодной. Вероятно, шок. К тому же, вызванный чем-то серьезным.

В конце концов веки Крэддока затрепетали, потом поднялись. К счастью, глаза его не были пусты, как опасался Рафт. Крэддок не был загипнотизирован. Он даже улыбнулся.

— Брайан... Как дела?

— Пока в порядке, — ответил Рафт. — Как ты себя чувствуешь?

— Почти хорошо, — пробормотал Крэддок. — Думаю, это реакция организма на гипноз. Скоро пройдет.

— Не пытайся пока вставать. Лежи спокойно.

— Где Паррор?

Рафт рассказал, что произошло, и Крэддок медленно кивнул.

— Он больше сюда не вернется. Он получил, что хотел.

— Что ты имеешь в виду?

— Информацию. У него был с собой прибор, небольшое устройство, которое копалось в моем мозгу. Оно добралось до воспоминаний, о которых я и сам не помнил. Потому он и привел меня сюда: ему нужно было время, чтобы подогнать прибор к моему мозгу. Это было нелегко, — ведь я из другого вида, — но в конце концов он справился.

Рафт нахмурился.

— Жалко, что он такой злой. Это очень предприимчивый человек.

— Он плох только по людским меркам, — заметил Крэддок. Подняв искалеченные ладони к лицу, он потер глаза и тряхнул головой, словно желая таким образом обрести ясность мыслей. — Иная психология. Для них цель всегда оправдывает средства. А цель Паррора — разбудить Пламя, Курупури.

— И он может это сделать?

— Как только соберет необходимые материалы. Это должно занять какое-то время.

— Да, — задумчиво произнес Рафт. — А Дарум установил охрану у входа на невидимую дорогу.

— Дарум?

— Король Паитити. Послушай, Дэн, у тебя хватит сил, чтобы рассказать, что здесь произошло?

— Не так уж много, — ответил Крэддок. — Я был в трансе, но видел, что происходит вокруг. Сюда меня привел Паррор. У него была перчатка с отравленными когтями и с ее помощью он убил несколько исключительно омерзительных тварей.

— Здесь? В саду?

— В желтом лесу, — неуверенно ответил Крэддок. — Да, пожалуй, здесь. Когда мы пришли на место, он установил какой-то барьер из проволоки. Не знаю, что это было такое, но он действовал, потому что больше нас никто не беспокоил.

Паррор приставил к моей голове свой аппарат и начал поочередно изучать все воспоминания, которые у меня когда-либо были. Таким образом ему удалось раскрыть тайну Пламени. Это была некогда прочитанная мною запись, оставленная еще Первой Расой. Я мало что понял из нее. — Крэддок заколебался. — Забавно. Символы были заключены в моем мозгу, хотя сам я так и не узнал их значения. Знаешь, Брайан, на самом деле мы ничего не забываем, все находится там, в нашем подсознании, все уложено слой за слоем и восходит к тем временам, когда наш мозг впервые начал регистрировать мысли и впечатления.

В общем, в конце концов я вспомнил все. Но мне пришлось это записать, поскольку информация была написана, а не сказана. Индейский язык — упрощенная версия этого письма; Паррор пришел к тому же самому выводу. Теперь, как только соберет необходимые материалы, он разбудит Пламя.

— А это опасно, — заметил Рафт.

— Думаю, что очень. И все-таки... — Крэддок посмотрел на свои искалеченные руки, — я однажды рискнул. Правда по неведению. Но Паррор знает, что делает.

Рафт представил себе страшную силу, захлестывающую все Паитити.

— Я в этом не уверен.

Крэддок вздрогнул.

— Надеюсь, что он знает, Брайан! Если Пламя выйдет из-под контроля, все будет кончено.

— Лучше убраться отсюда. Здесь слишком опасно. Ты сможешь идти?

— Да, если ты мне немного поможешь.

На самом деле Крэддок оказался слишком слаб и требовал серьезной поддержки, пока они шли через шафрановые джунгли. На самых трудных участках Рафт подставлял ему плечо, и он всей тяжестью наваливался на молодого мужчину.

Они внимательно поглядывали по сторонам, опасаясь Паррора, хотя Рафт был уверен, что Защитник Пламени успел уже покинуть Сад, гонимый желанием поскорее собрать материалы, необходимые для последнего эксперимента.

Опасность нависала над ними даже в отсутствие Паррора. Харн выжидал. Рафт чувствовал постоянную угрозу, таившуюся в желтых тенях под деревьями.

Они уже почти добрались до места, где река вытекала наружу, когда Рафт коснулся руки Крэддока, и оба остановились. Далеко впереди что-то преграждало путь. Вдоль берега футов на двадцать вытянулось какое-то желтое существо, внешне похожее на груду теста. Рафт нахмурился.

— Раньше этого не было, — медленно произнес он. — Что-то мне тут не нравится.

Крэддок расправил плечи и глубоко вздохнул.

— Думаю, на какое-то время мне придется рассчитывать только на себя. Тебе могут понадобиться обе руки. Видишь движущиеся ложноножки? Эта штука живая.

— Амеба?

— Нет. Это... Тут нет четкой границы между животными и растениями Может, это протоплазма, но я лично думаю, что это существо родственно грибам-папоротникам. Если оно нас схватит, мы будем переварены. К счастью, оно медлительно.

— Да, но уж очень большое. Ты сможешь немного пробежать?

Крэддок собрался с силами.

— Пожалуй. А куда?

— Мы пройдем по отмели, а потом вбежим в туннель.

Крэддок кивнул. Они вошли в холодную, медленно текущую воду и побрели вперед, ни на секунду не спуская глаз со студенистого существа на берегу.

Рафт начал надеяться, что им удастся добраться до туннеля безо всяких хлопот. Чудовище Харна, повторял он себе, было создано не для действий. Опасность таилась в его мозгу. Оно использовало чистую психическую энергию, чтобы привлечь и парализовать свои жертвы. Вряд ли оно привыкло иметь дело со способными к сопротивлению высокоразвитыми мозгами. Возможно, ему никогда не требовалось физические средства нападения.

Внезапно вода перед ними закипела, с кошмарной медлительностью стекая с поднимающегося вверх толстого оранжевого отростка. Над водой появилась вытянутая во всю длину ложноножка, потом рядом вынырнула еще одна.

Они попытались обойти зловещие щупальца, однако дно резко ушло в глубину. Ложноножка неумолимо вытягивалась все больше и больше и наконец коснулась Рафта.

На ощупь она была теплой, но, коснувшись ее, кожа человека онемела. Щупальце обернулось вокруг талии Рафта, излучая вглубь его тела влажное тепло, словно процесс переваривания уже начался.

Рафт почувствовал сильный рывок к берегу, хотел достать нож, но прежде, чем он успел это сделать, появилась очередная ложноножка и горячим обручем прижала руки к телу. Теперь его тащило к берегу, хотя он изо всех сил упирался в песчаное дно.

— Держись, Брайан!

Пересиливая собственную слабость, Крэддок неуверенно двинулся вперед.

С трудом вытащив нож, торчащий из-за пояса Рафта, он вонзил его в щупальце. Желтоватое, напоминающее ткань гриба тело было мягким, словно сыр. Вероятно, его поддерживало поверхностное натяжение, но в сущности, оно было полужидким. Крэддок повторил удар. Щупальца поникли и, отсеченные, упали в воду, где их закрутило ленивое течение. Все это напоминало ночной кошмар, разыгрывающийся с неотвратимой медлительностью.

Лежащая на берегу масса начала скатываться в воду.

— Вперед! — крикнул Рафт. — Ты справишься?

Они побежали к арке прохода. Рафт тащил Крэддока за руку, а вода засасывала их ноги, как густой клей.

Неожиданно весь правый берег ожил и потянулся к ним

массой спутанных, голодных, лихорадочно дрожащих корней.

Крэддок был еще очень слаб, и все же они продолжали топать по неподатливой воде. Дополнительную опасность представляло большое желтое одеяло, неуклюже движущееся вперед, чтобы отрезать им дорогу к бегству.

Беглецы были уже недалеко от входа в туннель. Нервные сети, исполняющие роль охранников, одновременно сделали резкое движение, чтобы задержать их, словно весь Сад откликнулся на сигнал, посланный из общего мозга. Однако когда Крэддок из последних сил полоснул по ним ножом и несколько из них оказались рассечены, остальные съежились и раздвинулись, открывая проход.

— Оно остановилось, — просипел Крэддок, оглядываясь назад. — Пожалуй, наружу не выйдет.

— Не задерживайся, — угрюмо поторопил его Рафт. — Не будем это проверять.

Шатаясь, они вышли из мрака под потоки холодного зеленого света, пробивающиеся сквозь кроны деревьев, чувствуя себя так, словно нашли безопасное убежище.

Однако покой в тот день был не для них. Огибая одно из гигантских деревьев, к ним направлялась небольшая колонна воинов. Они были совсем близко.

Рафт охнул.

— Солдаты Дарума. Похоже... да, их ведет Ванн. Идем, Крэддок, может, сумеем уйти.

— Я больше... не могу. — Биолог шатался, стараясь не отставать от Рафта. — Иди один. За меня не беспокойся.

Рафт остановился и пожал плечами.

— Все равно они бы нас схватили. Подождем здесь. — Он стиснул рукоять револьвера и стал смотреть на колонну.

Вскоре она развернулась в цепь из сорока солдат, настороженных и вооруженных, которые затем разделились, чтобы окружить своих пленников. Покрытое шрамами лицо Ванна не выражало никаких чувств.

— Вы наши пленники, — сообщил он. — Если захочешь, мы померяемся силами позже. А теперь вас хочет видеть король. Так значит, тебя действительно зовут Брайан Рафт? А этот человек — Крэддок? — Он с любопытством разглядывал биолога.

— Что собирается делать Дарум? — спросил Рафт. — Перерезать мне горло?

— Нет, — ответил Ванн. — По крайней мере, не сейчас. Где Паррор?

— Бежал. Куда — не знаю.

— Мы найдем его. — Ванн отдал несколько быстрых приказов, половина его отряда отделилась и вскоре исчезла в лесу.

— А теперь вернемся в Замок Доирада. По дороге ты мне расскажешь, Рафт, что таит в себе Сад Харн. Мне пришлось бы войти туда, чтобы выполнить приказ, но сделал бы я это без особой охоты. Какие дьяволы живут в Харне?

— Я расскажу тебе, но потом, — слабым голосом ответил Рафт и сунул револьвер в карман. — Сейчас я слишком устал, чтобы о чем-то говорить. Вернемся в Доираду.

Глава 12

Могущество науки

Они молча стояли перед королем, в том самом полутемном зале, где прежде звучала арфа Ираин. Сегодня в помещении было светлее, а женщины с лицом, закрытым вуалью, нигде не было видно. Ее место заняла Жанисса, именно она сидела на покрытой подушками софе возле возвышения. Девушка мельком взглянула на Рафта, загадочно улыбнулась ему и вновь перевела взгляд на Дарума, сидящего со скрещенными ногами.

Король разглядывал Рафта из-под приопущенных век.

— Ты думаешь, я убью тебя? — спросил он. — Почему? Нет, не трудись отвечать, я могу прочесть это по твоему лицу. Потому что ты пытался убить меня ножом, который забрал у тебя Ванн. И еще потому, что ты украл мой амулет.

Рафт хотел что-то ответить, но Дарум остановил его властным жестом.

— Подожди. Твоя раса отличается от моей. Я не вижу особого зла в том, что ты пытался меня убить. Тебе повезло бы, заслуживай ты этого. А так... — Он покачал головой. — Все кончилось, и не стоит об этом говорить. Что было, то прошло. Завтра ты можешь попытаться снова, а возможно, мне удастся убить тебя. Кроме того, я заберу у тебя мой амулет. Кстати, Жанисса многое рассказала нам.

— Когда я обнаружила, что ты бежал, Брайан, то рассказала об этом Даруму, — вставила девушка. — Я знала, что ты пошел по следам Паррора.

— Да, — сказал король бархатным голосом. — Я тоже его ищу. Он зашел слишком далеко. В конце концов, я правлю в Паитити, а не он.

— Пока, — тихо произнес Рафт. — Если он оживит Пламя, и оно выйдет из-под контроля, тебе нечем будет править.

— Значит, он узнал секрет Крэддока, — вздохнул Дарум. — С этой минуты он вне закона, и каждый человек обратится против него. Я отправил охрану на невидимую дорогу, поэтому он не сможет воспользоваться ею. Сомневаюсь, чтобы он сумел добраться до Пламени.

— Паррор хитер, — заметила Жанисса.

В разговор вступил Крэддок:

— Судя по тому, что мне известно, ему понадобятся инструменты. А чтобы их добыть, нужно время.

Дарум пожал плечами.

— Я не ученый, и знаю только, что нам угрожает опасность двух видов. Если Пламя опустится ниже уровня безопасности... Что тогда произойдет, Жанисса?

— Мы станем чем-то вроде тварей, населяющих пещеру, — ответила она. — Выродимся, как Первая Раса.

— Однако никто не может сказать, когда наступит этот день. Будет ли это при нашей жизни, или при жизни наших детей, а может, и еще позже? А если Паррор разбудит Пламя и не сумеет с ним справиться, это будет означать немедленную гибель.

— Паррор думает иначе, — вставил Крэддок. — Он убежден, что сможет контролировать Пламя.

— Но так ли это? — спросил Дарум, подаваясь вперед. — Именно это я и хочу знать. Справится ли он с ним?

— Я и сам хотел бы это знать, — ответил Крэддок. — Паррор извлек из моей памяти некие воспоминания, но все-таки это лишь воспоминания, а не точное знание. Я даже не знаю, что означало большинство символов, которые я написал для него. Точно так же я не знал этого и тридцать лет назад, когда прочел часть записи.

— Запись была уничтожена, когда Пламя набрало силу, — продолжал Дарум, — поэтому тайной владеете сейчас только вы с Паррором. Так?

— Мне ничего не известно, — объяснил Крэддок. — Сведения извлечены из моей памяти с помощью гипноза, а сам я почти все время был без сознания. У меня лишь очень смутные представления о том, что собирается делать Паррор.

— Значит, нашим первым шагом будет поимка Паррора, чтобы он не сумел разбудить Пламя, — заметил Дарум. — Надеюсь, мои люди скоро найдут его. Кстати, что нам делать с вами?

— Может, отпустить на свободу? — предложил Рафт.

— Обезьяны слишком любопытны. Твоя раса будет пытаться попасть в Паитити, а два доминирующих вида не могут спокойно жить рядом друг с другом.

— Почему? — возразил Рафт. — Это может принести выгоды обоим видам.

— Наши разумы слишком отличаются.

— Думаю, ты недооцениваешь Паррора, Дарум, — сказала Жанисса. — Он хитер и знает больше меня. С Пламенем связаны различные силы, которых я даже не понимаю, тогда как он превосходно справляется с ними. Кроме того, я слышала легенды о тайном ходе, ведущем в пещеру, где горит Курупури.

— Он не должен дойти до Пламени, — воскликнул Дарум.

Рафт посмотрел на Жаниссу, и в ее неподвижном взгляде прочел поощрение.

— Допустим, это ему все-таки удастся, и он разбудит Пламя. Если он при этом ошибется, ничто не сможет спасти Паитити. Верно?

Король кивнул.

— Совершенно верно.

— Хорошо, — продолжал Рафт. — В таком случае остается только одно — нужно его опередить.

Дарум удивленно поднял голову.

— И самим разбудить Пламя?

— А почему бы и нет? — спросил Рафт. — В этом зале находятся представители двух культур, что дает нам превосходство над Паррором. Жанисса знает Пламя, она его наследный хранитель. Я — биохимик, да и Крэддок тоже не невежда. У вас здесь наверняка есть инженеры.

— Есть.

— Вот именно. Что мешает нам создать нужные приборы в кратчайшие сроки?

— Опасность возможного поражения, — ответил Дарум. — Первая Раса так никогда и не опробовала свою машину. Они слишком долго тянули. Нет абсолютно никакого способа проверить, может ли эта штука контролировать Пламя. Единственный путь — метод проб и ошибок, причем ошибка означает гибель.

— Есть и другой способ, — возразил Рафт.

Жанисса вопросительно взглянула на него.

Рафт вытащил амулет, при виде которого глаза монарха превратились в щелки.

— Ты знаешь, что это такое, Дарум? Внутри у него тлеет искорка Пламени, слишком слабая, чтобы быть опасной. По-

чему не использовать его, как контрольный прибор? Если нам удастся раздуть эту искру, а затем удержать ее в определенных пределах, мы будем знать, что машина действует.

Дарум пожал плечами.

— Паррор тоже мог подумать об этом, — продолжал Рафт. — Надеюсь, так и произошло. Но если нет, мы должны его опередить и получить полную уверенность, что устройство, созданное Первой Расой, не представляет опасности.

— Может, ты и прав, — в голосе короля звучало сомнение.

Рафт заговорил быстрее.

— Если наш план удастся, опасность, исходящая от Пламени, будет снята раз и навсегда. Ты будешь полностью контролировать этот источник энергии, и никогда больше над Паитити не нависнет опасность вырождения. Если же ничего не выйдет, мы просто вернемся к положению, в котором находимся сейчас.

— Он прав, — возбужденно поддержала его Жанисса. — Это наш шанс, Дарум. Единственный, если Паррор нас перехитрил. Кроме того, это может дать Паитити постоянную безопасность.

Дарум долго молчал, потом медленно кивнул.

— Хорошо. Я согласен, Жанисса, и передаю это дело в твои руки. А теперь уходите... поговорим позже.

Девушка вывела их из комнаты, в которой вновь погас свет. Когда они проходили по длинному коридору, ведущему от королевских покоев, Рафт услышал тихие звуки музыки.

Иранн. Нужно ли предупредить о ней короля? Возможно. Впрочем, он сомневался, что Дарум поверит ему, и решил поразмыслить об этом позже.

Крэддок дернул его за руку.

— Брайан?

— Что?

— Я не хочу путать твоих планов, но... — он понизил голос до шепота, — ты кое-что забыл. Я совершенно не помню, что Паррор извлек из моей головы. Он сделал это с помощью какой-то машины, но я тогда был в трансе, и ничего не помню.

Шепот Крэддока услышала и Жанисса.

— Хорошо, что ты не сказал это при Даруме, — заметила она. — Впрочем, по-моему, проблема разрешима. Правда, я не знаю, каким аппаратом пользовался Паррор, но все-таки, раз ворота были однажды открыты, в следующий раз они должны открыться легче. Мне кое-что известно о мозге, Крэддок, и я, возможно, справлюсь.

— Мы вытащим это из тебя, — добавил Рафт, — даже если для этого придется пройти курс психоанализа!

Почти так оно и получилось. Рафт, бывало, использовал в своей практике гипноз, и мог помочь Жаниссе, для которой различие разумов могло оказаться непреодолимым. Однако, имея Рафта в качестве учителя, она все-таки извлекала тайну из глубин подсознания Крэддока.

Они отказались от сна, какие-то лекарства, похожие на бензедрин, поддерживали их во время многочасовых опытов. В замке нашлось оборудование и даже ученые, хотя их знания касались, в основном, психологии. Среди людей-кошек развилось множество родственных наук, причем высшего уровня достигли биология и хирургия.

Поиски в подсознании Крэддока напоминали рыбную ловлю в пруду, полном рыб. Часто им случалось вытащить не ту рыбу, однако в конце концов на бумаге, всегда лежавшей наготове под рукой Крэддока, появились первые символы. Валлиец сначала нарисовал линию, заколебался, подправил ее, а потом знак за знаком начал переносить на бумагу то, что видел лишь однажды тридцать лет назад.

— Если бы Паррор не проторил дорогу, мы бы никогда этого не сделали, — сказала Жанисса несколько часов спустя, когда они с Рафтом стояли на балконе, отдыхая после исключительно утомительной серии опытов. Перед ними лениво клубился туман, образуя огромную башню.

Рафт посмотрел на девушку и вспомнил проблему, о которой полушутливо рассуждал не так давно — могут ли скрещиваться между собой два различных вида? Логика уже не казалась ему такой важной, горячая, пульсирующая жизнью Жанисса воздействовала куда сильнее.

Только в последнее время он ближе познакомился с ней. До недавних пор она казалась ему волнующей, полной парадоксов девушкой, в которой можно было заметить лишь несколько черт, присущих роду человеческому. Теперь же, благодаря совместной работе, он лучше понимал ее, хотя одновременно сознавал, что никогда не поймет до конца.

Мягкие линии изящного лица, чудесная кошачья изменчивость, притягивали его сильнее, нежели он готов был признать. Аквамариновые глаза вглядывались в него... Глаза Баст, охраняющей ночи Египта. А ведь она могла быть игривой и веселой, как котенок, и такой же умильной.

Пока они стояли рядом, произошло нечто таинственное. Объятья тут были не нужны, все было гораздо тоньше. Им показалось, что вдруг поднялась вуаль, разделявшая их до сих пор.

Его рука робко поднялась и коснулась ладони девушки, взгляды их блуждали над пропастью Доирады, устремляясь к видневшимся вдали колоннам гигантских деревьев, подпирающих небо Паитити.

«Только здесь, на этой земле, затерянной в пространстве и времени, я мог встретить Жаниссу», — мелькнуло в голове у Рафта.

Оба они молчали, слова были лишними. Держась за руки, они стояли, впитывая ощущение близости, и лишь голос Крэддока, желавшего продолжить работу, вернул их к действительности.

Что же могло обуздать эту страшную силу — огонь, способный зажигать гигантские солнца? Цепь, связывающая Фенрира-волка? Чем вообще было Пламя?

Этого они не знали. Впрочем, точно так же люди не знают, что такое электричество, и все-таки справляются с ним благодаря проводам, покрытым изоляцией. Им тоже требовалось что-то вроде изоляции, но не только. Нужно было еще разбудить Пламя, причем безопасным способом.

Реализовать это было непросто. Прежде всего, следовало извлечь из подсознания Крэддока последние фрагменты утраченной записи. Раз за разом гипноз открывал все новые воспоминания и все больше таинственных символов покрывало страницы блокнота. Жанисса могла их прочесть, поскольку ее собственный язык развился из того же источника, подобно тому как цивилизация людей-кошек зиждилась на культуре Первой Расы.

Местные ученые оказались весьма полезны, особенно при разрешении семантических проблем. Правда, Рафт превосходно знал диалект индейцев, однако не мог справиться со сложностями высокоразвитого языка Жаниссы. Поэтому бывало, что она не могла объяснить ему некоторые символы. Тогда к работе подключался, скажем, химик и рисовал чертеж, электрохимические уравнения или схему соединений атомов, пока Рафт не начинал понимать их значение.

Не будучи инженером, он не сумел бы создать устройство только своими силами. Впрочем, как и Жанисса. Однако участие человеческой науки было неоценимо, если говорить о свежем взгляде на проблему. Это проявилось, например, в анализе действия амулета.

— Когда вращаешь этот камень, метаболизм замедляется. — Рафт продемонстрировал открытую им закономерность. — Это значит, что часть излучения плавно блокируется. Но чем?

— Возможно, металлом? — предположил физик. — Это

похоже на сплав хрома, может, присутствует еще и ванадий. Надо проверить.

Хотя последние фрагменты древней записи уже были извлечены из памяти Крэддока, проблем хватало. Во времена господства Первой Расы в долине имелось множество элементов, чьи залежи теперь были полностью выработаны.

Оказалось, что решение заключалось не только в материале, использованном для оправы амулета, но еще и в необычайно сложной структуре сплава, что в сумме давало превосходный механизм усиления энергии, расходящейся от источника излучения — а источником этим была заключенная в кристалле искра. При ближайшем изучении сам кристалл оказался обычным кварцем, однако никто не мог сказать, каким образом внутри него оказался разбуженный атом.

Итак, тайна заключалась в сложной композиции различных сплавов, способной поглотить излучаемую кристаллом энергию. Часть этих знаний они получили во время гипнотических сеансов с Крэддоком, остальное явилось результатом кропотливого анализа. Зная теперь все, они оказались в тупике.

Они узнали, какие элементы им требуются, но не могли их раздобыть, поскольку ресурсы Паитити были давно исчерпаны.

Вот тогда-то и возникли условия, в которых человеческая культура смогла в полной мере продемонстрировать, чего она стоит. Рафт рассмотрел все возможности и нашел очень простой выход. Отправляясь в Паитити, он нес в рюкзаке массу всякой всячины: лекарства, медицинские инструменты, консервы в небольших оцинкованных банках. А были еще и личные вещи его и Крэддока.

Часы дали им платину — основной элемент, необходимый для успеха. Цинк они добыли из банок, оружие — ценный источник нужных металлов разобрали буквально по кусочкам.

Лаборатория быстро провела анализ сокровища, очистила его и создала новые сплавы. Получив наконец все нужные материалы, они могли браться за дело.

Готовый прибор был невелик. Воссозданная документация точно описывала его размеры. Она стояла на треноге, доходящей Рафту до груди — удивительно простая конструкция из кварца, металла и замысловато изогнутых полых трубок. На вершине ее размещался погруженный в ртуть предохранитель. Эта невинно выглядевшая трубка длиной в один фут таила в себе достаточно мощи, чтобы сдержать не-

вероятное излучение, которое должна была создавать остальная часть устройства.

— Паррор обречен на неудачу, — сказал Рафт. — Ведь этих сплавов нет в Паитити. Кроме того, он не сможет создать предохранитель, и должен понимать, что без него эксперимент будет слишком опасным.

Жанисса была осторожнее в суждениях.

— Паррор очень самоуверен, он попытается заменить недостающие элементы другими. Я чувствую, Брайан, нам нужно поскорее опробовать наше устройство.

Начало эксперимента не особо впечатляло. Чтобы уменьшить опасность до минимума, машину снабдили дистанционным управлением. Даже заключенная в амулете малая частица Пламени представляла собой серьезную угрозу.

Рафт вооружился биноклем, чтобы наблюдать за амулетом: тот лежал на поросшей мхом земле в пятистах футах от него. Оглядев столпившихся вокруг людей — Крэддока, Жаниссу и множество ученых — он, мысленно помолившись, включил усиление. Ничего не произошло — и машина, и амулет выглядели так же, как прежде.

— Получает ли искра энергию? — прошептала Жанисса.

— Это должно ее возбудить, — ответил Рафт, передвигая ручку регулятора.

Стрелка отклонилась далеко вправо. Из амулета вырвался луч света, и в ту же секунду мох в радиусе ста футов от него буквально ожил! Видно было, как отдельные растения выгибаются и ползут, разрастаясь с невероятной скоростью — все благодаря излучению разбуженной искры.

Рафт поспешно увернул регулятор и улыбнулся. Машина работала! Теперь оставалось только проверить, сможет ли она справиться со всем Пламенем. Рафт был уверен, что сможет, поскольку сила его с помощью индукции будет направлена против него самого.

Но опасность подступила раньше.

Глава 13

Крылатые демоны

Проснувшись, Брайан Рафт увидел над собой лицо Жаниссы. Лампа, которую держала девушка, бросала вокруг мрачные тени.

— Брайан!

Он заморгал.

— Что случилось, Жанисса?

— Это Паррор, — ответила она. — Я установила контакт с его разумом. Он уже отправился на поиски Пламени.

Рафт оцепенел.

— О боже! Ты уверена?

Девушка кивнула, глаза ее потемнели от страха.

— Его защита на секунду исчезла. Я как раз вглядывалась в зеркало, и вдруг уловила его мысли. Он идет к Пламени тайным проходом. Хочет его разбудить.

— Где он сейчас?

— Где-то в лесу, я точно не знаю. Я видела лишь тайный ход, к которому он направляется. Брайан, мы должны его остановить!

— Остановим, — заверил Рафт. — Разбуди Крэддока, а потом пойдем к королю.

Жанисса выскользнула из комнаты, и Рафт поспешно оделся. Мозг его напряженно работал. Такое развитие событий невозможно было предугадать, и все же он чувствовал себя виноватым. Паррор, вероятно, уже собрал машину, но без материалов, отсутствующих в Паитити, ее действие было непредсказуемым. Если Паррор разбудит Пламя, скорее всего, погибнут все.

Втроем они направились к покоям Дарума. Несмотря на глубокую ночь, у дверей дежурил Ванн. Он удивленно уставился на них, хотя лицо его и не изменило прежнего выражения. Узнав о причине такого позднего визита, воин позволил им войти.

— Но на всякий случай я тоже пойду с вами, — заметил он, догоняя их в коридоре. — Слишком много бывало здесь убийств.

Комнату Дарума освещали слабые светильники. Король спал среди подушек на возвышении, и проснулся, как только они вошли. Сунув руку под подушку, он тут же вынул ее обратно, и в полумраке сверкнул длинный кинжал. Дарум молча смотрел на вошедших.

— Оружие не понадобится, — буркнул Рафт. — Достаточно того, что Паррор создал свое устройство и теперь хочет его использовать.

— Паррор? — Дарум опустил клинок. — Ты хочешь сказать... Пламя?

— Расскажи ему, Жанисса.

Девушка быстро описала последние события. Король с сомнением нахмурился.

— Так вы говорите, его машина не будет действовать?

— Она будет работать, но без предохранителя уничто-

жит все, — объяснил Рафт. — Наш единственный шанс — добраться до Пламени раньше него. Если даже мы не успеем, с нами все равно будет наш аппарат, и возможно, нам удастся обуздать Пламя, прежде чем окажется поздно.

— Мне приснился странный сон, — медленно начал Дарум. — Как будто я лежу мертвым в этой комнате, а над Паитити висит тень. *Тень*, которую отбрасывает *свет*. Свет жизни. Однако этот свет не может вернуть мне мою жизнь, поскольку умеет лишь уничтожать. Интересно, сбудется ли это видение.

Голос его стал странным, далеким, словно воспоминание о сне вновь погрузило его в видения.

— Сон был правдив, по крайней мере в том, что касается надвигающейся тени, — заметила Жанисса. — Если не остановить Паррора, всех нас ждет смерть.

— Смерть!.. — пробормотал король и можно было подумать, что из всей фразы девушки он услышал лишь это слово. — Смерть.

Рафт уловил что-то знакомое в звуке мягкого, глубокого голоса. Однажды он уже слышал его у Дарума. Если безумие охватит короля именно сейчас, в момент, когда требуется точно мыслить и решительно действовать, может произойти непоправимое.

— Паррор достигнет Пламени раньше вас, — монотонно произнес Дарум. — Это все, что я вижу. — Он опустил голову, потом вдруг закрыл лицо ладонями. — Больше я не вижу ничего, — прозвучал его сдавленный шепот. — Смерть, смерть в моем сне! Эта комната полна смерти!

Голос его стал диким, в резких словах владыки таилось безумие, и все же они звучали убедительно, словно он был уверен, что говорит правду.

— Смерть рядом со мной, — простонал он. — Слишком много смерти для одного человека. Я умру не один. Жанисса, Крэддок, Рафт! Вам не справиться с Пламенем. Вы потерпите поражение и навлечете гибель на всех нас. Так должно быть, ибо я чувствую дыхание смерти.

Рафт содрогнулся. В словах короля слышалась абсолютная уверенность. Уверенность и безумие.

— Смерть над всем Паитити! — воскликнул Дарум, поднимая вверх лицо, на котором дико блестели ничего не видящие глаза.

Неожиданно этот возглас подхватили дрожащие струны где-то за портьерой позади него. Если музыка могла выражать слова, то эта несла в себе угрозу. Ее смысл был так же ясен, как внезапный блеск обнаженного клинка.

Портьера раздвинулась, показалась закутанная в вуаль Иранн, пальцы ее нависали над еще звучащими струнами. Лишенная лица, укрытая вуалью, она выглядела как парка, готовая перерезать нить жизни Дарума.

На мгновение все замерли. Зал наполнило ощущение гибели, о которой только что вещал безумный голос Дарума. В это мгновение даже Крэддок и Рафт верили, что у них нет шансов уцелеть. Безумие короля заразило их.

То, что произошло потом, понимал только Рафт. Только он знал, что творилось в мрачной душе Иранн. Смерть нависла над Замком Доирада и всем известным ей миром — об этом сказал король, и все поверили ему. А она уже очень давно жаждала мести. Пламя могло отнять у нее месть, и потому она спешила.

Струны арфы издали последний дикий крик, а затем та же рука, что мгновение назад извлекла аккорд, откинула инструмент в сторону, так что он с громким стоном разбился об пол.

Быстро и ловко женщина метнулась к королевскому ложу. Между складок одежд показалась белая рука, молниеносно схватившая оставленный королем кинжал, а затем Иранн устремилась вперед, размахивая клинком, словно косой.

Дарум был совершенно беззащитен. Он попытался встать, уклониться от кинжала, но запутался в предательских шелках и сумел лишь изогнуть тело так, что первый удар скользнул по ребрам, оставив широкую рану. Иранн молча занесла нож для смертельного удара.

И в это мгновение ее настиг Рафт.

Он почувствовал, как в тисках его захвата тело девушки изогнулось дугой с отчаянной силой, запомнившейся ему по их первому столкновению в этом же зале. Когда закрытое вуалью лицо обратилось к нему, Рафт испугался.

Она атаковала неожиданно, с истинно кошачьей яростью, и отчаянным усилием сумела вырваться. По-прежнему с кинжалом в руке Иранн отскочила назад, искалеченное лицо повернулось к королю.

Дарум был уже на ногах и настороженно следил за девушкой. Ее шанс был упущен, и она знала об этом. Они видели, как постепенно энергия покидала ее прекрасное, окутанное серой дымкой тело. В напряженной тишине, повисшей в комнате, прозвучал ее глубокий вздох.

Потом она быстро повернулась, таща за собой одежды, похожие на полосы дыма, и по самую рукоять вонзила кинжал в свое сердце!

Все замерли, молча глядя, как она опускается на пол. В том месте, где кинжал пришпилил серую вуаль к телу, медленно расплывалось красное пятно.

Дарум обогнул Рафта и опустился на колени возле Иранн. Ладонь его потянулась к невидимому под вуалью лицу девушки, но не коснулась прозрачной сеточки.

— Иранн? — воскликнул он. — Иранн?!

Она не двигалась, а красное пятно все ширилось.

Пальцы Дарума коснулись торчащего из ее груди кинжала. Он постоял немного на коленях, гладя оружие, словно это была сама Иранн, потом ухватился за рукоять.

Вырвав клинок, разбрызгивая вокруг пурпурные капли, он нечеловечески плавным движением поднялся и встал напротив Рафта. Губы его раздвинулись, обнажая острые зубы, а в глазах вспыхнул огонь чистого безумия. Король поднял клинок, и с него на ковер широкой дугой полетели красные капли.

Рафт стоял неподвижно, лишь в голове его клубились мысли. Он был слишком близко от короля и без оружия. Избегнуть удара было бы невозможно, разве что броситься на Дарума, но Рафт нисколько не сомневался, кто из них сильнее. Стройное кошачье тело таило в себе невероятную мощь, а безумие еще и усиливало ее.

— Ты спас мне жизнь, — голос короля напоминал хриплое рычание. — Ты встал между нами! Ты направил кинжал в ее грудь так же точно, как если бы твоя рука сжимала клинок. Думаешь, теперь жизнь имеет для меня какую-то ценность? — Лицо короля дергалось от нечеловеческой ярости. — Ах ты, обезьяна!

Дарум взмахнул кинжалом, но из-за спины Рафта метнулся тонкий ослепительный луч и погас, достигнув королевского горла. Дарум склонился вперед, с трудом сделал еще один шаг, пытаясь удержать занесенный над головой кинжал...

Вдруг силы оставили его, и он мягко опустился на шелка, словно и сам был куском ткани. Выпустив из рук кинжал, он потянулся к шее и вырвал торчащую из нее рапиру. Из раны и изо рта хлынула кровь.

— Ванн, — прохрипел он и закашлялся. — Ванн... Мы сражались с тобой прежде, но не таким же образом!

— Я служил тебе, Дарум, — угрюмо ответил Ванн. — Но прежде всего я служу Паитити. Иранн не стоила любви.

— Она была так красива, — прошептал король. — И не могла перенести мысли о том, что умрет вместе со всем Паитити... прежде, чем успеет убить меня. Она всегда ненави-

дела меня. А... а... — Он попытался откашлянуть заливающую горло кровь.

Приподнявшись на руках, Дарум подтянулся на несколько футов вперед и нежно погладил плечо мертвой девушки. Ее арфа лежала там, где упала, неподвижные пальцы почти касались ее. Король тронул струны, наполнив тихую комнату печальным звуком.

— Я уничтожил бы Паитити, — произнес Дарум. — Скорее я уничтожил бы весь мир, чем причинил бы тебе вред. Ты была так красива...

Голова короля упала на тело Иранн, тигриные глаза закрылись, рука нашла и стиснула ладонь девушки.

Их кровь смешалась.

Красный ручеек тек все медленнее и наконец остановился.

Ванн застыл, плечи его поникли.

— Идите, пока есть еще время, — сказал он. — Я сделал это, чтобы спасти Паитити, но теперь не уверен, то ли горло пронзила моя сталь.

— Ванн! — воскликнула Жанисса.

— Уведи их отсюда, Жанисса. Пусть эти люди из иного мира уйдут из покоев короля. Пусть остановят Паррора, если сумеют.

— Паррор... — прошептал Крэддок и коснулся плеча Рафта. — Нам нужно спешить.

— Да, — почти неслышно подтвердил Рафт.

Он повернулся и направился к выходу. Последние события состарили его, а по щекам мелкими каплями стекал пот.

Оказавшись снаружи, они больше не вспоминали о короле.

— Нам придется забрать машину с собой, — заметил Рафт. — Она невелика, так что как-нибудь справимся. Однако понадобятся ремни.

Они подобрали подходящие ленты шелка и закрепили устройство на спине Рафта. Благодаря легким сплавам, оно весило меньше, чем можно было ожидать. Это обстоятельство весьма им помогло, потому что позволяло идти быстро.

Молча покинули они затененный на время сна замок, а снаружи их встретил холодный свет Паитити.

— Мы забыли оружие, — сказал Крэддок.

— Теперь уже слишком поздно, — ответил Рафт. — Веди нас, Жанисса. Тебе известен тайный проход к Пламени?

— Думаю, что смогу его найти. Мысли Паррора были очень четкими. Но нас ждет долгий путь.

Впрочем, он оказался короче, чем они думали. Вместо

того, чтобы идти к замку Паррора, они повернули к охраняющему Паитити скальному барьеру. Чтобы дойти до него, понадобилось четыре часа форсированного марша, а затем они стали терять время, потому что Жанисса никак не могла найти замаскированный вход.

— Мы в руинах, принадлежащих Первой Расе, — сказала она. — Где-то здесь должна быть двойная колонна. Паррор думал о ней, когда я установила с ним контакт.

Рафт молча вытянул руку. Жанисса вскрикнула, подбежала и принялась ощупывать камень в поисках замка.

Неожиданно в сплошном камне открылся овальный вход.

Рафт оглянулся, посмотрев на пройденный путь.

— Ни следа Паррора. Он может оказаться и впереди и сзади — скоро мы это узнаем. — Следом за Жаниссой и Крэддоком он исчез в отверстии, и дверь закрылась за его спиной.

Вопреки ожиданиям, темнота не была полной. Холодное белое свечение шло от стен, потолка и даже от гладкого пола. Туннель резко поднимался, а царившая в нем тишина была настолько полной, что Рафт слышал биение собственного сердца.

— Пошли, — сказал он, снова взваливая машину на спину.

Проход в скале вел в пещеру Пламени. Он оказался не очень длинным, но по дороге им встретилась еще одна пещера.

Туннель закрывала овальная дверь. Жанисса без труда открыла ее, однако не решилась переступить порог. Рафт увидел, как она неуверенно остановилась, потом попятилась. Не понимая, в чем дело, он налетел на стоявшего ближе Крэддока.

— Что случилось? — спросил Рафт.

Жанисса молчала.

— Первая Раса, — произнес Крэддок глухо. — Первая Раса.

Они оказались на пороге пещеры, которую Рафт видел, когда шел в Паитити. Болезненный фиолетовый свет заливал свисающие со свода сталактиты, отражался от леса стройных сталагмитов. Высоко вверху, изгибаясь под невероятным углом, тянулась презирающая гравитацию почти прозрачная труба невидимой дороги. Заметить ее можно было лишь благодаря ордам облепивших ее существ, которые, казалось, пытались разрушить стеклянистую преграду.

Чудовища!

Правда, Рафт уже видел их прежде, но лишь издалека

и не очень отчетливо. Сейчас же у него перехватило горло от омерзения.

Перепончатокрылые существа с невероятно деформированными лицами метались по пещере, купающейся в фиолетовом свете. Они были потомками Первой Расы — могучей цивилизации, некогда воздвигнувшей гордые замки Паитити.

Но потом она пришла в упадок, сосредоточившись лишь в этом жутком месте.

Губительное излучение, безумствующее над Паитити, когда Пламя ослабело, превратило их в расу демонов. Трудно было найти двух похожих тварей. У некоторых были большие крылья, как у летучих мышей, тогда как другие неуклюже подскакивали, с трудом передвигая свои толстые блестящие тела среди сталагмитов. Встречались среди них карлики и гиганты, а также создания с огромными птичьими лапами.

И это чудовищное место пересекала тропа, по которой они шли — слабо поблескивающая белизной полоса, обрывающаяся у противоположной стены, перед овальной плитой, несомненно, прикрывающей проход.

— И нам нужно туда попасть? — спросил Крэддок.

Рафт посмотрел на Жаниссу. Она была бледна, но уже успела взять себя в руки и вышла из-под защиты туннеля в пещеру.

— Мы добежим туда, — решил Рафт. — Если сумеем добраться до тех дверей, будем спасены.

Подгоняемые страхом, они помчались через пещеру, а вокруг них сонмы ужасных тварей, словно вышедших из ночного кошмара, подпрыгивали, ползали и били крыльями, вызывая у людей видения мощных черных когтей, разрывающих их плоть.

Чудовища забеспокоились. Видно было, что их заинтересовали бегущие люди. Краем глаза Рафт заметил растущее с каждой секундой сборище теней, однако люди уже успели преодолеть более половины пути, и с каждым мгновением росли шансы на то, что они смогут добежать до двери прежде, чем чудовища решат взглянуть на них поближе.

Однако Рафт не учел в своих расчетах тварей, обладающих крыльями. Сильный удар в спину швырнул его на колени. Оглянувшись, Жанисса заметила это и, вскрикнув, бросилась ему на помощь, но дьявольская тварь, покрытая чешуей и с рогами, как у средневекового демона, настигла ее на полпути и обхватила кривыми лапами.

Рафт поднялся и, ругаясь на чем свет стоит, кинулся впе-

ред, совершенно не обращая внимания на чудовище, вцепившееся ему в спину. Ударив кулаком прямо в дьявольскую харю, он отшвырнул существо, и оно пронзительно запищало.

Это оказалось сигналом, и со всех сторон на пришельцев накинулись демоны Паитити. Рафт упал, придавленный тяжестью смердящих тел. Кулаки его били по мягким телам, то и дело звучали жалобные вибрирующие вопли.

Невыносимая вонь мешала дышать, прикосновения чудовищ заставляли содрогаться от омерзения. Ему казалось, он сражается не с живыми существами, а с трупами, в которые кто-то вдохнул жалкую искру жизни.

Подбежал Крэддок, размахивая обломком сталактита, словно копьем. Тяжесть, давившая на спину Рафта, исчезла. Шатаясь, он вскочил на ноги и осмотрелся в поисках Жаниссы.

На нее наседала толпа чудовищ.

У Рафта еще хватило здравого смысла вооружиться каменным копьем, прежде чем он бросился ей на помощь. Выродившиеся существа в течение многих поколений скрещивались друг с другом, поэтому физически были слабы. Однако на их стороне было огромное численное превосходство, и Рафт понимал, что хватит одной массы их тел, чтобы раздавить его и вмять в землю. Дико взревев, он бросился в вихрь схватки, тыча во все стороны импровизированным копьем.

Он чувствовал, как его острие разрывает плоть, и вскоре вопли тварей зазвучали с удвоенной силой. Волна врагов, дерущихся с крысиной ожесточенностью, захлестнула его. Падая на спину, он до последней секунды пытался повернуться набок, чтобы сохранить свой бесценный груз, но напрасно.

Послышался грохот — машина разбилась о каменный пол.

Теперь ему оставалось только отчаяние и слепая ненависть, но Рафт не сдавался. Что-то сорвало с его спины остатки аппарата, но он продолжал яростно размахивать обломком сталактита, и наконец очистил немного места.

Когда он поднял голову с трудом переводя дух, то убедился, что во время борьбы они добрались до самой двери. Но хрустящие под ногами осколки стекла и помятые куски металла напомнили ему, что машина, которая должна была спасти Паитити, безвозвратно уничтожена.

Уцелел лишь цилиндр из полированного металла — предохранитель, контролирующий устройство, стимулирующее пробуждение энергии. Рафт поднял его и сунул за пояс.

— Брайан! — донесся сквозь визг чудовищ зов Крэддока. — Сюда!

Рафт поднял свое копье и направился к нему. Чудовища уже успели оценить опасность, таившуюся в остром обломке камня, поэтому торопливо уступали ему дорогу. Жанисса была с Крэддоком, она стояла плечом к плечу с Крэддоком и на первый взгляд была цела. Девушка была в ярости и размахивала руками, как разозленная кошка.

— Дверь, — напомнил Рафт. — Открой дверь, Жанисса.

Он проложил ей дорогу, заливая все вокруг кровью. Самая большая опасность грозила с воздуха. Несколько раз Рафт лишь в последний момент успевал поднять вверх свое оружие, чтобы раскроить тело нападающего демона. Он сражался в угрюмом молчании, видя лишь ужасающие дьявольские маски, таращившиеся на него. После его ударов, их заливало кровью, а потом они со стонами падали на пол.

— Брайан! — позвала Жанисса. — Дверь!

С удивлением увидел он открытый проход. Крэддок с развевающимися белыми волосами торопливо исчез в отверстии. Они помчались за ним и почти одновременно ворвались в дверь.

Едва держась на ногах, люди переступили порог, и Рафт повернулся, чтобы сдержать напор бестий, но Жанисса в ту же секунду вытянула руку.

Овальная дверь бесшумно встала на свое место, отрезав их от пещеры.

— Они уничтожили нашу машину, — мрачно сообщил Рафт.

Глава 14

Выбор Рафта

Крэддок возбужденно сопел, но лицо его выражало усталость и слабость.

— Ты спас предохранитель, — сказал он. — Может, этого хватит. Если машина Паррора — двойник нашей, тогда у нас еще есть шанс.

— Возможно, если этот тип не полный идиот, — ответил Рафт. — Но еще лучше, если мы остановим его прежде, чем он разбудит Пламя. — Он рассмеялся от вдруг пришедшей ему в голову мысли. — Паррор, вероятно, не перед нами, а позади. Если он будет проходить через эту пещеру, скорее всего, и его аппарат разобьют.

— Если он не знает другой дороги, — трезво заметила Жанисса. Пытаясь привести в порядок растрепанную одежду, она разглаживала ее мягкими кошачьими движениями.

Внезапно воздух вокруг них дрогнул, а по телам прошла горячая, пульсирующая жизнью вибрация. Издали донесся протяжный грохот, и вновь воцарилась тишина.

Жанисса обратила к Рафту побледневшее лицо и развела руки в жесте бессильного отчаяния.

— Это Пламя! — воскликнула она. — Оно пробуждается!

Рафт выругался и бросился вперед. Жанисса и Крэддок — по пятам за ним. Они не могли проиграть сейчас, когда были так близко от своей цели. Туннель, казалось, растягивался на мили.

Вдали появился выход, но прежде, чем они до него добрались, еще дважды прокатилась грозная дрожь, а за ней — раскаты грома. С каждым разом дрожь становилась все сильнее, с каждым разом пульс пробуждающейся жизни звучал отчетливее.

Жанисса ненадолго замерла у двери, но наконец нашла замок, и плита исчезла в стене.

Все трое выбежали на небольшую скальную террасу, с которой плавный спуск вел вниз к... чему?

Было темно, слишком темно, чтобы разглядеть подробности. Казалось, и вверх и вниз тянется бесконечная пустота.

А потом они заметили свет. Слишком слабый или слишком далекий, чтобы проявиться чем-то большим, чем слабое сияние. Рафт перегнулся через перила и уставился вниз, на самое дно мира, в бесконечную пропасть, где мерцала слабая искра света.

Чувство, охватившее Рафта, не имело ничего общего с головокружением. Его захлестнул страх — чистый, глубокий и беспричинный. Чувство это было хорошо знакомо ему.

Когда-то на Мадагаскаре ему пришлось пройти через комнату, полную спящих воинов. Малейший шум, одно неверное движение означали бы смертельный удар копьем. Рафт знал, что вот-вот кто-то проснется, он ощущал это каждой клеточкой своего тела, каждым сантиметром кожи.

Сейчас было что-то похожее. Там, внизу, где сиял свет, таилось что-то настолько животворное, что Рафту казалось, будто он стоит на огромной ладони великана.

И еще одно. Это место напоминало ему то ли джунгли, то ли образующую джунгли жизнь. Душные плодородные леса Амазонии, ревущие реки, всю эту буйную, даже пугающую жизнь, кишащую в зеленой, влажной жаре тропиков.

Слепую, отвратительную и голодную. Там, в бездне, пробуждалась энергия, ярившаяся некогда в центре огромной туманности, разрушитель и творец — К У Р У П У Р И!

— Пламя пока спит, — прошептала Жанисса.

Однако, прежде чем она закончила эту фразу, из бездны хлынул свет. Низкий, на самом пределе слышимости, звук стал глубже и усилился, превратившись в невыносимый грохот, в оглушительный рев, сопровождавший рождение бога.

Из пропасти, уходящей к центру мира, с самого ее дна, поднялось Пламя.

Оно разрасталось и тянулось вверх — копье, башня, гора чистейшего сияния, пылающая с ошеломляющей силой. Оно было сущностью жизни, и Рафт чувствовал, как все его тело стремится к растущему столбу света.

Разум тоже жаждал его, душа изо всех сил рвалась за перила.

Грохот отразился от стен пещеры. Пламя набирало силу, становилось сиянием, превосходящим все мыслимое, пульсирующим жаждой, обезумевшим от экстатической радости жизни.

У его основания Рафт заметил темную фигуру человека, склонившуюся над удивительно знакомой конструкцией.

Паррор! И машина, которую он построил по указаниям Первой Расы.

Рафт помчался вниз по спуску, молясь, чтобы не было слишком поздно. Эта страшная сила ничем не контролировалась. Паррор, ослепленный своим эгоизмом, мог не видеть угрозы, но Рафт знал, что Пламя просыпалось безо всякого надзора.

Искра в амулете вела себя иначе.

Галактическая мощь, свободно гуляющая по Паитити, а может, и по всей Земле!

Он бежал вниз, видя нарастающее свечение. Пламя обрело божественную силу, потом начало угасать. Колонна света неохотно опала вглубь пропасти, громыхание стихло.

Рафт был уже на стеклянистом, прозрачном дне пещеры. Посмотрев себе под ноги, он покачнулся от внезапного головокружения: без видимой опоры он висел над бездной, берущей начало в пылающем центре Земли.

Рафт бросился к Паррору, а тот выбежал ему навстречу.

Свет, идущий снизу, покрыл его лицо удивительными тенями. Рука его была вооружена когтистой перчаткой, а когда он подошел ближе, стало слышно тихое рычание.

Рафт с удовольствием прикончил бы его, но обуздание

Пламени было сейчас гораздо важнее. Остановившись, он вытащил из-за пояса предохранитель.

— Паррор! Твоей машиной невозможно управлять. Ей не хватает вот этого.

Паррор даже не слушал его, он рвался вперед, сжигаемый безумной жаждой крови, неудержимый в демонической ярости, такую вспышку Рафт уже видел у него однажды. Расставив пальцы, вооруженные стальными когтями, он ударил, целясь в лицо Рафта.

На этот раз Рафт не успел увернуться, и коготь разорвал ему щеку, оставив глубокую рану и причинив жгучую боль. Предохранитель выпал из рук.

Он попытался схватить Паррора, но гибкое тело все время оставалось вне пределов досягаемости. Когти ударили еще раз, и еще. Страшная боль пронзила грудь и бок. Рафт неистово размахивал руками, но Паррор ловко уклонялся от его ударов.

Вновь загромыхало, свет внизу усилился.

Радостно взревев, Пламя вырвалось из оков! Языки огня взметнулись вверх, словно стараясь достичь своей звездной колыбели.

Снова сверкнули когти.

Рафт почувствовал вонзившееся в глаз острие, и поле его зрения резко сузилось. Полуослепший, с разодранной до кости щекой и почти оторванным носом, он безуспешно пытался достать неуловимого врага.

Жанисса бросилась между ними. Паррор сжал кулак и ударил ее в челюсть. Девушка отлетела назад, упала на прозрачный пол и замерла.

— Это ты научил меня, Рафт, — рявкнул Паррор.

Рафт изрыгал страшные проклятия. Если бы только он мог добраться до этого усмехающегося дьявола, если бы мог сжать пальцы на его шее!

Сияние Пламени ослепляло, все пространство пещеры заполнили неистовые молнии. На этот раз звездный огонь не собирался отступать.

Он поднимался все выше и выше — любопытный и радостный — просыпался к жизни, непонятной для людей!

Внезапно Рафт с удивлением понял, что вновь видит двумя глазами. Боль прошла совсем, рана перестала кровоточить. Паррор в недоумении уставился на противника.

Рафта излечило излучение Пламени. Под его влиянием живая ткань регенерировала с чудесной быстротой. Жизнь шла быстрее.

Позади что-то кричал Крэддок. Сквозь непрерывный

грохот Рафт уловил лишь несколько слов, но, повернувшись, увидел, что валлиец бежит к машине. В руке он держал цилиндр предохранителя.

Рафт так никогда и не узнал, что собирался сделать Паррор. Резко повернувшись, человек-кот злобно крикнул что-то и шагнул в сторону Крэддока.

Он сделал всего один шаг, потому что в следующее мгновение его настиг Рафт.

Задача его была нелегкой. Рафт никогда не боролся с ягуарами, но теперь ему предоставилась такая возможность. Переполняющая Паррора безумная ярость превращала его в дикого зверя, зеленые глаза полыхали ненавистью и жаждой крови. Тяжело дыша, сплетясь в беспощадном поединке, оба рухнули на пол.

Пламя поднялось еще выше. Каждый раскат грома отзывался болезненным эхом в голове Рафта, в мозгу его пылал межзвездный огонь, не дающий тени.

Когти рвали его лицо, но раны тут же заживали.

Рафт, охваченный жаждой убийства не менее Паррора, собрал все свои силы и поднялся на колени. На долгую, кровавую секунду во всем мире не осталось ничего, кроме испачканной красным перчатки.

Схватив руку Паррора приемом дзюдо, Рафт с неистовым наслаждением сломал ее и несколько секунд подержал неподвижно. Этого хватило, чтобы мощь Пламени срастила кости и ткани, но теперь рука Паррора торчала в сторону под неестественным углом.

И все-таки он продолжал сражаться, помогая себе зубами, ногтями и ногами, хотя пальцы Рафта стискивали его горло. Не обращая внимания ни на что, он дрался с ожесточением, присущим его виду, до тех пор, пока его тело не изуродовали настолько, что даже само Пламя оказалось не в состоянии вернуть его к жизни.

Рафт огляделся по сторонам.

В дальнем конце пещеры, опасно близко к основанию Пламени, стояла на треноге машина, а Крэддок, двигаясь с трудом, словно шел против сильного ветра, медленно приближался к ней.

Крэддок?

При виде этого человека Рафт невольно затаил дыхание. Он менялся буквально на глазах, и Рафту вспомнились его искалеченные ладони и сила, уничтожившая их — та самая звездорожденная энергия, гремевшая сейчас в пещере в экстазе пробуждающегося сознания.

Крэддок продолжал стискивать предохранитель.

Вскочив, Рафт бросился за ним следом, однако расстояние было слишком велико. Существо, приближающееся к машине, выглядело совершенно фантастически.

Это не был Крэддок. Это вообще уже не было человеком.

Живое тело кипело, непрерывно изменялось, послушное чудовищной силе, способной создавать вселенные. Вскоре уже что-то нечеловеческое медленно ползло прямо на источник излучения.

И все-таки оно не забыло о своей цели. Существо подошло к машине и поставило предохранитель на место, а рядом с ним рычал Курупури, с яростью стихии изливая из пропасти каскады пламени. Мощь галактик являла свою силу.

Еще мгновение — и гром стих.

Пламя вздрогнуло раз, другой и вдруг съежилось. Почти с человеческим вздохом огонь жизни слабел и исчезал в бездне жуткой пропасти.

Вскоре далеко внизу сияла лишь слабая искра света — остаток неугасимого огня.

Огонь, шедший со звезд, был покорен.

Он был заперт и обуздан... телом, в которое когда-то давно сам вдохнул жизнь...

Жанисса шевельнулась, в глазах у нее родился страх. С помощью Рафта она поднялась на ноги, осмотрелась. Потом повернулась к мужчине.

— Все кончилось, Жанисса, — сказал он. — Пламя уснуло.

— Машина работает?

— Да. Паррору удалось создать дубликат, в нем не было только предохранителя. Как только Крэддок установил его, все пришло в норму.

— А что с Крэддоком?

— Он мертв, — тихо произнес Рафт. — Думаю, он должен был умереть. Человек, когда-то разбудивший Пламя, умер, чтобы теперь подавить его. Но опасность больше не вернется.

Девушка молча смотрела на него.

— Нужна была именно такая машина, — продолжал Рафт. — Первая Раса была права. Если бы они не тянули так долго с ее созданием, то никогда не превратились бы в чудовищ. Как бы то ни было, Пламя будет гореть и посылать свои лучи всегда. И всегда в нормальном темпе.

— В нормальном?

Рафт кивнул.

— Я несколько изменил масштаб, поставил указатель не на критическую точку, а так, чтобы метаболизм в Паитити

имел ту же скорость, что и в моем мире. Барьера больше нет, талисманы стали не нужны.

— И я смогу жить в твоем мире?

— Твой мир или мой, Жанисса, — подтвердил он. — Можешь выбирать.

Впрочем, она уже выбрала, так же, как и Рафт. Решение было принято давно, когда он впервые увидел ее лицо в небольшом зеркальце. Сквозь мили глухомани она влекла его к затерянной стране, где тлело явившееся из бесконечности Пламя. Честно говоря, у него и не было иного выбора. Проблемы, которые несет с собой будущее, он постарается как-нибудь разрешить.

— Нам незачем возвращаться через пещеру чудовищ, — сказала девушка. — На невидимую дорогу мы можем выйти прямо отсюда.

Их губы встретились.

В голове Рафта билась одна мысль: «Мой мир покажется тебе странным, Жанисса, но я сделаю все, чтобы ты была счастлива. Уверен, что сумею это сделать, потому что люблю тебя.

Но не будешь ли ты порой оглядываться и вспоминать? Забудешь ли ты Паитити, огромные деревья, подпирающие небо? Забудешь ли замок над пропастью Доирада, где в воздухе всегда висит водяная пыль?

Взволнует ли твою кровь наследие ягуара, Жанисса, вызовет ли оно воспоминания, которых я не смогу с тобой разделить? Станешь ли ты счастлива в моем мире?»

Он молча позволил девушке вести себя к дороге, уходящей к свободе, где их ждала непредсказуемая судьба. Теплая ладонь Жаниссы коснулась его руки, и сейчас это было достаточным ответом для обоих.

СОДЕРЖАНИЕ

Этот мир — мой!

Этот мир — мой! 7
Идеальный тайник 43
Нарцисс 67
Ex machina 108
Гэллегер Бис 143

Маскарад

Алмазная свинка 187
Самая большая любовь 217
Маскарад 260
Привет от автора 276
Что вам нужно 312
Когда рубится сук 328
Голос омара 356

Долина пламени 389

Литературно-художественное издание

Генри Каттнер

ЭТОТ МИР — МОЙ!

Редактор **С. Ульянов**
Художник **Ю. Лук**
Технический редактор **М. Александров**
Корректор **И. Смердов**

Подписано к печати 01.09.93. Формат 84x108/32. Бумага газетная и книжно-журнальная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.-печ.л. 26,88. Уч.-изд.л. 33,0. Тираж 100 000 экз. Заказ 4178
Цена договорная.

ТОО НПП "Параллель"
603137, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 103, кв. 37

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

